СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

ИЗУЧЕНИЕ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

ИЗУЧЕНИЕ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Ответственные редакторы:
академик Д. Ф. МАРКОВ,
доктор исторических наук В. А. ДЬЯКОВ

«НАУКА»
МОСКВА 1988

ББК 633 (4)
С—47

Авторы:
В. А. ДЬЯКОВ, С. Б. БЕРНШТЕЙН, В. П. ГУДКОВ, Л. П. ЛАПТЕВА,
А. С. МЫЛЬНИКОВ, С. В. СМИРНОВ

Рецензенты:
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК П. А. ДМИТРИЕВ,
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК И. С. ДОСТЯН,
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК Л. С. КИШКИН,
ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК Н. И. ТОЛСТОЙ,
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В. А. ЯКУБСКИЙ

С—47 **Славяноведение в дореволюционной России.** М.: Наука, 1988. — 400 с.
ISBN 5—02—009893—0

Как давно возник интерес к славянству в России? Кто был первым русским исследователем, посвятившим свою жизнь изучению славянских народов? В чем суть концепций панславизма и неославизма? Каковы взгляды славянофилов и западников, народников и социал-демократов на прошлое и будущее славян? На эти и многие другие вопросы вы сможете найти ответ в нашей книге, включающей в себя материалы о изучении истории, этнографии, фольклора, языка, литературы южных и западных славян в России с X в. до 1917 г.

Для историков, филологов, литературоведов.

С $\frac{0504000000-377}{042(02)-88}$ —43—88—I

ББК 633(4)

ISBN 5—02—009893—0

© Издательство «Наука», 1988 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Зарождение и последующее развитие славяноведения, как любой области научного знания, обусловлены в конечном счете объективными факторами материальной и духовной жизни человеческого общества. Постепенное накопление разнообразных знаний о внешнем мире, а затем и использование этих знаний в практической деятельности начались еще в древние времена. Однако знания эти долгое время были эмпирическими: человеческая мысль останавливалась на поверхности явлений, не будучи в состоянии проникнуть в их сущность. Накопление эмпирического материала открыло путь к теоретическому осмыслению предмета исследования, а через него к развитию современной науки. «Наука, — обоснованно замечает Б. М. Кедров, — становится подлинной наукой с того момента, когда открыты первые законы явлений, которые она изучает» [1]. Этот качественный рубеж различные отрасли науки преодолевали не одновременно, однако для большинства из них он приходится на XVII—XVIII вв.[2]

Представления о предмете славяноведения были неодинаковыми на различных этапах его развития и у различных ученых. Авторский коллектив настоящего труда исходит из того, что в славяноведение так или иначе входили и входят славянское языкознание, литературоведение, история (включая историю общественной мысли, культуры и права), а также искусствоведение, фольклористика, этнография славянских народов. В России первой половины XIX в. славистический комплекс фактически образовывал единую науку; в настоящее время наше отечественное славяноведение является совокупностью взаимосвязанных друг с другом самостоятельных научных дисциплин [3]. Каждая из славяноведческих дисциплин остается частью соответствующей науки, учитывает ее выводы и обобщения, пользуется той же методикой и теми же приемами исследования. Взаимодействие этих двух линий имеет диалектический характер, его следует воспринимать в неразрывном единстве, сложном и многообразном. Опыт показывает, что важны и плодотворны как внутридисциплинарные связи в исторических и филологических науках, так и междисциплинарные связи, существующие внутри славистического комплекса в целом. Последние расширяют кругозор ученого, обогащают исследование новыми фактами, повышают методологическую вооруженность, позволяя обращаться к таким задачам, решение которых просто немыслимо в рамках отдельной научной дисциплины.

Строго говоря, славяноведение охватывает все славянство. Но это широкое понятие в научно-организационной сфере бытует лишь в неславянских странах. Что касается славянских стран, то в силу вполне естественных практических соображений отечест-

венная проблематика составляет в каждой из них особую сферу; предметом же занятий славяноведов является изучение только зарубежных славян. Пользуясь этим сознательно урезанным условным понятием славяноведения, специалисты должны постоянно иметь в виду его полное содержание. Из этого следует, в частности, что советские историки и филологи, занимающиеся западными и южными славянами, должны как можно теснее увязывать свои исследования с изучением вопросов, относящихся к русским, украинцам и белорусам.

Существует немало специальных работ по истории славяноведения, однако пока нет такого труда, в котором бы данная проблематика освещалась целиком с необходимой систематичностью и достаточной полнотой. Между тем знакомство с ходом развития каждой из славяноведческих дисциплин и всего славистического комплекса не только позволяет специалистам лучше мобилизовать уже накопленный наукой фактический материал, но и повышает теоретический уровень исследовательской работы, помогает совершенствовать ее приемы и методы. Настоящая книга представляет собой попытку заполнить указанный пробел и создать обобщающий историографический труд о славяноведении в дореволюционной России. Задача авторского коллектива книги состоит в том, чтобы, учитывая всю совокупность известных источников, но не входя в малозначительные детали, воссоздать широкую картину состояния и развития соответствующих дисциплин в рассматриваемый период, охарактеризовать основные научные направления, школы и крупнейших ученых, дать представление о важнейших результатах славистических исследований, организационной структуре и кадрах данной отрасли науки.

Разнообразные сведения о своем прошлом славянские народы накапливали издавна; в меньшем объеме, но накапливались знания о славянстве и в неславянских странах. Однако славяноведение как наука в современном смысле этого слова начало складываться во второй половине XVIII века главным образом под воздействием процесса формирования наций и национального самосознания у славянских народов. Крупнейшими периодизационными вехами для истории мировой славистики являются 1917—1918 и 1944—1945 гг. — они обоснованы как важными изменениями в общеисторической обстановке, так и внутренними закономерностями развития науки. Для дореволюционного этапа отечественного славяноведения, которому посвящен настоящий труд, дополнительными гранями служат, во-первых, создание славянских кафедр в университетах в 1835 г., во-вторых, 1860-е годы, когда сложились основные идейно-научные направления дворянско-буржуазной науки о славянах [4]. Некоторые важнейшие поворотные пункты в развитии исторической и филологической частей славяноведения не совпадают во времени, отличаются друг от друга по своей сущности. В связи с этим во второй, третьей и четвертой главах выделены самостоятельные разделы, характеризующие развитие славянского языкознания.

Появление славяноведения в России совпало не только с завершающим этапом формирования русской нации, но и с тем этапом истории зарубежных славянских народов, когда они вступили в длительную борьбу за национальное и социальное освобождение. Характерным явлением начала XIX в. был быстрый рост интереса общественности к истории и культуре не только собственного, но и иных славянских народов, к развитию их взаимоотношений друг с другом как в России, так и у зарубежных славян. Именно в то время получила свое оформление и превратилась в существенный компонент общественной жизни славянских народов идея славянской взаимности. Будучи неизбежным и закономерным продуктом исторического развития славян в эпоху перехода от феодализма к капитализму, эта идея стала первоосновой различных теоретических концепций, которые исходили из того, что славянские народы едины по своему происхождению и обычаям, что их отношения между собой должны базироваться на принципах солидарности и взаимной поддержки. В своей первоначальной форме идея славянской взаимности имела если не исключительно, то главным образом этнонациональное содержание. Однако очень скоро она стала превращаться в орудие борьбы между различными социальными группами, причем каждая из них интерпретировала ее по-своему: передовые силы общества использовали идею славянской взаимности в интересах социального прогресса и достижения национальной независимости, тогда как реакционные круги пытались делать из нее выводы прямо противоположного характера.

Эта сторона вопроса сравнительно подробно нами освещается, ибо становление славяноведения и его развитие во многом зависели от политических интерпретаций идеи славянской взаимности и их восприятия общественностью. В исследовании употребляются и такие термины, как «славянская общность», «славянская солидарность», «славянское единство», «всеславянство», «славянщина». К сожалению, ни в источниках, откуда они взяты, ни в современной научной литературе нет точного и однозначного раскрытия их значения. Авторскому коллективу представляется ошибочным убеждение, будто понятие «славянское единство» всегда связано с теми концепциями, которые рассматривали всех славян как единый народ или единую нацию. Источники и литература дают немало таких примеров, когда термин «славянское единство» употреблялся в качестве синонима, очень близкого по смыслу терминам «славянская взаимность» или «славянская общность» [5].

Имеющий существенное значение для истории славистики термин «панславизм» появился в 40-х годах прошлого века. Он возник почти одновременно с термином «пангерманизм» в ходе длительных и острых дискуссий в западноевропейской прессе по поводу целей внешней политики немецких государств и Российской империи на славянских землях. Специалисты обоснованно отмечают, что «возникновение термина „панславизм" явилось определенным этапом в развитии немецкой буржуазно-националисти-

ческой идеологии и свидетельствовало об усилении ее антиславянской, в частности антирусской направленности, подогреваемой подозрениями, что Россия является одним из основных препятствий на пути к общегерманскому единству»[6]. Именно поэтому западная буржуазная литература в понятие «панславизм» чаще всего вкладывает заведомо реакционное содержание, связывает его с мнимыми или действительными претензиями царизма на гегемонию в «славянском мире». Между тем фактически панславизм может быть реакционным, либеральным и демократическим и именно этим должна обусловливаться его оценка в каждом конкретном случае.

Историографическим изучением дореволюционного славяноведения в России начали заниматься в нашей стране довольно давно. До 1917 г. наука в лице А. А. Кочубинского, А. Н. Пыпина, И. В. Ягича, К. Я. Грота и других ученых поставила ряд важных вопросов периодизации истории отечественной славистики, в частности вопросы о существе и временных рамках первого этапа ее развития, об общественной значимости славяноведения и т. д.[7] Однако отдельные суждения, высказывавшиеся дореволюционными исследователями, не образовывали сколько-нибудь цельной концепции, поскольку у них не было научно обоснованных критериев для решения важнейших методологических вопросов славяноведения. Мешала и крайняя неопределенность в понимании предмета данной отрасли научного знания.

Коренной пересмотр исходных принципов построения истории отечественного славяноведения начался в советскую эпоху. В выработке этих принципов участвовали многие видные советские слависты. Так, Н. С. Державин был занят подготовкой капитального «Введения в славянскую филологию», первая часть которого называлась «История славяноведческих изучений в России и СССР». В 1948 г. вышла в свет публикация документов по истории русского славяноведения второй половины XIX — начала XX в., подготовленная В. Р. Лейкиной-Свирской и Л. В. Разумовской под редакцией Б. Д. Грекова. В предисловии, написанном С. А. Никитиным, отмечалось принципиальное отличие данной работы от аналогичных трудов дореволюционного времени[8].

В последующие годы появился ряд обобщающих и справочных изданий, в которых давались, хотя и сжатые, но содержательные обзоры истории славяноведения в дореволюционной России на основе имеющейся специальной литературы. Это были прежде всего разделы «Славяноведение» в трех первых томах «Очерков истории исторической науки в СССР», написанные С. А. Никитиным и охватывающие весь дореволюционный период[9]. Это были также статьи «Славяноведение» во втором и третьем изданиях Большой советской энциклопедии, в Советской исторической и Краткой литературной энциклопедиях. Их дополняли довольно многочисленные конкретно-исторические работы, обзоры и справочники, вышедшие в послевоенные десятилетия и подготовленные С. Б. Бернштейном, М. Г. Булаховым, А. Н. Горяиновым, В. Д. Королюком, Л. П. Лаптевой, А. Е. Москаленко, С. В. Смирновым, Н. И. Толстым и другими учеными.

Вышедший в 1979 г. биобиблиографический словарь «Славяноведение в дореволюционной России» успешно продолжил начатые ранее разработки по истории славистики, в определенной мере суммировал уже накопленные факты и обобщения. Об этом издании стоит сказать подробнее, поскольку настоящая книга основывается на той же научной концепции и широко использует собранный в нем фактический материал.

Круг профессиональных славистов, включенных в словарь, определялся в соответствии с изложенным выше пониманием предмета славяноведения. Кроме них, в словарь включены другие лица, деятельность которых оставила заметный след в истории славяноведения, в частности И. С. Аксаков, М. А. Бакунин, П. И. Бартенев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Ю. Ф. Самарин, Н. Г. Чернышевский, Ф. В. Чижов, А. С. Хомяков. Территориально рамки словаря определяются границами Российской империи. Соответственно словарь дает информацию не только о русских славистах, но и об украинских ученых, уроженцах зарубежных славянских стран, работавших в России, а также о славистах, находившихся более или менее длительное время в Царстве Польском либо в Великом княжестве Финляндском, но печатавшихся на русском языке и вошедших в историю российской науки.

Руководствуясь изложенными соображениями, мы сосредоточили свое внимание в основном на следующих вопросах: а) характеристика объективных условий, оказывавших определяющее воздействие на становление и развитие славяноведения; б) организация подготовки кадров и исследовательской работы в области славяноведения; в) выявление, публикация, изучение исторических источников и памятников славянской письменности; г) анализ важнейших научных результатов тех осуществленных в дореволюционной России исследований, которые были посвящены истории, культуре, языкам южных и западных славян, а также общеславянским проблемам и межславянским связям.

Степень изученности многих аспектов истории дореволюционного славяноведения в России еще недостаточна, по некоторым важным вопросам в специальной литературе имеются более или менее существенные разногласия. Стремясь к необходимому в обобщающем труде концепционному единству, редколлегия сочла нецелесообразным включение в текст внутренней полемики, однако должна констатировать, что индивидуальные исследовательские позиции членов авторского коллктива не во всем совпадают друг с другом. Прежде всего это относится к Л. П. Лаптевой, которая свои взгляды на предмет славяноведения и периодизацию истории отечественной славистики неоднократно излагала в печати *.

* См., в частности: *Лаптева Л. П.* Славяноведение в Московском университете с 1835 по 1917 г. (К постановке вопроса): ВМУ. Сер. История. 1979. Вып. 2. С. 38—50; *Она же.* К вопросу об основных этапах развития отечественного славяноведения (1835—1985) // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987. С. 3—17.

При подготовке книги были использованы тексты соответствующих научных работ, а также другие печатные источники историографического характера, разного рода справочники и публикации. В ряде случаев привлекались сохранившиеся в рукописи научные труды, высказывания научного содержания в эпистолярном и мемуарном наследии ученых-славистов и их ближайшего окружения. Ряд необходимых дополнений и уточнений был сделан на основе архивных материалов, находящихся главным образом в советских, но отчасти и в зарубежных хранилищах.

Авторы разделов указаны в оглавлении. Лингвистические разделы II, III и IV глав написаны коллективно тремя авторами, причем тексты об ученых московской школы М. Т. Каченовском, О. М. Бодянском, А. Ф. Гильфердинге, А. А. Кочубинском, А. Майкове подготовил В. П. Гудков; об ученых петербургской школы П. И. Прейсе, И. И. Срезневском, А. Ф. Гильфердинге, А. А. Кочубинском, В. И. Ламанском, А. С. Будиловиче, И. А. Бодуэне де Куртенэ и Р. Ф. Брандте — С. В. Смирнов; оставшаяся часть написана С. Б. Бернштейном. Библиография подготовлена Е. П. Аксеновой; ею же осуществлялась вся редакционно-техническая работа по подготовке рукописи книги к печати.

[1] *Кедров Б. М.* Философия как общая наука в ее соотношении с частными науками // Философия в современном мире: Философия и наука. М., 1972. С. 386.
[2] См., в частности: *Вахтомин Н. К.* Генезис научного знания: Факт. Идея. Теория. М., 1973.
[3] См.: *Марков Д. Ф.* Славистика как комплекс научных дисциплин // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 7—17.
[4] Подробнее см.: *Мыльников А. С.* Проблемы периодизации истории мировой славистики: Цели и принципы // Там же. С. 40—55; *Дьяков В. А., Мыльников А. С.* Об основных этапах истории славяноведения в дореволюционной России // СДР. М., 1979. С. 11—46.
[5] *Ненашева З. С.* Идея славянской общности в современной советской и чехословацкой историографии: (Некоторые терминологические и теоретические аспекты) // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 78—95.
[6] *Волков В. К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. С. 69.
[7] Подробнее см.: *Мыльников А. С.* Становление истории славяноведения в России // Исследования по историографии. . . С. 113—115.
[8] Документы к истории славяноведения в России, 1850—1912. М.; Л., 1948. С. 3.
[9] Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955. С. 495—501; Т. 2. М., 1960. С. 484—507; Т. 3. М., 1963. С. 498—513.

Глава I

СТАНОВЛЕНИЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Российское славяноведение сложилось в результате длительного, многопланового и сложного процесса, в рамках которого изучение русского народа, его языка, истории и культуры постепенно все более последовательно, целенаправленно и органично сочеталось с изучением других славянских народов, с попытками осмысления роли и места славянства в мировой истории. Напряженные искания в этой области осуществлялись многими поколениями деятелей отечественной науки и общественной мысли.

1. Истоки научного подхода к славянской теме

Спорадические проявления специального интереса к славянскому миру (особенно к балканским славянам и полякам) со второй половины XVII в. приобрели в России вполне отчетливый и устойчивый характер. Это нашло отражение прежде всего в лексикографических трудах, а также в исторических трудах, различных памятниках письменности, которые создавались тогда или переводились на русский язык либо буквально, либо в переработанном виде. Подобного рода произведения еще не утратили синкретизма, свойственного средневековому мышлению. Однако в них уже отражалась зарождавшаяся дифференциация отраслей знания, на первых порах в форме выделения отдельных тематических комплексов. Один из таких комплексов, возникших уже в XVI в., был связан, по удачному определению Л. С. Ковтун, с «подготовкой филологических основ книгопечатания» [1].

Зарождение в Москве типографского дела знаменовало определенный рубеж в развитии тесных контактов русской культурной среды с братскими культурами украинского и белорусского народов. Это подтверждают созданный Иваном Федоровым первый у восточных славян печатный «Букварь» (Львов, 1574) и отпечатанный им же в Остроге в 1580—1581 гг. полный текст славянской Библии. В основе первой печатной грамматики, изданной в 1586 г., лежал перевод возникшего в Сербии в XVI в. сочинения о восьми частях речи. Хотя грамматика была выпущена анонимно, некоторые исследователи связывают ее создание с именем Лаврентия Зизания. Спустя десятилетие в Вильно вышли два труда этого выдающегося деятеля белорусской и украинской культуры: «Грамматика словенска съвершеннага искуства осми частий слова и иных нуждных» и «Наука ку читаню и розуменю писма славенскаго» (или «Азбука») вместе со словарем «Лексис, сиречь

речения въкратце събранны. И из словенскаго на простый руский диялект истолкованы»[2]. Труды Л. Зизания обрели широкую известность и послужили основой для последующих опытов в области славянской лексикографии и лингвистики в восточнославянской среде. Многие разделы «Грамматики» были включены Мелетием Смотрицким в его «Грамматику славянскую», изданную на Виленщине в 1619 г., а с 1648 г. неоднократно переиздававшуюся в Москве. Фактически до М. В. Ломоносова «Грамматика» Смотрицкого оставалась наиболее авторитетным руководством, которое оказало определенное влияние и на лингвистические работы хорватского мыслителя Юрия Крижанича (ок. 1618—1683), с 1659 по 1678 г. находившегося в России[3]. Среди разнообразных лексикографических трудов, возникавших в XVII в., особое значение для зарождавшихся славянских изучений имели двуязычные словари и азбуковники, зачастую взаимно переплетавшиеся друг с другом. Они отражали новый этап развития литературных языков не только русской, но также украинской и белорусской народностей. Важное место в ряду подобных трудов принадлежит «Славенороссскому лексикону» видного деятеля украинской культуры Памвы Берынды, впервые изданному в Киеве в 1627 г. Получив известность и в России, этот «Лексикон» неоднократно использовался в филологических работах последующих десятилетий, в частности видными представителями украинской и русской книжности XVII в. Епифанием Славинецким и его сподвижником Арсением Корецким-Сатановским, прибывшими в Москву из Киева в 1649 г. для участия в правке церковных книг. Обширный рукописный словарь, составленный с использованием материалов П. Берынды, — «Лексикон славенолатинский» в толкованиях отдельных слов использовал примеры не только из восточнославянских, но и зарубежных славянских языков (сербского, чешского, польского). То, что такой подход отвечал потребностям времени, подтверждается обращением к славянским языкам и в других лексикографических работах, в частности в рукописном «Лексиконе языков полского и словенского» 1670 г., принадлежавшего, как нам удалось установить, выдающемуся деятелю русской и белорусской культуры Симеону Полоцкому (1629—1680)[4].

В названном словаре утверждается, что все славянские языки происходят от церковнославянского языка, который ассоциировался с русским[5]. Такой взгляд на рубеже XVII—XVIII вв. казался очевидным. В более развернутом виде он был сформулирован Ф. П. Поликарповым-Орловым (ум. 1731), который в предисловии к изданному в 1704 г. «Лексикону треязычному» писал, что от церковнославянского языка «аки от источника неизчерпаема, прочиим многим произыти языком, сиречь польскому, чешскому, сербскому, болгарскому, литовскому (т. е., видимо, белорусскому. — *А. М.*), малороссийскому и иным множайшим, всем есть явно»[6]. Во многом сходные тенденции наблюдаются и в рукописных азбуковниках, где встречаются примеры из польского, чешского, хорватского, сербского, болгарского языков[7].

Таким образом, появившиеся в восточнославянской среде в конце XVI—XVII вв. грамматики, словари и азбуковники создавали определенные предпосылки для сравнительных исследований в области славянского языкознания.

Что касается прошлого зарубежных славянских народов, то оно обычно освещалось в трудах по отечественной и мировой истории. Таковы, например, русский «Хронограф» второй (1617) и третьей (между 1620—1644) редакций, «Титулярник» 1672 г., содержащий генеалогию российских государей, патриархов, римских пап и зарубежных монархов: «космографии», представлявшие собой переводы или компиляции иностранных источников по истории, географии, экономике и политике описываемых стран. Особенно интересны так называемая 76-главная «Космография» 1670 г. и некоторые произведения сходной тематики, создававшиеся в России и до начала XVIII в. распространявшиеся исключительно в рукописной форме.

В Москве в качестве важного источника сведений о зарубежных славянских народах использовались работы польских авторов, в частности «Хроника всего мира» (1551) польского историка-протестанта Марцина Бельского — перевод 1584 г.; связанная с «Хроникой» Бельского «История европейской Сарматии» Александра Гваньини — перевод с польской публикации 1611 г.; «Хроника польская, литовская, жмудская и всея Руси» Мацея Стрыйковского, первая книга переведена в 1682 г. Важно отметить, что все переводы, за исключением «Хроники» Бельского, возникли в XVII в. Это не только свидетельствовало об усилении общественного интереса к подобным работам, но расширяло круг сведений о зарубежных славянах.

Однако такая информация не выходила из ряда сведений о зарубежных народах и государствах в целом и, следовательно, еще не свидетельствовала о наличии особого внимания именно к славянскому миру. Тем не менее интерес к нему существовал, продолжая во второй половине XVII в. углубляться. Довольно часто при изложении событий отечественной истории авторами затрагивалась и общеславянская проблематика, в первую очередь вопросы происхождения и культуры древних славян. В рукописной статье «О истории, еже о начале Руския земли и создании Новаграда» была сделана попытка, опираясь на «Хронику» М. Бельского, нарисовать общеславянский фон древнерусской истории[8]. Важным шагом в освещении этой проблематики явился «Синопсис, или Краткое собрание от различных летописцев о начале славенороссийскаго народа и первоначалных князех богоспасаемаго града Киева», изданный в Киеве в 1674 г. и затем неоднократно переиздававшийся как в Киеве, так и в Москве, а позднее в Петербурге. Вплоть до 1760 г. «Синопсис» употреблялся в российских школах в качестве учебника. Важно подчеркнуть, что созданный в украинской среде «Синопсис» был первым у восточных славян типографски изданным руководством по отечественной истории. В нем обосновывалась историческая

необходимость воссоединения Украины с Россией, причем в числе доводов были и рассуждения относительно общеславянских корней русского и украинского народов [9]. В «Синопсисе» неоднократно подчеркивались не только общность происхождения, но и языковое родство «народов московских словенороссийских, польских, волынских, ческих, болгарских, сербских, карвацких и всеобще, елико их есть словенска языка природне оупотребляющих» [10]. Две главы «Синопсиса», называющиеся «О идолех» и «О обливании водою на великий день» и посвященные дохристианским обычаям и верованиям славян, имели прямое отношение к истории славянской этнографии.

«Синопсис» оказал несомненное влияние на освещение славянской темы в некоторых трудах русских авторов рубежа XVII—XVIII вв., например в «Книге, именуемой историа еллиногрецкая и грекославеньская» монаха Тимофея Каменевича (1699) и в «Истории России» Ф. П. Поликарпова-Орлова, которая по поручению Петра I создавалась в 1708—1715 гг. Недавно обнаруженная рукопись соответствующих глав «Истории России», а также подготовительные материалы к ним показывают, что Поликарпов отнюдь не механически копировал «Синопсис», а проявил специальный интерес к славянской теме. Сохранился, в частности, текст, насчитывающий более 200 страниц и озаглавленный «О начале государства полского и чешского» [11].

Рассматриваемый период в целом был переходным этапом, который можно назвать «предысторией» русского славяноведения. Многие аспекты научного интереса к зарубежному славянству уже имелись в наличии, но проявлялись в зачаточных формах, зарождавшихся и развивавшихся в связи с практическими потребностями по совершенствованию и упорядочению норм литературного языка, по составлению компендиумов отечественной и всеобщей истории. Но в рамках традиционных представлений исподволь зрели элементы нового видения мира, нового подхода к предмету изучения.

В русской научной литературе XVII в. предпринимались попытки критического истолкования источников. Критический подход к ним применял в своих исторических и филологических трактатах также Ю. Крижанич, в идейной позиции которого некоторые исследователи видят «сплав европейских идей нового времени со средневековыми представлениями и теориями» [12]. Важным шагом в развитии источниковедческой критики были принципы «учения исторического», сформулированные на рубеже 70—80-х годов XVII в. анонимным автором в связи с предполагавшимся составлением по повелению царя Федора Алексеевича истории России. Наряду с рассуждениями о необходимости «согласования меж собой» повестей и летописцев, написанных «словенским языком», и ссылками на античных историков и философов, здесь проводилась мысль о желательности поручить составление труда по отечественной истории русскому автору, «потому что всякий народ про себя, и про дела свои, про страну свою лучше умеет

описати, нежели чюжой» [13]. Приведенные слова носят явно полемический характер. Представляется, что автор «учения исторического» вел скрытый спор с Крижаничем, который по приезде в Москву добивался поста «историка-летописца царского величества» при Алексее Михайловиче и предлагал подготовить «Историю правдиву и совершенну сего царства и всего народа славенска». Проект нового труда, чем-то вроде предисловия к которому явилось «учение историческое», рассматривался либо в период возвращения Ю. Крижанича из Тобольска, либо вскоре после его отъезда из России. Не исключено, что эти обстоятельства связаны между собой.

Многие важные начинания второй половины XVII в., имевшие то или иное касательство и к славянской теме, до сих пор изучены недостаточно. Сказанное относится, например, к деятельности Славяно-греко-латинской академии, открытой в Москве в 1687 г. по инициативе Симеона Полоцкого и его ученика С. А. Медведева (1641—1691). Вклад этого первого в России высшего учебного заведения в подготовку кадров, хорошо знакомых со славянской проблематикой, по-настоящему не выявлен. Между тем едва ли можно считать случайным, что среди выпускников этой Академии были Ф. П. Поликарпов-Орлов, М. В. Ломоносов и В. К. Тредиаковский, что учащиеся ее использовались в качестве переводчиков, в том числе и со славянских языков.

На первых порах попытка критики источников, имевших отношение к славянским вопросам, проявлялась не столько в исторических, сколько в филологических трудах. Эти традиции в России восходили к Максиму Греку, который еще в первой половине XVI в. дал образчики филологической критики текста, стоявшие на уровне тогдашней науки [14]. Критический анализ церковнославянских текстов различных изводов практиковался составителями печатной Острожской библии 1581 г., а в середине XVII в.— теми, кто занимался в Москве правкой богослужебных книг. Постепенно критический подход стал распространяться на исторические и литературные тексты. А. И. Манкиев (ум. 1723) в историческом сочинении «Ядро Российской истории», законченном в 1715 г., «впервые сопоставляет и критически проверяет различные исторические построения, не ограничиваясь изложением чужих мнений» [15].

На интерес к славянской теме оказывали воздействие также факторы внешнего порядка. Они были связаны с деятельностью зарубежных ученых, прежде всего шведского филолога и государственного деятеля И. Г. Спарвенфельда (1655—1727) и немецкого философа-энциклопедиста Г. В. Лейбница (1646—1716). Первый из них занялся славянскими языками как участник шведской дипломатической миссии, посланной в Россию в 1684 г. В Москве Спарвенфельд задержался до 1687 г., что позволило ему не только познакомиться с русским языком, но и изучить многие рукописные и печатные материалы лингвистического и лексикографического характера. Среди работ, которые он привез домой,

сохранились списки латинско-славянского словаря Е. Славинецкого, славяно-латинского словаря Корецкого-Сатановского, «Лексикон» Берынды (в издании 1653 г.) и ряд других рукописей. На основании собранных материалов Спарвенфельд более двух десятилетий трудился над составлением четырехтомного славяно-латинского словаря. При этом он находился в постоянной переписке с Лейбницем, который, в частности, порекомендовал ему в качестве помощника-переписчика словака М. Забани. Спарвенфельду так или иначе помогали российские подданные, попавшие в плен во время Северной войны, в частности глава русской миссии А. Я. Хилков и его секретарь А. И. Манкиев (будущий автор «Ядра Российской истории»).

Для Лейбница побудительным мотивом обращения к славянской тематике стал интерес к Польше и России. Занявшись этими странами в конце 1660-х годов, Лейбниц обратил внимание на языковую и культурно-историческую близость славянских народов. Кроме того, он серьезно заинтересовался языком и историей остатков поморских и полабских славян, живших в некоторых районах Германии. Лейбниц первым среди европейских ученых начал сравнительное изучение славянских языков в сопоставлении их с языками других народов. К группе славянских языков он относил русский, польский, чешский, а также — в его терминологии — далматинский и славонский, вендский (т. е. языки славян в Лужицах, Бранденбурге и Люнебургском округе), словацкий, словенский (в Каринтии и Крайне). Вопросами истории и культуры всех славянских народов он занимался в том объеме и на том уровне осведомленности, которыми располагал [16].

Интерес к славянской теме со стороны зарубежной науки в конце XVII—начале XVIII в. стимулировался повышением роли славянских народов в политической и общественно-экономической жизни Европы, вкладом России и Польши в борьбу против османской агрессии, неожиданным для Запада выходом России на широкую международную арену. Почти одновременно со Спарвенфельдом в Москве побывал в 1686—1689 гг. чешский ученый иезуит Иржи Давид, который по возвращении на Родину издал в 1690 г. русский букварь. Отпечатанный в Нисе, он был первой книгой такого рода, появившейся за пределами России. При ее подготовке Давид пользовался «Грамматикой» М. Смотрицкого [17], которая легла позже в основу грамматики русского языка, изданной по-латыни в Оксфорде немецким лексикологом Г. В. Лудольфом в 1696 г.

Названные авторы были лично или посредством переписки знакомы друг с другом, обменивались научной информацией, причем опирались в своих славянских занятиях на знакомство с грамматическими и словарными работами, полученными из России, а отчасти и на личные наблюдения, почерпнутые во время пребывания в Москве. Это не только показывает прямую зависимость зарубежных ученых от источников, возникавших в восточнославянской среде, но и свидетельствует, что работы русских,

украинских и белорусских ученых-книжников стояли на достаточно высоком для своего времени научном уровне. Определенные различия существовали, пожалуй, лишь в мировоззренческой сфере: если славистические представления восточнославянских авторов в целом оставались еще на уровне феодального типа мышления, то зарубежные ученые основывались главным образом на раннепросветительских идеях. По мере секуляризации русской культуры, усвоения и критической переработки идеологии европейского просветительства неизбежно стирались и эти различия.

Труды В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова явились важной вехой на пути завершения «предыстории» славянских изучений в России и начала ее становления как совокупности научных знаний о славянах на философской основе нового времени.

Обращение в те десятилетия к прошлому и настоящему зарубежных славянских народов, их истории и языку во многом было связано с целенаправленным интересом к польской, чешской и южнославянским культурам Петра I, в политике которого славянские аспекты занимали заметное место. Об этом, в частности, свидетельствовали его неоднократные попытки привлечь на русскую службу инженеров, медиков, моряков, военных, чиновников и даже актеров из числа западных и южных славян или лиц, владевших славянскими языками. Он не без оснований полагал, что языковая близость могла облегчить общение с ними и ускорить использование опыта и знаний, которыми они располагали. Уже в 1697 г. в «Наказных статьях» Григорию Островскому как члену направленного в Западную Европу «Великого посольства» ставилась задача подыскать среди далматинцев офицеров и матросов для создававшегося русского морского флота [18]. Сходные шаги Петр I предпринимал и в дальнейшем, особую надежду возлагал на использование на русской службе чехов. Отчасти этому, возможно, содействовали личные наблюдения Петра, трижды (в 1698, 1711 и 1712 гг.) посещавшего Чехию и широко общавшегося с местным населением.

В декабре 1715 г. он повелел русскому послу в Вене А. П. Веселовскому: «По получении сего старайся, дабы снискать тебе в нашу службу из шрейберов или из иных невысоких чинов из приказных людей, которые бывали в службе цесарской из бемчан, из шленцов или из моравцов, которые знают по словенски, от всех коллегий, которые есть у цесаря (кроме духовных) по одному человеку» [19]. Это распоряжение не только лишний раз подтверждает значение фактора языковой близости для такого рода миссий, но и показывает, что Петр достаточно отчетливо представлял себе и этнотерриториальный состав Чешских земель, включавших, помимо собственно Чехии, Моравию («моравцов») и Силезию («шленцов»). В 1716—1721 гг. в Прагу была послана группа русских переводчиков, которые с помощью местной иезуитской коллегии должны были осуществить перевод на русский язык ряда иностранных книг [20]. При разработке плана создания в России Академии наук царь намеревался в первую очередь пригласить

ученых из зарубежной славянской среды. Русского посланника в Вене он просил выяснить возможность найти специалистов по естественным и точным наукам среди профессоров Пражского и Венского университета — «бемчан», владеющих чешским языком [21]. Хотя этим «славянским» замыслам Петра в полном объеме не суждено было осуществиться, их наличие весьма характерно для петровской эпохи.

Это подтверждается издательской политикой Петра. По его личному указанию русский государственный деятель, серб по происхождению, С. Л. Рагузинский-Владиславич (ок. 1670—1738) перевел на русский язык труд зачинателя югославянской исторической науки далматинца Мавро Орбини, изданный на итальянском языке в 1601 г. Труд вышел в свет в Петербурге в 1722 г. под названием «Книга историография початия имене, славы и разширения народа славянского». Будучи в июле 1722 г. в Астрахани, Петр запрашивал информацию о ходе дела и велел немедленно напечатать и прислать экземпляр интересующей его книги [22].

К моменту появления русского перевода труд М. Орбини с фактической стороны значительно устарел, и русские издатели по мере возможности исправили текст при подготовке его к печати. Кроме того, к книге было приложено «Рассмотрение сея повести», подготовленное видным представителем отечественной культуры начала XVIII в. архимандритом Феофилактом Лопатинским. В этом своеобразном послесловии-комментарии отвергалось, в частности, неверное сообщение М. Орбини, будто бы Кирилл и Мефодий были направлены в Моравию по повелению римского папы [23]. Замысел же М. Орбини дать сводную картину истории всех славянских народов вовсе не утратил своей актуальности в начале XVIII в. Особенно важным было то, что Орбини впервые в славянской историографии отказался от летописного принципа изложения материала. В России элементы традиционной диахронической формы оказались более устойчивыми; они прослеживаются, например, в трудах В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова, не говоря уже о менее значимых авторах.

Изменения, наметившиеся на рубеже XVII—XVIII вв., затрагивали в первую очередь не столько форму, сколько содержание и манеру изложения, которая и при трактовке славянской темы все более испытывала на себе воздействие опыта раннепросветительской мысли с присущим ему отходом от конфессионального провиденциализма, с рационалистической критикой фактов. Конечно, это происходило медленно и крайне противоречиво.

Представления о происхождении славянских народов и языков в те десятилетия немногим отличались от того, что излагалось в русской книжности предшествующего периода. Так, А. И. Манкиев, в трактате «Ядро Российской истории» в основном следовал концепции «Синопсиса». По тому же пути шел хороший знаток древнерусских летописей и хронографов Феофан Прокопович (1677—1736). В своем «Собрании от летописателей» он воспроизводил распространенный в средневековой историографии взгляд

о происхождении славянских народов от библейского Иафета и о грамоте Александра Македонского, в которой они названы «славными», откуда якобы и произошло их общее наименование и т. д.[24] Подобные «баснословия» свидетельствовали не столько о наивности и легковерии, сколько о господстве феодально-конфессиональных идей, о неразработанности ключевых проблем языка, истории и культуры славянских народов к началу XVIII в. С точки зрения перспективы развития славянских изучений несравненно более важным было то, что в общественном и научном сознании русских закрепилось немало достаточно устойчивых, хотя еще разрозненных представлений о русско-славянской языковой, а отчасти и культурно-исторической общности. Изучение этой общности в контексте исследования отечественной истории и филологии становится одной из магистральных тем русской научной мысли XVIII в.

2. Зарождение академической славистики

Академия наук, созданная в Петербурге в 1725 г., становится важнейшим и долгое время единственным в России учреждением, с деятельностью которого была преимущественно связана разработка общеславянской проблематики и отдельных аспектов языка, истории и культуры зарубежных славянских народов. Первоначально рассмотрение этих вопросов не входило в круг непосредственных обязанностей академии. Однако по положению, утвержденному Петром I в 1724 г., в ее структуре был выделен третий класс («гуманиора, гистория и права»), в котором из трех академиков одному предписывалось «отправлять» науки филологические («элоквенцию и студиум антиквитатис») и исторические («гисторию древную и нынешную») [25]. Поскольку эти академики должны были заниматься не только исследовательской, но и педагогической деятельностью, их именовали также профессорами [26]. И хотя славянская тематика при этом прямо не упоминалась, фактически ею сразу же занялся первый в Академии наук профессор «элоквенции или краснословия» и церковной истории И. П. Коль (1698—1778).

Уроженец Киля, он прослужил в Академии наук лишь немногим более двух лет, с февраля 1725 до августа 1727 г. Как видно из итоговых материалов третьего (гуманитарного) класса Академии наук от 27 августа 1727 г., Коль за время академической службы, помимо чтения лекций, изложил «в приватных собраниях» несколько своих сочинений, в том числе «О обращении славенского народа в веру христианскую», «О языке славенском и его начале», «О редких письменных книгах библиотеки московской», «О писании Ефрема Сирина некоя особливая усмотрения», «Совет о сочинении лучшего лексикона славенского», «Совет о устроении славенской библиотеки», «История славенского переводу Священного писания» [27]. Тексты этих сочинений считаются утраченными. Однако любопытны некоторые обстоятельства, на которые до сих

пор не обращалось должного внимания. Первая из названных «диссертаций» рассматривалась в заседании конференции Академии наук 16 ноября 1725 г., т. е. спустя всего девять месяцев после зачисления автора на работу в Академию наук и еще до официального ее открытия [28]. Это свидетельствует не только о трудолюбии и добросовестности Коля, но и о той общей интеллектуальной атмосфере, в которой начиналась деятельность Академии наук. Для характеристики этой атмосферы, помимо отмеченных выше славянских аспектов в политике Петра I, следует упомянуть особо о Феофане Прокоповиче, служившем своего рода связующим звеном между старыми и новыми научными представлениями. Его богатое и частично остающееся неопубликованным научно-литературное наследие еще не изучено историками отечественной славистики. Примечательно, что в школе, которую Прокопович основал в 1721 г. при Киево-Могилянской академии, среди прочих предметов изучалось «славянское чтение» [29]. Поэтому не приходится удивляться, что Коль, оказавшись в Петербурге, сразу же сблизился с так называемой «ученой дружиной», в которую входили Ф. Прокопович, ее признанный глава, а также А. Д. Кантемир и В. Н. Татищев.

Вместе с Колем в Петербург в качестве студента приехал Г. Ф. Миллер (1705—1783), быстро вошедший в академическую жизнь и навсегда связавший свою судьбу с Россией. Став уже в 1725 г. адъюнктом, он преподавал историю, географию и латинский язык в гимназии при Академии наук. В 1730 г. он был назначен профессором истории, а позднее, перейдя в русское подданство в 1748 г., стал «российским историографом» при Елизавете Петровне. В целом Г. Ф. Миллер сыграл значительную роль в развитии русского, а отчасти и славянского источниковедения и археографии, будучи инициатором ряда важных акций Академии наук. В последующей деятельности Миллера можно отчасти усмотреть благотворное влияние его старшего наставника. Во всяком случае, Коль, покинув Россию, продолжал поддерживать контакты с Миллером, о чем свидетельствует их сохранившаяся переписка. Так, в письме Г. Ф. Миллеру из Гамбурга 24 сентября 1748 г. И. П. Коль сообщал, что в местной библиотеке обнаружил «Библию на славянском языке» («Biblia Vandalica»), которая была напечатана латинскими буквами в Виттемберге в 1584 г. «ин-фолио» [30].

Приведенные факты говорят о целесообразности сопоставления позднейшей деятельности Коля с петербургским периодом его биографии, на что до сих пор внимания не обращалось. Между тем, как явствует из упомянутого письма 1748 г., Коль не утратил интереса к проблемам славянской письменности и связей с Академией наук полностью не порвал. И действительно, уже в год отъезда из Петербурга он опубликовал в гамбургском предместье Алтона на латинском языке «Введение в историю и литературу славян» (1729), в котором характеризовал Острожскую библию и другие памятники письменности, отстаивая важную для того

времени мысль, что изначальный перевод библейских книг на старославянский язык принадлежал Кириллу и Мефодию [31]. Кроме того, за границей Коль издал работу о Ефреме Сирине. Можно предположить, что в основе этих изданий как раз и лежали те «диссертации», написанные им в Петербурге, тексты которых считаются утраченными.

После отъезда Коля на родину единственным филологом в Академии наук оказался Г. З. Байер (1694—1738), числившийся профессором по кафедре греческих и римских древностей. Круг научных интересов Байера был широк, — помимо мира античности, он занимался востоковедением (в частности, историей и языками Китая), писал труды по различным вопросам истории России и Восточной Европы. Выходец из Пруссии, Байер в отличие от Коля не только не знал русского языка, но никогда и не стремился овладеть им. В этом проявилось пренебрежительное отношение Байера к культуре и истории страны, в которой он жил, работал и умер. Всячески третируя древнерусские летописи и отвергая их достоверность, Байер вместе с тем широко применял методы надуманного и произвольного этимологизирования. Используя источники исключительно иностранного происхождения, особенно скандинавские, он развивал мысль о решающей роли варягов в создании Древнерусского государства, положив тем самым начало так называемой норманской теории. В то же время Байер был связан с Ф. Прокоповичем [32], хорошо знал и других участников «ученой дружины» — В. Н. Татищева и А. Д. Кантемира. Последний передал ему материалы своего отца, которые Байер использовал в статье «О стене Кавказской». Для развития славянских изучений некоторый интерес представляли отдельные работы Байера, посвященные скифам и другим древнейшим обитателям Восточной Европы.

После смерти Байера профессура по классу гуманитарных наук оставалась вакантной, а по Уставу 1747 г. этот класс был вообще изъят из состава академии и передан в академический Университет, что вызвало резкую критику со стороны М. В. Ломоносова и других ученых. Такое положение сохранялось до принятия нового Устава 1803 г. Благодаря усилиям патриотически настроенных ученых и переводчиков, служивших в Академии, разработка в ней историко-филологических наук продолжалась. Соответствующая литература и рукописные материалы концентрировались в академической библиотеке [33].

Систематическое изучение русской, а отчасти и славянской филологии начали русские сотрудники Академии наук В. Е. Адодуров (1709—1780) и В. К. Тредиаковский (1703—1768). Адодуров после окончания Новгородского духовного училища и академической гимназии был принят в Академию наук переводчиком, приступив в 1729 г. к переводу отрывков из сочинений Байера для публикации в «Исторических, генеалогических и географических примечаниях к Ведомостям». В 1733 г. он был определен адъюнктом высшей математики. Человек больших способностей и широких

знаний, В. Е. Адодуров занимался в Академии наук не только математикой, но также историей, географией и филологией. В 1730-х годах он составил первую грамматику русского языка, написанную на русском языке [34]. Инициатива Адодурова была продолжена В. К. Тредиаковским, который возглавил в академии так называемое «Российское собрание», созданное в 1735 г. и просуществовавшее до 1743 г., чтобы «иметь тщание в исправлении российского языка в случающихся переводах» [35].

Хотя основная научная и практическая деятельность В. К. Тредиаковского была посвящена вопросам русского языка и литературы, определенное место в ней принадлежало и общеславянской проблематике. Так, при разработке силлабо-тонической системы русского стихосложения он обращался к опыту сербской и хорватской поэзии, в том числе к творчеству И. Гундулича. Диссертация Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» (1749) в связи с преувеличением им роли норманнских элементов в образовании Древнерусского государства и ранней истории Руси вызвала резкую критику, в частности со стороны М. В. Ломоносова и С. П. Крашенинникова. В. К. Тредиаковского же дискуссия побудила обратиться к недостаточно разработанной в то время проблеме происхождения славянских народов и посвятить ей написанный в 1756—1757 гг. трактат «Три рассуждения о трех главнейших древностях российских». В нем Тредиаковский выступал не только и, может быть, не столько против Миллера, сколько против Байера, которого справедливо считал основоположником норманской теории. «Разные наименования россианам суть следующие, — писал Тредиаковский. — По первородству скифы они и сарматы. По праотцу Россы: от сего и Россаны, и Россаланы, и Ругины, и Руты, и Рассы, и Руссианы, и Русаны, и Рутены, и Рутсены, и Руццины, и напоследок Россаяне. По языку сперва словена; а потом, по славным делам, славяне, обще со всеми славянами, а особливо с болгарами» [36]. Из приведенной цитаты видно, что этимологизирование занимало в аргументации Тредиаковского господствующее место. Горячо полемизируя против норманиста Байера, он не только находил славянские корни у скифов и сарматов (подобно многим русским и зарубежным авторам XVI—XVII вв.), но и пытался доказать, будто названия Германии и Европы имеют «словенское» происхождение. Главный же тезис, который отстаивал Тредиаковский, заключался в том, что и варяги были славянами [37].

Систематическая разработка в России широкого круга проблем языка, истории и культуры зарубежных славянских народов на уровне науки эпохи Просвещения в первую очередь была связана с именами В. Н. Татищева (1686—1750) и М. В. Ломоносова (1711—1765).

Видный государственный и общественный деятель, географ и историк В. Н. Татищев был первопроходцем во многих областях научного познания прошлого. Основываясь на принципах раннепросветительской философии (наибольшее влияние на него оказали труды Г. В. Лейбница и Х. Вольфа), Татищев положил начало изучению в России исторической географии и этнографии, подготовил первые комментированные издания исторических источников, составлял первый отечественный энциклопедический словарь «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской». Во многих своих работах Татищев обращался и к языку, истории и культуре южных и западных славян. Особое значение в этом смысле имела его капитальная «История Российская», над которой В. Н. Татищев начал работать в 1720-х годах.

Хотя Татищев не был членом Академии наук, его деятельность была тесно связана с ней. Он был постоянным читателем академической библиотеки, в Академию наук он направлял многие свои труды, в том числе в 1739 г. первую редакцию «Истории Российской». К сожалению, этот труд, как и многие другие работы Татищева, был издан намного позже: четыре книги «Истории» увидели свет при участии С. Г. Зыбелина и Г. Ф. Миллера в типографии Московского университета в 1768—1784 гг., а последняя, пятая книга опубликована О. М. Бодянским в 1848 г.

«История Российская» проникнута духом просветительского рационализма, для нее характерны отказ от средневекового провиденциализма и стремление выявить закономерности исторического процесса, критический анализ источников и использованной литературы. Историю русского народа Татищев рассматривал не изолированно, а в связи с историей других народов. Именно поэтому он первым из русских историков последовательно вводил в свой труд славянскую тему.

Уже во вступительной части своей «Истории» он затрагивал вопросы происхождения письменности и языческого пантеона древних славян, подвергая критике многие летописные домыслы. В последующих главах Татищев делил все славянские племена на четыре группы: восточную (угличи, радимичи, поляне, дулебы, вятичи, кривичи и др.), южную (болгары, словаки, хорваты, словенцы и др.), западную (поляки, волынские славяне, чехи и мораване, поморские и другие племена) и северную (новгородские славяне). Подчеркивая языковую общность славянских народов, он в то же время считал, что уже в глубокой древности они в языке «разность немалую имели». Характеризуя другие народы, соседствовавшие со славянами, Татищев полагал, что древние славяне зачастую «у посторонних. . . под именем скифов и сарматов со оными инородными чрез долгое время заключались». Останавливаясь на истории XVII в., Татищев отмечал неблагоприятные условия, в которых жили южные и западные славяне, подпавшие под австрийское и османское господство [38].

Широко используя русские летописи и работы отечественных авторов, Татищев вместе с тем хорошо знал основные памятники западнославянской историографии XV—XVII вв. При написании «Истории Российской» им, в частности, были использованы работы польских историков Яна Длугоша, М. Бельского, М. Кромера,

М. Стрыйковского, сочинения А. Гваньини и Ц. Барония [39], а также «Чешская хроника» В. Гаека — о ней, однако, он знал, скорее всего, из работ польских авторов (возможно, Бельского или Стрыйковского) [40]. Примечательно, что этим авторам Татищев позднее намеревался посвятить биографические статьи в своем «Лексиконе», о чем свидетельствует «Доплнка росписи» к нему [41]. К выводам работ западноевропейских и славянских авторов Татищев относился критически. Хотя вопросами этногенеза Татищев специально не занимался, он исходил из признания факта славянской языково-культурной общности, а относительно происхождения чехов и болгар высказал собственные, для того времени оригинальные суждения.

В примечаниях к книге Стралемберга, вышедшей в 1730 г. в Стокгольме, Татищев писал: «Вымысел польских историков и Гагециа (т. е. Гаека. — *А. М.*) о Чехе, Лехе и Русе, трех братьях, никоего основания не имеет, ибо видимо, что они тех своих князей, хотя без всякого довода, вместе полагают и от них родословие производят» [42]. Ту же мысль Татищев повторял и в «Лексиконе», называя «басней» легенду о Чехе, Лехе и Русе [43]. Хотя Татищев, производя название «Богемия» («Боемия») от названия дославянского населения этой территории, ошибочно считал кельтские племена бойев славянами, он был прав, отвергая историчность легенды о «трех братьях», которая ни в славянской, ни в немецкой историографии того времени под сомнение еще не ставилась [44].

В отношении чехов Татищев выдвинул собственную гипотезу. Полагая, что славяне в Европу впервые «из Колхиса пришли», он писал: «В Колхисе же был предел Зихия или по славенскому Чехиа. . . из оной часть пришедшая чехи именовалась». И тут же оговаривался: «Но сие токмо догадка ко изобретению лучшего изъяснения» [45]. В своей гипотезе Татищев не выходил за рамки характерных для его времени этимологических догадок и домыслов, хотя шаткость их сознавал. Примечательно, что Татищев во многом предвосхитил споры вокруг этой проблематики, которые вели в 1760 — начале 1770-х годов чешские, польские и немецкие историки. При этом позиция русского ученого оказалась поразительно близкой взглядам основоположника чешской критической историографии Г. Добнера, выступившего в 1761 г. против легенды о славянских «праотцах» и независимо от Татищева развивавшего версию о кавказском происхождении чехов [46].

Что касается болгар, то о них, кроме «Истории Российской», Татищев писал и в «Лексиконе». Болгар волжских, относимых в его сочинениях к народам сарматского языка, русский историк отличал от болгар дунайских, о которых европейская наука того времени имела мало сведений. Называя дунайских болгар «народом славенским», он заявлял, что они «около 5-го ста по Христе перешли к Дунаю и тамо, укрепясь, оселились. С которыми российские государи часто войны и союзы имели и от них первое крещение восприняли» [47]. Хотя догадка Татищева о хазарском происхождении болгар была ошибочной, в ней содержалась

плодотворная мысль о роли протоболгарских элементов в формировании болгарского этноса.

В работах Татищева немало других наблюдений относительно истории славянских народов. В «Истории Российской», касаясь известий о крещении отдельных славянских племен и легендарном изобретателе славянского алфавита Иерониме (IV в.), он писал: «Обаче сии сказания Гагеция, Кромера, Стрыковского и других ово недостаточны и неясны, ово и недостоверны» [48]. Столь же негативно относился Татищев к утверждениям западнославянских и русских летописей о существовании грамоты, якобы выданной славянам Александром Македонским. Подвергая резкой критике сообщение В. Гаека о том, что эта грамота до сих пор хранится у чехов, Татищев писал: «Сию грамоту он точно положил, сказуя оную в Боемии, а боемский историк Гагеций сказует в монастыре, из Моравии принесенную. Однако ж о ней никто более не упоминает, для того верительно, что нигде ее не было, а после уже, мню, неким в Боемии или в Моравии сложена, которую и наш новгородец в предисловие Степенной внес» [49].

Многие идеи В. Н. Татищева относительно генетической общности славянских народов и важности сравнительного изучения их языков получили дальнейшую разработку в трудах М. В. Ломоносова. Хотя в целом Ломоносов шел самостоятельным путем, а по ряду конкретных вопросов и расходился с Татищевым, между ними существовала и определенная преемственность. В конце 1740-х годов Ломоносов не только ознакомился с первой редакцией «Истории Российской», список которой, как указывалось, с 1739 г. находился в Академии наук, но по просьбе Татищева даже написал к ней посвящение [50], адресованное наследнику русского престола, будущему Петру III. Как показала Г. Н. Моисеева, после 1751 г. М. В. Ломоносов располагал уже обеими — черновой и беловой — редакциями этого труда [51].

К общеславянской проблематике, к вопросам истории, культуры и сравнительного изучения языков южных и западных славян Ломоносов обращался неоднократно, начиная от «Возражений на диссертацию Миллера» (1749) и кончая незавершенной «Древней российской историей» [52]. Наряду с древнерусскими летописными и иными источниками, а также современной ему отечественной и зарубежной литературой Ломоносов, хорошо владевший польским языком, использовал в ряде случаев работы польских историков Яна Длугоша, М. Кромера, М. Меховского, М. Претория и др.[53] Имеются свидетельства знакомства Ломоносова со сборником документов из истории венгерского и словацкого народов, подготовленным видным словацким ученым XVIII в. М. Белем «Scriptores rerum Hungaricarum» (Вена, 1746), с трактатом о происхождении славян австрийского историка И. Х. Иордана «De originibus slavicis» (Вена, 1745). Не исключено, что в связи с занятиями старославянским языком (по мнению Ломоносова, древним моравским языком, на который «переведено прежде священное писание») [54] ученый был знаком с весьма распростра-

ненной в европейских научных кругах и изданной на латинском языке книгой чешского историка конца XVII — начала XVIII в. Яна Стржедовского «Священная история Моравии, или Житие святых Кирилла и Мефодия» (1710) [55].

Славистическое наследие Ломоносова многообразно и противоречиво. Проблемы происхождения славян и истории отдельных славянских народов имели для Ломоносова не только научное, но и общественное значение, были тесно связаны с его патриотическими чувствами. Он был решительным противником норманистской концепции, развивавшейся в России Г. З. Байером и Г. Ф. Миллером, равно как и разного рода домыслов немецких и других зарубежных авторов, сознательно или по неведению искажавших и принижавших роль славян в мировой истории. По своему существу подход Ломоносова был глубоко прогрессивным. Однако в пылу полемики он нередко впадал в ошибки или некритически следовал устаревшим представлениям, которые отчасти были уже опровергнуты Татищевым и пересмотрены последующими поколениями отечественных и зарубежных ученых. Ломоносов, например, считал варягов славянами; придерживаясь так называемой «сарматской теории» происхождения славян, он доказывал, что народ «сарматского» происхождения — роксоланы «говорили языком славенским» [56], думал, что «в половине шестого веку Лех и Чех державствовали над многочисленным славянским народом» [57]. Однако значение М. В. Ломоносова в истории славянских изучений определялось не этим. Многие вопросы, поставленные им, получили свое решение лишь позднее, в трудах Й. Добровского и П. Й. Шафарика, А. Х. Востокова и отечественных славистов середины XIX в. Это касалось в первую очередь проблем этногенеза славянских народов, исторического развития и сравнительного изучения славянских языков, в том числе в сопоставлении с языками балтийской группы и др.

Обосновывая древность славянских поселений в Европе, Ломоносов правильно указывал на сложность проблемы происхождения славян, необходимость учета их контактов и связей с сарматами, скифами и угро-финскими племенами. Уже в «Замечаниях на диссертацию Миллера» он, в частности, исходил из того, что вопрос о времени появления славян в Европе не поддается решению только на основании сохранившихся письменных свидетельств, вне учета географии их расселения и данных развития языка. Ломоносов обращал внимание на широту ареала славянского языка, которым, кроме восточных славян, «много прежде» Рюрика «говорили чехи, лехи, морава, поморцы или померанцы, славяне по Дунаю, сербы и славенские болгары». Тезис о «множестве разных земель славенского племени» как доказательство «величества и древности» славян, намеченный М. В. Ломоносовым уже в 1749 г., получит дополнительное обоснование в «Древней российской истории», над которой он работал в 1754—1758 гг. и которая была издана посмертно Академией наук в 1766 г.[58]

Весьма значительным был вклад Ломоносова в славянское

языкознание. Он подошел к правильному решению вопроса о соотношении старославянского и русского языков. Оба они, как и языки остальных славянских народов, произошли, по его мнению, от общего древнейшего «славенского» языка. Тем самым М. В. Ломоносов наметил фактически исходные пути для последующего применения сравнительно-исторического подхода в славянском языкознании.

Важную роль в понимании славистических воззрений великого русского ученого играет его «Российская грамматика», выпущенная Академией наук в 1755 г. и выдержавшая в XVIII в. семь изданий. При подготовке этого первого отечественного печатного руководства по русскому языку Ломоносов сделал интереснейшее наблюдение, касавшееся классификации славянских языков. Он писал: «Языки от славенского произошли: 1. российской, 2. польской, 3. болгарской, 4. сербской, 5. ческой, 6. словакской, 7. (вендской)» [59]. Выделение им наряду и параллельно с чешским словацкого языка, не обладавшего тогда литературной кодификацией, намного опередило научные представления рассматриваемой эпохи. Не менее характерен интерес Ломоносова к «вендским» языкам, под которыми, следуя немецкому обозначению, в то время понимали языки лужицких сербов, а также племен полабских и поморских славян, остатки которых сохранялись еще в XVIII в. на территории земель Ганновер и Мекленбург. Эти западнославянские этнические группы были, по мнению Ломоносова, «все славенского племени, хотя много отмен в языках имеют [60].

Своими трудами В. Н. Татищев и особенно М. В. Ломоносов, исторические работы которого были тогда же переведены на немецкий и французский языки, получив таким образом международную известность, способствовали оживлению научного и общественного интереса к славянской теме. Кроме них, славянской проблематикой в той или иной степени занимались в XVIII в. и некоторые другие русские ученые и литераторы. Заметную роль в развитии русского и славянского языкознания сыграл, например, «Церковный словарь» (1773) московского литератора и филолога П. А. Алексеева (1727—1801), в котором содержалось «истолкование речений словенских древних, також без перевода положенных» в церковных книгах. Вместе с дополнениями этот словарь выдержал несколько изданий. Вопросам происхождения славян занимались в связи с изучением отечественной истории такие видные историки XVIII в., как И. Н. Болтин (1735—1792) и М. М. Щербатов (1733—1790).

Во второй половине XVIII в. развивался интерес русских ученых к изучению отдельных зарубежных славянских народов. В петербургской академической типографии в 1754 г. была издана небольшая книжка черногорского митрополита Василия (Петровича, 1709—1766) «История о Черной горы». В посвящении вице-канцлеру М. И. Воронцову автор заявлял, что книжка написана для того, чтобы «с народом нашим черногорским и другие славено-

сербские народы усерднейшее желание имели к высокославной Российской империи». История Черногории рассматривается автором как часть сербской истории, освещая период от XV до середины XVIII в.

Среди сочинений о зарубежных славянских народах, переведенных в 60—80-е годы XVIII в., большинство было посвящено Польше, что вполне соответствовало тогдашним читательским запросам и состоянию международных отношений в Восточной Европе. Переведенная с немецкого языка книга «О избрании королей в Польше» (1764) содержала краткий очерк истории политических институтов Речи Посполитой; ее автор — известный немецкий историк и член русской Академии наук А. Л. Шлецер (1735—1809) — в то время жил и работал в Петербурге. В 1766 г. Академия наук издала еще две книги по истории Польши: «Историю о нынешнем состоянии правительства польского», написанную А. С. Дембовским (1682—1763) и переведенную с немецкого языка В. И. Лебедевым (1716—1771), и двухтомную «Историю польского народа», которую написал секретарь бывшего польского короля Станислава Лещинского французский дипломат П. Ж. Солиньяк (1687—1773), а перевел писатель и журналист Ф. А. Эмин (1735—1770). В переводе В. К. Тредиаковского в 1768 г. вышло сочинение Вольтера (1694—1778) «Опыт исторический и критический о разногласиях церьквей в Польше», позднее оно несколько раз переиздавалось (в том числе дважды в переводе В. П. Мещерского). В Петербурге же в 1782 г. увидели свет «Польский летописец с 964 по 1764 г.» Ф. А. Шмида (1734—1807), переведенный с французского капитаном П. Одинцовым, и «Дополнение» к этой книге, написанное польским иезуитом Яном Альбертранди (1731—1808), перевод с польского языка был осуществлен поэтом В. Г. Рубаном (1742—1795).

Выпуску книг о Польше и других странах Центральной и Юго-Восточной Европы содействовало «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг», которое было учреждено при Академии наук в 1768 г. Его фактическим руководителем был талантливый филолог ломоносовской школы Г. В. Козицкий (1724—1775) [61]. Среди изданий, осуществленных «Собранием», заслуживает упоминания книга «Османское государство в Европе и Республика Рагузская» (1770), являющаяся частью многотомной «Географии» немецкого историка, географа и этнографа А. Ф. Бюшинга. Опубликованное в разгар русско-турецкой войны 1768—1774 гг., сочинение было написано автором, поддерживавшим тесные связи с Россией, переводчиком книги был В. П. Светов (1744—1783), воспитанник Г. В. Козицкого. Кроме этого, П. Ковалевым и Ф. Рогенбуке для «Собрания» были переведены тексты, посвященные Венгерскому королевству, включая Хорватию и Словакию (1774), а также Речи Посполитой (1775).

Для науки XVIII в., развивавшейся под воздействием идей просветительского рационализма, новым были стремление соединить собрание и изучение источников с их публикацией на основе

исторической и филологической критики. Работы В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова и других ученых выявили необходимость расширения документальной базы для изучения зарубежных славян, особенно на ранних этапах их истории. Первым в России к решению этой задачи обратился Татищев, который в 1738 г. представил в Академию наук подготовленные им комментированные публикации «Русской правды» и «Судебника» 1550 г. Этим кругом вопросов заинтересовался в те годы и Г. Ф. Миллер: он поместил в редактировавшемся им журнале «Sammlung russischer Geschichte» за 1732—1735 гг. фрагменты из «Повести временных лет» на немецком языке с краткими комментариями и в переводе И. В. Паузе (1670—1735), филолога, переводчика Академии наук. Татищев указал на многочисленные ошибки этой публикации, начиная с неправильной атрибуции летописи «игумену Феодосию» [62].

В 1744 г. Г. Ф. Миллер выступил с планом труда по истории и географии России. По его мысли, наряду с собиранием для этой цели летописей, хронографов, житий святых, монастырских и церковных хроник, родословных «княжеских и знатных шляхетских фамилий» и других подобного рода источников следовало также привлечь эпиграфические памятники, материалы устных опросов (но подходя к ним «с осторожностию»), а также «иностранные печатные исторические книги о России» и странах, история которых тесно с ней сопряжена [63], причем в числе этих последних он называл и Польшу. Изложенный план представлял несомненный интерес, однако сам Миллер к его реализации был подготовлен слабо. Образованные при Академии наук в 1748 г. Исторический департамент, а также Историческое собрание, просуществовавшее до 1760 г., не оправдали тех надежд, которые на них возлагались.

Ломоносов, хорошо понимая значение источниковедческой работы, еще в 1749 г. обращал внимание на необходимость сличения текстов «различных источников с целью выяснения степени достоверности описанных в них фактов» [64]. Начав в 40-х годах изучать «Повесть временных лет» по имевшемуся в его распоряжении Кёнигсбергскому (Радзивиловскому) своду, он с помощью своего многолетнего сотрудника кописта И. С. Баркова (ок. 1732—1768) приступил в середине 1750-х годов — одновременно с работой над «Древней Российской историей» — к подготовке издания Несторовой летописи. Сложная политическая обстановка, интриги противников, а затем преждевременная смерть не позволили Ломоносову завершить начатый труд. Подготовительные материалы легли в основу публикации «Летопись Несторова с продолжателями по Кёнигсбергскому списку до 1206 г.», составившую содержание первой и оказавшейся единственной части «Библиотеки российской исторической», изданной Академией наук в 1767 г.[65]

В последующие годы вышли в свет еще несколько публикаций, среди которых истории славян и других древних обитателей

Восточной Европы была полностью посвящена четырехтомная работа действительного члена Академии наук (с 1787 г. почетного академика) И. М. Стриттера (или Штриттера, 1740—1801) «Известия византийских историков, объясняющая российскую историю древних времен и переселения народов» (издание Академии наук, 1770—1775). Публикуя известные в то время византийские источники IV—XV вв., Стриттер стремился с их помощью осветить историю отдельных народов и ареала в целом. Первая часть публикации была полностью посвящена славянам. В последующих частях он приводил выборки из византийских авторов о готах, вандалах, аварах, варягах, влахах, венграх, а также о других народах, которые «в соседстве России обитали». Помощь И. М. Стриттеру в подготовке текста к печати оказывал В. П. Светов. «Как сии известия о славянах переложены на российский язык г. Световым, — указывал автор в предисловии, — так и последующие о других народах [. . .] ему же даны переводить» [66]. Несмотря на многие недостатки издания, отражавшие уровень археографии и текстологии своей эпохи, «Известия» сыграли важную роль в последующем изучении южных и западных славян, надолго сохранили свою научную значимость.

В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов и другие ученые рассматриваемого периода собственно славистами не являлись. Однако именно им принадлежала заслуга введения славянской темы в число важных объектов исследования гуманитарных наук, что несомненно оказало позитивное влияние на процесс становления отечественного славяноведения. Прежде всего это выразилось в рассмотрении русской истории и культуры как составной части общеславянского развития, в признании необходимости сравнительного подхода к изучению русского и остальных славянских языков, в их генетических и исторических связях между собой и с соседними языками, а также в развернувшемся выявлении, изучении и публикации памятников древнеславянской письменности. Постепенно выявлялся круг вопросов, которые должны были разрабатываться и разрабатывались учеными либо в рамках Академии наук, либо с ее помощью, особенно в смысле предоставления издательской базы. Таким образом, хотя уставные документы и не предусматривали этого, Академия наук на протяжении многих десятилетий служила главным и единственным центром формировавшихся в России славянских изучений.

3. Рост общественного и научного интереса к зарубежным славянам в конце XVIII — начале XIX в.

Значимость славянской темы в последние десятилетия XVIII в. и в начале следующего столетия еще более повысилась. Это было связано с демократизацией культуры, напряженными поисками путей дальнейшего общественного развития в обстановке усиливавшегося кризиса феодально-крепостнической системы, обострения классовых и политических противоречий, сложного международного положения кануна и периода Великой французской буржуазной революции и последовавших наполеоновских войн. Все эти факторы оказывали воздействие на политический курс самодержавия при Екатерине II, Павле I и Александре I, а также на общественное сознание и науку, особенно ее гуманитарные отрасли. Важнейшую роль в идейно-культурном развитии играл все усиливавшийся интерес к проблемам народности русской культуры. Он воспринимался в связи с оценкой исторических судеб русского народа, органически переплетался с широко понимаемой славянской темой, создавая новые стимулы для дальнейшего изучения языков, истории и культуры южных и западных славян.

Знамением времени стал выход этой тематики на страницы книг и периодических изданий, обращенных к широкой читательской аудитории. Так, в 1767 г. писатель и собиратель фольклора М. Д. Чулков (1744—1792) выпустил «Краткой мифологической лексикон», а годом позже писатель демократического направления М. И. Попов (1742—1790) издал «Описание древнего славянского языческого баснословия», в котором сделал попытку реконструкции славянского язычества. Славянская тема была для современников настолько интересной, что вскоре М. И. Попов использовал ее при написании авантюрного романа «Славенские древности, или Приключения славенских князей», изданного в трех частях в 1770—1771 гг. Ряд сведений о древних славянах включил в свою компилятивную «Российскую историю» (СПб., 1767—1769. Ч. 1—3) Ф. А. Эмин. Сообщения о славянах поместил в 1786 г. в «Новом Санкт-Петербургском журнале» его издатель П. И. Богданович (род. 1756). В подобных публикациях, по большей части далеких от критического отношения к источникам, уже ощущалось то представление о славянской взаимности, которое в начале XIX в. найдет отражение не только в художественном, но и в научном творчестве.

Обращение к общеславянским истокам русской истории характерно не только для литературы, но и для общественно-политической борьбы тех десятилетий. Так, Екатерина II, пытаясь идеологически обосновать незыблемость абсолютизма, обратилась к истории в «Записках касательно российской истории», пьесах о древнерусских князьях Рюрике, Олеге, сочинила «историческое представление» о князе Игоре, которое осталось, впрочем, незавершенным [67]. Наоборот, для передовых деятелей отечественной культуры славянская тема стала средством борьбы за антимонархическое, прогрессивное истолкование основных социальных и политических институтов. Наиболее полно и последовательно демократическая и революционная трактовка этих вопросов на примере древнего Новгорода отразилась в творчестве А. Н. Радищева, который к тому же в «Путешествии из Петербурга в Москву» и ряде других произведений упоминал Яна Гуса и события из истории зарубежных славян.

Русская литература широко использовала славянскую тему для определения основных черт понимаемого в духе Оссиана «русского склада». Одним из наиболее ранних примеров этого может служить опубликованный Н. А. Львовым (1751—1803) перевод «Песни норвежского витязя Гаральда Храброго» с подзаголовком: «Переложен на российский язык образцом древнего стихотворения» (1793). А. Н. Радищев в своих поэмах «Бова» и «Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам» прибегал к мифологическим образам, навеянным, в частности, сочинениями М. И. Попова. Сплетение древнерусской и славянской стихий ощущается здесь со всей очевидностью. Таким образом, общественно-политический и художественный интерес к славянской теме к исходу XVIII в. тесно сближается с интересом научным.

В такой атмосфере ученые, занимавшиеся отечественной историей и филологией, все чаще включали в круг своих интересов общеславянские материалы, обнаруживая тенденцию к специальному осмыслению языкового и культурно-исторического развития южных и западных славян. Так, Х. А. Чеботарев (1746—1815), будучи профессором российской словесности и библиотекарем Московского университета, обращался не только к русской и всеобщей истории, но и к другим областям знания. В своей книге «Географическое методическое описание Российской империи» (М., 1776), ставшей первым на русском языке учебником по отечественной географии, Чеботарев затронул отдельные аспекты древнеславянской истории и вопрос о месте славянских языков в системе языков других европейских народов. Этой проблематики он отчасти касался и в исторических выписках «из древнейших российских летописцев, какие в московских Синодальной и Патриаршей библиотеках отысканы», которые ему, а также и другому профессору Московского университета, А. А. Барсову (1730—1791), было поручено в 1783 г. составлять для Екатерины II [68]. Чеботарев призывал критически относиться к источникам и отвергал наивное этимологизирование. В сохранившихся текстах его лекций высказывается негативное отношение к идеям клерикализма и средневекового провиденциализма в историографии. Чеботарев осуждал, в частности, попытки средневековых хронистов и историков XVI—XVII вв. утверждать, будто следы существования славян прослеживаются вплоть до эпохи так называемого вавилонского столпотворения, высказывал относительно происхождения славянских народов взгляды, близкие к позиции своего современника — чешского слависта Й. Добровского. В относящейся к концу XVIII в. лекции, озаглавленной «Введение в настоящую историю о России» [69], Чеботарев подчеркивал тесную связь истории русского и остальных славянских народов. При этом он выступал против отождествления древних славян со скифами и сарматами, содействуя тем самым преодолению сарматской теории. Чеботарев полагал, что прародина славян находилась в бассейне Каспийского моря, откуда они через Малую Азию

продвинулись в район Дуная, а затем заселили ныне занимаемые ими территории. Эта гипотеза, ошибочность которой позднее была доказана, до середины XIX в. оставалась приемлемой для некоторых русских славистов. Чеботарев, обратившись к истории западных и южных славян, проявил достаточную осведомленность в тогдашней зарубежной историографии. Ему были известны, в частности, труды чешского историка Г. Добнера, впервые упомянутого в русской периодике не позже 1763 г.[70]

Широкий интерес к проблемам языка, истории и культуры зарубежных славян диктовался, кроме всего прочего, тесным переплетением исторических судеб русского и остальных славянских народов. Н. П. Румянцев (1754—1826), ставший впоследствии известным коллекционером и организатором археографической деятельности, начал изучение прошлого славян еще на рубеже 80—90-х годов, будучи дипломатическим представителем России в некоторых странах Западной Европы. Он заинтересовался контактами Древней Руси с Чешскими землями, ознакомившись в этой связи с работами Й. Добровского и чешского историка второй половины XVIII в. Ф. М. Пельцля. Обращаясь к Добровскому по поручению Н. П. Румянцева, австрийский посланник во Франкфурте Ф. Стадион в 1791 г. писал: «Румянцев, человек большого ума и с обширными познаниями и особенно усердно занимающийся изучением своей отечественной истории, отыскал у старинных русских историков указания на то, что Россия в первые времена своего существования находилась во всякого рода сношениях с Чехией и Моравией» [71].

Стремление русских ученых шире использовать зарубежные материалы, касавшиеся русской и восточноевропейской проблематики, оказывало благотворное влияние на развитие славяноведения. Это проявлялось в направленности комплектования Библиотеки Академии наук, а также книжных фондов складывавшихся во второй половине XVIII в. библиотек Московского университета, Российской академии и некоторых общественных и частных собраний.

Определенную роль играли и поездки русских студентов для продолжения образования в зарубежных университетах, осуществлявшиеся с помощью некоторых иностранных членов Академии наук, например А. Л. Шлецера. Контакты с Гёттингенским университетом, возникшие с 1745 г., значительно окрепли в середине 1760-х годов, когда там началась научно-педагогическая деятельность А. Л. Шлецера, и оставались весьма интенсивными вплоть до его смерти в 1809 г. Всего с 1745 по 1810 г. на разных факультетах в Гёттингене обучалось 112 студентов из России [72]. Среди них А. Я. Поленов, В. П. Светов, А. С. Кайсаров (1782—1813) и А. И. Тургенев (1784—1845). Заслуживает упоминания и то, что Д. Е. Семенов-Руднев (Дамаскин, 1737—1795), находившийся в Гёттингене с 1766 по 1772 г. как инспектор русских студентов, незадолго до отъезда на родину выступил с докладом «О следах славенского языка в писателях греческих и латинских»,

а также перевел на немецкий язык фрагменты из Несторовой летописи, изданные в 1773 г.[73]

В 80—90-х годах XVIII в. в России появилось несколько важных для того времени лексикографических трудов, имевших непосредственное отношение к изучению языков южных и западных славян. Так, в 1787—1789 гг. в Петербурге вышли две части «Сравнительного словаря всех языков, собранных десницею всевысочайшей особы». «Всевысочайшая особа», т. е. Екатерина II, придерживалась распространенного в XVIII в. представления о происхождении всех языков от общего праязыка, заявляя при этом, что без учета данных славянских языков невозможно успешно развивать лингвистические исследования. Однако метод поверхностного этимологизирования приводил царицу к не менее фантастическим выводам, чем простых смертных. И. В. Ягич язвительно замечал, что «всевысочайшая особа» полагала, будто «от славян произошли названия многих рек, гор, долин и пределов даже во Франции, Испании, Шотландии и т. д.» [74]. Подготовка сравнительного словаря к печати была в 1785 г. поручена академику П. С. Палласу (1741—1811), который более сорока лет прожил в России и внес значительный вклад в изучение флоры и фауны обширных районов страны. Будучи ученым-энциклопедистом, он проявлял также интерес к истории, этнографии и лингвистике, хотя и не был в этих вопросах профессионалом. Для сбора материалов был составлен проспект будущего труда, изданный в Петербурге в 1786 г. Палласу удалось использовать сравнительные лексикографические материалы, собранные другими учеными, в частности немецким библиографом и языковедом, инспектором гимназии Академии наук Г. Л. Х. Бакмейстером (1730—1806), который серьезно интересовался сравнительной лексикографией еще в начале 1770-х годов [75].

Хотя исходный замысел и не зависел от П. С. Палласа, его заслуга заключалась в сборе, обработке и систематизации обширного словарного материала: всего было сопоставлено 285 слов из 200 европейских и азиатских языков. В их ряд впервые были введены слова из славянских языков, расположенные в следующем порядке: русский, церковнославянский, словацкий («славяно-венгерский»), хорватский («иллирийский»), чешский, сербский, полабские и поморские языки («вендский», «сорабский» и «полабский», а также кашубский), польский, украинский («малороссийский») и даже «суздальский», т. е. жаргон коробейников (офеней). Подбор, последовательность группировки и характеристика слов отразили как слабость тогдашнего славянского языкознания в целом, так и просто недостаток конкретных знаний у составителей. И тем примечательнее, что по ряду существенных вопросов собранные данные подсказывали верные решения. Так, вслед за М. В. Ломоносовым составители словаря выделили словацкий язык в качестве самостоятельного, также поступили они и в отношении украинского языка — подобный подход и для отечественного, и для зарубежного языкознания того времени был и глубоко новаторским, и прогрессивным. Нельзя не отметить и пристального внимания составителей словаря к лексике подвергавшихся усиленной германизации и по большей части уже исчезнувших в XVIII в. малых западнославянских этнических групп.

Императрица, рассматривавшая словарь как предварительный опыт, запретила его широкое распространение: из 500 экземпляров тиража в продажу поступило только 40 экземпляров. А переработанное и дополненное его издание, выпущенное деятелем австрийского и русского народного образования сербом Ф. И. Янковичем де Мириево (1741—1814) в 1790—1791 гг. тиражом 1000 экземпляров под названием «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный», до 1813 г. вообще в продажу не поступало [76]. Тем не менее этот труд, созданный при активном участии Академии наук, вызвал живой отклик зарубежной славянской общественности.

Еще более значительную роль в разработке проблем общего и сравнительного славянского языкознания сыграл «Словарь Академии российской», изданный в Петербурге в шести частях на протяжении 1789—1794 гг. Этот первый толковый и нормативный словарь русского языка был детищем учреждения, основанного в 1783 г. по настоянию передовых русских ученых и писателей специально для разработки вопросов отечественной словесности. Президентом Российской академии была назначена Е. Р. Дашкова (1744—1810), занимавшая этот пост до 1796 г. Наряду с официальными и официозными лицами в состав академии вошли почти все русские члены Академии наук [77]. Душой лексикографической деятельности Российской академии стал ее непременный секретарь И. И. Лепехин (1740—1802), исходивший из принципов лингвистической концепции М. В. Ломоносова.

Параллельно с работой над «Словарем» продолжалась публикация исторических и филологических источников. При этом усилилось внимание и к источникам о зарубежных славянах. Это сказалось прежде всего в деятельности историка и археографа Н. Н. Бантыша-Каменского (1737—1814), служившего с 1763 г. в Московском архиве Коллегии иностранных дел и находившегося некоторое время в подчинении Г. Ф. Миллера. Занимаясь изучением документов об отношениях России с Турцией и Польшей, Бантыш-Каменский на протяжении 1780—1784 гг. составил капитальный свод источников «Дипломатическое собрание дел между Российским и Польским дворами с самого оных начала по 1700 г.» Этот обширный и тщательно подготовленный труд, хотя и оставался в рукописи (лишь частично он был издан в 1860—1862 гг. в «Чтениях Общества истории и древностей российских»), был известен современникам и использовался, например, Н. М. Карамзиным (1766—1826) при подготовке «Истории государства Российского».

В сотрудничестве с членами Российской академии И. Н. Болтиным (1735—1792) и И. П. Елагиным (1725—1794) в 1790-х годах

к публикации памятников древнерусской письменности приступил известный коллекционер и археограф А. И. Мусин-Пушкин (1744—1817). Обнаружение «Слова о полку Игореве», его изучение и публикация в 1800 г. текста оказали огромное и до сих пор еще недостаточно оцененное воздействие на развитие славянских изучений как в России, так и за рубежом. Последовавшее исследование, комментирование и переводы «Слова» не только на современный русский, но также на немецкий, чешский, польский и другие иностранные языки в совокупности с исследованием «Русской правды», древнерусских летописей, Остромирова евангелия и других памятников древнеславянской письменности заставили ученых по-новому взглянуть не только на историю древнерусской культуры и языка, но и на прошлое славянских народов в целом [78].

Так, характеризуя «Слово о полку Игореве», один из анонимных авторов конца XVIII в. заявлял: «Сия поэма писана на исходе XII века на славенорусском языке; но столько в ней встречается малороссийских названий, что незнающему польского языка трудно и понимать» [79]. Вероятно, аноним был знаком с польским языком, что и позволило ему уловить славянские параллели. Впрочем, мысль эта могла принадлежать и самому А. И. Мусину-Пушкину, который не случайно поручил в 1794 г. Н. Н. Бантышу-Каменскому написать «Историческое известие о возникшей в Польше унии». Впрочем, ни сам А. И. Мусин-Пушкин, ни его помощники по публикации «Слова» — Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский — так и не смогли до конца понять общеславянской языково-культурной стихии «Слова о полку Игореве». Не увидел этого и А. С. Шишков (1754—1841), хотя он был несравненно лучше членов Мусин-Пушкинского кружка осведомлен о результатах отечественных, зарубежных и славянских изучений.

Примечательно, что Й. Добровский, хорошо знавший текст памятника, ознакомившись с переизданием и комментариями А. С. Шишкова, счел необходимым, во-первых, заявить, что «русские совершенно не поняли некоторых мест», во-вторых, указать, что значительную помощь комментаторам мог бы оказать «Словарь польского языка» С. Линде [80]. Плодотворность обращения к лексике западных и южных славян при изучении «Слова о полку Игореве» понималась и в России. В переписке 1806—1807 гг. дипломат и литератор Я. И. Булгаков (1743—1809) высказывал мысль о целесообразности привлечения для разъяснения трудных мест памятника кого-либо из владеющих словенским и сербохорватским языками [81]. К мнению Й. Добровского близка позиция палеографа А. И. Ермолаева (1799—1828). В его пометах на издании «Слова о полку Игореве» 1800 г. встречается, например, сопоставление слова «речь» в древнерусском и польском языках [82].

Ценные лексикографические и археографические труды, появившиеся к исходу XVIII в. в Петербурге и Москве, поднимали престиж русской науки и открывали пути к расширению международного сотрудничества в области славянских изучений. Полезными для обеих сторон были контакты хорвата А. Барышевича с Российской академией в 1784 г. К своим петербургским коллегам писал по вопросам славянской филологии профессор чешского языка Венского университета Й. В. Злобицкий (1743—1810). Н. П. Румянцев через Ф. Стадиона спрашивал Й. Добровского, «. . .не встрелись ли вам в исследованиях вашей древней истории данные о сношениях с Россией», и просил «указать самые источники. . . для дальнейших справок» [83].

Поездка Й. Добровского в 1792—1793 гг. в Россию для ознакомления со славянскими рукописями и старопечатными книгами была в сущности первым в истории международных славянских изучений путешествием такого рода, осуществленным на основе заранее составленной программы. В ее выработке участвовал старший товарищ Й. Добровского чешский библеист и филолог-славист В. Ф. Дурих (1735—1802). Путешествие финансировалось Чешским обществом наук. В книге, написанной по итогам путешествия, и в сохранившихся материалах архива Й. Добровского содержится описание рукописей и старопечатных книг, которые он видел в России [84]. Подробно охарактеризован, в частности, обнаруженный в академической библиотеке полный комплект Библии белорусского первопечатника Ф. Скорины, изданной в 1517—1519 гг. в Праге и не сохранившейся в чешских библиотеках. В Патриаршей библиотеке задолго до обнаружения и публикации в России этого памятника Й. Добровский первым обратил внимание на «Задонщину», дав ее краткое описание и показав позднее ее преемственную связь со «Словом о полку Игореве» [85]. В целом поездка Й. Добровского способствовала установлению тесных контактов между русскими и чешскими учеными, явилась важной вехой в истории становления славяноведения.

Несмотря на очевидную пользу, поездки такого рода до 1830-х годов оставались чрезвычайно редкими. Едва ли не первыми среди русских совершили научную поездку А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев, которые, будучи студентами Гёттингенского университета, в 1804 г. в путешествии по славянским землям сознательно ставили перед собой задачу ознакомления с современным положением западных и южных славян и сбора материалов по их истории, этнографии и фольклору. Путешественники посетили Лейпциг, Прагу, Вену, Будапешт, Карловац, Загреб, Белград и другие города. Этот маршрут позволил им познакомиться с лужицкими сербами, чехами, словаками, сербами, хорватами и словенцами [86]. Воздействие поездки на формирование интереса к славистическим занятиям, особенно у А. С. Кайсарова, было огромно, что нашло отражение как в его переписке, так и в последующих работах [87]. В начале 1820-х годов заграничную поездку совершил историк и библиограф А. Д. Чертков (1789—1858), установивший контакты с итальянским литературоведом С. Чампи, занимавшимся связями России и Польши с Италией. Дважды — в 1822—1824 и 1831—1832 гг. — выезжал за границу выпускник Дерптского

университета историк славянского права А. М. Рейц (1799—1862). Начались поездки в славянские страны за счет частных субсидий. В 1821—1824 гг. такое путешествие совершил П. И. Кеппен, установивший личные контакты с рядом чешских, словацких, словенских и других славянских ученых [88].

Немаловажное значение для расширения в России информации о прошлом и современном положении южных и западных славян приобрели изданные в первой трети XIX в. путевые описания, принадлежавшие русским путешественникам, которые побывали в славянских землях. В них отразился живой и непосредственный (во многом еще наивный) интерес к истории, языку и обычаям зарубежных славян, который соседствует зачастую с интересом к их освободительной борьбе и в целом проникнут чувствами славянской симпатии. Об этом свидетельствуют, в частности, «Письма русского офицера», принадлежавшие перу поэта, публициста и историка, будущего декабриста Ф. Н. Глинки (1786—1880) и увидевшие свет в 1808 г. Характеризуя быт и обычаи словаков, автор «Писем» заявлял: «Это потомки древних славян, и время не смогло еще истребить в них тех изящных качеств, которыми отличались древние славяне [. . .] Здесь можно слышать настоящий славянский язык и любоваться им [. . .] Всякому русскому приятно видеть остатки славных прародителей своих, видеть в них простоту нравов, чистосердечие, добродушие и склонность к странноприимству и угощению». Не преминул Глинка упомянуть и о том, что он видел в Словакии «славянские грамматики и лексиконы с венгерским и немецким переводом» [89]. Заметил он не только национальные, но и социальные противоречия. Так, описывая бедность и забитость польского и украинского крестьянства в Галиции, Глинка с негодованием писал об их угнетателях — польских помещиках. Его славянские симпатии были далеки от узкого национализма и чувства исключительности. С большим уважением отзывался Глинка о венгерском народе и его борьбе с Габсбургами. Антигабсбургскую освободительную войну народов Венгерского королевства 1678—1685 гг., одним из руководителей которой был Имре Текей, Глинка сравнивал с освободительной войной украинского народа под водительством Б. Хмельницкого [90].

В 1810 г. в Москве увидела свет книга археографа и историка Д. Н. Бантыша-Каменского (1788—1850), в которой в форме писем к другу описывалось путешествие в Сербию и Дунайские княжества, совершенное им в 1808 г. Создание своей книги автор связывал с повышенным интересом в русском обществе к борьбе сербского народа за независимость под руководством Карагеоргия в годы Первого сербского восстания 1804—1813 гг. В книге отмечалось, что «нет еще ни на иностранном, ни на отечественном нашем языке путешествия в Сербию, хотя страна сия и сделалась ныне любопытной по делам политическим» [91]. По своим идейным позициям Бантыш-Каменский принадлежал к дворянскому, «охранительному» направлению в историографии. И тем примечательней его интерес к освободительной борьбе сербского народа и его национальной культуре. Описывая свое путешествие, он фиксировал внимание на народных обычаях и обрядах, которые нередко представлялись ему необычными и диковинными. Бантыш-Каменский отмечал неграмотность («непросвещенность») массы населения и в то же время отдавал дань мужеству сербов, их дружелюбию. «Я не могу довольно нахвалиться ласками всего народа; они не иначе называли меня, как братико: гордились дружбою России [. . .] Таковая любовь и привязанность их к нам, основанная на чувствовании искренней благодарности, несколько раз извлекала у меня слезы сердечного удовольствия». С уважением отзываясь о героическом прошлом сербского народа, Д. Н. Бантыш-Каменский отмечал его культурно-языковую общность с русскими. В то же время он с симпатией говорил о трудолюбии и музыкальности населения Дунайских княжеств, обращая внимание на нищету и задавленность простого народа. Большое впечатление произвела на него столица Валахии [92].

В «Военном журнале» за 1810 г. была опубликована статья «Стратегические рассуждения о первых действиях россиян за Дунаем в 1810 г. с историческими и статистическими замечаниями». Ее автором был П. Чуйкович, офицер-квартирмейстер, только что вернувшийся с балканского театра военных действий. («В своих Замечаниях, — пишет И. С. Достян, — Чуйкович приводит некоторые сведения о северной части болгарских земель, о расположенных в ней городах и крепостях — Софии, Шумле, Базарджике, Варне, Силистрии и др., сообщает о числе в них домов и жителей, их национальной принадлежности [. . .] О болгарском народе Чуйкович сообщает, однако, очень немногое».) Собранная Чуйковичем информация о Болгарии была довольно скудной, но и она представляла интерес для специалистов [93].

Если в описаниях Ф. Н. Глинки, Д. Н. Бантыша-Каменского и П. Чуйковича запечатлена в основном жизнь словаков, западных украинцев, поляков, сербов и болгар, то писатель и историк В. Б. Броневский (1784—1835) познакомил русских читателей со словенцами. Будучи офицером русского флота, он принимал участие в боевых операциях эскадры вице-адмирала Д. Н. Сенявина на Средиземном море в 1805—1810 гг. и совершил переход в составе группы русских войск из Трнеста в Петербург в 1810 г., т. е. в то время, когда еще существовали зависимые от наполеоновской Франции Иллирийские провинции, объединявшие словенские и часть хорватских земель. По мнению Броневского, «область сия составляет западную границу славянских племен». Броневский отмечал дружелюбное отношение местного славянского населения к русским солдатам, дал подробную характеристику словенцев Крайны. При этом он проявил себя решительным противником высокомерного отношения к местному населению. Несмотря на длительность иноземного угнетения, отмечал Броневский, словенцы сохраняли приверженность к своим традиционным обычаям. Ряд суждений путешественника касается культурной

близости словенцев и русских: «Сватовство и свадьбы почти не разнятся от наших [...] хороводные пляски тоже сходствуют с нашими» [94]. В путевых записках Броневского дан исторический очерк Венгерского королевства с характеристикой положения привилегированных сословий и крестьян, с констатацией антигабсбургской направленности венгерского освободительного движения, которому он явно симпатизировал. Отмечая, что во всей Европе чрезвычайно мало знают о внутренней жизни этой страны, Броневский с полным основанием писал: «До сего времени мы не имеем на русском языке достаточных сведений о сем богатом королевстве, по многим отношениям нам сродственном и, можно сказать, близком сердцу» [95].

Произведения Ф. Н. Глинки, Д. Н. Бантыш-Каменского, других русских путешественников не носили исследовательского характера. Они появились (это признают и их авторы) вследствие общественного интереса к прошлому и современному положению зарубежных славянских народов. Этот интерес отразился и на русской журналистике первых десятилетий XIX в. Чаще всего статьи, очерки и другие материалы о южных и западных славянах помещались в московском журнале «Вестник Европы», редактором которого с 1805 по 1830 г. с небольшими перерывами был М. Т. Каченовский (1775—1842). Любопытным явлением отечественной журналистики начала XIX в. был журнал «Улей», который в 1811—1812 гг. издавал известный библиограф и литератор В. Г. Анастасевич (1775—1845). Это было первое русское периодическое издание, специально посвященное славянской тематике. В. Г. Анастасевич, автор большинства опубликованных в журнале материалов, с воодушевлением писал: «Между европейскими языками славянский есть один из тех, кои наиболее распространяются; один из богатейших» [96]. Личные склонности редактора и круг подписчиков журнала, распространявшегося преимущественно в Виленском учебном округе, обусловили преобладание в «Улье» польской тематики. Библиографическая рубрика журнала, судя по его программе, содержала «замечания или известия о жизни и трудах писателей российских и польских». Ряд статей был посвящен «Словарю польского языка» С. Б. Линде. Кроме того, В. Г. Анастасевич затрагивал вопросы чешской истории и литературы. События Отечественной войны 1812 г., а также антидворянская направленность журнала сделали невозможным его продолжение. Эпизодически статьи о зарубежных славянских народах, рецензии на новые книги по этой тематике помещались, кроме того, в декабристском журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» (1818—1825), в «Московском телеграфе», издававшемся Н. А. Полевым в 1825—1834 гг., в некоторых других периодических изданиях. Журнальные публикации как и записки путешественников, оказывали стимулирующее воздействие не только на рост читательского интереса к зарубежным славянам, но и на исследование их языков, истории и культуры.

4. Центры славянских изучений в первой трети XIX в. и их деятельность

Неуклонное повышение общественной значимости славянской темы, обусловленное ростом политического и национального сознания русского общества, вело к расширению круга ученых, которые, занимаясь русской или всеобщей историей, разработкой различных филологических проблем, все чаще обращались к изучению южных и западных славян. Они не могли действовать изолированно друг от друга, ибо любая наука немыслима без обмена мнениями и, следовательно, без постоянных контактов между учеными. Задолго до появления университетских кафедр славистики или иных официальных организационных форм такого общения в России так или иначе складывались группы, объединявшие тех, кто соприкасался в научной деятельности со славистической проблематикой.

В Петербурге одним из таких научных центров была Публичная библиотека. Основанная в 1795 г. и открытая в 1814 г., она очень скоро стала восприниматься современниками как хранилище не только национально-русское, но до известной степени и общеславянское, располагавшее ценнейшими памятниками древнерусской, славянской письменности и печати. А. Н. Оленин, с 1804 г. почетный член, а с 1817 г. президент академии, вместе с А. И.Ермолаевым совершили в 1802 г. научное путешествие по России «для собирания сведений, до отечественной истории относящихся» [97]. В 1811 г. Оленин пригласил Ермолаева, помогавшего ему при подготовке «Письма А. И. Мусину-Пушкину о Тму-Таракановом камне», в Публичную библиотеку на должность хранителя Депо манускриптов (1812—1828) [98]. В свою очередь, Ермолаев снабжал Востокова выписками из ценных источников, старался заинтересовать материалами Публичной библиотеки. С 1815 г. А. Х. Востоков стал помощником Ермолаева, а после смерти последнего с 1828 по 1844 г. хранителем рукописного отделения.

К моменту прихода Востокова в Публичную библиотеку Ермолаев был уже авторитетным археографом и палеографом-книговедом, к голосу которого прислушивались ученые и собиратели древностей. К памятникам русской и славянской письменности он подходил с широких историко-культурных позиций, стремясь осмыслить их в общем контексте эволюции систем европейского и восточного письма. Об этом, в частности, свидетельствовала одна из дошедших до нас, но оставшаяся неопубликованной работа ученого — «Хронологическая картина Российской истории, поясненная изображением имеющихся памятников». Она содержит хронологические таблицы с указанием времени княжений и других событий до 1020 г. и является пособием при работе с рукописями. Будучи противником тенденциозно толковавшейся норманнской теории происхождения Русского государства, Ермолаев начинал свою работу разделом «Деяния разных славян-

ских племен до пришествия Рурика в Россию». В нем отмечено, что славяне становятся известны византийцам в 495 г., а к 527 г. отнесено «первое нападение славян на греческие владения». Добавим, что Ермолаеву принадлежала неоспоримая заслуга в выработке принципов и методики научного описания рукописных сборников и «правил для издания в печать древних исторических рукописей» [99]. Изучение наследия Ермолаева подтверждает вывод А. А. Кочубинского о том, что он намного опередил Й. Добровского «в определении требования для настоящего палеографического издания славянских памятников» и был главным наставником А. Х. Востокова, прошедшим под его руководством «первую славянскую школу» [100].

На формирование славистических интересов Востокова существенное влияние оказывала также общая атмосфера, царившая тогда в Публичной библиотеке. Ее директор А. Н. Оленин, занимаясь славистикой, видел главную задачу в собирании «тех предметов, которые могут служить к умножению российской Библиотеки в пользу отечественной истории, древностей, языка и словесности» [101]. В его личном архиве сохранились выписки из Несторовой летописи о древних обычаях славянских народов, о судоходстве и войнах с Византией, о Тмутараканском камне и других занимавших его вопросах. Оленин первым выдвинул идею издания на русском языке зарубежных источников о России, поручив в 1820 г. библиотекарю Публичной библиотеки Д. П. Попову перевести на русский язык «Историю» Льва Дьякона как современника князя Святослава [102]. Именно он посоветовал Н. Г. Устрялову (1805—1870) «написать небольшое рассуждение» из истории сношений с Польшей в эпоху Киевской Руси. Оно было подготовлено в 1831 г. под названием «Россия и Польша. Мысли русского офицера», но осталось в рукописи [103].

В разные годы вместе с Востоковым в Публичной библиотеке трудились В. С. Сопиков (с 1811 по 1818 г.), И. А. Крылов (с 1812 по 1841 г.), Н. И. Гнедич (с 1826 по 1831 г.). Особенно живо вопросами русской словесности и славянской культуры интересовался один из основоположников отечественной библиографии — В. С. Сопиков (1765—1818), специалист по истории русского и славянского книгопечатания. При содействии Публичной библиотеки увидел свет его капитальный библиографический труд, в первой части которого содержался наиболее полный для того времени перечень церковнославянских книг, начиная с краковских изданий Швайпольта Фиоля конца XV в.[104] Новым и имевшим принципиальное значение было введение Сопиковым расширительного толкования понятия «славянское книгопечатание». Он относил сюда книги, отпечатанные на славянских языках не только кириллицей, но и латиницей, например издания библейских текстов по-чешски. Такой подход был воспринят и развит в трудах А. Х. Востокова, П. И. Кеппена и П. М. Строева [105].

Именно исследования Остромирова евангелия и других рукописей (по большей части из Публичной библиотеки) лежали в основе знаменитого «Рассуждения о славянском языке» (1820), выдвинувшего А. Х. Востокова в ряд крупнейших ученых того времени. Материалы Публичной библиотеки были использованы им при подготовке капитального «Словаря церковнославянского языка» (1858—1861. Т. 1—2) и других работ. В 1837—1840 гг. он работал над изданием Остромирова евангелия (1843).

Важным славистическим научным центром в Петербурге являлась Российская академия. Вопрос об оценке ее места и значения в становлении отечественного славяноведения сложен. Фигура адмирала А. С. Шишкова, ставшего членом Российской академии в 1789 г. и возглавлявшего это учреждение с 1813 до 1841 г., нередко вызывала и вызывает сомнения в целесообразности и научной плодотворности многих акций, предпринятых данным учреждением в рассматриваемые десятилетия.

Действительно, убежденный консерватор, пропагандист идей самодержавной власти и официального православия, инициатор реакционного цензурного устава 1826 г., Шишков и в научно-литературной области проявил себя ретроградом. Он высказался против той перестройки русского литературного языка, которую начали Н. М. Карамзин и его сторонники, попытавшись обосновать свои взгляды в двух частях трактата «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1803—1804) [106]. Шишков отстаивал мысль о том, что старославянский язык является первоосновой всех славянских языков. К таким выводам он приходил, опираясь на произвольные этимологические построения в духе изживших себя представлений XVIII в. Это не могло не вызывать к ним критического и даже иронического отношения со стороны современников и последующих исследователей. Один из них писал о Шишкове: «Он свободно разгуливал в созданном его воображением филологическом саду, извлекал из него и корни и деревья, ломал и пересаживал их по своему произволу в наивной уверенности, что труд его принесет обильные и в высшей степени полезные плоды» [107].

Однако деятельность Российской академии не сводилась к деятельности ее президента, а деятельность Шишкова не исчерпывалась негативными чертами. В 1806—1822 гг. вышли 6 частей «Словаря Академии российской, по азбучному порядку расположенного», были выпущены в свет три издания «Российской грамматики», которую по образцу «Грамматики» М. В. Ломоносова подготовили члены Академии П. И. Соколов (1764—1835) и Д. М. Соколов (ум. 1819). С 1805 по 1823 г. появились 7 томов «Сочинений и переводов», параллельно с которыми начиная с 1815 г. издавались «Известия Российской академии», завершившиеся в 1828 г. 12-м томом. Их продолжением явились «Повременное издание» (1829—1832. Т. 1—4) и «Труды» (1840—1842. Т. 1—5).

Вплоть до ее преобразования в 1841 г. во второе отделение (языка и словесности) Академии наук действительными и почетными членами Российской академии неоднократно избирались

откровенные реакционеры и люди, весьма далекие от науки. Однако в ее состав входили и лучшие представители отечественной литературы: И. А. Крылов, В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, видные ученые: Н. Н. Бантыш-Каменский, Е. А. Болховитинов, А. Х. Востоков, М. Т. Каченовский, А. Ф. Малиновский, А. И. Мусин-Пушкин, Н. П. Румянцев и др. Многие из членов Российской академии, прежде всего Н. М. Карамзин, являлись литературными противниками и оппонентами Шишкова. В речи по случаю своего избрания, произнесенной в 1818 г., Карамзин, хотя и относил азбучный словарь к числу «тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев», со всей определенностью возражал против предпринимавшихся Шишковым попыток искусственного «обогащения» языка. «Слова не изобретаются академиями [. . .] — заявлял Карамзин. — Новые мыслию одушевленные слова входят в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого ученого законодательства с нашей стороны: мы не даем, а принимаем их» [108].

Склонность Шишкова к дилетантскому этимологизированию была присуща и некоторым другим членам Академии. В 1811 г. И. И. Леванда за трактат «О родоначалии склавенов, или славян, и происхождении наименования оных» был избран членом Российской академии [109]. Но еще до этого его работы по вопросам сравнительной лингвистики, в том числе о «первобытном языке», получили убийственную оценку со стороны адъюнкта восточных языков Академии наук Х. Ю. Клапрота (1783—1835) и профессора Дерптского университета Х. Ф. Дейча. Отметив дилетантизм автора, Клапрот замечал, что «при совершенном недостатке остроумия можно довести словопроизведение до безумия, таковое сумасбродство заключается в каждом положении сих пяти сочинений» [110]. Дейч, оказавшийся в положении третейского судьи, присоединился к мнению Клапрота. «Есть ли ж сочинитель наш, — писал он, — без разбору и не следуя никаким твердым и однообразным правилам производит и объясняет греческие, латинские, французские, русские и славянские слова со всеми принадлежащими к ним видами и окончаниями посредством арабского, персидского и китайского языков, то может ли произойти из сего что-либо иное, кроме ошибок и заблуждений?»

Важнейшей формой участия в работах Российской академии А. Х. Востокова было представление «мнений» о рассматривавшихся здесь книгах. Некоторые отзывы были опубликованы. Так, в «Трудах» Российской академии (Т. 4. С. 137—147) было помещено «Мнение о сочинении Данковского „Грамматика всех славенских и греческого наречий“», написанное Востоковым совместно с академиком российской словесности В. М. Перевощиковым (1785—1851). Среди авторов, помещавших свои работы в изданиях Академии, был и Е. А. Болховитинов, которому принадлежала статья «Осада Пскова польским королем Стефаном Баторием в 1581 г.» («Повременное издание». Т. 3. С. 32—92). Один из зачинателей русской славистики — К. Ф. Калайдович

(1792—1832) преподнес в дар Российской академии свой труд «Иоанн, экзарх Болгарский», посвященный старославянской письменности и языку, о чем было объявлено в «Известиях» в 1828 г. (Т. 12. С. 34—35).

Факт участия многих видных ученых и писателей в практической работе Российской академии сам по себе примечателен и свидетельствовал о далеко не однозначном отношении к ней со стороны современников. Так, Пушкин, сетовавший в 1835 г. на то, что Шишков «набил академию попами», годом позже приветствовал мысль о подготовке третьего издания «Словаря», «коего распространение час от часу становится необходимее». Не приемля этимологических вывертов Шишкова, Пушкин отмечал, что его заблуждения были искренними. «Один в толпе вельмож он русских муз любил», — таким виделся Шишков великому поэту [111].

Некоторые идеи Шишкова оказали влияние на Крылова и Грибоедова. Находясь в заключении, декабрист В. К. Кюхельбекер писал в 1832 г.: «Я вот уже 12 лет служу в дружине славян под знаменами Шишкова, Грибоедова». Признание очень ценное. Едва ли не наиболее точно и проницательно мнение Й. Добровского, который летом 1813 г. встречался и беседовал с Шишковым в Праге. Назвав его в письме Е. Копитару «достойным старцем» и «знатоком своего и особенно старославянского языка», Й. Добровский отметил, что Шишкову недостает общей научной подготовки [112].

В ряде областей науки деятельность Шишкова была полезной. Одним из первых в России он обратил внимание на роль фольклора в развитии литературного языка и на важность расширения работ в области сравнительного славянского языкознания, надеясь, что это позволит ввести в русский литературный язык «слова славянские, у нас неизвестные», избавит от заимствования неславянских слов. Обращаясь в своих этимологических разысканиях к языкам и письменности зарубежных славянских народов, он намечал порой и верный подход к их истолкованию.

Шишкову как одному из авторов академического устава 1818 г. принадлежала мысль об установлении контактов с зарубежными славянскими учеными и о подготовке сравнительного словаря и грамматики славянских языков. Одновременно намечалось создать при Российской академии славянскую библиотеку. Для реализации этого уставного требования А. С. Шишков попытался на рубеже 20—30-х годов пригласить в качестве сотрудников проектировавшейся славянской библиотеки чешских ученых В. Ганку и П. Й. Шафарика, а также чешского поэта и переводчика со славянских языков, филолога Ф. Л. Челаковского. Им предполагалось вменить в обязанность и составление сравнительного славянского словаря. Слухи об этом вызвали интерес среди русских ученых. «Пора давно этим заняться, — писал в 1830 г. В. Г. Анастасевичу этнограф и фольклорист И. М. Снегирев (1793—1868), — без чего нельзя добраться до истинного про-

исхождения многих слов и значения оных, ни составить хорошего словаря русского»[113].

Этот план, к сожалению, остался неосуществленным. Одной из причин неудачи было настороженное, противоречивое отношение к русско-славянским контактам со стороны Александра I и Николая I. Однако связи с многими польскими, чешскими и другими славянскими учеными Шишкову все же удалось наладить. Среди почетных членов Российской академии были польский лексикограф С. Б. Линде (с 1818 г.), чешские филологи Й. Добровский и Ян Неедлы (оба с 1820 г.). Близкие контакты установились у Российской академии с В. С. Караджичем, посетившим Петербург в 1819 г. А. С. Шишков и Н. П. Румянцев каждый по-своему пытались привлечь его к сбору письменных источников на южнославянских землях. Российская академия и ее президент состояли в переписке с Е. Копитаром, Й. Юнгманом, П. Шафариком, В. Ганкой, Л. Раковецким и другими западно- и южнославянскими учеными. Информация об их деятельности и некоторые работы помещались на страницах изданий Российской академии. Так, в «Известиях» были опубликованы речь Я. Неедлы при вступлении его в Российскую академию «О совершенстве и преимуществе богемского языка над многими другими» (т. 3, с. 1—61), статья Д. Момировича «Краткая история Сербии до начала IX столетия» (Труды. Т. 4. С. 233—254) и ряд других материалов, исходивших от зарубежных славянских авторов.

Бесспорным достижением Российской академии стала организация научных экспедиций в славянские страны. На ее средства сербский филолог В. С. Караджич дважды предпринимал поездки по Балканам для сбора рукописей и фольклорных материалов. В 1834 г. он вместе с русским историком, этнографом и литератором Н. И. Надеждиным (1804—1856) посетил Далмацию, Черногорию, Хорватию, Славонию и Сербию. Вскоре после выхода книги первого русского болгариста Ю. И. Венелина (1802—1839) «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (1829) Российская академия вынесла решение: «Отправить лекаря Венелина в путешествие по Болгарии, Валахии и Молдавии для отыскания и описания оставшихся памятников древнего языка сих стран и преимущественно болгарского»[114]. Среди других акций, поддерживавшихся Российской академией, следует назвать помощь В. Б. Броневскому в публикации его путевого описания, а также поездку в славянские земли в 1841 г. основателя Одесского общества истории и древностей Д. М. Княжевича (1788—1844).

В целом Российская академия, в составе которой было несколько крупных ученых, занимавшихся славянской тематикой, внесла заметный вклад в изучение языка, истории и культуры южных и западных славян и тем самым в общий процесс становления отечественного славяноведения.

Важным центром развивавшихся славянских исследований становится на рубеже XVIII—XIX вв. Московский университет.

Ряд его профессоров, в том числе члены Вольного российского собрания и Российской академии А. А. Барсов, С. Е. Десницкий (ок. 1740—1789) и С. Г. Зыбелин (1735—1802), а также Х. А. Чеботарев уже во второй половине XVIII в., а М. Т. Каченовский в начале XIX в. затрагивали в связи с занятиями отечественной историей и словесностью общеславянскую проблематику и отдельные вопросы языка, истории и культуры зарубежных славян. Профессор Московского университета Н. Е. Черепанов (1763—1823), преподававший в начале XIX в. словесность и всеобщую историю, в своих лекциях и книгах касался историко-географической характеристики Чешских земель, Польши и Галиции. В той или иной степени к славянской теме обращались также Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский, а также А. И. Мусин-Пушкин и Н. М. Карамзин.

В 1804 г. при Московском университете возникло Общество истории и древностей российских (ОИДР) во главе с тогдашним ректором Х. А. Чеботаревым. Предполагалось, что цель нового общества «будет состоять в критическом, то есть вернейшем и исправнейшем издании оригинальных древних летописей, с приобщением к ним научных замечаний, дабы то и другое могло служить основанием в сочинении подлинной Российской истории»[115]. Неудивительно, что наряду с профессорами университета среди участников Общества истории и древностей российский оказались археографы Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, А. И. Мусин-Пушкин и Н. М. Карамзин. Почетным членом ОИДР был гёттингенский профессор А. Л. Шлецер «как опытнейший в сем роде учености».

Обращает на себя внимание, что ряд ведущих членов общества, прежде всего его председатель и секретари (П. А. Сохацкий и М. Г. Гаврилов), были в свое время участниками или питомцами просветительского Дружеского ученого общества или находились в контактах с кружком московских мартинистов Н. И. Новикова, разгромленным Екатериной II в 1790-х годах. С идеологом русского просветительства Н. И. Новиковым (1744—1818) ближе всего был связан Х. А. Чеботарев. Все это скоро стало вызывать в реакционных кругах подозрительное отношение к деятельности Общества. В результате неоднократных доносов попечителя московского учебного округа П. И. Голенищева-Кутузова правительство реорганизовало Общество истории и древностей российских под предлогом его «малой пользы». Согласно вновь утвержденному уставу 1811 г., его деятельность была ограничена подготовкой к изданию летописей, а председателем вместо Х. А. Чеботарева был назначен литератор П. П. Бекетов, почетный член Московского университета. Состав Общества был расширен. Наряду с некоторыми прежними его членами (Н. Н. Бантыш-Каменским, И. Ф. Буле, А. Ф. Малиновским, А. И. Мусин-Пушкиным, А. А. Прокопович-Антонским и др.), а также видными палеографами и литераторами (Ф. Н. Глинкой, К. Ф. Калайдовичем, М. Т. Каченовским, Р. Ф. Тимковским и др.) ОИДР включило

официальных деятелей (П. И. Голенищева-Кутузова) или вовсе бесцветные личности (вроде П. П. Бекетова) [116]. Х. А. Чеботарев был выведен из состава Общества, а Н. М. Карамзин, исключить которого как придворного историографа власти не решились, сам отказался от участия в делах Общества.

Указанная акция вызвала недовольство части московских ученых. В период реорганизации, а по существу ликвидации прежнего Общества (по терминологии «высочайшей» резолюции, «упразднения») [117] группа профессоров возбудила перед министром народного просвещения А. К. Разумовским ходатайство о создании при Московском университете параллельного Общества любителей российской словесности (ОЛРС). Оно было утверждено в июне 1811 г., т. е. спустя несколько месяцев после принятия нового устава ОИДР. В состав ОЛРС вошли некоторые члены как первоначального, «чеботаревского» (М. Г. Гаврилов, П. И. Страхов), так и преобразованного ОИДР, в частности М. Т. Каченовский, Р. Ф. Тимковский и А. А. Прокопович-Антонский (1763—1848), причем последний был назначен председателем ОЛРС и занимал этот пост до 1826 г.[118] Ввиду значительных идейных расхождений и отказа от сотрудничества с обществом А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя и других видных деятелей культуры оно прекратило свою работу в 1837 г., возобновив ее лишь в 1858 г.

Названные общества сыграли положительную роль в разработке вопросов истории, литературы и языка не только русского, но отчасти и других славянских народов.

В 1805 г. ОИДР выдвинуло конкурсный вопрос: «Нестор, летописец российский, говорит, что славяне, населявшие Россию, пришли с берегов Дуная из Болгарии и земли Угорской, будучи вытеснены оттуда Волохами. Когда, по всем вероятностям, могло случиться их переселение? И кого Нестор называет Волохами: римлян, лонгобардов, болгар или действительных волохов?». Постановка вопроса, который сформулировал Х. А. Чеботарев, естественно вытекала из потребностей исследования членами Общества Повести временных лет, которое они вели с использованием Лаврентьевского списка летописи. Результаты конкурса оказались в итоге более чем скромными. Из четырех сочинений, анонимно поступивших к установленному сроку в 1809 г., авторы трех сочли волохов римлянами или лонгобардами, а автор четвертого (им оказался профессор Московского университета Х. А. Шлецер, сын гёттингенского ученого) присоединился к мнению тех немецких историков, которые отождествляли волохов с болгарами.

В последующие годы на заседаниях ОИДР иногда заслушивались доклады, касавшиеся общеславянской тематики. Так, в январе 1812 г. писатель П. Ф. Калайдович (1791—1839) выступил с докладом «Краткий чертеж народов славянских, обитавших на местах нынешней России до пришествия русских князей в Новгород», в котором приводил перечень славянских племен. Конкурсный вопрос, выдвинутый в марте 1812 г., затрагивал одну из сложнейших проблем славянского языкознания. Он был сформулирован

следующим образом: «Язык, на котором писан принятый русскими перевод Библии, летописи их и церковные отцы, ими переведенные, и который они называют словенским, в самом ли деле есть подлинный славянский коренной язык, произведший столь многие отрасли, или он не что иное есть, как только произведенный, подобно прочим? [. . .] Существует ли еще подлинный словенский коренной язык и где существует оный?» [119]. В рамках ОИДР решения этого вопроса найдено не было. Однако блестящим ответом на него явилось знаменитое «Рассуждение о славянском языке, служащее введениям к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам» А. Х. Востокова, опубликованное в «Трудах» ОЛРС в 1820 г.[120] Этот пример показывает, что славистические аспекты деятельности ОИДР целесообразно рассматривать в совокупности с деятельностью ОЛРС, тем более что ведущие ученые, занимавшиеся этой проблематикой, входили в состав обоих объединений.

В «Трудах» и «Речах», издававшихся ОЛРС с момента его создания, были опубликованы статьи П. Ф. Калайдовича и М. Т. Каченовского по истории старославянского языка. Рассуждая о том, на каком языке написано «Слово о полку Игореве», П. Ф. Калайдович пытался определить, был ли это славянский язык, существовавший в России до перевода книг Священного писания, или какое-либо «областное наречие». К подобным вопросам члены Общества любителей российской словесности обращались и в последующие годы. Показательно, что в 1828 г. к числу работ, «необходимо нужных для русской и славянской лингвистики», А. Х. Востоков наряду с изданиями Российской академии отнес и «Труды» Московского ОЛРС [121].

Роль своеобразного центра, способствовавшего в первой трети XIX в. разработке и популяризации в России славянской темы, выполняли также журнал «Вестник Европы», выходивший в Москве с 1802 по 1830 г., и некоторые другие журналы [122].

В Дерптском университете обращение к славистической проблематике в начале XIX в. было связано с именами Г. А. Глинки, а также воспитанников Гёттингенского университета А. С. Кайсарова и И. Ф. Г. Эверса. Г. А. Глинка (1774—1818) занимал здесь кафедру русского языка и литературы с 1802 по 1810 г. Человек консервативных взглядов, не обладая к тому же специальной подготовкой, он издал в 1804 г. книгу о религии древних славян. Основную ее часть занимало описание языческих божеств, которые он систематизировал по примеру древнегреческого пантеона. Как и выводы М. И. Попова, М. Д. Чулкова, других авторов предшествующих десятилетий, на которых отчасти основывался трактат, рассуждения Г. А. Глинки были далеки от научного понимания проблемы. Примечательно, что отсутствие здесь критического отношения к источникам сочеталось с произвольными домыслами, которые автор рассматривал в качестве вполне допустимого метода исторической реконструкции. В предисловии к своей книге Г. А. Глинка откровенно сообщал, что пробелы в знании

о «фантазии и мечтательности» древних славян он будет «наполнять собственною под древнюю стать фантазиею» [123].

Совершенно иной характер носила деятельность А. С. Кайсарова. Еще обучаясь в Гёттингене, он обнаружил глубокий интерес к славянской лингвистике, истории, фольклору и этнографии. В Гёттингене он написал набросок статьи «О жилищах славян во время германцев» и трактат «Опыт славянской мифологии», изданный по-немецки в 1804 г., а позднее, в Москве, на русском языке под названием «Славянская и российская мифология» (1810). Основываясь на данных летописей, народных обрядах, материальных памятниках культуры и других доступных в тот период источниках, Кайсаров стремился показать культурно-историческую общность славянских народов. Несмотря на существенные недостатки, во многом объяснявшиеся общей неразработанностью проблематики, работа Кайсарова получила положительную оценку со стороны Й. Добровского. Большой интерес представляет написанное Кайсаровым в 1805 г. предисловие к задуманному, но не осуществленному «Сравнительному словарю славянских наречий» [124]. Это предисловие ценно как одна из первых попыток сформулировать цели и задачи славянской лексикографии, которая, по словам Кайсарова, должна «показать разительное сходство словенских наречий между собою и возбудить охоту к дальнейшим исследованиям». Сохранившиеся работы Кайсарова отмечены чертами прогрессивности и стихийного демократизма, приверженностью к передовым традициям русской общественной мысли. Характерно, что в «Опыте славянской мифологии» он с большим уважением отзывался о Н. И. Новикове.

Кайсарову как ученому были присущи три важнейшие особенности. Во-первых, он понимал общественную значимость науки и с симпатией относился к борьбе славянских народов против национального и социального порабощения. Во-вторых, тема народа занимала центральное место в творчестве Кайсарова. Этим объяснялось усиленное его внимание не к политической истории, а прежде всего к вопросам славянской лингвистики, этнографии и фольклора. В-третьих, Кайсарову принадлежало обоснование ряда принципиальных положений методологии изучения славянства. Он указывал на необходимость критического отношения к источникам и трудам своих предшественников, в том числе и к многим выводам А. Л. Шлёцера. Чрезвычайно важным и для своего времени новаторским был вывод А. С. Кайсарова о том, что подлинное изучение прошлого России невозможно вне сопоставления его с общеславянским развитием. «Вникая в бытописания русские, — указывал он в предисловии к проектировавшемуся «Сравнительному словарю», — уверился я самым опытом, что нельзя быть искусным русским историком, не зная других словен» [125].

Заняв после ухода Г. А. Глинки в 1811 г. кафедру русского языка и литературы в Дерптском университете, Кайсаров старался излагать эти идеи в своих лекциях. К сожалению, он не успел

полностью развернуться как славист. После начала Отечественной войны 1812 г. он ушел в действующую армию и погиб в мае следующего года в Германии (под Хайнау).

И. Ф. Г. Эверс (1781—1830) пришел в Дерптский университет почти одновременно с А. С. Кайсаровым: в 1810 г. он занял кафедру географии, истории и статистики России. С 1818 по 1830 г. его избирали ректором университета. Ему принадлежал ряд трудов по русской истории, среди которых наибольшей известностью пользовались изданные по-немецки книги «История русских» (1816) и «Древнейшее русское право в его историческом развитии» (1826). В своем творчестве Эверс проделал определенную идейную эволюцию, в связи с чем его общественно-политическую позицию нельзя оценивать однозначно. Если в последней из названных работ он заявил о себе как о приверженце «истинного монархизма» Николая I, то в начале жизненного пути взгляды Эверса были во многом близки Кайсарову.

Наряду с историей России Эверс обращался и к славянской теме, хотя в печати специально ее не затрагивал. В относящемся к 1827—1828 гг. деле об учреждении при Дерптском университете так называемой славянской библиотеки ставился вопрос о создании в составе университетской библиотеки особого отдела русских и вообще славянских книг. Это было важной инициативой, которая до сих пор не получила должного освещения и в контексте развития отечественного славяноведения не рассматривалась. Ее смысл был изложен в письме попечителя Дерптского учебного округа К. А. Ливена от 26 октября 1827 г. на имя министра народного просвещения А. С. Шишкова — речь шла о выделении средств «для основания славянской библиотеки, преимущественно по части истории и первоначальных прав всех славянских народов». Приведенная формулировка свидетельствует о том, что автором проекта мог быть только Эверс. В этом убеждает дальнейшее содержание письма. «Такового собрания, — говорилось в нем, — настолько недостает в Дерптском университете, но и, кажется, нет нигде в государстве, а пока недостает оного, дотоле по части древней российской истории вообще, особливо же по части права, нельзя издать ничего удовлетворительного и основательного». Как видно из последующего текста письма, Эверс просил разрешить ему «купно с профессором российского языка и словесности» употребить имевшиеся суммы «на приобретение книг славянской литературы со включением рукописей, из коих некоторые, как известно ректору, находятся в библиотеках и монастырях Австрийского государства» [126].

В связи с тем что Петербург затребовал перечень книг, которые предполагалось приобрести для библиотеки, Эверс представил список, оговорив, что «оный извлечен большею частию из Шафариковой «Истории славянского языка и словесности по всем его наречиям» (Офен, 1826) и может служить только для обзора того, что по сей части вообще надобно приобресть, но не может быть принят за твердое правило, от которого бы после нельзя

4 Заказ 1786

было отступать». Подчеркивая, что для конкретизации состава славянского фонда Дерптского университета желательно узнать мнение отечественных и зарубежных ученых, Эверс считал желательным организовать изготовление копий важнейших славянских рукописей, находящихся в зарубежных хранилищах, войдя для того в контакт «с учеными славянами». Он выражал надежду, что «сии охотно примут на себя споспешествовать к приличному выполнению плана, тем более что такового заведения, как предназначается в Дерпте, нигде не существует и для всех должно оно казаться национальным предприятием» [127].

В министерстве народного просвещения было решено «посоветоваться с Востоковым и другими славяно-библиофиками», результатом чего явилось мнение, представленное выдающимся русским славистом в апреле 1828 г. Одобрив инициативу Эверса, Востоков полагал, что к самым необходимым книгам славянского отдела Дерптской университетской библиотеки должны быть причислены славянские грамматики М. Смотрицкого, Й. Добровского и Пенинского (3-е изд., 1827), грамматики русского языка М. В. Ломоносова, Российской академии, Московского общества любителей российской словесности, «Древняя российская вифлиофика» Н. И. Новикова, «Иоанн Экзарх Болгарский» в издании К. Ф. Калайдовича и некоторые другие книги, в том числе работы П. И. Кеппена и М. А. Максимовича. «Что касается до выбора книг, служащих к изучению богемского, польского, краинского и других славянских диалектов, — заключал Востоков, — то всего лучше предоставить выбор сей ученым знатокам оных диалектов, например Добровскому, Копитару, Линде, как и намеревается поступить университет» [128]. План Эверса был направлен на существенное расширение возможностей изучения в России истории и культуры зарубежных славян.

В Виленском университете со славистической проблематикой была связана деятельность М. К. Бобровского (1784—1848), а также историка и филолога И. Н. Лобойко (1786—1861) и отчасти этнографа и фольклориста А. Чарноцкого (1784—1825), более известного под псевдонимом З. Доленга-Ходаковский. Последний занялся исследованием культуры славянских народов уже в 1810-х годах. Его первая работа «О славянстве до христианства», опубликованная при поддержке видного польского и русского государственного деятеля А. Чарторыйского в 1818 г. по-польски, встретила положительную оценку со стороны как польских (В. Суровецкий), так и русских славистов (В. Г. Анастасевич). Однако взаимоотношения Доленги-Ходаковского с виленской научной средой не сложились, и он переехал в Петербург. Последующая деятельность его всецело связана с развитием русской славистики. Наибольший научный интерес представляли выводы З. Доленги-Ходаковского относительно древнейших славянских поселений, опровергавшие антиисторические построения норманистов. Им были собраны значительные материалы по этнографии и фольклору русского и других славянских народов.

Он обосновал источниковедческое значение данных исторической географии и собрал богатый материал по славянской топонимике в России.

М. К. Бобровский, основной сферой научных занятий которого была теология, внес вклад и в исследование славянских древностей, которые он, в частности, изучал во время путешествия по землям западных и южных славян, предпринятого в 1817—1822 гг. за счет Виленского университета. Ему принадлежало одно из первых научных описаний славянских рукописей и старопечатных книг Ватиканской библиотеки. Наиболее тесно в те годы И. Н. Лобойко был связан с Виленским университетом, ординарным профессором которого он был в 1822—1833 гг. Преподавая здесь русскую филологию и старославянский язык, И. Н. Лобойко читал с 1824 г. сравнительную грамматику русского, польского и старославянского языков — по существу первый курс такого рода в истории отечественной и мировой славистики.

Постепенное складывание славистических центров в Петербурге, Москве, а затем в Дерпте и Вильне стимулировало стремление ученых, занимавшихся разными аспектами славянских изучений, к обмену мнениями и сотрудничеству. А. Х. Востоков и А. Н. Оленин, участвовавшие в работах Российской академии, по кругу своих научных интересов и служебных занятий были связаны с деятельностью Публичной библиотеки. Ярким примером тенденций к научной интеграции стал кружок, сложившийся в 1810—1820-х годах вокруг Н. П. Румянцева. Он объединял почти всех известных отечественных ученых, живших в Москве, Петербурге и ряде других городов России и занимавшихся теми или иными вопросами лингвистики, истории, археографии, палеографии и культуры славянских народов.

К исходу первой трети XIX в. изучение в России общеславянской проблематики, а равно и отдельных вопросов языка, истории и культуры западных и южных славян заметно продвинулось вперед. В особенности это касалось разработки сравнительного славянского языкознания, археографии и палеографии. В этой области выдающееся значение имела деятельность А. Х. Востокова, а также Е. А. Болховитинова, А. И. Ермолаева, К. Ф. Калайдовича, П. М. Строева и др. Новые импульсы получала разработка этнографии, фольклора и истории зарубежных славян, в частности, благодаря Н. М. Карамзину, З. Доленге-Ходаковскому, А. С. Кайсарову и др.

Все это явилось важным шагом в становлении отечественной славистики и отразило тенденцию к отпочкованию изучения зарубежных славян от разработки русской истории, филологии и связанных с ними научных дисциплин. Одними из важнейших внешних проявлений отмеченного процесса явились попытки очертить предмет новой области знания. Наиболее ранние из них были сделаны в работах М. В. Ломоносова. Так или иначе к этому вопросу обращались Х. А. Чеботарев и А. С. Кайсаров. О том, что подразумевалось в начале XIX в. под славянскими изучениями,

можно судить по относящимся к 1828 г. соображениям Эверса о профиле комплектования славянского фонда Дерптской университетской библиотеки. В этот фонд, по мнению Эверса, должны были войти все славянские грамматики и словари, «включая [. . .] и самые древнейшие опыты, поелику знание древнего славянского языка для упражнения в оном вообще важно»; все издания народных песен и пословиц, «ибо они столь же необходимы для основательного упражнения в языке, как и для истории нравов»; «отличнейшие и новейшие» труды по истории славянской словесности; работы по статистике и истории славянских народов, издания источников; исследования по славянскому праву; оригиналы и копии памятников письменности западных и южных славян [129]. Итак, речь шла о лингвистике, фольклоре и этнографии, истории и источниковедении, истории права, статистике, археографии и палеографии. Такое понимание предмета славистики встретило поддержку со стороны А. Х. Востокова, который, как видно по приведенному выше ответу, счел целесообразным отделить общее славяноведение от отдельных страноведческих комплексов, назвав в качестве примеров богемистику, полонистику и словенистику. Это, безусловно, отвечало реальному ходу славистической специализации, наметившейся в рассматриваемые десятилетия. Думается, что мнение А. Х. Востокова, который одобрил практические предложения Эверса, для России можно считать первым вариантом теоретического осмысления предмета славистики с выделением в его составе общей, сравнительной и страноведческой частей. Открывая пути для дальнейшего развития методологии славянских изучений, оно в то же время обобщало реальный опыт, накопленный к тому времени в отечественном и мировом славяноведении.

Обозначилась и другая существенная тенденция — превращение славистики не только в научную, но и в учебную дисциплину. Ее появление и развитие связаны с Московским университетом. В августе 1811 г. попечитель Московского учебного округа П. И. Голенищев-Кутузов обратился к министру народного просвещения А. К. Разумовскому с предложением учредить «кафедру славянского языка». Этот вопрос поднимался рядом университетских профессоров, в частности М. Т. Каченовским. Необходимость учреждения новой кафедры мотивировалась значением церковнославянского языка (а имелся в виду именно он) как «корня и источника нашего языка» и интересами борьбы с «новомодными веяниями». Поясняя цель будущей «кафедры славянской словесности», П. И. Голенищев-Кутузов видел ее в ознакомлении «учащихся со всеми вообще славенскими книгами с показанием соотношения нашего российского языка с славенским и происхождения его из оного» [130].

Кандидатом на замещение будущей кафедры был назван профессор изящных наук и эстетики Московского университета германист М. Г. Гаврилов (1759—1829), который в представлении назывался глубоким знатоком как церковнославянского, так и

русского языков. Представление было удовлетворено, о чем А. К. Разумовский в конце августа того же года известил попечителя [131].

Однако работа кафедры оказалась не очень успешной, и в 1829 г. она была упразднена.

В специальной литературе основную вину за этот неудачный опыт обычно возлагают на М. Г. Гаврилова, которого называют «невольником-славистом», чуждым интереса к этой области знания и сводившим преподавание к чтению и толкованию славянской псалтыри. Такая точка зрения не представляется достаточно убедительной. Как уже отмечалось выше, М. Г. Гаврилов был широко образованным человеком и незаурядным ученым. Из приводившегося материала явствует, что для начальствующих лиц ведомства народного просвещения главным было не развитие славянских изучений, а задачи охранительного характера. Причина неудачи прежде всего обусловлена тем, что, созданная на заведомо устарелых, консервативных принципах, новая кафедра являлась в прямом и точном смысле кафедрой церковнославянского языка. О преподавании на ней каких-либо других славянских языков не могло быть и речи. С учетом этого и надлежит оценивать деятельность как кафедры, так и профессора М. Г. Гаврилова [132].

И все-таки почти 20-летнее функционирование в Москве кафедры славянского, точнее, церковнославянского языка оказало стимулирующее воздействие на российское славяноведение. После преобразования в 1816 г. петербургского педагогического института, в котором работало несколько ученых — выходцев из славянских земель, в Главный педагогический институт здесь в общих историко-филологических курсах стали преподаваться «древности других народов, в особенности славянских» [133]. Попытки учреждения славянских кафедр, но с более широкой программой предпринимаются в 1817 г. в Варшаве, в 1818 г. в Харькове.

В 1820-х годах при участии П. И. Кеппена «для расширения изучения славянства в России» был впервые выдвинут план образования славянских кафедр во всех российских университетах. В 1827 г. дерптский профессор Г. Ф. Паррот выдвинул на рассмотрение министерства народного просвещения план подготовки на базе Дерптского университета национальных кадров для русских университетов. В частности, для студентов, изучавших российскую словесность, предполагалось учредить «под надзором» Российской академии «особые беседы о словесности российской и славянской» [134].

Таким образом, в результате длительного накопления научного потенциала и роста общественной значимости славянских изучений в России тенденция к организационному оформлению славистики настойчиво пробивала себе дорогу. Однако в первой трети XIX в. превращения области изучения языка, истории и культуры зарубежных славянских народов в организационно оформленную

сферу исследовательской и учебно-педагогической деятельности еще не произошло. Хотя многие необходимые предпосылки для следующего шага в этом направлении были созданы именно в то время.

5. Начало изучения языков западных и южных славян

Русским людям в разные периоды своей истории приходилось сталкиваться с необходимостью изучения зарубежных славянских языков. До XIX в. это изучение, как правило, не выходило за рамки чисто практических задач. Сравнительно широко в некоторые периоды истории изучался только польский язык, что определялось конкретной исторической обстановкой XVI—XVII вв. В особенности это относится к тем южным и западным областям, которые в течение весьма длительного времени входили в состав Польши и Литвы. Многие известные государственные, культурные и церковные деятели России активно владели польским языком, на котором вели переписку, знакомились с многими сочинениями мировой литературы. Знакомство с другими зарубежными славянскими языками было обусловлено в каждом случае конкретными обстоятельствами. Говоря об изучении церковнославянской письменности и ее языка, следует учитывать, что в ту пору и даже позднее церковнославянский язык рассматривался как особая форма русского книжного языка.

К началу XIX в. уже был накоплен известный опыт изучения древней славянской письменности, который обусловил общий подъем русского славяноведения в первой трети XIX в. Речь идет о трудах академика А. Х. Востокова, К. Ф. Калайдовича, П. М. Строева, А. И. Ермолаева, П. И. Кеппена, В. М. Ундольского и многих других филологов и археографов. Однако их труды в основном были ориентированы на публикацию памятников древней славянской письменности, на изучение ее языка. В дальнейшем это направление в русском славяноведении заняло весьма значительное место. Все это было достаточно подробно рассмотрено в предшествующем тексте. В настоящем разделе будут охарактеризованы лишь те труды данного цикла, которые имеют отношение к истории изучения зарубежных славянских языков.

На рубеже XVIII и XIX вв. значительно усилился интерес русского общества к зарубежному славянству, в том числе к зарубежным славянским языкам (особенно к сербскому и чешскому). Впервые русские путешественники не ограничиваются изучением романо-германского мира, а неожиданно для себя открывают новый, но очень близкий в языковом отношении русским славянский мир. В качестве примера можно привести упоминавшееся выше путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова. В письмах к родителям, опубликованных академиком В. М. Истриным, Тургенев подробно пишет о посещении серболужицких земель и том большом впечатлении, которое оставило у него знакомство

с местным славянским населением. Примечателен интерес к зарубежному славянству со стороны будущих декабристов, которые во время зарубежного похода русской армии имели возможность хорошо познакомиться со славянским населением Австрии, Пруссии и Саксонии. Уже в начале XIX в. делаются попытки организации в университетах преподавания зарубежных славянских языков. Так, с 1818 г. в Харьковском университете П. П. Гулак-Артемовский вел занятия по польскому языку, прерванные в связи с событиями польского восстания 1830—1831 гг.

Усилению интереса к зарубежным славянам и их языкам способствовали и поездки выдающихся деятелей зарубежной славянской науки в Россию. «Патриарх славянской филологии» Й. Добровский не только много работал в книгохранилищах Петербурга и Москвы, но и встречался с некоторыми государственными и церковными деятелями России и представителями ученого мира. Большую помощь Добровскому во время его пребывания в России оказывал известный составитель церковнославянского словаря П. А. Алексеев. Беседы Добровского способствовали усилению в России интереса к зарубежным славянам, их культуре и языкам. Еще большую роль в усилении этого интереса сыграла поездка в Россию Вука С. Караджича.

Велико значение в истории русского славяноведения первой четверти XIX в. известного государственного деятеля Н. П. Румянцева. Он был не только просвещенным богатым меценатом, но и знатоком старой славянской письменности, серьезным археографом, талантливым организатором. В круг интересов Румянцева входило и изучение диалектов зарубежных славян, особенно там, где славянские языки испытывали сильное иноземное влияние. На средства Румянцева П. И. Кеппен начал издавать журнал «Библиографические листы». В центре внимания издателя находились древняя и новая славянская литература, русская словесность. Наибольшее внимание он уделял чешской (по его терминологии, богемской) литературе, главным образом в связи с публикацией «Истории чешской словесности» Й. Юнгмана. Много разнообразных сведений читатель «Библиографических листов» получал об особенностях зарубежных славянских языков. Практически каждый номер журнала свидетельствует о большом общественном интересе к зарубежным славянам, их языкам, порой к очень специальным вопросам славянского языкознания. Однако реальные возможности русских ученых того времени, уровень их специальной подготовки в области языкознания не всегда соответствовали задачам, которые стояли перед данной научной дисциплиной.

Сказанное относится, в частности, к М. Т. Каченовскому. Свой вклад в развитие славяноведения он внес славянской ориентацией издававшегося им журнала «Вестник Европы», преподавательской деятельностью в качестве профессора новооснованной кафедры истории и литературы славянских наречий, а также участием в полемике о некоторых животрепещущих проблемах

славянского языкознания. Внимание к славяноведению подчеркивалось в ежегодно публиковавшихся программных объявлениях редактора «Вестника Европы». Так, например, в программе 1818 г. читаем: «Внимание его [редактора] и впредь будет направляемо на предметы, любезные патриоту [. . .], на историю российского и родственных ему языков, на деяния и обычаи народов славянских» (1817. № 24. С. 309). «В „Вестнике Европы", — писал А. А. Кочубинский, — уже с первых лет мы встречаемся со статьями по самым разнообразным вопросам славянским, и научного характера, и популярными, оригинальными и переводными. Здесь затронуты были интересы литературы, истории, этнографии и языка славян». По словам А. Н. Пыпина, Каченовский «останавливался на самых различных подробностях славяноведения, от древнейших эпох славянской старины до новейших событий, литературы, современных народных обычаев и т. д.; всего этого он касался, однако, очень отрывочно, эпизодически, насколько находил об этом сведений в своих источниках. Источники были еще скудны. . .» [135].

С 1836 г. и до своей смерти в 1842 г. Каченовский читал курс «истории и литературы славянских наречий». Как показывают отчеты Московского университета и эпизодические свидетельства современников, изложение Каченовским вопросов языка и литературы было компилятивным и фрагментарным. Говоря о лингвистических лекциях Каченовского, необходимо учитывать, что он практически не знал ни одного языка южных и западных славян. Основными пособиями в преподавании ему служили написанные на немецком языке труды зарубежных ученых. Будучи специалистом по истории славян, Каченовский по своим интересам и подготовке был далек от современного ему языкознания. Отрицательно оценивал лекции Каченовского Ф. И. Буслаев. В своих воспоминаниях он засвидетельствовал, что Каченовский читал «на четвертом курсе вместе с третьим историю литературы славянских наречий по немецкому учебнику Шафарика. Он был тогда уже глухой и почти слепой [. . .] Всякий раз Каченовский приносил с собой Шафариков учебник, разлагал его на кафедре и старческим дряблым голосом с передышкой подстрочно переводил немецкую речь на русские слова» [136]. Г. К. Венедиктов, специально изучавший преподавательскую деятельность Каченовского, пишет: «В целом складывается впечатление, что едва ли не центральное место в лекциях Каченовского отводилось общей характеристике славянских языков, базировавшейся, главным образом, на трудах Добровского и, в меньшей мере, Шафарика и некоторых других ученых. Из отдельных языков значительное внимание уделялось церковнославянскому. Основной упор в лекциях делался, по-видимому, на данные исторического развития славянских языков. Из литератур зарубежных славян Каченовский характеризовал почти исключительно чешскую и польскую» [137].

Для оценки творческого вклада Каченовского в развитие славянского языкознания знаменательно и существенно, во-первых, его участие в полемике о природе «славянского» (т. е. церковнославянского) языка и о месте этого языка в языковой истории славянства и, во-вторых, отношение ученого к живой (естественной) славянской речи в ее современном многообразном варьировании.

Взгляды Каченовского на церковнославянский язык и его роль изменялись, отражая течение долгой неизменно актуальной дискуссии в русской и зарубежной науке. Вначале он придерживался воззрений, обоснование и защита которых связаны, в частности, с именем А. С. Шишкова. Согласно этим воззрениям, церковнославянский язык является «коренным», т. е. древним источником всех славянских наречий. Это мнение было выражено в опубликованной в 1809 г. в «Вестнике Европы» статье Каченовского «Об источниках для русской истории». Впоследствии, когда благодаря накоплению научных данных и активному обсуждению проблемы стала очевидной недостоверность теории «шишковистов», Каченовский принял и популяризировал концепцию Й. Добровского. В статье «О славянском языке вообще и в особенности о церковном» он обосновывал следующие положения, согласные с теорией Добровского: «во-первых, древний коренной славянский язык нам неизвестен; во-вторых, нынешний церковный наш язык есть старинное сербское наречие» (Вестник Европы. 1816. № 19/20. С. 257). Позже Каченовский опубликовал в своем журнале «Выписку из „Рассуждения" г-на Востокова о славянском языке». А. Х. Востоков, упомянув статью Каченовского, соглашался с тезисом, что «язык, на который преложены священные книги, не мог быть коренным или первобытным языком всего народа славянского . . . он был наречием одного какого-нибудь племени» (Там же. 1820. № 3. С. 169), но выразил обоснованные сомнения в правомерности отождествления церковнославянского языка с сербским.

М. Т. Каченовский способствовал развеянию ореола коренной изначальности вокруг церковнославянского языка. Низведение его в ранг одного из многих славянских «наречий», имеющего свою историю, повышало статус живых славянских языков и развивало интерес к славянской речи во всех ее локальных проявлениях. Очевидно стремление Каченовского, сторонника «скептической школы» в историографии, преодолеть фетишизацию языковых древностей и обратиться к современной речевой реальности. В известной статье «О сербских народных песнях» Каченовский заявлял: «Говорили и доказывали, что настоящий сербский язык есть церковный и что, напротив, тот, который употребляется всеми сербами, не есть подлинно сербский, но простонародный, мужицкий. В таком заблуждении находятся еще и теперь многие грамотные сербы; в подобном заблуждении находятся многие из греков, которые вместо того, чтобы прислушиваться к языку, ныне употребляемому народом, подводить его под правила, назначать ему границы, самовольно дают словам старинные окончания, склоняют их и спрягают по-книжному; в таком заблуждении

долго были и мы, русские» (Там же. 1820. № 14. С. 115). В этом высказывании замечательно то, что автор отдает предпочтение «языку, ныне употребляемому народом»: «литературный старовер» пропагандирует демократизацию литературного языка.

Интерес к современным славянским языкам сопрягался у Каченовского естественным образом с пониманием фольклора как квинтэссенции народной культуры. В той же статье «О сербских народных песнях» Каченовский писал: «Кто хочет узнать короче нравы, обычаи и почти все, что составляет *национальность* или отличительные признаки *целого* народа, тот внимательно читай или слушай его песни. . .» (С. 112). Показательно отношение Каченовского к Вуку Караджичу — реформатору литературного языка у сербов и собирателю фольклора. По его словам, «никто из сербов не оказал таких значительных услуг своим одноземцам, как известный Вук Стефанович» (Там же. С. 116). «Один только учитель Копитар так восторженно встречал литературных первенцев своего даровитого ученика Вука Караджича, как принимал их Каченовский на страницах своего журнала», — констатировал А. А. Кочубинский [138].

Не приходится сомневаться в том, что закрепление славянского языкознания или шире — славянской филологии в комплексе учебных дисциплин Московского университета происходило при непосредственном участии Каченовского, пользовавшегося немалым влиянием в административных кругах. Сравнивая цели славистических кафедр 1811 и 1835 гг., легко заметить, что в их концепции отражается эволюция лингвистической ориентации, характерная для Каченовского (и, вероятно, для других деятелей культуры и науки той поры). Назначением кафедры 1811 г. было изучение церковнославянского языка и отношения церковнославянского языка к русскому. Кафедра 1835 г. самим названием (кафедра истории и литературы славянских наречий) была ориентирована на множественность славянских языков без выделения церковнославянского. В составленной при участии Каченовского инструкции для зарубежной стажировки молодых славистов (О. М. Бодянского и др.) также указывалось на необходимость изучать живые славянские языки и диалекты. В целом деятельность Каченовского отражает важный этап в истории славянского языкознания в России, ознаменованный преодолением приоритетного внимания к церковнославянскому языку и обращением к изучению славянской речи во всем ее территориальном и историческом разнообразии.

Кратковременной, но самобытной и яркой в истории начального периода русского славяноведения была деятельность Ю. И. Венелина. Он одним из первых в России серьезно заинтересовался современным болгарским языком. Еще в бытность свою в Кишиневе (1823—1825 гг.) Венелин получил возможность овладеть народной болгарской речью. Его знакомство с этим языком расширилось во время пребывания в северо-восточной Болгарии в 1830 г. Возвратившись в Москву, Венелин приступил к написанию грамматики болгарского языка, рукопись которой была завершена в 1835 г.

Своей работе Венелин придавал большое значение, стремясь написать не практическую грамматику, а серьезный академический труд. Вот почему он не ограничился только одним описанием фактов, грамматических категорий, но одновременно высказывался по многим вопросам генетического характера. Так, он выдвинул теорию, согласно которой болгарский язык принадлежит не к группе южнославянских, а к восточнославянским языкам. Ни во времена Венелина, ни позже этот взгляд не нашел поддержки, так как совершенно противоречил действительности. Основное внимание автора грамматики направлено на описание морфологии. Наряду с верными наблюдениями в «Грамматике» находим много спорного и даже очевидно ошибочного.

Со значительными отклонениями от подлинной аналитической структуры болгарского склонения дано описание имени. Конечно, Венелин видел, что в болгарском языке произошли глубокие изменения в области именного склонения. Утрату падежных флексий он объяснял двумя факторами: древностью языка и жарким климатом. «Исходя из этой совершенно произвольной и ненаучной теории, Венелин усматривает задачу грамматики в том, чтобы с помощью правописания восстановить старые падежные формы. А для этого необходимо обратиться к тем падежным формам, которые имеются в переводных литургических текстах» [139].

Примечательно, что автор грамматики ни словом не обмолвился о существовании постпозитивного члена в болгарском языке, хотя совсем нередко в приводимых им примерах находим членные формы. К этому вопросу Венелин обратился позже в статье «О зародыше новой болгарской литературы» (1837). Здесь он сообщает о «несчастной привычке простого народа» употреблять «мнимые члены». Конечно, он решительно выступает против их употребления. Аргументы следующие: имеются болгарские говоры, которые не знают члена, не знают члена и другие славянские языки, употребление члена нанесет удар по поэзии, так как сильно ограничит возможности использования рифмы. Дальнейшие исследования показали, что членные формы встречаются во всех болгарских говорах, отсутствие этих форм в других славянских языках никак не может служить аргументом против их употребления в болгарском литературном языке, «мнимые члены» не помешали развитию болгарской поэзии. Следует, однако, отметить, что в отрицательном отношении к членным формам Венелин не был одинок. Аналогичную позицию занимали некоторые деятели болгарского просвещения.

Большое внимание Венелин уделил глаголу. И здесь наряду с верными характеристиками находим немало ошибочного и спорного. Автор четко разграничивает глагольные основы настоящего времени от основ инфинитива. В полном соответствии с подлинной структурой автор различает в настоящем времени три

спряжения: первое спряжение с основой на *-е*, второе — с основой на *-ит*, третье — с основой на *-а*. Верно отмечено, что самым активным является третье спряжение, к которому относится большинство глаголов. Следует отметить, что уже Венелин обратил внимание на наличие в болгарском глаголе категории определенности и неопределенности, хотя конкретная ее характеристика противоречива и непоследовательна. Много спорного и просто ошибочного находим в разделах, посвященных образованию и употреблению глагольных времен.

В отзыве на рукопись «Грамматики» Венелина А. Х. Востоков отметил ряд очевидных несообразностей и ошибок, но тем не менее высказался за ее публикацию. Венелин отказался воспользоваться замечаниями Востокова, заявив, что они отражают лишь мнение академика и для автора необязательны. В результате «Грамматика» не увидела свет. Несмотря на это, труд Венелина оказал влияние на развитие языкознания, особенно в Болгарии. «Отдельные положения грамматики Венелина стали известны в Болгарии и способствовали зарождению „болгарско-русской школы" и освобождению болгарской письменности от греческого влияния. Несомненно влияние Венелина и на представителей «славянской школы" Х. П. Дупничанина и Кифалова. Последний перевел в 1842 г. на болгарский язык статью Венелина „О зародыше новой болгарской литературы". Этот перевод сделан на языке, очень близком к тому языку, за который ратует грамматика Венелина» [140].

Самым значительным трудом Венелина в областях, имеющих непосредственное отношение к языкознанию, был изданный посмертно капитальный труд «Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты» (СПб., 1840). Венелин дал в основном верную характеристику языка славянских грамот Валахии, указал на отличие этого языка от языка молдавских грамот, обратил внимание на сербские элементы в языке грамот, сделал много ценных и глубоких замечаний по общим и отдельным частным вопросам валашской дипломатии. В своих комментариях он обнаружил поразительно глубокое знание многих частных вопросов истории и быта Придунайских княжеств, понимание роли и значения славянского элемента в формировании культуры и языка валахов и молдаван. В истории изучения славянской письменности в Валахии и Молдавии труд Венелина сыграл первостепенную роль [141].

Природа наделила Ю. И. Венелина ярким и самобытным талантом, сильным и независимым характером, исключительной работоспособностью. За очень короткий срок он сделал многое для науки, хотя и не получил специальной историко-филологической подготовки. В 1834 г. Венелин, вероятно по совету М. П. Погодина, подал в Московский университет прошение о допуске его к преподаванию, предложив «Конспект» программы курса, состоящего из трех частей: а) обозрение современных славянских языков, б) история славянских литератур, в) древности славянских племен [142]. Однако просьба эта не получила удовлетворения,

причем, как доказал Г. К. Венедиктов, «Конспект» Венелина не рассматривался на Совете университета. Вероятно, неудача Венелина объясняется тем, что он даже не подавал «Конспект» на рассмотрение Совета, поскольку на вновь создаваемую кафедру истории и литературы славянских наречий претендовал ректор университета М. Т. Каченовский. Венелину пришлось ограничиться должностью инспектора Екатерининского и Александровского женских институтов в Москве. Между тем при всех своих недостатках он был лучше Каченовского подготовлен для решения тех задач, которые были поставлены перед новыми кафедрами.

До 1835 г. в России под славянской филологией понимали изучение старо- и церковнославянской письменности, издание памятников этой письменности, кирилло-мефодиевский вопрос. Именно в этих областях русские слависты первой половины XIX в. достигли выдающихся успехов. Центральной фигурой здесь был академик А. Х. Востоков, значение трудов которого не ограничивалось только Россией. В указанных областях он, бесспорно, был одним из наиболее авторитетных славистов первой половины XIX в. Велик вклад К. Ф. Калайдовича, В. М. Ундольского и других ученых того периода в обнаружение и издание памятников церковнославянской и болгарской письменности. Об этом речь шла выше. Специального интереса у этих русских славистов к зарубежным славянским языкам не было. Больше других интересовался ими Востоков, но тоже только в связи с изучением старославянского языка. Это хорошо отражено в его знаменитом сочинении «Рассуждение о славянском языке. . .», в котором он использовал факты болгарского и польского языков для определения диалектной основы старославянского языка, для изучения его фонетических особенностей. Впервые Востокову удалось определить фонетическое значение старославянских юсов с помощью данных польского языка. Отсутствие у Востокова специального интереса к современному болгарскому языку видно из его рецензии на «Грамматику» Венелина. Рукопись давала удобный повод для широкого обсуждения особенностей грамматического строя болгарского языка, единственного славянского языка аналитической структуры, однако Востоков им практически не воспользовался.

[1] *Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI—начале XVII в. Л.: Наука, 1975. С. 6.

[2] *Анушкин А.* На заре книгопечатания в Литве. Вильнюс: Минтис, 1970. С. 168—170; *Ботвинник М. В.* Лаврентий Зизаний. Минск: Наука и техника, 1973. С. 130—131, 163—164.

[3] *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910. С. 35. Подробнее о жизни и творчестве Ю. Крижанича см.: *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М.: Наука, 1973. С. 398—426; *Пушкарев Л. Н.* Общественно-политическая мысль России, вторая половина XVII в.: Очерки истории. М.: Наука, 1982. С. 232—236.

[4] *Мыльников А. С.* Об истоках становления славяноведения в России: К вопросу об изучении «предыстории» славистики // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 15.

[5] *Дидиакин М., Стрекалова З.* Из истории русской лексикографии // Славянское источниковедение: Сб. ст. и материалов. М., 1965. С. 124.
[6] *Поликарпов-Орлов Ф. П.* Лексикон треязычный, сиречь Речений славенских, елиногреческих и латинских сокровище. М., 1704. Л. 2—2об.
[7] *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в. Л., 1968. С. 58.
[8] Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. С. 95—96.
[9] *Еремин И. П.* К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. // ТОДРЛ. 1954. Т. 10, С. 212.
[10] Синопсис. Киев, 1674. С. 11.
[11] *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 21.
[12] *Пушкарев Л. Н.* Указ. соч. С. 236.
[13] Цит. по кн.: *Алпатов М. А.* Указ. соч. С. 389.
[14] *Булич С. К.* Очерки истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1. С. 151.
[15] Очерки истории. . . С. 174.
[16] *Bittner K.* Slavica bei G. W. von Leibniz // Germanoslavica. 1931—1932. N 1/4. S. 3—32, 161—234, 509.
[17] *Мыльников А. С.* Свидетельство иностранного наблюдателя о жизни Русского государства конца XVII века // ВИ. 1968. № 1. С. 124.
[18] *Княжецкая Е. А.* Связи России с Далмацией и Бокой Которской при Петре I // ССл. 1973. № 5. С. 47—48.
[19] *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб., 1862. С. 231.
[20] *Мыльников А. С.* Русские переводчики в Праге, 1716—1721 гг. // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века: XVIII век. Л.: Наука, 1974. Вып. 9. С. 279—288.
[21] *Vávra I.* K charakteru a vývoji česko-ruských vztahů a slovanské vzajemnosti v 18 a na poč. 19 st. // Historický časopis. 1960. S. 238.
[22] ЦГИА СССР. Ф. 796. Оп. 3. № 859. Л. 1 (копия).
[23] *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание изданий гражданской печати, 1708 — янв. 1725. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 384—385.
[24] *Феофан Прокопович.* Філософські твори. Київ: Наук. думка, 1981. Т. 3. С. 313.
[25] История Академии наук СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. С. 431—432.
[26] См.: *Кулябко Е. С.* М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
[27] Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 283.
[28] Протоколы заседаний конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб., 1897. Т. 1. С. 2.
[29] *Пекарский П. П.* История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 125.
[30] ЛО ААН. Ф. 21. Оп. 3. Д. 159. Речь шла несомненно о словенском переводе полного текста Библии, который был издан Хансом Крафтом Эрбеном. См. описание в кн.: British museum: General catalogue of printed books. L., 1936. T. 16. P. 291.
[31] *Kohl I.* Introductio in historiam et rem literarium. Altona, 1729. См. также: *Ягич И. В.* Указ. соч. С. 73; История Академии наук СССР. С. 125.
[32] *Феофан Прокопович.* Указ. соч. С. 349—350, 361—373.
[33] Исторня Библиотеки Академии наук СССР, 1714—1964. М.; Л.: Наука, 1964. С. 62, 63, 104.
[34] *Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на родном языке: Доломоносовский период отечественной русистики. М.: Наука, 1975. С. 7.
[35] Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 633.
[36] *Тредиаковский В. К.* Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, а именно 1) о первьенстве словенского языка над тевтонским, 2) о первоначалии Россов, 3) о варягах руссах словенского звания, рода и языка. СПб., 1773. С. 156.
[37] Там же. С. 275.
[38] *Татищев В. Н.* История Российская: В 7 т. М.; Л.: Наука, 1962—1966. Т. I. С. 315, 329—345.
[39] *Моисеева Г. Н.* Формирование стиля русской исторической прозы первой половины XVIII в. и польские историки // Польско-русские литературные связи. М.: Наука, 1970. С. 90.

[40] *Мыльников А. С.* В. Н. Татищев и «Чешская хроника» В. Гаека // ССл. 1977. № 2. С. 65.
[41] *Татищев В. Н.* Избр. произведения. Л.: Наука, 1979. С. 359—360.
[42] *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л.: Наука, 1968. Т. 7. С. 423.
[43] *Татищев В. Н.* Избр. произведения. С. 192.
[44] *Флоровский А. В.* Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений // Sbornik prací I. Sjezdu slovenských filologů v Praze. 1929. Pr.: Přednášky, 1932. T. 2. S. 52—53.
[45] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. С. 161.
[46] *Мыльников А. С.* Эпоха Просвещения в Чешских землях: Идеология, национальное самосознание, культура. М.: Наука, 1977. С. 91—92.
[47] *Татищев В. Н.* Избр. произведения. С. 192.
[48] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. С. 103.
[49] Там же. С. 325.
[50] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1983. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. С. 15—16.
[51] *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л.: Наука, 1971. С. 171—172.
[52] *Берков П. Н.* Славяноведческие интересы Ломоносова // Науч. бюл. Ленингр. ун-та. 1946. № 11/12. С. 40—44.
[53] *Моисеева Г. Н.* М. В. Ломоносов и польские историки // Русская литература XVIII в. и славянские литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 140—157; *Она же.* Ломоносов и древнерусская литература. С. 212.
[54] *Берков П. Н.* Указ. соч. С. 41.
[55] *Мыльников А. С.* Ломоносов и чешская культура XVIII в. // Ost-West-Begegnungen in Österreich. Wien etc., 1976. S. 211.
[56] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 28, 61.
[57] Там же. Т. 7: Труды по филологии. С. 177.
[58] Там же. Т. 6. С. 29, 174—175, 293.
[59] Там же. Т. 7. С. 609.
[60] Там же. Т. 6. С. 174.
[61] *Семенников В. П.* Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. СПб., 1913. С. 8—9.
[62] *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. С. 166.
[63] ЛО ААН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 115. Л. 8. об.—10.
[64] *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. С. 150.
[65] Там же. С. 209—210. Библиотекарь Академии наук адъюнкт И. К. Тауберт (1717—1771), осуществивший издание, стремясь приписать себе честь выхода книги, не указал не только имен М. В. Ломоносова и его ближайшего помощника И. С. Баркова, но не назвал и А. Л. Шлёцера, написавшего предисловие.
[66] *Стриттер И.* Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и преселения народов. Ч. 1. О славянах. СПб., 1770. Л. 9.
[67] *Моисеева Г. Н.* Древнерусские литературные памятники в исторических драмах Екатерины II // ТОДРЛ. 1974. Т. 28. С. 290—295.
[68] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 28. № 10. Л. 6, 4 об.
[69] *Чеботарев Х. А.* Вступление в настоящую историю о России. Публ. М. А. Максимовича // ЧОИДР. 1847. Кн. 9.
[70] Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. 1763. Т. 19. Нояб. С. 477; Сент. С. 286. См. также: 1764. Т. 20. Июль. С. 93.
[71] *Кочубинский А. А.* Начальные годы русского славяноведения: Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Одесса, 1887—1888. С. 63.
[72] *Bräker H. G. A. L. von Schlözers Russland- und Slavenbild. Göttingen, 1950. S. 142—147.*
[73] *Кочубинский А. А.* Указ. соч. С. 11.
[74] *Ягич И. В.* История славянской филологии. С. 70.
[75] *Lauch A.* Wissenschaft und kulturelle Beziehungen in der russischen Aufklärung / Zum Wirken H. L. Ch. Bacmeisters. B.: Akad.-Verl., 1969. S. 256—257.
[76] Сводный каталог русской книги XVIII века, 1725—1800. М.: Книга, 1966. Т. 3. С. 161.

77 *Файнштейн М. Ш.* Лексикография и международные связи Российской академии // Лингвистические исследования, 1979. М.: Наука, 1979. С. 240—241.
78 Подробнее см.: *Мыльников А. С.* «Слово о полку Игореве» и славянские изучения конца XVIII—начала XIX в. // ВИ. 1981. № 8. С. 35—48.
79 *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследования. Л., 1960. С. 335.
80 Письма Добровского и Копитара в повременном порядке: Труд И. В. Ягича. СПб., 1885. С. 74, 117.
81 *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л.: Наука, 1980. С. 43.
82 ОР ГПБ. Ф. А. И. Ермолаева. Д. 1. Л. 6, 8.
83 *Кочубинский А. А.* Указ. соч. С. 63.
84 *Dobrovskiý J.* Litterarische Nachrichten von einer Reise nach Schweden und Russland. Prag, 1796.
85 *Моисеева Г. Н.* «Задонщина» и «Слово о полку Игореве» в восприятии Й. Добровского // Slavia. 1979. N 2/3. S. 168—173.
86 *Истрин В. М.* Русские путешественники по славянским землям в начале XIX в. // ЖМНП. 1912. № 9. Ч. 41. С. 78—109; *Лотман Ю. М.* А. С. Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958. С. 81, 125.
87 Письма и дневник А. И. Тургенева гёттингенского периода (1802—1804) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Гёттинген (1805—1811) / С введ. и примеч. В. М. Истрина // Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 128—134; Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г. / Под ред. В. М. Истрина // Архив братьев Тургеневых. Пг., 1915. Вып. 4.
88 Подробнее см.: *Никулина М. В.* Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения (первая треть XIX в.) // Из истории славяноведения в России: Тр. по рус. и слав. филологии. Тарту, 1981. С. 75—94.
89 *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода России против французов в 1805 и 1806, а также Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. М., 1815. Ч. 1. С. 120—121.
90 Там же. С. 178—179, 185—185, 113.
91 *Бантыш-Каменский Д. П.* Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810. С. 3.
92 Там же. С. 77, 79, 105, 136, 141.
93 *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы: от Радищева до декабристов. М.: Наука, 1980. С. 134—135.
94 *Броневский В. Б.* Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 году. М., 1828. Ч. 1. С. 24, 29, 31—32.
95 Там же. С. 334—335.
96 Улей. 1811. Ч. 2. С. 85.
97 ГПБ. Архив. № 6. 1811. Л. 3.
98 ГПБ. Ф. 542. № 61. Л. 5; Архив. № 6. 1811.
99 ГПБ. Ф. 542. № 495; Ф. 542. № 502. Л. 1.
100 *Кочубинский А. А.* Указ. соч. С. 161, 163.
101 ОР ГПБ. Ф. 542. Д. 474. Л. 1. об.—2.
102 *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. СПб., 1885. Т. 7. С. 154.
103 ЦГИА СССР. Ф. 735. Оп. 1. Д. 380. Л. 1.
104 *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1813. Ч. I. С. XXXIII—CXIV.
105 Материалы для истории просвещения в России. № 2. Библиографические листы. СПб., 1826. С. 9—12, 77—84, 148—156, 220—228, 242—300, 364—379; *Срезневский И. И.* Обозрение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных. СПб., 1865. С. 14; ЛО ААН Ф. 108. Оп. 2. № 26 (Письмо от 25 янв. 1818 г.)
106 *Шишков А. С.* Собрание сочинений и переводов. СПб., 1824. Ч. 2.
107 *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. Т. 7. С. 206.
108 Там же. С. 72, 305.
109 Там же. С. 464—465.
110 ЦГИА СССР. Ф. 777. Оп. 1. № 66. Л. 10, 41.
111 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 220; Т. 7. С. 368; Т. 8. С. 63. См. также: *Модзалевский Л. Б.* Пушкин — член Российской академии // Вестн. АН СССР. 1937. № 23. С. 245—250.
112 *Кочубинский А. А.* Указ. соч. С. 17, 256.
113 Там же. С. 242, 291, 304.
114 *Коломинов В. В.* Забытые экспедиции Российской академии // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1981. Т. 113. С. 168—171.
115 ЦГИА СССР. Ф. 732. Оп. 1. Д. 112. Л. 13 об.
116 *Попов Н.* История имп. Московского общества истории и древностей российских, 1804—1812. М., 1884. Ч. 1. С. 98, 128 и след. Список членов, утвержденных в 1811 г., см.: ЦГИА СССР. Ф. 732. Оп. 1. № 112. Л. 60.
117 ЦГИА СССР. Ф. 732. Оп. 1. № 112. Л. 43.
118 Там же. Л. 106, 125, 159.
119 *Попов Н.* Указ. соч. С. 199, 207—208.
120 ТОЛРС. 1820. Кн. 25, ч. 17. С. 5—61.
121 ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 56. Д. 431. Л. 57.
122 Подробнее см.: *Никулина М. В.* Славянская проблематика в общественно-литературной борьбе первой трети XIX в.: (На материале русских периодических изданий) // Исследования по истории славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 136—158.
123 *Глинка Г.* Древняя религия славян. Митава, 1804. С. 9.
124 *Лотман Ю. М.* Рукопись А. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий» // УЗТГУ. Вып. 65: Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1958. Т. 1. С. 201.
125 Цит. по ст.: Там же. С. 197.
126 ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 56. Д. 431. Л. 36 об.
127 Там же. Л. 40, 41.
128 Там же. Л. 57 об.—58.
129 Там же. Л. 41.
130 Там же. Оп. 28. № 134. Л. 1—2 об.
131 Там же. Л. 3, 4.
132 Подробнее о М. Г. Гаврилове см.: *Венедиктов Г. К.* К начальной истории славистической кафедры в Московском университете // ССл. 1983. № 1. С. 91; *Билунов Б. Н.* К истории славяноведения в Московском университете (1811—1835 гг.) // Из истории университетского славяноведения в СССР. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 17—21.
133 *Кочубинский А. А.* Указ. соч. С. 258—259, 271; *Францев В. А.* Очерки по истории чешского Возрождения. В., 1902. С. 131; *Мыльников А. С.* К вопросу о путях и особенностях формирования славяноведения в России // Studie z dejin svetovej slavistiky do polovice 19. St. Br., 1978. S. 305. См. также: *Милосављевић П.* Срби — профессори Харковског универзитета // Balcanica. Београд, 1977. Т. 8. С. 257—269.
134 ЦГИА СССР. Ф. 735. Оп. 1. Д. 275. Л. 5.
135 *Кочубинский А. А.* Указ. соч. С. 42; *Пыпин А. Н.* Русское славяноведение в XIX столетии // Вестник Европы. 1889. Т. 4. кн. 8. С. 689.
136 *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 115.
137 *Венедиктов Г. К.* К начальной истории славистической кафедры в Московском университете // ССл. 1983. № 1. С. 97.
138 *Кочубинский А. А.* Указ. соч. С. 45.
139 *Лунина М. В.* «Грамматика нынешнего болгарского наречия» Ю. И. Венелина // Славянская филология: Ст. и моногр. М., 1951. С. 114.
140 Там же. С. 123.
141 Подробнее см.: *Бернштейн С. Б.* Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. М.; Л., 1948. Т. 1.
142 «Конспект» хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (Ф. 49. Папка VII. № 1). Подробно о нем см.: *Венедиктов Г. К.* Новые материалы к биографии Ю. И. Венелина // Из истории славяноведения в России. Тарту, 1983. Вып. 2. С. 30—54.

5 Заказ 1786

Глава II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ 30—50-х годов XIX в.

Из предшествующей главы явствует, что отечественная наука о южных и западных славянах возникала прежде всего на базе тех исторических и филологических знаний, которые были накоплены в России за длительный период общественно-культурного развития. Факты не оставляют сомнений в том, что славяноведение как особая отрасль науки начало складываться в последней четверти XVIII в., а к 30-м годам следующего столетия оно практически приобрело самостоятельность в чисто научной сфере и делало попытки выделиться в отдельную учебную дисциплину. Вторая глава посвящена следующему этапу истории отечественного славяноведения, когда процесс его становления окончательно завершился.

1. Общественно-идейная обстановка предреформенного периода и ее воздействие на славяноведение

Становление и развитие российского славяноведения осуществлялись в условиях сильного обострения общественных противоречий, порождаемых, с одной стороны, кризисом феодальных отношений, с другой — процессом формирования национального самосознания русского народа, который вступил в то время в свой завершающий этап. Сердцевиной важнейших идейно-политических столкновений 30—50-х годов являлись два тесно связанных между собой «проклятых» вопроса: о ликвидации коепостнических отношений в России и о выборе между самобытным и «западным» курсом последующего развития страны. Все обострявшиеся столкновения сторонников реформ с их противниками, борьба западников против славянофилов, революционцых демократов против правительственного лагеря и либеральных соглашателей ощутимо воздействовали на общественное мнение, трансформируя идейные и политические позиции различных социальных групп, влияли на их литературно-художественные вкусы и морально-этические принципы.

На развитие общественных наук, в том числе славяноведения, оказывали воздействие также факторы, связанные с общеевропейским и мировым идеологическим процессом. На смену просветительских концепций, которые пользовались популярностью на протяжении ряда десятилетий в конце XVIII — начале XIX в., постепенно приходят концепции романтизма. Наряду с литературой и искусством романтизм охватил философию и право, филологию и историографию. Направление это нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, романтизм явился ответом идеологов реакционного дворянства и консервативной буржуазии на революционные события конца XVIII в. С другой — его возникновение было связано с разочарованием народных масс западноевропейских стран результатами классово ограниченных буржуазных преобразований, а также с подъемом антифеодального и национально-освободительного движения отчасти и на Западе, но главным образом в Восточной Европе. Внутренняя противоречивость, политическая многозначность романтической идеологии делали ее приемлемой для различных социальных групп. Именно поэтому на ее базе создавались различные идейно-теоретические доктрины — как сугубо реакционные, так и подлинно прогрессивные (последнее более характерно для восточноевропейского ареала) [1].

Русский романтизм возникал в основном на отечественной почве, но его приверженцы подвергались и определенному воздействию Запада [2]. С точки зрения историографии наиболее существенными в мировоззрении романтиков представляются, во-первых, идея имманентного, т. е. внутренне обусловленного, исторического развития всякого явления, во-вторых, понятие «народности», применяемое не только к литературе и искусству, но и к нравам, обычаям, хозяйственному укладу и даже общественным взаимоотношениям. Если не постоянное, то гораздо более частое обращение к прошлому, толковавшемуся в духе «народности» — типичная черта русской культуры и науки первых десятилетий XIX в. Это связано не только с указанными выше особенностями исторической обстановки, не только с распространением романтического или предромантического способа мышления в образованном обществе, но также с невиданным ранее усилением патриотических чувств широких слоев населения.

В то время в России, как и в других славянских странах, пользовались известностью сочинения И. Г. Гердера — немецкого просветителя, творчество которого оказало значительное воздействие на формирование романтической идеологии. Тезис о народности искусства был важнейшей составной частью исторической концепции Гердера, обосновывавшего в своих трудах естественность происхождения языка и возникновения поэтического искусства [3]. Большинство последователей романтической идеологии в России, в том числе участники московского кружка любомудров, одновременно испытали на себе более или менее сильное воздействие немецкого классического идеализма, в лице таких видных его представителей, как Г. Гегель и Ф. Шеллинг. Несколько преувели-

чивая это воздействие, некоторые исследователи утверждают даже, что именно указанные немецкие философы «долго убеждали» и в конце концов «убедили» молодых русских славянофилов в уникальности русской культуры и ее колоссальных потенциальных возможностях [4].

Перечисленные факторы социально-политического и идейно-научного характера накладывали свой отпечаток на тематику славистических исследований, влияли на методологические установки тех, кто так или иначе занимался изучением южных и западных славян, сказывались на их конкретных выводах и оценках.

Истоки прогрессивно-демократического направления русской славистической историографии восходят к А. Н. Радищеву и декабристам. Заложенные в те годы прогрессивные традиции получают дальнейшее развитие сначала во взглядах В. Г. Белинского и Т. Н. Грановского, А. И. Герцена и Н. П. Огарева, затем в произведениях М. А. Бакунина и Н. Г. Чернышевского. Несмотря на то что большинство из них не являлось профессиональными учеными, в их работах получили достаточно развернутое изложение как общие концепции исторического процесса, так и многие конкретные суждения, относящиеся к узловым вопросам истории южных и западных славян [5].

Есть немало подтверждений тому, что для декабристов и той идейно-общественной среды, в которой они вращались, был характерен живой интерес к прошлому и настоящему славянских народов. В. К. Кюхельбекер в своей публичной лекции о русской литературе и русском языке, прочитанной в Париже в 1821 г., горячо доказывал, что история и высокие достоинства русского языка органически связаны с демократическими традициями того народа, который его создал, являются залогом его освобождения от крепостного рабства и деспотизма. В то же время он не преминул подчеркнуть, что русский язык «произошел от славянского языка, различные ветви которого теперь распространяются от берегов Адриатического моря до Ледовитого океана, от Дуная и Эльбы до Тихоокеанских островов. Никогда еще ни один язык не занимал такого обширного пространства» [6]. При аресте А. С. Грибоедова, привлекавшегося к следствию по делу декабристов, в его чемодане были обнаружены издания украинских и сербских народных песен, сербско-русский словарь, один из ученых трудов Й. Добровского и другие книги, касающиеся славянства [7]. В 1825 г. в «Северном архиве» была опубликована статья о народах славянского племени, обитающих в европейской части Турецкой империи, написанная братом декабриста М. М. Спиридова и в определенной мере его единомышленником А. М. Спиридовым. Автор явно исходит из наличия исторической и культурно-языковой общности между восточными славянами и балканскими народами, которых он причисляет к славянскому племени (не исключая албанцев, молдаван и валахов). Статья проникнута духом своеобразного славянофильства, которое «выражено в очевидной

симпатии к „народам славянского племени", в наивном стремлении увеличить их число, подчеркнуть их важную историческую роль, в идеализации славянских национальных особенностей, существовавших в древности, таких, как нравственная чистота, демократические, патриархальные принципы общественного уклада, соединенные с природным мужеством, патриотизмом» [8].

Некоторые следы увлечения славянской идеей заметны в предварительном наброске программы раннедекабристской организации Орден русских рыцарей, относящемся к 1814 г. Есть свидетельства, которые подтверждают наличие у будущих декабристов, находившихся в Киеве в 1818 г., довольно тесных связей с оппозиционно настроенной польской шляхтой и стремления к тому, чтобы добиться их расширения. «Тогда, — говорится в „Записках" С. Г. Волконского, — господствовал в обоюдных убеждениях соединенный славянский элемент, и это я подкрепляю не одними моими воззрениями, но фактом: в то время учредилась в Киеве масонская ложа под именем Les Slaves réunis (Ложа соединенных славян) — одно название это доказывает наклонность к соединению» [9]. Декабристы, изучавшие балканский регион и историю русско-турецких войн XVIII—начала XIX в., — а таких было немало—живо интересовались положением славян, отмечали важную роль идей славянской общности в освободительной борьбе балканских славян против османского ига. Один из них, Н. И. Кутузов (член Союза благоденствия, отошедший от движения после того, как союз был объявлен распущенным в 1818 г.), подал Николаю I записку, в которой предлагал поддерживать эту борьбу, чтобы силами жаждущих независимости народов создать на месте европейских владений Турции дружественную России «славянскую державу» [10].

Идея славянской общности, являвшаяся составной частью мировоззрения значительной части декабристов, оказала определяющее воздействие на идейно-политические воззрения членов Общества соединенных славян, на название этой декабристской организации. Трудно не согласиться с мнением о том, что Общество соединенных славян «впервые в истории Европы подняло знамя славянского единства и придало своим намерениям в данной области значение политической программы» [11]. Это мнение подтверждается программными документами Общества — «Присягой» и «Правилами» или «Катехизисом», показаниями и мемуарными свидетельствами его активных участников.

В «Катехизисе» доказывалась необходимость уничтожения крепостничества и горячо осуждалось политическое тиранство. Среди важнейших заповедей «Катехизиса» была следующая: «Ты еси славянин и на земле твоей при берегах морей, ее окружающих, построишь четыре флота: Черный, Белый, Далмацкий и Ледовитый» [12]. Сохранившийся проект печати Общества имеет 8 граней с надписями на них: русские, поляки, венгры (вариант: иллирийцы), богемцы, кроаты, далматы, сербы, мораване. «Общество, — говорится в „Записках" И. И. Горбачевского, — имело

главною целью освобождение всех славянских племен от самовластия, уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом. Предполагалось с точностью определить границы каждого государства; ввести у всех народов форму демократического представительного правления; составить конгресс для управления делами Союза и для изменения в случае надобности общих коренных законов, предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений» [13].

Славянский аспект программы занял видное место в переговорах относительно слияния Общества соединенных славян с Южным обществом декабристов, состоявшихся осенью 1825 г. Руководитель первой из названных организаций П. И. Борисов высказывался за сотрудничество, но заявил, что «славяне» и после слияния обществ должны будут следовать принятой ими присяге — посвятить свою жизнь борьбе за свободу, равенство и братство славянских народов. Представитель южан М. П. Бестужев-Рюмин, говорится в «Записках» Горбачевского, «всеми силами старался опровергнуть сие возражение; он доказал, что преобразование России необходимо откроет всем славянским племенам путь к свободе и благоденствию; что соединенные общества удобнее могут произвести сие преобразование; что Россия, освобожденная от тиранства, будет открыто споспешествовать цели славянского союза: освободить Польшу, Богемию, Моравию и другие славянские земли, учредить в них свободные правления и соединить всех федеральным союзом» [14]. По словам Горбачевского, после переговоров приверженность идее славянской общности была подтверждена многими членами Южного общества, в том числе М. И. Муравьевым-Апостолом.

Имевшиеся в Южном и Северном обществах сторонники выдвижения на первый план славянской идеи не составляли большинства. Однако последователей этой идеи было немало, особенно в Южном обществе. К уже приводившимся подтверждениям этому добавим показания А. С. Гангеблова, который весной 1825 г. был принят в Петербургскую управу «южан», но не участвовал ни в ее деятельности, ни в событиях 14 декабря. Он дважды повторил на допросах, что задачей тайного общества являлось установление конституционного правления и «соединение народов славянских в одно политическое целое»; при этом он ссылался на П. П. Свистунова, который принял его в члены Общества [15].

Увлечение идеей славянской общности, высокий уровень национально-патриотических чувств не приводили декабристов к шовинизму. Обращаясь к историческому прошлому всего славянства, к традициям русского народа, они искали в них доказательств самобытности отечественной культуры и подтверждений ее перспективности в будущем. Подход декабристов к славянской идее связан с особенностями дворянской революционности, с присущими ей формами демократизма. В то же время, как не раз отмечали исследователи, декабристские взгляды на славянство содержат определенные зародыши позднейшего славянофильства и народничества.

Отголоски декабристского толкования идеи славянской общности более или менее отчетливо прослеживаются в идеологии участников русского освободительного движения на протяжении 10—15 лет после разгрома движения 14 декабря 1825 г. Участники кружка братьев Критских выступали, например, с требованием всемерно поддерживать русский язык и обычаи, ибо «сим отличается характер народа и сохраняется национальная гордость, тесно соединенная со славой и могуществом государства», настаивали на преобразованиях, в результате которых «оживляются народная промышленность, искусства и художества». Особо характерными представляются проекты отставного штабс-капитана С. И. Ситникова, которые он пропагандировал в 1830 г., рассылая их текст по почте в разные города России. Проекты эти предлагали ряд социальных реформ и создание «вечевого» государства по образцу «Новгородской республики или Соединенных американских штатов». «Вечевое» государство должно было называться «Славянским обществом» и включать «три веча» во главе со «славянорусскими посадниками»: князем Меншиковым в Великом Новгороде, Михалом Радзивиллом в Варшаве, великим князем Константином в Киеве; воеводой же «всех сил» должен был стать А. П. Ермолов [16].

В 40-е годы подъем интереса к славянскому вопросу нашел отражение в программных документах и деятельности киевского Кирилло-Мефодиевского общества (1846—1847 гг.) и петербургской организации М. В. Буташевича-Петрашевского (1844—1848 гг.).

Общественно-политические факторы, обусловившие возникновение Кирилло-Мефодиевского общества, совпадали с теми, которые определяли социальное содержание общероссийского освободительного движения. Но действовали и местные факторы, связанные с тем, что в 20—50-х годах XIX в. интенсивно развивался процесс формирования украинской нации, особенно в области культуры. Не случайно именно на украинской территории возникло и действовало Общество соединенных славян. Славянская идея вдохновляла нескольких уроженцев юго-западных губерний, которые в 1826—1827 гг., будучи студентами Петербургской медико-хирургической академии, пытались создать тайное общество, имевшее целью «освободить Польшу и Малороссию и соединить их в республику». В 1834 г. при обыске в харьковской квартире В. В. Пассека, который вместе с А. И. Герценом учился в Московском университете, была захвачена жандармами рукопись «Малороссия. Отрывок из дорожных записок». В ней В. В. Пассек высоко оценивал заслуги Б. Хмельницкого и его соратников по борьбе за воссоединение Украины с Россией, высказывался за свободное развитие всех народов Российской империи. Говоря о единстве происхождения славян, он указывал на

общность исторического прошлого славянских народов и тем самым подводил читателя к мысли о необходимости будущего сотрудничества между ними [17].

Уже само название Кирилло-Мефодиевского общества прочно связывало его с идеей славянской общности (украинский вариант звучит с этой точки зрения еще более выразительно: «Слов'янске товариство св. Кирила и Мефодія»). Программа Общества уделяла первостепенное внимание национальному вопросу и его решению на Украине. В объяснительной записке В. М. Белозерского (декабрь 1845 г.) анализировались неудачи освободительного движения польского народа, ведущего борьбу в одиночку. Применительно к Украине самостоятельные действия признавались невозможными и делалась ставка на объединение всех славян для борьбы за свободу, возвращение народных прав. Записка призывала всеми путями распространять воспитание «в духе славянской идеи». Используя слова А. С. Пушкина и А. Мицкевича, один из учредителей Общества провозглашал: «Пусть нас радует мысль, что при наших усилиях придет пора, когда славяне, распри позабыв, в великую семью соединятся» [18].

Устав, написанный Н. И. Гулаком в 1845 или в начале 1846 г., важной задачей освободительной борьбы объявлял создание в будущем политического объединения славянских народов. Оговаривались при этом следующие обязательные условия: «Каждое славянское племя должно иметь свою самостоятельность... каждое племя должно иметь правление народное и соблюдать совершенное равенство сограждан по их рождению, христианским вероисповеданиям и состоянию». Отмечая наличие религиозных распрей и разного рода предубеждений между славянскими народами, устав заявлял, что «Общество будет стараться об уничтожении всякой племенной и религиозной вражды между ними и распространять идею о возможности примирения в христианских церквах» [19]. В уставе было зафиксировано, что членами Общества могут быть выходцы из всех славянских племен независимо от их социального положения.

В основном программном документе Кирилло-Мефодиевского общества («Книга бытия украинского народа» или «Закон божий») взаимоотношения Украины с Польшей и Россией изображались следующим образом. Украина, не имея условий для создания самостоятельной государственности, хотела жить «нераздельно и несмесимо» сначала с Польшей, потом с Россией. Однако первая «никоим образом не хотела отречься от своего панства», а вторая обманула ожидания и принесла царскую неволю. Украина «любила и поляков и великороссиян как братьев своих и не хотела с ними разбрататься», но не была понята ни теми, ни другими; в результате украинские земли были разорваны «на две половины по течению Днепра». Документ доказывал, что так продолжаться не может, что все должно перемениться и решающую роль сыграет при этом Украина. «Ибо голос Украины не умолкнул; встанет Украина из своей могилы и опять воззовет к братьям славянам, и услышат воззвание ее, и восстанет Славянщина, и не останется ни царя, ни царевича, ни царевны, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сиятельства, ни превосходительства, ни пана, ни боярина, ни крестьянина, ни холопа, ни в Великой России, ни в Польше, ни в Украине, ни в Чехии, ни у Хорутан, ни у Сербов, ни у Болгар. И Украина сделается независимой Речью Посполитою в союзе славянском» [20].

Петрашевцы были противниками всякой национальной ограниченности, они высказывались за дружественное общение народов и сотрудничество между ними. Живой интерес и сочувствие проявляли петрашевцы по отношению к борьбе польского народа за свою свободу. В списках литературы, которую предполагалось приобрести для их библиотеки, были многие польские книги (в том числе работы И. Лелевеля, Л. Мерославского, Р. Солтыка, А. Гуровского, А. Цешковского и др.). Во время обыска у Петрашевского были обнаружены заметки, сделанные им при чтении А. Мицкевича. Петрашевцы С. Ф. Дуров, Н. А. Момбелли, А. Д. Толстов переводили произведения великого польского поэта. При этом их внимание особенно привлекало то, что касалось освободительной борьбы польского народа и русско-польских революционных связей, в частности стихотворение «Русским друзьям». Один из наиболее радикально настроенных петрашевцев — Н. А. Спешнев изучал философские работы Г. Каменского и переписывался с Э. Хоецким. Польской литературой увлекался петрашевец А. В. Ханыков, который вместе с В. П. Лободовским немало содействовал молодому Чернышевскому в расширении его знакомства с Польшей. В конкретных планах революционных действий, разрабатывавшихся петрашевцами, Польша занимала одно из ведущих мест. Фиксируя в дневнике слухи об аресте участников Кирилло-Мефодиевского общества и анализируя приписываемый Т. Г. Шевченко план восстания на Украине, Н. А. Момбелли писал: «С восстанием же Малороссии зашевелился бы и Дон, давно уже недовольный мерами правительства. Поляки тоже воспользовались бы случаем. Следовательно, весь юг и запад России взялся бы за оружие» [21].

Еще в декабристскую эпоху в качестве антипода прогрессивно-демократической интерпретации идеи славянской общности постепенно складывалась сугубо реакционная и охранительная по отношению к царизму «теория официальной народности». 1821 г. датируется, в частности, следующая дневниковая запись М. П. Погодина, в то время двадцатилетнего студента Московского университета: «Говорил с Кубаревым о соединении всех славянских племен в одно целое, в одно государство. Родись другой Петр, он найдет другого Суворова, и кончен бал. С 500 000 он кончил бы дело. Главное дело — отнять [славянские земли] у австрийцев. Сербию ничего не стоит завоевать. За остальную часть Польши пруссакам можно отдать Остзейские губернии. На что нам этих немчурок. Должно отдалить от себя всех, чтобы ни один иноплеменник не смел говорить, что он гражданин русский. Какой бы был праздник» [22].

Будучи идейно-политическим ответом правящих слоев на растущий интерес русского общества к славянскому вопросу, «теория официальной народности» пыталась учитывать результаты развертывавшихся дискуссий и некоторые результаты славяноведческих исследований. Ее сторонники исходили из убеждения, что настоящее и будущее России могут опираться только на вечную и нерасторжимую триаду «самодержавие, православие и народность». Среди профессиональных славистов наиболее последовательным и активным защитником данной концепции был М. П. Погодин. Он был убежден, что развитие славянских народов шло своим особым путем, принципиально отличающимся от истории народов Западной Европы. Славянство, по его мнению, составляло самостоятельный, нравственно здоровый мир, основанный на «любви и единении», в отличие от «загнивающего» Запада, раздираемого непримиримыми внутренними противоречиями. Ссылаясь на сходство языков, культуры, исторических традиций, М. П. Погодин высказывал убеждение, что все славянские народы должны объединиться в единое государственное целое под эгидой православия и под скипетром русского царя.

Однако внешнеполитический аспект концепции М. П. Погодина вопреки довольно распространенному в историографии мнению воспринимался царской дипломатией резко отрицательно. Это объяснялось тем, что в данной области рассуждения теоретиков «официальной народности», хотя и чисто внешне, сближались с воззрениями участников оппозиционных организаций, в том числе кирилло-мефодиевцев и петрашевцев. Весьма примечательно, что в 1847 г., т. е. вскоре после разгрома Кирилло-Мефодиевского общества, министр народного просвещения С. С. Уваров разослал попечителям учебных округов одобренный царем циркуляр, в котором говорилось, что «мечтания» о культурном и политическом объединении славян вредны, что в университетском преподавании надлежит руководствоваться «идеей русской национальности», воспитывая патриотический дух не из созданного игрой воображения «всеславянства», но из «русского первоисточника». Материалы Киевского учебного округа, с попечителем которого циркуляр предварительно согласовывался чиновниками министерства, неопровержимо доказывают, что приведенные формулировки направлены, с одной стороны, против поклонников «славянской взаимности» в Чехии и иных славянских землях, а с другой — против «славянского» аспекта в политических программах российских революционеров [23].

По поводу русского славянофильства, имевшего весьма существенное значение для общественной мысли и славяноведческой науки, в специальной литературе высказывались различные точки зрения. Представляются необоснованными как стремление идеализировать мировоззрение и политические взгляды славянофилов, гипертрофировать их оппозиционность, так и противоположное стремление безоговорочно связать славянофильство исключительно с лагерем реакции и обскурантизма. Раннее славянофильство было течением сложным и противоречивым. Его доктрины, безусловно, имели черты консерватизма. Однако в ряде вопросов, включая отношение к крепостничеству, славянофилы находились хотя и в умеренной, но все же оппозиции к царскому правительству. Думается, что это обязывает исследователей не смешивать политические концепции раннего славянофильства с реакционной идеологией самодержавия, воплотившейся в «теории официальной народности», не делать поспешных выводов из действительно имеющихся черт сходства между ними, ибо нередко оно носит чисто внешний характер.

В выработке системы взглядов предреформенного славянофильства наибольшую роль сыграли А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, а также К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и Д. А. Валуев. Первым постоянным печатным органом славянофилов стал журнал «Русская беседа» (1856—1860 гг.); в 40-е годы они использовали для пропаганды своих воззрений «Москвитянина» и ряд полупериодических изданий: «Синбирский сборник», три выпуска «Московского сборника», «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных». Мировоззрение теоретиков славянофильства складывалось под влиянием идеалистической философской системы Ф. Шеллинга, морально-этических доктрин консервативных немецких романтиков, богословских сочинений отцов православной церкви, а отчасти и французской общественно-политической литературы первой половины XIX в. Противоречивость идейно-теоретических воздействий накладывалась при этом на реальные противоречия предреформенной общественной жизни.

Славянофилы выступали против сближения с Западной Европой и усвоения Россией ее экономического, политического, культурного опыта. Они идеализировали допетровскую Русь, которая представлялась им воплощением гармонии во взаимоотношениях государства с обществом. Исходя из этого, славянофилы уверяли, будто Петр I нарушил гармонию, противопоставив царскую власть «земщине», что привело к отрыву дворянства и интеллигенции от народа, к поверхностному усвоению западной культуры, пренебрежению родным языком и народным укладом жизни. Вместе с тем они ратовали за прогресс в экономике страны, за развитие гласности, уничтожение цензурных ограничений, повышение роли общественного мнения в государственном управлении. Доказывая необходимость Земского собора, включающего представителей всех сословий, они выступали за сохранение самодержавия; суть их взглядов в данной области отражалась в формуле «народу сила мнения — царю сила власти».

К решению главного вопроса тогдашней русской действительности — вопроса о крепостном праве — славянофилы подходили с либеральных позиций. С конца 30-х годов они неизменно выступали за отмену крепостного права правительством с предоставлением крестьянским общинам земли за выкуп в пользу помещиков. Из этого следует, что славянофильство вместе с западничеством

являлись двумя слагающими русского предреформенного либерализма. Как то, так и другое течения отражали тенденции буржуазного развития и представляли интересы заинтересованных в нем социальных групп, т. е. вступившей на капиталистический путь части дворянства и хотя и немногочисленной, но постепенно усиливающейся русской буржуазии. Достаточно обоснованным, на наш взгляд, является общий вывод, сделанный в одной из работ Н. Г. Сладкевича, где говорится: «Как известно, в общественно-политической борьбе России последних двух предреформенных десятилетий славянофильская группа заняла место на правом фланге либерального лагеря. Имея немало сходных черт с идеологией „официальной народности", славянофильские воззрения, однако, по ряду вопросов отличались от взглядов группы Погодина и Шевырева. Славянофилы являлись в 1840—1850-х годах оппозиционной группировкой» [24]. Однако не следует и переоценивать оппозиционности славянофильства, «его способности к последовательной борьбе с тогдашней правительственной системой» [25].

Характерно в этом отношении письмо А. С. Хомякова. Комментируя споры с правительством по поводу отмены николаевского запрета на славянофильскую периодику, он писал К. С. Аксакову: «Смешно подумать, что мы ищем восстановления прав, которых лишены вследствие бестолковейшего подозрения. Это подозрение напоминает мне барина, который во сне руку отлежал да случайно спросонок, ощупав ее другою, закричал караул. Своей руки не узнал! Насилу догадался; догадаются ли у нас?» [26].

Примерно таким же образом можно оценить характер расхождений с правительством у западнической части либерального лагеря. Ход событий не оставляет сомнений в том, что как одни, так и другие готовы были на самое тесное сотрудничество с царизмом тогда, когда он проявлял самую минимальную готовность к буржуазным преобразованиям. «Идеологи буржуазного развития страны — либералы — выступают в середине 50-х годов как „партия прогресса" — справедливо отмечает В. Н. Розенталь. Они составляют наиболее продуманные и разработанные планы преобразований, но в условиях быстрого нарастания „кризиса верхов" в стране ясно определяется буржуазно-помещичья природа русского либерализма» [27].

Идеология дореформенного славянофильства в смысле политической направленности имела черты умеренного либерализма; славянофилы были ярыми противниками революционного действия, убежденными сторонниками монархии, последователями и пропагандистами религиозно-мистических философских концепций. В то же время они выступали за отмену крепостного права «сверху» и участвовали в подготовке крестьянской реформы 1861 г. (Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев, В. А. Черкасский). Простой народ славянофилы считали «основанием общественного здания», но понятие «народ» трактовалось ими в соответствии с канонами немецкого консервативного романтизма. Они идеализировали старину, доказывали, будто русскому «народному духу» искони и навсегда присущи монархическое и православное начала. Славянофилы не понимали подлинных интересов народных масс и не заботились о них; однако их призывы к сближению с народом, к изучению его жизни и быта в определенной степени содействовали пробуждению национального самосознания, стимулировали собирание памятников славянской культуры и научную разработку всего того, что связано с историей, языками и письменностью славян.

Совершенно иных взглядов относительно места и роли славянских народов во всемирно-историческом процессе придерживались виднейшие представители революционно-демократического течения русской общественной мысли. Впервые эти взгляды были подробно изложены В. Г. Белинским. В своих публицистических статьях 1840-х годов он решительно заявлял о принципиальном тождестве основных этапов исторического развития России, славян и народов Западной Европы, указывая в то же время на наличие местных национальных особенностей, вызванных действиями различных факторов.

Существенный вклад в демократическое истолкование идеи славянской общности внесли М. А. Бакунин и А. И. Герцен. Оба они были пропагандистами теории общинного социализма и утверждали, что наиболее надежный путь к преобразованиям общества в интересах народа лежит через русскую и вообще славянскую общину; оба они были сторонниками демократической федерации славянских республик, которая, по их убеждению, должна была занять место угнетающих славянство монархических государств [28].

Революционная деятельность М. А. Бакунина началась в середине 40-х годов и проходила преимущественно в эмиграции, где он активно участвовал в революционных событиях 1848—1849 гг. на территории Саксонии и Австрии, в национально-освободительной борьбе австрийских славян. Славянский вопрос занимал видное место в мировоззрении и политической программе Бакунина. Его точка зрения на этот вопрос изложена в ряде теоретических произведений, в письмах, речах и воззваниях. Еще в 1846 г. Бакунин решил, по его собственным словам, сделать целью своей деятельности русскую революцию и республиканскую федерацию всех славянских земель. В 1848 г. он опубликовал «Основы новой славянской политики» и «Воззвание к славянам». В них Бакунин призывал к разрушению российской, прусской, турецкой и особенно австрийской монархии, на развалинах которых должна была сложиться, по его мнению, великая вольная славянская федерация, основанная на принципах общего равенства, свободы и братской любви, на уничтожении крепостного права и сословного неравенства, на предоставлении каждому желающему земельного участка в пределах любой из славянских земель.

Бакунин верил в особый исторический путь русского народа и славянства вообще, но не противопоставлял их Западной Ев-

ропе; мир, рассуждал он, разделен на два лагеря: революционный и контрреволюционный, славяне в своих собственных интересах должны в союзе с немцами и венграми добиваться всеобщей федерации европейских республик. Обращаясь к славянам, Бакунин заявлял, что им следует быть друзьями и союзниками всех народов и партий, сражающихся за революцию. В то же время он предостерегал зарубежных славян от подогреваемых славянофилами необоснованных надежд на помощь со стороны царского правительства, говоря, что настоящую поддержку они смогут получить только от революционной России.

А. И. Герцен, по известному определению В. И. Ленина, «вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»[29]. Преувеличивая роль идей в развитии человечества, тем не менее он искал закономерности исторического прогресса в объективных условиях общественного развития, в том числе в борьбе между привилегированными и угнетенными классами. В отличие от Б. Н. Чичерина, С. М. Соловьева и других представителей «государственной школы» русской историографии Герцен главной движущей силой истории считал не государство, а народ, роль же личностей связывал прежде всего с тем, понимают ли они народные потребности.

С точки зрения изучения зарубежных славян особый интерес представляют теоретические высказывания Герцена о спорах «западников» со славянофилами и разработанная им политическая интерпретация идеи славянской взаимности. В 40-е годы, признавая особенности развития отдельных народов, в частности славянских, Герцен выдвигал на первый план не эту сторону исторического процесса, а единство развития человеческого рода. Соответственно в его ранних работах славянофильские доктрины подвергались сугубо критическому рассмотрению. После революции 1848—1849 гг. в поисках идеала общественного прогресса Герцен обратился к русской и славянским общинам, в которых увидел зародыши «социального» (т. е. социалистического) развития не только для России, но и для всей Европы. Именно поэтому славянофилы, много писавшие об общине и впервые привлекшие к ней внимание общественности, предстали перед ним своей позитивной стороной. Явно заблуждаясь, Герцен предполагал, что сможет сблизиться со славянофилами на основе веры в общинные идеалы и даже писал: «Социализм [. . .] — разве не признан он славянофилами так же, как нами? Это мост, на котором мы можем подать друг другу руку»[30]. Союзниками он считал славянофилов и в годы подготовки крестьянской реформы, будучи уверенным, что их вера в сельскую общину поможет освобождению крестьян с земельным наделом.

Исторические пути России Герцен постоянно связывал с судьбой всех славянских народов. Следуя убеждению, что свободное развитие русской и славянской общины совпадает со стремлениями «западного социализма», Герцен видел будущее славянского мира в свободной федерации, ядром которой станет Россия,

освободившаяся от крепостничества и самодержавия. «Только сгруппировавшись в союз свободных и самобытных народов, — писал он, — славянский мир вступит, наконец, в истинно историческое существование»[31]. Прогрессивная направленность этих планов Герцена, исходящих из неизбежности краха Австрийской и Османской империй, необходимости коренных социальных преобразований в России, из единства революционных задач Запада и Востока, совершенно очевидна. Однако ошибочность некоторых суждений, противоречащих самой сути развиваемой им концепции, как и постоянное подчеркивание своего духовного родства со славянофилами, сослужили Герцену плохую службу. Отзвуки панславистских идей в его рассуждениях и двусмысленная характеристика возможностей царизма в решении славянского вопроса вызвали недоверие многих деятелей международного революционного движения и резкую критику публицистических выступлений Герцена со стороны К. Маркса и Ф. Энгельса[32].

Более четкой и обоснованной была позиция Н. Г. Чернышевского. Как известно, он везде, где это было возможно, настойчиво проводил мысль о том, что решающую роль в общественном развитии играют не национальные, а классовые отношения. Весьма ярко это проявилось в его статьях, подготовленных для «Современника» и опубликованных в 1861 г. Например, в статье «Предисловие к нынешним австрийским делам», говоря о событиях 1848 г., Чернышевский указывал, что «стеснение [. . .] народностей было лишь внешним признаком дела», тогда как сутью его являлось уничтожение феодальных повинностей[33]. Не только приведенное, но и многие другие высказывания Чернышевского свидетельствуют о том, что в его взглядах не могло быть и не было места для какого-либо обособления славянских народов, для теоретического противопоставления их прошлого и настоящего западноевропейскому историческому процессу. Наблюдая за спорами западников со славянофилами, Чернышевский критически относился и к тем и к другим. Первых он спрашивал: «Зачем оставаться в фантастической уверенности, будто Западная Европа — земной рай, когда на самом деле положение народов ее вовсе не таково?». О вторых же писал: «Славянофилам вредит не то, что они славянофилы; есть другие причины предубеждения против них. Придавая слишком большую важность отвлеченным понятиям о всеобъемлющем характере русской народности, о так называемой односторонности и несостоятельности западной науки и жизни, они слишком готовы без разбора восхищаться всяким суждением, лишь бы только оно было в пользу народности против европеизма»[34].

Осуждая социально-политическое ретроградство, религиозность и шовинизм славянофилов, Чернышевский заявлял, что у славянофильства есть и «другая сторона, которая ставит славянофилов выше многих самых серьезных западников». При этом имелось в виду то, что славянофилы говорили о роли русской и вообще славянской общины. «Мы видим, — писал Чернышевский, — какие печальные следствия породила на Западе утрата

общинной поземельной собственности и как тяжело возвратить западным народам свою утрату. Пример Запада не должен быть потерян для нас»[35]. Частичное совпадение взглядов в данном вопросе не должно нас обманывать. Чернышевский трактовал общину как зародыш будущих социалистических преобразований, тогда как славянофилы видели в ней оплот милой их сердцу патриархальной старины.

Допуская, что общинные отношения могут сыграть положительную роль для социалистического преобразования России, Чернышевский горячо возражал против убеждения, будто община столь же необходима и для народов Западной Европы. В 1861 г. в статье «О причинах падения Рима» он критиковал за излишнюю идеализацию общинных отношений не только славянофилов, но и А. И. Герцена (речь шла о его статье «Русский народ и социализм»). «Кроме общинного землевладения, — писал Чернышевский, — невозможно было самым усердным мечтателям открыть в нашем общественном и частном быте ни одного учреждения или хотя бы зародыша учреждения для предсказываемого ими обновления ветхой Европы нашею свежею мощью. [. . .] Нечего нам и хлопотать об этом: никаких оживителей не нужно ей. Она и своим умом умеет рассуждать и своими силами умеет делать что ей угодно, и своих сил довольно ей на все, что ей нужно сделать»[36]. Критика Чернышевским славянофильства не была направлена против сочувствия к угнетенным славянским народам. Если бы дело сводилось только к сочувствию славянам, говорил он, то все «образованные люди» (т. е. сторонники прогресса, революционеры) могли бы назваться славянофилами. Реальные же славянофилы начала 60-х годов, спекулируя на идее славянской взаимности, вольно или невольно ставили ее на службу внешней и внутренней политике русского царизма[37].

Проблема воздействия революционно-демократической мысли на появившиеся конкретные исследования по истории зарубежных славян исследована пока далеко не исчерпывающе. Но достигнутые результаты уже позволяют сделать вывод о том, что теоретические концепции революционных демократов нашли применение в научно-исследовательской практике. Работы Е. П. Аксеновой, серьезно проанализировавшей с этой точки зрения содержание «Современника» за 1854—1866 гг.[38], показывают, что ведущий орган русской революционной демократии так или иначе затрагивал довольно широкий круг славистических проблем как исторического, так и филологического характера. Общие теоретико-методологические вопросы рассматривались главным образом Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым. Среди авторов, выступавших в журнале по конкретным темам современного положения и истории зарубежных славянских народов, могут быть названы такие идейно близкие «Современнику» лица, как Г. З. Елисеев, А. Н. Пыпин, З. Сераковский, а также либерально настроенные деятели: А. С. Афанасьев-Чужбинский, Е. П. Ковалевский, Н. И. Костомаров, К. Д. Ушинский и др. Журнал часто

привлекал и авторов иных идейно-политических направлений, в том числе видных историков И. Н. Березина, Е. П. Карновича, В. И. Ламанского, С. М. Соловьева. Что касается публиковавшихся материалов, то они так или иначе охватывали практически все славянские земли, освещали их современное положение, древнюю, средневековую и новую историю. Публиковалось также значительное число славистических материалов по филологической проблематике.

Разумеется, степень проникновения революционно-демократической идеологии в те работы по истории и культуре зарубежных славян, которые публиковались в «Современнике», во многом зависела от мировоззрения их авторов. Однако совершенно очевидно, что редакторы журнала осуществляли определенную селекцию материала по тематике и оказывали некоторое, иногда довольно заметное воздействие на отбор фактов, их освещение даже в тех случаях, когда речь шла об авторах с совершенно иными идейно-политическими позициями, не говоря уж о деятелях прогрессивного склада и либеральных «попутчиках». Как бы то ни было, рядом с четко ориентированными статьями и критическими рецензиями редакторов «Современника» и их ближайших единомышленников работы называвшихся выше профессиональных славистов могли восприниматься читателем не так, как в других периодических изданиях. Если же говорить о богатых конкретным содержанием, отличавшихся антиславянофильской направленностью и написанных с прогрессивных позиций работах А. Н. Пыпина, то они почти всегда звучали в унисон с принципиальными высказываниями редакторов журнала. В целом же материалы по истории зарубежных славян, опубликованные в «Современнике» и примыкавших к нему периодических изданиях конца 50-х — первой половины 60-х годов обладают хотя и не абсолютным, но настолько значительным внутренним единством, так сильно отличаются от всей остальной специальной литературы, что представляется правомерным говорить о наличии революционно-демократического направления в русском славяноведении, по крайней мере в его исторической и историко-культурной части.

2. Оформление славяноведения как научной и учебной дисциплины

Начало нового этапа в истории российского славяноведения ознаменовалось учреждением в соответствии с университетским уставом 1835 г. кафедр истории и литературы славянских наречий. Учреждение славянских кафедр отразило реальный рост общественной значимости славянской темы, неуклонно повышавшийся в последующие десятилетия. В то же время уже сложившиеся научные центры отечественного славяноведения, такие, как Российская академия, которая с 1841 г. вошла в состав Академии наук, а также Библиотека Академии наук и Публичная библиотека в Петербурге, продолжали играть важную роль в развитии славя-

6 Заказ 1786

новедения. В 30—50-х годах упрочились их книгообменные связи с научными учреждениями и отдельными учеными из славянских земель, что способствовало постепенному складыванию в этих библиотеках фондов зарубежных славянских изданий. Важное значение в этом смысле имело создание в Публичной библиотеке отделения «Rossica», куда поступали иностранные, в том числе и славянские, книги о России. Научная общественность славянских земель все чаще рассматривала Публичную библиотеку — национальное хранилище России — в качестве своеобразного представителя русской славистики на международной арене. Одним из проявлений этого явилось поступление в Публичную библиотеку в 1856 г. от наследников видного деятеля чешской культуры и горячего сторонника чешско-русского сотрудничества Й. Юнгмана его ценного собрания книг и рукописей [39].

Успешно развивался также обмен книгами и научной информацией между русскими и зарубежными славистами. Существенную посредническую роль при этом играли на рубеже 30—40-х годов священник русского посольства в Вене Г. Т. Меглицкий [40], а позднее настоятель посольской церкви М. Ф. Раевский (1811—1884), который прибыл в Вену в 1842 г. и оставался там до конца жизни. Одним из практических результатов расширявшегося книгообмена стало формирование именно в те десятилетия крупных личных библиотек ряда русских ученых: М. П. Погодина, О. М. Бодянского, И. И. Срезневского и др.[41]

Идея создания специальных славистических кафедр еще в 1820-х годах буквально носилась в воздухе. Если представители ученого мира усматривали в таких кафедрах способ дальнейшего упрочения славяноведения, в ряде случаев в духе славянофильских представлений, то в официальных сферах превалировало стремление использовать общественный интерес к славянству для решения идейно-политических задач царизма. Этим, в частности, объяснялось то, что уже в конце 1820-х годов мысль о включении славистики в систему университетского образования получила поддержку со стороны министров народного просвещения, сначала А. С. Шишкова, затем К. А. Ливена (1828—1833) и особенно С. С. Уварова (1833—1849). Николай I, хорошо помнивший о славянских симпатиях декабристов и отрицательно относившийся к национально-освободительным устремлениям западных и южных славян, требовал от славистики теоретического подтверждения формулы «православие, самодержавие, народность», ее внедрения в сознание образованного общества. Эта «сверхзадача», явно заложенная в уставе 1835 г., неоднократно подтверждалась в последующие годы.

Первоначально речь шла об учреждении кафедр истории и литературы славянских наречий в четырех русских университетах: Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском. Но практическое осуществление замысла натолкнулось на отсутствие необходимых кадров. Со всей определенностью констатировал это попечитель Петербургского учебного округа, заявивший, что

«предмет сей не входил прежде в состав университетского курса», что «ныне весьма трудно найти вполне способных преподавателей, а посему необходимо, по крайней мере на первый раз, доставить от правительства занимающимся означенным предметом и желающим впоследствии занять в университете кафедру, средства для приобретения нужных для этого сведений» [42].

В Московском университете, где в 1811—1829 гг. существовала кафедра славянской словесности, положение было несколько более благоприятным. Одним из претендентов на занятие этой кафедры являлся Ю. И. Венелин, который в 1834 г., как указывалось выше, подал прошение в Совет Московского университета о том, чтобы ему было поручено «преподавание славянского языка». Казалось бы, шансы его увеличились с основанием в 1835 г. специальных кафедр истории и литературы славянских наречий. Однако его кандидатура утверждена не была [43]. Профессором кафедры был назначен М. Т. Каченовский, начавший чтение лекций с августа 1836 г.

Историк по своей основной специализации, М. Т. Каченовский был представителем так называемого «скептического» направления русской историографии. Ему как редактору обязан своей «славянской» ориентацией журнал «Вестник Европы», на страницах которого печатались статьи и велась полемика по некоторым животрепещущим проблемам славянского языкознания.

Назначение Каченовского рассматривалось, по-видимому, как временное. Во всяком случае, в материалах о новом штате Московского университета, направленных 29 ноября 1835 г. в министерство народного просвещения, против фамилии Каченовского как профессора кафедры истории и литературы славянских наречий сделана карандашная помета: «Попечитель полагает вызвать Шафарика» [44]. Указанное намерение не было реализовано, а Каченовский занимал кафедру до своей смерти в 1842 г.

В Петербургском университете чтение лекций по славяноведению было временно поручено выпускнику Главного педагогического института, адъюнкту кафедры всеобщей истории М. И. Касторскому (1807—1866). Краткую предварительную подготовку он прошел в 1836—1837 гг. в Берлине, а также в Праге, где под руководством В. Ганки и П. Шафарика занимался славянскими языками и литературой. За очерк славянской мифологии он получил позднее докторскую степень. Профессиональная подготовка Касторского как слависта была невысокой [45], и лекции, которые он читал по кафедре истории и литературы славянских наречий в 1839—1842 и 1846 гг., ограничивались «изложением грамматики и разбором образцов одного языка древнеславянского» (по другим данным, изложением «Славянских древностей» П. Шафарика) [46].

При учреждении в 1834 г. Киевского университета штат историко-филологического факультета включал должность лектора польского языка, которую в 1834—1835 гг. занимал И. И. Микульский, а в 1836—1838 гг. О. В. Корженецкий (1797—1863). Вскоре после введения устава 1835 г. Совет университета возбудил

перед попечителем учебного округа повторенное в 1838 г. ходатайство «учредить особую кафедру литературы славянских наречий, в круг которой вошло бы и преподавание литературы польской» [47]. При этом ректор и члены Совета, по словам попечителя, «почитали справедливейшим и наиболее соответствующим существу вещи удержать для означенной кафедры название, принятое в общем уставе российских университетов, т. е. истории и литературы славянских наречий, или по крайней мере назвать ее кафедрой литературы церковнославянского, польского и других славянских наречий». Кафедра была предусмотрена уставом Киевского университета, проект которого попечитель учебного округа представил на утверждение в 1841 г. Спустя три года Киевский генерал-губернатор Д. Г. Бибиков, докладывал С. С. Уварову о неотложных нуждах Киевского университета, писал: «Открытие кафедры славянских наречий и славянских древностей принадлежит к числу необходимых и целям правительства соответственных улучшений в устройстве Университета св. Владимира. Учебное начальство заботилось об этом, но до сего времени не могло приобресть никого к тому способного. Есть разрешение отправить за границу для изучения славянских наречий и древностей с целью приготовления себя для их кафедры способного из воспитанников университета. До сих пор никто из них не мог быть к тому избран». Считая этот путь нецелесообразным, Бибиков указывал на то, что «в сем случае требуется от одного и того же лица двух способностей, весьма не сходных между собою: филолога и историка». Указав, что трудности успешного изучения предмета усугубляются отсутствием учебных пособий, он продолжал: «Для такого изучения нужен человек готовый, с опытным умом, с знанием систематического труда и с уменьем обращаться с разработкой ученых предметов. Выбор для того трудно бы сделать даже между профессорами. Из числа здешних можно было бы указать на одного Иванишева». Наиболее желательным вариантом провозглашалось приглашение для занятия кафедры В. Ганки, «которого благонамеренность и преданность России не подвержена никакому сомнению» [48].

Н. Д. Иванишев после окончания Петербургского педагогического института в 1835 г. прошел стажировку в Берлине, а также в Праге, где под руководством В. Ганки изучал палеографию и историю славянского права. С 1840 г. он был экстраординарным, а с 1842 г. ординарным профессором Киевского университета по кафедре государственного благоустройства. Из этого следует, что генерал-губернатор руководствовался не интересами науки, а опасениями, как бы учреждение кафедры не вступило в коллизию «с политическими видами правительства». Напугавший начальство прецедент имел место в 1842—1843 гг., когда встал вопрос об определении на должность экстраординарного профессора кафедры истории и литературы славянских наречий варшавского слависта А. Кухарского, заподозренного в политической неблагонадежности. Последний, как указывалось в справке о нем, «в 1825 г.

по распоряжению правительства отправлен путешествовать на казенный счет по славянским землям. По возвращению из путешествия в 1831 г. предназначался в профессора Варшавского университета, а в 1833 г. определен старшим учителем в Варшавскую гимназию». Хотя подозрения относительно нелояльности А. Кухарского во время событий 1830—1831 гг. были в ходе проверки сняты, в Киев его не назначили. В письме к наместнику Царства Польского И. Ф. Паскевичу от 13 мая 1843 г. С. С. Уваров предписал выяснить, «не откроется ли возможности употребить его преподавателем в одном из русских университетов, кроме, однако, Киевского». Кухарскому было предложено место на славянской кафедре в Харькове, от которого он отказался [49]. Только в 1847 г. в Киевский университет был определен выпускник Главного педагогического института в Петербурге магистр греческой словесности В. Я. Яроцкий (1824—1897). Он прослужил по кафедре истории и литературы славянских наречий в должности адъюнкта, а с 1856 г. исполняющего должность экстраординарного профессора до 1876 г. В 1846/47 учебном году Н. И. Костомаров (1817—1885) в качестве адъюнкт-профессора Киевского университета читал курс славянской мифологии.

Способы замещения вновь учреждавшихся кафедр истории и литературы славянских наречий были различными. Вариант приглашения в Россию видных чешских славистов — Шафарика, Ганки и Челаковского — отпал, потому что он противоречил высочайше одобренному циркуляру министерства народного просвещения 1827 г., чтобы «со временем все кафедры в четырех русских университетах были заняты природными русскими профессорами». Циркуляр появился в результате обсуждения проекта Г. Ф. Паррота о подготовке русских профессоров всех специальностей на базе Дерптского университета с последующей отправкой их для совершенствования по своей специальности «за границу в те иностранные университеты, в коих сии науки более процветают» [50].

На предложение министерства народного просвещения Московскому, Петербургскому, Харьковскому и Казанскому университетам подобрать кандидатуры для усовершенствования за рубежом в области славистики первым откликнулся Московский университет, предложив О. М. Бодянского (1808—1877), который в 1834 г. окончил там отделение словесных наук. У М. Т. Каченовского Бодянский сдал в 1836 г. экзамен «по предмету истории и литературы славянской» и по его совету приступил к написанию диссертации «О народной поэзии славянских племен». Защитив ее в 1837 г., О. М. Бодянский оказался первым в России магистром по специальности «славянские наречия». Тогда же по предложению М. П. Погодина он занялся переводом на русский язык первых разделов выходившего в Праге капитального труда П. Й. Шафарика «Славянские древности».

Кандидатом от Петербургского университета был назван П. И. Прейс (1810—1846), который с 1828 г. работал учителем Дерптской гимназии. О славяноведческих интересах Прейса знали

выпускники Дерптского профессорского института, к тому времени ставшие профессорами университета в Петербурге историк М. С. Куторга (1806—1886), правовед П. Д. Калмыков (1808—1860) и политэконом В. С. Порошин (1809—1868), которые и назвали кандидатуру Прейса. В связи с этим Прейс в 1838 г. обратился с просьбой о предоставлении ему возможности в течение года продолжить свои занятия славистикой под руководством А. Х. Востокова. «Какая разница во взглядах! — восклицал по этому поводу И. В. Ягич. — Прейс не обращает своих взоров прежде всего на Прагу или Вену. Труды Добровского и Копитара, а также Шафарика были ему уже известны. В исследовании же Востокова он сразу усмотрел такую глубину познаний в области церковнославянского языка, каких не было ни у кого другого» [51]. Просьба Прейса была удовлетворена, что позволило ему пройти под руководством А. Х. Востокова в 1838—1839 гг. превосходную школу по сравнительному языкознанию, а также изучить некоторые славянские языки и фольклор.

Питомец Харьковского и Дерптского университетов В. И. Григорович (1815—1876) был, как записано в его формулярном списке, в конце 1838 г. с разрешения министерства народного просвещения «прикомандирован на одни год к имп. Казанскому университету для занятия со временем кафедры истории и литератур славянских наречий». Это, по-видимому, было вызвано тем, что, изучая в Дерпте в основном сочинения древнегреческих авторов, произведения Гегеля и других представителей немецкой классической философии, Григорович одновременно занялся чтением литературы по славистике, в том числе трудов П. Шафарика. Таким образом, к моменту появления в Казани (а он прибыл туда в апреле следующего года) Григорович обладал известным минимумом знаний, а главное — интересом к своей будущей научно-педагогической деятельности. И неудивительно, что уже в 1840 г. он представил Совету университета «Исследования о церковнославянском наречии, основанные на изучении его в древнейших памятниках, на исторических свидетельствах и отношении его к новейшим наречиям». Сочинение Григоровича было найдено «вполне удовлетворительным», и его автор был утвержден в звании кандидата. Продолжая свои занятия, Григорович подготовил «Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах», за что в 1842 г. удостоился ученой степени магистра российской и славянской словесности [52].

Таким образом, О. М. Бодянский, П. И. Прейс и В. И. Григорович уже на студенческой скамье так или иначе обнаружили интерес к славистической проблематике. В еще большей степени это относилось к И. И. Срезневскому (1812—1880), который, окончив в 1829 г. этико-политическое отделение философского факультета Харьковского университета и работая там в 1837—1838 гг. на кафедре политической экономии и статистики, уже с конца 1820-х годов заинтересовался историей и фольклором украинского и других славянских народов. Большое влияние оказали на

И. И. Срезневского деятели украинской культуры в Харькове, особенно историк и писатель П. П. Гулак-Артемовский (1790—1865). Будучи одним из первых полонистов в России, он в 1821 г. защитил магистерскую диссертацию «О польской истории вообще и преимущественно отечественной и о способе преподавания последней». В 1831 г. Срезневский совместно с И. В. Росковшенко выпустил «Украинский альманах», а годом позже записанные у бродячих торговцев-словаков «Словацкие песни». В 1833 г. Срезневский добивался в Петербургском цензурном комитете разрешения на издание журнала словесности, истории и этнографии «Полиграф», в котором, в частности, намеревался помещать обзоры иностранной литературы и «описания нравов и обычаев» зарубежных народов [53]. И не случайно попечитель Харьковского учебного округа Ю. А. Головкин, предлагая университету направить в зарубежную командировку именно Срезневского, писал о том, что он «постоянно и с успехом занимался уже исследованием и изучением некоторых языков, составляющих отрасли славянского» [54].

Ранее всех, в 1837 г., в зарубежную командировку, которая длилась до 1842 г., выехал О. М. Бодянский. П. И. Прейс и И. И. Срезневский путешествовали с 1839 по 1842 г. Последним «для усовершенствования себя в истории и литературе славянских наречий» [55] отправился в путь в 1844 г. В. И. Григорович, возвратившийся в Казань лишь в 1847 г.

Все они должны были руководствоваться инструкциями, составленными с учетом некоторых положений проекта П. И. Кеппена и утвержденными министром народного просвещения. Исходными были соображения, представленные Бодянским как первым по времени стипендиатом, выезжавшим за рубеж. Известно, что он тщательно готовился к поездке, получая советы не только от М. П. Погодина, уже установившего контакты с зарубежной славистической средой, но и от П. Й. Шафарика. Инструкции, составленные в связи с поездками Прейса и Срезневского (в составлении инструкции для последнего участвовал П. П. Гулак-Артемовский), а в еще большей мере Григоровича, учитывали первый опыт и содержали дальнейшую конкретизацию многих деталей. С этой точки зрения привлекает внимание следующее место из отчета В. И. Григоровича о его пребывании в конце 1842 и начале 1843 г. в Москве. «Составленный еще в ноябре месяце 1842 г. проект путешествия по славянским землям, — сообщал он, — читал я гг. профессорам Погодину, Бодянскому, Крюкову и археологу Макарову, сверх того, по совету профессора Погодина, совещался с булгарами, находящимися в Москве» [56].

Конечно, по новизне дела, особенно на первых порах, далеко не все наметки планов оказались целесообразными и выполнимыми: многое уточнялось и корректировалось в ходе самих путешествий [57]. Бодянский, Прейс и Срезневский посетили большую часть западно- и южнославянских земель. Они побывали в Праге,

где встречались с П. Й. Шафариком, Й. Юнгманом, Ф. Палацким и Ф. Челаковским, в Загребе и Вене, где работали Л. Гай, В. Караджич и Е. Копитар. Совместно со Срезневским Прейс совершил трехмесячное путешествие по Истрии, Далмации и Черногории, изучая этнографию и язык местного населения. Кроме того, Срезневский самостоятельно совершил с аналогичными целями пешую экспедицию по Чехии, Лужицам и Польше. Пребывание за границей дало им возможность заняться также сравнительным изучением других языков. В Берлине Срезневский слушал курс лекций Ф. Боппа по сравнительной грамматике индоевропейских языков и санскриту, а Прейс, кроме Берлина, посетив также Кёнигсберг и Данциг, занимался изучением польского языка и кашубского диалекта. География путешествий молодых русских ученых была необычайно широкой, позволив им собрать данные, которыми едва ли располагали в то время их коллеги в других странах. С этой точки зрения исключительно плодотворной и по тем временам не безопасной была поездка Григоровича. Он посетил наименее известные ученым места, где хранились памятники культуры и письменности южных славян, побывав в Константинополе, Солуне, Афоне, совершив длительные странствия по Болгарии, Македонии, Сербии, Хорватии, Далмации. На обратном пути он посетил Прагу, где встречался с Шафариком, а также побывал в словацких, румынских и венгерских землях.

В 1842 г. О. М. Бодянский был назначен в Московский университет, где прослужил с перерывом до 1868 г., И. И. Срезневский — в Харьковский, П. И. Прейс — в Петербургский университеты. Впрочем, последний из-за плохого состояния здоровья приступил к преподаванию лишь в начале 1843 г. В. И. Григорович получил назначение в Казань преподавателем истории и литературы славянских наречий в том же 1842 г., но вскоре «командирован был по делам службы в Москву для осмотра разных рукописей, хранящихся в Синодальной духовной библиотеке с декабря 1842 по январь 1843 г.»[58]. Его научно-педагогическая деятельность в Казани началась в 1847 г. и продолжалась до 1864 г.

После возвращения из путешествия Бодянский, Срезневский и Григорович были утверждены в профессорских званиях. Прейс, который не имел звания магистра, был определен на кафедру истории и литературы славянских наречий простым преподавателем. Тяжелая болезнь и преждевременная смерть не позволили ему завершить диссертации по истории богомильского движения, над которой он интенсивно трудился в 1845 г. Его преемником стал Срезневский, переведенный в 1847 г. в Петербург из Харькова, где по его рекомендации кафедру в 1851 г. занял выпускник Главного педагогического института в Петербурге историк и лексикограф П. А. Лавровский (1827—1886).

Какую же роль сыграли кафедры истории и литературы славянских наречий в ходе организационного оформления славистики в России, какое значение имели зарубежные поездки Бодянского, Григоровича, Прейса, Срезневского для истории отечественного славяноведения? Ответить на этот вопрос тем более необходимо, что в свое время А. А. Кочубинский, И. В. Ягич, а позднее и ряд других историков славистики высказывали весьма резкие суждения о целесообразности и результативности этих поездок.

Смысл заграннчных поездок состоял, однако, не в том, чтобы освоить совершенно новую область знания, не имевшую традиций в России. Такое представление (а оно, к сожалению, в разное время высказывалось в литературе) несостоятельно, поскольку противоречит всей истории славистических исследований в России, не говоря уже о деятельности А. Х. Востокова, которая к тому времени приобрела международное признание. О работе под его руководством П. И. Прейса накануне его отъезда за рубеж говорилось выше. К мнению Востокова власти обращались для оценки уровня научной подготовки других кандидатов. Характерно с этой точки зрения его письмо товарищу министра народного просвещения П. А. Ширинскому-Шихматову, датированное 20 декабря 1840 г.: «По поручению Вашего сиятельства я прочел отчет студента Григоровича г-ну попечителю Казанского учебного округа о занятиях историею славянских литератур и нахожу, что Григорович основательно изучил предмет свой и ясно изложил оный. Особенно хорошо знает он историю западных славянских литератур, потому что имел по сей части лучших руководителей — Добровского, Копитара, Шафарика и пр. Литература восточных славян не столько еще исследована, чтобы можно было удовлетворительно изобразить ее во всех ее периодах. Но можно надеяться, что с открытием новых источников г. Григорович пополнит и по сей части познания свои и что во всяком случае Казанский университет будет иметь в нем достойного преподавателя на кафедре истории и литературы славянских наречий» [59]. Это было написано в 1840 г., т. е. за четыре года до путешествия казанского слависта по Балканам и Центральной Европе. Не только Григорович и Прейс, но также Бодянский и Срезневский, насколько можно судить по их работам, выполненным до зарубежной поездки, были достаточно осведомлены относительно предмета своих будущих занятий, осваивая его по трудам не только зарубежных ученых, но и отечественных предшественников. Характерно, что свою докторскую диссертацию «Святилища и обряды языческого богослужения древних славян» Срезневский посвятил в 1846 г. наряду с В. Ганкой Гулаку-Артемовскому как «первым своим руководителям в изучении славянских древностей и наречий».

По указанным соображениям нередко встречающееся в литературе определение Бодянского, Григоровича, Прейса, Срезневского, а иногда и Н. Д. Иванишева как «первых русских славистов» не отвечает действительности. Поскольку введение в российских университетах кафедр истории и литературы славянских наречий было не исходным, а промежуточным пунктом развития отечественного славяноведения, руководителей этих кафедр точнее

определять не как первых русских славистов, а как первых университетских славистов. В этом заключалось существенное различие, которое отчетливо видели современники и которое позволяет лучше понять цель отправления их в зарубежные командировки.

Во всех официальных документах, касавшихся подготовки и осуществления поездки, как и в переписке ее участников, речь обычно шла о подготовке молодых ученых к профессорской, т. е. преподавательской деятельности, а это требовало не столько узкой научной специализации, сколько овладения обширным кругом проблематики из самых разных областей прошлого и настоящего славянских народов: их древностей, истории, филологии, этнографии, фольклора, вспомогательных историко-филологических дисциплин. Целям такой подготовки и служили поездки молодых ученых в славянские земли, на это были направлены составленные тогда соответствующие планы и инструкции. Подготовка велась отнюдь не вслепую: была учтена информация, полученная в результате предшествовавших поездок Н. Д. Иванишева и М. И. Касторского, отчеты которых содержали обстоятельную характеристику деятельности П. Й. Шафарика и других пражских ученых. Как показал последующий опыт, такой способ подготовки первых в России славистических научно-педагогических кадров широкого профиля себя полностью оправдал. Он не только расширил научный кругозор будущих профессоров, но и позволил им приобрести знание живой действительности зарубежного славянского мира. Этого попросту невозможно было бы достичь иным путем. Вместе с тем зарубежные командировки способствовали дальнейшему упрочению русско-славянских, прежде всего русско-чешских, научных связей и развитию межславянского культурного сотрудничества.

В 30—50-е годы поездки русских ученых в зарубежные славянские земли учащаются. В 1840—1841 гг. ряд южнославянских земель посетил журналист, историк и этнограф Н. И. Надеждин (1804—1856), в следующем году в Черногории побывал историк А. Н. Попов (1821—1877). Неоднократно, в 1841, 1843—1845 и 1847 гг., в Чехию, Словакию, Хорватию, Сербию и другие славянские области Австрийской империи выезжал математик и искусствовед Ф. В. Чижов (1811—1877). Кроме того, в славянские земли в разные годы совершали путешествие историк и этнограф Н. А. Ригельман (1817—1888), собиратель фольклора П. В. Киреевский (1808—1856), а также С. М. Строев, А. Ф. Гильфердинг, М. И. Сухомлинов и другие ученые, о которых будет сказано ниже. Созданные ими в результате таких поездок труды, а равно и опубликованные в печати отчеты играли существенную роль в расширении фактических сведений о зарубежных, в особенности южных, славянах.

Университетское преподавание в описываемый период не смогло охватить всех аспектов славистики, уже получивших научную разработку. Это касается, в частности, изучения истории

права южных и западных славян. У его истоков стояли труды дерптского профессора кафедры русского права А. М. Рейца и киевского профессора Н. Д. Иванишева. Лишь позднее, согласно университетскому уставу 1863 г., эта дисциплина будет введена в программу юридических факультетов под названием «история славянских законодательств».

Превращение славистики в самостоятельную учебную дисциплину отразилось на понимании предмета славистических исследований. В «Наброске программы университетских чтений по славяноведению», относящемся к 1840 г., П. И. Прейс четко сформулировал проблематику университетских лекций: «Славяне, за исключением русских». Отказавшись от отечественной истории и словесности, Прейс вместе с тем обращал внимание на необходимость не только филологической, как это непосредственно вытекало из официального наименования кафедр, но и исторической подготовки. Он писал: «При образовании каждого славянского племени будет оно рассматриваться в отношении: a) географическом, b) историко-политическом, c) этнографическом, d) лингвистическом, e) литературном» [60]. Эти идеи более полно были им развиты во вступительной лекции, прочитанной на философском факультете Петербургского университета в марте 1843 г. Хотя «Набросок» был написан во время пребывания Прейса в зарубежной командировке, изложенные в нем идеи, отличавшиеся для того времени широтой и перспективностью постановки вопросов, следует рассматривать как итог его предшествующих размышлений, обогащенных занятиями под руководством А. Х. Востокова в 1838—1839 гг.

Неслучайным представляется сходство ряда положений «Наброска» с мыслями о преподавании славянских языков и литератур, изложенными В. И. Григоровичем в 1843 г., т. е. до его поездки за границу. В изданной им «Программе» ставилась задача: «познакомить слушателей с целым объемом предмета, состоящего из разрозненных, еще не приведенных в систему сведений». Основываясь на трудах видных русских (А. Х. Востокова, Г. П. Павского), западнославянских (Й. Добровского, Е. Копитара, П. Шафарика, И. Мрозинского, В. Мацеевского и др.) и некоторых немецких ученых (например, И. Беккера), Григорович намечал обозрение истории (до XIV в.) и литературы (до начала XIX в.) славянских народов, а также сравнительного индоевропейского и славянского языкознания, особенно выделяя церковнославянский, чешский, польский, сербский, словенский и верхнелужицкий языки. «Преподавание, основанное на таком плане, — подчеркивал он, — осмелюсь назвать энциклопедическим обзором теории языков и литературы славян в ее главнейших эпохах» [61].

Показательна и эволюция понимания предмета славистики И. И. Срезневским. В относившейся к 1841—1842 гг. записке «Мысли о преподавании в университетах славяноведения» Срезневский размышлял о новизне и недостаточной разработанности этого предмета. Почти в тон Григоровичу он писал: «О препода-

вании систематическом, вполне отчетливом, таком, какое требовать можно от профессора литературы латинской или греческой, в наше время и думать нельзя. Материалов множество, критически рассмотрены слишком немногие, а для здания и плана еще нет» [62]. Подобные сомнения тем более понятны, что даже Шафарик, чей авторитет в области славяноведения был необычайно высок, впервые содержание и задачи преподавания славистики тоже сформулировал лишь в начале 1840-х годов [63].

Уже после переезда в Петербург Срезневский выработал достаточно определенную позицию по данному вопросу. Он писал: «Кафедра истории и литературы славянских наречий, заключающая в себе два предмета: 1. историю и 2. литературу, дает преподающему возможность представить как умственную, так и политическую жизнь славянских народов» [64]. Такой подход диктовался, впрочем, не только организационно-методическими соображениями. За ним, может быть не всегда даже ясно осознававшийся современниками, лежал объективный процесс специализации самих славянских исследований по мере их дифференциации в рамках складывавшегося славистического комплекса. С 40-х годов XIX в. в России наряду с широким, т. е. включающим все славянские народы, складывается более узкое понимание предмета славяноведения, охватывающего в основном южных и западных славян. Сходное положение в соотношении славяноведения и отечествоведения постепенно складывалось и в других славянских землях. Следует, впрочем, подчеркнуть, что ученые-русисты, в особенности языковеды, как правило, не абсолютизировали, а тем более не противопоставляли славянские изучения разработке отечественной истории и филологии.

Уточнение предмета и методики преподавания славяноведения в русских университетах происходило постепенно, по мере накопления практического опыта. Значительную роль играли советы П. Й. Шафарика, который на рубеже 30—40-х годов XIX в. вынашивал планы создания кафедры славистики в Праге и других университетах Австрийской империи, а в 1841 г. по просьбе прусского правительства представил соображения об организации преподавания славяноведения в прусских университетах. По мысли Шафарика, кафедра славяноведения должна обратить внимание прежде всего на усвоение студентами грамматики важнейших славянских языков. Это должно было составить задачу начального, подготовительного курса. Затем следовало изучение истории славянских литератур, на основе которого завершающим этапом стали бы рассмотрение всего славянства и объяснение наиболее важных памятников языка. В переписке с Бодянским в начале 1840-х годов Шафарик неоднократно останавливался на методике преподавания, советуя не увлекаться чрезмерной обширностью программы и начинать с простых вопросов.

Однако Бодянский, как и другие русские слависты, понимал предмет славистики шире. Он читал лекции по языкам, литературе, истории и этнографии славян, акцентируя в каждом учебном

году внимание на каком-либо одном славянском народе. К. Гавличек-Боровский, находившийся в 1844 г. в Москве, писал: «Здешний профессор этого предмета Осип Максимович Бодянский избрал для преподавания в прошлом году чешский язык, «Славянские древности» и «Этнографию» Шафарика [. . .] Все были так хорошо подготовлены, что на экзаменах ни один студент не получил низшего бала, а все получили пятерки и четверки» [65]. Столь же широко преподавалось славяноведение Прейсом и Срезневским. Они читали курсы славянских древностей, общую и частную славянскую филологию, историю, литературу и языки почти всех западных и южных славян. Лекции Срезневского вызвали в Петербурге в начале 1850-х годов значительный общественный интерес. Их слушал Н. Г. Чернышевский, а также А. Н. Пыпин, который позднее отмечал их редкую для своего времени одушевленность [66].

Включение славистики в систему высшего образования повлекло за собой ряд новшеств научно-организационного характера. В середине 1840-х годов существовали две ученых степени: магистра славянской словесности и доктора славяно-русской филологии [67]. Для допуска к защите диссертаций на эти степени требовалось сдать соответственно магистерские или докторские экзамены, вопросы на которых соискатели вытаскивали по жребию. Первыми в России магистерские экзамены по специальности «славянские наречия» сдавали Бодянский (1836 г.) и Григорович (1841 г.). Вопросы, предложенные им, отличались значительной широтой и вполне стояли на уровне мировой славистики того времени. Они свидетельствовали не только о мере подготовленности экзаменующихся, но и о том, что уже за несколько лет до начала деятельности славянских кафедр в русских университетах были ученые, обладавшие достаточной компетентностью для оценки знаний молодых соискателей. В ходе экзамена Григоровичу, например, по жребию были заданы следующие вопросы: «. . .3. О славянских языках вообще; их разделение по различным авторам и вывод, подразделение каждого языка и его наречия и отличие сих наречий. Церковнославянский язык и мнение об нем различных писателей. 4. Литература польская в XVI столетии. Влияние политических происшествий на ход просвещения, борьба католицизма с протестанством. Успехи языка, грамматики. Переводы Библии и древних классиков. Поэзия эпическая, лирическая, дидактическая, драматическая. Красноречие светское и духовное. История и исторические материалы. Философия и успехи в прочих науках. 5. Период от первой четверти XIX столетия до настоящего времени. Характер его, состоящий в стремлении к народности, и просвещение у всех славянских народов — сравнительно. Главные действователи в литературах: русской, чешской, сербской и южнославянской, а именно: Пушкин, Мицкевич, Коллар, Палацкий и Шафарик, Милутинович и Магарашевич, Прешерн и проч. Успехи критики. Поэзия. Труды исторические. Дополнение: литература вендская и болгар-

ская и замечательнейшие писатели» [68]. В справке указано, что Григорович ответил на поставленные вопросы на «отлично».

Первым в России доктором славяно-русской филологии стал Срезневский. По представлении им в апреле 1846 г. на философский факультет Харьковского университета диссертации, приведенное в делах название которой («О языческом богослужении древних славян») несколько отличалось от названия последующей публикации («Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современников и преданиям»), он был допущен к экзамену по славянской словесности, который состоялся в сентябре того же года. Как следует из протокола, профессор русской истории, географии и статистики Харьковского университета П. П. Гулак-Артемовский предложил испытуемому 14 вопросов. Ему надлежало «изложить критически мнения писателей чужестранных и отечественных о происхождении церковнославянского языка и показать, есть ли этот язык коренной первообразец, от которого произошли прочие наречия славянские, или он сам есть наречие первообразного языка и какого именно», ответить на вопросы: «существовала ли письменность славянская до проявления оной в переводах священных книг» и «к какому наречию славянскому принадлежит язык, на котором написана Русская Правда, произвести сравнение языков («наречий») белорусского, «малороссийского», т. е. украинского, польского и сербского с великорусским «по их этимологическим и синтаксическим формам» и др. Два вопроса носили историографический характер и касались оценки вклада в славянскую филологию Й. Добровского и того, «что после сделано в этом отношении его продолжателями», включая анализ «литературных заслуг Шафарика и Караджича». Срезневский должен был изложить также основные этапы истории польской и чешской литературы XVI—XVII вв. Из приведенных примеров видно, что Гулак-Артемовский широко понимал предмет славянской филологии и выдвинул перед соискателем вопросы, действительно актуальные в славистике 30—40-х годов XIX в. Формулировки некоторых вопросов свидетельствовали о прогрессивных научных взглядах экзаменатора, например далеко не распространенное в то время признание самостоятельного места в группе славянских языков наряду с великорусским украинского и белорусского. Отдельные вопросы были полемически заострены, неся на себе отзвуки споров той эпохи и недвусмысленно отражая взгляды самого экзаменатора. Так, четвертый вопрос был сформулирован следующим образом: «Какими доказательствами отвергается мнение тех, кои утверждают, что письменность глаголитская или иеронимовская древнее крилловской?».

В конце протокола указано: «На все сии вопросы экзаменующийся отвечал удовлетворительно» [69].

Встал вопрос о создании учебно-методической литературы по славяноведению, которой ни в России, ни за рубежом еще не существовало. П. Й. Шафарик в своих письмах к М. П. Пого-

дину и О. М. Бодянскому на рубеже 40—50-х годов неоднократно указывал на это как на первейший долг русских ученых.

Задача решалась, хотя и довольно замедленными темпами. По поручению министерства народного просвещения Срезневский составил «Программу преподавания славянской филологии», которая была издана в 1849 г.[70] В общих чертах она соответствовала его взглядам на задачи кафедр истории и литературы славянских наречий. Программа получила одобрение С. С. Уварова, который в циркулярных письмах попечителям Петербургского, Московского и других учебных округов, а также киевскому генерал-губернатору Д. Г. Бибикову, в частности, писал: «Нашед эту программу вполне удовлетворительной и предложив ее к руководству С.-Петербургскому университету, я признал полезным ввести оную и во все другие университеты». Прилагая печатный текст программы, Уваров требовал, «чтобы при преподавании славянской филологии в сем университете была принята к точному руководству эта программа» [71].

Несомненно, что создание программы нового предмета, нужное само по себе, было форсировано правительством, которое как раз менее всего было склонно, чтобы «все предоставлялось на личное усмотрение преподавателей». Это было ускорено политическими событиями в самой России и европейскими революциями 1848—1849 гг., когда славянский вопрос приобрел международное значение и непосредственно затрагивал интересы царизма. Об этом, например, Уваров со всей определенностью писал 27 октября 1848 г. попечителю Петербургского учебного округа: «Предлагаю Вашему превосходительству обращать преимущественно постоянное внимание на преподавание государственного права, политической экономики, науки о финансах, на исторические сведения, сопровождающие преподавание славянских наречий и другие предметы, состоящие в связи с поименованными. Объем сих частей может, по моему мнению, быть постепенно сокращаем без нарушения целостности преподавания и без ущерба для науки». В цитированном письме примечательно упоминание славяноведения в ряду других, сугубо политических дисциплин, равно как и намерение Уварова, выражавшее, несомненно, волю Николая I, сократить при преподавании славянской филологии объем исторических знаний. При этом предписывалось удалить «все неуместное в отношении к настоящим событиям, все могущее служить хотя косвенным и неумышленным поводом к заблуждению умов неопытных» [72]. Подобные, весьма двусмысленные своей неопределенностью требования отразились в ближайшие годы и на общей направленности университетской славистики.

Что касается учебников, то здесь роль инициатора пытался сыграть О. М. Бодянский. Однако ни он, ни его коллеги тогда эту задачу решить не смогли. Тем не менее Бодянский продолжал усилия и в конце 1850-х годов, казалось, был близок к успеху. Ходатайствуя о выделении средств на издание рукописи Бодянского попечитель Московского учебного округа следующим образом

характеризовал в 1857 г. ее содержание: «„Учебник по славянским наречиям“ г. Бодянского будет состоять из статей, расположенных в историческом преемстве, с целью познакомить учащегося со всеми видоизменениями каждого наречия из века в век» [73]. Речь, видимо, шла о сравнительной исторической грамматике славянских языков.

Деятельность кафедр истории и литературы славянских наречий содействовала дальнейшему развитию российского славяноведения. Начали оформляться основы тех научных школ и направлений, которые несколько позже, в 60—80-х годах XIX в., займут ведущее положение в отечественной, а отчасти и в мировой славистике. Так, учениками Бодянского являлись А. Ф. Гильфердинг, А. Л. Дювернуа, М. С. Дринов, А. А. Котляревский, А. А. Кочубинский, А. А. Майков и Е. П. Новиков, внесшие значительный вклад в развитие отечественного, а Дринов также и болгарского славяноведения. Это были люди разных общественных и научных позиций, чьи исследовательские интересы лежали подчас в весьма удаленных друг от друга областях славянской лингвистики, истории и культуры. Но воздействие Бодянского на многие стороны деятельности своих учеников и забота об их воспитании бесспорны. А. Ф. Гильфердинг (1831—1872), окончив в 1852 г. Московский университет со степенью кандидата, защитил год спустя диссертацию на ученую степень магистра славянской филологии. Следующим был выпускник того же университета историк и филолог А. А. Майков (1826—1902), занимавший в 1857—1859 гг. должность адъюнкта кафедры русского языка и литературы. Ученой степени магистра славянской филологии он был удостоен за защищенную в 1857 г. диссертацию «История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей сербского народа». В предшествующие годы Майков под руководством Бодянского выполнил ряд работ, посвященных разным вопросам истории и литературы славянских народов. Так, в 1850 г. он представил следующие сочинения: «Племенное и язычное отношение хорватов к сербам», «Литературные сношения чехов с словаками», «Может ли „Слово о полку Игореве“ принадлежать польской литературе?». Эти работы были оценены Бодянским «вполне удовлетворительно» и «совершенно удовлетворительно» [74]. Влияние Бодянского, ратовавшего за широкое понимание славистики не только как филологической, но и как исторической и историко-культурной области знания, охватывающей все славянство, ощущается во всех перечисленных работах Майкова.

Деятельность кафедр истории и литературы славянских наречий, способствуя подготовке кадров профессиональных славистов и более планомерной разработке славистической проблематики, повышала в глазах русского общества авторитет науки о славянах. Показательно, что с 1830-х годов к отдельным аспектам этой науки все чаще обращались историки и филологи-русисты, представители некоторых других областей знания. Важную роль в организации славянских исследований и развитии русско-чешских

научных контактов сыграл, например, профессор русской и всеобщей истории Московского университета М. П. Погодин (1800—1875), знакомивший студентов на лекциях по всеобщей истории с трудами П. Й. Шафарика и других западнославянских ученых, предлагая некоторым из своих слушателей делать переводы их работ на русский язык. Вскоре после появления в чешской печати проспекта «Славянских древностей» Шафарика Погодин сообщил о нем в печати и поручил начинавшему свой творческий путь Бодянскому переводить это сочинение по мере выхода отдельных его выпусков на чешском языке. Финансирование намеченного предприятия Погодин принял на себя. Полностью «Славянские древности» на русском языке вышли в свет в 1848 г.

Несомненной заслугой Погодина было возбуждение ходатайства о материальной помощи для издания трудов ряда чешских ученых. Одним из следствий этого было письмо С. С. Уварова вице-президенту Академии наук М. А. Дондукову-Корсакову от 18 июня 1842 г. о содействии П. Й. Шафарику в издании «Славянской этнографии». «Известный ученый богемский Шафарик, — говорилось в этом документе, — составил карту, изображающую внешнее расселение славян в Европе. Издание сие, столь важное для славянской этнографии и истории, не выпущено доселе автором в свет по недостатку денежных средств к печатанию». В ответном письме от 23 июня сообщалось о выделении 500 руб. с просьбой передать их Шафарику через Погодина [75]. Подобные поручения Погодин выполнял и раньше, например в 1839 г., когда В. Ганке и П. Й. Шафарику для их научной деятельности было отпущено по 5 тыс. руб. каждому [76]. В целом Погодин сыграл значительную роль в формировании общественного интереса к зарубежному славянству. Многие будущие слависты учились у него в Московском университете.

Определенное место в развитии отечественного славяноведения и русско-чешских культурных связей занимал также С. П. Шевырев (1806—1864), преподававший в 1830-е годы словесность в Московском университете и уделявший внимание славянской археографии и сравнительному языкознанию. Еще в 1826 г. вместе с М. П. Погодиным он переводил на русский язык церковнославянскую грамматику Й. Добровского. Заметный вклад в славянское языкознание был внесен выдающимся филологом-русистом и фольклористом Ф. И. Буслаевым (1818—1897), вся жизнь которого была тесно связана с Московским университетом. В 1848 г. он защитил магистерскую диссертацию «О влиянии христианства на славянский язык». Эта работа, а также его книга «О преподавании отечественного языка» (1844) оказали влияние на первых университетских славистов, особенно на И. И. Срезневского. В 1850-х годах Ф. И. Буслаев неоднократно выступал в печати с рецензиями на работы И. И. Срезневского и других авторов по вопросам русского и славянского языкознания. Примечательно, что среди учителей Буслаева были М. П. Погодин и С. П. Шевырев, а сам он наряду с О. М. Бодянским был учителем А. Л. Дю-

вернуа, после выхода в отставку Бодянского занявшего в 1869 г. славянскую кафедру Московского университета.

Обращение к западным и южным славянам со стороны ученых, основную область занятий которых составляла отечественная проблематика, в ряде случаев диктовалось, как и прежде, не только их научной, но и практической, служебной деятельностью и реализовывалась в виде разного рода деловых записок, справок и отзывов, остававшихся неизвестными широкой общественности, но имевших определенное влияние на развитие славяноведения.

Наконец, необходимость знания славянской проблематики отчасти подкреплялась и объемом квалификационных требований, которые в университетской практике рассматриваемых десятилетий стали предъявляться к соискателям ученых степеней. Например, с 1840-х годов при сдаче магистерских экзаменов по кафедре русской словесности испытуемый обязан был ответить и на ряд вопросов из области славянской филологии. Так, при подготовке к сдаче такого экзамена в 1843 г. Ф. И. Буслаев знакомился под руководством О. М. Бодянского со «Славянскими древностями» и «Славянской этнографией» П. Й. Шафарика, изучал сербский и болгарский языки, читал сборники чешских, сербских и хорватских песен. О характере вопросов, на которые отвечали молодые филологи-русисты, можно судить по материалам состоявшегося в 1844 г. магистерского экзамена адъюнкта кафедры русской словесности Киевского университета Н. Т. Костыря (1818—1853), который у него принимали профессор русской словесности М. А. Максимович (1804—1873) и профессор философии О. М. Новицкий (1806—1884). Оба они были не чужды славистической проблематики, а Новицкий, например, до перехода в Киевский университет несколько лет преподавал в Киевской духовной академии польский язык. Н. Т. Костырь по разряду «славянских наречий» должен был «представить образование языков славян задунайских», рассмотреть происхождение глаголицы, охарактеризовать современную орфографию славянских народов, рассказать о развитии чешской и сербской литератур и сербской народной поэзии. «На вопросы по славянским наречиям, — записано в протоколе, — испытуемый отвечал очень удовлетворительно» [77].

Круг ученых, обращавшихся в своей деятельности к вопросам языка, истории и культуры зарубежных славянских народов и общеславянской проблематике, на протяжении 30—50-х годов XIX в. неуклонно расширялся. Это отражалось и на содержании научных периодических и повременных изданий. В 1840 г. М. А. Максимович выпустил первую книгу литературно-исторического альманаха «Киевлянин»; две следующие книги вышли в 1841 и 1850 гг. В этом альманахе публиковались статьи по истории украинского и других славянских народов. Научные статьи, обзоры и информационные заметки о западных и южных славянах все чаще стали появляться в 30—40-х годах в «Журнале министер-

ства народного просвещения» и ряде других периодических изданий. Особое значение приобрели два научных издания: «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете («Чтения в ОИДР»), которые в 1845—1848 гг., а затем с 1857 г. редактировал О. М. Бодянский, и «Известия имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности» («Известия ОРЯС»), выходившие в 1852—1861 гг. под редакцией И. И. Срезневского[78]. Благодаря заслугам обоих ученых был сделан важный шаг для создания в России специализированной славистической периодики.

Показателем роста научного и общественного внимания к западным и южным славянам стало такое совершенно новое явление, как включение славянской тематики в «Энциклопедический лексикон», издававшийся в 1835—1841 гг. петербургским типографом А. Плюшаром. В семнадцати томах этого универсального справочного труда, включившего четыре первые буквы алфавита, содержались сведения о болгарах, чехах, поляках и некоторых других славянских народах, а также материалы по истории славянских изучений в России и за рубежом. В основном они представлены биобиблиографическими статьями. Так, в статье о лексикографе П. А. Алексееве назван его «Церковнославянский словарь» (М., 1773) и отмечено, что в нем даны «объяснения слов древних славянских» (Т. 1, С. 490). В статье о Н. Н. Бантыше-Каменском сказано о его занятиях польской историей и участии в Румянцевском кружке. Далее говорилось, что наряду с работами других русских ученых того времени труды Бантыша-Каменского «должны составлять эпоху в истории нашей истории». Это был один из ранних примеров историографического осознания проблемы (Т. 4. С. 283—289). В статье об известном историке XVIII в. И. Н. Болтине упомянут его незавершенный славяно-российский словарь, охвативший лишь букву А (Т. 6. С. 266). Примечательно, что в лексикон Плюшара попала и статья о В. Б. Броневском, который назван «русским литератором и путешественником». В статье приведено название его книги с описанием путешествия по славянским землям, совершенного автором в составе русской армии в 1810 г. (Т. 7. С. 137—138). Кроме того, в «Энциклопедическом лексиконе» содержались статьи об отдельных западнославянских ученых, например о польском историке литературы и библиографе Г. Бандтке, принадлежавшая специалисту в области генеалогии К. М. Бороздину (Т. 4. С. 246), или о знаменитом Й. Добровском близкого к славянофилам литератора Н. В. Савельева-Ростиславича, который приводил список трудов чешского ученого (Т. 17. С. 49—50). В энциклопедии сотрудничал и А. Х. Востоков, которому, например, принадлежала статья «Богемский язык и литература» (Т. 6. С. 163—164). В ней некоторое внимание уделено истории славянских изучений в Чешских землях от Й. Добровского до Й. Юнгмана и П. Й. Шафарика. Несмотря на фрагментарность славистических сюжетов и многочисленные пропуски, для своего времени лексикон Плюшара был относительно полным

информативным источником. А публикацию в нем биографий ряда отечественных и зарубежных славистов можно рассматривать в русле накопления данных именно в области истории славистики.

По мере дальнейшего развития в России славянских изучений происходило и расширение информации о них. С этой точки зрения интересен «Справочный энциклопедический словарь» А. Старчевского и К. Крайя — первый полностью завершенный русский справочник такого рода (Т. 1—12. СПб., 1847—1855). Наряду с именами, которые уже получили отражение в лексиконе Плюшара, появляются, например, биографии Д. Н. Бантыша-Каменского с упоминанием его путешествия в Сербию в 1810 г. (Т. 2. С. 105—111), А. Х. Востокова (Т. 3. С. 317), болгариста Ю. И. Венелина (Там же. С. 135) и т. п. В последующих томах, не имевших аналогов в издании Плюшара, приведены статьи о Н. М. Карамзине (Т. 5—6. С. 518—522), М. Т. Каченовском (С. 619—620), П. И. Кеппене (С. 649—650), М. В. Ломоносове (Т. 7. С. 273—276), Н. П. Румянцеве (Т. 9. Ч. 2. С. 224—226), С. М. Строеве (С. 575—576), Х. А. Чеботареве (Т. 12. С. 108) и некоторых других авторах, обращавшихся в своем творчестве к славянской проблематике. Из зарубежных ученых названы чешские (Г. Добнер и Й. Добровский: Т. 3. С. 124—125) и польские (С. Линде; Т. 7. С. 204—205) филологи и историки, немецкий историк А. Шлёцер (Т. 12. С. 296—297) и некоторые другие. Все более осмысленным становится отбор подобных материалов как составной части славистики. Так, Линде назван «знаменитым славянологом», отмечено, что Каченовский занимал в Москве кафедру истории и литературы славянских наречий. Хотя в словнике термин «славяноведение» или «славистика» еще отсутствует, в девятом томе (1854) напечатаны достаточно объемные статьи «Славянские языки» (С. 470—471) и «Славянские литературы» (С. 471—476). В них, кроме упоминаний о работах Й. Добровского, П. Шафарика и Е. Копитара, подчеркнут вклад в славяноведение таких отечественных ученых, как А. Х. Востоков, К. Ф. Калайдович, П. М. Строев, А. С. Шишков.

Другим каналом распространения сведений о южных и западных славянах становятся в тот период общественно-политические и литературные журналы, рассчитанные на широкую читательскую аудиторию. Так, в московском журнале Н. И. Надеждина «Телескоп», выходившем с 1831 по 1836 г. (в 1835 г. его фактическим редактором был В. Г. Белинский), появилась статья П. Й. Шафарика «Обозрение новейшей литературы иллирийских славян». Славянская тема была широко представлена в журналах «Московский наблюдатель» (1835—1839) и особенно «Москвитянин», в котором существовал специальный раздел «Славянские известия». Этот журнал издавался с 1841 по 1856 г. М. П. Погодиным при участии С. П. Шевырева. Сложившаяся в 50-х годах так называемая молодая редакция включала поэта и литературного критика А. А. Григорьева, литераторов Е. Н. Эдельсона и Т. И. Филиппова — последний известен также работами по истории бол-

гарской церкви, написанными с позиций официального православия.

Оба эти журнала, отчасти связанные с кругами славянофилов, в целом носили благонамеренный и охранительный характер. Тем не менее политическая острота славянского вопроса побуждала власти держать их под неусыпным контролем. Показательно в этом смысле секретное донесение попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова министру народного просвещения от 28 июня 1842 г. «В последние годы, — отмечал он, — некоторые журналы, и в особенности «Москвитянин», приняли за особенную тему выставлять живущих под владычеством Турции и Австрии славян как терпящих особое угнетение и предвещать скорое отделение их от иноплеменного ига». Далее С. Г. Строганов запрашивал: «. . .согласно ли будет с настоящими видами правительства нашего возбуждать участие к политическому порабощению некоторых славянских народов; представлять им Россию как главу, от которой могут они ожидать лучшего направления к будущности своей и явно рукоплескать порывам их к эмансипации» [79].

Значительный интерес к славянской теме, но уже с иных, прогрессивных, революционно-демократических позиций проявил журнал «Современник», руководство которым с 1847 г. перешло в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева [80]. В последующие, предреформенные годы здесь был опубликован ряд важных рецензий Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и А. Н. Пыпина на работы о языке, истории, этнографии и литературе южных и западных славян Ю. И. Венелина, В. И. Григоровича, А. Ф. Гильфердинга, А. А. Майкова, А. Н. Попова, И. И. Срезневского и др.

В результате к исходу рассматриваемого периода славянские изучения в России не только приобретают определенные научно-организационные формы, но и превращаются в существенный фактор идейно-культурного развития.

3. Развитие источниковедения и других специальных дисциплин

В 1834 г. в упоминавшемся выше проекте программы курса славяноведения Ю. И. Венелин писал: «Весь круг древностей можно подразделить на три сферы: 1) подземную, или памятники вырываемые, 2) надземную, или находящиеся на поверхности земли, 3) язычную, или словесную, т. е. слова, пословицы, поговорки, песни и прочее сохранившееся в языке» [81]. В связи с большими успехами славянского языкознания в 30—50-х годах в источниковедческой сфере славяноведения на первый план выдвигаются археография и палеография. Применительно к истории и культуре зарубежных славян эти отрасли требовали особого внимания, поскольку прежде были разработаны еще недостаточно. При этом работа могла опираться на ценный опыт, накопленный благодаря деятельности участников кружка Н. П. Румянцева (прежде всего

А. Х. Востокова, К. Ф. Калайдовича, П. М. Строева) по собиранию, научному описанию и публикации документов по отечественной истории и древнеславянской письменности. На протяжении рассматриваемого периода оба эти направления — «русское» и «славянское» — развивались параллельно и в теснейшем взаимодействии друг с другом.

Важную роль в последующем развитии отечественного и общеславянского источниковедения сыграла Археографическая комиссия, созданная в 1834 г. при министерстве народного просвещения в результате археографической экспедиции П. М. Строева, организованной по его инициативе Академией наук в 1829 г. В ходе этой экспедиции, продолжавшейся несколько лет — к ней в 1830 г. был прикомандирован также Я. И. Бередников (1793—1854) — было обследовано около 200 библиотек и архивов 14 северных и центральных губерний России и собрано до 3 тыс. документов XIV—XVIII вв. Кроме того, П. М. Строев составил каталоги осмотренных им местных хранилищ, а в 1835 г. на основе собранных документов начал работать над «Библиографическим словарем». Этот труд, впрочем, остался незавершенным и вместе с черновыми материалами к нему был издан только в 1882 г. П. М. Строев принимал также участие в подготовке первых томов Полного собрания русских летописей, к изданию которого Археографическая комиссия приступила с 1841 г. Вместе с тем он продолжил работу по научному описанию отдельных собраний. Им были изданы каталоги русских и славянских старопечатных книг из коллекций Ф. А. Толстого (1829) и московского купца И. Н. Царского (1836) с дополнениями к обеим коллекциям (1841). Кроме того, в 1848 г. он выпустил в свет научное описание русских и славянских рукописей, принадлежавших И. Н. Царскому. В 1845 г. вышел каталог библиотеки Общества истории и древностей российских при Московском университете, библиотекарем которого П. М. Строев был в 1841—1847 гг.

Дальнейшему развитию и обогащению отечественной и славянской археографии и палеографии способствовало «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума» А. Х. Востокова (1842) — классический труд, имевший для своего времени новаторский характер. «И до его появления, — писал впоследствии А. А. Майков, — существовали у нас, в работах Калайдовича и Строева, обстоятельные каталоги рукописных собраний, но только «Описание» Востокова представило собой вполне научный образец подобного труда, который не только исчисляет памятники, но и знакомит с их содержанием, правописанием и другими их особенностями как произведений письменной старины» [82]. Труд Востокова имел важное значение для изучения истории и культуры не только восточных, но также западных и южных славян. Достаточно указать, что в ходе описания памятников отечественной письменности Востоков выявил восточнославянские списки древнечешских житий Людмилы и Вячеслава (Вацлава), сочинения древнеболгарского книжника Климента Ох-

ридского. Эту общеславянскую значимость изучения фондов русских рукописных собраний удачно охарактеризовал тогда же молодой А. Ф. Бычков (1818—1899). «Желательно, — подчеркивал он в рецензии на «Описание» Востокова, — чтобы кто-либо из наших ученых принял на себя обязанность составить такое же ученое и обстоятельное описание рукописей, хранящихся в библиотеках имп. Публичной и Московской синодальной. Тогда мы получили бы полную славянскую энциклопедию, в которой заключалось бы обозрение того круга познаний, какой обнимали наши предки» [83].

Это пожелание в ближайшие годы было отчасти осуществлено. В 1849 г. филолог и историк церкви А. В. Горский (1812—1875) совместно с К. И. Невоструевым (1815—1872) приступили к подробному научному описанию славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Этот труд издавался выпусками с 1855 по 1862 г., но полностью закончен ими не был. Что касается Бычкова, то, работая с 1844 г. хранителем отделения рукописей и старопечатных славянских книг Публичной библиотеки, он приступил к реализации замысла, о котором годом ранее писал в упомянутой рецензии. В «Отчетах имп. Публичной библиотеки» с 1852 по 1880 г. он регулярно публиковал каталоги и научные описания новых поступлений русских и славянских рукописных и старопечатных книг. Нужно отметить, что Бычкову принадлежала также заслуга в развитии методики славяно-русской палеографии. В рецензии на «Описание» Востокова он излагал «те правила, которыми руководствовался г. Востоков при составлении описания» [84]. Это был первый опыт теоретического осмысления принципов научной обработки рукописей, явившийся результатом внимательного изучения методики, выработанной в практически примененной Востоковым. Правда, в дальнейшем, учитывая большой объем рукописного собрания Публичной библиотеки, Быков был вынужден выработать сокращенную схему описания, ограничиваясь фиксацией признаков, которые он именовал «внешними», т. е. сведений о формате и объеме рукописи, наличии в ней послесловий, вкладных и иных записей.

Большое внимание проблемам славянской археографии и палеографии уделяли первые университетские слависты, в особенности О. М. Бодянский и И. И. Срезневский. Примечательно, что Бодянский опубликовал в редактировавшихся им «Чтениях в ОИДР» справку о законодательном регулировании в России археографической деятельности: «Выписка из высочайших указов о собрании древних российских рукописных книг» (1847. Кн. 2. С. 29—30). И он и Срезневский исходили из необходимости археографического и палеографического изучения памятников письменности южных и западных славян в неразрывной связи с рукописями отечественного происхождения. Об этом со всей очевидностью свидетельствовали уже их труды в этой области, созданные в 40—50-х годах. Так, в «Чтениях» Бодянский опубликовал в 1847 г. исследование «Об одном Прологе библиотеки

Московской духовной типографии и тождестве славянских божеств, Хорса и Даждь-бога». Об этой же тенденции свидетельствовали такие работы Срезневского, опубликованные в 50-х годах, как характеристика списков «Поучений» Кирилла Туровского, статьи о найденных в Праге глаголических отрывках и о следах глаголицы в памятниках X в. Проявив в те годы специальный интерес к славянской палеографии, он напечатал в 1857 г. «Палеографические исследования памятников русской древности».

Так постепенно от А. Х. Востокова и К. Ф. Калайдовича к А. Ф. Бычкову, О. М. Бодянскому и И. И. Срезневскому протягивалась нить преемственности в развитии славянской археографии и палеографии в России. Благодаря накоплению и осмыслению опыта нескольких поколений отечественных исследователей происходило складывание системы выявления и публикации источников, вырабатывались правила палеографического изучения рукописей, имевшие прямое отношение и к памятникам письменности южных и западных славян. Многие из этих вопросов получат обобщенное изложение в книге Срезневского «Славяно-русская палеография» (1885), основанной на лекциях, читанных автором в Петербургском университете с 1865 по 1880 г.

Уже П. М. Строев и А. Ф. Бычков обратились к описанию наряду с рукописями старопечатных славянских книг. При этом многие черты методики палеографического изучения памятников славянской письменности использовались ими для описания печатной продукции, что существенно обогащало представления о ее историко-культурном значении. Происходило своеобразное сочетание традиций — библиографических и шире — книговедческих, шедших от В. С. Сопикова, и археографических, шедших от А. Х. Востокова и К. Ф. Калайдовича. Возникали благоприятные условия для дальнейшего развития славяно-русской библиографии. Этой важной сфере источниковедения посвятил, например, себя коллекционер и библиограф И. П. Каратаев (1817—1886). Под влиянием М. П. Погодина, фольклориста и этнографа И. П. Сахарова (1807—1863), а также библиофилов А. И. Кастерина (ум. 1847), И. Н. Царского (ум. 1853) и др. он составил насчитывавшее более 500 названий собрание старопечатных книг, которое передал в 1861 г. как дар Публичной библиотеке. Выходец из купеческой среды, не получивший систематического образования, И. П. Каратаев являл собой пример народного ученого-самоучки. Он не просто выискивал, собирал и приобретал старопечатные славянские книги, причем не только в России, но и за рубежом, он и изучал, описывал их. Итогом стала «Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами» (СПб., 1861). Продолжая практику В. С. Сопикова в «Опыте российской библиографии», И. П. Каратаев включил в свою коллекцию и описал кириллические издания, выходившие не только в России, Белоруссии и на Украине, но начиная с 1491 г. также в Кракове, Цетинье и других зарубежных центрах славянского книгопечатания. Этот ценный труд, отчасти сохраняющий спра-

вочное значение до сих пор, стимулировал в дальнейшем развитие специальной славистической библиографии.

Расширение культурных связей с зарубежным славянством, углубление научного интереса к его прошлому, межславянским и славяно-европейским контактам в целом стимулировали формирование нового направления в области славистического источниковедения — изучение фондов зарубежных хранилищ. Одним из первых этим всерьез занялся А. И. Тургенев. Тесно связанный с оппозиционными слоями передового дворянства, он оставил государственную службу и незадолго до восстания декабристов уехал за границу. На протяжении двух десятилетий, с 1825 по 1845 г., он работал во многих европейских хранилищах, между прочим, и в тайном архиве Ватикана, выявив значительное количество прежде неизвестных источников по истории связей Западной Европы с Россией и другими славянскими странами. Его начинание было продолжено братом известного археографа и учеником М. Т. Каченовского С. М. Строевым (1815—1840). С мая по сентябрь 1837 г. молодой историк предпринял зарубежную поездку, в ходе которой посетил Германию (Берлин, Вольфенбютель, Гамбург, Гёттинген, Дрезден, Кёнигсберг, Мангейм, Мюнхен), Францию (Париж, Реймс), ряд городов Швейцарии, Австрийскую империю (Вена, Зальцбург, Инсбрук, а также Прага). Итогом этой поездки явился новаторский для своего времени труд, содержавший научные описания памятников славянской письменности, обнаруженных С. М. Строевым за рубежом. Отметим, что труд этот был не случайной прихотью путешественника-дилетанта, а следствием глубоко осознанного понимания насущных потребностей дальнейшего развития отечественной археографии. Об этом С. М. Строев со всей определенностью указывал в предисловии к своей книге. «Необходимость привести в известность и описать должным образом памятники славяно-русской литературы, рассеянные в нашем отечестве, равно и за границею, — подчеркивал он, — давно чувствовали все занимающиеся славянскою археологиею. Благодаря трудам Востокова, К. Калайдовича и П. Строева мы ознакомились с некоторою частью письменного богатства, завещанного нам предками; но эти труды не полны и ограничиваются только тем, что находится в России» [85]. Отметив, что первым к описанию памятников славянской письменности за рубежом приступил П. И. Кеппен, автор выражал сожаление, что это дело «остановилось в самом начале». Свой труд он рассматривал как попытку восполнить этот пробел в отечественной археографии.

Описания расположены в предметно-хронологическом порядке: рукописи богословские и богослужебные, летописи и космографии, грамматики и словари и т. д. Каждое научное описание выдержано с соблюдением определенных правил, которые, помимо названия памятника и указания на место его хранения, включают следующие элементы: внешний вид, материал письма, украшения, сохранность, содержание, палеографические и филологические

особенности, пометы, историю рукописи и язык, на котором она написана (болгарский, сербский, русский). Поскольку книга вышла в свет уже после смерти автора, его брат П. М. Строев дополнил ее своим послесловием и примечанием А. Х. Востокова к описанию Реймского евангелия.

В те же годы изучение русскими учеными славянских рукописей из зарубежных хранилищ было продолжено. Двумя годами позже С. М. Строева, но еще до появления его книги С. П. Шевырев, будучи летом 1839 г. в Риме, составил краткое описание 19 славянских, в том числе болгарских и далматинских, рукописей Ватиканской библиотеки. Примечательно, что наряду с «собственными изысканиями» он использовал описания, выполненные в XVIII в. ватиканским библиотекарем Ассемани, а также питомцем Виленского университета М. К. Бобровским, посетившим эту библиотеку во время зарубежной поездки 1817—1822 гг.[86] С западно- и южнославянскими рукописями, хранившимися в государственных, общественных и частных собраниях, знакомились в ходе своих путешествий по славянским землям Н. Д. Иванишев и М. И. Касторский, а вслед за ними О. М. Бодянский, В. И. Григорович, П. И. Прейс и И. И. Срезневский. Полученные наблюдения они использовали позднее в своих трудах. В первой книге «Чтений в ОИДР» Бодянский поместил, например, сообщение «О поисках моих в Познанской публичной библиотеке». К этому кругу источников обращались и некоторые другие ученые. Так, А. Д. Чертков опубликовал в шестом томе «Русского исторического сборника» (1843) сопоставительный анализ славянского перевода «Хроники» Манассии по спискам Ватиканской и московской Синодальной библиотек. В целом изучение памятников славянской письменности из зарубежных архивов и библиотек превращается в 40—50-х годах XIX в. в одно из устойчивых и примечательных направлений славянского источниковедения в России, получившее дальнейшее развитие в последующие десятилетия.

Другим, не менее важным направлением становится в те десятилетия славянская полевая археография, вклад в которую внесли русские ученые, посещавшие земли южных и западных славян и собиравшие здесь у населения рукописи[87]. Достаточно сослаться на богатые коллекции, составленные в ходе научных командировок первыми университетскими славистами, прежде всего Срезневским и особенно Григоровичем. Его собрание памятников южнославянской письменности высоко оценивалось современниками и было известно за пределами России (например, находясь в Праге, Григорович знакомил с найденными им материалами П. Й. Шафарика). Немало ценных сведений о славянских рукописях Григорович сообщил в «Очерке ученого путешествия по Европейской Турции» (1848).

Впрочем, при всей значимости собирательской деятельности первых университетских славистов они не были в России единственными учеными, обратившимися в те годы к зарубежным поискам памятников славянской письменности. За три года

до Григоровича археограф и историк православной церкви К. А. Успенский (1804—1885), приступив в 1841 г. к систематическим занятиям славянскими древностями, совершал неоднократные путешествия по странам Балканского полуострова и Ближнего Востока. В разное время он побывал в Далмации, посетил монастыри Афона, Синая, Палестины и Египта. Ему удалось составить обширную коллекцию, в которую наряду с памятниками славянской письменности входили арабские, греческие, грузинские, сирийские и эфиопские рукописи. Эти материалы он использовал в своих работах по сравнительной палеографии и восточнохристианской эпиграфике. Опыт в области полевой славянской археографии был успешно продолжен в 1850-х годах А. Ф. Гильфердингом и П. И. Севастьяновым.

Пробуждение у Гильфердинга интереса к собиранию славянских рукописей было тесно связано с занятиями историей южных славян, о чем, в частности, свидетельствовали его «Письма об истории сербов и болгар», печатавшиеся в 1854—1855 гг. в «Московских ведомостях» и затем выпущенные отдельной книгой (М., 1855). Непосредственным поводом к этому стало участие Гильфердинга в работе над подготовкой к изданию «Болгарско-русского словаря», составлявшегося болгарским филологом и общественным деятелем Н. Д. Геровым (1823—1900), получившим образование в России. Извещая Н. Герова, что для издания его словаря «теперь составляется компания ученых под предводительством г-на Гильфердинга», чиновник министерства народного просвещения Н. Д. Ступин в своем письме из Петербурга от 9 апреля 1855 г., между прочим, писал: «Г-н Гильфердинг просит Вас также сообщать ему известные Вам черты из истории булгарского народа, изысканием которых он теперь деятельно и полезно занимается». И в постскриптуме: «Если также Вы имеете какие рукописные материалы для истории булгар, то просят Вас доставить с них списки».

Стараясь находиться поближе к источникам своих научных занятий, Гильфердинг принимает на себя обязанности русского консула в Боснии, занимая этот пост в Сараеве с 1856 по 1859 г. Более всего его интересовала история болгар и сербов, а также памятники их письменности. «Уже из нового моего назначения, — писал Гильфердинг 20 января 1857 г. Н. Герову, — Вы видите, что Задунайский край не перестает меня интересовать. Действительно, я решился принять место в Сараеве главным образом в надежде иметь там случай обогатиться полезными материалами для древней истории славянского юга». Письмо Гильфердинга любопытно как для истории русского славяноведения, так и для истории русско-болгарских научных связей. На первом месте для его автора стояли источники по истории и культуре болгарского народа. Он подробно разворачивал перед Н. Геровым свои археографические планы, в частности относительно намерения обратиться к видному деятелю болгарского национального возрождения Неофиту Рильскому (ок. 1793—1881) с просьбой «переписать

для меня жития болгарских святых и другие исторические памятники», которые могут находиться в Рильском монастыре. Гильфердинг просил Н. Герова замолвить слово перед Неофитом Рильским и «известить его о моем желании и готовности моей вознаградить такую работу». Надеясь на понимание и помощь со стороны Н. Герова, Гильфердинг писал: «Вы мне окажете, стало быть, истинное благодеяние, если позаботитесь о собирании для меня в Болгарии рукописей, надписей, преданий и т. п.». Переходя к практической стороне осуществления своих замыслов, Гильфердинг продолжал: «Не знаю, к кому обратиться в Болгарии кроме Вас с просьбой об отыскивании и доставке рукописей; а хотелось бы мне найти корреспондентов в разных местах ее. Не могли бы Вы поручить это дело своим знакомым?» [88].

Поистине удивительной и намного обогатившей свою эпоху была археографическая деятельность П. И. Севастьянова (1811—1867). Сын пензенского купца, он получил образование под руководством М. М. Сперанского, окончил Московский университет и сперва служил чиновником. Но заинтересовавшись археографией, он превратился в неутомимого собирателя памятников славянской и византийской письменности, проявляя интерес не только к палеографии, но и к искусству оформления рукописей. Уже в ходе первой своей зарубежной поездки в 1852 г. Севастьянов посетил не только Ближний Восток, куда русские ученые, хотя и редко, наведывались и до него, но и Северную Африку. Затем в 1857—1858 и 1859 гг. он ездил на Афон, собрав в результате большую коллекцию славянских и греческих рукописей. Опыт своей работы Севастьянов отчасти изложил в неопубликованном «Очерке археологических работ на Афоне в 1857 г.». Для его деятельности как полевого археографа были характерны некоторые примечательные особенности. Во-первых, он собирал не только подлинные рукописи, но и тщательно изготовленные копии с них. С этой целью, например, во время последней экспедиции на Афон, которую финансировала Академия художеств, Севастьянова сопровождала группа художников, помогавших ему в создании копий наиболее ценных рукописей из библиотек местных монастырей. Во-вторых, П. И. Севастьянов первым сознательно и целеустремленно применял в собирательской работе технические средства — прежде всего фотографию — что для того времени было делом новым и непривычным.

Для пропаганды своего начинания Севастьянов демонстрировал собранные им копии в Петербурге и Москве, а также в Париже, где в 1857 г. изложил план международного библиотечного обмена фотокопиями памятников письменности. Севастьянов полагал, что это не только позволило бы сделать наиболее ценные рукописи достоянием ученых разных стран, но и способствовало бы сохранности подлинников. Для этого при крупных библиотеках следовало бы завести специальные фотолаборатории. Одновременно массовое размножение на продажу копий рукописей методом фотолитографирования открыло бы перед заинтересованными

учеными возможности получить необходимые материалы для исследовательской работы. В качестве следующего шага Севастьянов намечал для воспроизводства копий памятников древней письменности применить метод гальванопластики.

И. И. Срезневский и устно, на общем собрании членов Академии наук, и в печати горячо поддержал смелые идеи П. И. Севастьянова. Отметив, что эпизодически фотовоспроизведение рукописей уже использовалось В. И. Григоровичем и Ю. П. Львовым на рубеже 40—50-х годов, Срезневский подчеркивал: «Честь применения фотографии к нуждам археологии в огромных размерах принадлежит П. И. Севастьянову, честь тем более заслуженная, что он для первых своих работ взял такие памятники, которые по своей недоступности более многих других привлекательны для исследователей: это древности монастырей св. Афонской горы». И. И. Срезневский обращал внимание на общественное значение инициативы Севастьянова: «Он не хочет сделать собрание для одного себя. Он думает о том, чтобы снимки свои сделать достоянием ученых разных стран». И касаясь предложения Севастьянова об использовании фотолитографии, Срезневский писал: «Это произвело бы в археологии переворот столь же важный, как в литературе книгопечатание. Мысль блестящая и верная. Раньше или позже, так или иначе она должна быть и будет исполнена. Честь и слава г. Севастьянову, что он первый направил к ней умы» [89]. В целом русские ученые добились к середине XIX в. значительных успехов в выявлении и собирании памятников письменности южных и западных славян, выдвинув при этом ряд смелых идей в области славянской археографии, которые в полную меру смогли быть реализованы лишь позднее.

По мере развития и обогащения археографической и палеографической деятельности в области языка, истории и культуры зарубежных славянских народов русские ученые все большее внимание уделяли вопросам публикации источников. Классическим образцом для нескольких поколений исследователей славянской письменности в России и за рубежом явилось издание в 1843 г. А. Х. Востоковым «Остромирова евангелия». Помимо тонких лингвистических наблюдений в приложенном грамматическом комментарии, этот труд важен в текстологическом и палеографическом отношениях. Следуя мыслям своего учителя А. И. Ермолаева, А. Х. Востоков постарался максимально приблизить воспроизведение текста к оригиналу. «Текст был набран в точном соответствии с подлинником — лист в лист, строка в строку — специальным, близким по форме букв к письму Остромирова евангелия шрифтом» [90]. Путь, по которому шел А. Х. Востоков, органически сочетавший палеографическое и текстологическое изучение рукописей с анализом их языка, был воспринят русскими славистами. Это был осознанный шаг, свидетельствовавший о прекрасном понимании ими роли лингвистики в разработке проблем истории и культуры славянских народов. Не случайно, что в своей речи «Мысли об истории русского языка» на торжественном акте

Петербургского университета 8 февраля 1849 г. Срезневский говорил: «Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может» [91]. Сам И. И. Срезневский внес заметный вклад в публикацию памятников древнерусской и славянской письменности, рассматривая те и другие в неразрывном единстве. Об этом свидетельствовала уже его ранняя работа «Древние письмена славянские», относящаяся к 1848 г., в которой Срезневский опубликовал «Сказание» Черноризца Храбра по Саввинскому списку XV в.

В 1850-х годах появляются специальные исследования по сравнительному славянскому источниковедению. Библиограф и археограф, собиратель памятников славянской письменности В. М. Ундольский (1815—1864) завершил в 1856 г. исследование об отношении «Хроники» византийского историка IX в. Георгия Амартолы к Повести временных лет. Этот труд, оставшийся тогда неопубликованным, был удостоен Академией наук в 1856 г. Демидовской премии по представлению академика А. А. Куника (1814—1899) [92]. А в 1858 г. будущий хранитель отделения рукописей и старопечатных славянских книг Московского публичного и Румянцевского музея, тогда еще начинавший свою творческую деятельность, А. Е. Викторов (1827—1883) составил обзор источников о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия по материалам отечественных и зарубежных публикаций [93].

Хотя в целом публикации памятников древней письменности и преобладали, в 40—50-х годах XIX в. предпринимались отдельные попытки издания источников по более поздним периодам истории славянских народов и их международным связям. Так, результатом упоминавшихся выше историко-архивных зарубежных разысканий А. И. Тургенева явилась серия «Акты исторические, относящиеся к России». В двух томах, вышедших в Петербурге в 1841—1842 гг., в числе других были помещены материалы по истории зарубежных славянских народов XI—XVII вв. Издание более не продолжалось, хотя отдельные выписки из выявленных А. И. Тургеневым источников эпизодически появлялись и позднее [94]. Ряд документов к истории русско-польских отношений XVII в. был опубликован в 30—40-х годах историком и военным деятелем П. А. Мухановым (1798—1871).

Однако это было в сущности только начало. Если в текстологическом, палеографическом и иных отношениях издание А. Х. Востоковым Остромирова евангелия составило эпоху в развитии отечественного и мирового источниковедения и стало для русских славистов вдохновляющим образцом, то в целом все же научный уровень публикаций памятников истории и культуры южных и западных славян оставался еще недостаточным. Помимо новизны дела и отсутствия в силу этого устоявшихся методических традиций, сказывалось и недостаточное владение некоторыми учеными методами критического издания источников. Так, публикация М. И. Касторским в переводе на русский язык в Праге Краледворской рукописи (1838) была справедливо оценена

П. Й. Шафариком как неудовлетворительная, хотя он, как и подавляющее большинство ученых того времени, верил в подлинность этого произведения. Отсутствие необходимой палеографической подготовки не позволило В. И. Григоровичу осуществить задуманное издание Мариинского евангелия и других текстов из собранной им коллекции [95]. Сложность заключалась и в том, что многие специальные дисциплины, такие, как текстология, генеалогия, дипломатика, нумизматика и др., на материале письменных источников южно- и западнославянского происхождения оставались недостаточно разработанными и во многом носили еще эмпирический характер.

Тем более важно отметить, что в отдельных вспомогательных научных дисциплинах уже в рассматриваемый период были предприняты важные шаги. Так, в 1837 г. Н. И. Надеждин поставил вопрос об источниковедческом значении славянской топонимики. Ратуя за критический подход к исторической географии славянства, он указывал, что поверхностно трактовавшаяся тогда этимология географических наименований «брала на себя слишком много, описывала не то, чего должно искать, находила больше, нежели сколько можно находить в географической номенклатуре» [96]. Заслуга Н. И. Надеждина заключалась в обосновании роли топонимики для изучения проблем этногенеза славянских народов, о чем он позднее специально писал в отчетах о своем путешествии в южнославянские земли в 1840—1841 годах.

В целом на протяжении 30—50-х годов XIX в. развитие специальных славистических дисциплин в России достигло ощутимых результатов, выйдя на передовые рубежи мировой славистики своего времени. Процесс этот, как мы видели, протекал в неразрывной связи с разработкой источниковедения отечественной истории и культуры путем сравнительного изучения и практического использования полученных наблюдений и выводов для рассмотрения документальных материалов о южных и западных славянах. Такое положение закономерно вытекало не только из опыта развития исторической и филологической русистики, но и из широкого понимания отечественными славистами предмета их занятий. Вместе с тем по мере дальнейшей дифференциации славяноведческих интересов именно в рассматриваемые годы был заложен фундамент методики изучения источников, специально касавшихся языка, истории и культуры зарубежных славян. Все это создавало благоприятные условия для расширения и углубления в России изучения этих дисциплин.

4. Разработка вопросов этнографии, фольклора, литературы и искусства

Различные аспекты прошлого и настоящего культуры зарубежного славянства заняли на протяжении 30—50-х годов XIX в. заметное место в российском славяноведении. Относительно регулярные поездки русских ученых по славянским землям бе-

зусловно способствовали росту интереса к данной проблематике, накоплению фактического материала, давали новые импульсы всему процессу развития данной области славистических исследований. Соответствующий круг вопросов затрагивался отчасти в первом томе «Славянских древностей» (1837) П. Й. Шафарика (рус. пер.: М., 1837—1848. Ч. 1—2), а второй том этого капитального труда автор предполагал почти полностью посвятить истории культуры древних славян, но, к сожалению, не успел реализовать своего смелого замысла. Кроме того, общеславянской культурной проблематики касались в своих работах В. Ганка, В. Караджич, Я. Коллар, Е. Копитар, И. Лелевель, Я. Смолер и многие другие чешские, сербские, серболужицкие, словацкие, словенские, польские исследователи. Их труды становились известны и в России.

Большой популярностью пользовались сочинения сербского ученого, собирателя и исследователя славянского фольклора В. С. Караджича. О сборнике Караджича в 1820 г. был помещен подробный очерк в журнале М. Т. Каченовского «Вестник Европы» (см. § 5 гл. 1). Тогда и позднее о его деятельности писали и другие русские журналы. Высокую оценку В. Караджичу дал в 1846 г. И. И. Срезневский, статья которого (см. § 6 гл. 3) явилась по существу первым очерком, посвященным жизни и творчеству выдающегося деятеля сербской культуры. Срезневский и Бодянский содействовали доведению до русского читателя многих работ о славянских культурах, написанных чешскими, словацкими и другими зарубежными учеными. Помимо уже упоминавшегося русского перевода Бодянским шафариковых «Славянских древностей», ему принадлежал перевод первого обзорного труда по славянской этнографии — «Славянского народописания» Шафарика (1843), а также переводы нескольких его историко-культурных статей [97]. Бодянский и Срезневский в числе первых русских ученых начали систематически публиковать рецензии на зарубежные издания по вопросам культуры славянских народов. В 1835 г. Бодянский напечатал обширную рецензию на двухтомное собрание словацких народных песен Я. Коллара [98]. О рецензии, которая представляла собой небольшой трактат о словацком фольклоре, весьма положительно отозвался В. Г. Белинский: «Эта статья написана с талантом, знанием и любовью, заключает в себе много дельных и чрезвычайно любопытных фактов касательно своего предмета» [99]. Обстоятельный разбор «Славянской этнографии» Шафарика сделал в 1843 г. Срезневский [100]. Позднее он столь же подробно охарактеризовал содержание готовившейся к изданию книги Коллара «Божества Ретры», которая содержала неудачную попытку реконструировать обычаи и религию древних поморских славян [101]. И число подобных примеров можно было бы увеличить.

В работах русских ученых 30—50-х годов XIX в. широко представлены вопросы этнографии и фольклора. В те десятилетия они часто фигурировали в спорах о прошлом и будущем России, использовались в дискуссиях по поводу принципа народности в искусстве. Не случаен интерес к народной культуре зарубежных

славян со стороны писателей, стремившихся ввести ее в контекст русской литературы. В 1835 г. в «Библиотеке для чтения» увидели свет «Песни западных славян» А. С. Пушкина, в примечаниях к которым он привел некоторые сведения об обычаях западных и южных славян. Две песни представляли собой перевод из сборника В. Караджича. Обращение А. С. Пушкина к вопросам славянской культуры составляет одну из примечательнейших и до конца не прочитанных страниц его творческого наследия. Столь же большой интерес питал к этой тематике Н. В. Гоголь. Среди его бумаг, относящихся к концу 30-х — началу 40-х годов, сохранились наброски и выписки по славянской мифологии. О разных аспектах культуры зарубежных славян в связи с вопросами народности в литературе неоднократно писали зачинатели революционно-демократической критики В. Г. Белинский и А. И. Герцен, а позднее, с 1850-х годов, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Устойчивое внимание проявляли к этой проблематике ранние славянофилы братья И. В. и П. В. Киреевские (последний, в частности, собирая народные песни, изучал и славянские фольклорные сборники), Д. А. Валуев, А. И. Кошелев, А. С. Хомяков, а позднее К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин и ряд их единомышленников. Общественный и научный интерес к славянской народной культуре стимулировался в 30—50-х годах подъемом национально-освободительного движения южных и западных славян, ростом русско-славянских и межславянских контактов.

С другой стороны, играли роль и собственно научные факторы. Многие российские фольклористы и этнографы, работавшие на восточнославянском материале, в поисках занимавших их сопоставлений и параллелей все чаще обращались к отдельным сторонам народной культуры южных и западных славян. Об этом со всей определенностью свидетельствовали труды А. Н. Афанасьева, П. А. Бессонова, Ф. И. Буслаева, К. Д. Кавелина, Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, М. А. Максимовича, А. Л. Метлинского, Н. И. Надеждина, И. М. Снегирева и многих других российских ученых тех десятилетий. «Изучение славянства, — подчеркивал позднее А. Н. Пыпин, — чрезвычайно благоприятно подействовало и на разработку самой русской этнографии» [102]. Это же, впрочем, можно сказать и относительно отечественной фольклористики. Внесли свой вклад и некоторые русские ученые, специализировавшиеся в основном на иной тематике, например О. М. Бодянский, И. И. Срезневский, А. Ф. Гильфердинг, которые плодотворно занимались отдельными вопросами этнографии и фольклора русского, украинского и белорусского народов.

Объективные факторы обусловили две важные особенности того пути, по которому в России 30—50-х годов XIX в. пошло изучение этнографии и фольклора зарубежных славян. Во-первых, не утрачивая своей предметной специфики, исследования в этой области и по содержанию и по кругу занятых ими лиц представляли собой составную часть разработки отечественной этнографии и фольклора. Они вписывались в контекст славянофильского,

8 Заказ 1786

западнического, революционно-демократического и других идейных течений (в частности, теории официальной народности) и так или иначе связанных с ними историко-юридической, мифологической, культурно-исторической и иных научных школ, исподволь складывавшихся в те десятилетия. Во-вторых, важной отличительной чертой изучения в России быта, обычаев, верований, народной поэзии южных и западных славян на протяжении всего рассматриваемого периода была теснейшая переплетенность этнографии и фольклористики. Такая ситуация, истоки которой прослеживаются еще в предшествующий период, могла отчасти вызываться слабой изученностью зарубежного славянского материала, а также достаточно узким кругом специалистов, которые к нему обращались.

Конкретные усилия сосредоточивались преимущественно на двух направлениях, с одной стороны, на собирании и обобщении материалов по древней славянской мифологии и устному народному творчеству, с другой — на накоплении и интерпретации данных об образе жизни западных и южных славян в настоящем и прошлом (все это с максимально возможным сопоставлением с аналогичными данными о восточных славянах).

На первом из указанных направлений наиболее ранним был труд о мифологии Древней Руси, опубликованный в 1815 г. П. М. Строевым, который в то время только вступал на научное поприще. «Мы имеем весьма слабое понятие о баснословии славян. . . — писал он. — Скорое распространение христианской веры разрушило идолопоклонство и вместе с оным лишило нас языческих стихотворцев, кои могли бы украсить свою мифологию и доставить об ней надлежащее сведение. Может статься, и были какие-нибудь стихотворные повести, передаваемые изустно, но где они?» В этой связи П. М. Строев одним из первых обратил внимание на плодотворность изучения под этим углом зрения «Слова о полку Игореве», а также народных преданий, песен и сказок, отметив вместе с тем необходимость их тщательного изучения («но можно ли на них положиться и дошли ли они к нам в первом их виде?») [103].

Принято считать, что впервые с фольклором южных и западных славян широкого русского читателя познакомил уроженец Белоруссии историк и этнограф-фольклорист И. П. Боричевский-Трнава (1810—1887), издавший сборники «Повести и предания народов славянского племени» (СПб., 1840—1841. Т. 1—2) и «Народные славянские рассказы» (СПб., 1844). Нельзя, однако, упускать из виду, что первые опыты такого рода предпринимались в России и раньше и преимущественно касались памятников сербского и вообще южнославянского фольклора. Значительный вклад в это был внесен М. Т. Каченовским, «Вестник Европы» которого был первым русским журналом, начавшим с 1805 г. сравнительно планомерную публикацию материалов по истории и этнографии славянских народов. Настойчивые попытки познакомить русское общество с песенным творчеством зарубежных

славян, тогда еще малоизвестным, предпринимались и в последующие годы. А. Х. Востоков, например, опубликовал в альманахе «Северные цветы» ряд своих переводов с сербского, а в 1835 г. Ю. И. Венелин в небольшой книжке «О характере народных песен у славян задунайских» напечатал переводы нескольких фольклорных текстов из сборника В. Караджича [104].

Хотя в России тех десятилетий преобладал интерес к сербскому народному творчеству, в поле зрения русских ученых находился также фольклор других зарубежных славянских народов. Поистине новаторское значение имела деятельность Ю. И. Венелина по собиранию и изучению болгарского фольклора, который был практически неизвестен не только в русской и европейской науке, но и в болгарской среде. В Добрудже, а затем у болгарских поселенцев в Одессе ему удалось записать около 50 народных песен. Намереваясь в дальнейшем подготовить антологию болгарского фольклора, Ю. И. Венелин, вернувшись осенью 1831 г. в Москву, обратился за содействием в получении дополнительных материалов к видному болгарскому общественному деятелю В. Е. Априлову. Тот, в свою очередь, привлек ряд болгарских патриотов, в том числе знаменитого просветителя Неофита Рильского, вследствие чего у Априлова оказалось значительное число фольклорных записей. «Я завел повсюду переписку, чтобы собрать сколь можно больше болгарских народных песен и все это для г. Венелина, — вспоминал позднее В. Е. Априлов. — Некоторую часть оных я даже ему выслал еще при жизни его. Он желал издать их книжками, но смерть помешала» [105]. Действительно, преждевременная кончина Ю. И. Венелина в 1839 г. оборвала осуществление этого интересного и не имевшего прецедента замысла. Заслуга в его реализации принадлежала позднее фольклористу, этнографу и историку литературы П. А. Бессонову (1828—1898). Используя сохранившиеся материалы Ю. И. Венелина и дополнив их записями В. Е. Априлова и других собирателей, а также отдельными публикациями в русских и зарубежных изданиях, П. А. Бессонов создал свод болгарских народных песен, вышедший двумя выпусками в 1855 г. Первый выпуск составило исследование «Эпос сербский и болгарский во взаимном отношении, историческом и этнографическом» [106], которое долго оставалось в России основным и наиболее авторитетным источником по болгарскому фольклору. Следует заметить, что в ряде работ конца 1850-х годов П. А. Бессонов затронул вопросы исторического содержания и периодизации южнославянского эпоса, стремясь выявить различия между историческим и эпическим временем. Однако славянофильские пристрастия П. А. Бессонова приводили его нередко к ошибочным выводам, что отмечалось Ф. И. Буслаевым, С. М. Соловьевым и другими исследователями.

До начавшихся на рубеже 30—40-х годов поездок русских ученых в славянские земли едва ли не единственным путем получения необходимой информации о местном фольклоре оставались его немногочисленные зарубежные публикации. Тем большего

внимания заслуживают опыты издания фольклорных текстов зарубежных славян, предпринимавшиеся в России до того времени и в известной мере преодолевавшие отмеченные трудности. Один из таких оригинальных опытов принадлежал И. И. Срезневскому, который выпустил в Харькове в 1832 г. сборник словацких народных песен.

Сборник состоит из публикации 20 песен на словацком языке (любопытно, что напечатаны они не латиницей, а гражданским шрифтом с указанием на особенности словацкого выговора), русских переводов и комментариев к ним (краткого словацко-русского словаря и примечаний). Не имея еще в то время возможности посетить Словакию, И. И. Срезневский сумел, однако, избежать соблазна воспроизведения песен по печатным источникам, тогда еще, впрочем, редким. Им были записаны тексты от посещавших Украину бродячих словацких торговцев, по-видимому, из тех городов и прилегавших к ним местностей, которые им названы в предисловии (Кремниц, Штявниц, Жатмир, Киевец, Токай и другие города Верхней Венгрии). Отсюда можно заключить, что наряду с деревенскими песнями в сборник Срезневского вошли образцы и городского словацкого фольклора, возможно им отчасти обработанные. Круг сведений, которыми Срезневский располагал, был шире. В комментарии к песне «Чо ты, мила, за ласку машъ?» (§ 8) он писал: «Песня эта есть общая, как мне кажется, всем славянским племенам. Я имею списки оной: польские, украинские, слышал русскую подобную, читал богемскую, сербскую» [107]. Эти слова позволяют предположить, что, помимо словацкого фольклора, он записывал или по крайней мере слушал украинские, русские и польские песни, а также пользовался изданием песен чешских (возможно, по сборникам В. Ганки, выходившим в Праге в 1810-х годах, и др.) и сербских (скорее всего, по хорошо известным в России сборникам В. Караджича). Для уяснения методов работы И. И. Срезневского над фольклорными материалами его комментарии очень важны. Он дает здесь сопоставление сюжетов славянского фольклора, отталкиваясь от записей украинских народных песен, сравнивает ранее публиковавшиеся словацкие тексты со сделанными им записями и т. д.

Касаясь начавшегося в России собирания, переводов и изучения фольклора зарубежных славянских народов, нельзя не отметить, что к категории фольклорных тогда нередко причисляли произведения, таковыми не являвшиеся. Наиболее известным примером могут служить так называемые Краледворская и Зеленогорская рукописи, которые и в России и за рубежом признавались памятниками древнечешского эпоса. На самом же деле, как выяснилось во второй половине XIX в., это были талантливые подражания, созданные на исходе 1810-х годов в Чехии в патриотических целях В. Ганкой совместно с поэтом-романтиком Й. Линдой. Публикуя в 1820 г. русский перевод Краледворской рукописи, А. С. Шишков видел в ней собрание лирико-эпических народных песнопений [108]. В 1833 г. журнал Н. И. Надеждина «Телескоп»

поместил под названием «О богемской эпопее» переведенную В. Г. Белинским статью французского писателя, историка и философа Э. Кине о Краледворской и Зеленогорской рукописях. И в этом не было ничего удивительного, поскольку подобный взгляд был тогда общераспространенным. В 1840 г., например, Срезневский опубликовал статью о славянских верованиях по данным Краледворской рукописи и в дальнейшем часто ссылался на нее и на Зеленогорскую рукопись как на подлинные памятники древнечешского эпоса [109].

Так постепенно происходившее накопление у русских ученых фактических сведений о фольклоре южных и западных славян создавало некоторые возможности его сопоставительного анализа и осмысления. И такие попытки стали предприниматься все чаще в первой половине 1830-х годов. Вехой в разработке методического подхода к исследованию такого рода материалов явилась опубликованная в 1834 г. статья Срезневского «Взгляд на памятники украинской народной словесности». В ней, в частности, была предложена классификационная схема, которая, по мысли автора, должна была помочь разобраться в многочисленных жанрах и разновидностях фольклора [110]. Написанная в форме письма к И. М. Снегиреву, эта статья, по мнению специалистов, свидетельствовала о знакомстве Срезневского «с трудами западноевропейских и славянских ученых, в частности с трудами по мифологии» [111].

Вскоре появились две работы, специально посвященные сравнительному рассмотрению народной поэзии южных и западных славян. Первой была уже упоминавшаяся выше книжка Ю. И. Венелина «О характере народных песен у славян задунайских», представлявшая собой отдельный оттиск его статьи из «Телескопа» (1835. № 9—11). Этот, по определению самого автора, «набросок» являлся развернутой рецензией на 4-й том «Сербских народных песен» В. Караджича. Однако, судя по подзаголовку (в нем указано, что данный, первый выпуск посвящен сербским песням), Венелин, возможно, предполагал продолжить работу за счет включения в последующие выпуски фольклора других славянских народов, прежде всего болгарского, над которым он в то время как раз усиленно работал. Отмечая, что сербские и болгарские народные песни многими чертами существенно отличаются от фольклора остальных славян, Венелин показывал их героический характер, который, по его словам, может сравниться только с древнегреческим эпосом. «Песня есть вопль, — писал он, — а вопием мы всегда о том, что нас трогает» [112]. Настойчивое стремление Венелина показать народные истоки южнославянского фольклора, выявить в нем соотношение личного и коллективного начала, раскрыть его связи с историей и обстоятельствами жизни народа имели прогрессивный характер и в научном отношении были плодотворными. Вместе с тем, трактуя фольклор как отражение духа создавшего его народа, Венелин пытался доказать наличие в народном характере южных славян не просто героических, но

рыцарских и даже кровожадных черт. Подчеркивание этого служило Венелину отправным пунктом в полемике с идеями выдающегося немецкого просветителя-гуманиста XVIII в. И. Гердера о миролюбивости и кротости древних славян. Подобные, по мнению Венелина, «сентиментальные» рассуждения (он даже называл их «детскими» и «ребяческими») якобы принижали славянский народный характер и возвеличивали характер «тевтонский». В. Г. Белинский, назвав в целом работу Венелина «прекрасной», отмечал большой познавательный интерес собранных в ней образцов народной поэзии. Однако тенденциозные преувеличения и националистические выводы автора, как и его нападки на И. Гердера, вызвали со стороны Белинского резкую критику [113].

Вторая работа — диссертация О. М. Бодянского «О народной поэзии славянских племен» — увидела свет в 1837 г. Пронизанная публицистическим пафосом в духе романтических идей всеславянства, она отчасти повторяла некоторые взгляды Ю. И. Венелина, хотя в целом была заметным шагом вперед. Бодянский стремился раскрыть особенности славянского народного творчества и показать его место в истории мировой культуры, основывая свои наблюдения на материалах чешского (в том числе моравского), словацкого, польского, сербского и русского (великорусского) фольклора. Идеалистическая методология, положенная в основу исследования, усугублявшаяся недостаточной разработанностью и узостью источниковой базы, приводила автора к ряду ошибочных выводов. Они, в частности, касались конкретных оценок романтически трактуемого народного характера славян, в том числе наивных в сущности, попыток доказать превосходство их народной поэзии над фольклором остальных народов. Однако диссертация не сводилась только к этому. Работа была одной из первых попыток обобщенного анализа славянского фольклора не только в отечественной, но и в мировой славистической литературе. Многие общие положения, выдвинутые Бодянским, будучи для своего времени новыми, правильно улавливали особенности славянского народного творчества и позднее получили поддержку и развитие. В частности, Н. А. Добролюбов высоко оценивал высказывания Бодянского о том, что особенности фольклора различных славянских народов вызывались условиями их исторического развития, вследствие чего изучение народных песен может стать ценным источником для исследования жизни народа. Бодянскому же принадлежала заслуга постановки вопроса о соотношении в народном творчестве индивидуального и коллективного начала — вопроса, который в самом общем виде был намечен уже Венелиным и который многие десятилетия будет стоять в центре внимания отечественных и зарубежных ученых.

Зарубежные поездки О. М. Бодянского, В. И. Григоровича, Н. И. Надеждина, П. И. Прейса, И. И. Срезневского, А. Ф. Гильфердинга, А. Н. Пыпина и других ученых не только позволили ввести в поле зрения отечественной и мировой славистики новые данные, но и существенно раздвинули горизонты фольклорно-эт-

нографических исследований в целом. Однако успех дела, помимо меры таланта ученых, зависел от степени их специальной подготовки и в конечном счете от занимаемой ими идейной позиции. Это обстоятельство со всей очевидностью проявилось при разработке вопросов славянской мифологии, к которым после некоторого перерыва русские ученые вновь обратились в 1840-х годах.

В 1841 г. была опубликована диссертация М. И. Касторского «Начертания славянской мифологии», в которой автор, незадолго перед тем побывавший в Праге, пытался дать сравнительный анализ мифологических представлений у разных славянских народов. «Один славянский народ, один славянский язык, одна славянская мифология» — вот кредо, сформулированное М. И. Касторским уже на первых страницах своей диссертации [114]. Этот подход, в котором отразились некритически воспринятые романтические представления В. Ганки, Я. Коллара, а отчасти и П. Шафарика, М. И. Касторский сознательно противопоставлял трезвой точке зрения на предмет исследования, сформулированной в 1815 г. П. М. Строевым. Хотя на словах автор и выступал против произвольного смешения языческих божеств разных славянских племен, тем более против включения сюда персонажей мифологии других народов, его исходная, заимствованная от Коллара позиция, согласно которой славяне образуют один народ, «несмотря на политическое разделение, на многие наречия, на многие особенности мифов», — эта позиция вела М. И. Касторского к повторению как раз тех же ошибок, против которых четверть века назад и предупреждал прозорливо П. М. Строев. В итоге ложные взгляды М. И. Касторского, усугубленные слабостью его профессиональной подготовки (на что в свое время обращали внимание П. Й. Шафарик и другие чешские ученые), обусловили неудачу его книги, намного уступавшей уровню науки того времени.

Во многом сходный характер имели воззрения Н. И. Костомарова, которые были им развиты в курсе славянской мифологии, прочитанном в Киевском университете в 1846 г. Он, в частности, со ссылками на романтические построения Я. Коллара и произвольно толкуемые данные индийской мифологии стремился доказать изначальную веру всех древних славян, несмотря на «видимое многобожие», в единого бога — Перуна [115]. И уже совершенно фантастический характер носила книга «Чаромутие или священный язык магов, волхвов и жрецов» (СПб., 1846) и примыкающие к ней другие работы украинского этнографа и фольклориста П. А. Лукашевича (1809—1887), в которых он провозглашал «первобытность» славянского языка, «сохраняемого божьим провидением», и писал о мессианской роли славян в борьбе с «очаромутиванием». Подобные фантастические утверждения вели в бесперспективный тупик.

К иным результатам приходил И. И. Срезневский, который как раз в те годы выступил с циклом работ по вопросам славянской мифологии. Воспринимая идею славянской взаимности с позиций

умеренного либерализма, он одновременно протестовал против нигилизма западнического толка и отмежёвывался от православно-националистических идей славянофильства, а тем более от официального монархизма погодинского типа. Все это в соединении с хорошей профессиональной подготовкой обусловливало широкий и в целом прогрессивный подход Срезневского к изучаемому материалу. Центральное место среди работ того периода по вопросам славянской мифологии занимала диссертация «Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям», изданная в Харькове в 1846 г. и с незначительными изменениями под другим названием переизданная в Петербурге спустя два года. «О языческих верованиях древних славян писали многие. . . было, впрочем, более неудач, чем успехов. . . Собрано много фактов, но критика успела оценить очень немногие из них. Для объяснения языческого богослужения древних славян не сделано и того». Подведя столь определенно итог предшествующим поискам, автор диссертации заявлял: «Вот что внушило мне смелость издать мои исследования о языческом богослужении славянском, соединив в них с современными свидетельствами все, что из остатков языческой обрядности удалось мне заметить в народе» [116]. И действительно, хотя Срезневский и отдал дань распространенной в то время вере в подлинность Краледворской и Зеленогорской рукописей, исследователи его творчества справедливо отмечали основательность источниковой базы его труда, в котором автор опирался не только на работы отечественных и зарубежных славянских исследователей (И. П. Сахаров, И. М. Снегирев, С. Враз, Я. Коллар, П. Шафарик и др.), но и на собственные наблюдения и полевые материалы.

Детально описав места поклонения языческим божествам и охарактеризовав положение жречества и различные обряды (в том числе, например, купальские), Срезневский стремился выявить как общеславянские черты язычества, так и его местные варианты у разных славянских народов. В ряде случаев, не развивая подробнее тех или иных наблюдений, он намечал вопросы, заслуживающие, по его мнению, рассмотрения в дальнейшем. Он отметил важность изучения славянских городищ, в которых видел памятники языческого богослужения [117]. Ограничившись институтами последнего, Срезневский предупреждал во введении к первому изданию своего труда, что будет затрагивать верования и мифологию древних славян «только в той мере, в какой они находятся в соотношении с богослужением» [118]. Однако и параллельно с работой над названной монографией (тогда же он одновременно собирал материалы для задуманного им словаря славянской мифологии), и позднее Срезневский посвятил этой проблематике несколько статей, основанных на широком круге источников. Например, исследуя культ солнца в Древней Руси, а также у болгар, сербов, словаков, словенцев и хорватов, Срезневский привлекал свидетельства средневековых арабских авторов и ряд древнерусских памятников, в том числе «Слово о полку Игореве»,

справедливо отметив в нем рудименты старых языческих представлений. Этот аспект в особенности занимал ученого. Касаясь словенцев, он замечал: «До сих пор сохранились некоторые песни, в которых живо рисуется старинное понятие о боге-Солнце» [119]. О наслоении в народных представлениях нескольких разнородных исторических пластов Срезневский писал и в дальнейшем: это было для того времени новым и чрезвычайно плодотворным шагом. Уже в 1847 г. он говорил как об эволюции самого язычества («. . .ясно видно, какая часть религии славянской древнее и по какому пути шла она в своем развитии»), так и о сохранении у славян и после принятия христианства многих традиционных верований. «Что касается народных преданий, — читаем у Срезневского, — то и в них найти можно немало вовсе не христианских поверий о явлении души и мертвецов, о том, что кровью убийцы успокаивается тень убиенного» [120]. К этому кругу тем обращался он и в 1850-х годах, развивая и уточняя идеи, сформулированные ранее. Сопоставляя, например, верования в рожениц у древних славян со сходными поверьями у древних греков, римлян и германцев, ученый делал следующий вывод: «. . . в наших роженицах нельзя не видеть дев жизни и судьбы, парок, как я позволил себе догадываться еще тогда, когда о роженицах было в виду только несколько отрывочных фактов» — и отсылал читателей к своей харьковской монографии 1846 г.[121]

В 1850-х годах подробное описание древнеславянского языческого пантеона приводил А. Ф. Гильфердинг в своих работах по истории балтийских славян. Наряду со славистами к мифологии и верованиям зурубежных славян в 1850-х годах все чаще стали обращаться русисты. Так, при освещении культуры восточных славян в древности С. М. Соловьев касался бытования культа Сварога-Перуна у чехов, сербов и других зарубежных славянских народов [122]. К фольклорно-этнографическим материалам южных и западных славян обращался в те годы и выдающийся исследователь русской народной культуры А. Н. Афанасьев (1826—1871) [123]. Выступая как фольклорист в рамках складывавшейся мифологической школы, он, по словам М. К. Азадовского, стоял «во главе демократической линии в истории русского собирательства» [124].

Впрочем, не эти аспекты все же занимали центральное место в разработке вопросов этнографии и фольклора зарубежных славян в 40—50-е годы XIX в. Многообразные материалы, привезенные русскими учеными из славянских земель и постоянно пополнявшиеся благодаря укреплению контактов с чешскими, словацкими и другими славянскими исследователями, открывали беспрецедентные по сравнению с предшествующим временем возможности для постоянного расширения тематики изучения зарубежного славянства. Деятельность русских ученых в славянских землях оказывалась не только необычайно плодотворной, но и в высшей степени интересной с точки зрения применявшейся ими методики полевой работы. О ее трудностях, а потому и о необ-

ходимости особого внимания к ней писал по итогам своей поездки 1830 г. еще Ю. И. Венелин [125]. Близкие мысли звучали в отчетах о путешествиях О. М. Бодянского, Н. И. Надеждина, П. И. Прейса, публиковавшихся в русской периодической печати тех лет, а также высказывались впоследствии и другими русскими наблюдателями. Одним из первых эти вопросы полно и четко сформулировал И. И. Срезневский. В донесении министру народного просвещения, касаясь задач, стоящих перед славистом, совершающим поездку по славянским землям, он в начале 1841 г., в частности, подчеркивал: «Чтобы узнать славянство, он [славист] должен, с одной стороны, изучать старинные памятники языка, писанные людьми, еще не имевшими притязания на название „писателей" и „литераторов" и тем более сохранившими в своих сочинениях народность языка, народность мысли и чувства; с другой стороны, идти в народ, вслушиваться в его речь, простую, не испорченную исполнением придуманных правил, в его пословицы, песни, предания, в которых выражает он себя, свой ум и фантазию, вкус и понятия, свою жизнь и свое прошедшее так простосердечно и так полно. А чтобы он мог понять сознательно то, что прочтет в старых хартиях и услышит в деревнях и полях, он должен узнать образ жизни славян, их нравы и обычаи, верования и обряды» [126]. Мы привели эти строки, цитируемые обычно в извлечениях, полностью, ибо в них Срезневский удачно сформулировал две тесно взаимосвязанные задачи изучения быта и культуры славянских народов через их прошлое и современное положение с подчеркиванием при этом роли языка в исторической эволюции.

Этот последний вопрос неоднократно затрагивали и другие русские ученые. О постижении народной жизни словенцев через «живой язык, звучащий в устах народа», писал, отчитываясь о своей поездке 1840—1841 гг., Н. И. Надеждин [127]. Такой подход, сообразовывавшийся с наметившейся тогда практикой собирания отечественного фольклорно-этнографического материала, становится все более типичным уже в 40—50-е годы XIX в. Другое дело — конкретная организация полевой работы. В ходе совместных путешествий, например между П. И. Прейсом и И. И. Срезневским, сложилось своего рода разделение труда: первый обращался к памятникам письменности, тогда как второй собирал и записывал современный материал. В. Ганка, имевший возможность наблюдать совместную работу русских ученых, совершенно не понял глубоко продуманной и тогда действительно непривычной методики коллективного труда и в письме министру народного просвещения С. С. Уварову поспешил произвольно противопоставить П. И. Прейса И. И. Срезневскому: «Один археолог, другой этнограф, один за древней хартией, другой в народе» [128]. Позднее такой поверхностный взгляд, будучи принятым на веру одними исследователями, вызывал обоснованное несогласие со стороны других.

Полевая работа русских ученых в зарубежной славянской народной среде сыграла важную роль в последующем развитии

отечественного и мирового славяноведения, а ее результаты носили порой характер подлинного откровения. «Собирая всюду народные песни и пословицы, — писал в цитированном уже отчете Срезневский, — я собирал их в Лужицах с тем большим тщанием, что они до сих пор были совершенно неизвестны. Лужичане песнями богаче, нежели все другие славянские народы, до сих пор мною обозренные, и самые обычаи сохранили у них более старины, нежели, например, у чехов» [129].

Остается лишь сожалеть, что обширные данные, собранные в тот период русскими славистами в их зарубежных командировках, были обработаны ими лишь частично. В архиве Срезневского сохранились объемистые рукописные сборники серболужицких песен, включающие записи 373 текстов, а также многочисленные другие записи, выполненные как им самим, так и зарубежными славянскими деятелями, помогавшими ему в сборе материала. Кроме того, сохранилось немало набросков и заготовок неосуществленных исследований фольклора западных и южных славян. Некоторое количество фольклорных записей, выполненных как в поле, так и по печатным источникам, привез в Россию О. М. Бодянский — главным образом образцы чешского и словацкого деревенского и городского фольклора, а также фольклора словенцев и некоторых других зарубежных славянских народов. Впрочем, фольклорно-этнографическая проблематика занимала в последующей научной и издательской деятельности Бодянского скромное место. Неудачно сложилась судьба записей болгарских народных песен, сделанных В. И. Григоровичем во время его длительной поездки по Балканам. Он собрал интересные материалы и одно время, по-видимому, предполагал подготовить их публикацию. В марте 1848 г., т. е. вскоре после возвращения из поездки, Григорович выступил в Казанском обществе любнтелей отечественной словесности с докладом «О среднем и новом болгарском языке, рассматриваемом сравнительно по древним рукописям и народным песням». В газетном отчете об этом заседании было сказано, что доклад представляет «собственно введение к приготовляемому г. Григоровичем изданию болгарских песен, собранных им во время путешествия по Румелии» [130]. Трудно сказать, насколько твердым было решение самого Григоровича на этот счет. Во всяком случае, при встрече в Загребе с видным деятелем иллиризма хорватским поэтом С. Вразом русский ученый передал ему записи 60 собранных им народных песен, из которых С. Враз тогда же опубликовал 27 текстов [131].

Далеко не все привезенные материалы были обработаны и опубликованы. Однако в середине XIX в. благодаря частичной публикации научных отчетов они играли значительную роль, расширяя круг сведений о культуре зарубежных славян. Выдающееся значение в этом смысле имел, например, «Очерк путешествия по Европейской Турции» Григоровича, увидевший свет в 1848 г. и позднее, в 1877 г., вновь переизданный [132]. Написанный в строго научной, порой сдержанной и суховатой

манере, «Очерк» во многом впервые приоткрывал завесу над неизвестными в Европе обстоятельствами истории, культуры и современной жизни болгарского народа. Неудивительно, что книга Григоровича сыграла также положительную роль в идейно-культурном развитии болгарского общества в эпоху национального возрождения.

Заметный вклад в распространение информации о быте, обычаях и культуре зарубежных славян внесли путевые очерки и репортажи, которые начинают в 40—50-х годах XIX в. все чаще публиковаться в русской печати. Среди них можно, в частности, отметить очерки «Четыре месяца в Черногории» (1841), «Странствователь по суше и морям» (1845—1849) и другие работы дипломата и писателя Е. П. Ковалевского (1809—1868) [133]. Ценные фольклорно-этнографические сведения содержались в книге А. Ф. Гильфердинга «Народное возрождение сербов-лужичан», в которой автор подробно описывал различия в положении этого небольшого славянского народа, территория которого входила тогда в состав Пруссии и Саксонии. Рассказывая о собирании фольклора, которым занимались деятели серболужицкой культуры, А. Ф. Гильфердинг привел в качестве примеров несколько переводов из народной поэзии [134]. Но особый интерес имел изданный А. Ф. Гильфердингом в 1860 г. сборник «Босния, Герцеговина и Старая Сербия», куда вошли не только его статьи о поездках по этим землям в конце 50-х годов, но и материалы местных авторов, в том числе «Летопись Боснии» С. Скендеровой. А. Н. Пыпин тотчас же откликнулся на этот сборник рецензией в журнале «Современник». Отметив важность собранных работ, он выделил в первую очередь статьи самого А. Ф. Гильфердинга «Поездки по Герцеговине, Боснии и Сербии» и «Босния в начале 1858 г.» «Если не считать путешествия по европейской Турции г. Григоровича, занятого, впрочем, больше археологией, — подчеркивал А. Н. Пыпин, — это единственная и хорошая русская книга о турецком славянстве, из которой можно извлечь правильные понятия о положении дела» [135].

В целом неуклонно расширявшаяся публикация подобных описаний, обогащая исследователей обширными фактическими данными, способствовала качественному повышению теоретического уровня разработки и в рассматриваемый период и позднее вопросов славянской фольклористики и этнографии, причем не только в русском, но и в мировом славяноведении.

Большое значение с этой точки зрения представляли труды П. И. Прейса и наброски работ, в частности в области этнографии, оставшиеся из-за его безвременной кончины нереализованными. Важнейшее значение имела речь Прейса «Об эпической народной поэзии сербов», произнесенная в Петербургском университете в 1845 г. Исходя из понимания эпической поэзии как верного отражения жизни народа, Прейс подчеркивал глубокий историзм сербского эпоса и говорил, что он «не анахронизм, но потребность — и притом одна из главнейших потребностей жизни

народа». Выбор в качестве предмета рассуждения сербского народного творчества имел для Прейса принципиальное значение. Он отмечал односторонность европейской фольклористики, которая длительное время ограничивалась рассмотрением только античного — греческого и римского — эпоса, лишь сравнительно недавно расширив свой «заветный круг» за счет германского и романского народного творчества, тогда как ныне «народы отдаленного востока предъявили уже свои права на наше внимание». Подчеркивая плодотворность сопоставительного анализа фольклора разных народов, Прейс констатировал: «В длинной цепи народов, являвшихся постепенно пред судилищем науки, недоставало одного звена: народов славянских». Свои воззрения на эпическое творчество славянских народов П. И. Прейс конкретизировал в докладе. Так, на примерах развития культуры сербов и германизированных в средние века ободритов и других славянских племен балтийского Поморья он высказал плодотворную мысль о тесной связи между фольклором и мифологией. Не меньший интерес представляли его размышления о важности выработки периодизации устного народного творчества в связи с историей данного народа. Предлагая выделить в развитии сербского эпоса три основных этапа, он указывал в заключение: «Сербские эпические песни из века в век следуют за судьбами народа: начинаются временем славы, не умолкают в годину бедствий и раздаются торжественным кликом в период возрождения» [136]. В целом доклад Прейса, свидетельствовавший об основательности теоретической подготовки автора и содержавший богатый фактический материал и ценные наблюдения, стал в развитии славистической фольклористики этапным событием.

Такое же значение, несомненно, приобрела бы, будь она по крайней мере хотя бы своевременно опубликована, незавершенная программа этнографического изучения славянского мира, над которой Прейс работал в последние годы жизни. Сохранившийся набросок носил не только оригинальный и новаторский характер, но во многом обгонял общий уровень науки середины XIX в. Обращает на себя внимание целенаправленный интерес Прейса к экономическим, социально-политическим и природно-климатическим условиям жизни и антропологической принадлежности разных славянских народов. Его, в частности, занимали такие вопросы, как народная одежда и жилище, используемые крестьянами сельскохозяйственные орудия, развитие отдельных отраслей хозяйства: земледелия, скотоводства, пчеловодства, охоты, торговли и др. Многие тезисы, включенные П. И. Прейсом в программу, свидетельствовали о том, что он видел не только классовое деление общества, но и социальное расслоение в крестьянской среде. Так, он затрагивает применение зажиточными крестьянами наемного труда и интересуется положением батраков в производственном процессе и жизни крестьянской семьи: «Как они называются и в каких отношениях находятся они к домохозяину и его семейству?» Серия вопросов касалась общей характеристики

духовной жизни деревни: календарные и семейные обряды (в том числе крестины, свадебные обычаи, выбор невесты, одежда молодой и др.), характер народных праздников (по каким поводам они организуются, их время и продолжительность, исполняемые песни и пляски, используемые музыкальные инструменты и т. д.), роль степеней родства и многое другое. Некоторые вопросы, намеченные П. И. Прейсом, служили задачам выявления в народной среде этнического самосознания («народное имя у туземцев и соседей»), наличия общинных институтов или традиций («где, когда и при каких случаях общины, знакомые, семейства собираются на общие обеды»), сохранения обычаев или поверий дохристианской эпохи («где построены древнейшие церкви и часовни? На горах ли или на источниках?», «Что думает крестьянин о небе, Солнце, звездах, разуме?) и раскрытия ряда других не менее существенных для этнографии проблем. С ними были тесно связаны и многие вопросы собственно фольклористического порядка: народные песни, загадки, пословицы и т. п.[137]

Ряд существенных положений в области дальнейшего исследования фольклора и этнографии зарубежных славян был сформулирован И. И. Срезневским в работах конца 1840-х и особенно 1850-х годов, а также в читавшихся им университетских курсах. В истории славянской фольклористики, например, важное место заняла его статья «Труд и мнения Н. В. Берга касательно народных песен», написанная в связи с выходом в свет сборника «Песни разных народов» (1854), который был встречен благожелательными откликами в печати, в том числе и со стороны Н. Г. Чернышевского [138]. В сборник вошли переводы, в том числе со славянских языков, выполненные историком и писателем Н. В. Бергом (1823—1884), который к тому времени уже зарекомендовал себя как переводчик с польского, чешского и сербского языков. В своей статье об этом сборнике Срезневский затронул вопросы возникновения, распространения и передачи произведений устного народного творчества, приводя в качестве примеров сведения о бытовании современного ему сербского, чехо-моравского и черногорского фольклора. Отсюда он делал важный вывод по вопросу о соотношении личностных и коллективных начал в фольклоре, о которых в свое время писали Венелин и Бодянский. «Все равно, кем бы ни была сложена песня, — подчеркивал Срезневский, — лишь бы она нравилась народу и привилась в нем как его достояние» [139]. Рассматривая фольклор как живой и исторически меняющийся организм, он выступал тем самым против воззрений сторонников мифологической школы, которые видели в фольклоре отражение глубокой древности и отрицательно относились к собиранию и изучению современной народной поэзии.

Своеобразным итогом работы Срезневского в этой области на протяжении 40—50-х годов явились опубликованные им в 1861 г. «Замечания об эпическом размере славянских народных песен». Обобщающий характер «Замечаний» подчеркивался уже тем, что автор отсылал читателей к своей работе 1849 г. «Мысли

об истории русского языка» и повторял: «Древнейший и у всех славян одинаково распространенный эпический стих заключает в себе десять слогов с двумя ударениями». Теперь, развивая это наблюдение, Срезневский приводил примеры из украинских, белорусских, болгарских, сербских, серболужицких, польских, словацких и чешских источников, в том числе из Краледворской рукописи, в подлинность которой продолжал верить. Он высоко оценивал художественное чутье А. С. Пушкина, который, не владея в достаточной мере знанием сербского фольклора, «догадался, как передавать сербские песни по-русски, сам собою разгадал их размер». Процитировав фрагмент из его «Песен западных славян» («не два волка в овраге грызутся»), И. И. Срезневский замечал: «. . .читая эти стихи, невольно подумаешь, что они дословно переведены с сербского» [140].

Вместе с тем Срезневский продолжал обращаться и к проблемам славянской этнографии, явившись, в частности, одним из пионеров этнографического картографирования в России. Например, в середине 1850-х годов он выступил с обоснованием «подробной этнографической карты земель, занимаемых юго-западными славянами» [141].

По сравнению с фольклорно-этнографической проблематикой литература южных и западных славян получила в 30—50-е годы XIX в. более скромное освещение, хотя и здесь русскими учеными были предприняты интересные начинания. В центре их внимания в первой трети XIX в., за отдельными исключениями, находились памятники древнеславянской письменности. Расширение тематического и хронологического диапазона этой области науки становилось важнейшей задачей российского славяноведения. И именно в 1830-х годах были сделаны серьезные шаги, направленные на осмысление развития зарубежных славянских литератур.

Сперва это были журнальные публикации вроде напечатанного в «Сыне отечества» за 1822 г. «Обозрения новейшей богемской литературы». Первой специальной работой явилась опубликованная в 1838 г. книга Ю. И. Венелина «О зарождении новой болгарской литературы». В ней автор попытался дать общую картину развития болгарской книжности особенно в XVIII и начале XIX в. Рассматривая этот очерк как продолжение и дополнение своей несколькими годами ранее опубликованной книги «Древние и нынешние болгары в [. . .] их отношении к россиянам» (1829), Венелин подчеркивал, что до этих работ «по какому-то странному случаю» болгарская литература не привлекала внимания в той мере, в какой она этого заслуживает. Обращая внимание на многочисленные испытания, выпавшие на долю болгарской литературы и языка, Венелин с удовлетворением отмечал усилия, предпринимавшиеся рядом представителей болгарской культуры в 1830-х годах по созданию учебной литературы и развитию народного просвещения. Так, он высоко оценивал просветительскую деятельность Неофита Рильского, писал о созданном при его активном участии народном училище в Габрове. Вместе с тем Венелин,

трезво глядя на положение дел, считал, что подобные меры в условиях османского гнета и происков греческого духовенства недостаточны. «Конечно, — подчеркивал он, — при упомянутых обстоятельствах нельзя ожидать, чтобы болгарская литература зародилась в пределах Турции. Однако есть богатые болгаре и вне Турции, в Букаресте, Галацах, Браилове, Бессарабии, в Одессе, в Трансильвании, в Песте. В этих-то местах они могли бы заняться не только изданием азбук, грамматики, прописей и других учебных книг, но и устроением первых училищ. Таким образом началась вне Турции как новогреческая, так и новосербская литература». Венелин приводил перечень новых книг на болгарском языке, появление которых, по его словам, свидетельствовало «о новейших явлениях в зарождающейся болгарской литературе» [142], и публиковал письма, полученные им от В. Априлова и Н. Палаузова. Написанная в доброжелательном тоне, книга Ю. И. Венелина была проникнута верой в творческие силы болгарского народа.

Этими же чертами была отмечена статья историка и археолога Н. Н. Мурзакевича (1806—1883), в то время работавшего в Ришельевском лицее в Одессе. Остановившись на основных этапах истории болгарского народа с древних времен до начала XIX в., Мурзакевич отмечал, что в конце XIV в. «Болгария подпала всесокрушающему игу турок», следствием чего был глубокий упадок ранее цветущей болгарской культуры и письменности. В период постепенного оживления культурной жизни, продолжал Мурзакевич, важную роль для дальнейшего развития болгарского языка сыграли книги, издававшиеся в Москве и Киеве и уже в XVIII в. проникавшие в Болгарию. Дальнейший этап был связан с возникновением в начале XIX в. собственно болгарского книгопечатания, в связи с характеристикой которого автор приводил, хотя и неполностью (начиная с Букваря 1824 г. П. Берона), библиографию новоболгарской печати. Столь же высоко, как и Венелин, оценивал он деятельность Неофита Рильского. В заключение Мурзакевич отмечал, что «письменность болгарская быстрыми шагами идет к своему развитию», и подчеркивал: «Нам должно стараться содействовать распространению образованности и просвещения в смежном и единоплеменном нам болгарском народе» [143].

К этому кругу вопросов русские ученые неоднократно обращались и в последующие годы, чему в значительной степени способствовали ценные фактические данные, содержащиеся в отчетах и записках русских ученых и путешественников, особенно в книге В. И. Григоровича «Очерк путешествия по европейской Турции». Между прочим, находясь в 1847 г. на протяжении пяти месяцев в Праге, Григорович написал для известного чешского журнала «Кветы» развернутый очерк о состоянии народного просвещения у болгар, в котором развивал многие наблюдения, лишь намеченные в его книге [144].

Внимательно наблюдая за успехами литературно-культурного развития болгарского народа, И. И. Срезневский умело использо-

вал для их показа анализ книжной продукции, впервые в России составив ее библиографию, начиная с появления в 1806 г. первой болгарской печатной книги. В относящемся к 1846 г. «Очерке книгопечатания в Болгарии» он писал: «Зачатки литературы болгарской достойны внимания любознательных славян не в одном филологическом отношении. Они свидетельствуют о стремлении народа войти на стезю образованности — народа, долгое время без утешения страдавшего; что противоборствовать своему духовному падению он может только своим собственным усилием, что сам должен заботиться о своем просвещении, о своем месте в ряду народов славянских» [145]. Указав, что «нельзя без сочувствия следить за усилиями народа болгарского освободиться из-под мглы невежества», И. И. Срезневский выражал надежду, что болгарские писатели займутся не только разработкой отечественной истории, этнографии и географии, но также собиранием и изданием памятников народной словесности. Он заканчивал статью словами о том, что болгары вскоре займут свое место «в общем литературном возрождении западных славян».

Одновременно с работами Ю. И. Венелина и Н. Н. Мурзакевича, в том же 1838 г., была опубликована обзорная статья М. И. Касторского, незадолго перед тем возвратившегося из Праги. Хотя статья называлась «Новейшая чешская литература», в ней были приведены сведения об общественно-литературном развитии не только чешского, но и словацкого народов. М. И. Касторский остановился, в частности, на значении деятельности Й. Добровского, Я. Коллара, Ф. Палацкого, П. Й. Шафарика, Й. Юнгмана и других представителей культуры эпохи чешского и словацкого национального Возрождения. Кроме того, М. И. Касторский дал хотя и довольно поверхностный, но все же полезный обзор чешских и словацких журналов и перечень книг на чешском языке за истекшие десять лет [146].

Следует отметить, что чешская литература неоднократно привлекала к себе внимание русских исследователей и переводчиков тех лет. В 1845 г., например, ученик В. И. Григоровича по Казанскому университету филолог и журналист А. И. Соколов (1824—1893) опубликовал перевод и исследование Краледворской и Зеленогорской рукописей, рассматривая их, согласно господствовавшим тогда представлениям, в качестве древнечешских памятников [147]. Примечательно, однако, что А. И. Соколов не просто присоединялся к подобным взглядам, но и подвергал критике тех ученых, которые, как, например, Й. Добровский, ставили их под сомнение [148]. Впрочем, значение его труда заключалось в ином. А. И. Соколов был первым русским публикатором названных памятников, заинтересовавшимся их составом, стилем, лексикой и сопроводившим свой перевод обстоятельным научным комментарием [149]. Это обстоятельство вскоре было отмечено И. И. Срезневским. Сравнивая работу А. И. Соколова с изданиями А. С. Шишкова, которые «были в руках немногих и годились для немногих», а также с переводом Краледворской рукописи, неза-

долго перед тем выпущенным Н. В. Бергом [150], который, по мнению рецензента, «неважен в учено-литературном отношении», Срезневский поддержал инициативу А. И. Соколова. Указав, что его труд не удовлетворяет всем требованиям и является первой попыткой «любителя еще нуждающегося в опытах», Срезневский вместе с тем считал, что это «опыт прекрасный, заслуживающий одобрения читателей и внимания критики» [151].

Вопросы, поднятые в связи с трудом А. И. Соколова, занимали Срезневского и в дальнейшем. Публикуя, в частности, в 1852 г. болгарский перевод Зеленогорской рукописи, выполненный Дмитриевым-Петковичем по тексту издания П. Й. Шафарика, считавшегося тогда каноническим, Срезневский вновь оценивал эту «рукопись» как «один из самых древних памятников славянского языка». Любопытно, однако, что, сохраняя веру в ее подлинность, Срезневский скрупулезно исправлял грамматические формы канонического текста как несоответствующие старославянскому языку. И хотя он видел в этом следствие неверного прочтения оригинала и ошибок, вкравшихся в его первую публикацию, фактически он выявлял филологические просчеты создателей обоих «древних» памятников: В. Ганки и Й. Линды [152].

В 1840-х годах в России было положено начало изучению и серболужицкой литературы, у истоков которого стоял также Срезневский. Его «Исторический очерк сербо-лужицкой литературы» (1844) содержал подробный экскурс в историю литературы этого небольшого народа, а также детальную характеристику этнокультурного движения в Лужицах до начала 1840-х годов. При этом И. И. Срезневский включил в свою статью историко-этнографические сведения и материалы о связях лужицких сербов с другими славянскими народами. Осветив историю борьбы лужичан против германизации, Срезневский указывал: «Литературная деятельность сербов-лужичан. . . начинается в XVI в. В первый раз тогда наречие сербо-лужицкое выступило на высокое поприще посева световечных истин в душах своего народа». Связывая этот процесс с эпохой Реформации, Срезневский специально отмечал роль книгопечатания и неуклонное его распространение. Если до 1700 г. было напечатано около 50 серболужицких книг, то в XVIII в. число их возрастает до 200, а за 43 года XIX в. составило около 100 названий, к которым нужно добавить не менее 50 книг, существующих в рукописной форме. Приводя эти интересные данные, И. И. Срезневский отмечал одновременно и происходившие изменения в содержании и тематике лужицко-сербской литературы. Новый период ее развития, отмеченный усилением светской тематики и начинающийся, по мнению ученого, «уже после 1812 г.», он связывал с деятельностью А. Лубенского, А. Смолера, П. Иордана и других представителей серболужицкой культуры периода национального Возрождения. И. И. Срезневский подчеркивал роль фольклора в становлении профессиональной литературы. «Изучение народностей и памятников народной словесности, — писал он, — не могло не содействовать развитию словесности изящной,

вовсе не существовавшей для лужичан в прежнее время». Он отмечал и появление у лужичан своей периодической печати, с одобрением упоминая «отважное» дело Иордана, основавшего «Денницу, газету для сербов». В заключительной части своей статьи И. И. Срезневский говорил: «Так бедная литература бедного лужицкого народа все более расцветает своим скромным, но прекрасным цветом» [153].

Статья Срезневского надолго оставалась образцом обзорных работ такого рода. О ее роли в развитии отечественной и зарубежной сорабистики еще в 1856 г. с уважением отзывался А. Ф. Гильфердинг, посвятивший «народному возрождению» лужицких сербов упоминавшуюся выше книгу. Написанная в форме письма к общественному деятелю и публицисту А. И. Кошелеву (1806—1883), она хронологически как бы продолжала статью Срезневского. Отметив расширение народной основы культурного движения, происходившее в последние годы у лужицких сербов, Гильфердинг вслед за Срезневским подчеркивал значение в этом процессе фольклорно-собирательской деятельности ведущих серболужицких ученых и литераторов [154].

Значительный вклад в расширение русско-польских литературных связей был внесен П. П. Дубровским (1812—1882), издававшим в Варшаве в 1842—1843 гг. альманах «Денница». На его страницах регулярно публиковались информационные обзоры о современном состоянии польской, чешской, сербской и других славянских литератур. Особой популярностью пользовалось в русском обществе творчество А. Мицкевича, «Пан Тадеуш» и другие произведения которого неоднократно переводились и издавались на русском языке. Первым опытом монографического изучения его творчества явилась книга П. П. Дубровского, изданная в 1858 г. «Нам, русским, — писал в ней автор, — лира Мицкевича особенно близка потому, что в ней слышатся родные струны, большей частью настроенные в сердце самой России» [155]. П. П. Дубровский рассматривал жизнь и деятельность А. Мицкевича как наиболее полное и совершенное проявление творческих сил польской литературы. В связи с этим значительное место в своей книге он уделил общей характеристике истории польской литературы начиная с XIV—XV вв. В заключении монографии П. П. Дубровский поместил свои переводы из «Пана Тадеуша» и библиографию сочинений А. Мицкевича, изданных по-польски и в русских переводах.

Литература играла выдающуюся роль в духовной жизни и национально-освободительных движениях зарубежных славянских народов. Естественно, что, обращаясь к изучению других видов искусства зарубежных славян, русские ученые смотрели на особенности их развития как бы под историко-литературным углом зрения. Подтверждением сказанному может служить очерк о чешском театре, написанный Срезневским в декабре 1840 г. в форме письма к редактору «Отечественных записок». Коротко ознакомив русского читателя с общим состоянием литературно-культурного процесса в Чешских землях и отметив подъем национально-

освободительных настроений, он впервые в русской литературе и достаточно верно осветил развитие чешской драматургии. Хотя Срезневский не касался специально того резкого упадка чешской культуры, который наступил после утраты Чешскими землями независимости в 1620 г., он все же отмечал, что собственно чешский театр в XVIII в. влачил жалкое существование и пьесы на чешском языке разрешалось играть на профессиональной сцене только в определенные дни. Вместе с тем он справедливо обращал внимание на сохранение в чешской драматургии народного начала, ссылаясь при этом на ганацкие комедии, создававшиеся во второй половине XVIII в. и пользовавшиеся значительной популярностью. Переходя к современности, автор письма показал, что борьба за создание профессионального чешского театра стала одним из действенных способов упрочения позиций чешской национальной культуры, протестом против политики германизации, проводившейся правящими кругами Австрийской империи. Срезневский высоко оценивал выдающуюся роль Й. К. Тыла как писателя, драматурга и актера, отмечая, что «ни один из беллетристов чешских не пользуется такой народностью», и в то же время негативно отзывался о деятельности на посту директора чешской сцены в Праге актера и режиссера Я. Штепанека, указывая на склонность его к саморекламе и политический оппортунизм. «Что если бы дирекция чешского театра досталась в руки человека, подобного Тылу, — писал Срезневский, — или если б Штепанек образумился: иной бы успех имела сцена чешская» [156]. Нельзя не признать, что русский славист за время своего пребывания в Праге неплохо разобрался в сложном положении, в котором находилась тогда чешская сцена, и со всей определенностью встал на сторону тех прогрессивных деятелей национальной культуры, которые видели в театре и драматургии вообще школу гражданственности.

Немало конкретных сведений о памятниках искусства южных и западных славян содержалось в записках русских путешественников. Помимо уже неоднократно упоминавшихся описаний первых университетских славистов, а также Н. И. Надеждина и некоторых других авторов (в том числе П. И. Кеппена, правда относящихся к 1820 г.), сошлемся на «Заметки путешественника по славянским землям». Они принадлежали Ф. В. Чижову, который, оставив занятия математикой, увлекся в 1840-х годах литературой и искусством зарубежных славянских народов. Важное место в его «Заметках» занимали вопросы народной культуры и описание памятников искусства и архитектуры южных славян. К сожалению, современники не были осведомлены о наблюдениях Ф. В. Чижова в полном объеме, поскольку его дневник публиковался лишь в отрывках и до сих пор полностью еще не издан [157].

Наиболее интересный и смелый опыт сравнительно-исторического осмысления славянских литератур был предпринят В. И. Григоровичем. Посвятив предварительному изложению вопроса статью, опубликованную в 1841 г.[158], он спустя год представил в качестве магистерской диссертации работу «Опыт изложения

литературы славян в ее главнейших эпохах». Основываясь на принципах немецкой классической философии, в частности на системе Гегеля, он задался целью выявить наиболее общие закономерности развития литератур славянских народов, которые рассматривал в качестве единого историко-культурного феномена. «Вникая в содержание литературы общеславянской, доискиваясь связи между разнообразными явлениями в славянском мире, — писал Григорович, — можно, кажется, убедиться, что всякое предыдущее явление в нашей жизни предопределяло последующее». Трактуя проблему с идеалистических позиций, он рассматривал литературу вообще как «проявление в слове народного духа» и тем самым как выражение народного самосознания. Переходя к непосредственному предмету исследования, Григорович продолжал: «Литература славян как проявление духа во внешности есть выражение их сознания, неизгладимое свидетельство важнейших моментов нравственной их жизни» [159].

Наиболее общим источником и проявлением индивидуального и народного духа славянских народов Григорович считал христианство, с принятием которого связывал переход славян от «природности» (т. е. устного творчества) к появлению у них письменной литературы. Хотя в отличие от славянофилов Григорович не «отлучал» от общеславянского литературного процесса тех славян, которые после окончательного раскола «вселенской» церкви оказались в лоне католицизма, он все же считал, что последний принес формы, «чуждые им в политическом и религиозном отношениях». Всю историю литературы восточных, южных и западных славян В. И. Григорович делил на шесть эпох: IX — первая половина XI в., когда литература славянских народов обнаруживается в их общем богослужении; вторая половина XI—конец XIV в., когда она окончательно делится на две религиозные сферы; начало XV—начало XVII в., когда под влиянием реформы Яна Гуса между литературой этих двух сфер начинается борьба, причем крайней верхней датой того периода для католических славян он считал 1620 г., а для православных — основание Киевской академии, называя ошибочно не 1632, а 1634 г.; от того времени до первой половины XVIII в., когда в литературах славянских народов обнаруживаются черты нового; от «появления великих двигателей славянского слова» М. В. Ломоносова, С. Конарского, В. Крамериуса, Д. Обрадовича и других выдающихся деятелей славянской культуры; наконец, современная эпоха, начинающаяся с появления литературы романтизма [160].

В основном тексте изданной работы В. И. Григорович сосредоточил внимание только на первых двух эпохах, т. е. на периоде от IX до конца XIV в. Касаясь литератур зарубежных славянских народов, он особо выделял чешскую и польскую литературы, возникновение которых как литератур «народных», т. е. создававшихся на этих языках, относил к первой половине XIII в.[161] Он отмечал благотворное влияние на этот процесс Яна Гуса, его предшественников и последователей, характеризуя под углом зрения

противостояния католицизму и германизации чешскую и польскую прозу и поэзию того времени, а также летописание. В. И. Григорович высоко оценивал также сербскую литературу, подчеркивая, что «одни сербы внесли свои легенды в народную поэзию» — такое заключение было весьма типичным для времени, когда фольклор других южнославянских народов оставался практически неизвестным, а сам В. И. Григорович еще не успел совершить путешествия по Болгарии.

Как можно предположить по подзаголовку к «Опыту» В. И. Григоровича («часть первая»), он намеревался в последующем продолжить свой труд в рамках предложенной периодизации, доведя его до современности. Во всяком случае, во вводных разделах приведено немало характеристик и более поздних этапов истории литературы славянских народов, включая конец XVIII—первые десятилетия XIX в. «Эпоха возрождения литературы славян, — писал, например, В. И. Григорович, — была вместе эпохой высокого просвещения Европы... Не одни русские гордятся своим Ломоносовым, нет, и у чехов возник свой Крамериус... и у поляков С. Конарский... и к сербам заговорил незабвенный Досифей Обрадович на их народном языке». Особенно высоко отзывался В. И. Григорович о современном ему периоде славянских литератур, которые благодаря творчеству А. С. Пушкина, А. Мицкевича, С. Милутиновича, Я. Коллара, Ф. Прешерна и других писателей «сияют яркими светилами славянской народности» [162].

Концепция, которую Григорович излагал в «Опыте», отличалась новизной и необычностью. Вместе с тем ее конфессиональная заданность в сочетании с фактическими ошибками, которые в значительной мере отражали общую неразработанность славянской историко-литературной проблематики, делала ее крайне уязвимой. Это и было отмечено в весьма резком отзыве П. И. Прейса, написанном в начале 1843 г. Он упрекал Григоровича за то, что тот «не заботился о ясном, отчетливом и последовательном изложении, что он, говоря или терминами философскими, или выражениями слишком общими, едва ли представляет читателю возможность догадаться, на какой именно факт автору хотелось бы указать». Наибольшие возражения Прейса вызывали не отдельные ошибки или недостатки изложения, а стремление Григоровича нащупать общие закономерности литературного процесса у славянских народов. «Разделение истории литературы на шесть эпох и будто бы еще общеславянских, — продолжал рецензент, — есть, по нашему мнению, натяжка... Неужели автор думает, что ход литературы русской или сербской представляет аналогию с ходом литературы чехов и поляков?» [163] Столь негативные и категорически сформулированные суждения одного из наиболее талантливых и проницательных русских славистов середины XIX в., каким, несомненно, был Прейс, свидетельствовали о том, что Григорович значительно поднимался над уровнем науки своего времени, пытаясь пусть и с ошибочных методологических позиций подойти к постановке вопросов, которые получили признание и развитие только несколькими десятилетиями позже.

В целом российское славяноведение в этих областях, прежде всего в области фольклора и этнографии, достигло к исходу рассматриваемого периода заметных успехов.

5. Изучение социально-политической истории и археологии южных и западных славян

Социально-политической историей зарубежного славянства в России интересовались издавна, а в первой трети XIX в. этот интерес заметно усилился. Однако соответствующая тематика долгое время воспринималась лишь как составная часть отечественной проблематики. В первые десятилетия прошлого века наметилась новая тенденция — отделение разработки истории зарубежных славян от занятий отечествоведением и превращение ее в предмет самостоятельного исследования. Это был, конечно, сложный и противоречивый процесс, начало которого относилось не к 1840-м годам, как нередко считается, а к несколько более раннему времени, приблизительно к рубежу 20—30-х годов XIX в. Он был естественным образом подготовлен всем предшествующим развитием науки о славянах, а внешним выражением стали работы Ю. И. Венелина, с которыми он выступил в те годы.

Обычно в этой связи упоминается его книга «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М., 1829). Менее известно, однако, что концепцию этой книги Ю. И. Венелин в сжатом виде изложил годом ранее при разборе книги И. П. Яковенко «Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии и Валахии и Российской Бессарабской области», увидевшей свет в петербургской типографии А. Ф. Смирдина в 1828 г. В этой книге содержались описание «нравов, обычаев и домашнего быта тамошних жителей», а также сведения по статистике и истории, включая перечень местных господарей, князей и воевод с 1224 по 1822 г. Названное сочинение И. П. Яковенко Венелин характеризует как «дельное, ибо лучшего не имеем, дельное, ибо сего роду сочинения у нас столь редки», и высказывает ряд попутных частных замечаний. Главным же недостатком книги Венелин считал то, что автор ее пропустил историю Молдавии и Валахии с начала II до начала XIII в. Венелин попытался заполнить пробел. Мысли, высказанные им при этом, любопытны для понимания генезиса его воззрения на раннюю историю славянских народов.

Произвольно соединяя реальные исторические факты и собственные домыслы, он полагал, что в конце IV в. славяне, оттеснив готов, заселили территорию Молдавии, Валахии и всего Балканского полуострова: «. . . это были болгаре, одна из лучших отраслей славянского мира». Стремясь подчеркнуть могущество болгар уже в V—VIII вв., Венелин писал, что их вассалами были готы Северной Италии, многочисленные славянские и германские князьки до самого Рейна. После войн Карла Великого, полагал он, во владении болгар остались только Паннония, Хорватия, Словения и

Сербия, а после падения в конце XIV в. Болгарского государства под ударами османов «снова независимость болгарского народа ограничилась одною Валахиею и отчасти Молдавиею, в коей нашли убежище и болгаре и россияне от преследовавших их татарских и турецких полчищ. Оба сии княжества были собственно славянские, ибо владетелями были славяне» [164], и потому «история сих двух земель собственно принадлежит к истории болгарской державы». Завершая свои рассуждения, Венелин приходил к выводу о том, что, «кроме трех Украин славянского мира: Италийской, Германской и Российской, была еще Украина Болгарская прежде, нежели в средние времена стала слыть у европейцев Молдавиею и Валахиею».

Фантастическая картина, нарисованная Венелиным, вызвала резкие возражения со стороны С. В. Руссова (1768—1842), который незадолго перед тем опубликовал статью о славянских древностях. Хотя в ряде случаев его представления также не отличались достоверностью, он все же верно указал на многие ошибки Венелина, в частности на произвольное отнесение к славянам гуннов, герулов, остготов и других племен. «Не все то болгары, что приходило из-за Волги», — иронически замечал С. В. Руссов [165]. Подчеркивая отсутствие у Венелина критического подхода к источникам, он ставил законный вопрос: «Положим, что отечественные волошские и молдавские повествования баснословны; но чем они заменяются?» [166].

То, что в «Замечаниях» Венелина было изложено вкратце, а местами только намечено, вошло составной частью в концепцию его книги «Древние и нынешние болгаре». К ней мы вернемся ниже, а здесь отметим лишь, что эту книгу нельзя оценивать однозначно, поскольку она явилась по существу первой монографией по истории Болгарии и сыграла заметную роль в общественно-культурной жизни болгарского национального возрождения. Несомненно, однако, что в методологическом отношении она была явно ниже уровня науки своего времени. Произвольные, зачастую наивные этимологические экскурсы Венелина, относившего, например, к славянам не только гуннов, но также скифов, авар, хазар и многие другие племена, надуманные выводы — все это не могло встретить поддержки в передовых русских общественных и научных кругах. В. Г. Белинский, высоко ценивший работы Венелина по южнославянскому фольклору, едко иронизировал по поводу его историко-этимологических домыслов: «Ведь ученый и трудолюбивый Венелин находит же Аттилу славянином, а в Меровингах франкских видел славянских „мировых“ или „міровых“ — не помним право» [167].

Такими были отзывы не одного только Белинского. Книга Венелина вызвала в периодической печати полемику, представляющую несомненный интерес для истории отечественной славистики. Известный историк Н. А. Полевой (1796—1846) в открытом письме издателю книги «Древние и нынешние болгаре» М. П. Погодину, датированном 1829 г., упрекал его в снисходительном отно-

шении к гипотезам Венелина. «И вы утверждаете, — говорится в письме, — что г-н Венелин предлагает мысль новую, смелую, вы применяете к нему слова Шлёцера? М[илостивый] г[осударь], да что же опровергали Байеры, Шлецеры, Тунманы, если не сказки, которые возобновляет г-н Венелин? Что же утверждали Синопсисы, Татищевы, Лызловы, Раич? .. Что говорил Тредьяковский в Трех рассуждениях своих? То, что теперь говорит и утверждает г-н Венелин!» [168] Н. А. Полевой верно нащупал слабые стороны позиции Венелина. Вместе с тем он был явно несправедлив как к нему, так и к его предшественникам, особенно к В. Н. Татищеву, при одновременном возвеличивании норманиста Байера и его последователей. В этом нашли выражение личные пристрастия самого Полевого, придерживавшегося идей норманизма, страстным и непримиримым противником которых был Венелин.

Критические суждения, хотя и в совершенно иной тональности, прозвучали в адрес книги «Древние и нынешние болгаре» и со страниц «Литературной газеты» пушкинского друга А. А. Дельвига. Они принадлежали выдающемуся русскому синологу Иакинфу Бичурину (1777—1853), которому, как видно из его отзыва, Венелин прислал свой труд. Основное внимание Бичурин сосредоточил на исправлении ошибок автора в части истории гуннов, отмечая, что на базе случайного созвучия отдельных слов нельзя строить выводы о происхождении и расселении народов. Указав, что не в состоянии «сделать разбора на всю книгу г. Венелина, потому что история болгар есть предмет, мало для меня известный», рецензент продолжал: «...на сочинение сие в целом можно сделать следующее замечание: производный, натянутый разбор слов по созвучию, кольми паче с языков, неизвестных сочинителю, есть самое зыблемое основание для исторических предположений» [169].

Вскоре со специальной рецензией на книгу Ю. И. Венелина выступил М. П. Погодин. Он указывал, что мысль о славянском характере гуннов и ряд других положений лишены строгих доказательств. «Без них, — подчеркивал рецензент, — утверждения автора, очень любопытные, очень увлекательные, можно принять только большею частию за отважные, вероподобные тезисы, не более». Помимо отсутствия «строгой ученой критики», полагал Погодин, сочинение Венелина «расположено дурно и автор, кажется, умеет лучше собирать войска, чем приготовлять их к бою». Таким образом, различавшиеся по форме мнения Погодина, солидаризировавшегося с рядом суждений И. Бичурина и Н. А. Полевого, во многом совпадали. Различие касалось общей оценки книги: безусловно негативной у Полевого и позитивной, хотя и с оговорками, у Погодина. «Г. Венелин, — заключал он, — принес уж незабвенную услугу истории даже и тем только, что обратил внимание на смешение народов, которое понять не легче древнего вавилонского, что указал новый путь, расставил по нем вехи, дал собственную нить для исследователей и сам сделал опыт пройти с нею по всему лабиринту» [170].

Последние строки М. П. Погодин, по его собственным словам, рассматривал в качестве прямого ответа на письмо Н. А. Полевого. Впрочем, едва ли он был прав, приписывая Венелину заслугу указания нового пути, а тем более расстановки на нем вех. Слишком зыбкой и неверной была дорога, на которую вступил Венелин, на что справедливо указывали и В. Г. Белинский и И. Бичурин. Несомненно, однако, что книга Венелина, как и его рецензия на книгу И. П. Яковенко, сыграли заметную роль в исторической славистике. Они выдвинули ряд кардинальных вопросов, заставив задуматься над необходимостью специального, а не попутного рассмотрения этногенеза и ранней истории славянских народов, подойти к этому как к самостоятельной проблеме исследования.

В этом смысле дискуссия 1828—1830 гг. имела большое значение. С одной стороны, она раздвинула и четче определила круг сведений, которыми располагали по этой теме русские ученые. Любопытен, например, упрек, брошенный Полевым в адрес Погодина, которого он считал покровителем Венелина. Ссылаясь на слова Погодина, что книга Венелина раскрыла многочисленность и широту распространения славянских поселений в древности, Полевой восклицал: «Как? Вы не совеститесь показать такое незнание истории славян, что расселение их изумляет вас?» [171]. Иначе говоря, повторение подобных мыслей представлялось Полевому пустой банальностью либо объяснялось незнанием славянской истории. С другой стороны, дискуссия стимулировала использование материалов из истории южных и западных славян при разработке некоторых общих проблем методологии исторического исследования, к которым наряду с представителями дворянской (Н. М. Карамзин) и буржуазной (Н. А. Полевой) историографии проявляли, как известно, глубокий интерес декабристы и В. Г. Белинский.

Общественно-политическая борьба 30—50-х годов XIX в. наложила печать на трактовку исторических судеб южных и западных славян. Сильное воздействие на славяноведение оказывали «теория официальной народности» и славянофильская концепция истории славянских народов, сложившаяся к исходу 1830-х годов. Диаметрально противоположный подход развивали и отстаивали в рассматриваемый период представители революционно-демократического лагеря: В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, в лучших работах которых проявились черты материалистического подхода к оценке истории славянских народов. Не углубляясь в рассмотрение этих вопросов, более подробно излагаемых в разделе 1 настоящей главы, отметим лишь, что публицисты революционно-демократического направления внесли существенный вклад в развитие славистики. Так, Н. Г. Чернышевский требовал подходить к рассмотрению славянского вопроса с учетом социальных условий и решительно осуждал проявление славянофильских, панславистских и иных националистических крайностей. Это получило высокую оценку со стороны К. Маркса, который писал, что в журнале «Современник» Н. Г. Чер-

нышевский разоблачил «происки панславистов и рассказал славянским народам правду об истинном положении вещей в России и о корыстном мракобесии их лживых друзей-панславистов»[172].

На протяжении 30—50-х годов в изучении южных и западных славян существовали и другие, не всегда отчетливо выраженные идейно-научные течения. Следует отметить, что славянофильская концепция исторического процесса в определенной мере продолжала линию Ю. И. Венелина, которого можно охарактеризовать как представителя национально-романтического направления в российской исторической славистике. Хотя в прямом смысле этого слова у него последователей и не было, многие, в том числе весьма сомнительные, положения, выдвинутые им, позднее были использованы сторонниками не только славянофильского, но и официозно-охранительного направлений. Чем-то вроде связующего звена явился, в частности, Н. В. Савельев-Ростиславич (1815—1854), который сам называл себя прямым преемником Венелина, а в 1845 г. провозгласил, что славянские народы смогут обрести царство мира, любви и свободы только под сенью православия, самодержавия и народности[173]. Что касается западников, то в этой среде указанная проблематика большого интереса не вызывала. Однако историк Т. Н. Грановский (1813—1855), тесно связанный с западниками, в своей полемике со славянофилами неоднократно обращался к ранней истории западных и южных славян, а также к освещению гуситских войн и некоторых других тем.

К какому же из названных направлений следует отнести первых университетских славистов? Вероятно, вопрос этот не был безразличен и для них самих. Во всяком случае, И. И. Срезневский заявлял, что не причисляет себя ни к западникам, ни к славянофилам, но к «третьей партии» — к славистам, которые уважают все хорошее, «будь оно русское, славянское, немецкое, английское или хоть китайское»[174]. Правда, такие декларации соответствовали действительности лишь отчасти, если к тому же учесть, что отдельные элементы демократизма, прослеживаемые в начальный период деятельности И. И. Срезневского, с годами ослабевали за счет усиления в его мировоззрении консервативных начал. О. М. Бодянский, В. И. Григорович и И. И. Срезневский не избежали влияния некоторых славянофильских идей, в частности в оценке воздействия конфессиональных факторов на исторический процесс. И все же их научные концепции едва ли можно назвать славянофильскими. Всем трем была чужда неприязнь ко всему «неславянскому», так же как и многие другие коренные (в том числе политические) положения славянофильской доктрины; что касается П. И. Прейса, то его научные интересы вовсе в славянофильскую проблематику не вписывались. Безусловно, первые университетские слависты испытали на себе некоторое воздействие идей славянской взаимности в ее тогдашней западнославянской версии, которую славянофилы со своей стороны во многом не при-

нимали, поскольку она противоречила их вере в спасительную роль православия для славянского мира.

Специальная разработка в России истории южных и западных славян с самого начала включала в себя рассмотрение как некоторых относительно общих, так и более частных вопросов. При этом страноведческий подход соседствовал с подходом тематическим, а сопоставительный анализ материала по мере его накопления приобретал все большую значимость.

Первая написанная в России специальная работа по истории славян принадлежала Ю. И. Венелину. В книге «Древние и нынешние болгаре» он говорил о глубоком упадке, в котором и в начале XIX в. пребывали болгарская культура и литература [175]. Основное содержание книги касалось, однако, происхождения и ранней истории болгар, т. е. вопросов, в то время почти совершенно не разработанных. Выступая против распространенного в немецкой науке взгляда о тюркском происхождении болгар, он объявлял славянами волжских болгар, пришедших на Дунай в VII в.: «Итак, болгаре на Дунае означают настоящий народ; болгаре на Волге — только горожан, какого бы они роду ни были». Указав в самом начале своей книги, что современные болгары — славянское племя «одного рода со всеми прочими: россиянами, поляками, чехами, кроатами, словенцами, сербами и проч.», Венелин утверждал, что так было всегда. «Болгаре были славянским племенем, — писал он, — не только в IX веке, но и в VIII, VII, VI, V, IV, III, II, I и так далее до самой отдаленной древности» [176]. Хотя эти построения, как уже говорилось, сразу же вызвали возражения, они сохраняли хождение довольно длительное время. Популярный русский писатель А. Ф. Вельтман (1800—1870), занимавшийся также вопросами истории и археологии, в обширной монографии, увидевшей свет в 1858 г., именовал Аттилу «великим князем Киевским и всея Руси самодержцем», прямо ссылаясь на авторитет Венелина [177].

Свою книгу Венелин рассматривал не только как начало исследования болгарской истории, но и как часть более общего труда о древних славянах. История же болгарского народа была, по его словам, выбрана в качестве исходной потому, что народ этот сохранился, тесно связан с Россией и о нем имеются многочисленные сообщения источников. Ввиду ранней смерти Венелина эти замыслы остались неосуществимыми. Незаконченным оказался и его труд по истории Болгарии. Фрагменты, касавшиеся этимологии имени славян и истории славянской письменности, были изданы М. П. Погодиным в качестве второго тома книги «Древние и нынешние болгаре» в 1849 г. При этом издатель предупреждал: «Мне остается сказать, что в этой второй части еще более, чем в первой, многое безотчетно, односторонне, опрометчиво, но есть также много остроумных наблюдений, блестящих мыслей, догадок и оригинальных гипотез» [178].

В том же году была опубликована посмертно еще одна монография Ю. И. Венелина, посвященная расселению древних болгар,

созданию дунайской Болгарии и истории ее до конца X в. В этой книге Венелин, продолжая развивать ранее сформулированные идеи, выделяет в истории болгарского народа три эпохи: древнюю, когда они как славяне жили на Волге, российскую, когда совершали переселение через причерноморские степи на Балканы, и, наконец, дунайскую. Правда, в некоторых случаях он проявлял несколько большую, нежели прежде, осторожность. Например, касаясь периода до принятия Болгарией христианства, Венелин оговаривается: «По недостатку в чисто болгарских писателях, на сей раз трудно изобразить истинную историческую картину внутреннего бытия Болгарии». В этой книге встречаются ссылки на труды чешских ученых историка Г. Добнера и филолога Й. Добровского, освещавших деятельность Кирилла и Мефодия [179].

И все же при всех пороках применявшейся им методологии, несмотря на грубейшие ошибки, отмечавшиеся современниками, Венелин оставил след не только в русской, но и в болгарской историографии. Он был по существу первым профессиональным историком-болгаристом. Искренний интерес к прошлому и настоящему болгарского народа, сочувствие его борьбе с иноземными угнетателями — все это снискало Ю. И. Венелину уважение в кругах деятелей болгарского национально-освободительного движения тех десятилетий. И примечательно, что упомянутая выше монография 1849 г. была, как указано в подзаголовке, издана «на иждивение болгарина И. Н. Денкоглу».

В последующие годы ряд аспектов истории Болгарии затрагивался как самостоятельно, так и в связи с освещением истории других южнославянских народов. Работы эти были весьма различны по степени их научной значимости. Так, в детском и педагогическом журнале «Библиотека для воспитания» (1845. Ч. 6. Отд. 1), выходившем в Москве (одним из руководителей журнала был Д. А. Валуев), увидела свет статья историка и публициста славянофильского толка В. А. Панова (1819—1849) «История Болгарского государства». Как и прочие его статьи тех лет, посвященные истории других южных славян, она имела научно-популярный характер. В том же 1845 г. в своем «Славянском сборнике» Н. В. Савельев-Ростиславович поместил статью, в которой на основе анализа одного агиографического памятника предпринял неудачную попытку реконструкции хронологии царствования болгарских государей IX в.[180] Вместе с тем ему принадлежала заслуга обращения к некоторым сторонам общественной жизни современной ему эпохи болгарского национального возрождения и роли в ней русско-болгарских связей. Этой теме он посвятил опубликованный в 1848 г. библиографический очерк о В. Е. Априлове, в котором говорилось, в частности, о воздействии на этого болгарского автора трудов Ю. И. Венелина [181].

Интерес к современности был для русской болгаристики знамением времени. В том же году в Одессе историк, статистик и этнограф А. А. Скальковский (1808—1898) выпустил книгу, в которой рассматривал историю возникновения и современного ему

состояния болгарских поселений в Бессарабии и Новороссийском крае. Стремясь строго придерживаться проверенных данных, он с самого начала отметил, что не намерен затрагивать древние эпохи болгарской истории, ограничившись рассмотрением периода с 1750-х годов. Наряду с историческими источниками, касавшимися прибытия в Россию болгарских колонистов, автор основывался на личных наблюдениях, собранных им в бытность чиновником канцелярии генерал-губернатора М. С. Воронцова [182].

Существенный вклад в развитие русской исторической болгаристики был внесен историком и прогрессивно настроенным публицистом и общественным деятелем С. Н. Палаузовым (1818—1872). Свои занятия этой проблематикой он начал трудом «Век болгарского царя Симеона», который успешно защитил в 1852 г. в Петербургском университете в качестве магистерской диссертации. Это серьезное для своего времени исследование, получившее признание со стороны специалистов, было посвящено истории и культуре Болгарии VII—XI вв. Сын проживавшего в Одессе болгарина-эмигранта Н. С. Палаузова, сыгравшего заметную роль в развитии народного образования в Болгарии, С. Н. Палаузов в своей научной деятельности значительное внимание уделил истории освободительной борьбы болгар и других народов Балкан и Центральной Европы против османской агрессии. Наиболее полно эта тема была им раскрыта в монографии «Ян Гуниади», опубликованной в 1860 г. в журнале «Русское слово» (№ 11—12), который тогда редактировал близкий к кругам революционной демократии публицист Г. Е. Благосветлов. Сопряженность исторических трудов С. Н. Палаузова с актуальными общественными запросами своего времени вызывала также одобрительное отношение со стороны Н. А. Добролюбова [183].

В 1830—1840-х годах появляются первые книги по истории Сербии и Черногории. Одна из них, посвященная истории и географии Сербии, принадлежала Д. Момировичу, прибывшему в Россию при Александре I в составе группы сербской молодежи для получения образования. Представляя рукопись книги С. С. Уварову с просьбой ходатайствовать о разрешении посвятить ее Николаю I, автор, между прочим, писал: «Нет сомнения, что „Краткая история и география Сербии" по появлении в свет сама по себе уже составит новость в России как в области литературы, так равно и в области наук. Быть может, она принесет и некоторую пользу, распространив круг знаний о земле, жители коей единоплеменные и единоверные россиянам сербы, еще со времен Петра Великого постоянно покровительствуемы Россиею» [184]. В оценке своей книги автор был прав: она и в самом деле имела научно-популярный характер, причем первая ее часть содержала обзор исторического развития сербского народа с VII в. до завершения Первого сербского восстания 1804—1813 гг.[185]

Истории и культуре Черногории была посвящена объемистая книга историка славянофильского направления А. Н. Попова «Путешествие в Черногорию», написанная по материалам, собран-

ным во время поездки 1842 г. История Черногории освещена автором со второй половины XIV до первой трети XIX в. Большое внимание уделено народной культуре и юридическому быту черногорцев. Рассмотрение этой проблематики дает автору повод высказать некоторые общие суждения о прошлом и настоящем зарубежных славянских народов. С одной стороны, он осуждает «образованный класс» русского общества за равнодушие к славянскому вопросу. С другой же стороны, критикует тех западноевропейских авторов, которые «только судят о славянах без труда и часто без знания дела» и «изрекают им исторический приговор прежде, нежели изрекла его сама история» [186].

В 1850 г. в Вене М. Ф. Раевский напечатал на русском языке «Описание Герцеговины» и одновременно краткий очерк ее истории и современного положения в «Журнале министерства народного просвещения». Эта тема в русской славистике была совершенно новой. «До сих пор, — справедливо подчеркивал М. Ф. Раевский, — о Герцеговине писали одни иностранные путешественники, и то в общих известиях о Боснии, тогда как Герцеговина составляет совершенно отдельную турецко-европейскую провинцию» [187].

В научной разработке проблем сербской истории важное место заняла работа В. И. Григоровича «О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях», представлявшая собой текст речи, произнесенной на торжественном собрании Казанского университета в 1858 г. Годы, когда была написана, произнесена, а затем и опубликована работа Григоровича, ознаменовались общественно-политическим подъемом, охватившим русское общество после Крымской войны и непосредственно предшествовавшим первой революционной ситуации 1859—1861 гг. Это нашло отражение и в позиции Григоровича, который исходил из того, что угнетенные народы «при натиске явных врагов, в пучине тяжких событий усиливаются оправдать свое призвание». Именно таково, продолжал он, нынешнее положение южнославянских народов. «Кто, хотя бегло следил за движением современных событий и вникал в смысл внушений, которыми двигалась жизнь этих несчастных народов, конечно, не произнесет об них приговора своего, не взвесив значения прошедших и настоящих их деяний». Сформулировав этот полемический зачин, Григорович подвергал критике политику западных держав, Австрийской империи и ордена иезуитов в отношении сербов и других балканских народов. Вместе с тем автор отмечал разлады и конфликты между славянскими народами и призывал их к взаимопониманию и сотрудничеству. Этот круг идей лежал в основе трактовки истории Сербии второй половины XIV—начала XV в., когда она выдерживала натиск османов и находилась, по словам Григоровича, «в замечательных отношениях к другим народам, преимущественно к Византии и Венгрии». Одновременно он называл вмешательство в сербские дела германских императоров «роковым» [188].

Подход Григоровича к этой проблематике существенно отличался от славянофильского, что сразу же было отмечено в рево-

люционно-демократическом журнале «Современник». Подчеркнув, что Григорович «питает теплую симпатию к славянскому вопросу», автор рецензии А. Н. Пыпин делал характерное добавление: «...но эта симпатия не мешает ему смотреть на вещи серьезным, чисто историческим образом; он не дает своему чувству и воображению власти над историей, и читатель не приходит в недоумение от противоречий» [189].

На протяжении 1854—1859 гг. в «Московских ведомостях» и славянофильском журнале «Русская беседа», издававшемся А. И. Кошелевым при участии Ю. Ф. Самарина, Т. И. Филиппова, А. С. Хомякова и др., публиковались «Письма об истории сербов и болгар» А. Ф. Гильфердинга. Основанные на широком круге источников и личных наблюдениях автора, они впервые в отечественной славистике дали в целом верную картину истории этих южнославянских народов в средние века. «Письма» были высоко оценены отечественными и зарубежными учеными и вскоре были переведены на сербский и немецкий языки. Позднее на их основе Гильфердинг издал «Историю сербов и болгар» [190]. Кроме того, он интересовался историей и современным состоянием соседних славянских земель, обобщив свои наблюдения в упоминавшемся выше труде «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (1860).

Если не считать отдельных упоминаний в работах первых университетских славистов и С. Н. Палаузова, то с деятельностью ученых славянофильского круга была также связана начавшаяся в 1848 г. разработка вопросов чешской истории. То, что главное внимание при этом обращалось на гуситское движение конца XIV—первой половины XV в., не случайно. Это реформационное, т. е. антикатолическое по направленности, движение было для сторонников славянофильских концепций еще одним доказательством извечной борьбы в зарубежном славянском мире двух начал: «наносного» — латинского и «коренного» — православного.

Первым этот взгляд сформулировал в 1848 г. В. А. Елагин (1818—1879), ученик О. М. Бодянского в Московском университете, который, судя по сохранившимся рукописным материалам, проявлял к чешской теме устойчивый интерес. Непосредственным же поводом послужили Елагину вышедшие в те годы тома немецкой версии «Истории Чехии» выдающегося чешского историка национально-либерального направления Ф. Палацкого (две статьи его из древнерусской и сербской истории были в 1846 г. опубликованы в переводе на русский язык О. М. Бодянским). Статья Елагина представляла собой развернутую рецензию на труд чешского историка, который, по мнению рецензента, неверно осветил характер и смысл деятельности Яна Гуса. Для Елагина Гус рисовался вождем чешского народа, в толще которого подспудно сохранялась верность православию, восходившему к эпохе Кирилла и Мефодия. И хотя самого Гуса он православным не считал, мысль о непрерывности православной традиции составляла главный пафос и итог статьи Елагина [191].

Вскоре его взгляды получили поддержку со стороны Е. П. Новикова (1826—1903), в 40—50-е годы близко связанного со славянофилами. Заявив, что Елагин убедил его «в православном характере антикатолического движения в чешском народе», Новиков все последующее изложение посвятил приведению дополнительных аргументов в пользу данного тезиса. Он высказал уверенность, будто Ф. Палацкий, помимо собственного желания, склоняется к подобному мнению. Дополнительные соображения на этот счет со ссылками на работы Й. Добровского и В. Мацеевского поместил в примечаниях к статье Новикова О. М. Бодянский [192].

Обращает на себя внимание фраза Новикова о том, что в статье Елагина содержится «впервые на русском языке *печатно* высказанное мнение о непрерывности грековосточных преданий в Чехии от св. Мефодия до Гуса». Тем самым Новиков подчеркивал, что данный взгляд уже высказывался в славянофильских кругах ранее, по-видимому, в полемике с теми мыслями о гуситском движении, которые проводились в лекциях Т. Н. Грановского, занимавшего в 1839—1855 гг. кафедру всеобщей истории Московского университета. Не одобряя, подобно историкам славянофильского направления, революционных действий таборитов, Грановский, как видно из содержания его лекционного курса 1845/46 учебного года (в записи М. М. Латышева), раскрывал не только конфессиональное, но и национально-политическое значение гуситского движения. В этом он, конечно, противостоял славянофильским доктринам, будучи одним из основоположников иного, исторически более верного и — для своего времени — прогрессивного подхода к трактовке гуситской темы [193].

В конце 1840-х годов Е. П. Новиков подготовил капитальную монографию «Гус и Лютер» (правда, издать ее удалось только в 1859 г.). В этом двухтомном труде, основанном на обширном круге источников, он развивал, конкретизировал и обосновывал идеи своей статьи 1848 г. Уже в самом выборе темы (Гус и Лютер) и еще более в ее интерпретации (искренняя религиозность и нравственная чистота первого и земная жестокость и рассудочность второго) чувствовалась заданность славянофильских догм. Якобы привнесенному извне католицизму автор монографии противопоставляет искони присущие чехам черты православия, именно этим объясняя возникновение и развитие гуситства. «Подготовленное вековым натиском латинства, — писал Новиков, — раздвоение между поклонниками Рима и защитниками грекославянских преданий принимает формы настоящей борьбы» [194]. В стремлении обосновать это положение Новиков сторонниками православия называл ближайших предшественников и соратников Яна Гуса (например, Яна Милича и Иеронима Пражского), а также таборитов и даже немецких протестантов, поскольку М. Лютер использовал некоторые идеи Гуса.

Несмотря на искусственность концепции, по богатству фактического и собранного воедино материала монография Новикова представляла для своего времени незаурядное явление. В ней де-

тально прослеживался в сопоставительном плане жизненный путь чешского и немецкого реформаторов, приводились важные свидетельства международных связей гуситского движения, в том числе о взаимоотношениях между Яном Гусом и его современником английским реформатором Д. Виклефом. Нужно заметить, что Новиков как добросовестный исследователь ощущал все же шаткость своих позиций. Во всяком случае, указывая, что борьба между восточной и западной ориентациями церковной жизни в Чехии после принятия христианства являлась для Яна Гуса «самым занимательным и вместе с тем самым загадочным вопросом в истории западнославянских народов», Новиков делал весьма характерную оговорку: «Совершенно удовлетворительное решение его в пользу или не в пользу преемственного сохранения греко-восточных преданий в Чехии при теперешнем состоянии исторической критики почти невозможно, если не будут открыты новые пояснительные источники или по крайней мере разработаны старые, относящиеся к XV, XVI и первой четверти XVII в.» [195].

Хотя в России имена Й. Добровского, а затем В. Ганки, Я. Коллара, Ф. Палацкого, П. Й. Шафарика, Л. Штура, Й. Юнгмана и других ведущих деятелей чешского и словацкого национального возрождения были давно и хорошо известны, история этих народов в XVIII—первой половине XIX в. не стала еще в рассматриваемые десятилетия предметом специальной разработки. Статьи и информационные заметки, время от времени появлявшиеся в русской периодической печати, затрагивали преимущественно не историческую, а литературно-культурную проблематику. Тем более важной и примечательной представляется инициатива А. Ф. Гильфердинга, опубликовавшего в 1858 г. первый на русском языке биографический очерк выдающегося словацкого общественно-политического деятеля Л. Штура.

Особую страницу в русской славистике 30—50-х годов составило изучение западнославянских поморских и полабских племен, что в отечественной историографии издавна связывалось с выяснением этнической и территориальной принадлежности варягов, с тем или иным отношением к норманнской теории происхождения древнерусской государственности. В конце 1820-х годов в весьма фантастическом, но подчеркнуто антинорманистском трактате «О нашествии завислянских славян на Русь до Рюриковых времен» Венелин присоединялся к тем, кто считал летописных варягов балтийскими славянами. В этой связи он писал, что славянское Поморье было усеяно богатыми городами, из которых самым крупным был Волин, а до него Винета [196]. Аналогичный характер имел историографический обзор этой проблематики в «Славянском сборнике» Н. В. Савельева-Ростиславича 1845 г. Антинорманистская направленность и критика давно умерших ученых — Г. З. Байера и А. Л. Шлецера, а также историка и филолога А. А. Куника, издавшего в 1844—1845 гг. двухтомный труд на немецком языке «Призвание шведских россов финнами и славянами», за их неспособность разобраться в вопросе, сочеталась

у Савельева-Ростиславича с восторженной апологетикой не менее баснословных взглядов по данному вопросу, высказанных Ю. И. Венелиным [197].

В том же 1845 г. к рассмотрению некоторых аспектов этой сложной и по-настоящему малоизученной темы обратился с антиславянофильских позиций Т. Н. Грановский. В своей магистерской диссертации «Волин, Иомсбург, Винета», детально разбирая аргументы своих предшественников, он пришел к выводу, что легендарной Винеты в отличие от славянского поморского города Волина никогда не существовало [198].

Однако все это были лишь подготовительные, во многом разрозненные попытки, к тому же затрагивавшие историю поморских и полабских славян не специально, а в связи с теми или иными вопросами разработки отечественной истории. Впервые к рассмотрению судеб этих племен как к самостоятельной теме обратился в 1850-е годы А. Ф. Гильфердинг. Он посвятил ей две монографии, которые по авторскому замыслу являлись частями одного исследования: «История балтийских славян» (печатавшаяся в журнале М. П. Погодина «Москвитянин» на протяжении 1854—1855 гг., а затем вышедшая отдельным изданием) и «Борьба славян с немцами на Балтийском поморье» (1861). В этих трудах Гильфердинг, основываясь на широком круге критически проанализированных источников, развернул впечатляющую картину древнейшей истории балтийских славян, их общественного и политического строя в период раннего средневековья и трагической гибели и ассимиляции в результате агрессии со стороны Германской империи в VIII—XII вв. Большое внимание уделил Гильфердинг освещению племенной организации, быта и культуры балтийских славян, которые, по его словам, издавна, еще до новой эры, населяли южные берега Балтийского моря. Самостоятельный интерес представляли сведения о племенных названиях поморских и полабских славян и обзор их поселений в конце IX—начале X в.

В монографиях Гильфердинга отчетливо прослеживается влияние одного из важнейших славянофильских тезисов о непримиримой противоположности славянского и германского миров, борьбу между которыми он трактовал как столкновение демократии с теократией. Главную причину гибели балтийских славян он видел в том, что они не сумели сохранить свою исконную самобытность. Видя в этом урок для современного ему славянства, уже в самом начале «Истории балтийских славян» Гильфердинг заявлял: «Есть притом много поучительного в их судьбе: ибо не одна только внешняя сила и случайность погубила их; сильнее оружия германцев действовало внутреннее зло, искажение коренных начал славянской жизни». Этот тезис он продолжал обосновывать и во второй книге, где обращался к более подробному описанию «борьбы этих славян с Германской империей и их истребления». Разумеется, подобная заданность не могла не привести автора к идеализации балтийских славян и одностороннему и нарочитому противопоставлению им «германства». Вместе с тем богатый фактический

материал и во многом верные конкретные наблюдения делали исследование А. Ф. Гильфердинга незаурядным явлением не только русской, но и зарубежной исторической славистики [199].

Глубокий интерес к судьбе балтийских славян сочетался у Гильфердинга с неменьшим вниманием к национально-культурным процессам, протекавшим у современных ему зарубежных славянских народов. Они были в представлении Гильфердинга тесно связаны друг с другом — как урок и завет прошлого настоящему и будущему. Эта мысль находила воплощение в ряде созданных им в 1850-х годах работ, прежде всего в упоминавшихся ранее книгах «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии» и «Босния, Герцеговина и Старая Сербия», что не прошло мимо внимания журнала «Современник». В рецензии на вторую из названных книг А. Н. Пыпин полемически замечал: «...уж если о чем писать, то лучше о бедном нынешнем босняке, чем о балтийских славянах» [200].

Особое место в 30—50-е годы занимала польская проблематика, которая чаще всего рассматривалась в связи с событиями русской истории. Так, историк, военный и государственный деятель П. А. Муханов (1798—1871) обращался в 30—40-х годах к истории русско-польских взаимоотношений в начале XVII в. Он опубликовал, в частности, рукопись С. Жолкевского «Начало и успех Московской войны в царствование е. в. короля Сигизмунда III...» (М., 1835) и книгу «Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши, преимущественно во время самозванцев» (М., 1834; переиздано на польском языке во Вроцлаве в 1840 г.). Польскую тему затрагивал С. М. Соловьев в своей фундаментальной «Истории России с древнейших времен», которая начала выходить в свет с 1851 г. Заметную роль в стимулировании разработки вопросов истории Польши сыграл в те десятилетия А. А. Куник. Несмотря на свои норманистские взгляды, он сочувствовал идеям славянской взаимности и осуждал шовинистическую немецкую историографию за пренебрежительное отношение к славянским народам. В одной из своих статей 1841 г. он указывал на то, что историю России нельзя изучать без учета истории Польши и других славянских стран [201]. Весьма интенсивно разрабатывались в России в тот период вопросы истории государства и права Польши. Нужно, однако, помнить, что именно в польской проблематике на трактовку освещаемых событий, особенно близких к современности, накладывали отпечаток политические соображения, связанные с текущими интересами царизма. Так, написанный на богатой документальной базе трехтомный труд русского историка Ф. Смита (1787—1865) «История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов», изданный первоначально по-немецки (Берлин, 1839—1848) и лишь позднее в русской версии (СПб., 1863—1864), имел тенденциозный характер и ставил своей целью доказать неспособность польского народа к независимому существованию. Подобные суждения разделялись не только сторонниками официозного, охранительного, но и славя-

нофильского направления. Последним вся история Польши рисовалась как пример искажения исконных славянских начал под воздействием католицизма. Иных воззрений придерживались передовые круги русского общества, прежде всего революционные демократы, однако высказать их открыто они могли только в бесцензурных изданиях, а в остальных случаях пользовались различного рода намеками и иносказаниями.

Постепенно в разработке вопросов истории южных и западных славян наметилось несколько своего рода сквозных тем, при освещении которых исследователи все чаще прибегали к сопоставительным, сравнительно-историческим методам, включая в поле зрения материалы не только всех славянских, но и некоторых сопредельных народов. Первой по времени и значимости была тема происхождения славян, издавна, как отмечалось, привлекавшая к себе внимание. Но если в предшествующие периоды к ней обыкновенно обращались в связи с освещением древнейших эпох отечественной истории, то теперь, не утрачивая этой своей значимости, она становится насущно необходимым элементом изучения прошлого южных и западных славян [202]. По словам Ю. И. Венелина, стремление объяснить происхождение болгар побудило его вникнуть «в происхождение всего славянского рода» [203]. Многим его современникам эта мысль отнюдь не представлялась банальной. Примечательно, что в полемике конца 20-х — начала 30-х годов, о которой говорилось выше, наряду с критикой общих и конкретных выводов Ю. И. Венелина звучали голоса, сравнивавшие его с Колумбом, открывшим Новый Свет. Таким высказываниям не нужно удивляться, ибо они прозвучали за несколько лет до появления эпохального труда П. Й. Шафарика «Славянские древности». Впрочем, не следует забывать и о том, что ряд важных идей относительно славянского этногенеза был сформулирован еще М. В. Ломоносовым, а уже во времена Венелина, в 1810—1820-х годах, высказан польскими историками И. Лелевелем, В. Маевским, А. Нарушевичем и особенно В. Суровецким, автором книги «О происхождении славянских народов» (Варшава, 1824). Эта книга вскоре стала известна П. Й. Шафарику, высоко ценившему ее и издавшему специальную работу «О происхождении славян по Лоренцу Суровецкому» (Пешт, 1828).

Недостаточная изученность проблем славянского этногенеза как в русской, так и в зарубежной науке того времени способствовала сохранению многих архаических и откровенно фантастических представлений на протяжении всех рассматриваемых десятилетий. А. С. Хомяков, например, продолжал отстаивать венелинские мысли о славянском происхождении гуннов в «Записках о всемирной истории», написанных в 30—40-е годы [204]. В 1850-е годы А. Д. Чертков, основываясь на искусственной этимологии, искал предков славян среди этрусков и древних римлян [205], а уже упоминавшийся А. Ф. Вельтман в специальном трактате «о первобытных населенцах Германии», повторяя отчасти гипотезы Я. Коллара, выводил славян, как и все «коренное население Европы»,

из Индии. Как бы подводя итоги предшествующим разысканиям, В. И. Ламанский в 1859 г. писал: «В настоящее время [. . .] наука доказала несомненно, что Азия была колыбелью и первоначальною родиною славян» [206].

Устойчивый интерес к проблеме происхождения славянских народов оказал положительное воздействие на формирование нескольких научных направлений российской славистики. Во-первых, он привлек внимание исследователей археологии южных и западных славян. Специальная разработка этой дисциплины оставалась, правда, еще делом будущего. Однако И. И. Срезневский уже во время своих путешествий по славянским землям интересовался древнеславянскими городищами. Упоминания о них, хотя пока и без специального осмысления, встречаются и в записках других путешественников 40—50-х годов. Во-вторых, привлечение зарубежных материалов по славянскому этногенезу содействовало изучению истории государственных и правовых институтов южных и западных славян, в особенности их древнего юридического быта. В этой области были сделаны важные шаги, начало которых относилось к 1830-м годам и связано с именами И. Н. Даниловича (1787—1843), А. М. Ф. Рейца, а также М. А. Балугьянского (1769—1847). Крупный специалист в области истории права И. Н. Данилович читал в Виленском (1814—1824 гг.), Харьковском (1825—1835 гг.), Киевском (1835—1839 гг.) и Московском (1839—1842 гг.) университетах курсы права Российской империи, Западных губерний и Царства Польского; одновременно он с 1830 по 1835 г. принимал активное участие в кодификационных работах, проводившихся в Петербурге под руководством М. М. Сперанского. И. Н. Данилович внес значительный вклад в публикацию и разработку памятников польского права, исходя из мысли о единстве изначальных правовых институтов у всех славянских народов. К сходным во многом выводам приходил профессор Дерптского университета А. М. Ф. Рейц, исследовавший юридические памятники южных славян. В монографии об общественном и государственно-правовом развитии средневековых далматинских городов, изданной в Дерпте по-немецки в 1841 г. и переведенной на русский язык в 1845 г., он, например, писал: «Чем древнее акт, тем более его дух и слог имеют характер славянский; также можно многими обстоятельствами доказать господствующее употребление славянского языка в собраниях совета прибрежных городов» [207].

В отличие от Даниловича и Рейца М. А. Балугьянский до сих пор в контексте истории славистики обычно не упоминался. Этот высокообразованный человек, выходец из украинско-словацкой среды (он родился в семье униатского священника в Земплинском комитате), выпускник Венского университета с 1803 г. жил и работал в России. Он служил профессором политических наук Педагогического института в Петербурге и по учреждении в 1819 г. Петербургского университета был избран первым его ректором. Придерживаясь передовых по тому времени взглядов (среди его

знакомых, например, был А. И. Тургенев, а учениками — знаменитые преподаватели Царскосельского Лицея А. И. Галич и А. П. Куницын), в знак протеста против реакционных действий мракобеса Д. П. Рунича Балугьянский подал в 1821 г. с этого поста в отставку. Вскоре после прибытия в Россию он был привлечен гр. Н. Н. Новосильцевым к работам Комиссии составления законов. С 1826 г. он возглавил II отделение с. е. и. в. канцелярии, ведавшей созданием Полного собрания законов Российской империи. Занимаясь вопросами кодификации права, Балугьянский выдвинул ряд законопроектов, в которых отразились антисословные, буржуазные тенденции [208].

Непосредственным поводом для формулирования им взглядов относительно принципов изучения истории государства и права славянских народов послужил запрос С. С. Уварова от 17 марта 1835 г. о целесообразности издания подготовленного по совету М. П. Погодина студентом Московского университета Савиничем перевода на русский язык первого тома «Истории славянских законодательств» польского историка права В. Мацеевского (1793—1883). В своем ответе Балугьянский высказывал интересные соображения об условиях, принципах и задачах разработки истории государства и права славянских народов. Прежде всего он считал необходимым дать «определение, разграничение, пространство славянских народов». Поясняя это требование, Балугьянский считал нужным установить, где, когда и под какими именами были известны славяне «от Геродотовых времен», а также указать, какие из славянских племен обрели впоследствии независимое государственное существование. Другое требование он сводил к необходимости решить: «Кто из сих племен имел собственное, народное, непроизводное законодательство?». Поясняя эту мысль, он ставил вопросы: «законы польские, литовские, чешские суть ли собственно происходящие из быта, нравов, корня народного сих племен» и могут ли памятники русского законодательства «почитаться происходящими из русского быта или принятыми от всех соседственных народов»? Для реализации намеченных требований и создания в будущем обобщающего труда по истории славянских законодательств Балугьянский считал необходимым предварительное систематическое и полное изучение языков, географии расселения и истории всех славянских народов, а также тех народов, с которыми они соприкасались в ходе исторического развития. «Когда филологи, географы, историки приведут славянский мир с его подразделениями до некоторой известности, — подчеркивал свою мысль Балугьянский, — тогда и юристам можно будет начать историю славянских законодательств» [209].

Если отвлечься от фактических ошибок и чрезмерной категоричности суждений Балугьянского, то придется признать, что исходные принципы его подхода к изучению истории государственно-правовых институтов славянских народов отмечены достаточной научной трезвостью. В первую очередь это касается отрицания им некоего специфически «племенного духа», присущего

славянам и будто бы отличавшего их юридический быт от других народов. Формулируя конкретные задачи будущих исследований, Балугьянский обращал внимание на необходимость собирания всех доступных памятников законодательства «без различия происхождения: народные ли они и коренные того племени или принятые от других народов» с последующим выявлением в них собственно славянских и неславянских элементов. С учетом сделанных выше оговорок взгляды Балугьянского отличались профессионализмом, хорошим знанием славистической литературы. И это естественно, поскольку еще в 20—30-х годах он имел контакты с Й. Юнгманом, П. Й. Шафариком, Ф. Челаковским, В. С. Караджичем и другими деятелями зарубежных славянских, а также венгерской культур.

Однако своих суждений по вопросам истории славянского права Балугьянский печатно не излагал, и для широкой научной общественности того времени они оставались неизвестными. Автором первых опубликованных в России работ по истории славянского права с применением сравнительно-исторического подхода оказался Н. Д. Иванишев. Человек консервативных, а к концу жизни и реакционных взглядов, он в рассматриваемый период примыкал к славянофильскому течению, многие идеи которого отразились в его работах 1840-х годов. Основной труд Иванишева «О плате за убийство. . .» был посвящен сопоставительному анализу древних памятников германского и славянского (чешского, польского, сербского, русского) права. Он отстаивал мысль о существовании между законами всех славянских народов внутренней связи, обусловленной их единоплеменностью. Этот типичный для славянофильской историографии тезис Н. Д. Иванишев проводил и в других своих, впрочем довольно немногочисленных, работах [210], которые уже в момент своего создания отставали от уровня науки того времени.

Для историков славянофильского и близких к нему течений в определенной связи с двумя рассмотренными темами (происхождение славян и история славянского права) находилось также изучение церковной истории зарубежных славянских народов. В 1840-е эта тематика начинает приобретать самостоятельное значение. Вот, например, как объяснял В. А. Панов задачу описания своего путешествия до Далмации в 1842 г.: «Я хотел написать известие о некоторых православных церквах у южных славян» [211]. Точно так же в своем описании Герцеговины М. Ф. Раевский значительное место уделил религиозным отношениям, отметив, что из 300 тыс. верующих 190 тыс. исповедуют православие, и приведя статистические данные по приходам [212]. Если подобные работы в целом не имели серьезного научного значения, то, например, исследованиям С. Н. Палаузова по истории болгарской церкви, опубликованным в 1850-х годах, был присущ широкий охват историко-культурной проблематики, они во многом оказывались созвучны идеям болгарского национально-освободительного движения того времени.

Интересной, ранее в русской историографии зарубежных славянских народов не разрабатывавшейся темой стало освещение военной истории. Дело это оказалось настолько новым и во многом необычным, что русский военный историк и издатель «Военно-энциклопедического лексикона» Л. И. Зедделер (1791—1852), выпустивший в 1836 г. первый том «Обозрения истории военного искусства» и пожелавший в дальнейшем осветить в нем славянские материалы, был вынужден из-за трудностей с их подготовкой, по собственному признанию, задержать выход следующего тома на целых семь лет. В этом томе он достаточно полно и по возможности добросовестно описывал стратегию, тактику, вооружение славян в войны, в которых начиная с эпохи Карла Великого и до Тридцатилетней войны XVII в. участвовали чехи, поляки, сербы и некоторые другие зарубежные славянские народы. В предисловии Зедделер указывал, что при освещении их «военного быта» он пользовался консультациями Н. В. Савельева-Ростиславича. Как добросовестный автор, он сумел отобрать наиболее важный фактический материал, отказавшись от столь характерных для своего консультанта фантастических и зачастую консервативных крайностей. Сам он весьма деликатно объяснил это следующим образом: «Новейшие критические исследования совершенно изменяют образ воззрения на древнюю историю славянских племен; но т. к. эти изыскания еще не всеми приняты в ученом мире, то, не вступая ни в какие критические споры, мы ограничимся в нашем историческом взгляде лишь теми фактами, которые вообще утверждены уже согласием ученых славянистов». Интересно, что автор уделил значительное внимание истории гуситских войн, отметив в предисловии, что этот раздел просматривал П. И. Прейс — факт, до сих пор, кажется, в биографии выдающегося русского слависта не учтенный. В разделе «О гуситах» Зедделер относил гуситские войны «к числу примечательнейших» и намного опередил славянофильскую историографию в оценке социально-конфессиональной расстановки сил. По его словам, приверженцы Яна Гуса в знак протеста против его казни «восстали на католиков и дворян». По-видимому, в такой оценке чувствовалось и влияние Прейса. Благодаря, как далее писал автор, гению Яна Жижки гуситам удалось вскоре создать «правильную армию», которая под его командованием, а затем под руководством Прокопа Великого одерживала блистательные победы. В разделе охарактеризованы были основы военного искусства и вооружение таборитов, которых Зедделер с уважением именовал «самыми решительными последователями учения Гуса» [213].

Уже на исходе рассматриваемого периода, в 1859 г., увидела свет магистерская диссертация молодого В. И. Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», изданная при содействии видного филолога и историка Я. К. Грота (1812—1893). Замысел труда был оригинальным. На основе обширного круга источников автор сделал попытку обобщить сведения о наличии на перечисленных территориях в древности и новое время «сла-

вянского элемента», в том числе выходцев из славянских стран и путешественников. Отмечая новизну темы, И. И. Срезневский писал: «Вопрос о поселениях славян вне круга стран, с нею сопредельных, вне круга ее естественного распространения, до сих пор остается мало исследованным» [214]. Однако сильное влияние славянофильских установок, которыми руководствовался Ламанский, во многом обесценивало смелость замысла. «Существенный недостаток исследований г. Ламанского тот, — указывал в «Современнике» А. Н. Пыпин, — что он чрезвычайно редко удерживается на почве исторической действительности, он не столько разбирает факты, сколько фантазирует на их тему» [215]. Под давлением фактов Ламанский в ряде случаев отходил от подобной заданности и фактически противоречил славянофильским взглядам на некую исключительность славянской среды. Так, в выводах своей диссертации он писал: «Образ России и вообще мира славянского только тогда предстанет нам в возможной ясности, когда мы лучше узнаем сами себя и все понятия и представления о нас народов иноверных и иноплеменных» [216]. В этих словах была заложена правильная в основе мысль о важности сравнительно-исторического изучения славянских народов в контексте общеисторического развития.

На протяжении 30—50-х годов XIX в. разработка истории южных и западных славян выделилась в России в самостоятельную научную дисциплину и успешно развивалась, все более раздвигая тематические и хронологические рамки своих исследований. Процесс этот происходил в обстановке острой идейной борьбы. В методологии изучения прошлого зарубежных славянских народов, как и в отечественной историографии в целом, господствовали воззрения разных оттенков философского идеализма. Несмотря на это, по ряду конкретных вопросов русскими учеными были выдвинуты плодотворные соображения, способствовавшие поиску верных путей исследования исторических явлений и критическому усвоению опыта зарубежной славистики. Постепенно расширялся круг славянских народов, история которых попадала в поле зрения историков, накапливались материалы по истории не только ранних периодов, но и нового времени, вырабатывалось профессиональное мастерство исследователей. Страноведческий подход сочетался с методами сравнительно-исторического анализа, что вело к образованию крупных тематических комплексов, в частности истории государства и права, военного дела славянских народов, к закреплению отдельных историографических проблем. Помимо собственно исторических изысканий, эти вопросы находили отражение в описаниях путешествий по славянским землям, в работах по этнографии, фольклору и другим сферам культуры. Вместе с тем сторонникам передовых течений общественной мысли, наиболее серьезным ученым постепенно становился все более ясным априорный характер национально-романтических, славянофильских и подобных им концепций, все чаще проявлялось понимание первостепенной значимости источниковой базы. В итоге

именно в 30—50-х годах были заложены исходные предпосылки для широкой и успешной разработки истории зарубежных славян, которые дали результаты во второй половине XIX в. Отмечая молодость этой отрасли науки, А. Н. Пыпин на страницах журнала «Современник» в 1860 г. с удовлетворением констатировал: «Занятия славянской историей прошедшей и нынешним славянским вопросом начинают все больше приниматься у нас» [217].

6. Изучение и преподавание южнославянских и западнославянских языков

После введения университетского устава в 1835 г. кандидатом на занятие кафедры «истории и литературы славянских наречий» в Московском университете стал его выпускник О. М. Бодянский, успешно окончивший курс в 1834 г. и прошедший длительную стажировку в зарубежных странах. Начав научно-педагогическую деятельность в 1842 г., он проработал в этом университете 26 лет и воспитал немало авторитетных русских славистов. Среди них назовем А. Л. Дювернуа, А. Ф. Гильфердинга, А. А. Майкова, Е. П. Новикова, М. С. Дринова, А. А. Кочубинского, А. А. Котляревского. Поэтому трудно согласиться с В. И. Пичетой, который в 1941 г. писал, что «О. М. Бодянский не сумел стать крупным пропагандистом и защитником изучения славянства» [218]. Бодянский выпустил в собственном переводе десять работ Шафарика, в том числе его капитальные труды «Славянские древности» и «Славянское народописание», что способствовало распространению научных знаний о славянских народах и их истории, а также переводы работ Ф. Палацкого и Д. Зубрицкого. Бодянский подготовил к публикации сто томов историко-филологического, преимущественно источниковедческого журнала «Чтения в Обществе истории и древностей российских». Благодаря усилиям Бодянского увидели свет многие выдающиеся произведения древней славянской письменности.

Сохранилось много свидетельств высокого педагогического мастерства Бодянского. Он не только интересно читал лекции по истории славян, истории славянских языков, сравнительной грамматике славянских языков, но и с большим успехом обучал зарубежным славянским языкам (особенно своему любимому чешскому языку). К. Гавличек-Боровский был поражен высоким уровнем знаний студентов. Бодянский первым в России начал преподавать словацкий язык, которым занимался в Праге под руководством Шафарика. «В Братиславе Бодянский встречался с друзьями и последователями Штура, которые в те годы стремились создать словацкий литературный язык на народной основе. Из Будапешта он писал словацким студентам в Братиславе, чтобы они берегли, любили и совершенствовали свой родной язык» [219]. Хорошему практическому знанию славянских языков Бодянский придавал большое значение. В 1843 г. он писал Ганке о преподавании сравнительной грамматики славянских языков:

«Эта последняя тогда только может быть истинно на своем месте в кругу славяноведения и тогда только принесет верную пользу слушающим ее, когда они вперед познакомились хорошенько уже с многими наречиями и, следовательно, могут с успехом следить за сравнением и снесением подобного с подобным и т. д., проверить сейчас слова своего наставника, а не слепо верить его вещаниям и мучить свою память сухими и без того непонятными примерами и объяснениями. Сравнительная грамматика, по мне, всегда должна быть венцом изучения многих родственных наречий, итогом и плодом этого изучения и вместе с тем лучшей наградой оного» [220].

В списке научных трудов Бодянского по языкознанию мы находим только две заметки: «Рассмотрение различных мнений о древнем языке северных и южных руссов» (1835), «О древнейшем свидетельстве, что церковно-книжный язык есть славяно-булгарский» (1843). Главное место в этом списке занимают труды и публикации, относящиеся к той сфере славяноведения, которая формально находилась за рамками кафедры истории и литературы славянских наречий: это докторская диссертация Бодянского «О времени происхождения славянских письмен» (М., 1855); его публикация «Кирилл и Мефодий. Собрание памятников до деятельности святых первоучителей и просветителей славянских племен относящихся. Паннонское житие Кирилла. Списки XIII—XVI» (1863—1866, 1873); публикация сочинений Иоанна Дамаскина, Иоанна Экзарха, Феодосия Печерского и др. На фоне других трудов русских ученых XIX в. по кирилло-мефодиевской проблематике докторская диссертация Бодянского выглядит довольно бледно. Ягич с полным основанием писал, что диссертация свидетельствует «о изумительном трудолюбии, только без других достоинств» [221].

С именем Бодянского связаны издания кирилло-мефодиевских текстов, хранящихся в рукописных собраниях России. Издания Бодянского по точности воспроизведения древних текстов значительно уступают изданиям археографов из кружка Румянцева. Бодянский еще не владел новой для того времени техникой издания памятников, сохранившихся в различных списках. Как это отмечено Ягичем, по точности воспроизведения памятников подготовленные Бодянским публикации уступали изданиям Востокова, Калайдовича и других известных русских ученых первой половины XIX в.[222]

В переписке со своими учениками и коллегами Бодянский обсуждал многие важные проблемы славяноведения. Так, 15 июля 1848 г. он писал В. И. Григоровичу: «Разделяю Ваше мнение насчет того, что болгарский язык мог уже в глубокой древности заключать в себе зародыши своего изменения, проявившегося в новоболгарском, я, однако же, далек от мысли, чтобы он этими изменениями своими обязан был единственно одному себе, ходу своего развития. Влияние других соседственных языков на него было чрезвычайно сильно и тогда уже: вспомните румунов в X веке,

греков и албанцев тогда же и в последующее время. Могло ли [. . .] тесное общение булгаров с этими их соседями не отразиться на языке последних? Тем более это справедливо, что именно особенности этих языков заключаются в новобулгарском, коих без этого общения, можно наверняка сказать, не было бы, хотя и были другие, но более согласные с духом славянского языка, более похожие на такие же изменения в прочих славянских наречиях своим существом» [223]. Так думал и Григорович, который писал: «Начало грамматических особенностей болгарского наречия скрывается, кажется, во влиянии чужого языка» [224]. Эти и другие высказывания Бодянского свидетельствуют о глубоком интересе к исторической эволюции славянских языков, об умении находить самостоятельные пути к решению трудных вопросов славянского языкознания, давать работе своих учеников нужное направление.

В Петербургском университете славянскую кафедру после М. И. Касторского занял П. И. Прейс (см. разд. 2 гл. 2). Большую роль в становлении Прейса как ученого сыграл Востоков, под руководством которого он в течение почти года занимался изучением древних памятников, особенно хроник Манассия и Георгия Амартолы, эпических и лирических песен у разных славянских народов, знакомился с новейшими работами по сравнительному языкознанию. Востоков весьма положительно отзывался о молодом ученом. В письме к попечителю учебного округа Востоков писал: «Об успехах занятий г. Прейса я могу засвидетельствовать, что при поручении Вашим сиятельством в июле прошлого 1838 г. сего молодого человека моему руководству я нашел его весьма хорошо уже подготовленным к тому поприщу, которое он избрал, и потому мне легко было руководить его к приобретению дальнейших познаний ему нужных. Он прилежно занимался в Публичной библиотеке и Румянцевском музее по моему указанию чтением древнейших славянских рукописей и выписками из оных, и надеюсь, что в сии девять месяцев он немало приумножил свой запас славянского языкознания, который ему теперь остается дополнить предстоящим ему путешествием. После оного г. Прейс без сомнения будет способнее всех занять кафедру истории и литературы славянских наречий при СПб университете». О составленном Прейсом плане заграничной командировки Востоков дал следующее заключение: «Записка Прейса очень основательно написана и совершенно соответствует своему назначению» [225].

В заграничной командировке ознакомление Прейса с зарубежными славянскими языками началось с изучения языков лехитской группы. Возможно, что интерес именно к ним был связан с его занятиями литовским языком. В 1840 г. Прейса заинтересовало сообщение Мронговиуса, что язык кашубов во многом сходен с русским языком. Он основательно изучает кашубский язык, после чего систематически сравнивает его фонетические, грамматические и лексические особенности с фактами польского и отчасти других славянских языков. Вывод молодого ученого следующий:

«Как лексикограф, г. Мронговиус более обращал внимания на слова. Действительно, многих слов, существующих еще в кашубском, нет в языке польском; другие являются в формах, не свойственных сему последнему. Эта сторона вопроса получила перевес в мнении г. Мронговиуса; он слишком большое придал значение некоторым несущественным отступлениям от польского. Главное, им совершенно были упущены из виду те признаки, которые отличают наречия восточные от западных. Рассматриваемый с этой точки зрения язык кашубов ни малейшего не представляет сходства с русским; весь его состав не дозволяет сомневаться, что это отрасль диалекта лехитов» [226].

Во время пребывания Прейса в Праге интересы ученого сместились в сторону старославянской письменности, что, конечно, объясняется влиянием Шафарика, под руководством которого он расширил знания в области древнейшей славянской письменности, славянского письма. Здесь углублялись его представления о соотношении старославянского языка с болгарским, полученные еще в Петербурге от Востокова. Отсюда интерес не только к памятникам старославянского, но и среднеболгарского языка. По наблюдениям Прейса изменения старославянского языка в болгарских рукописях имеют иной характер, чем в памятниках русских и сербских. От отметил особенности позднейших болгарских кодексов, которыми они отличаются от памятников древнейшей поры в падежных формах существительных, прилагательных, местоимений, в личных формах глагола. Есть основания полагать, что в будущем изо всех этих наблюдений родилось бы исследование по истории болгарского языка. Продолжил наблюдения Прейса в этом направлении П. С. Билярский.

Имея в виду основную задачу командировки, Прейс много времени и сил отдавал изучению зарубежных славянских языков, народного творчества славян, их этнографии. Его личные наблюдения не ограничивались только западными славянами, хотя главное внимание он уделял именно им. В Вене он в течение двух месяцев под руководством Вука Караджича углублял свои познания в области сербского языка и сербского фольклора. Вместе со Срезневским Прейс посетил Истрию, Далмацию и Черногорию, позднее уже самостоятельно побывал еще во многих областях Сербии и Хорватии.

Лекции Прейса в Петербургском университете пользовались успехом. Большое впечатление произвела его вступительная лекция в 1843 г. о задачах славистики, о деятельности лиц, определявших характер и направление славянского Возрождения. В течение почти трех лет он читал лекции по сравнительной грамматике славянских языков, по отдельным славянским языкам и литературам, не забывая о лужичанах и полабских славянах. Прижизненных публикаций у Прейса, умершего в 1846 г., было немного. Однако сохранились незавершенные труды, частично опубликованные позже. Высокую оценку деятельности и трудам Прейса дал Н. Г. Чернышевский: «Прейс — один из первых

славянистов Европы, оставил много сочинений; но почти все они хранились еще в рукописи, когда постигла его слишком ранняя смерть. Напечатаны им при жизни были только немногие и небольшие по объему статьи, удивлявшие ученостью и глубокомыслием. Важность оставшихся в рукописи трудов его была несомненна»[227].

Среди славистов первого поколения Прейс несомненно был самой яркой личностью. Поражают его многогранный талант и высокой профессионализм, особенно заметный в языкознании. В 1890 г. В. И. Ламанский писал о Прейсе: «Небольшие статьи его о церковно-славянском языке, о среднеболгарском наречии, о глаголической письменности, об эпической поэзии у сербов и проч., явившиеся с полвека тому назад, и теперь должны быть рекомендуемы всем начинающим славистам, как работы образцовые. В этом отношении они разделяют редкую честь в славяноведении заодно с разными статьями и исследованиями Добровского, с рассуждениями и наблюдениями Востокова»[228].

Славянскую кафедру в Харьковском университете занял И. И. Срезневский (см. разд. 2 гл. 2). Во время путешествия по славянским землям он приобрел солидные познания во всех областях славяноведения, собрал богатый диалектный, фольклорный и этнографический материал, который требовал обобщения. Это был период, когда у ряда славянских народов шел процесс формирования национальных литературных языков, велись поиски диалектной базы литературного языка, вырабатывались литературные нормы. Срезневский близко познакомился со многими деятелями славянского возрождения, создателями нового литературного языка и хорошо знал литературно-языковую ситуацию, понимал значение диалектологических исследований для решения назревших проблем. Но он успел обработать только часть своих, в основном словенских, записей. Словацкий, силезский, сербохорватский и серболужицкий материал остается до сих пор почти неопубликованным, хотя на его основе вышли статьи С. Роспонда, Е. Кухарской, Н. А. Кондрашова.

Описание славянских языков и диалектов Срезневский открывает статьей «О наречиях словенских» (1841), написанной по свежим впечатлениям от своего путешествия по Словении. В ней он довольно четко определил границы распространения словенского языка в Каринтии, Штирии, Фриуле, Хорватии и Венгрии, выяснил главные диалектные признаки и основные диалектные зоны. Срезневский выделяет 18 словенских диалектов: нижнекраинский, верхнекраинский, среднекраинский, полянский, циркницко-рыбинский, липавский, индраинский, толминский, богинский, плесский, словинский, резьянский, зильский, рожневский, забельский, штирийско-каринтийский, дравомурский, угро-штирийский. В статье «Обозрение черт сродства звуков в наречиях словенских» (1845) он выделяет уже восемь диалектов: верхнекраинский, нижнекраинский, словинский, резьянский, зильский, забельский, штирийский и угрословенский. Эта классификация

приближается к современной [229], предложенной Ф. Рамовшем в 1931 г., где выделяются семь диалектных групп (гореньская, доленьская, каринтийская, штирийская, паннонская, ровтарская, приморская) [230]. Работы И. И. Срезневского положили начало изучению словенских диалектов русскими славистами, в том числе И. А. Бодуэном де Куртенэ.

Определенный исторический интерес сохраняет также неопубликованная статья «О наречиях хорватских» [231], в которой описываются основные фонетические и морфологические черты кайкавских и чакавских диалектов, проводится их сравнение со словенскими и сербскими (штокавскими) диалектами с целью определить некоторые переходные говоры. Резьянские и приморские говоры описываются отчасти и в таких работах И. И. Срезневского, как «Сообщение о резьянах» (1841), «Словины в Фриуле» (1843), «Фриульские славяне. (Резиане и словины)» (1844), «Фриульские славяне» (1881), которые содержат также богатый этнографический и географический материал.

И. И. Срезневский занимался также болгарским языком, литературой и фольклором. Болгарский язык его интересовал не только сам по себе, но и как средство решения вопроса об этноязыковой принадлежности старославянского языка. Большое значение он придавал вопросу создания болгарского литературного языка на народно-разговорной основе, без чего невозможно было дальнейшее развитие литературы и даже культуры в целом. В течение многих лет И. И. Срезневский собирал материалы для болгарского словаря, к этому он побуждал знакомых болгар. Под его руководством К. Дмитриев-Петкович занимался составлением болгарско-русского и чешско-болгарского словарей — одних из первых в истории болгарской двуязычной лексикографии (хранятся в архиве И. И. Срезневского). Срезневский сыграл немаловажную роль в разработке принципов составления «Болгарского словаря» Н. Герова и в издании начала этого словаря Академией наук в 1856 г.[232]

В словацком языке Срезневского особенно привлекали среднесловацкие говоры, хотя в его архиве сохранились также записи западно- и восточнословацкой диалектной речи, заметки по фонетике и морфологии тренчинского говора, фонетике шаришского наречия, фонетике, морфологии и лексике муранского говора, образцы жилинского, земплинского, липтовского, гемерского, гонтянского и других диалектов. Из всего собранного материала Срезневский опубликовал только купальские песни и ряд пословиц [233]. Наиболее важное место занимают рукописные «Материалы для словаря наречий горных словаков» [234]. Они отражают лексику среднесловацких диалектов и содержат около 7000 слов и свыше 700 выражений. Срезневский не обобщил собранный материал, не дал классификации словацких диалектов и только в рецензии на «Славянское народописание» П. Шафарика «он блестяще применил свои наблюдения над словацкими говорами. Здесь он точно указал границы распространения словацкого языка

и со знанием дела полемизировал с П. Й. Шафариком по поводу групп *tl, dl* в словацком языке»[235]. При этом нельзя не отметить, что Срезневский особенное внимание обратил на ту диалектную зону, которая вскоре стала базой нового словацкого литературного языка. Выделение им в тот период самостоятельного словацкого языка было воспринято Л. Штуром и его сторонниками как поддержка в борьбе за утверждение созданного ими литературного языка. Но в 60—70-е годы Срезневский уже неоднократно подчеркивает, что чехи и словаки образуют одно племя и один (чехословацкий) язык.

Срезневский собрал большой материал по чешскому языку. Об этом можно судить по хранящимся в архиве черновым наброскам лекций, записям слушателей, программам чтений. В курсах лекций «История и литература славянских наречий», «История и литература западнославянских наречий», «Древности славянского языка» и др. он обычно характеризовал пособия и источники по изучению чешского языка и его истории, давал обозрение его фонетических и грамматических особенностей, границ распространения, показывал иноязычное влияние на чешский литературный язык[236].

Из польской диалектной речи И. И. Срезневский избрал Силезию — Шленск и силезские говоры Опольской округи. На основе этих материалов в начале 40-х годов были написаны статьи «Записка о наречиях слезских» и «Народные spjewki горных слезаков», опубликованные лишь в 1973 г.[237] Он полагает, что «одни из слезаков принадлежат к отрасли славян лехитской, а другие — к чехословенской», и соответственно выделяет два силезских наречия: польско-силезское и моравско-силезское. Затем дается подробное описание их звуковой системы, отмечаются некоторые морфологические и лексические особенности. По мнению Н. И. Толстого, работа И. И. Срезневского о силезских диалектах «после сочинения Е. С. Бандтке, М. Р. Фидлера и одного анонимного автора начала XIX в. была серьезным шагом вперед в деле систематического описания силезских говоров. Лишь крупные работы 70-х годов того же века Л. Малиновского, выполненные в духе младограмматической школы, серьезно превзошли силезские этюды И. И. Срезневского. В 40-е и 50-е годы, однако, ничего подобного в силезской диалектологии не существовало. По авторитетному свидетельству С. Распонда, «„Записки“ И. И. [Срезневского] были фактически кратким очерком силезской диалектологии, а не отрывочной фиксацией отдельных диалектных черт, как это было характерно для работ его предшественников [. . .] Классификация, предложенная И. И., близка к той, которую в наше время выдвигают К. М. Пшивара и Р. Олеш, разделяющие силезские говоры на мазуракающие (северные и центральные говоры) и немазуракающие (южные — тешинские и соседние говоры)»[238].

И. И. Срезневский основательно познакомился с верхне- и нижнелужицким языками, просмотрел много местных рукописей,

под руководством Смолера работал над этимологическим словарем верхнелужицкого языка. Однако все эти материалы остались неопубликованными. Вышел из печати лишь «Исторический очерк серболужицкой литературы» (1844), который представляет собой введение в историю серболужичан и серболужицкой письменности. Хотя этот труд не отличался большой самостоятельностью, все же он впервые знакомил русского читателя со старыми памятниками и произведениями современных серболужицких писателей [239].

Наблюдения И. И. Срезневского над кашубским языком нашли в какой-то мере отражение только в «Записке о трудах г. Цейновы касательно кашебов, их земли и наречия» (1852) и «Рассмотрении записки, сообщенной г. Цейновою о наречии кашебском» (1852). Кроме того, он подготовил к печати и опубликовал «Образцы кашебского наречия, собранные г. Цейновою» (1852).

В рецензии на «Славянское народописание» П. Шафарика и затем в статье «Обозрение черт сродства звуков в наречиях славянских» И. И. Срезневский в противовес Й. Добровскому первым предложил историко-географический принцип деления славянских языков на три группы, а также показал их сходство и различие в области вокализма и консонантизма.

«Мысли об истории русского языка» И. И. Срезневского (1849) означали решительный поворот в сторону сравнительно-исторического изучения русского и других славянских языков. Автор книги видит основную задачу истории языка в том, чтобы показать, каким был язык в момент отделения от той или иной языковой общности и как он затем изменялся у данного народа. Русский народ есть один из народов славянского племени. Поэтому история русского языка «только продолжение истории языка племени славянского, а это — продолжение истории языка всей отрасли индоевропейской» [240].

Опираясь на труды А. Х. Востокова, и прежде всего «Рассуждение о славянском языке», древнейшие особенности славянских языков Срезневский видит в наличии редуцированных и носовых, сочетании *кы, гы, хы*, склонении прилагательных по типу существительных, существовании инфинитива и супина. Охарактеризовав на основе памятников X—XIV в. фонетические и морфологические особенности древнерусского языка, он подтвердил вывод Востокова, что этот язык «в первобытном своем состоянии ближе всего подходил к наречию старославянскому и вместе с ним всего более сохранил черты первообразного общего славянского строя» [241]. Отличие древнерусского языка Срезневский видел в особой роли *ъ* и *ь*, в отсутствии носовых, в *о* в начале слова, в полногласии (сущность которого представлял не совсем ясно), некоторых грамматических формах. Ученый обратил также внимание на смешение *ц* и *ч* в северных говорах, явления палатализации, мягкость шипящих, особенности временных форм, местный падеж без предлога, дательный самостоятельный и др.

Говоря о судьбах собственно русского языка, Срезневский различает историю народного языка и историю языка книжного. Если первоначально они были довольно близкими, то потом стали отдаляться друг от друга, так как язык богослужебных книг отличался неподвижностью, а народный язык все дальше шел по пути изменений в своем составе и строе, образуя местные говоры и наречия. В XIII в. язык светских грамот и летописей, где господствовал народный элемент, существенно отличался от языка духовных сочинений. Таково содержание первого периода развития книжного и народного языка. Во второй период, наоборот, происходит сближение книжного языка с народным, так как с развитием письменности народные элементы все больше проникали в книжный язык. Таким образом, возникает как бы два книжных языка: один — более древний, архаический, другой — новый, как результат смешения старославянского языка с живым народным языком.

«Мысли об истории русского языка», в которых были охарактеризованы особенности древнерусского языка, выделены основные периоды в истории народного и книжного языка, намечена программа предстоящих исторических исследований, имели огромный успех и неоднократно переиздавались. Более того, можно сказать, что это был первый в России краткий очерк сравнительно-исторической фонетики и грамматики славянских языков.

Одним из актуальных вопросов славяноведения середины XIX в. был вопрос о происхождении славянского письма как составная часть более широкого круга проблем, а именно деятельность Кирилла и Мефодия, язык первых переводов богослужебных книг, древнейшие рукописи славянской письменности и их изводы, соотносительная древность кириллицы и глаголицы и даже общий уровень славянской образованности и вклад славянской культуры в общеевропейскую. Этот круг вопросов также занял определенное место и в трудах Срезневского.

В 50—70-е годы основной областью научных интересов Срезневского становятся изучение и публикация памятников древней письменности. Отчасти это было продиктовано теми требованиями, которые ученый предъявлял к историко-лингвистическим исследованиям, отчасти стремлением ввести в научный оборот возможно больше текстов, без которых нельзя было продолжать изучение истории русского и старославянского языков, а более всего желанием уйти подальше от политики, так как после разгрома Кирилло-Мефодиевского общества (1847 г.) в России начались гонения на славянофилов, в какой-то степени и на славистов. Сын И. И. Срезневского В. И. Срезневский писал: «Это было время страха перед идеей славянства и гонения как на славянофилов, так и на всех лиц, у которых мелькали общеславянские мечты и вне политики. . . Естественно подверглись гонению и кафедры славяноведения — науки, касающейся всей совокупности славян как единого целого» [242]. Вот почему в Петербурге Срезневский решительно отошел от изучения зарубежных славян, их языков и

народной культуры. Собранные им ценнейшие материалы остались необработанными.

Зачинатель славяноведения в Казанском университете В. И. Григорович занял там кафедру истории и литературы славянских наречий еще до поездки в славянские земли. Заграничное путешествие Григоровича длилось около трех лет (1844—1847 гг.). В Праге под руководством Шафарика он изучал старую славянскую письменность, глаголицу. В Македонии и на Афоне Григорович приобрел много древних рукописей, среди которых особую ценность представляло старославянское глаголическое четвероевангелие, известное в науке как Мариинское евангелие.

Использовав свой дневник и посылавшиеся в Казань подробные отчеты, Григорович в короткий срок подготовил и издал «Очерк путешествия по Европейской Турции» [243]. Книга содержит драгоценные сведения по истории болгарского народа, этнографии, этнической истории народов Балканского полуострова, истории церкви, письменности, топонимике, в ней много материалов, относящихся к истории болгарского языка. Автор сообщает важные данные из болгарской диалектологии, новыми фактами подтверждает сведения, которые прежде не вызывали доверия.

Лингвистическая тематика в «Очерке» занимает сравнительно скромное место. Однако именно в славянском историческом языкознании «Очерк» сыграл очень большую роль. Здесь следует указать на несколько моментов.

1. Григорович пишет, что ѫ в македонских говорах обычно произносится как *а*: рака, пат, маж. «В Восточном наречии он (т. е. ѫ) еще сохранил оттенок древнего произношения в глухом тоне, который изобразил бы знаком почти равным *а*». Григорович впервые указал также на некоторые местные особенности в произношении ѫ. «В Дебре и близ Солуня слова, в которых употреблялся славянский , имеют часто *о*. Например, я слыхал близ Солуня слова — пот, от Дебрян — мож, пот, рока голоб, мока, копел, озык, оже, тожим» (С. 165). Эти наблюдения Григоровича очень важны. Но еще бóльшее значение для науки имело сообщение исследователя о сохранении в Корче и Бобоштице ринезма. «Болгаре на юг от Битоля и Охридского озера, в Корче, Бобоштице сохранили в некоторых словах полный ринезм, так, в слове мъндр и в приветствии да бъдеш жив слышал я сам этот звук» (С. 165). Впервые от русского ученого слависты узнали, что в южной Македонии сохраняются следы древнего произношения на месте старых юсов. Позже этот вопрос был всесторонне исследован многими славистами.

2. Григорович обратил внимание на то, что в Македонии глаголы всех классов в 1 л. ед. ч. оканчиваются на — *м*: менем, любим. Эта характерная особенность западноболгарских говоров отсутствует в говорах восточной Болгарии. Это наблюдение подтвердилось дальнейшими исследованиями. Лишь часть родопских говоров представляет результат обобщения по окончанию нетематических глаголов.

3. На месте старого ѣ в македонских говорах Григорович отметил *е*. И это важное наблюдение позже также подтвердилось. В дальнейшем была установлена граница восточного и западного произношения ѣ (Никопол, Плевен, Луковит, Этрополе, Пазарджик, Пещера, Батак, Разлог, Мелник, Солун). К западу от этой линии на территории Македонии и западной Болгарии старое ѣ изменилось в *е*.

4. Григорович первый обратил внимание на изменение звука *х* в *в* (*ф*) в формах аориста и имперфекта в македонских говорах. В этом же пункте автор отметил изменение группы *вн* в *мн* (рамни из равни, мнуче из внуче).

5. В «Очерке» отмечены характерные для македонских говоров многочисленные изменения групп согласных: сенал из седнал, стреде из среде, стребро из сребро. Обращено внимание на утрату звука *х* в интервокальном положении: имаа из имаха, на наличие билабиального *в* и др.

6. Отмечена характерная морфологическая особенность македонских говоров — употребление окончания -т в 3 л. ед. ч. настоящего времени. Здесь же Григорович обратил внимание на аналитический строй болгарского языка, на употребление постпозитивного члена, понять грамматическую и понятийную функцию которого не сумел. Интересно, что ученый не обнаружил членных форм для отдаленных и близких предметов (рибана — рибава).

7. Характерной особенностью македонских говоров Григорович считал употребление частицы *ке* в будущем времени. И в этом случае он оказался прав, несмотря на то что эта форма будущего времени была обнаружена в отдельных восточноболгарских говорах.

8. Одной из интереснейших синтаксических особенностей македонских говоров является широкое употребление вспомогательного глагола имам и страдательного причастия (напр., имам видено «я видел» и т. д.). «Самое частое употребление глагола имам как вспомогательного слыхал и вблизи Водены, Битоля, напр., там говорят: имам шетано, имам пеено, фатено, т. е. я пришел, схватил, прочел» (С. 165). Этой важной особенности македонских говоров позже было посвящено много исследований славистов разных стран.

«Очерк» Григоровича представляет собой богатое собрание фактов по македонской топонимике. Ценность «Очерка» в данном случае состоит в том, что он содержит материал первой половины XIX в. Известно, что в течение последних ста лет македонская топонимика претерпела существенные изменения.

К сожалению, изучение болгарского языка, его диалектов оказалось лишь эпизодом в научной биографии казанского слависта. Богатый собранный материал не был обработан и остался в архиве ученого. В Казани Григорович занимался старославянской письменностью, глаголицей, историей южных славян.

Выйдя в отставку после положенного срока, Григорович переехал в Одессу. В 1865 г. здесь был открыт университет, в котором

он занял кафедру славянской филологии [244]. В 1869 г. произошло событие, которое порвало нити, связывавшие Григоровича со времени выхода «Очерка» с болгарской общественностью. Бессарабские болгары обратились к попечителю Одесского учебного округа с просьбой перевести все преподавание в центральном училище в Комрате на болгарский язык. Попечитель поручил Григоровичу ознакомиться с положением дел на месте. За сравнительно короткий срок ученый посетил 16 колоний, и прежде всего Комрат. Отчет Григоровича был опубликован и вызвал возражения как в Бессарабии, так и в Болгарии в связи с тем, что его автор высказался за обучение на русском языке в школах, где учились болгары, гагаузы, молдаване и албанцы.

К числу младших представителей русских славистов первого поколения нужно причислить П. С. Билярского (1817—1867). Воспитанник Московской духовной академии, Билярский шел в науку трудным путем. Случилось так, что средства к существованию ему пришлось добывать деятельностью, далекой от научных исследований [245]. Он не выезжал в славянские земли, знакомство со славянами и славянскими языками у него было чисто книжное, не было у него контакта с зарубежными славянскими учеными. В Москве интерес к славянской филологии у него возбудил М. П. Погодин, а читать древние славянские тексты научил близкий друг — В. М. Ундольский. После переезда в Петербург в 1843 г. он много и упорно изучал язык памятников древней письменности под руководством П. И. Прейса. Еще в Москве он скопировал летопись Манассия по патриаршему списку. В Петербурге под руководством Прейса он написал исследование о языке летописи, которое было опубликовано в 1847 г. Через год выходит из печати его труд о Реймском евангелии. «Эти два труда сразу поставили Билярского в ряд выдающихся ученых и до сих пор не потеряли своего значения» [246]. В 1858 г. вышло из печати переработанное и расширенное издание о летописи Манассия.

Труд Билярского о летописи Манассия в истории русского славяноведения имеет особое значение. Предшественники и современники Билярского четко отделяли изучение старославянского языка, древней славянской письменности от изучения истории славянских языков. Не только Востоков и ученые кружка Румянцева, но и представители первого поколения русских славистов, пришедшие в науку после организации кафедр истории и литературы славянских наречий в 1835 г., в центре внимания держали древнюю славянскую письменность. Их исследовательские интересы были очень близки ученым старшего поколения. Билярский впервые в истории русского славяноведения начал изучать болгарские памятники с позиции историка болгарского языка. В этом непреходящее значение его труда. Начался процесс эмансипации изучения истории зарубежных славянских языков от изучения старо- и церковнославянского языков, который шел медленно и с большими отклонениями в ту или другую сторону.

Билярский остановился на изучении позднего среднеболгарского памятника (XIV в.). Автор избрал этот период потому, что ему важно было изучить памятник, который бы «еще не потерял свойств древнего языка», имел бы «определенные особенности своего времени», которые приближали бы его «к позднейшему состоянию болгарского языка». В этом отношении выбор был сделан вполне удачно. Текст болгарского перевода летописи Манассия содержит некоторые отступления от строго церковного языка, вызванные воздействием народного болгарского языка XIV столетия.

В монографии детально исследуются фонетические особенности памятника. Исследование, например, сверхкратких ъ и ь обнаруживает хорошую филологическую и лингвистическую подготовку. Автор удивительно для своего времени четко разграничивает явления орфографии и языка, умело пользуется и данными современного болгарского языка. Особый интерес в книге представляет параграф, посвященный анализу употребления юсов. Еще Востоков обратил внимание на то, что в среднеболгарских памятниках юсы часто смешиваются. Однако до Билярского никто не определил всех условий этой мены. Этому вопросу посвящены лучшие страницы монографии. Автор справедливо полагает, что мена юсов отражала особенности определенных болгарских диалектов.

Большой интерес монография Билярского представляет в теоретическом отношении. Автор обнаружил глубокое понимание фонетического закона, подверг основательной критике ошибочные теории Миклошича. Труд Билярского — первое серьезное исследование, посвященное истории болгарского языка.

Билярский серьезно и глубоко интересовался философскими проблемами языкознания. Будучи убежденным сторонником лингвистических взглядов В. Гумбольдта, он перевел с немецкого знаменитый его трактат «О различиях организмов человеческого языка и о влиянии этих различий на умственное развитие человеческого рода» (1859). Свое отношение к лингвистической теории Гумбольдта он изложил в статье «Беккер и Гумбольдт» (1863).

[1] Подробнее о воздействии романтизма на историю науки см.: *Косминский Е. А.* Историография средних веков. М., 1963; *Реизов Б. Г.* Французская романтическая историография. Л., 1956.

[2] История романтизма в русской литературе: Возникновение и утверждение романтизма в русской литературе (1790—1825). М., 1979. С. 36.

[3] *Иоганн Готфрид Гердер.* Идеи к философии истории человечества / Пер. и примеч. А. В. Михайлова. М., 1977. С. 615—617.

[4] *Сахаров В. И.* О бытовании шеллингианских идей в русской литературе // Контекст, 1977. М., 1978. С. 219.

[5] Подробнее см.: *Дьяков В. А.* Идея славянского единства в общественной мысли дореформенной России / ВИ. 1984. № 12. С. 16—31.

[6] Лекция Кюхельбекера о русской литературе и языке, прочитанная в Париже в 1821 г. / Публ. и предисл. П. С. Бейсова. 1954. С. 375. (Лит. наследство; Т. 59).

[7] *Георгиевский А. П.* Славянский вопрос: Историко-литературный очерк // Учен. зап. ист.-филос. фак. Дальневост. ун-та. Владивосток, 1921. Т. 2, п/т 2. С. 107.

[8] *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 185.
[9] Записки Сергея Григорьевича Волконского. СПб., 1902. С. 402.
[10] *Достян И. С.* Участие декабристов в изучении Балкан и русско-турецких войн XVIII—начала XIX века // ССл. 1975. № 6. С. 32—33.
[11] *Bazyłow L.* Idea federacji słowiańskiej w programie Stowarzyszenia Zjednoczonych Słowian // Z polskich studiów sławistycznych. Ser. 3. Historia. W-wa, 1968. S. 147.
[12] Восстание декабристов: Материалы. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 13—14.
[13] *Горбачевский И. И.* Записки; Письма. М., 1965. С. 13.
[14] Там же. С. 11—12.
[15] *Достян И. С.* Русская общественная мысль и балканские народы. С. 313.
[16] *Дьяков В. А.* Освободительное движение в России 1825—1861 гг. М., 1979. С. 90, 94, 100, 263.
[17] Деятели революционного движения в России: Библиогр. слов. М., 1927. Т. 1, ч. 1. Стлб. 75; *Сергієнко Г. Я.* Суспільно-політичний рух на Україні після повстання декабристів. Київ, 1971. С. 56—57.
[18] ЦГАОР. Ф. 109и. 1 эксп. 1847 г. Д. 81. Ч. 4. Л. 69.
[19] Цит. по ст.: *Бортников А. И.* Кирилло-Мефодиевское общество и польское национально-освободительное движение // Развитие капитализма и национальные движения славянских народов. М., 1970. С. 192.
[20] *Зайончковский П. А.* Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847). М., 1959.
[21] Дело петрашевцев. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 312.
[22] Цит. по кн.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Кн. 1. С. 56.
[23] *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения, 1802—1902. СПб., 1902. С. 224; ЦГИА УССР. Ф. 707. 1847 г. Д. 12. Л. 1—14.
[24] *Сладкевич Н. Г.* Оппозиционное движение дворянства в годы революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962. С. 81.
[25] *Левин Ш. М.* Очерки по истории русской общественной мысли, вторая половина XIX—начало XX века. Л., 1974. С. 310—311.
[26] *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. VIII. С. 350.
[27] *Розенталь В. Н.* Нарастание «кризиса верхов» в середине 50-х годов XIX века // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1982. С. 63.
[28] Об интерпретации идеи славянской общности российскими революционными кругами, их спорах со славянофилами см., в частности: *Стеклов Ю. М.* Михаил Александрович Бакунин: Его жизнь и деятельность. М., 1920. Ч. 1. С. 167—279; *Державин Н. С.* Герцен и славянофилы // Историк-марксист. 1929. № 1. С. 125—145; *Дьяков В. А.* Идея славянского единства. . . С. 28—31.
[29] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 256.
[30] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954—1965. Т. 7. С. 248.
[31] Там же. С. 315.
[32] *Волгин В. П.* Социализм Герцена // Проблемы изучения Герцена. М., 1963. С. 63—64.
[33] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939—1953. Т. 8. С. 449—450.
[34] Там же. Т. 4. С. 724, 693.
[35] Там же. С. 738—743.
[36] Там же. Т. 7. С. 663—664.
[37] Подробнее см.: *Дьяков В. А.* «Славянский вопрос» и политическая программа Н. Г. Чернышевского // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 127—135.
[38] *Аксенова Е. П.* Вопросы истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы на страницах «Современника» (1854—1862) // ССл. 1980. № 4. С. 43—56; *Она же.* История народов Центральной и Юго-Восточной Европы в журнале «Современник» (1863—1866) // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1981. С. 237—260; *Дьяков В. А.* Идея славянского единства. . . С. 16—31; *Дьяков В. А., Жигунов Е. К.* Народническое направление в русской славяноведческой историографии // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М.: Наука, 1984. С. 164—172.

[39] Подробнее см.: *Мыльников А. С.* Йозеф Юнгман и его время. М., 1973.
[40] См.: Новые поступления в отдел рукописей [Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина], 1952—1966: Крат. отчет. М.: Книга, 1968. С. 152.
[41] Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М. Ф. Раевского, 40—80-е годы XIX в. М.: Наука, 1975. С. 5—14 и др.; *Пашаева Н. М.* Славянская библиотека О. М. Бодянского // ССЛ. 1982. № 1. С. 94—103.
[42] ЛГИА. Ф. 14. № 4304. Л. 1.
[43] Подробнее см.: *Венедиктов Г. К.* К начальной истории славистической кафедры в Московском университете // ССл. 1983. № 1. С. 91—99; *Он же.* Новые материалы к биографии Ю. И. Венелина. // Из истории славяноведения в России. Тр. по русской и славянской филологии. Тарту, 1983. Вып. 2. С. 30—54.
[44] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 30. Д. 185. Л. 42.
[45] *Францев В. А.* Очерки по истории чешского возрождения: Русско-чешские ученые связи конца XVII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902. С. 236—237.
[46] *Григорьев В. В.* Имп. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1980. С. 242.
[47] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 69. Д. 446. Л. 1—1 об.
[48] Там же. Л. 3, 7; Д. 828. Л. 4, 8.
[49] Там же. Ф. 733. Оп. 69. Д. 828. Л. 13; Д. 689. Л. 1, 7, 10, 12.
[50] Там же. Ф. 733. Оп. 1. Д. 275. Л. 10, 5.
[51] *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910. С. 331.
[52] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 45. Д. 155. Л. 10—13.
[53] Там же. Ф. 777. Оп. 1. Д. 1190. Л. 1.
[54] *Смирнов С. В.* Первые русские слависты в Чехии // УЗТГУ. 1973. Т. 22. С. 123—124.
[55] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 45. Д. 155. Л. 14.
[56] Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1815. С. 5; план и инструкцию путешествия В. И. Григоровича см.: ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 42. Д. 91.
[57] *Ягич И. В.* Указ. соч. С. 310—345.
[58] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 45. Д. 155. Л. 13 об.
[59] Там же. Оп. 42. Д. 91. Л. 21.
[60] ЛО ААН. Ф. 106. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 об.
[61] *Григорович В. И.* Программа преподавания теории славянских языков и литературы славян в ее главнейших эпохах. Казань, 1843. С. 3.
[62] ЛО ААН. Ф. 216. Оп. 1. Д. 727. Л. 1.
[63] *Мыльников А. С.* Павел Шафарик, выдающийся ученый-славист. М.; Л., 1963. С. 67—69; *Куделка М.* О славистике как сфере научного познания // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 19.
[64] ЛО ААН. Ф. 216. Оп. 1. Д. 798. Л. 7.
[65] *Гавличек-Боровский К.* Сатира и статьи: Пер. с чеш. М.: Гослитиздат, 1950. С. 112—113.
[66] *Пыпин А. Н.* Мои заметки. М., 1910. С. 26—27.
[67] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 50. Д. 398. Л. 4.
[68] Там же. Оп. 42. Д. 91. Л. 30 об.
[69] Там же. Оп. 50. Д. 398. Л. 7 об.—8 об.
[70] Программа преподавания славянской филологии в С.-Петербургском университете / Сост. И. Срезневский. СПб., 1849.
[71] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 34. Д. 5. Л. 5; Оп. 70. Д. 181. Л. 24—23 об.
[72] Там же. Оп. 70. Д. 181. Л. 16; Оп. 34. Д. 5, Л. 2.
[73] Там же. Оп. 37. Д. 145. Л. 2.
[74] Там же. Д. 148. Л. 10 об., 12, 13.
[75] Там же. Ф. 735. Оп. 2. Д. 75. Л. 38.
[76] Там же. Д. 60.
[77] Там же. Ф. 733. Оп. 69. Д. 834. Л. 3—4.
[78] *Досталь М. Ю.* Библиографические заметки И. И. Срезневского о книгах чешских и словацких ученых в «Известиях» отделения русского языка и словесности Академии наук // ССл. 1975. № 2; *Мыльников А. С.* Славянская тематика в русских энциклопедиях 1830—1870-х годов // Духовная культура славянских народов: Литература, фольклор, история. Л., 1983. С. 189—196.

[79] ЦГИА СССР. Ф. 772. Оп. 1. Д. 1550. Л. 1—2.
[80] *Аксенова Е. П.* Вопросы истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы на страницах «Современника» (1854—1862). С. 43—56.
[81] ДТСК. 1898. Т. 2. Отд. 2. С. 113.
[82] *Майков А. А.* Об ученой деятельности А. Ф. Бычкова // ЖМНП. 1899. № 10. С. 58.
[83] Москвитянин. 1843. Ч. 3. С. 217.
[84] Там же. С. 213—216.
[85] *Строев С. М.* Описание памятников славено-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции со снимками из рукописей. М., 1841. С. III.
[86] *Шевырев С. П.* О славянских рукописях Ватиканской библиотеки // ЖМНП. 1839. № 4—6. Отд. 2. С. 103—120.
[87] *Мыльников А. С.* О некоторых актуальных аспектах наследия отечественной этнографической славистики XIX в. // Годичная научная сессия Ин-та этнографии АН СССР: Краткое содержание докладов. 1983. Л., 1985. С. 79—81.
[88] Народна библиотека Кирил и Методий: Български исторически архив. Ф. 22. № 417. Л. 17—18; № 80. Л. 1—2 об.
[89] *Срезневский И. И.* Записка о фотографических снимках П. И. Севостьянова // СбОРЯС. 1859. Т. 7, вып. 5. Л. 22—24.
[90] *Розов Н. Н.* Остромирово евангелие в Публичной библиотеке: 150 лет хранения и изучения // ТГПБ. 1958. Т. 5. С. 13.
[91] Годичный торжественный акт в имп. С.-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1849 г. СПб., 1849. С. 61.
[92] *Куник А. А.* Разбор рукописного сочинения г. Ундольского под заглавием «Исследования о церковнославянских хронографах». Т. I. О временнике Георгия Амартола в отношении к Несторовой летописи // 25-е присуждение учрежденных П. И. Демидовым наград. СПб., 1856. С. 71—84.
[93] *Викторов А. Е.* Кирилл и Мефодий: Новые источники и ученые труды для истории славянских апостолов // Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865. С. 343—440.
[94] См., например: Обозрение известий о России в век Петра Великого, извлеченных А. И. Тургеневым из разных актов и донесений французских посланников и агентов при русском дворе // ЖМНП. 1843. № 1. С. 1—29; № 3. С. 145—183; 1844. № 1. С. 17—38. Публикацию подготовил, возможно, литератор Б. М. Федоров, сотрудничавший в журнале в 40—50-х годах. Ему также принадлежали предисловия к книгам Ф. Н. Слепушкина, Д. Н. Бантыш-Каменского, В. И. Панаева и др. См.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов. М., 1956. Т. 1. С. 123.
[95] *Бернштейн С. Б.* Из истории русского славяноведения: Виктор Иванович Григорович // ИАН. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35. вып. 6. С. 533—538.
[96] *Надеждин Н. И.* Опыт исторической географии русского народа // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22. Разд. 3. С. 31.
[97] Например: *Шафарик П. Й.* О древнеславянских, именно Кирилловских типографиях в южнославянских землях и прилегающих им краях, т. е. в Сербии, Босне, Герцеговине, Черной Горе, Венеции, Валахии и Седмиградии, в XV, XVI и XVII столетиях // ЧОИДР. 1846. Кн. 3. С. 17—27; *Он же.* О Свароге, боге языческих славян // Там же. Кн. 2. С. 30—34; *Он же.* Расцвет славянской письменности в Булгарии // Там же. 1848. Кн. 7. С. 37—59.
[98] *Бодянский О. М.* Народные спеванки или светские песни словаков в Венгрии как простого народа, так и высшего сословия, собранные, в порядок приведенные, объясненные и выданные Яном Колларом. Ч. 1/2. Буда, 1834—1835 // Моск. наблюдатель. 1835. Ч. 4 кн. 1. С. 383—416; Кн. 2. С. 578—607.
[99] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 2. С. 165.
[100] *Срезневский И. И.* Разбор. соч. Шафарика «Славянское народописание» // ЖМНП. 1843. № 4—6. Отд. 6. С. 1—30.
[101] *Срезневский И. И.* Новое сочинение Яна Коллара «Die Götter von Retra» // Там же. 1851. № 4—6. Отд. 2. С. 87—99.
[102] *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. 1. Общий обзор изучения народности и этнографии великорусской. СПб., 1890. С. 32.
[103] *Строев П. М.* Краткое обозрение мифологии славян российских. М., 1815. С. 9—11. Первая публикация в журнале «Современный наблюдатель российской словесности» (1815. № 13/14).

[104] *Востоков А. Х.* Сербские песни // Северные цветы. СПб., 1829. С. 277—281; *Венелин Ю. И.* О характере народных песен у славян задунайских. Ч. 1. Осман Шеович: Женитьба Павла Плетикосы. М., 1835.
[105] Цит. по ст.: *Стойкова С.* Вклад ученых России в развитие болгарской фольклористики XIX в. // Русский фольклор. Т. 8. Народная поэзия славян. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 274—275.
[106] *Бессонов П. А.* Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар. М., 1855. Вып. 1/2.
[107] *Срезневский И. И.* Славацкие песни. Харьков, 1832. С. 54.
[108] ИАН. 1820. Ч. 8. С. 47—215.
[109] См., например: *Срезневский И. И.* Извлечения из Краледворской рукописи касательно религиозных верований и обрядов // ЖМНП. 1840. № 12. Отд. 2. С. 115—148; *Он же.* Замечания об эпическом размере славянских народных песен. СПб., 1861. С. 3—10.
[110] *Срезневский И. И.* Взгляд на памятники украинской народной словесности // УЗМУ. 1834. № 4. С. 134—150.
[111] *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1. С. 428.
[112] *Венелин Ю. И.* О характере народных песен у славян задунайских. С. 34—35.
[113] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 65, 67.
[114] *Касторский М. И.* Начертание славянской мифологии: Сост. для получения степени доктора философии адъюнктом имп. СПб. университета по кафедре всеобщей истории, славянских древностей и славянской литературы. СПб., 1841. С. 5.
[115] *Костомаров Н. И.* Славянская мифология: Извлечено из лекций, читанных в университете св. Владимира во второй половине 1846 г. Киев, 1847. С. 1—2.
[116] *Срезневский И. И.* Исследования о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848. С. 1.
[117] *Срезневский И. И.* Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям. Харьков, 1846. С. 35.
[118] Там же. С. 1.
[119] *Срезневский И. И.* Об обожаиии Солнца у древних славян // ЖМНП. 1846. № 2. С. 36—60.
[120] *Срезневский И. И.* О языческом веровании древних славян в бессмертие души // Там же. 1847. № 2. С. 188, 195.
[121] *Срезневский И. И.* Роженицы у славян и других языческих народов. М., 1855. С. 7.
[122] *Соловьев С. М.* Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850. Кн. 1. С. 3—54.
[123] *Афанасьев А. Н.* Древо жизни: Избр. ст. М.: Современник, 1982. С. 447
[124] *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1983. Т. 2. С. 74.
[125] *Стойкова С.* Указ. соч. С. 275.
[126] Донесение адъюнкта Срезневского г-ну министру народного просвещения из Вены от 8 (20) февраля 1841 г. // ЖМНП. 1841. № 7—9. Отд. 4. С. 10.
[127] *Надеждин Н. И.* Записка о путешествии по южнославянским странам // Там же. 1842. № 4—6. С. 100.
[128] *Бычков А. Ф.* Отчет о деятельности второго отделения имп. Академии наук за 1880 г. СПб., 1881. С. 75—76.
[129] Донесение адъюнкта Срезневского. . . С. 35.
[130] *Петровский Н. М.* Библиографический список печатных трудов В. И. Григоровича // Изв. ОРЯС. 1914. Т. 9. С. 269.
[131] *Vraz S.* Narodne pěsme bugarske // Kolo. 1847. N 4. S. 37—56; N 5. S. 24—57.
[132] *Григорович В. И.* Очерк путешествия по европейской Турции: (С картой окрестностей Охридского и Преспанского озер). Казань, 1848. См. также: Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915.
[133] См. в кн.: *Ковалевский Е. П.* Собр. соч. СПб., 1871. Т. 3—4.
[134] *Гильфердинг А. Ф.* Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии. М., 1856. С. 9. 31—35.
[135] *Пыпин А. Н.* [Рецензия] // Современник. 1860. Т. 80. Март. С. 121 (разд. паг.).

Рец. на кн.: Босния, Герцеговина и Старая Сербия / Сборник, составленный А. Гильфердингом. СПб. 1860.

136 *Прейс П. И.* О эпической народной поэзии сербов // Годичный акт в имп. СПб. университете. СПб., 1845. С. 1, 2, 24.

137 *Ламанский В. И.* Остатки работ П. И. Прейса: К истории славяноведения // Живая старина. 1898. Вып. 3/4. С. 14, 18, 20, 21, 25, 27.

138 *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М.: Госполитиздат, 1949. Т. 2. С. 294—317.

139 *Срезневский И. И.* Труд и мнения Н. В. Берга касательно народных песен // Изв. ОРЯС. 1855. Т. 4: Библиографические записки. С. 392.

140 *Срезневский И. И.* Замечания об эпическом размере славянских народных песен. СПб., 1861. С. 5, 11.

141 *Срезневский И. И.* Юго-западные славяне // Вестн. РГО. 1856. Ч. 18. Отд. 2, С. 94—106.

142 *Венелин Ю. И.* О зарождении новой болгарской литературы. М., 1838. Кн. 1. С. 19, 38.

143 *Мурзакевич Н. Н.* Нынешнее состояние просвещения в Болгарии // ЖМНП. 1838. № 5. С. 123.

144 *Grigorovič V.* Národní vychování u Bulharů // Květy. 1847. N 34, 35.

145 *Срезневский И. И.* Очерк книгопечатания в Болгарии // ЖМНП. 1846. № 9. С. 4, 26.

146 *Касторский М. И.* Новейшая чешская литература // Там же. 1838. № 6.

147 *Соколов А. И.* Краледворская рукопись и Суд Любуши // УЗКУ. 1845. Кн. 4. С. 1—145; 1846. Кн. 1. С. 1—78.

148 Там же. 1846. Кн. 1. С. 1—3.

149 *Лаптева Л. П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России XIX и начала XX в. // Studia Slavica Hungarica. Budapest, 1975. T. 21. S. 72—73.

150 *Берг Н. В.* Краледворская рукопись: Собрание древних чешских эпических и лирических песен. М., 1846.

151 *Срезневский И. И.* [Рецензия] // ЖМНП. 1847. № 7—9. Отд. 6. С. 161—162. Рец. на кн.: Соколов А. Краледворская рукопись и Суд Любуши. Казань, 1845. 224 с.

152 Древнечешская песня о суде Любуши с переводом на болгарское наречие / С предисл. И. Срезневского. СПб., 1852.

153 *Срезневский И. И.* Исторический очерк сербо-лужицкой литературы // ЖМНП. 1844. № 7—9. Отд. 2. С. 36—38, 61, 65.

154 *Гильфердинг А. Ф.* Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии. С. 9, 26—27.

155 *Дубровский П. П.* Адам Мицкевич: Из очерков новейшей польской литературы. СПб., 1858. С. 2.

156 *Срезневский И. И.* Славянские новости: Чешский театр: Письмо к редактору «Отечественных записок» // ОЗ. 1841. Т. 14. С. 98, 104.

157 *Чижов Ф. В.* Заметки путешественника по славянским землям // Русская беседа. 1857. Кн. 5. С. 1—37; Кн. 6. С. 1—37; *Козьменко И. В.* Дневник Ф. В. Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник // Славянский архив: Сб. ст. и материалов. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 127—260.

158 *Григорович В. И.* Краткое обозрение славянских литератур // УЗКУ. 1841. Кн. 1. С. 93—153.

159 *Григорович В. И.* Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах // Там же. 1842. Кн. 3. С. 105—216; 1843. Кн. 4. С. 3—56. Отд. отт. 1843; *Он же.* Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах. Часть 1-я 2-й эпохи. Казань, 1843. С. 7, 9.

160 Там же. С. 13, 27—28.

161 Там же. С. 85—87, 104—108.

162 Там же. С. 24, 26

163 ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 42. Д. 91. Л. 43.

164 *Венелин Ю. И.* Замечание на сочинение г-на Яковенки о Молдавии, Валахии и проч. // Московский вестник. 1828. № 10. С. 263, 272; № 16, С. 373; № 18, С. 173.

165 *Руссов С. В.* Письмо о Россиях, бывших некогда вне нынешней нашей России // ОЗ. 1853. № 86. С. 463—488; № 87. С. 104—126; № 89. С. 337—368.

166 *Руссов С. В.* Взгляд на историю трех княжеств: Валахии, Молдавии и Бессарабии, с II по XIII столетия. СПб., 1828. С. 6, 22.

[167] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 47.
[168] Н. А. Полевой — М. П. Погодину // Московский телеграф. 1829. № 19. С. 396—400.
[169] Критические замечания на 1-й том книги под названием «Древние и нынешние болгаре в отношении к россиянам» // Лит. газ. 1830. 26 янв. № 6. С. 44—47. Подписано криптонимом «I». Авторство установлено по кн.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М.: Всесоюз. кн. палата, 1956. Т. 1. С. 399.
[170] *М. П [огодин]*. [Рецензия] // Московский вестник. 1830. Ч. 6. С. 138, 144—146. Рец. на кн.: Венелин Ю. И. Древние и нынешние болгаре. М., 1829. Т. 1.
[171] Н. А. Полевой — М. П. Погодину. С. 397.
[172] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 430—431.
[173] Славянский сборник Н. В. Савельева-Ростиславича. СПб., 1845. С. 239.
[174] *Францев В. А.* Материалы для истории славянской филологии. Варшава, 1905. С. 1061.
[175] *Венелин Ю. И.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам: Историко-критические изыскания. М., 1829. Т. 1. С. 16.
[176] Там же. С. 53, 66.
[177] *Вельтман А.* Аттила и Русь IV и V века: Свод исторических и народных преданий. М., 1858. С. 1, 130.
[178] *Венелин Ю. И.* [Предисловие] // Венелин Ю. И. Древние и нынешние болгаре... М., 1849. Т. 2. С. 1.
[179] *Венелин Ю. И.* Критические исследования об истории болгар с прихода болгар на Фракийский полуостров до 968 г. или покорения Болгарии великим князем русским Святославом. М., 1849. С. 1, 10, 77.
[180] *Савельев-Ростиславич Н. В.* Новый источник болгарской истории для объяснения хронологии и генеалогии болгарских государей IX века // Славянский сборник. СПб., 1845. С. 39—60. Первая публикация в ЖМНП. 1844. № 6. С. 1—21 (разд. паг.)
[181] *Савельев-Ростиславич Н. В.* Болгарин Василий Евстафьевич Априлов: Биографический очерк // СПб. ведомости. 1848. № 221—224. Отд. отт. 50 с.
[182] *Скальковский А. А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае: Стат. очерк. Одесса, 1848. С. 2—3.
[183] *Добролюбов Н. А.* [Рецензия] // Собр. соч. М.; Л.: Гослитиздат. 1962. Т. 4. С. 250. Рец. на кн.: Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении / Соч. С. Палаузова.
[184] ЦГИА СССР. Ф. 735. Оп. 2. Д. 97. Л. 1.
[185] *Момирович Д.* Краткая история и география Сербии. СПб., 1839. С. 1—53.
[186] *Попов А. Н.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. С. V, XVII—XVIII.
[187] *Раевский М. Ф.* Краткий очерк Герцеговины // ЖМНП. 1850. № 7. Отд. 2. С. 44—58; № 8. Отд. 2. С. 99—116.
[188] *Григорович В. И.* О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях: Речь, произнесенная 10 июля 1858 г. в торжественном собрании имп. Казанского университета. Казань, 1859. С. 4, 7, 29.
[189] Современник. 1860. № 4. С. 323.
[190] *Гильфердинг А. Ф.* Собр. соч. СПб., 1868. Т. 1.
[191] *Елагин В. А.* Об «Истории Чехии» Франца Палацкого // ЧОИДР. 1848. № 7. С. 1—44.
[192] *Новиков Е. П.* Православие у чехов // Там же. № 9. С. 94—96.
[193] Очерки истории исторической науки в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. С. 433. 440.
[194] *Новиков Е. П.* Гус и Лютер: Критическое исследование. М., 1859. Ч. 1. С. 1.
[195] Там же. Ч. 2. С. 245.
[196] *Венелин Ю. И.* О нашествии завислянских славян на Русь до Рюриковых времен. М., 1848. С. 29, 33.
[197] Славянский сборник. СПб., 1845. С. V—CCXXXIX.
[198] *Грановский Т. Н.* Полн. собр. соч. СПб., 1905. Т. 1. С. 77 и др.
[199] *Гильфердинг А. Ф.* История балтийских славян. М., 1855, Т. 1. С. III; *Он же.* Борьба славян с немцами на Балтийском поморье в Средние века. СПб., 1861. С. 1; *Лаптева Л. П.* Проблема германизации полабских и балтийских славян

в русской дореволюционной историографии // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966. С. 172—174.

200 Современник. 1860. № 3. С. 130.

201 *Куник А. А.* Литература истории в Германии за два последних века // Москвитянин. 1841. Кн. 2. С. 402—464; Кн. 3. С. 68—130.

202 Помимо упоминавшихся уже работ, назовем: *Венелин Ю. И.* Окружные жители Балтийского моря, т. е. леты и славяне. М., 1847. 76 с.

203 *Венелин Ю. И.* Древние и нынешние болгаре. . . Т. 1. С. VI.

204 *Хомяков А. С.* Соч. 3-е изд. М., 1901. Т. 6, ч. 2. С. 463.

205 *Чертков А. Д.* Пелазго-фракийские племена, населявшие Италию и оттуда перешедшие в Ретию, Венделикию и далее на север до реки Майна // Временник ОИДР. 1853. Кн. 16. С. 1—102.

206 *Вельтман А. Ф.* Индо-германцы или сайване: Опыт свода и поверки сказаний о первобытных населенцах Германии. М., 1856. С. 6, 97—99, 111—119, 136—138, 149—153; *Ламанский В. И.* О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859. С. 1.

207 *Рейц А.* Политическое устройство и права прибрежных островов и городов Далмации в средние века, раскрытые из их муниципальных статутов // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. М., 1845. Т. 1, ч. 2. С. 5.

208 *Косачевская Е. М.* М. А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 252—260.

209 ЦГИА СССР. Ф. 735. Оп. 1. Д. 649. Л. 1—1 об., 4.

210 Например: *Иванишев Н. Д.* Рассуждение об идее личности в древнем праве богемском и скандинавском // ЖМНП. 1842. № 10. Отд. 2. С. 1—18; *Он же.* Соч. Киев, 1876. С. 87—101.

211 *Панов В. А.* Путешествие по землям западных и южных славян. Вып. I. Которский округ в Далмации. М., 1844. Цит. слова приведены на обороте обложки. Продолжения издания не последовало.

212 *Раевский М. Ф.* Краткий очерк Герцеговины. С. 107, 112—113.

213 *Зедделер Л. И.* Обозрение истории военного искусства. СПб., 1843. Т. 2. С. VI, 101—102, 175—178.

214 *Срезневский И. И.* Разбор сочинения В. И. Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // 29-е присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград 16 июня 1860 г. СПб., 1860. С. 129.

215 Современник. 1860. № 4. С. 316.

216 *Ламанский В. И.* Указ. соч. С. 370.

217 Современник. 1860. № 4. С. 309.

218 *Пичета В. И.* К истории славяноведения в СССР // Историк-марксист. 1941. № 3. С. 38.

219 *Кондрашов Н. А.* Осип Максимович Бодянский. М., 1958. С. 31.

220 *Францев В. А.* Очерки по истории чешского возрождения. С. 298—299.

221 *Ягич И. В.* Указ. соч. С. 463.

222 Там же. С. 462—463.

223 Цит. по кн.: *Минкова Л.* Осип Максимович Бодянски и Българското възраждане. С., 1978. С. 33—34.

224 *Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции // УЗКУ. 1848. Кн. 3. С. 9.

225 ЛО ААН СССР. Ф. 106. Оп. 1. Д. 145. Л. 15—16. См. также: *Срезневский И. И.* На память об О. М. Бодянском, В. И. Григоровиче и П. И. Прейсе // Зап. АН. 1878. Т. 31, кн. 1. С. 86.

226 *Прейс П.* Донесение г. министру народного просвещения из Берлина от 20 июня 1840 года // ЖМНП. 1840. № 11. С. 2.

227 *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3. С. 346.

228 Письма П. И. Прейса к М. С. Куторге, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (с предисл. В. И. Ламанского) // Живая старина. 1890. Вып. II. С. 108.

229 *Бернштейн С. Б.* Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2. С. 127.

230 *Толстой Н. И.* И. И. Срезневский — диалектолог // Из истории славяноведения в России. Тарту, 1981. Вып. 1. С. 35.

[231] Отдел рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. Ф. 73. Д. 3.

[232] См.: *Венедиктов Г. К.* И. И. Срезневский и начало болгарской лексикографии // Из истории славяноведения в России. С. 46—74.

[233] Купальские песни шаришских словаков // Изв. ОРЯС. Памятники и образцы народного языка и словесности. 1853. Т. 2. С. 285—288; Пословицы малогонтских словаков // Там же. С. 159—160.

[234] *Кондрашов Н. А.* Материалы для словаря наречий горных словаков, собранные И. И. Срезневским // Jazykovedny casopis. Br., 1958. Roč. 9. С. 1—2; ЛО ААН СССР. Ф. 218. Оп. 1. Д. 511.

[235] *Кондрашов Н. А.* Словацкие материалы в архиве И. И. Срезневского // Филол. науки. 1959. № 4. С. 166.

[236] См.: *Досталь М. Ю.* Проблемы чешской и словацкой филологии и истории в лекционных курсах И. И. Срезиевского: (По материалам ААН СССР и ОР ГПБ) // Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX—начале XX в. М., 1974. С. 387—395.

[237] ЦГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 441, 447. Обе работы опубликованы в кн.: Wieś śląska u 1840 r. Relacje z podrózy naukowej J. J. Sriezniewskiego po Śląsku. Wrocław, 1973.

[238] *Толстой Н. И.* Указ. соч. С. 32.

[239] См.: *Бернштейн С. Б.* Русское славяноведение о серболужицких языках // Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 7—8.

[240] *Срезневский И. И.* Мысли об истории русского языка. М., 1959. С. 27.

[241] Там же. С. 38.

[242] *Срезневский И. И.* Краткий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского // Памяти И. И. Срезневского. Пг., 1916. Кн. 1. С. 24.

[243] *Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. 2-е изд. М., 1877.

[244] *Срезневский И. И.* На память об О. М. Бодянском, В. И. Григоровиче и П. И. Прейсе. С. 105.

[245] *Бернштейн С. Б.* Академик П. С. Билярский и его вклад в изучение языка среднеболгарской письменности // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 131—144.

[246] *Истрин В. М.* Письма к академику П. С. Билярскому, хранящиеся в Новороссийском университете. Одесса, 1906. С. XV.

Глава III

РАЗВИТИЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ С НАЧАЛА 60-х годов ДО КОНЦА XIX в.

1. Общественно-политические факторы, влиявшие на славистические исследования

С падением крепостного права движение России по пути капиталистического развития значительно ускорилось. Однако ограниченность правительственных реформ вела к трансформации старых и появлению новых противоречий социально-политического и идейно-научного характера. С начала 60-х годов лидирующее положение в освободительном движении вместо первенствовавших ранее дворянских революционеров заняли выходцы из разночинской среды — революционные демократы и народники. В 80-х годах на арену общественно-политической борьбы вышел пролетариат, начался процесс соединения социализма с рабочим движением.

Важные изменения, происшедшие в сфере общественной жизни, постепенно отодвинули на второй план дискуссии между сторонниками предреформенных доктрин западничества и славянофильства. В статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», подготовленной в 1894—1895 гг., В. И. Ленин писал: «С такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах русского народничества никак не разобраться. Народничество отразило такой факт русской жизни, который почти отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов труда и капитала». Не отрицая некоторого сходства между славянофильскими и народническими воззрениями, Ленин особенно подчеркивал их существенные различия: «Бесспорно, что народники очень и очень повинны в квасном патриотизме самого низкого разбора (г. Южаков, например). Бесспорно и то, что игнорирование социалистического метода Маркса и его постановки вопросов, касающихся непосредственных производителей, равносильно [. . .] с полным отчуждением от западной „цивилизации". Но сущность народничества лежит глубже: не в учении о самобытности и не в славянофильстве, а в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя»[1].

С падением крепостного права исчезла значительная часть объективных стимулов, вызывавших политическую оппозиционность русского либерализма, в том числе его славянофильской разновидности. Весьма значительная и довольно быстрая эволю-

ция вправо наблюдается в пореформенный период у всех видных славянофилов, продолжавших государственную, общественную или литературную деятельность. В новых условиях славянофильство пыталось за счет буржуазии расширить свою социальную базу, которая ранее была преимущественно либерально-помещичьей [2]. Это не принесло ощутимых результатов и не повлияло сколько-нибудь существенно на общественно-политическую эволюцию славянофилов, общая ориентация которых, особенно во внутренней политике, все более сближалась с правительственной точкой зрения. Расширялось и их практическое сотрудничество с различными органами царской администрации, прежде всего теми, которые занимались осуществлением крестьянской реформы.

Хотя социально-политическая ситуация коренным образом изменилась, споры вокруг славянского вопроса не прекращались. Живой интерес к данному кругу проблем стимулировался такими явлениями общественно-политической жизни, как русофикаторская политика царизма после восстания 1863—1864 г. в Царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Украине; Славянский съезд 1867 г., состоявшийся в Москве; «восточный кризис» 1876 г.; русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии от османского ига; контрреформы Д. А. Толстого в области просвещения, образования; реакционно-клерикальная пропаганда К. П. Победоносцева, активно поддерживаемая придворными кругами и т. д.

Сторонники теоретических концепций дореформенного славянофильства, провозглашавшие себя хранителями их заветов, составляли наиболее активную часть славянских комитетов. Среди инициаторов создания оформившегося в 1858 г. Московского славянского комитета были, в частности, И. С. Аксаков, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, а в инициативную группу Петербургского комитета, который начал функционировать в 1868 г., входили А. Ф. Гильфердинг и В. И. Ламанский. Автор специальной монографии о славянских комитетах С. А. Никитин писал: «Основу комитетской организации составляли дворянско-бюрократические элементы, им сопутствовали численно меньшие группы интеллигенции, духовенства. Буржуазный элемент представлял весьма незначительную группу. В составе комитетов не было демократических элементов. Они объединяли преимущественно представителей различных панславистских групп, других консервативных направлений, а также отчасти либеральных деятелей. Славянские комитеты, благотворительные общества или отдельные их члены действовали и в других городах, например в Киеве и Одессе, Казани и Тифлисе».

Создание славянских комитетов было санкционировано правительством и отчасти им финансировалось. Однако, как отмечает С. А. Никитин, «комитеты не были непосредственным органом министерства иностранных дел, хотя и действовали под его наблюдением и отчасти руководством. Это была общественная организация, стоявшая близко к министерству, связанная с ним в своей

внешней деятельности. Но во внутренних делах комитеты были вполне свободны и практически бесконтрольны»[3]. Свои задачи деятели комитетов делили на благотворительные и пропагандистские. Петербуржцы, среди которых, как и в Киеве, преобладали сторонники пропагандистского направления, заявляли, что имеющиеся средства нужно тратить прежде всего «на пропаганду славянской идеи в России, на поворот убеждений русского общества на правильный путь»[4].

Славянофилы, связанные со славянскими комитетами, прежде всего Московским, сыграли главную роль в организации славянского отдела Всероссийской этнографической выставки и проведении приуроченного к ней Славянского съезда 1867 г. в Москве. «Съезд, — констатирует С. А. Никитин, — организовали славянофилы и М. П. Погодин, являвшиеся членами Комитета, однако сделали они это не в качестве членов Комитета. Не в качестве членов Славянского комитета выступали на съезде с речами М. П. Погодин, В. А. Черкасский, И. С. Аксаков, С. М. Соловьев, известный славянофил Ф. В. Чижов и др. Но и они, и другие здесь не перечисленные члены Комитета играли главную роль во время съезда». В качестве гостей в Москву приехали 27 чехов, 28 сербов (в том числе 16 австрийских и 12 из княжеств), 10 хорватов, а также украинцы из Галиции, словаки, словенцы, черногорцы, серболужичане, болгары, кашубы — в общей сложности 81 человек. Их принимали весьма радушно как в Москве, так и в Петербурге. Было немало банкетов с длинными речами, торжественных приемов, в том числе у царя, великих князей и видных царских сановников, состоялись различные лекции и беседы. Информация обо всем этом широко публиковалась в газетах и журналах.

Деятельность славянских комитетов достигла своего апогея в 1875—1876 гг. Добиваясь расширения общественной и государственной помощи национально-освободительной борьбе южных славян, они развернули широкую пропагандистскую кампанию и сбор средств по всей стране, всячески подталкивая правительственные круги к активным действиям на Балканах, причем не только против Турции, но и против Австро-Венгрии. На этой почве назрел конфликт, в результате которого славянские комитеты были переданы в подчинение министерства внутренних дел, а самостоятельность их была существенно ограничена. Но преувеличивать значение конфликта нет оснований. С. А. Никитин совершенно прав, говоря, что разногласия в данном случае «были спором не столько о существе, сколько о форме, о темпе, о порядке и степени решения вопроса, который в конечном счете обе стороны хотели бы решить одинаково»[5].

Сохранив основу своих воззрений на славянский вопрос, М. П. Погодин в пореформенные годы значительно отошел от характерной для предшествующего периода панславистской его трактовки[6]. «Русские, — заявлял М. П. Погодин в 1867 г., — обязаны нравственно поддерживать всех славян [. . .], поддерживать их язык, образование, если даже по политическим обстоя-

тельствам и должны оставлять их под чужим владычеством». При этом он продолжал утверждать, что для будущего процветания славянства все славяне непременно должны выучить русский язык, ибо этот язык и кириллица лучше всего способны «выразить славянские звуки» [7].

И. С. Аксаков в исходных теоретических положениях оставался верным дореформенным славянофильским доктринам. В октябре 1861 г. он писал, что Россия имеет историческое призвание, нравственное право и обязанность освободить славянские народы от материального и духовного гнета и преподнести им «дар самостоятельного духовного и, пожалуй, политического бытия». Позднее вместо политической самостоятельности в прогрессе И. С. Аксаковым все чаще на первый план выдвигались либо «идея высшего духовного объединения в вере» (1865 г.), либо «народность» как «понятие по преимуществу нравственное и духовное» (1877 г.). Характерной чертой публицистики И. С. Аксакова была не только антитурецкая, но и антиавстрийская направленность. Призывая к усилению идейного воздействия России на зарубежных славян, помогая болгарам и сербам, учившимся в российских учебных заведениях, И. С. Аксаков был весьма озабочен тем, чтобы они не заразились «нашей общественной язвой — нигилизмом», который он относил к бесплодным «теориям отрицания и разрушения» [8].

Из петербургских профессоров, активно участвовавших в деятельности славянских комитетов и пытавшихся подвести научную базу под отходившие в прошлое славянофильские доктрины, выделялся В. И. Ламанский. Альфой и омегой его исторических воззрений являлось постоянное и всеохватывающее противопоставление греко-славянского, восточно-христианского мира миру романо-германскому, латино-немецкому, католическо-протестантскому. В. И. Ламанский справедливо и весьма доказательно опровергал фальсификацию истории славянских народов в тогдашней западноевропейской научной литературе, особенно немецкой. Однако его собственное отношение к странам Западной Европы и их цивилизации было не менее предвзятым. Не случайно он даже турецкое иго объявлял благотворным для славян, уверяя, будто «оно было злом относительным и искупается той пользой и тем благом, которое доставила Турция миру греко-славянскому, оберегая его и защищая от романо-германцев» [9]. Позитивная часть программы В. И. Ламанского сводилась к мысли «о необходимости всем славянам иметь общий письменный и дипломатический язык и об избрании на это русского языка» [10].

И. С. Аксаков, В. И. Ламанский, даже М. П. Погодин представляли, так сказать, идейно-политический центр среди членов славянских комитетов и среди тех, кто склонен был считать себя последователями славянофильских традиций. Правое крыло включало не только консервативных, но и реакционных деятелей, провозглашавших себя славянофилами, но являвшихся скорее прямыми наследниками «теории официальной народности». К их

числу относится, в частности, видный деятель славянских комитетов генерал А. А. Киреев, который в адресованном широкому читателю «изложении славянофильского учения» без обиняков заявлял: «. . .в кратких словах наше исповедание выражается в формуле — Православие, Самодержавие, Народность». Среди основных постулатов славянофильской теории А. А. Киреев выдвигал на первый план принцип «самодержавия» и подкреплял его принципом «православия» [11].

Новым явлением пореформенного периода было так называемое почвенничество, в создании и пропаганде которого активно участвовал Ф. М. Достоевский. Еще в 40-е годы он прошел и через увлечение западничеством и «славянской идеей» в ее демократической интерпретации [12]. Вернувшись из ссылки, писатель стал проповедовать идеи, во многом созвучные славянофильским доктринам, но не лишенные и некоторых новых черт. Он пришел к убеждению, что Россия имеет свой особый путь исторического развития, двигаясь по которому поведет за собой все человечество, утверждал, что предначертанную выше роль Россия сможет осуществить лишь в том случае, если оторвавшееся от «почвы» дворянство сблизится с народом, если все сословия объединятся под эгидой царя и православной церкви.

В небольшой брошюре, вышедшей в 1881 г., «почвеннические» идеи в речи Ф. М. Достоевского на открытии памятника А. С. Пушкину горячо защищал А. Д. Тиличеев. Характерно, что при этом он критиковал как «либералов» из «Вестника Европы», так и руководимый Г. Е. Благосветловым журнал «Дело» и «Отечественные записки», которые в те годы возглавлял М. Е. Салтыков-Щедрин. Опровергая авторов, которые сближали славянофильство с народничеством, сильно преувеличивая оппозиционные по отношению к царизму элементы в мировоззрении славянофилов, Тиличеев заявлял: «Славянофильская программа не исчерпывается программою радикализма: она [. . .] содержит еще, кроме того, национальные верования, надежды и стремления». Славянофильство, уверял Тиличеев, «может быть и консервативным, и либеральным, и радикальным». «Есть только два признака, по которым можно узнать всякое славянофильство: оно всегда национально и религиозно». Ф. М. Достоевский с его почвенничеством рассматривался Тиличеевым одновременно как славянофил и «народник-националист» [13].

Если говорить о славянофильском течении в его первоначальной форме, то оно в пореформенное десятилетие доживало свой век, а в середине 70-х годов вообще перестало существовать. Те эпигоны славянофильства, которые объявили себя его наследниками в 80-х годах, фактически не были таковыми. Они не могли или не хотели понять теоретические концепции названных течений как цельные, внутренние единые системы, а основывали свои рассуждения на обломках этих теорий.

К 1869 г. относится появление журнальной версии работы члена Петербургского славянского комитета Н. Я. Данилевского «Россия

и Европа», которая с 1871 по 1895 г. пять раз переиздавалась в книжном варианте. Сочинение это создавалось во времена почти безраздельного господства позитивизма в естественных науках и довольно широкого его распространения в обществоведении. Однако это был поздний позитивизм, во многом утративший социально-политический радикализм, свойственный О. Конту и некоторым его ученикам, особенно Э. Литтре. Ближайшими зарубежными аналогами труда Данилевского специалисты считают сочинения Г. Рюккерта и Г. Риля, которые в конце 50-х—начале 60-х годов XIX в. выпустили работы по так называемой естественной истории народов Европы и всего земного шара, пытаясь перевести на человечество закономерности развития животного мира.

Концепция Данилевского основывалась на убеждении в том, что история человечества распадается на историю «частных цивилизаций» или «культурно-исторических типов», каждый из которых охватывает ряд близких друг другу этнонациональных общностей. В отличие от Гегеля и теоретиков дореформенного славянофильства, так или иначе признававших единство мирового исторического процесса, Данилевский рассматривал развитие исключительно внутри каждой из «частных цивилизаций», уподоблял их тем классам, на которые зоологи подразделяют известных им животных. Славян Данилевский не только относил к особому культурно-историческому типу, находившемуся на этапе подъема, тогда как романо-германский культурно-исторический тип вступал в период упадка. Утверждая, что поступательное движение каждого культурно-исторического типа лучше всего осуществляется в замкнутом социально-политическом пространстве, Данилевский призывал как можно скорее образовать возглавлямое Россией федеративное государство славян со столицей в Константинополе [14].

Сугубо националистическая и расистская в своей основе теория Данилевского была подвергнута критике в народнической и либеральной периодике. Зато со стороны консервативных и откровенно реакционных кругов она получила значительную поддержку. Большинство славянофилов, быстро эволюционировавших вправо, оказались в числе сторонников этой теории. Так или иначе, включили ее в свои концепции и некоторые из видных профессиональных славистов, например В. И. Ламанский, О. Ф. Миллер [15].

Горячим сторонником и пропагандистом идей Данилевского стал симпатизирующий славянофильским доктринам философ, публицист и литературный критик Н. Н. Страхов. По его мнению, теория культурно-исторических типов Данилевского придала «мысли о нашей самобытности строго научную форму». На протяжении 80-х годов Страхов горячо защищал «учение» Данилевского от критики естественников и обществоведов. Идейно-политическая позиция Страхова отчетливо проявлялась в его отношении к А. И. Герцену, которого на страницах своих произведений он пытался превратить в славянофила и либерала, одинаково далекого как от революционной теории, так и от революционной практики [16].

Для 80-х—90-х годов весьма характерно расчленение единой доктрины «классического» славянофильства на составные части с гипертрофированием какой-либо одной из них. С этой точки зрения показательна воинствующе реакционная теория «разочарованного славянофила» К. Н. Леонтьева, сочинения которого позже вошедшие в моду, у современников, по свидетельству С. Н. Трубецкого, пользовались «заслуженной неизвестностью»[17]. В своих произведениях Леонтьев рассматривал прошлое, настоящее и будущее славянских народов исходя из убеждения в абсолютной незыблемости принципов православия и самодержавия. Идею же «народности» вместе с любыми проявлениями русского или славянского национального самосознания он в корне отвергал как нечто надуманное и вредное. Выделяя славянство и противопоставляя его «испорченному» Западу, Леонтьев считал славянский мир этнически аморфным массивом, который смог обрести культурное единство только под воздействием «византинизма». На основе приверженности к самодержавной форме правления и православной вере Леонтьев предлагал создать возглавляемую династией Романовых «славяно-русскую империю» со столицей в Константинополе. Революционные потрясения и любое проявление свободомыслия бесили Леонтьева; «прогресс» он признавал лишь в форме усиления реакции. Истинно русская мысль, уверял он, должна быть «прогрессивно-охранительной, [. . .] реакционно-двигательной, т. е. проповедовать движение вперед на некоторых пунктах исторической жизни, но не иначе как посредством сильной власти и с готовностью на всякие принуждения»[18]. Позиции ранних славянофилов и их пореформенных сторонников казались Леонтьеву недостаточно консервативными. Оценивая И. В. Киреевского, Н. Я. Данилевского и А. А. Киреева, Леонтьев заявлял: «Все они более или менее либералы»[19].

Известный философ и публицист В. С. Соловьев лавировал между догматами западников и славянофилов. Решающую роль в славянском вопросе Соловьев отводил не национальному, а религиозному фактору. «Религиозная и церковная идеи, — заявил он, — должна первенствовать над племенными и народными стремлениями». Внешнеполитические задачи России Соловьев связывал со славянством и определял как «славянофильские», но не столько в смысле племенных симпатий, сколько в смысле духовно-религиозного единства. Призвание славянства, считал он, состоит не в том, чтобы сменить Европу на исторической сцене, а в том, чтобы исцелить ее, усилив «положительное христианское начало, еще сохраняющееся на Западе в католической церкви». При этом Соловьев исходил из убеждения, что восточное православие и западное католичество не исключают, а восполняют друг друга, что вражда между ними «не вытекает из их истинной сущности, а есть лишь временный исторический факт»[20].

В своей работе «Национальный вопрос в России» Соловьев выделил большую главу «Славянофильство и его вырождение». Дореформенных славянофилов он называл «археологическими

либералами», но в своей критике славянофильской идеологии практически не выходил за пределы религиозной сферы. Отмечая, что А. С. Хомяков, К. С. Аксаков и их единомышленники не раз говорили о «вселенском характере религиозной истины», Соловьев возмущался тем, что эти заявления «не помешали славянофильству перейти на деле без остатка в нынешний антихристианский и безыдейный национализм», т. е. отказаться от «вселенской» религии. Сочинение Данилевского, писал Соловьев, — это «обдуманная и наукообразная система национализма»; вся она, особенно теория «культурно-исторических типов», требует «серьезного критического разбора». Мысль о том, что между немцами, французами, испанцами и англичанами лежат не глубокие национальные отличия, а только политические границы, Соловьев считал абсурдной. Возражал он и против утверждения Данилевского о том, что культурные достижения могут вырасти только на национальной почве. Напротив, заявлял он, «самые великие и важные явления в истории человечества [. . .] были ознаменованы именно разрывом национальной ограниченности, переходом от народного к всечеловеческому». «Стремление отдельного народа к утверждению себя за счет других национальностей, к господству над ними есть полное извращение национальной идеи; в нем народность из здоровой, положительной силы превращается в болезненное, отрицательное усилие, опасное для высших человеческих интересов и ведущее самый народ к упадку и гибели» [21].

Соловьев неоднократно повторял мысль о том, что к 80-м годам славянофильские теории окончательно изжили себя. Он писал: «Если славянофильство было когда-нибудь живым целым, то ныне этого целого более не существует; оно распалось на составные элементы, из коих одни по естественному родству вошли в соединение с так называемым западническим лагерем, а другие столь же естествено притянуты и поглощены крепостничеством, антисемитизмом, народничеством и т. п.» По мнению Соловьева, истинное благо России состояло в развитии «христианской политики», в том, чтобы по всем общественным и международным отношениям применять начало истинной религии, решать по-христиански все существенные вопросы социальной и политической жизни [22]. Короче говоря, взамен национального эгоизма и ретроградства, к которому пришли наследники и эпигоны дореформенного славянофильства, Соловьев предлагал архиутопическую идею наднационального христианского универсализма, который ему представлялся свободным единением человечества вокруг истинной церкви.

Исторические судьбы славянофильства занимали и П. Н. Милюкова. Эволюция славянофильской идеологии представлялась ему следующим образом: «В основе старого славянофильства лежали две идеи, неразрывно связанные: идея русской национальности и идея ее всемирно-исторического предназначения. У последователей школы эти идеи разделились. Идея национальности сделалась исключительным достоянием охранительной, так ска-

зать правой, группы славянофильства. Идея всемирно-исторической роли русской национальности возрождена была на наших глазах другой группой, которую можно было бы назвать левой славянофильства; связь ее с славянофильством несомненна, хотя она сама и отказывается иногда причислять себя к последователям этого учения». Милюков безоговорочно включал в число славянофилов Данилевского. Научный уровень его книги Милюков оценивает весьма скептически. Неубедительными представляются ему рассуждения Данилевского о внешней политике России, которые основываются на проповеди «ненависти России к Европе» и воплощаются в проект «всеславянской федерации с Россией во главе и с Константинополем как столицей федеративного союза». Милюков резко осуждает Данилевского за то, что он совершенно реальное понятие нации («народности») трансформировал в метафизическую конструкцию «культурно-исторических типов», с помощью которой он старался свою теорию «плотно пригнать к старому учению славянофильства». Критический разбор этой теории Милюков завершил выводом: «Национальный эгоизм и исключительность — таков последний практический вывод из философии истории Данилевского» [23].

О К. Н. Леонтьеве у Милюкова говорится как о типичном представителе правого крыла пореформенного славянофильства, который оказался способным «вывести из националистической теории все практические последствия и довести ее до абсурда». Милюков подчеркивал, что Леонтьев, по его собственному признанию, первое время был учеником и ревностным сторонником концепции Данилевского. Отмечая, что некоторые из последователей Данилевского «с отвращением отшатнулись» от Леонтьева — «этого нигилиста славянофильства и теоретика реакции», Милюков делает весьма существенную оговорку: «Данилевский [. . .] не всегда высказывался по вопросам внутренней политики; но там где он высказывается, его практические советы идут в направлении Леонтьева».

По мнению Милюкова, у большинства наследников дореформенного славянофильства национальная идея, лишенная своей гуманитарной подкладки, превратилась в систему национального эгоизма, из которой была выделена теория реакционного обскурантизма. После этого путь к будущему лежал для них только через реставрацию старых идеалов, прежде всего теории всемирно-исторического призвания славянства. Тем более что ранние славянофилы ценили общину «не столько как справедливую форму социальной организации, сколько как бессознательное выражение чувства христианской любви, т. е. как проявление религиозного начала, присущего русскому народному духу». Попытку перестройки в этом направлении Милюков усматривает в «почвенничестве», особенно в мысли Ф. М. Достоевского о том, что стать настоящим русским означает стать братом всех людей [24].

Завершением перестройки «левого» направления среди продолжателей славянофильства Милюков считает взгляды

Соловьева. Созданную им историко-социологическую концепцию Милюков довольно метко называет «мистической космогонией», восходящей к средневековой идее о союзе всемирной церкви со всемирной монархией, и оценивает как теорию, весьма далекую от «общепринятых приемов научного мышления». По мнению Милюкова, для спасения славянофильской идеологии оказались одинаково непригодными как способ Данилевского — Леонтьева, так и способ Соловьева, ибо «абсолютизм национальный чужд современной социологии», а «абсолютизм религиозный чужд современной этике». Исходя из этого, Милюков делал вывод о том, что «славянофильство было когда-то», что «теперь оно умерло и не воскреснет» [25].

В дворянско-буржуазных течениях русской общественной мысли второй половины XIX в. существовали и иные интерпретации славянской идеи. Одна из них связана с именем историка права А. Д. Градовского, выступавшего с позиций консервативного либерализма и пытавшегося в своих воззрениях примирить европейский конституционализм с защитой русских национальных традиций, подняться над концепциями западников и славянофилов. Этот эклектический путь не привел А. Д. Градовского к оригинальному и достаточно убедительному решению славянского вопроса, хотя некоторые высказанные им соображения представляют несомненный интерес как с общественно-политической, так и с научной точки зрения.

Следуя модным в XIX в. позитивистским теориям и прямо ссылаясь на ряд западноевропейских авторов, Градовский выступал в качестве горячего сторонника «национальной идеи», призывал «увидеть в народности нормальную основу каждого государства». По его убеждению, такая концепция противоречит узкому национализму и в то же время «одна может быть противопоставлена требованиям», которые принято называть «разрушительными» (т. е. революционными). Чтобы уравновесить свое созвучное с западничеством преклонение перед принципом государственности, Градовский тут же делает оговорку в славянофильском духе: «Национальная теория видит условия народного прогресса не в той или иной компликации государственных форм [. . .], а в возрождении духовных сил народа, в его самосознании и обновлении его идеалов» [26].

Градовский отвергал как безоговорочное отрицание дореформенными славянофилами западноевропейской культуры, так и высказывания некоторых дореформенных западников о полной бесперспективности исторического развития славянских народов. «Отбрасывая крайности, вытекающие из беспощадной метафизики двух школ, — уверял он, — мы легко открываем зародыш национальной теории». Славянофильские и западнические доктрины Градовский считал мертвыми, заявляя, что их «надо похоронить вместе». Его отношение к «покойникам» постепенно менялось, причем критический пафос все больше сосредоточивался на «западнических» тенденциях, а по отношению к славянофильским

идеям все чаще высказывались сочувствие и понимание. Характерной чертой идейно-научных позиций Градовского являлось стремление доказать, что славянская идея вовсе не чужда либерализму, что «новые» либералы «неославянофильского» толка всегда готовы бороться с разными «нигилистами», «разрушителями», а тем более «социалистами»[27].

На протяжении пореформенных десятилетий заметную роль в дискуссиях по славянскому вопросу играл крупный ученый-славист А. Н. Пыпин (1829—1906). В отличие от А. Д. Градовского, который сначала пытался балансировать между двумя направлениями, А. Н. Пыпин всегда критически относился к доктринам славянофильской окраски. Близкий к Н. Г. Чернышевскому и тесно связанный с кругом журнала «Современник» вплоть до его закрытия в 1866 г., Пыпин и в последующие годы оставался в основном верным прогрессивно-демократическим традициям 60-х годов.

Свое мнение о дореформенном славянофильстве Пыпин высказывал в журнальных статьях и рецензиях, главным образом на страницах «Современника». В обобщенной форме оно также излагалось неоднократно, в том числе в специальной главе книги, посвященной «литературным мнениям» 20—50-х годов XIX в. Признавая, что «большой исторической заслугой» славянофилов является внедрение в русское общественное сознание «славянского понимания народа», Пыпин четко показывал и отрицательные черты их воззрений, которые, по его мнению, связаны прежде всего с «теологическим основанием» славянофильской доктрины. В то же время Пыпин отмечал: «Славянофильство, хотя и очень близкое к господствовавшей официальной народности, не пользовалось благосклонностью высших сфер, которые если не осуждали основных его тенденций, то, кажется, думали, что оно идет в них слишком далеко и берется не за свое дело, предпринимая истолкование истинных начал русской жизни»[28].

В 1864—1878 гг. Пыпин опубликовал серию статей, которые впоследствии были объединены в книгу очерков, озаглавленную «Панславизм в прошлом и настоящем». Очерки явились первым научным исследованием, освещающим историю появления и развития идеи славянской общности, анализирующим различные ее интерпретации во всех славянских странах. «. . .Панславизм, — писал Пыпин, — по своему происхождению был естественным следствием национального возрождения славянских племен с конца прошлого столетия. Его политическая будущность темна; настоящее неопределенно [. . .], но как стремление славянства создать себе политическое существование, скрепить междуплеменные отношения в прочную нравственную и политическую солидарность панславизм имеет за собой полное право. Это то же право, какое имело за себя борьба за национальное единство у немцев и итальянцев». Исследуя конкретный материал различных славянских стран, Пыпин выделял три основные интерпретации идеи славянской общности (по его терминологии, «варианты панславизма»): во главе с Россией против Европы; во главе с Польшей

против России; всеобщая демократическая федерация славян. В тогдашней обстановке он считал их нереальными, ибо, по его мнению, в языке, культуре и социально-политическом положении славянских народов было настолько много различий, что их объединительные стремления, хотя и существовали, проявлялись «неровно» и «неустойчиво». Лидерство русского народа как самого многочисленного среди славян Пыпин признавал естественным, но неизменно подчеркивал, что главенствующее положение в славянском мире тогдашняя Россия будет вправе занять только после того, как на ее территории осуществятся весьма серьезные социально-политические преобразования. Весьма активно поддерживая мысль относительно культурного сближения, Пыпин категорически отвергал планы объявления русского языка единственным языком общения славян, как и любые высказывания о бесперспективности национальных литератур малых славянских народов. В отношении политической сферы скепсис Пыпина был глубоким, но не всеохватывающим. Подводя итоги своим рассуждениям по данному вопросу, он писал: «Едва ли можно думать, что нынешние политические условия останутся неподвижными; вероятнее, напротив, что время будет делать свое, что придут более широкие формы и идеи, которые дадут место и такому славянскому союзу, какой теперь считается невозможным; неизменность форм может стать опасностью для самой России. Само развитие славянской солидарности может здесь подействовать, открывая новые условия и потребности, — если только сумеет идти в уровень с лучшими стремлениями в самом русском обществе»[29].

В своих суждениях Пыпин исходил из того, что социальные противоречия оказывают большое, зачастую решающее воздействие на национальные движения. С этих позиций он критиковал воззрения и практическую деятельность, с одной стороны, русских славянофилов дореформенной эпохи и их идейных наследников, с другой — зарубежную, в особенности немецкую, публицистику, которая запугивала народы Европы практически несуществующей угрозой панславизма. При этом он конкретными фактами доказывал, что «внутренняя политическая жизнь славянства так подавлена чужими и своими, что говорить [...] о „панславизме", грозящем Европе, есть шутка или ирония»[30].

Таким образом, занявшись историей панславизма, Пыпин высказал немало хотя и ограниченных позитивистской методологией автора, но вполне здравых мыслей относительно происхождения, сущности и идейно-политического значения славянской идеи. Важно и то, что, обратившись к истории славяноведения, он же впервые рассмотрел его в тесной связи с различными интерпретациями идеи славянского единства[31]. К сожалению, для работ Пыпина характерна терминологическая путаница, вызванная объединением нескольких разнородных понятий одним термином «панславизм», на неточность, неопределенность и условность которого он сам неоднократно указывал.

Дискуссии по славянскому вопросу отразились в антиправительственной публицистике, изданиях русской политической эмиграции, программных документах и повседневной деятельности революционных организаций 60—90-х годов XIX в.

Для М. А. Бакунина пореформенный период ознаменовался постепенным переходом на позиции анархизма, ослаблением интереса к национально-освободительному движению. Вскоре после побега из Сибири и возвращения к политической деятельности он начал публиковать воззвание «Русским, польским и всем славянским друзьям», которое в основном повторяло его славянскую программу периода революции 1848 г. (публикация не была завершена) [32]. Впоследствии Бакунин несколько раз возвращался к славянской теме. Так, в составленной им «Программе славянской секции Интернационала» говорилось: «Славянская секция, стремясь к освобождению славянских народов, вовсе не предполагает организовывать особый славянский мир, враждебный, из чувства национального, народам других рас. Напротив, она будет стремиться, чтобы славянские народы также вошли в общую семью человечества, которую Международное общество рабочих призвало осуществить на началах свободы, равенства и всеобщего братства». В другом месте, характеризуя задачи секции, Бакунин заявлял: «Она будет бороться с одинаковой энергией против стремлений и проявлений как панславизма, т. е. освобождения славянских народов при помощи русской империи, так и пангерманизма, т. е. при помощи буржуазной цивилизации немцев. . .» [33].

Революционно-демократическую точку зрения на славянский вопрос продолжал отстаивать А. И. Герцен. В 1862—1863 гг. он окончательно отказался от идеализации славянофилов, которых когда-то называл «друзьями-противниками». Освобождение русского и польского народов Герцен рассматривал как начало освобождения всего славянства, а свободный союз Польши и России — «как начало вольного соединения всех славян в единое и раздельное Земское дело» [34]. В период польского восстания 1863—1864 гг. «Колокол» и другие герценовские издания неизменно поддерживали борьбу польского народа за независимость, боролись с захлестнувшими Россию шовинистическими настроениями; отмечая это, В. И. Ленин впоследствии писал: «Герцен спас честь русской демократии» [35].

Сохранилось датированное 1867 г. письмо Н. А. Огарева к М. А. Бакунину, в котором подробно излагаются взгляды издателей «Колокола» на славянский вопрос. «Дорогой Бакунин, — говорится в письме, — мне кажется, что твое письмо Герцену содержит коренную ошибку. Никогда Герцен не мог сойти за панслависта в духе императора Николая и профессора Погодина, и я вижу глубокое различие между панславизмом и освобождением славянских народов, ибо панславизм — всего только филологическая фантазия, тогда как освобождение из-под турко-австро-мадьярского гнета становится исторической необходимостью и требованием гуманности. Большое противоречие, возникающее

на этом пути, заключается в следующем вопросе: станет ли у славян силы, чтобы самим сбросить ярмо? Это вопрос, который они себе поставили и который неизбежно влечет их к России, какова бы она ни была, с тем, чтобы, воспользовавшись ее помощью, потом порвать с нею, если она к тому времени не осуществит у себя реформу. Возможно такое положение, при котором русское правительство, несмотря на обещание поддержать славян, обманет их, подобно тому, как французское правительство обманывает Польшу. Но ты не можешь не видеть, что рано или поздно Россия и только Россия (ибо другого никого нет) придет на помощь освобождению славян. Это устремление — историческое тяготение, от которого также невозможно уйти, как от земного тяготения. [. . .] Из великого столкновения должна разгореться крестьянская революция (другой и не существует) во всех ее формах, и что поделаешь, если элементы ее могут быть порождены одним лишь славянским Востоком? Ты не можешь не видеть этого, разве что закроешь глаза»[36].

В подцензурной печати революционно-демократический подход к славянскому вопросу отстаивал Д. И. Писарев. Подтверждением этому может служить, в частности, большая рецензия на посмертное издание сочинений И. В. Киреевского, которая была опубликована в «Русском слове» (1862, № 2). Д. И. Писарев отмечал в ней консервативность концепций ранних славянофилов, но в то же время указывал на наличие в их воззрениях некоторых элементов протеста против существующих порядков. Критикуя тех, кто не пытался разобраться в сути славянофильских доктрин, а предпочитал полемику с отдельными положениями славянофильских теорий, он заявлял: «Славянофильство не поветрие, идущее неизвестно откуда, это — психологическое явление, возникающее вследствие неудовлетворенных потребностей [. . .]. Славянофильство есть русское донкихотство; [. . .] отсюда происходят их вечнофразистые, вечнонеясные бредни о народности, о русской цивилизации, о будущем влиянии России на умственную жизнь Европы»[37].

Одновременно с Д. И. Писаревым и после его смерти в 1868 г. активное участие в критике различных форм славянофильства принимал М. Е. Салтыков-Щедрин. Создав вымышленные персонажи Тебенькова («западник») и Плешивцева («почвенник»), он выявил почти полное тождество между пореформенной трансформацией западнической идеологии и «почвенническим» вариантом славянофильства. В конце 70-х—начале 80-х годов великий сатирик жестоко высмеивал панславистские увлечения последователей Данилевского, полемизировал с теми, кто вслед за славянофилами идеализировал давно ставшие анахронизмом черты российской отсталости. С тех же позиций Салтыков-Щедрин отвергал «почвеннические» аргументы речи Достоевского на открытии памятника Пушкину в 1880 г.[38]

Революционное народничество многое унаследовало от революционеров-демократов в подходе к славянскому вопросу. Видный

теоретик народничества П. Н. Ткачев затронул его в статье, опубликованной в 1878 г. на страницах «Набата»[39]. Статья представляла собой критический разбор анонимных «Записок южнорусского социалиста», опубликованных в «украинофильском» журнале «Громада», который издавался в Швейцарии. Автором «Записок» был будущий литературовед и лингвист, а в то время студент Д. Н. Овсянико-Куликовский. Фактически в «Записках» излагалась концепция издателя «Громады» М. П. Драгоманова, который выдвигал национальные взаимоотношения на первый план исторического развития и пытался доказать, что организационная структура освободительного движения в России должна основываться прежде всего на национальном принципе[40].

По мнению Ткачева, сокровенная мысль «малорусских социалистов», т. е. Драгоманова и Овсянико-Куликовского, состояла в утверждении, что «социализм должен быть принесен в жертву национальности». Ткачев же категорически противопоставлял «принцип национальности» «принципу социальной революции», утверждая, что первый из них следует всегда приносить в жертву последнему. Эта односторонняя и недиалектическая позиция несколько смягчается тем, что в другом месте Ткачев заявлял: «Никто из русских революционеров никогда не воображал, что для осуществления социалистической формулы повсюду должны быть употреблены одни и те же способы [. . .] Однако проводить социализм при помощи различных, сообразных с требованием местных условий совсем еще не значит „национализировать" его»[41].

От концепции «русских якобинцев» и их журнала, редактируемого Ткачевым, заметно отличалась точка зрения другого выходившего в эмиграции печатного органа революционного народничества — журнала и газеты «Вперед!». Хотя редакция этого органа тоже исходила из того, что «вопрос национальный должен совершенно исчезнуть перед важнейшими задачами социальной борьбы», она прибегала к оговоркам, которые сильно ограничивали действие этого принципа. «Национальности, — заявляла она, — представляют совершенно реальную и неизбежную почву для каждого общественного процесса». Редакционная статья первого выпуска «Вперед!», откуда взяты приведенные цитаты, содержит целую программу по славянскому вопросу. «Мы верим, — говорится в статье, — что славянские народы могут настолько же, как народы германские, романские, англосаксонские, быть орудием для развития социальной будущности человечества [. . .], мы верим даже, что в столкновении славян с немцами на пределах двух немецких империй, с турками в пределах Оттоманской Порты менее политической рутины, менее буржуазной традиции находится на стороне славян, чем на стороне их врагов, что образование вполне независимых славянских государств там, где теперь суверенная власть принадлежит немцам и туркам, будет шагом вперед к осуществлению социальных идеалов человечества; поэтому мы сочувствуем глубоко борьбе

всех наших братьев славян против господства обветшалой культуры Турции или буржуазных политических типов Германии. Но мы сочувствуем этой борьбе настолько, насколько в ней проявляется стремление к лучшему общечеловеческому будущему, к ограждению личности, к свободе мысли и слова»[42].

Основным автором и редактором журнала и газеты «Вперед!» являлся в 1874—1877 гг. известный теоретик революционного народничества П. Л. Лавров, который оставил несколько специальных работ, посвященных славянскому вопросу. В 1870 г. в двух номерах «Отечественных записок» появилась большая его статья о философии истории славян. Она содержала развернутое опровержение исходных установок, вышедших в 1868 г. работ А. Ф. Гильфердинга, которые в целом соответствовали концепциям предреформенного славянофильства. Особо острой критике Лавров подверг, во-первых, противопоставление славян германским племенам по их физическим, психическим и умственным качествам, во-вторых, необоснованную идеализацию допетровской Руси. «Славяне, — писал он, — вовсе не нуждаются для своего исторического возвеличения в том, чтобы в их пользу отнимали у германских племен заслуженную последними честь политических строителей нового мира [. . .]. Если славянофилам 30-х и 40-х годов вследствие условий времени можно извинить их увлечения, то в историке 60-х годов возвеличение московской эпохи принуждает допустить весьма низкую степень развития»[43].

В «Философии истории славян» преобладают критические ноты. Позитивная же сторона созданной Лавровым концепции славянского вопроса излагается в двух лекциях «Роль славян в истории мысли», прочитанных в декабре 1872 г. в Цюрихе, где Лаврова слушало около 200 политических эмигрантов из России, Сербии, Болгарии и других славянских стран. Сохранившийся текст лекций начинается с осуждения любой националистической пропаганды, с поддержки деятельности Первого Интернационала, направленной на сплочение революционных сил Европы и всего мира в условиях, когда космополитический капитал старается превратить национальное самосознание «в национальную вражду между искренними, но слепыми патриотами». Переходя к непосредственному изложению темы, Лавров указывает на то, что славяне уже трижды «явились в истории европейской мысли заметными деятелями».

Первый вклад славян в историю мысли Лавров связывал с распространившейся в X в. в Болгарии ересью богомилов, которую он оценивает не только как борьбу за изменение главных догматов христианства, но как национальный протест «славянской нации» против проповедей греческого и римского духовенства, добивавшегося подчинения Болгарии константинопольскому патриаршеству или римскому папству, как явление общечеловеческое, которое может служить «бесспорным актом самостоятельного и влиятельного вмешательства славян в общечеловеческую историю мысли». Развивая последний тезис, Лавров особенно подчеркивает, что

проповеди богомилов и катаров обнажали противоречия средневекового христианского миросозерцания, что и те и другие всячески стремились претворить в жизнь свой собственный христианский идеал, отличавшийся большой внутренней цельностью. Особенно важным у богомилов и катаров Лавров считал «стремление к цельному миросозерцанию, устранению из него всяких противоречий; стремление к единству мысли и жизни, к отсутствию отдельности вопросов теоретических и практических, религиозных и социальных». Переходя к гусизму как второму вкладу славян в историю мысли, Лавров начинает с характеристики специфических черт общественной жизни Европы в XIII—XIV вв. «Национальные языки, — отмечает он, — начали играть роль более значительную, и общенациональная латинская республика ученых и знающих всей Европы стала понемногу уступать национальному движению. Верования склонялись к обособлению национальных церквей, связанных с политической жизнью отдельных стран, к уменьшению разницы между духовными и светскими в церкви». Первое время социальное и религиозно-догматическое движения существовали отдельно. В XV в. славяне сделали попытку найти решение в их совокупности — «это была проповедь Яна Гуса, обратившаяся в народное движение гуситов и в социалистический строй таборитов». Третий вклад славянства в историю мысли Лавров видит отчасти в кальвинистской реформации в Польше (ариане, или «польские братья»). Но главным образом он связывает его с доведенной «до высшей точки развития» идеей равенства внутри правящего сословия польской феодальной республики, т. е. среди шляхты средневековой Речи Посполитой. По мнению Лаврова, именно в Польше воплощается тайный политический идеал всей Европы; «полнейшее политическое равенство всех личностей одного класса, господствующих над бесправной массой». В данном обстоятельстве он склонен видеть не только негативную, но и позитивную сторону, ибо поляки оказались единственным из славянских племен, которое тем самым смогло войти в развитие человеческой мысли «видным деятелем». В Речи Посполитой «индивидуалистическое начало Европы нашло себе [...] самое полное осуществление [...]. Государственная власть обратилась почти в ничто перед политическим правом свободного шляхтича». Завершаются лекции Лаврова изложением очередных задач «борцов за общественный прогресс» в славянских странах, ответом на вопрос о том, могут ли славяне внести еще один — четвертый вклад в историю человечества. «На основании предыдущего, — заявляет лектор, — я позволяю себе ответить на этот вопрос, не колеблясь, утвердительно: могут. Их отличительная черта была цельность взгляда, малая способность к частным решениям, к уступкам и соглашениям, решимость идти до конца в мысли и осуществить эту мысль без оглядки в жизни [...]. К тому же в их быте мы находим некоторые элементы, которые принадлежат к самым трудным вопросам западного мира, облегчают это решение для славян или по крайней мере для части их. У них сохранилось общинное владение землею,

тогда как на западе история вызвала форму мелкой собственности, которая составляет одно из главнейших препятствий распространению социалистических идей в селах. Правда, это старая община патриархальных семей, где главы семей деспотически господствуют над домашними, распределяют между собой землю, но монополизируют ее продукты в своих землях; тем не менее от этой первобытной формы легче перейти к общине рациональной, чем от мелких частных владений» [44].

Приведенный в разделе материал, хотя и не является исчерпывающим, достаточно отчетливо воспроизводит картину идеологической борьбы вокруг славянского вопроса в 60—90-е годы XIX в. Он показывает, в частности, что доктрины «классического» славянофильства в первое пореформенное десятилетие весьма существенно трансформировались, а затем распались и прекратили свое существование. На «обломках» этих доктрин и «теории официальной народности», которая в целом не пережила падения крепостного права, создавались новые политические интерпретации славянской идеи. Они настолько расходились с внутренне единой системой догматов раннего славянофильства, что применение к ним эпитета «славянофильские» в большинстве случаев нельзя считать обоснованным. В новых доктринах дворянско-буржуазного направления господствующее положение занимала либо реакционно-националистическая аргументация (например, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев), либо более или менее крайние формы религиозного мистицизма (в частности, «почвенники» и В. С. Соловьев).

Дворянско-буржуазным интерпретациям идеи славянской солидарности противостояли главным образом интерпретации народнического направления, в пореформенных условиях продолжавшие ту прогрессивно-демократическую тенденцию, которая отчетливо обозначалась еще у декабристов и развивалась революционерами эпохи падения крепостного права. Методологической основой соответствующих доктрин послужили принципы «субъективной социологии», разработанные П. Л. Лавровым и Н. К. Михайловским, поддержанные другими идеологами народничества. Подход народнического направления к славянскому вопросу получил отражение не только в нелегальной и подцензурной литературе, но и в программных документах различных подпольных организаций. В целом народники оставили заметный след в теоретическом осмыслении славянской идеи, попытавшись выяснить ее связь с борьбой за исторический прогресс, с социальными преобразованиями во имя интересов трудящихся. В идейно-политических столкновениях тех лет народническое направление общественной мысли активно выступало против дворянско-буржуазных теорий по славянскому вопросу, показывая их методологическую неосновательность, разоблачая реакционную направленность и шовинистическое содержание.

В рассмотренных выше интерпретациях славянской идеи отражались мировосприятие и классовые интересы помещиков и бур-

жуазии, а также мелкобуржуазной части русского общества, прежде всего крестьянства. Между тем на протяжении рассматриваемого периода сформировался и занял свое место в общественной жизни страны российский рабочий класс. Уже сам этот факт оказал существенное воздействие на расстановку общественно-политических сил в стране, на содержание и направленность важнейших идеологических, в том числе идейно-научных, столкновений. Первоначально выразителями интересов зарождающегося пролетариата являлись революционные разночинцы, а с середины 80-х годов на смену им стали приходить последователи научного социализма.

Марксизм все шире заявлял о себе не только в науке, но и в общественной жизни. С основными положениями исторического материализма и его применением в конкретно-исторических исследованиях отдельные представители русской общественности познакомились еще в дореформенную эпоху, читая в оригинале произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и их западноевропейских сторонников. На разночинском этапе освободительного движения в России, т. е. в 1861—1895 гг., установились довольно широкие идейные и организационные контакты его участников с основоположниками научного коммунизма и возглавляемым ими Первым Интернационалом [45].

Пореформенные десятилетия, особенно 80-е и 90-е годы, были периодом становления марксистской историографии в России. Как и на Западе она складывалась преимущественно вне профессиональной сферы — в среде участников революционно-демократического, народнического, а затем и социал-демократического движения, среди идейно связанных с ними публицистов. Видным пропагандистом материалистического понимания истории стал Г. В. Плеханов, который одним из первых пытался применить марксизм к русскому историческому процессу. Немалую роль как в соединении марксизма с рабочим движением, так и в пропаганде положений исторического материализма сыграли такие работы Плеханова, как «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885), особенно же «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1894). На последней из названных работ, писал В. И. Ленин, «воспитывалось целое поколение русских марксистов» [46].

Значительное число работ основоположников научного социализма было целиком или частично посвящено южным и западным славянам, в той или иной мере касалось проблем общеславянского характера. В совокупности их высказывания о славянстве образовали добротную основу марксистского подхода к славянскому вопросу. Широкое и всестороннее развитие этот подход получил в работах В. И. Ленина и его соратников. Но это уже относится к следующему этапу развития славяноведения, начавшемуся в конце 1890-х годов и закончившемуся Великой Октябрьской социалистической революцией.

2. Преподавание славистических дисциплин в университетах. Подготовка кадров

В 60-х годах XIX в. русское славяноведение вступает в новый этап своего развития. Изменения в общественно-политических условиях жизни русского общества способствовали расширению интереса к славянству. Буржуазные реформы коснулись систем образования и просвещения. Ослабела на определенное время цензура, появилось большое количество новых журналов и газет, активизировалась издательская деятельность. Выросло число университетов: к прежним шести добавились Новороссийский (открыт в Одессе в 1865 г.) и Варшавский (в 1869 г.). В 1893 г. немецкий Дерптский университет был преобразован в русский Юрьевский.

В восьми университетах России рассматриваемого периода существовали славистические кафедры. Наличие печатных органов научных обществ и общеуниверситетских изданий создавало довольно широкие возможности для публикации научных сочинений, в том числе по славяноведению. В 70-е годы возникли такие специальные органы, как «Филологические записки» (Воронеж) и «Русский филологический вестник» (Варшава). С 60-х годов расширились возможности использования достижений западноевропейской науки, сделавшей большой шаг вперед в развитии языкознания, филологии, истории, вспомогательных исторических дисциплин. Уставом российских университетов 1863 г. предписывалась двухгодичная командировка за границу всем лицам, готовившимся к профессорскому званию. Стипендиаты имели возможность посещать славянские страны, работать в архивах и библиотеках Германии, Австрии, Италии и других стран, устанавливать контакты с работавшими там учеными, прежде всего славянскими. Если до 60-х годов славянские страны посещались с научной целью считанными единицами русских исследователей, то в пореформенный период практически каждый славист имел возможность изучать язык, литературу, историю славянских народов непосредственно в их среде.

В 60—70-х годах происходит смена поколений русских славистов. Первое поколение университетских профессоров продолжало преподавательскую деятельность лишь до второй половины 70-х годов. Ученики О. М. Бодянского, В. И. Григоровича, И. И. Срезневского выработали под влиянием изменившихся исторических условий иные взгляды на славянство, нежели их учителя. Новое поколение уже не разделяло восторженно-романтического отношения к славянской старине, более реалистически оценивало современность. Не связанные личным знакомством с зарубежными авторитетами, представители этого поколения были более независимы в своих суждениях, склонны к корректировке их концепций.

В рассматриваемый период интерес к славянским проблемам и у русской общественности был весьма значителен. Культурные, благотворительные и просветительные организации знакомили публику со славянством и создавали благоприятные условия

для расширения знаний у всех, кто интересовался этой тематикой. На средства славянских благотворительных комитетов и обществ издавались научные сборники и отдельные исследования, касавшиеся языков, истории и культуры славянских народов.

Наряду с университетами славяноведческие дисциплины в той или иной степени преподавались в духовных академиях и Историко-филологическом институте кн. Безбородко в Нежине. В Петербургской духовной академии существовала, например, кафедра истории славянских церквей.

Славистические проблемы были предметом занятий и некоторых членов Академии наук, в ее «Известиях» публиковались славистические работы не только русских, но и зарубежных ученых. В 90-х годах была осуществлена реорганизация Академии наук, причем ее Второе отделение — Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) — стало интенсивно заниматься славянскими языками, литературами и историей и к началу XX в. превратилось в организационный и координационный центр русской славистики.

Большую роль в развитии российской славистики сыграли специальные кафедры в университетах и научные общества. Единой программы преподавания славистических дисциплин не было не только в XIX, но и в начале XX столетия. Содержание курсов лекций определял каждый профессор в соответствии со своим мировоззрением и научными интересами. Профессора обычно руководствовались общими соображениями о необходимости воспитания в подрастающем поколении славянского самосознания, о том, что познание «славянского мира» во всех его «особенностях» способствует развитию русской культуры и науки ввиду принадлежности России к числу славянских стран. Большое значение придавалось отображению в преподавании роли России в судьбах славянских народов. Эти общие принципы и определяли задачи славистической науки в высшей школе. Университетские уставы 1863 и 1884 гг. не предусматривали кафедр славянской истории, однако история славян была введена в число обязательных предметов исторических отделений историко-филологических факультетов. Кроме славянских языков, литератур и истории, читался курс «Славянских древностей», содержавший в себе элементы источниковедения, этнографии, археологии, истории письменности, историографии о древних славянах (до X—XI вв.). Иногда из этого курса выделялась «Историческая этнография славян». Преподавалось также «Введение в славяноведение».

Профессора и преподаватели в университетах и других учебных заведениях должны были заниматься научной работой. Университетские уставы требовали публикации магистерской и докторской диссертаций, а без получения соответствующих ученых степеней профессорская должность не предоставлялась. Научная работа велась как индивидуально, так и в уже упомянутых научных обществах, возникших во всех университетах и объединявших университетских профессоров, а также сотрудников библиотек, архивов,

музеев и вообще лиц, занимавшихся наукой независимо от университетов. Общества создавали научную среду для их членов и предоставляли возможность публикации результатов исследований, в том числе и по славистике.

Одним из главных центров русской славистики являлся Московский университет. Как известно, систематическое преподавание славяноведения началось здесь в 1842 г., когда кафедру истории и литературы славянских наречий занял О. М. Бодянский. Кафедра входила в штат историко-филологического факультета и предусматривала работу одного профессора. Поэтому О. М. Бодянский преподавал все славянские языки и литературы, а в определенной мере также историю и прочие дисциплины. В 60-е годы Бодянский внес, правда не очень существенные, коррективы в свою преподавательскую деятельность: в ней прослеживается тенденция к некоторому увеличению удельного веса славянской истории. Так, в 1860/61 учеб. г. Бодянский преподавал не только польский язык и сравнительную грамматику («учение о глаголах»), но и вел курс под названием «Из истории польской. События XVI—XVII вв.» [47]. С 1863 г. ежегодно преподавались сравнительная грамматика славянских языков, сами эти языки и славянская история (в некоторые годы еще и курс истории славянских литератур). Проблема учебников и учебных программ Бодянским решена не была. Он использовал изданные за рубежом грамматики, словари, сочинения по славистике. В 1868 г., когда Бодянский закончил свою профессорскую деятельность, завершился и первый этап развития славяноведения в Московском университете.

Преемником Бодянского на кафедре стал А. Л. Дювернуа (1838—1886), представитель второго поколения русских славистов. Он не разделял ни свойственного Бодянскому романтического взгляда на славян, ни его оценок по отношению к многим событиям славянской истории. А. Л. Дювернуа был преимущественно лингвистом. Заняв кафедру, он, правда, заинтересовался и историей славян, однако здесь его ожидало разочарование. Работа Дювернуа «Станислав Зноемский и Ян Гус», подготовленная в качестве докторской диссертации, не была даже допущена к защите, т. к. показала несостоятельность исторической концепции автора, его работы с историческими источниками. А. Л. Дювернуа по-новому организовал процесс преподавания славянских языков. Начиная с 1872 г. он издавал практические руководства к изучению «славянских наречий» и вообще сосредоточился на преподавании славянских языков и литератур. С приходом нового профессора обучение этим дисциплинам поднялось на более высокую ступень [48].

В середине 60-х годов произошли изменения и в преподавании истории славян в Московском университете. С 1865 г. лекции по этой дисциплине стал читать Нил Александрович Попов (1833—1892), тогда доцент кафедры русской истории. Он окончил Московский университет и с 1860 по 1888 г. преподавал в нем, сначала в качестве адъюнкта, затем доцента и профессора. В 1888 г. был

назначен управляющим Московского архива министерства юстиции (МАМЮ), где возглавил работу по научному описанию фондов. Изданные под его редакцией четыре тома «Описаний документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ» и два тома «Актов Московского государства» имели большое значение для изучения русской истории и высоко оценивались тогдашней наукой. Начиная свою педагогическую деятельность, Н. А. Попов провел два года (1862—1864) в заграничной командировке, посетил Германию и земли австрийских славян, подолгу жил в Праге, Брно, Любляне, Загребе, Белграде, Нови-Саде и других центрах славянской культуры [49]. Результатом его пребывания за рубежом явилось хорошее знание славянских языков, славянской историографии и современного политического положения славян. Числясь по кафедре русской истории помощником профессора С. М. Соловьева, Н. А. Попов по возвращении из-за границы стал преподавать историю славянских народов, которая считалась «дополнительным предметом русской истории». Учившийся у Н. А. Попова А. А. Кочубинский впоследствии вспоминал: «В это время в Московском университете историю преподавал один С. М. Соловьев. Всеобщая история целый год не читалась — С. В. Ешевский был болен и умер в мае 1865 г. Попов должен был на время оставить свою кафедру и открыть комбинированный курс общей и русской истории — по истории Средней Европы, особенно по истории Австрии. С появлением нового профессора началось общение его слушателей с ним. Его разнообразная библиотека, особенно по славянской части, была моим неоценимым другом: славянские грамматики, словари, славянские журналы таскались мною домой, и радушный владелец не стеснял пользования [...]. Я в своем позднейшем специальном знании немало был обязан и Попову и его библиотеке» [50].

В славянских странах Попов познакомился с представителями славянской интеллигенции, особенно с деятелями тогда еще мало известных в России славян Австрийской империи [51]. Это «живое знание славянского мира» дало возможность молодому ученому организовать учебную работу по славянской истории. Курс лекций Попова по этой дисциплине не сохранился, но имеются сведения, что в 1882/83 учеб. г. профессором читались: обзор современной ему исторической литературы о славянах, историко-географический «очерк» славянских стран в средние века, курс лекций по политической и внутренней истории их до конца XVI в. В 1883/84 гг. этот курс был продолжен до нового времени. Кроме того, в него был включен обзор польской, чешской и южнославянской историографии от ее возникновения до конца XVII в. В первом полугодии 1886 г. Попов читал краткий курс истории южных и западных славян. Особое внимание профессор обращал на те эпизоды политической истории сербов, болгар, поляков, которые касались отношений с русским государством.

Наряду с преподавательской, Попов вел активную научную деятельность, преимущественно в области истории славян. Особое внимание он уделял истории Сербии. Важнейшим его произведе-

нием по этой проблематике была книга «Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии» [52], высоко оцененная наукой обеих названных стран. Попов изучал также историю Далмации и Боснии. Другая группа его работ связана с историей Чехии и Польши, с русско-славянскими отношениями. Особую ценность с этой точки зрения представляют предпринятые им публикации источников, в частности эпистолярных [53]. Попов был активным публицистом и общественным деятелем, секретарем Славянского благотворительного комитета в Москве, имел обширные связи со славянами за рубежом. Его общественная деятельность всегда строилась на славянофильской основе.

После Н. А. Попова, оставившего Московский университет в 1888 г., славянская история — уже как отдельная дисциплина — читалась профессорами всеобщей или русской истории, а иногда и специалистами по истории славян — приват-доцентами. Среди читавших курс можно назвать византиниста П. В. Безобразова, слависта-филолога П. А. Лаврова (1856—1929), историка Западной России И. А. Линниченко. Не все курсы лекций по истории славян, читавшиеся в Московском университете, сохранились, но следы их существования отразились в архивах и литературе [54]. Так, в архиве И. А. Линниченко (1857—1926) хранится: рукопись лекций по истории Чехии и Польши, читавшихся в Московском университете; материал для лекций о балтийских славянах; текст «Общего введения в историю славянских народов». В 1895 г. один из курсов лекций И. А. Линниченко был издан [55].

В литографированном издании дошел до нас курс лекций по истории Чехии [56], читавшийся в Московском университете П. А. Лавровым (1856—1929). Он был воспитанником Московского университета и занимался прежде всего славянской филологией. Защитив в 1887 г. магистерскую диссертацию, стал приват-доцентом университета и преподавал до 1892 г. Однако если в области филологии П. А. Лавров достиг многого, то историю славян он самостоятельно не разрабатывал, составляя свои лекции на основе литературы. Его лекции эклектичны и нередко содержат противоречивые оценки отдельных исторических событий. Курс истории Чехии начинается с изложения «чешских древностей» с особым акцентом на «кирилло-мефодиевскую проблему», крупнейшим знатоком которой он был как филолог. По мнению П. А. Лаврова, Кирилл и Мефодий являлись носителями идеи православия, а заложенная ими «православная традиция» сохранилась в Чехии вплоть до XIV в. Теория так называемых православных остатков в Чехии и связи между «православным крещением» этой страны и гуситским движением XV в. развивалась еще в 40—60-е годы историками славянофильского направления, но к 80-м годам она была полностью отвергнута наукой [57]. Половину всего курса Лавров отвел характеристике гуситского движения, событиями которого и заканчивал свое изложение. Причинами движения он считал разногласия между католической церковью и чехами, стремившимися якобы «восстановить» у себя «первона-

чальную славянскую религию», т. е. православие. Эта точка зрения соответствует славянофильским построениям дореформенного периода. Правда, в лекциях Лаврова содержится правильное наблюдение, фиксирующее несоответствие учения католической церкви ее практическим действиям, мысль о том, что это несоответствие вызвало протест всех слоев населения, ввиду чего «экономические трудности возрастали» [58]. Не разделяя крайностей славянофильского подхода к истории, он все же постоянно сбивался на славянофильские толкования событий, предлагал слушателям давно устаревшие мнения и оценки.

При Московском университете существовало несколько научных обществ: Общество истории и древностей российских (ОИДР), основанное еще в 1804 г.; Московское археологическое общество (МАО), учрежденное в 1864 г.; Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, где славянской проблематикой занималось созданное в 1867 г. отделение этнографии; Общество любителей российской словесности (ОЛРС), существовавшее с 1811 г. и внесшее немалый вклад в русскую славистику.

Наибольшие заслуги в развитии славяноведения имело ОИДР. Оно поддерживало тесные контакты с зарубежными славистами, многие из которых являлись его почетными членами. Ряд научных, культурных и просветительных организаций славян обменивались с ОИДР своими изданиями. ОИДР поддерживало литературные связи, например, с Чешской матицей и Чешским национальным музеем в Праге, югославянским Обществом истории и древностей в Загребе, Королевским научным обществом в Кракове, Обществом сербской словесности в Белграде, Матицей сербской в Будишине, Верхнелужицким обществом наук в Герлице [59].

В «Чтениях в ОИДР» издавались памятники славянской письменности (наряду, разумеется, с отечественными) — как тексты, так и исследования о них. Публиковались источники и других видов: личная и дипломатическая переписка, актовый материал, дневники, «записки» и пр. — по славянской истории, филологии, русско-славянским отношениям. В качестве примера можно указать на издание в ЧОИДР: памятников о деятельности «славянских первоучителей» Кирилла и Мефодия (1863. Кн. 2; 1864. Кн. 2; 1865. Кн. 1—2; 1866. Кн. 2; 1873. Кн. 1); сочинений древнеболгарского писателя Иоанна Экзарха Болгарского (1877. Кн. 4; 1879. Кн. 3); «Жития Феодосия Тырновского» (1860. Кн. 1). Следует также упомянуть о публикации дипломатической переписки между Россией и Польшей до 1700 г. (1860. Кн. 4; 1861. Кн. 1; 1862. Кн. 4); «Донесений о Московии» Иоанна Перштейна (1876. Кн. 2). ЧОИДР издавались четырьмя книгами в год. Кроме источников печатались и отдельные крупные исторические исследования. Так именно увидели свет монография М. С. Дринова «Южные славяне и Византия в X в.» (1871. Кн. 3; 1876. Кн. 2); «Обзор источников истории балтийских славян с 1131 по 1170 г.» И. А. Лебедева (1875. Кн. 4); «Очерк истории чешского вероисповедного движения (XIV—XVI вв.)» А. С. Клеванова (1869.

Кн. 3—4; 1870. Кн. 2; 1871. Кн. 3; 1873. Кн. 2; 1874. Кн. 2—4; 1875. Кн. 1—2); «Гус и Лютер» Е. П. Новикова (1858. Кн. 4; 1859. Кн. 1—2); «Областное деление и местное управление Литовско-русского государства» М. К. Любавского (1892. Кн. 3—4; 1893. Кн. 3—4) и многие другие. Наряду с этим ЧОИДР помещали множество малых исследований и рецензий на труды по всем отраслям славяноведения. Всего с 60-х годов до конца XIX в. в названном органе было напечатано около 200 крупных и мелких памятников славянской истории, литературы и языка, исследований и рассуждений, рецензий и мелких заметок [60]. Публикации ЧОИДР создали солидную источниковую базу в области славяноведения, определявшую в значительном мере и направление исследований. В научный оборот было введено множество новых и редких материалов, русская научная общественность ознакомилась с трудами ученых других славянских стран. С 60-х годов особенностью «Чтений» было преобладание в них исследований отечественных авторов, тогда как в дореформенный период значительное место занимали переводы сочинений иностранных славянских ученых (главным образом чешских и польских). Этот факт свидетельствует о быстром развитии русского славяноведения на рассматриваемом этапе. Расширение научной критики в данной области начиная с 70-х годов выражается в увеличении количества рецензий, публиковавшихся в ЧОИДР.

Второй научной организацией университета было Московское археологическое общество. Основанное в 1864 г. под председательством А. С. Уварова, оно уже в 1865 г. издало первый том своих трудов [61]. МАО стало инициатором и организатором всероссийских археологических съездов, первый из которых собрался в Москве в 1869 г. На эти съезды (всего их было проведено до конца XIX в. одиннадцать) приглашались ученые из славянских стран. Русские археологи в своей работе исходили из убеждения о единстве славянских народов в древности и считали крайне важным сравнительное изучение археологического материала — российского и зарубежного славянского. Результаты исследований ученых публиковались в изданиях общества. Печатались в них доклады и другие материалы археологических съездов, на которых, кстати сказать, обсуждались не только чисто археологические, но и общеисторические проблемы. Так, на VI Археологическом съезде (Одесса, 1884 г.) были прочитаны доклады об археологических изысканиях в Болгарии (Т. Д. Флоринский), о следах славянского права в византийском законодательстве по XV ст. и обратном влиянии Византии на славянство (Ф. И. Успенский), об изображении Кирилла и Мефодия в подземной церкви св. Климента в Риме (Н. П. Кондаков), о сочинениях польских историков как источниках некоторых образцов письменности юго-западной России XVI—XVII столетий (А. М. Маркевич) и т. д.[62]

В 1867 г. в Обществе любителей естествознания и антропологии при Московском университете было учреждено отделение этнографии. Основой его работы на первом этапе стали материалы,

собранные в результате проведения всероссийской этнографической выставки и Славянского съезда в мае 1867 г. Большой вклад в организацию деятельности этнографического отделения внесли профессора-слависты Московского университета А. Л. Дювернуа и Н. А. Попов. ОЛЕАЭ издавало «Известия», где печатались и славянские этнографические материалы и исследования. Слависты публиковали свои труды и в «Известиях Московского университета», выходивших ежемесячно.

Важным центром развития славяноведения в России был Петербургский университет. В отличие от Москвы Петербург был центром западничества. Для значительной части петербургского общества было характерно индифферентное отношение к славянству. Интересную в этом смысле характеристику петербургской общественной атмосферы по отношению к славянофильству оставил А. Н. Пыпин в сообщении о магистерском диспуте В. И. Ламанского. «На этом защищении, — пишет А. Н. Пыпин, — оказалось, между прочим, что петербургские ученые обнаружили заметную холодность к славянофильскому вопросу, весьма резко выставленному г. Ламанским; москвичи нас уверяли, что, явись диссертация в Москве, она возбудила бы несравненно больше и возражений, с одной стороны, и одобрения — с другой. В самом деле, славянофильство гораздо крепче утвердилось в Москве, и оно ближе принималось к сердцу и друзьями и врагами; в здешней же столице книга В. И. Ламанского не произвела впечатления, которого можно было ожидать» [63].

Хотя первым преподавателем славистики в Петербургском университете был П. И. Прейс, Измаил Иванович Срезневский являлся по существу тем ученым, при котором проходило становление университетского славяноведения в Петербурге. Политические его взгляды в пореформенный период не отличались либерализмом. Он был убежденным монархистом, восхвалявшим русское самодержавие и искренне преклонявшимся перед царствующей династией [64]. Что же касается специальных знаний Срезневского о славянстве, то они отличались и широтой и глубиной. Он был знатоком славянских языков, литератур, истории, этнографии, до 1865 г. единственным преподавателем всех этих дисциплин в Петербургском университете. В 1865 г. на кафедре славянской филологии этого учебного заведения была дополнительно к профессорской учреждена должность доцента, которую занял В. И. Ламанский, принявший на себя чтение курсов лекций по славянской истории и истории славянских литератур. Срезневский же сосредоточился на славянской филологии и палеографии. С конца 60-х годов Срезневский читал для студентов 1-го курса историко-филологического факультета «Энциклопедическое введение в славянскую филологию», а для студентов 2, 3 и 4-го курсов — соответственно «Славянские древности», «Историю славянского языка по наречиям», «Древности русского языка и словесности». Кроме этого, для студентов, специализирующихся по славяноведению, Срезневский читал курс «Древности славянской словесности» и др. Боль-

шое внимание он уделял славянорусской палеографии, придавая при этом важное значение практической работе студентов с памятниками древнерусской и старославянской письменности. По всем преподававшимся предметам Срезневский предлагал студентам выполнять письменные (курсовые и пр.) работы [65].

Современники и слушатели Срезневского отмечают большой педагогический талант профессора: его умение увлекательно и ясно излагать материал, возбуждать в слушателях самостоятельность мышления и критическую любознательность. В разное время славистическую подготовку у Срезневского проходили В. И. Ламанский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. Н. Пыпин, В. В. Макушев, В. А. Бильбасов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, М. И. Сухомлинов, П. А. Лавровский и др.

Наряду с многолетней подготовкой кадров славистов в университете и организацией преподавания славистики также и в других учебных заведениях Срезневский снискал себе большие заслуги в пропаганде славистических знаний через печать. До 1863 г. он редактировал «Известия» и «Ученые записки ОРЯС», в которых славяноведение заняло важное место. Здесь публиковались статьи не только русских, но и зарубежных славистов, важные памятники старославянской письменности и народного творчества. Особое значение имел библиографический отдел, где значительная часть заметок и рецензий касалась литературы зарубежных славян. Этот раздел журнала в основном заполнялся самим Срезневским, очень быстро откликавшимся на выход книг по славяноведению и тем самым постоянно державшим читателей в курсе современных научных достижений в этой области [66]. И после передачи ответственности за издания ОРЯС в другие руки Срезневский продолжал в них активно сотрудничать как автор.

В. И. Ламанский (1833—1914) окончил Петербургский университет и в 1859 г. защитил магистерскую диссертацию по кафедре славянских наречий. Состоя затем на службе в Государственном архиве МИДа в должности старшего архивариуса, Ламанский хорошо изучил документы по русской истории, а также по внешней политике Русского государства до XIX в. и подготовился тем самым к деятельности в области истории. Одновременно Ламанский интересовался многими другими сторонами умственной жизни России в прошлом и настоящем, составил биографию М. В. Ломоносова, историю Петербургской академии наук в XVIII в. Являясь членом Русского географического общества и секретарем его этнографического отделения, Ламанский много писал по этнографии, редактировал этнографические сборники. Наряду с этим он заявил о себе и как публицист, особенно по славянскому вопросу. Совершив учебное путешествие по славянским и другим странам в 1862—1864 гг., Ламанский углубил свои знания по истории и литературе славян, живым славянским языкам [67]. Таким образом, Петербургский университет, зачисляя Ламанского в 1865 г. на должность доцента по кафедре славянской филологии, приобретал в его лице разносторонне образованного и трудолюбивого специалиста.

Ламанский прослужил в университете до конца XIX в. После защиты докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира» Ламанский в 1871 г. стал экстраординарным, а в 1873 г. ординарным профессором кафедры славянской филологии, наконец, в 1890 г. получил звание заслуженного профессора [68], в 1900 г. стал академиком. Ламанский исследовал славянские языки, литературы, историю, этнографию, археологию, активно интересовался современным ему славянством, был публицистом и общественным деятелем. Его труды по истории славян можно разделить на две группы. Одна из них включает публикацию архивных документов и материалов, вторая — монографии и другие исследования. На славянство он смотрел как на единое целое, придавая большое значение той эпохе, когда, по его мнению, «славянское единство было осуществлено на началах народности в единой славянской церкви». Он сожалел, что это единство было кратковременным, что западные и южные славяне, лишившись «национальной опоры» в лице единой церкви, утратили свою политическую независимость и подчинились «чуждым народам». При этом, по мнению Ламанского, владычество турок, под властью которых оказались южные славяне, не повлияло на последних в такой степени, как господство немцев над западными славянами. Из всех славянских народов, подчеркивал Ламанский, лишь русский народ создал могущественную мировую державу и тем отстоял все славянство, что и обусловливает особое положение русского народа в славянском мире: только русские могут объединить славянство и вернуть ему политическую и культурную свободу. Отсюда вытекает и идея Ламанского о признании всеми славянами русского языка как общелитературного и дипломатического при сохранении всех остальных славянских языков в пределах «местной жизни» отдельных народов. Русский язык должен был, по мысли Ламанского, заменить у славянских народов немецкий, а в богослужении латинский (у западных славян). Австрия была, с точки зрения Ламанского, лишь орудием Германии, а конечные цели всех немцев направлены никак не на благо славянства, а на господство над ним. Эти философские построения Ламанского были одним из вариантов славянофильского подхода к истории и современному положению зарубежных славян. Ими руководствовался петербургский ученый в своей научной, педагогической и общественной деятельности. По своим политическим взглядам Ламанский был консерватором, сторонником монархической формы правления, защитником русского самодержавия и православия. Это, однако, не мешало ему осуждать цензуру, считать ее наследием «грубых темных времен», выступать за автономию высшей школы и свободу вероисповедания, осуждать политику самодержавия в отношении высшей школы и разделять мнения либеральных профессоров, оправдывавших студенческие выступления.

О своей преподавательской деятельности в университете сам Ламанский в 1899 г. писал следующее: «В 1865 г. был избран

в адъюнкты, академический год 1868/9 [...] провел за границей [...], с 1869 до 1898 [...] непрерывно преподавал в университете. За время 1865—1878 Срезневский сверх истории русского языка преподавал славянскую филологию, палеографию и славянские древности, я же в это время читал введение в славяноведение и занимал студентов чтением образцов и отрывков старых и новых произведений различных писателей или памятников народной словесности как на южно- так и на северо-западных языках славянских, читал также отдельные курсы по истории славянских литератур. С 70-х годов я все больше стал сосредоточиваться на занятиях историею и читать [...] обзоры источников истории то южно-западных то северо-западных славянских земель, а затем перешел к чтению об отдельных периодах общеславянской истории. Курсы мои никогда не пользовались большой известностью, но два юриста и несколько филологов были внимательными их посетителями с I до IV курса включительно» [69]. О содержании лекций Ламанского можно судить по их литографированным текстам. Так, в 1881/82 гг. он читал в университете «Историю Чехии и Польши в XV—XVI вв.», в 1883/84 г. — курс «Истории Чехии, Польши и Венгрии до XIV в.»; от 1895/96 г. сохранился текст лекций «Истории славян», от 1885 г. — «История чешской литературы». Их содержание соответствовало тем теоретическим установкам, которые изложены выше. Лекции по истории и литературе славян Ламанский читал не только в университете, но и в Петербургской духовной академии и Академии генерального штаба.

Общественная деятельность ученого также была направлена на развитие интереса и внимания к славянам. Он участвовал в организации славянского съезда в 1867 г., в учреждении Петербургского отделения Славянского комитета, а затем (с 1876 г.) в преобразовании его в Петербургское славянское благотворительное общество (ПСБО), работал в этом обществе, в 1887—1888 гг. был редактором его «Известий», но в самом конце 80-х годов разошелся во взглядах с большинством руководителей ПСБО. В 1876—1878 гг. Ламанский был одним из главных руководителей движения в пользу славян, в 1890 г. основал журнал «Живая старина», где публиковал материалы о славянах.

Ламанский прожил большую жизнь, в течение которой его взгляды на славянство, как и политические убеждения, менялись. Но на протяжении десятков лет воздействие его личности на молодое поколение — независимо от нюансов его мировоззрения — было огромным. Он воспитал большую группу славистов-историков, филологов, историков славянского права. Не все ученики Ламанского разделяли славянофильское мировоззрение учителя, но из «школы Ламанского» вышел целый ряд крупных ученых, в том числе занимавших славистические кафедры почти во всех университетах России. Его учениками были, например, Ф. И. Успенский [70], К. Я. Грот, Т. Д. Флоринский, М. И. Соколов, Р. Ф. Брандт, Н. В. Ястребов и др.

Среди петербургских научных обществ проблемами славянства занимались прежде всего Русское археологическое общество, в составе которого с 1851 г. функционировало отделение русской и славянской археологии. Занимался этими проблемами также этнографический отдел Русского географического общества (секретарем, а затем и председателем этого отдела был В. И. Ламанский). Отдел организовал научные экспедиции по России и на Балканы. Собранный материал позволил серьезно исправить и дополнить прежние представления о расселении славян и распространении их языков. Большую роль в расширении сведений о славянах и их истории сыграло ПСБО, в котором с 1869 по 1872 г. председателем был А. Ф. Гильфердинг.

ПО СБК и ПСБО занимались прежде всего вопросами помощи южным и западным славянам, но, кроме того, в них читались доклады по славянской истории и филологии, отмечались юбилеи славянских деятелей и т. д. Была также учреждена премия за лучшее сочинение на чешском или другом славянском языке о Яне Гусе, по случаю юбилея которого вышли в свет работы двух русских ученых [71]. ПО СБК учредило также «кирилло-мефодиевскую премию» за сочинения о «славянских первоучителях», поощряя тем самым исследование их жизни и творчества. Специально созданная ПО СБК издательская комиссия осуществляла публикацию книг о славянах и их странах «для ознакомления русских читателей с положением, историей, литературой этих земель» [72]. Так, например, издан очерк «Чехия» — сокращенный перевод из словаря Ф. Л. Ригера. Из состоявшихся научных выступлений назовем доклад А. Ф. Гильфердинга «Очерк истории чешской литературы», прочитанный в ПО СБК 15 января 1871 г.[73]; доклад В. И. Ламанского с анализом представленного на соискание премии общества сочинения Саска «О религиозном сознании чешского народа» 11 мая 1879 г.

Преобразование ПО СБК в ПСБО произошло в 1877 г. С 1883 г. общество стало издавать свой печатный орган — «Известия», впоследствии выходившие под названиями «Славянские известия» и «Славянское обозрение». Это был специальный журнал по славяноведению, единственный в России. Ввиду его славянофильской направленности, политической тенденциозности, а подчас и реакционности он не пользовался авторитетом и спросом у прогрессивно настроенных читателей, но фактический материал о славянах, приводившийся в изданиях ПСБО, был довольно богатым и ценным.

В Киевском университете преподавание славистических дисциплин началось фактически в середине 70-х годов, когда кафедру славянской филологии занял профессор А. А. Котляревский (1837—1881). Он учился в Московском университете у О. М. Бодянского, но в науке стал последователем Ф. И. Буслаева. Котляревский уже в студенческие годы проявил блестящие способности, но в 1862 г. был арестован по подозрению в антиправительственной деятельности и подвергнут продолжительному тюремному заклю-

чению. За отсутствием состава преступления его освободили с запретом поступать на государственную службу, и до 1869 г. он находился под полицейским надзором. В 1863 г. Котляревский получил степень кандидата в Петербургском университете, в 1867 г. ему разрешили поступить на службу по учебному ведомству, однако лишь в Дерптский университет, где распространение передовых идей, как говорится в секретных документах III отделения, не представляло опасности «ввиду направления тамошнего общества». В 1868 г., получив степень магистра славянской словесности за диссертацию «О погребальных обычаях языческих славян», Котляревский был назначен экстраординарным профессором русского языка и славянского языкознания в Дерптском университете. Получив затем степень доктора в 1874 г., Котляревский в 1875 г. стал ординарным профессором по кафедре славянской филологии в Киевском университете [74].

А. А. Котляревский был славистом нового типа. Будучи воспитанником Московского университета, он не только не усвоил славянофильских взглядов, но и выступил с их критикой. Котляревский глубоко изучил европейскую, преимущественно немецкую (в то время самую передовую) филологическую науку. Он усвоил сравнительный метод исследования и применил его для широкого изучения славянства и русской народности. В отличие от некоторых своих предшественников, ограничивавшихся случайными знаниями о славянах, он поставил задачи изучения исторических судеб славянства на твердую почву, придал соответствующим дисциплинам систематический характер. Будучи широко и разносторонне образованным ученым, Котляревский изучал язык, этнографию, археологию, историю литературы славян, их мифологию, памятники письменности, религию, историю и т. д., подвергая исторические и другие источники сравнительному анализу. В трудах Котляревского о славянстве наблюдается зарождение комплексного использования исторического материала для научных выводов. Методу Котляревского свойственны стремление строить исследование на реальной почве источников, скептическое отношение к гипотетическим толкованиям и соображениям. Трезвостью отличалось и отношение Котляревского к современным ему славянам, среди которых он подолгу живал (особенно в Праге). Сочувствуя их угнетенному положению, видя и признавая их достоинства, Котляревский не впадал однако в крайности критики «германизма», а с полной объективностью высоко оценивал достижения немецкой науки, ее значение для культурного развития славян. Ученый оставил после себя более ста работ, каждая из них была плодом большой учености, а многие — новым словом в науке о славянах. Характерно, что, рецензируя его сочинение «О погребальных обычаях языческих славян» (1869), чешский ученый И. Гануш писал: «Это сочинение превосходно, и я не знаю, можно ли указать в любой литературе другое сочинение, которое бы могло быть поставлено наряду с сочинением г. Котляревского. Знакомство со всею литературою, касающейся того же

предмета, проявляется на каждой странице книги, так что русские могут ею гордиться и стать во главе этой отрасли науки»[75].

Заняв кафедру в Киевском университете, Котляревский организовал преподавание славистических дисциплин и исследование славянства в соответствии с требованиями современной ему науки. За короткое время (он успел сделать только один выпуск) Котляревский прочитал ряд замечательных курсов. В 1875/76 учеб. г. их темами были «Историко-филологическое обозрение славянских племен» для младших курсов и «История славяноведения» для старших. В 1876/77 г. Котляревский младшим курсам «объяснял» Краледворскую и Зеленогорскую рукописи, а старшим излагал «Введение в науку славянских древностей»; в 1877/78 г. занимался с младшими курсами обозрением славянских наречий, со старшими — славянскими древностями и древнерусской письменностью; в 1878/79 г. читал курсы «Энциклопедия славяноведения» и «История литературы сербов и болгар»; в 1879/80 г. — «Общее славяноведение», «Славянские древности» и «История славянской литературы». Лекции Котляревского были содержательны, логичны и поучительны, он хорошо владел словом, был остроумен и производил на слушателей глубокое впечатление[76].

Котляревский обладал уникальной библиотекой, имевшей самостоятельное научное значение, и его огромное по тем временам книгохранилище было в любое время открыто для студентов. Профессор умер в 1881 г. от туберкулеза, которым он заболел во время заключения в крепости. Блестящий ученый и педагог, он из-за малого числа студентов-филологов в Киевском университете не создал собственной школы и за отведенный судьбой короткий срок не смог принести русской науке и просвещению той пользы, на которую можно было бы рассчитывать при его уме и таланте.

После Котляревского кафедру славянской филологии в Киевском университете занял Т. Д. Флоринский (1854—1919), ученый иного склада и мировоззрения, чем его предшественник, внесший впрочем своей энергичной и продолжительной научной, педагогической и общественной деятельностью большой вклад в славяноведение в Киевском университете. Он окончил Петербургский университет в 1876 г., где учился у И. И. Срезневского и В. И. Ламанского, но считал себя учеником последнего и был действительно близок ему по духу. В 1882 г. Флоринский защитил магистерскую диссертацию «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века» и принял кафедру в Киевском университете, где проработал 35 лет. В 1888 г. Т. Д. Флоринский за диссертацию «Памятники законодательной деятельности Душана» получил степень доктора славянской филологии и стал ординарным, а впоследствии и заслуженным профессором Киевского университета[77]. Флоринский занимался преимущественно историей славян, особенно южных, для изучения которых использовал свои многочисленные поездки в Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и другие страны. Кроме уже упомянутых, Флоринскому как историку принадлежат, в частности, работы: «Константин Порфирородный как

писатель о южных славянах перед судом новейшей критики» (1881), «Политическая и культурная борьба на греческом востоке в первой половине XIV в.» (1883), «К вопросу о богомилах» (1883), «Афонские акты и фотографические снимки с них в собраниях П. И. Севастьянова» (1880). Исторические сочинения Т. Д. Флоринского основаны на богатом материале источников и, как правило, освещают еще не изученные до него проблемы южнославянской истории. Фактический материал и некоторые оценки, содержащиеся в этих работах, не утратили значения до настоящего времени.

Но Флоринский был не только историком. Как единственный преподаватель славистических дисциплин в Киевском университете, он занимался со студентами языками, историей литературы, этнографией. Его «Лекции по славянскому языкознанию» изданы в двух больших томах. Первый (1895) заключает в себе общее введение и очерк «юго-западных» славянских языков, а второй (1897) — обозрение «северо-западных» славянских языков. Результатом этнографических университетских чтений Флоринского было издание курса «Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства» (1907). С 1891 по 1913 г. Т. Д. Флоринский издал 16 выпусков «Критико-библиографического обзора новейших трудов и изданий по славяноведению», где содержалась ценная информация о выходившей в России и за границей славистической литературе.

Будучи крупным ученым, Флоринский отличался славянофильскими пристрастиями и был человеком умеренных, а подчас и консервативных взглядов. Он одобрял существовавшие в стране порядки и был проводником политики царизма в области образования и культуры на Украине. В течение 15 лет до 1905 г. Флоринский занимал должность декана историко-филологического факультета Киевского университета, назначаясь на этот пост каждые четыре года правительственным распоряжением. Но в 1905 г., когда эта должность стала выборной, Флоринский ее оставил. Правительство доверяло Флоринскому обязанности председателя киевского комитета по делам печати, цензора, председателя профессорского дисциплинарного суда — словом, опиралось на него как на вполне благонадежного верноподданного. Активная публицистическая деятельность Флоринского нередко носила на себе черты великорусского шовинизма. Исходя из теории происхождения «великороссов, малороссов и белоруссов» из одного «племени», Флоринский не признавал самостоятельности украинского языка и вел ожесточенную борьбу с «украинофилами».

Преподаванию истории славян Флоринский уделял большое внимание. По университетскому уставу 1884 г. этот предмет стал обязательным на историко-филологических факультетах. Сохранилось несколько программ лекций Т. Д. Флоринского по истории славян. В 1889 г. этот курс включал введение и три части [78]. Во введении определялись предмет, задачи и место истории славян как самостоятельной науки в ряду других славистических дисциплин,

т. е. полное отделение истории от славянской филологии констатировалось как совершившийся факт. Первая часть программы называлась «Древнейший период славянской истории до начала X века» и включала такие темы, как происхождение и расселение славян, их быт, нравы и культура. В ней рассматривались вопросы о возникновении славянских государств, начале борьбы славян с «миром романо-германским», истории Великоморавского княжества, причем особое внимание уделялось деятельности Кирилла и Мефодия. Вторая часть программы озаглавлена «Историческая судьба юго-западных (южных) славян», где Флоринский, рассмотрев влияние Византии на южных славян, хронологически излагал историю Болгарского государства от его образования до падения. Всесторонне рассматривалась история сербского народа от возникновения Сербского королевства. Особое внимание уделялось характеристике внутреннего состояния Сербского царства и его положения при Стефане Душане. Захват Балканского полуострова турками, образование османского государства и положение южных славян под владычеством Турции выделялись в программе как особые разделы. Во второй же части рассматривались и история Хорватского государства до подчинения «угорской короне», и история Черной Горы и Дубровника. Третья часть программы включала разделы: историческая судьба северо-западных (западных) славян, история полабско-балтийских славян в X—XII вв.; общий взгляд на судьбу чешского и польского народов.

В другие годы Флоринский читал лекции по истории южных и западных славян в XIX в.: начиная с общей характеристики «судеб славянского мира в XIX столетии», останавливался на этнографической карте современного славянства, а затем говорил о «возрождении славян». Характеризуя общие причины славянского возрождения, он объяснял их в духе современной ему буржуазной науки. Определив общий ход славянского возрождения как процесс развития национального самосознания, создания литературных языков, политического движения и «общеславянского чувства и сознания», Флоринский затем подробно излагал вопрос о возрождении сербского и болгарского народов. Раздел «Возрождение австрийских славян» в программе подробно не расписан [79].

О содержании лекций Флоринского по истории славян можно судить и по сохранившимся литографированным изданиям его курсов. Сюда относится, например, «Пособие к лекциям по истории чехов» (Киев, 1915). Следует констатировать, что Флоринский излагал историю Чехии от ее начала до 1526 г. на уровне современной ему буржуазной науки. Будучи ученым, которого обоснованно осуждали за политическую славянофильскую тенденциозность, Флоринский — в противоположность славянофилам — при рассмотрении гуситского движения отрицал его православный характер. Причины гуситского движения он видел в том, что «уже в конце XIV в. определилось крайне тяжелое напряженное состояние чешского народа, которое делало революцию неизбежной». Флоринскому был понятен классовый характер расслоения чеш-

ского общества в начале XV в., он имел представление о социальном составе чашников и таборитов, о материальных причинах политики чашников. Признавая большое значение социальных (наряду с религиозными и национальными) целей гуситов, Флоринский подчеркивал также их стремление к уничтожению различий между сословиями и к установлению равенства для всех подданных государства. Оценивая результаты гуситского движения, автор «Пособия», правда, толковал о «победе славянской стихии», в чем нельзя не видеть проявления славянофильских воззрений. Но в отличие от славянофильских историков Флоринский признавал результаты гуситского движения огромными. При этом он не упускал из виду социальную программу гуситов и констатировал, что важнейшая часть этой программы — «попытка уничтожения начал феодализма» — не была проведена в жизнь. Автору «Пособия» ясно также и то, что высшие классы объединились и «пошли на уступку католицизму, лишь бы помешать осуществиться стремлениям таборитов», что «шляхта сохранила все свои права, как и городское сословие, а положение низших классов населения даже ухудшилось» (Пособие... С. 116, 134—135, 139, 153—154, 162). В целом суждениям Флоринского о гуситском движении свойственна некоторая непоследовательность. Не исследуя источники, он освещал это движение на основании разнородной литературы и подчас сбивался на славянофильские оценки частных явлений, оставаясь в основном на уровне требований науки конца XIX—начала XX в., отвергшей славянофильские построения в освещении гуситского движения.

Флоринский преподавал и на Киевских высших женских курсах, где читал историю славянских литератур. Он также вел со студентами и курсистками практические занятия, состоявшие в чтении и филологическом разборе памятников старославянского языка и образцов живых славянских наречий. Проводились практические занятия и по истории славян — «чтение и критический разбор отрывков из важнейших летописцев, содержащих в себе сведения о славянах». В 1900 г. Флоринский организовал в Киевском университете (на историко-филологическом факультете) студенческий научно-литературный кружок для занятий славяноведением [80].

С 1892 по 1924 г. (с некоторыми перерывами) историю славянских литератур в Киевском университете преподавал в качестве приват-доцента А. И. Степович (1856—1935). Он прошел студенческий курс славяноведения у проф. А. А. Котляревского, затем преподавал главным образом в средних учебных заведениях, в то же время активно занимаясь научным исследованием в области славянских литератур, публикуя переводы и обзоры из этой области и различные новости из жизни славянских народов [81].

При Киевском университете существовало основанное в первой половине 70-х годов Историческое общество Нестора Летописца. Оно объединяло не только университетских преподавателей гуманитарного профиля, но и всех интересовавшихся историей края. На заседаниях общества обсуждались доклады разного содержа-

ния, преимущественно по истории. Большое внимание уделялось южным и западным славянам. Устраивались заседания в память или в честь крупных славянских деятелей прошлого и современности, проводились публичные лекции, поддерживались связи с другими учеными обществами и организациями, была собрана большая библиотека книг и рукописей. В 1899 г. стали выходить в свет «Чтения в Обществе Нестора Летописца». Всего вышло около 50 книг (в пяти неполных томах) [82]. Киевское славянское благотворительное общество (КСБО), возникшее в 1876 г., издавало брошюры о славянстве, по которым читатели знакомились с историей, культурой и литературой славянских народов. В течение 25 лет бессменным председателем КСБО был Т. Д. Флоринский.

12 октября 1869 г. был открыт русский университет в Варшаве. Он занял место бывшей Главной школы, здания которой стали теперь помещениями университета. Новый университет Российской империи получил отличающийся от других статус. Прежде всего, была отсеяна значительная часть прежнего, работавшего в Главной школе профессорско-преподавательского состава. Из 56 членов прежней коллегии сразу же оказались способны приступить к чтению лекций на русском языке всего 31: все они ранее получили образование в русских университетах. Из остальных же 25 преподавателей, окончивших зарубежные университеты или Главную школу, признаны были способными продолжать университетское преподавание на русском языке всего трое. На место отчисленных были приглашены профессора и лекторы из Казанского, Харьковского, Киевского университетов, а также некоторые русские ученые, не служившие до этого в высшей школе. В момент открытия Варшавского университета в нем насчитывалось 1036 студентов, в том числе 836 учившихся ранее в Главной школе и 400 вновь поступивших. На историко-филологическом факультете обучалось всего 58 студентов. Открывать здесь преподавание славистических дисциплин довелось В. В. Макушеву [83].

В детстве Макушев жил на территории Царства Польского, мать его была полькой, он знал и польский язык и польскую среду. Окончив в 1860 г. Петербургский университет, где проходил курс славистики у И. И. Срезневского, Макушев жил за границей, затем поступил на службу в Азиатский департамент МИД и в 1866 г. стал секретарем русского консульства в Дубровнике. Зная целый ряд иностранных языков с детства, он в Дубровнике овладел еще итальянским и сербским, и, возвратившись в Россию, переключился на научную деятельность. В 1867 г. Макушев защитил магистерскую диссертацию на тему «Об исторических памятниках и бытописателях Дубровника», затем несколько лет изучал архивные материалы в хранилищах Европы, особенно Италии. В 1871 г. Макушев был назначен в Варшавский университет экстраординарным профессором по вакантной кафедре славянской филологии. Вскоре он защитил докторскую диссертацию «Историческое разыскание о славянах в Албании в средние века» и в 1872 г. стал ординарным профессором.

Будучи ученым разносторонним, Макушев все же преимущественно разрабатывал историю южных славян. Он оставил также труды по истории и литературе западных славян, писал работы о славянских языках и памятниках письменности, первым в России обратился к изучению прошлого Албании и издал ценные исследования по истории этой страны до XV в. Работы Макушева по истории строились исключительно на новых, никогда еще не использовавшихся в литературе источниках, крупнейшим знатоком которых он был. Сторонник сравнительно-исторического метода, беспристрастный — когда не касался польско-русских отношений и некоторых других тем — исследователь, Макушев был ранним представителем позитивистского направления в исторической науке в области славяноведения. Все его научные труды отличает не только фундированность источниками, но и относительная объективность оценок и суждений, что принесло ему большой авторитет среди европейских ученых. Политические же взгляды Макушева отличались консерватизмом. Как публицист, он был пропагандистом официальной точки зрения на славянство, сторонником монархической власти и защитником православия. Однако воззрения Макушева отличались не только от либеральных, но и от славянофильских. В отличие от славянофилов, он, например, не считал осуществимой идею принятия всеми славянами русского языка в качестве литературного, не допускал мысли о государственном объединении России с западными и южными славянами, не увлекался и другими «славянофильскими фантазиями» и говорил о себе, что он «славяновед, но не славянофил».

Преподавание славистических дисциплин в Варшавском университете в период службы там Макушева осуществлялось по трем направлениям. Сам Макушев читал историю славянских литератур в связи с историей народов и языков; доцент, впоследствии профессор И. Первольф (1841—1891); по национальности чех, специализировал студентов преимущественно по древней истории южных и западных славян и по «славянским древностям», т. е. раннему периоду развития славянских народов, их этнографии, ранней письменности, фольклору [84]. Доцент Ф. Езбера (Иезбера), тоже чех (1829—1901), преподавал славянские языки в их различных аспектах (грамматику, фонетику, историю языка). Все эти дисциплины преподавались студентам славяно-русского и исторического отделений историко-филологического факультета [85].

В. В. Макушев с большим вниманием относился к курсам своих лекций. Все они разработаны на основе источников. В общих его курсах по истории славян много новых материалов, которые он сам разыскал в архивах. Некоторые лекции Макушева напечатаны; опубликованы и программы его чтений. Они показывают, что каждый год Макушевым преподносился новый или преимущественно новый материал. Так, в 1871/72 учеб. г. Макушев читал лекции лишь о южнославянских литературах, а в 1875/76 учеб. г. вся вторая половина курса посвящалась литературам поляков, чехов,

словаков, сербов-лужичан. В 1876/77 учеб. г. читался отдельно курс чешской литературы до начала XVI в. и специальный курс по польской литературе конца XVIII—начала XIX в. В 1877/78 учеб. г. в программе снова фигурирует литература всех западных и южных славян, заметно увеличен удельный вес разделов по истории народов. В 1878/79 учеб. г. читались только литературы западных славян, при этом программа заметно переработана в сравнении с прошлыми годами. Последняя из опубликованных программ — на 1881/82 учеб. г. — вновь охватывает все славянские литературы [86]. Макушев впервые ввел в преподавание славистики студентам Варшавского университета практические занятия. «Вначале, — вспоминал он, — практические занятия шли туго: студенты, пришедшие в университет из Главной школы и привыкшие к господствовавшим в ней порядкам, смотрели на заведенные мною практические занятия как на стеснительные для них; но я не отступал от своих требований, и студенты стали подчиняться им, — сначала неохотно, а потом осознали их пользу и работали усердно». На этих занятиях разбирались тексты исторических источников, и каждый судент обязан был представить в течение года письменную работу на заданную профессором тему, в основном — по славянской истории. На лекциях Макушев критически оценивал источники и историографию. Читал он главным образом общие курсы в течение двух лет, рисуя полную картину истории славянских литератур в связи с историей народа и языка. «В своем курсе, — писал он, — я считал необходимым познакомить слушателей не только со славянскими литературами, но и с историей славян и славянских наречий, потому что последние два предмета не имеют особых преподавателей, и притом в историю славянских наречий я включал славянскую диалектологию, а при изложении истории народа и литературы знакомил со славянскими древностями, которые преподаются небрежно. Таким образом, в течение двух лет в III и IV курсах студенты приобретали у меня энциклопедические познания в области славистики» [87].

Можно констатировать, что крупный ученый Макушев был и вдумчивым педагогом, обеспечивая преподнесение славистических знаний в Варшавском университете на очень высоком для своего времени научном и методическом уровне. Новая методика преподавания создала Макушеву авторитет среди слушателей, и он за сравнительно короткое время воспитал целый ряд учеников: Х. Ящуржинского, Ф. Вержбовского, В. Качановского и других. Двое последних стали позднее профессорами высших учебных заведений.

Макушев читал и публичные лекции, материал которых был им опубликован под названием «Очерк истории и современного положения задунайских славян» [88]. Из университетских лекций Макушев составлял и статьи, публикуя их в различных изданиях. В их числе такие работы, как «Болгария в конце XII и первой половине XIII века» (1872), «Болгария под турецким владычеством, преимущественно в XV и XVI вв.» (1872); «О пронии в Сербии»

(1874); «Восточный вопрос в XVI—XVII вв.» (1876); «Общественные и государственные вопросы в польской литературе XV в.» (1876); «Следы русского влияния на старопольскую письменность» (1876); «Из чтений о старочешской письменности» (1879); «Станислав Трембицкий, забытый польский поэт» (1878); «Андрей Товианский, его жизнь, учение и последователи» (1879); «Чтения о старопольской письменности» (1881). Эти статьи дают представление о содержании лекционных курсов Макушева, их общей концепции. Макушев умер в возрасте 46 лет. Он был хорошо известен в научном мире Европы, состоял членом ряда южнославянских ученых обществ, а также членом-корреспондентом Российской академии наук.

После смерти Макушева историю и литературу славян в Варшавском университете преподавал до конца XIX в. К. Я. Грот (1853—1934). Ученик В. И. Ламанского, он окончил Петербургский университет в 1876 г. Научные его интересы касались прежде всего славяно-венгерских отношений в период появления венгров в Европе. На эту тему он опубликовал работы «Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в.» (1881, магистерская диссертация) и «Из истории Угрии и славянства в XII веке» (1889, докторская диссертация). По фактическому материалу они не утратили своего значения и до нашего времени. Впоследствии Грот уделял внимание разным вопросам исторической, культурной жизни славян и науки о славянах. В конце XIX в. Грот считал себя славянофилом старой московской школы с ее «романтизмом и демократичностью». Он не разделял взглядов современных ему поздних славянофилов, идеи насаждения среди всех славян православия, русского языка и т. п. И в политическом отношении свою верноподданность Грот предпочитал не выражать с такой категоричностью, как некоторые его коллеги, в частности В. В. Макушев, часто высказывался в духе политического либерализма. Как исследователь и преподаватель Грот был заметно слабее своего предшественника по кафедре. Что же касается тематики его курсов, то он читал славянские древности, историю чешской литературы, историю южнославянских литератур, историю литературных связей между Востоком и Западом. Большое место отводилось в этих курсах историческому развитию славянских народов. Некоторые лекционные курсы Грота изданы [89].

С 1882/83 учеб. г. польскую литературу в Варшавском университете было поручено преподавать воспитаннику этого учебного заведения, ученику В. В. Макушева и. о. доцента Ф. Ф. Вержбовскому (1853—1923) [90]. Впоследствии Вержбовский стал профессором по кафедре славянской филологии и преподавал польскую словесность.

В Варшавском университете преподавал ученик В. И. Ламанского Ф. Ф. Зигель (1845—1921). Он окончил юридический факультет Петербургского университета в 1867 г., при этом изучал славянские языки и историю славян на историко-филологическом факультете у В. И. Ламанского. Защитив диссертацию «Законник

Стефана Душана» (1873 г.) на степень магистра гражданского права, Зигель в 1874 г. стал экстраординарным, а затем и ординарным профессором истории славянских законодательств Варшавского университета. Кафедр такого профиля в русских университетах за отсутствием кадров было мало, так что Зигель являлся представителем редкой специальности. В научном плане Зигель разрабатывал историю права в Болгарии, Сербии, Чехии, Польше, России, занимался вопросами периодизации славянского права; он работал в Варшавском университете до его закрытия в 1915 г. О содержании читавшегося им курса по истории славянских законодательств можно судить по опубликованным программам [91] и сохранившимся литографированным курсам лекций.

Свою научную продукцию варшавские профессора и преподаватели публиковали в «Варшавских университетских известиях» ВУИ. Здесь печатались и материалы по славяноведению: вступительные лекции профессоров, программы курсов, переработанные в статьи части лекций, лучшие студенческие сочинения, диссертации. В целом ВУИ публиковали значительно больше материалов по славяноведению, чем печатные органы других университетов России. Кроме этого, с 1879 по 1913 г. в Варшаве выходил специальный журнал «Русский филологический вестник» (РФВ). Он редактировался и издавался профессорами Варшавского университета и освещал вопросы славянского языкознания, славянских литератур и народной поэзии, имел солидный библиографический отдел. РФВ высоко оценивался специалистами в России и славянских странах. Научных обществ гуманитарного профиля в Варшавском университете до конца XIX в. не было.

Таким образом, преподавание славистических дисциплин в Варшавском университете велось на достаточно высоком для своего времени уровне. Никакой другой университет Российской империи не имел такого числа профессоров-славистов, как Варшавский. Почти каждая славистическая дисциплина была обеспечена там отдельным специалистом. Как правило, профессора являлись крупными учеными и хорошими преподавателями. Не случайно Варшавский университет стал местом, куда командировались кандидаты на профессорское звание по славяноведению из других русских университетов. Так, в середине 70-х годов в течение целого семестра в Варшавском университете слушал лекции Макушева, Первольфа, Иезберы и Колосова кандидат из Казанского университета И. А. Снегирев [92]. Все это объясняется, по-видимому, особыми задачами Варшавского университета как проводника русского влияния в Царстве Польском. Университет имел в связи с этим и определенные привилегии, касавшиеся штатов, вознаграждения труда профессоров, выслуги лет, пенсий и т. д.

Особое положение среди высших учебных заведений России занимал и Дерптский университет. Вплоть до 90-х годов XIX в. обучение в нем велось на немецком языке. Разработанный специально для этого университета вариант устава не предусматривал кафедры славистики в том же виде, что и в других универ-

ситетах. Вместо нее в штате существовала кафедра «русского языка в особенности и славянского языковедения вообще». Как уже упоминалось, в 1868—1873 гг. эту кафедру занимал А. А. Котляревский, хорошо владевший (наряду с другими) и немецким языком. История и литературы западных и южных славян в Дерпте не преподавались. О дисциплинах, имеющих отношение к славистике и читавшихся в Дерптском университете, можно получить представление по перечню предметов и преподавателей на 1883 г. В том году И. А. Бодуэн де Куртенэ читал «Главные начала общей фонетики с особым взглядом на языки славянские» и проводил «лингвистические упражнения» (в другие годы он читал лекции по русской грамматике); профессор П. А. Висковатов читал историю новой русской литературы, историю русской литературы с начала XVI в., лекции о древнейших памятниках русского языка и о летописях; им же читался курс «Славянские древности и литературы» и проводились «исторические упражнения». Древнейшую историю России и статистику Российской империи читал А. Г. Брикнер, он же «объяснял» документы из истории России в XVII в., т. е. по существу проводил практические занятия [93].

После преобразования Дерптского университета в русский — Юрьевский — профессорскую должность занял с 1895 г. Е. В. Петухов (1863—1948), изучавший в Петербургском университете (у В. И. Ламанского) славяноведение, но ставший доктором русской словесности. Е. В. Петухов написал ряд работ по истории древнеславянской литературы (болгарской, сербской) и очерки о западных и южных славянах, но и при нем содержание курса славяноведения в Дерптском университете мало в чем изменилось. Зато историей славян в научном плане здесь занимался профессор всеобщей истории А. Н. Ясинский (1864—1933). Он разрабатывал феодальную историю Чехии и отчасти балтийских славян и давал студентам задания по соответствующим темам для собственной разработки. Одним из учеников Ясинского был М. В. Бречкевич, впоследствии историк-славист. По воспоминаниям современника, А. Н. Ясинский отличался от прочих русских преподавателей Дерптского университета «славянской заинтересованностью», которая, «проходя красной нитью через всю почти его ученую деятельность, сближала его во многом с русскими славистами, так как представляла немало точек соприкосновения и по затрагиваемым темам работ, и по характеру их разработки, по задачам и стремлениям представителей русского славяноведения вообще» [94]. Основные труды Ясинского по истории славян следующие: «Очерки и исследования по социально-экономической истории Чехии в средние века» (1901), «Падение земского строя в Чешском государстве (X—XIII вв.)» (1895), «Содействие чехов успехам германизации на берегах Балтийского моря» (1898), «Основные черты развития права в селах Чехии XIV в.» (1903), «Присяга крестьян по чешскому средневековому праву» (1904), а также две статьи в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Феодализм в Чехии и Моравии» и «История Чехии».

В 1865 г. Ришельевский лицей в Одессе был реорганизован в Новороссийский университет с тремя факультетами: историко-филологическим, юридическим и физико-математическим. Работа нового учебного заведения строилась на основании общего университетского устава 1863 г. Кафедру славянской филологии занял при этом В. И. Григорович, ранее работавший в Казанском университете. Как и в Казани, он читал лекции по славянским древностям, языкам и литературам, уделяя внимание и истории славян, особенно южных. Григорович много сделал для становления славистики в новом университете, умел заинтересовать студентов своими лекциями, используя новые сведения о положении славянских земель, которые были собраны им во время путешествий [95]. Сохранились воспоминания учеников Григоровича о методике и содержании его преподавания. «Систематик Григорович был превосходный, — пишет А. И. Маркевич, — и труднейший материал славянских наречий излагал так, что изучение его требовало не много труда; приложенные же образцы — стихотворения на разных славянских языках [...] мы положительно все знали наизусть». Известно далее, что особенно высоко ценились студентами лекции по истории славянских языков. Григорович читал историю их изучения, «знакомя с лицами, работавшими по языку, давал художественные образы Добровского, Копитара, Миклошича и др., сообщал немало сведений и о русских филологах [...] Но когда он переходил к самому изложению церковнославянского языка, то мы больше знакомились с мнениями Боппа, Потта, Шлейхера, Миклошича ... а из русских — Востокова» [96].

Григорович подарил Новороссийскому университету значительную часть своей большой библиотеки по славяноведению [97] и много ценных рукописей. В одесский период своей деятельности (до 1876 г.) Григорович не написал крупных трудов по славистике, но методика преподавания, эрудиция, авторитет одного из зачинателей русского университетского славяноведения привлекали к нему слушателей, стимулировали их занятия. В 1871 г. он представил Совету Новороссийского университета кандидатуру А. А. Кочубинского на должность и. о. доцента кафедры славянских наречий. После чтения вступительной лекции Кочубинский был утвержден в этой должности, и с 1872 по 1907 г. развитие славистики в Одессе связано главным образом с его именем.

Александр Александрович Кочубинский (1845—1907) был воспитанником Московского университета (окончил его в 1867 г.), слушал курс славяноведения у О. М. Бодянского, однако считал своим главным учителем Н. А. Попова [98] и, видимо, именно под его влиянием стал заниматься историей славян. Магистерскую диссертацию Кочубинский защитил в 1873 г. на историческую тему «Братья-подобои и чешские католики в начале XVII в.». Но интенсивно занимался он и вопросами языкознания. В 1877 г. он стал экстраординарным, а позднее и ординарным профессором по кафедре славянской филологии Новороссийского университета, где преподавал весь цикл славистических дисциплин: читал лекции по

славянским языкам: польскому, чешскому, серболужицкому, по сравнительной грамматике, славянским древностям и т. д. Лекции постоянно обновлялись, в преподавание вводились новые курсы: «Введение в славяноведение», «Церковнославянское языкознание», «Письменная литература славян». Основной дисциплиной своей кафедры Кочубинский считал церковнославянскую филологию, ставя наряду с ней и «Живые славянские языки в связи с изучением главнейших памятников». По этим предметам профессор вел семинары. На семинаре по церковнославянской филологии осуществлялось палеографическое и филологическое изучение студентами древнейших памятников кирилловского и глаголического письма (по изданным текстам), а на семинаре живых славянских языков профессор читал со студентами произведения современных славянских писателей или памятники народного творчества, а затем переходил к изучению письменных памятников старины [99].

Кочубинский читал лекции также по истории славян, и его научные интересы были в значительной мере связаны с историческими исследованиями [100]. Ученый написал ряд исследований по истории Чехии, в том числе о Я. А. Коменском, П. Й. Шафарике. Лучшие труды Кочубинского, основанные на не использованных ранее источниках и написанные часто на неразработанные темы, обнаруживают в ученом склонность к позитивистскому методу. Однако в ранних трудах и публицистических статьях Кочубинского проявляются славянофильские построения. Политические его взгляды отличались консервативностью, он ратовал за сохранение «установленного порядка» и отрицательно относился к студенческому революционному движению.

В Новороссийском университете была учреждена также кафедра истории славянского законодательства, однако она оставалась большей частью вакантной, лишь непродолжительное время ее занимал южнославянский ученый Б. Богишич (1834—1908), который читал лекции с 1870 по 1872 г., да и то с перерывом. Кафедра не оказала влияния на развитие славяноведения. Плохо владея русским языком и высокомерно относясь к студентам, Богишич не вызывал у них симпатии и не привлекал слушателей к своему предмету. В 1872 г. он уехал за границу для составления свода законов княжества Черногории и в Одессу уже не вернулся, хотя профессором числился до 1890 г. После его увольнения кафедра истории славянского законодательства была закрыта [101].

В Новороссийском университете издавались «Записки», в которых публиковались исследования, рецензии и другие работы, в том числе славистические. Кроме этого, научная работа по славистике проходила также в рамках возникшего в 1889 г. Историко-филологического общества, в котором с 1891 г. было создано византийское отделение. Поскольку в то время славистика и византиноведение считались неразделимыми областями науки, работа этого отделения явилась составной частью развития славяноведения в университете. На заседаниях общества читались доклады и сообщения.

Кочубинский, активно участвовавший в работе общества, 9 раз выступил с сообщениями на различные славистические темы [102]. Материалы заседаний и другая печатная продукция публиковались в органе «Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете».

В 1851 году кафедру славянских наречий Харьковского университета занял П. А. Лавровский, ученик И. И. Срезневского по Главному педагогическому институту в Петербурге. В течение 18 лет Лавровский преподавал в Харькове весь обширный материал по славяноведению: читал «славянские древности» и общее филологическое и этнографическое обозрение славянских народов, преподавал грамматику церковнославянского языка и т. д. Научные интересы Лавровского касались особенно языка древних русских памятников письменности. В 1852 г. он стал магистром, в 1854 получил степень доктора за исследование о Якимовской летописи, в 1859—1861 гг. совершил путешествие по славянским странам, в ходе которого широко ознакомился с состоянием славяноведения, завязал научные контакты со многими деятелями южных и западных славян. По возвращении в Харьков он расширил преподавание своего предмета. В 1861/62 гг. он читал студентам историю и литературу чешского народа, в следующем — историю польского народа, в 1865/66 — историю сербского народа и сербской литературы. Результаты его путешествия сказались и в научной работе. Лавровский написал целый ряд очерков, статей и заметок в газеты и другие издания, изложив в них свои впечатления о южных славянах, чем способствовал повышению интереса к ним у русской публики. Кроме того он написал много работ по славянской мифологии, этнографии, литературе и истории. Можно указать на его очерки «Падение Чехии в XVII веке», «Черногория и черногорцы» и др. Наиболее крупные его исследования относятся к кирилло-мефодиевской проблематике.

Преподавательская деятельность Лавровского и его ученые труды способствовали росту авторитета славяноведения, находившегося до того времени в упадке в Харьковском университете. Среди учеников Лавровского были А. А. Потебня и М. А. Колосов. На историю славян (например, Чехии) Лавровский смотрел со славянофильских позиций, политические же его взгляды полностью совпадали с правительственным курсом. Не приходится удивляться, что именно П. А. Лавровский был назначен первым ректором открывшегося в 1869 г. Варшавского университета, в связи с чем и оставил Харьков.

Кафедра славянской филологии оставалась вакантной до 1873 г., когда в Харьковский университет прибыл М. С. Дринов (1838—1906). Болгарин по происхождению, М. С. Дринов почти всю свою сознательную жизнь прожил в России, в основном в Харькове. Он окончил Московский университет, где проходил курс славистики у О. М. Бодянского, но считал своим учителем Ф. И. Буслаева. В 1873 г. Дринов в Московском университете защитил магистерскую диссертацию «Заселение Балканского

полуострова славянами», а в 1876 г. стал доктором славянской филологии за работу «Южные славяне и Византия в X веке». С 1876 по 1879 г. Дринов был командирован в Болгарию «для устройства дел просвещения в княжестве, организации конституции и упорядочения церковных вопросов». Значительную часть своих трудов Дринов написал на болгарском языке, закладывая тем самым основы болгарской исторической науки. Он заботился о создании ученых и просветительных обществ в Болгарии, пропагандировал ее историю, освещал ее современное положение в печати, защищал ее от нападок со стороны недоброжелателей. Дринов являлся не только основателем, но и самым крупным представителем болгарской исторической науки своего времени. Вместе с тем его трудам по истории южных славян принадлежит почетное место и в русской науке. В Харькове он занимал кафедру славянской филологии в течение 30 лет (с 1873 по 1903 г.), затем еще преподавал в качестве заслуженного профессора. При этом он нередко выезжал в Болгарию (особенно до 80-х годов).

Первая лекция Дринова, прочитанная в 1873 г., называлась «Успехи и задачи славяноведения». Приступив к систематическому преподаванию, он в разные годы читал поочередно общий курс славяноведения, историю славянских народов, историю славянских литератур, историю западных славян, историю южных славян, славянскую историографию, историю литературы южных славян в связи с политической историей, обзор древней письменности южных славян, историю западнославянских литератур, славянские наречия, обозрение отличительных особенностей главнейших славянских наречий, обозрение славянских наречий и их литературы, грамматику церковнославянского языка, историю церковнославянского языка и письменности, историю болгарского языка, чешский язык, грамматику чешского языка, польский язык, проводил практические занятия по церковнославянским памятникам и различным славянским языкам [103]. Чтобы преподавать эти предметы, Дринов должен был обладать огромной эрудицией и энциклопедическими знаниями в области славистики и действительно обладал ими, подобно другим русским профессорам, на плечи которых ложился груз преподавания всех славистических дисциплин. За время своей профессорской деятельности Дринов воспитал немало молодых ученых-славистов, в том числе будущих болгарских ученых В. Златарского, Д. Матова, П. Драганова. Как ученый, Дринов работал над основными проблемами истории, языка и этнографии болгар, от решения которых зависели и рост их общественного сознания, и направление всей государственной жизни. Но главный вклад в русскую историографию он внес трудами по истории средневековой Болгарии, среди которых первые места занимают уже упомянутые магистерская и докторская диссертации.

В 1877 г. в Харьковском университете возникло историко-филологическое общество, в работе которого Дринов, избранный в том же году его секретарем, принял активное участие [104]. С 1890

по 1897 г. он был председателем общества, которое занималось главным образом вопросами истории России, «Малороссии» и Харьковского края, проблемами русского языка и фольклора.

Членами общества могли быть не только профессора Харьковского университета, но и учителя гимназий, в том числе и иногородних, — для вступления достаточно было рекомендации одного из членов [105]. Таким образом, общество объединяло интеллектуальные силы не только университетского города, но и его окрестностей, способствовало просвещению в области славяноведения.

Дринов сделал на заседаниях общества около 20 докладов и сообщений. Так, на заседании 3 октября 1879 г. он докладывал «Новые данные о славянской мифологии», 7 ноября того же года — о коллекции рукописей Верковича, 6 февраля 1880 г. — «Новые сведения о Дмитрии Кантакузене, южнославянском писателе XVI века» и «Об участии запорожцев в делах Балканского полуострова в XVI веке» [106]. В дальнейшем он информировал Общество о сборнике Святослава 1076 г., прочитал некрологи о ряде скончавшихся ученых: И. М. Собестианском, В. В. Макушеве, Ф. Миклошиче, В. Облаке, А. А. Потебне и др. Эти работы публиковались в различных изданиях, а с 1886 г. в «Сборнике Историко-филологического общества».

В Казанском университете преемником В. И. Григоровича стал его ученик М. П. Петровский (1833—1912). Это личность весьма примечательная. Он отлично знал славянские языки, которые изучал сначала в университете (1850—1855) под руководством Григоровича, а затем совершенствовался во время путешествия по славянским странам с ученой целью в 1861—1863 гг.[107] Уже в 1861 г. Петровский был утвержден сверхштатным преподавателем по кафедре истории и литературы славянских наречий (которая даже в официальных документах нередко именовалась кафедрой славянской филологии) и с 1863/64 г., после возвращения из заграничной командировки, стал читать курсы лекций «Характеристика славянских наречий» и «История славянских литератур», причем занять кафедру и получить профессорское звание он не мог за отсутствием магистерской степени [108].

Оставшись после ухода Григоровича единственным славистом в университете, М. П. Петровский преподавал весь цикл славяноведения. Так, в 1868/69 учеб. г. он читал курсы лекций: «Введение в изучение славянской филологии», «Обозрение церковнославянского, новоболгарского и сербского языков», «Особенности хорутанского, чешского, польского, верхне- и нижнелужицкого наречий». На старших курсах он давал обзор польской письменности от введения христианства до начала XIX в., читал историю церковнославянской письменности, письменности сербов и хорватов. В середине 80-х годов Петровский читал курс классификации славянских языков, затем обзор славянских (преимущественно южнославянских) языков, историю чешской литературы до конца XVIII в., очерк литературы словинцев от ее возникновения до современности [109].

В 1875 г. Совет Казанского университета возвел Петровского за ученые труды и многолетнюю педагогическую деятельность в степень доктора славянской филологии hinoris causa и избрал его ординарным профессором. В последующие десять лет работы в университете Петровский сосредоточился на истории славянских литератур и в разные годы преподавал студентам польскую, серболужицкую, болгарскую, далматинскую, сербскую, хорватскую литературу, а в 1884/85 г. — чешскую. Читал Петровский и курсы лекций по истории. С 1880 по 1882 г. он излагал историю болгар, с 1883 по 1885 г. — историю чехов (а именно: в 1883/84 — от истоков до 1424 г., в 1884/85 — до 1620 г.), прочел также курс по истории польского народа до конца XVI в., охарактеризовав при этом и польскую историографию. С 1877 г. славянские языки в Казанском университете преподавал И. А. Снегирев.

Научное творчество Петровского разнообразно и весьма плодотворно. Он писал публицистические статьи о славянах, работы по славянскому языкознанию, статьи о славянских ученых и публицистах, в частности о Григоровиче. Кроме того, Петровский переводил со славянских языков научные труды (например, «Историю сербохорватской литературы» И. В. Ягича), а особенно много сделал переводов из произведений славянских поэтов и беллетристов. Он одним из первых в России познакомил русских читателей с творчеством чешских, сербских, словенских, болгарских и других славянских поэтов. В 1861 г. вышел первый его сборник стихотворных переводов под названием «Отголоски славянской поэзии», а в известном сборнике Н. В. Гербеля «Поэзия славян» (1871) помещено тридцать пять стихотворных переводов Петровского с разных славянских языков. Кроме того, большое количество поэтических и прозаических переводов Петровского рассеяно по различным русским журналам [110].

Как и большинство ученых славянофильского направления в пореформенный период, М. П. Петровский не разделял полностью доктрины московских славянофилов 30—40-х годов. Он признавал различие между «германо-романским» и «славянским» мирами, которое, по его мнению, выражалось в «культурном складе» и в исторической судьбе принадлежавших к этим «мирам» народов, но не разделял теории исконности православия у всех славянских народов и тезиса о верховенстве над ними России. Понимая, какое огромное значение имеют для всего славянства исторический опыт русского народа и его национальная культура, М. П. Петровский выступал, однако, за свободное развитие славянских этникумов.

После ухода Петровского в 1885 г. университет опять в течение длительного времени не мог подыскать в свой штат слависта. Отдельные славистические курсы читались представителями других кафедр и приват-доцентами.

Подводя итог рассмотрению развития славяноведения в университетах России с 60-х годов до конца XIX в., можно сделать следующие выводы.

По сравнению с предшествующим периодом преподавание славяноведения значительно расширилось. Оно осуществлялось не только в 8 университетах. Отдельные предметы славистического цикла преподавались, например, в Историко-филологическом институте кн. Безбородко в Нежине, на Высших женских курсах, в духовных академиях. К началу XX в. в России насчитывалось около 30 специалистов, преподававших предметы славяноведения в высших учебных заведениях, т. е. во много раз больше, чем в дореформенный период [111]. Университетские профессора внесли значительный вклад в науку, они разрабатывали проблемы славянского языкознания, литератур, истории и других аспектов славистики. Как и в других странах, большинство крупных славистов до 90-х годов в той или иной степени были связаны с университетским преподаванием. Ими создана большая научная продукция, появление которой свидетельствует о том, что русское славяноведение набирало силу и становилось в один ряд с европейским.

Однако на пути его развития стояло немало препятствий. Прежде всего не было единой программы, не во всех университетах славистические дисциплины преподавались в одинаковом объеме. Если в Варшавском университете дисциплины, входившие в компетенцию кафедры славянской филологии, преподавались несколькими специалистами, в Петербургском — двумя, то в остальных университетах весь комплекс преподносился одним-единственным профессором, которому лишь спорадически помогали другие преподаватели. В столичных университетах лекторы по языкам и приват-доценты включались в учебный процесс еще сравнительно часто, в провинциальных же не было и этих кадров. Кафедры славянской филологии в Казанском, Харьковском, Киевском и других университетах подолгу оставались вакантными, заместить их было просто некем. Кафедра истории славянских законодательств, учрежденная университетским уставом 1863 г., фактически функционировала лишь в Варшавском университете. В Новороссийском университете соответствующие предметы преподавались неполных два года, в других университетах кафедры вообще не было. Харьковский университет предложил в 1886 г. объединить ее с кафедрой истории русского права [112].

Подготовка молодых специалистов по славистике наталкивалась на значительные трудности. Находилось совсем немного желающих посвятить себя целому циклу дисциплин, включавшему и сравнительную грамматику всех славянских языков, и историю литературы всех славянских народов, и славянские древности, и политическую историю всех славян, не говоря уже о прочих предметах. Консервативную роль играли в этом смысле университетские уставы, долго действовавшие без изменений и определявшие штаты университетских преподавателей. Уставы не учитывали быстрого развития славяноведения, выделения ряда отраслей славистики в самостоятельные дисциплины.

Необходимость дифференциации славяноведения по дисциплинам сознавали, естественно, прежде всего специалисты. В 1899 г.

Петербургский университет ходатайствовал перед министром народного просвещения о замещении кафедры славянской филологии двумя профессорами: одним — для преподавания славянских наречий, другим — для чтения лекций по истории славянских народов [113]. Это ходатайство осталось без ответа. При обсуждении проекта нового университетского устава в 1901 г. В. И. Ламанский указывал на нетерпимость такого положения, при котором российские университеты вообще, в особенности Петербургский и Московский ограничены на историко-филологических факультетах единственной славистической кафедрой, предлагал учредить кафедру истории славянских народов. Аналогичное мнение выразили П. А. Лавров, А. И. Соболевский, Ф. Ф. Зелинский. Факультет принял решение просить для кафедры филологии утверждения новых штатов — одного профессора и одного доцента, ходатайствовать об учреждении кафедры истории славян с одним профессором и одним доцентом, а также лектората живых славянских языков в составе от 4 до 6 штатных единиц. Этот проект не был принят [114]. Также и Московский университет дважды — в 1901 и 1903 гг. — ходатайствовал об учреждении специальной кафедры истории славян, но оба раза безрезультатно [115]. Вопрос о создании кафедры истории славян не был решен вплоть до 1915 г.

3. Изучение истории славян

В России интересовались славянством не только профессора-слависты, но и ученые, не связанные с педагогическими функциями, а также представители прочих кругов русского образованного общества. Выше отмечено, что на 60-е годы падает фактическое выделение из славянской филологии истории славян как специального предмета университетского преподавания. К этому же времени относится и начало подъема научного исследования в России истории зарубежных славян.

По мнению автора настоящего раздела, под научным историческим исследованием следует понимать процесс обработки исторических источников и обобщенные результаты этой обработки в текстуальной форме. Поскольку речь идет об исторических источниках, такое исследование может относиться лишь к (отдаленному или недавнему) прошлому. Выражение мнений о современном положении славян и прогнозы относительно их будущего развития, которыми изобиловали русские журналы и газеты рассматриваемого периода, являются принадлежностью публицистики, а не истории, то есть источниками для изучения развития общественной мысли, а не исторической науки.

Разумеется, общественная мысль влияла на исторические исследования в том смысле, что нередко диктовала тематику и определяла актуальность изучаемых вопросов. Такое влияние оказывала как официальная — консервативная и даже реакционная, так и прогрессивная и революционно-демократическая публицистика. Представляется, что и в том и в другом случае публицисти-

ческие произведения, посвященные славянским делам, нельзя квалифицировать как сочинения из области исторической науки.

Автор раздела исходит из того, что в изучении истории славян в России рассматриваемого периода можно проследить три главных подхода: славянофильский, народнический и позитивистский. Каждое из этих направлений имело свою общую идею славянской истории, свои методы исторической работы, собственное отношение к источникам.

Первыми выдвинули в России самостоятельную концепцию истории славян славянофильские историки. Их точка зрения базировалась на философской доктрине московских славянофилов 30—40-х годах XIX в. Учение славянофилов, будучи чисто русским явлением, связано,однако,с немецкой философией, из которой они заимствовали, например, тезис об априорно присущем каждому народу начале (или идее), раскрытие которого (которой) и составляет якобы содержание истории народа. У славян славянофилы видели такую идею в православии. Положительным моментом славянофильской исторической (и философской) концепции следует признать требование изучать жизнь народа. Однако исследования были направлены на то, чтобы обнаружить у народов некое неизменное начало, некую консервативную традицию, якобы присущую только «славянским племенам». В результате одни народы резко противопоставлялись другим, в частности славяне — всем остальным.

Всю европейскую историю и культуру славянофилы делили на две самостоятельных «стихии» или два самостоятельных «мира», один из которых именовался латинским, католическим, романо-германским, а другой — восточным, греко-славянским, православным. Между обоими «мирами» (обеими «стихиями») славянофилы видели глубокое, коренное различие. Характерными признаками «западной стихии» были для них римско-католическая религия, латинская образованность, рационалистичность мысли и действия, стремление к насилию. Католицизм славянофилы рассматривали как «искажение христианства», отступление от его идеалов, порицая в католицизме элементы «рассудочности» и непререкаемость авторитета папы. Протестантство казалось славянофилам естественным продолжением и развитием рассудочного начала и стремления к насилию. В европейской образованности славянофилам претила логическая отвлеченность, отчужденность от «живых эмоций». Проявление «западных начал» славянофилы видели в государственной жизни «романо-германского мира», поскольку эта жизнь, с их точки зрения, возвела насилие в свой главный принцип. В государственных переворотах и революциях Запада также усматривалось стремление к насилию. Отсюда — как антитеза — выводился призыв к патриархальности, к классовой гармонии, отрицание революционного пути исторического развития. «Восточный мир» представлялся славянофилам наследником и истинным хранителем раннего христианства, а православие — единственной для славян формой религии. Этика «греко-славянской стихии»

основывалась, по мнению славянофилов, не на «мертвой логике» и рассудочности, а на искренней и даже мистической вере, на пылком и бескорыстном чувстве. Ввиду присущей якобы славянам «кротости», отвращению к насилию государственность славянских народов была, с точки зрения славянофилов, основана на «свободных выборах». Даже так называемое «призвание князей» со стороны расценивалось как выражение «искони присущего» славянам смирения. Неприятием рационализма и «земных побуждений» объясняли и отсутствие у славян сословий, и широкое развитие общинной собственности на землю, и сравнительно мирные отношения между светской и церковной властью. Каждый славянский народ отождествлялся с обширной общиной, в которой все важные вопросы решались демократическим путем.

Несмотря на декларировавшееся ими внимание к народной жизни, славянофилы подчеркивали роль отдельных личностей в истории, а именно тех, которые в представлениях славянофилов наиболее полно выражали «дух народа». Социально-экономические проблемы истории общества славянофилов не интересовали, зато они постоянно повторяли утверждения о мессианской роли славянства среди европейских народов, разрабатывалась идея неизбежного выдвижения славянства на первое место среди всех «рас и племен». Из эпох славянской истории для исследования выбирались такие, которые, как представлялось, иллюстрировали главные славянофильские идеи.

Славянофильская концепция истории славян господствовала в русской науке до 70-х годов XIX века, но уже с 60-х годов подвергалась критике с различных позиций. Так, против славянофильского освещения славянской истории выступили представители народнической и революционно-демократической идеологии. Эти направления в исследовании истории славян считали главным изучение жизни народных масс и роли социальных (частично и экономических) факторов в исторических событиях, отвергали тезис о мессианской роли славян в истории Европы и видели их силу в усвоении европейской цивилизации, сознавали в большей или меньшей мере закон преемственности исторических явлений и даже их соответствие определенной исторической эпохе.

В народнической концепции истории славян прослеживается несколько вариантов. Революционно-демократическая линия видела путь преобразования общества в революционном выступлении масс, более умеренные представители народнического течения придавали решающее значение нравственным моментам, самоусовершенствованию человечества. Но обе линии провозглашали главным деятелем славянской истории народ. Поэтому историки народнического направления отбирали для своих исследований те периоды славянской истории, когда с наибольшей силой проявлялась активность народных масс. Признавая экономический фактор и тяжелые условия существования причинами народных выступлений, историки указанного направления не исследовали однако экономику тех или иных исторических периодов как таковую.

Их труды ограничивались сравнительно узкой проблематикой и были немногочисленны. Однако народническая историография лучше видела тенденции исторического развития, быстрее подмечала определенные изменения и закономерности в этом развитии, чем закосневшие в своей предвзятой идее славянофильские историки.

Третий подход к истории зарубежного славянства выработали в России второй половины XIX в. ученые, которых можно квалифицировать как представителей позитивистской школы. Они отрицали необходимость и целесообразность революционного преобразования общества, но признавали влияние экономического фактора и социальных процессов на ход истории, пытались искать закономерности в историческом процессе и стремились к широким обобщениям. Политические убеждения этих историков были различны: большинство принадлежало к разного толка либералам, некоторые — к числу убежденных сторонников самодержавия. Однако всех историков-позитивистов объединял метод исторической работы. Для них характерно не только широкое использование источников, но и критический подход к ним, стремление толковать их без предвзятости, скрупулезно точное освещение исторических фактов на основе сравнительно-исторического анализа всех имеющихся сведений [116].

Историки-позитивисты исследовали широкий круг проблем славянской истории, обращаясь к ее экономическим, политическим, социальным вопросам при анализе любого периода, серьезно изучали историю польского народа, которую историки-славянофилы игнорировали на том «основании», что этот народ «предал» славянские начала и «погряз» в католичестве.

В целом историки-позитивисты создали фундаментальные труды, сыгравшие в последней четверти XIX в. решающую роль в развитии исторической науки не только в России, но, например, и у южных славян.

Позитивистское течение в русском славяноведении последних десятилетий XIX в. имело много оттенков и индивидуальных авторских подходов, но в совокупности именно оно накопило основную базу фактического материала по истории южных и западных славян и, по мнению автора этих строк, было высшим достижением исторической науки XIX века в этой области. В рамках домарксистской методологии позитивисты стояли на уровне современного им европейского славяноведения в области истории.

Упомянутые три направления не охватывают абсолютно всех исторических сочинений о славянах в указанный период. Были работы, объединявшие в себе элементы, например, славянофильского и народнического подходов, или даже выполненные позитивистским методом, но в то же время содержавшие оценки некоторых явлений, близкие к славянофильским. Кроме того, все три направления существовали в известной мере одновременно, с той разницей, что одни в данное время набирали силу, между тем как другие уже сходили со сцены, уступая первенство более

прогрессивным, но не исчезая окончательно. Такое положение сохранялось еще и в начале XX века.

На рубеже XIX и XX вв. появились признаки воздействия на славяноведение материалистического понимания истории.

Различными направлениями русского славяноведения разрабатывались проблемы древней истории славян, истории полабско-балтийских славян и Великой Моравии, Кирилло-Мефодиевская проблема, многочисленные сюжеты из истории Чехии, Словакии, Польши, лужицких сербов, Сербии, Черногории, Хорватии, Болгарии.

«Славянские древности» являлись одним из главных предметов университетского преподавания на кафедрах славянской филологии. Лекции по этому предмету часто составлялись по трудам зарубежных авторов, однако и русские историки стремились обнаружить новые источники и внести свой вклад в изучение древнейшего периода истории славян. В частности, активно изучались сведения восточных и византийских авторов.

В 1861 г. вышло в свет сочинение В. В. Макушева «Сказания иностранцев о быте и нравах славян». Хотя этой работой он лишь начинал свою творческую деятельность, для своего времени она содержала ряд новых сведений и была положительно оценена современниками.

Известия ряда мусульманских писателей о славянах были собраны несколько позже в работах Д. Хвольсона и А. Я. Гаркави. А. А. Куник и В. Р. Розен осуществили первую публикацию сведений Ибрагима ибн Якуба о чехах и других славянах. Публикацию некоторых источников восточного происхождения о древних славянах осуществил В. В. Бартольд. С. Дестунис впервые перевел на русский язык отрывки из византийских историков со сведениями о славянах, а в конце XIX в. вышел русский перевод сочинений императора Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах» [117].

В монографическом плане древнейший период истории славян разрабатывал А. Ф. Гильфердинг [118]. Он внес также наибольший вклад в изучение истории балтийских славян. Еще студентом Гильфердинг примкнул к кружку московских славянофилов и не только усвоил их доктрину, но и разработал ее применение к истории южных и западных славян, стал творцом и одним из крупнейших представителей славянофильского направления в исторической науке о славянах.

Гильфердинг разрабатывал историю славян в совокупности: древних, западных, южных. Он был крупнейшим знатоком исторических источников о славянах, многие периоды славянской истории осветил впервые в науке, так что его можно отнести к родоначальникам научного исследования истории зарубежного славянства в России.

Балтийскими славянами Гильфердинг заинтересовался в 1854 г., он совершил поездку по северной части Германии, изучил все доступные источники, использовал также данные языкознания и

вскоре издал первую часть своей «Истории балтийских славян»[119]. В 1861 г. Гильфердинг опубликовал вторую часть этого труда под названием «Борьба славян с немцами на Балтийском Поморье в средние века». По фактическому материалу исследования Гильфердинга превосходили работы предшественников. Что же касается освещения отношений между немцами и балтийскими славянами, то Гильфердинг квалифицировал их в чисто славянофильском духе, видя в них столкновение славянской и германской «стихий». По мнению ученого, любой народ может развиваться успешно лишь в рамках своей собственной «стихии», не примешивая к ней «чужеродных элементов», а нарушение этой заповеди и привело к гибели балтийского славянства. «По причине большого развития связей с иностранцами, — писал Гильфердинг, — у славян Поморья уже с давних пор выработался и вполне определился полуславянский, получужой быт, который своими противоречиями и помешал историческому развитию балтийских славян и так много способствовал их падению». Далее Гильфердинг говорит об «искажении» у балтийских славян «коренных начал славянской жизни». Поскольку одним из этих начал является «исконный славянский демократизм», постольку феодализация общества (которая, по мнению ученого, не является результатом внутреннего развития, а привнесена извне, из германского мира) неизбежно должна погубить «славянское племя». Усвоение балтийскими славянами «чужих начал» Гильфердинг относит — среди прочего — за счет их расселения на территории, принадлежавшей ранее германским племенам. В то же время, с точки зрения Гильфердинга, отсутствие государственности и христианства, приведшее в конечном счете к гибели балтийских славян, было следствием ряда «роковых» обстоятельств.

Например, поморяне не приняли христианства на славянской основе, как это имело место — благодаря деятельности Кирилла и Мефодия — у других славянских народов. Сохранив язычество, сопротивляясь христианству, не создав собственного государства, балтийские славяне погибли.

Таким образом, взгляд Гильфердинга на развитие общества крайне идеалистичен. Социальными и экономическими проблемами истории балтийских славян Гильфердинг не занимался. Однако собранный им фактический материал не потерял своего значения и до наших дней.

Борьбе полабских славян с немцами посвятил одну из своих работ профессор всеобщей истории Варшавского университета А. И. Павинский (1840—1896). Павинский, получивший за это сочинение степень доктора всеобщей истории в Петербурге, не разделял славянофильского тезиса о непримиримости славянской и германской «стихий». Кроме того, в отличие от славянофильских историков он рассматривает некоторые социально-экономические проблемы истории полабских славян. Гибель полабского славянства он объяснял отсутствием государственности и религиозного единства, считал христианство в принципе благодетельным для

языческих славянских племен, но осуждал методы и формы его введения. Вместе с тем работу Павинского отличают германофобская тенденциозность, а также неубедительное толкование ряда источников, что и было отмечено тогдашней критикой [120].

В 1876 г. вышел двухтомный труд И. А. Лебедева, посвященный борьбе балтийских славян против онемечения. В этой работе, основанной на широком круге источников, отвергнута теория Гильфердинга о том, что балтийские славяне, поселившись на территориях, некогда занятых германскими племенами, восприняли в той или иной мере духовное наследие последних. Не найдя в источниках подтверждений этой версии, Лебедев первым из русских славистов осуществил, хотя и несколько наивно, критический анализ имеющегося материала во втором томе своего труда [121]. История балтийских славян освещается им в тесной связи с историей Германии и Дании. Лебедев является автором серьезной работы о крестовом походе против славян в 1147 г.; таким образом, он внес серьезный вклад в расширение фактической базы для исследования проблемы [122].

И. И. Первольфа (1841—1891) интересовал тот же круг вопросов. Воспитанный в Чехии, он разделял политические идеалы Ф. Палацкого и Ф. Л. Ригера, в науке был противником славянофильского подхода к истории славян и сравнительно объективно оценивал уровень германской и славянской культуры, не возвышая славян над немцами, как это делали славянофилы, и в то же время критикуя концепции немецких историков об «извечном превосходстве германского духа над славянским». По методу работы Первольф был близок к позитивистам, хотя и не анализировал роли экономических факторов в истории общества. Первольф привлек к исследованию некоторые материалы, ускользнувшие от внимания его предшественников (например, данные топономастики), и значительно обогатил науку своего времени о балтийских славянах. К их истории ученый обращался и позднее [123].

Наиболее крупным достижением русской историографии XIX в. в изучении балтийских славян являются труды А. А. Котляревского. Он исходил из того, что Запад и Восток развиваются на единой почве, а потому европейское просвещение должно стать общим достоянием народов континента. С этих позиций он критиковал славянофилов, категорически отвергая их взгляды на прошлое и современность славянских народов. К истории балтийских славян относятся две его крупнейшие работы, посвященные языческим обычаям и юридическому быту балтийских славян и ставшие первыми в России исследованиями этих проблем [124]. В первой книге автор предпринял сравнительно-исторический анализ данных языка, исторических преданий, сохранившихся в летописях различных славянских народов, современных преданий о древних обычаях, археологических памятников, древних погребений и т. д. На основе скрупулезного исследования источников и изучения всей литературы предмета Котляревский выяснил, какие черты быта можно отнести к специфически славянским, а какие принад-

лежат также и другим народам. Вторая работа посвящена сравнительному изучению славянского права, которое ученый справедливо считал историческим памятником, как и язык, религию, литературу, обычаи и прочие проявления народной жизни. Обе книги открывали новые пути в науке. В 1874 г. Котляревский издал также в Праге «Сказания об Оттоне Бамбергском в отношении славянской истории и древности». Критически оценивая «Сказания», автор устанавливал и общие правила определения достоверности сообщаемых фактов, анализировал каждое в отдельности свидетельство на основе сопоставления с другими источниками. Такой метод дал ученому возможность составить общий обзор быта поморских славян, что было новшеством не только в русском, но и в европейском славяноведении 70-х годов XIX в.

Черты позитивистской методологии имеются и в работах Ф. Я. Фортинского, исследовавшего хронику Титмара Мерзебургского и подвергшего анализу достоверность ее сообщений о славянах. Фортинский интересовался и экономическими проблемами, что особенно проявилось в работе о приморских вендских городах и их влиянии на образование Ганзейского союза [125]. В конце 70-х—начале 80-х годов написано значительное число статей, посвященных полабским и балтийским славянам в целом или отдельным источникам о них. Среди последних можно указать на работу А. Петрова о Гербордовом житии Оттона Бамбергского — это житие ранее считалось крайне недостоверным и потому не заслуживающим изучения. Некоторые авторы обращали внимание на данные источников по какому-либо отдельному вопросу, например об этнографии славян, о сведениях относительно Руси [126] и т. п.

В конце XIX в. к изучению истории балтийских славян обратился А. С. Будилович (1846—1908), считавший, что для решения «славянского вопроса» необходимо создать некое общеславянское государственное образование, где не только православие, но и русский язык играли бы первенствующую роль, будучи обязательными для всех славян. В 1899 г. Будилович выступил в «Сборнике учено-литературного общества» при Юрьевском университете со статьей «О причинах гибели балтийского славянства». Статья как бы подводила итог рассуждениям, в которых славянский мир рассматривался как извечный антипод германского. В ней особенно отчетливо прослеживается тезис позднего славянофильства о взаимозависимости славянских народов и влиянии России на их судьбу. Вопроса о судьбах полабского и балтийского славянства касались также авторы, изучавшие сохранившиеся остатки этой ветви славянства — лужицких сербов. Литература тех лет, посвященная лужицким сербам, насчитывает десятки названий, но представляет собой преимущественно газетные и журнальные статьи, лишенные исследовательского фундамента [127].

В анализируемый период русские слависты активно изучали христианизацию славян Великоморавской державы по греческому обряду и последовавшее затем развитие древнеславянской духовной культуры. Политической истории первого западнославянского

государства в Европе была посвящена монография К. Я. Грота [128]. Он использовал практически все известные тогда источники, так что с точки зрения собранных фактов работа представляет интерес и в наши дни. Вопрос о взаимоотношениях между Моравией и мадьярами К. Грот решал со славянофильских позиций. Он считал, что вторжение венгров приостановило проникновение немцев на славянскую территорию, хотя и расчленило самих славян.

Изучение культурного значения Великой Моравии для славян породило в русской литературе так называемую кирилло-мефодиевскую проблематику. Это сложный комплекс вопросов, к решению которых обращались преимущественно историки церкви, поскольку почти все дошедшие до нас памятники того времени представляют собой церковную литературу. Для филолога эти памятники — источник по истории церковнославянского и других славянских языков, а также древнеславянской литературы. Меньше всего материала в этих памятниках находили для себя историки. Однако разработка проблемы в ее комплексе объясняла многие вопросы развития славянской культуры и, следовательно, является в определенной мере показателем уровня науки о славянах.

Изучение и издание памятников о Кирилле и Мефодии уже имели в России к 60-м годам XIX в. определенную традицию. В исследуемый период дополнительным стимулом стали три даты: тысячелетие миссии Кирилла и Мефодия в Моравии (1863), смерти Кирилла (1869) и смерти Мефодия (1885). В связи с этим и было предпринято в первую очередь издание источников. Так, В. А. Бильбасов опубликовал два тома документов, в Киеве вышла книга А. Д. Воронова с главнейшими источниками о Кирилле и Мефодии [129]. Как уже указано выше, серия памятников о Кирилле и Мефодии была напечатана в ЧОИДР за 1863—1873 гг.; часть из них позднее издавалась и отдельно [130].

Значительная часть литературы о Кирилле и Мефодии носила церковно-исторический характер. Ученые представители православной церкви считали эту проблематику весьма актуальной. Они разыскивали списки текстов, изучали вопрос о миссии и переводческой деятельности «славянских первоучителей». И хотя подобная литература имела специфически церковное назначение, ее существование не было бесполезным и для изучения проблемы в целом. Из множества примеров подобной литературы укажем на сочинения профессоров духовных академий и семинарий, а также других ученых — представителей православной церкви: И. Платонова, А. С. Князева, Н. Беляева, А. С. Архангельского, Е. Голубинского, И. И. Малышевского [131]. Некоторые светские авторы обращали внимание на деятельность «первоучителей» у западных славян. Так, профессор Харьковского университета П. А. Лавровский осветил эту проблему в славянофильском духе [132]. Кроме отдельных сочинений, вышли также два юбилейных сборника статей, в которых рассматривались самые разнообразные вопросы темы [133]. Отметим также, что к концу XIX в. ученые все чаще обращаются к таким памятникам, как «Закон судный людям»,

«Номоканон» Мефодия [134]. Уже в то время начинается полемика по вопросу об их происхождении [135], однако главные дискуссии по ним относятся к более позднему периоду. О множестве работ по кирилло-мефодиевской проблематике свидетельствуют библиографические указатели, которые только в 1885 г. издавались два раза [136].

Значительное число работ русских славистов, вышедших во второй половине XIX в., было посвящено и истории Чехии. Самый древний ее период — VII—XI вв. — нашел отражение в ранней монографии Ф. И. Успенского «Первые славянские монархии на Северо-Западе» (1872). Воспитанник Петербургского университета, ученик В. И. Ламанского В. Э. Регель (1857—1932) еще в 1877/78 г., будучи студентом, написал сочинение «Хроника Козьмы Пражского», которое положило начало его работе по истории Чехии [137]. В 1883 г. появилась большая статья Регеля об учредительных грамотах Пражской епархии. В ней поставлены важные вопросы о роли Чешского королевства в Европе, о взаимоотношениях Чехии с Германией и Польшей в X—XI вв. В 1890 г. вышла в свет магистерская диссертация ученого «О хронике Козьмы Пражского» [138]. Автор поставил задачу «разъяснить» чешскую историю IX и X вв., раскрыть те источники, которыми пользовался Козьма, оценить их историческую достоверность. На основании исследованного материала Регель характеризовал хронику Козьмы как ценнейший исторический источник и блестящий литературный памятник. Работа Регеля, предпринятая в целом с позитивистских позиций, не утеряла определенного научного значения и в наше время.

Проблемы чешского феодализма разрабатывались в трудах А. Н. Ясинского. Прежде всего его интересовала социально-экономическая, правовая, аграрная история Чехии X—XIV вв. Ученый предложил собственную периодизацию социального развития чешского народа. Древнейшую стадию этого развития он именует «коллективными формами быта», что соответствует общепринятому ныне термину «родовой строй». Эта стадия сменяется, по Ясинскому, «земским строем», для которого характерны уже имущественное неравенство, наличие общественных классов и государственного аппарата управления, однако при сохранении правовых норм, основанных на «самобытных, коллективных формах быта». По существу речь уже шла о феодальной общественной формации, но Ясинский к этому термину в данном случае не прибегал потому, что рассматривал феодализм как «сословно-привилегированный строй», пришедший на смену земскому и уничтоживший юридическую самобытность народа, что произошло в Чехии лишь во второй половине XIV в. Анализ развития чешского общества в период перехода от «земского строя» к «сословно-привилегированному» предложен в работах Ясинского «Падение земского строя в Чешском государстве (X—XIII вв.)» (Киев, 1895) и «Очерки и исследования по социально-экономической истории Чехии в средние века» (Юрьев, 1901. Т. 1). Главное внимание Ясин-

ский уделил вопросу о степени и характере немецкого влияния на судьбы Чехии в XIII—XIV вв. Это влияние представлялось ученому в принципе второстепенным фактором, который получил важное значение только потому, что в стране уже созрели предпосылки для социальных изменений. Рассмотрев возникновение общественных классов, аппарата управления, центральных учреждений в Чешском государстве, разделение страны на административные области, устройство земских учреждений, социальную структуру чешской деревни, развитие форм важнейших хозяйственных документов, Ясинский пришел к выводу, что немецкие организационные формы были приняты в Чехии XIII—XIV вв. для некоторых явлений, возникших самостоятельно, поэтому нельзя говорить о полной ассимиляции чешских институтов немецкими. Эта точка зрения вызвала возражения как в России, так и в Чехии. Лишь много лет спустя были признаны заслуги ученого, в том числе его роль в борьбе против односторонних представлений о механическом заимствовании Чехией общественных и правовых норм и порядков Германии. Но и в конце XIX—начале XX в. критики ставили труды Ясинского выше работ некоторых крупных чешских и немецких историков, отмечали составленные Ясинским обширные и глубокие обзоры источников и литературы, использование им всего доступного материала, ясность изложения, оригинальность выводов. Ясинский являлся крупнейшим за пределами Чехии специалистом по социально-правовой истории этой страны, а его труды представляют собой вершину русской буржуазной науки по затронутым в них проблемам, они не потеряли определенного значения вплоть до наших дней.

Разрабатывалась также политическая и культурная история Чехии XIV в. Эпоха Карла IV, точнее, отдельные стороны его правления — религиозная политика, культурная деятельность, внешнеполитические мероприятия — освещались в отдельных статьях и общих работах по истории феодальной Европы. В некоторых обобщающих трудах более или менее подробно рассматривались история создания Пражского университета, его устройство, национальная и идеологическая борьба в нем [139].

Главным сюжетом чешской феодальной истории, интересовавшей русских ученых, было гуситское движение. К 60-м годам о нем имелась уже значительная литература (см. гл. II). Гуситологи-славянофилы считали, что гуситское движение является выражением исконно присущего чешскому народу «православного начала» и «славянского духа», актом исторической борьбы «славянского племени» за предопределенное ему первенство среди народов мира, проявлением стремления славян к «греко-славянской стихии» вообще. Главное внимание концентрировалось на жизни и деятельности Яна Гуса, призванного якобы повести за собой чехов к предначертанному им будущему. Подавляющее большинство историков-славянофилов отрицательно относилось к движению таборитов, рассматривая его как проявление «насилия», не свойственного славянским народам.

Своеобразным дополнением к фундаментальному труду славянофильской историографии гуситского движения монографии Е. П. Новикова «Гус и Лютер» явился написанный в конце 40-х годов, но печатавшийся позднее обширный «Очерк истории чешского вероисповедного движения» А. С. Клеванова [140]. Значительную часть своего творчества посвятил разработке истории гуситского движения со славянофильских позиций Гильфердинг. Непосредственно гусизма касаются две его работы: «Очерк истории Чехии» (СПб., 1868) и «Гус. Его отношение к православной церкви» (СПб., 1871). Не имея принципиальных возражений против методологии В. А. Елагина и Е. П. Новикова, А. Ф. Гильфердинг несколько смягчает их прямолинейно-славянофильскую трактовку гуситского движения как «продолжения православной традиции», считая, что такой традиции «от Мефодия до Гуса» в Чехии не существовало, хотя внутренняя, идейная связь Гуса с православием «несомненна».

Славянофильский взгляд на гуситское движение выражен и в работе В. К. Надлера (1840—1894), появившейся в 1864 г.[141] Этот ученый не был преимущественно славистом. Его труды касаются различных проблем средневековой истории Западной Европы, а также истории России первой половины XIX в. Используя в них некоторые архивные материалы, он нередко прибегал к компиляции. Это отразилось на указанной работе, которая была магистерской диссертацией ее автора. Современники Надлера справедливо указывали на связь его сочинения с исследованиями историков различных направлений. Но все же по основным вопросам Надлер исходил из славянофильских построений, а отступления от них объясняются сделанными им заимствованиями.

В славянофильском духе написаны сочинение В. А. Бильбасова «Чех Ян Гус из Гусинца» (СПб., 1869) и работы ученых — представителей православной церкви А. М. Иванцова-Платонова (1835—1894), А. С. Лебедева (1833—1910), В. А. Смирнова (1836—1867), А. Вертеловского. Мнение о православном характере гуситского движения поддерживал и В. И. Ламанский, освещавший в славянофильском духе личность Иеронима Пражского. С тех же позиций разрабатывал некоторые проблемы гуситского движения и А. С. Будилович [142]. Правда, и среди славянофильских историков существовали некоторые разногласия, но не по принципиальным, а только по частным вопросам.

Славянофильская концепция гуситского движения с начала 60-х годов стала подвергаться критике с различных позиций, в том числе с революционно-демократических. Так, П. А. Ровинский (1831—1916) опровергал славянофильскую концепцию истории общества в целом, а гуситское движение рисовал многоплановым, считал его в принципе национально-социальным, а не религиозным. Главную роль в движении Ровинский отводил народным массам, объясняя их энтузиазм тяжелым положением большинства населения, т. е. крестьянства в предгуситскую эпоху. Рели-

гиозному фактору Ровинский отводил второстепенное место и, конечно же, отрицал «православный характер» религиозной борьбы. В отличие от славянофилов Ровинский уделял большое внимание таборитам: освещая их идеологию, подчеркивал в их социальном учении требование уничтожения сословий, уравнения прав и имуществ. Таборитскую программу он рассматривал в динамике, вождей таборитов Яна Жижку и Прокопа Голого рисовал с симпатией, но без идеализации. В целом Ровинский, проанализировав подробно гуситское движение, оценил его как явление социального и национального характера, что следует признать достижением русской историографии [143]. Представитель народнической историографии С. А. Венгеров (1855—1920) в трех своих работах по гуситскому движению, опубликованных в начале 80-х годов, выражал мнение, что в славянской истории следует изучать прежде всего деятельность народных масс, но в отличие от Ровинского, признававшего главным в гуситском движении социальный и национальный факторы, выдвигал на первый план нравственные побуждения, отрицая важность не только политических, но и социально-экономических моментов [144].

К 80-м годах XIX в. в русской гуситологии возобладал позитивистский подход к истории, для которого характерны интерес к социальным и национальным мотивам движения, признание второстепенности религиозного аспекта, отыскание и интерпретация новых источников. В то же время историки-позитивисты не увидели в гуситском движении явлений классовой борьбы. К работам этого направления относятся труды Ю. С. Анненкова, Х. П. Ящуржинского, В. И. Герье, Н. И. Кареева [145]. Хотя историки-позитивисты не создали столь значительных по объему сочинений о гуситском движении, как славянофилы, концепция этих последних была вытеснена из русской историографии как ненаучная.

Наиболее крупным исследователем гуситского движения в последней четверти XIX в. был профессор кафедры истории славянской церкви в Петербургской духовной академии И. С. Пальмов (1856—1920) [146]. Его нельзя безоговорочно отнести к позитивистскому направлению, поскольку религиозному аспекту гуситского движения он придавал гораздо большее значение, чем позитивисты. В то же время Пальмов критически относился к славянофильской концепции, понимал социальные мотивы поведения отдельных слоев чешского общества в гуситский период, указывал на социальные моменты также и как на причину популярности Гуса среди различных слоев общества. В целом концепция Пальмова была эклектичной, но, несмотря на это, в его трудах исследование гуситской проблематики сделало значительный шаг вперед. Пальмов ввел в научный оборот много новых источников, подробно изложил ряд вопросов, не затрагивавшихся его предшественниками (особенно вопросов теологического и философского плана), уделил значительное внимание деятельности отдельных лиц: Яна Гуса, Иеронима Пражского, Якоубека из Стржибра [147].

Ю. С. Анненков (1849—1885), ученик В. И. Ламанского, окончивший Петербургский университет и затем преподававший русский язык и словесность в разных петербургских учебных заведениях, стал родоначальником исследований творчества Петра Хельчицкого — знаменитого чешского богослова и мыслителя XV в. Анненков разыскал в чешских архивах и библиотеках малоизвестные или совершенно неизвестные рукописи сочинений Хельчицкого и написал ряд статей о нем. В «Часописе Ческего Музеа» (1880) он опубликовал по-чешски работу «К биографии Петра Хельчицкого», а год спустя вместе с чешским ученым А. Патерой сообщение «О вновь найденной рукописи Петра Хельчицкого» [148]. В 1885 г. вышла статья Анненкова «Выписки из Парижской рукописи сочинений Штитного и Хельчицкого». Кроме этого, под редакцией Анненкова началась публикация главного труда чешского мыслителя Хельчицкого «Сеть веры». Но окончить эту работу Анненкову не удалось, ее завершил И. В. Ягич. Анненков фактически открыл науке Хельчицкого, о котором мало знали даже в Чехии, и тем самым способствовал написанию новой страницы чешской истории [149].

Эпоха правления Иржи из Подебрад нашла в русской литературе лишь немногих исследователей [150]. Интересные мысли о монархии Подебрада высказаны в «Очерки истории Чехии» Гильфердингом, который отводит этому государству важнейшую роль в политике средневековой Европы, считает его своего рода образцом и даже тем идеалом, к которому стремились передовые элементы Запада в XV в. Специальное сочинение посвятил королю Иржи А. Л. Дювернуа. Как автор, которому была свойственна реакционная оценка гуситского движения, и особенно его левого крыла, Дювернуа поднимает на пьедестал личность короля Иржи за установление им «Мира и порядка» в Чехии. Я. Гейдук издал небольшую работу о магистре Яне из Рокицан [151].

История Чехии XVI—XVII вв. разрабатывалась сравнительно мало. Работа П. А. Лавровского о падении Чехии в основном описывает «ужасы» казней, расправ и репрессий католиков по отношению к чехам, потерпевшим поражение на Белой Горе [152]. События и их последствия оцениваются в чисто славянофильском духе. Значительно большего достиг А. А. Кочубинский. В своей магистерской диссертации он представил историю общины чешских братьев от ее возникновения в середине XV в. до ликвидации этой организации на территории Чехии после Белогорской битвы 1620 г. И хотя в объяснении причин религиозного аспекта движения Кочубинский стоял на позициях славянофильства, он внес определенный вклад в разработку вопроса о социальном составе общины, правильно осветил сущность политических событий в Чехии первой четверти XVII в.[153] Основное значение работы Кочубинского заключается в том, что в ней впервые в русской историографии изложены события того периода, притом изложены в целом на уровне последних достижений тогдашней науки.

Из всех сюжетов чешской истории XVII в. наибольшее внимание уделяли русские исследователи жизни и творчеству великого педагога Я. А. Коменского. О нем русскими славистами было написано около 200 работ, и основная масса появилась как раз во вторую половину XIX в. Естественно, главный акцент в этой литературе делался на педагогические идеи Коменского, что объясняется, очевидно, процессом перестройки русской школы и практическим направлением педагогической мысли в России указанного периода. В русских переводах были изданы как отдельные сочинения Коменского, так и сборники его педагогических трудов, написано много статей и брошюр о педагогической системе и принципах воспитания великого чешского педагога. Особенно много работ вышло в 1892 г. в связи с трехсотлетием со дня рождения Коменского. В этих исследованиях он оценивался как мыслитель, национальный деятель, картограф [154].

Большой интерес проявляли русские ученые и к чешскому национальному возрождению. Он поддерживался и развивался не в последнюю очередь благодаря интенсивным русско-чешским научным связям. Каждый русский ученый, командированный в славянские земли, начинал свои занятия, как правило, в Праге, где в богатейшей библиотеке Национального музея знакомился с нужной литературой, славянскими рукописями, пособиями и т. д., входил в контакт с чешскими учеными, знакомился с их методами научной работы. И хотя из деятелей национального возрождения к 60-м годам оставались в живых лишь единицы, традиции этой эпохи по-прежнему составляли одну из основ чешской науки и культуры, влияли на русских ученых и побуждали их к исследованию истории возрождения. В России издавалась корреспонденция деятелей чешского возрождения, особенно их переписка с русскими учеными. Н. А. Попов в 1880 г. опубликовал письма Яна Коллара, В. Ганки, П. Й. Шафарика к М. П. Погодину; М. Н. Сперанским и П. А. Лавровым были напечатаны письма П. Й. Шафарика О. М. Бодянскому и В. И. Григоровичу, а В. И. Ламанским — И. И. Срезневскому [155]. Интенсивно изучалось творчество патриарха славяноведения Й. Добровского, о котором писались статьи и разделы в общих трудах; в 1884 г. казанским ученым И. Снегиревым была издана и специальная монография о Й. Добровском [156]. Значительная литература в виде воспоминаний, биографических заметок и характеристик в справочных изданиях существовала о В. Ганке, были изданы его письма к А. С. Норову и О. М. Бодянскому [157]. Много внимания уделялось творчеству Ф. Палацкого: давалась характеристика его жизненного пути, его сочинения переводились на русский язык. Особенно много работ появилось в 1876 г. в связи с кончиной Ф. Палацкого, а также в 1898 г., в год столетия со дня его рождения [158]. Освещалось также творчество Й. Юнгмана, Ф. Л. Челаковского, Я. Е. Пуркине, К. Гавличка-Боровского, Я. Эрбена. Но особое место в русской историографии и публицистике занимает творчество П. Й. Шафарика; количество трудов о его жизни,

значении его творчества для развития славяноведения, о взаимоотношениях с русскими учеными и т. д. достигает полутора сотен [159].

Русские ученые приняли активное участие в обсуждении весьма важного для развития славяноведения вопроса о подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей (как и других подделок). Как известно, в этой полемике чешские (и не только чешские) исследователи разделились на два лагеря: сторонников и противников подлинности этих памятников. Многие русские слависты стояли на позициях сторонников их подлинности. Но В. И. Ламанский, В. В. Макушев и А. А. Кочубинский выступили как обличители фальсификатов и трудами, в которых научно аргументировали свою позицию, внесли вклад в разоблачение подделок, способствовали торжеству научной истины [160]. Наряду с исследованиями, оценивавшими значение различных деятелей чешского национального возрождения, в рассматриваемый период появляются и синтетические труды, в которых эта эпоха чешской истории находит широкое освещение в связи с изучением развития славяноведения в России (см. разд. 6 данной главы).

Вместе с чешским изучалось и словацкое национальное возрождение. В сборниках и журналах публиковались очерки о словаках, их отношениях с венграми, их национальных чаяниях. Среди словацких деятелей особым вниманием русских исследователей пользовался Ян Коллар, о котором возникла богатая литература, в частности в 1900 г. была издана монография о его жизни и творчестве. Этот интерес объясняется главным образом тем, что Коллар одним из первых славян сформулировал теорию славянской взаимности, а среди русских славистов второй половины XIX в. было немало приверженцев этой идеи. Второй крупнейший деятель словацкого национального возрождения — Л. Штур занимал русских ученых прежде всего как автор трактата «Славянство и мир будущего». Он был впервые опубликован в России, и слависты славянофильского направления использовали трактат в своей политической полемике. Крупных научных сочинений о Штуре написано не было [161]. Если по чешской тематике в русской историографии конца XIX в. преобладают сравнительно небольшие исследования (хотя есть и некоторые крупные монографии), то по истории Польши начиная с 60-х годов создаются серьезные и обширные труды в значительном количестве. Этот факт объясняется прежде всего близостью исторических судеб России и Польши, их географическим соседством, постоянными тесными контактами на протяжении всей истории обеих стран. В России существовала и богатая источниковая база для успешного изучения истории Польши. Если, например, историк-богемист должен был для выполнения своих научных задач отправляться за границу, то польских материалов в хранилищах Российской империи едва ли было меньше, чем в самой Польше. В XIX в. усилиями археографических комиссий, особенно Киевской и Виленской, было собрано, сгруппировано и частично издано большое число ценных докумен-

тов. Немало источников осталось в русских архивах и с более ранних времен.

Первые труды по истории Польши, появившиеся в 60-х годах, освещали в основном политические события XVIII в. Самой ранней работой, основанной на архивных документах, было сочинение будущего профессора всеобщей истории в Московском университете В. И. Герье «Борьба за польский престол в 1733 г.» (М., 1862). Вскоре С. М. Соловьев написал «Историю падения Польши» (М., 1863). Период разделов Польши освещали работы Д. И. Иловайского и Н. И. Костомарова [162]. Документы по этой тематике публиковались в журналах и специальных сборниках [163]. О роли Панина в событиях, связанных с первым разделом Польши, специальную статью написал Г. Ф. Есипов [164]. Несколько работ было посвящено Станиславу Августу Понятовскому [165]. Появились также отдельные исследования по истории польского крестьянства в XVIII в. Кроме общей работы И. А. Горемыкина «Очерки истории крестьян в Польше» (СПб., 1869), появляются переводные статьи [166], а в 1889 г. вышло исследование В. А. Мякотина «Крестьянский вопрос в Польше в эпоху разделов», снабженное богатой библиографией как русских, так и польских работ по крестьянскому вопросу. По истории Польши XVIII в. появляются также сочинения, касающиеся диссидентского вопроса, войны России с польскими конфедератами в конце 60-х годов — начале 70-х годов того же столетия [167]. Известный русский историк Н. И. Кареев проанализировал реформы в Польше XVIII в., а также написал историографическое исследование о падении Польши [168]. Некоторые историки переходят и к освещению событий XIX в., например вопросов, связанных с польским восстанием 1830—1831 гг. Политику царизма в Польше накануне этого восстания представил в своей монографии П. Д. Брянцев [169]. Журналы «Русская старина» и «Русский архив» публикуют переписку Николая I с И. И. Дибичем, кн. Гедройца с Д. Блудовым и другие документы, касающиеся польских событий [170]. Не случайно во время польского восстания 1863—1864 гг. была издана на русском языке работа Ф. Смита о восстании 1830—1831 гг. Обобщенные сведения о ходе военных действий против восставших приведены в книге А. К. Пузыревского, вышедшей значительно позднее. Издавались на тему об этом восстании и некоторые отдельные статьи [171].

Истории королевства Польского в 30—50-х годах была посвящена часть биографического труда А. П. Щербатова о царском наместнике в Варшаве И. Ф. Паскевиче [172]. О восстании 1863—1864 гг. публиковались воспоминания и некоторые документы, серьезных исследований в рассматриваемый период было немного [173].

В литературе о разделах Польши и польских восстаниях XIX в. преобладали сочинения монархического направления, оправдывавшие и защищавшие политику царизма в польском вопросе. Соответственно отбирались для публикации и источники. Однако в 80—90-х годах значительно поднялся удельный вес работ,

которые освещали польскую историю гораздо более объективно (например, сочинения Н. И. Кареева). Ярким примером такого подхода к польскому освободительному движению в русском обществе являются «Заметки о польских заговорах и восстаниях» (М., 1873), изданные Н. В. Бергом. Заметки представляют собой составленный по заказу царского правительства очерк истории польского восстания 1863 г. Но ученый использовал не только официальные документы, а наряду с ними и дневники, письма, рассказы участников событий и нарисовал объективную картину предпосылок и хода восстания, проявил критическое отношение к политике царизма в Польше и вовсе не продемонстрировал воинствующего полонофобства, характерного для официальной историографии. Оценка польской истории с либеральных позиций свойственна и некоторым другим сочинениям [174].

Русское славяноведение второй половины XIX в. уделяло серьезное внимание также древнему и средневековому периодам польской истории. Выше уже упоминалась вышедшая в 1872 г. работа Ф. И. Успенского, посвященная созданию раннепольского государства. М. Ф. Владимирский-Буданов написал исследование о немецком праве в Польше; А. И. Барабашев посвятил несколько работ правлению Витовта; специально изучалась битва при Грюнвальде в 1410 г.[175] О внешней политике Польши XVI—XVII вв., ее борьбе за господство на Балтийском море написал монографию Г. В. Форстен; по истории русско-польских отношений XV—XVII вв. был издан большой сборник документов, этим же сюжетам посвящены монографии И. А. Линниченко и Ф. Вержбовского [176]. Значительное число солидных работ касалось истории польской реформации; Н. Н. Любович, в частности, посвятил ей статьи и монографии, а Н. И. Кареев исследовал тему не только в конкретно-историческом, но и в историографическом плане [177]. Кареев же написал «Исторический очерк польского сейма» (М., 1888) и некоторые другие работы.

Перечисленными в настоящем разделе работами русская историография последних четырех десятилетий XIX в. о Польше далеко не исчерпывается, но и из приведенного материала ясно, что главное внимание уделялось политической истории. К исследованию производительных сил и социальных проблем истории русские ученые в то время обращались лишь в редких случаях. Кроме упомянутых выше работ о крестьянстве, можно указать, пожалуй, на очерк И. И. Янжула о развитии промышленного производства в Царстве Польском [178]. С конца 70-х годов стали издаваться статистические сборники, касающиеся экономического развития, народонаселения, положения крестьян и т. п.[179] В целом исследование истории Польши в России второй половины XIX в. сделало все же очень значительный шаг вперед в сравнении с предшествующим периодом.

Русская историография рассматриваемого периода уделяла определенное внимание также и самому малому славянскому этникуму — лужицким сербам. Литература о них довольно значи-

тельна и притом представляет собой весьма пеструю картину [180]. С конца 50-х годов возобновились личные контакты между русскими учеными и серболужицкими деятелями, прерванные или заметно ослабевшие после 1848 г. В различных изданиях, в том числе в научных, публиковались результаты личных наблюдений русских путешественников за жизнью сербов-лужичан, историко-этнографические исследования, заметки об отдельных событиях, биографические материалы. Накануне рассматриваемого периода наиболее крупным трудом была большая статья А. Ф. Гильфердинга о национальном возрождении сербов-лужичан в Саксонии, оказавшая влияние и на последующих русских авторов, которые обращались к ней еще и в конце XIX в.[181] Вообще национальное возрождение было самым значительным сюжетом в русской литературе о лужицких сербах. Однако освещения этого процесса в целом, как и изложения общей истории народа, никто в России не выполнил (подобных работ долго не было и у самих сербов-лужичан). К русским сочинениям об этом этникуме, имеющим научное значение, относится очерк серболужицкой литературы, помещенный А. Н. Пыпиным в «Истории славянских литератур», где впервые отображен процесс развития литературы как явления, органически связанного с историческим развитием народа [182]. Определенный интерес представляют статьи, посвященные отдельным деятелям серболужицкого возрождения и подводящие итог развитию серболужицкой народности, ее духовной культуры за соответствующий период. Таковы очерки Н. А. Янчука о Яне Арноште Смолере, К. Я. Грота — о Михаиле Горнике [183]. В связи с пятидесятилетием литературного и издательского общества лужицких сербов — Матицы Сербской в Будишине — несколько статей о ней было написано В. А. Францевым [184]. В них прослеживается история этой организации от ее основания в 1847 г., т. е. по существу история почти всего серболужицкого возрождения, так как Матица аккумулировала в себе бо́льшую часть творчества деятелей возрождения.

В русской литературе много писалось об угнетении лужицких сербов немецкой господствующей нацией. Однако это были главным образом публицистические заметки в журналах общего содержания и брошюрах. В 90-е годы были изданы некоторые источники о русско-серболужицких связях: научных и культурных. В журнале «Живая старина» В. И. Ламанский опубликовал письма П. И. Прейса к некоторым русским ученым, а также И. И. Срезневского к матери со сведениями о сербах-лужичанах [185]. Это обстоятельство привлекло внимание ученых и общественности к лужицким сербам и стимулировало к дальнейшему исследованию их истории и культуры.

Интенсивно разрабатывалась в России история южных славян. Выдающихся успехов достигло изучение Сербии. Первым ее исследователем был А. Ф. Гильфердинг. Он еще в 1854—1857 гг. опубликовал «Письма об истории сербов и болгар», в которых впервые находим научное изложение древней истории этих народов. Этот

труд высоко оценивался как в России, так и в славянских странах и был переведен на сербохорватский и немецкий языки. В 1860 г. вышло новое сочинение Гильфердинга — «Поездка по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии». В обстановке, когда сведения о славянах под турецким владычеством были достаточно скудны, Гильфердинг совершил путешествие по названным странам и, хорошо зная сербский язык и историю, собрал ценный материал о народном быте, нравах, обычаях, религиозных отношениях, положении южных славян. Современники видели в сочинении Гильфердинга единственную книгу, дающую правильное представление о положении турецких славян.

Помимо фундаментального труда об истории сербского языка, А. А. Майковым были написаны исследования «О земельной собственности в древней Сербии», «Присяжный суд у южных славян», «О пронии в древней Сербии» и множество мелких статей по разным вопросам сербской истории [186].

Плодотворным было изучение истории Сербии Н. А. Поповым, завершившееся упоминавшейся выше и переведенной на сербохорватский язык двухтомной монографией «Россия и Сербия». Она основана на архивных, ранее неизвестных материалах и множестве других источников. Современники справедливо считали книгу самой документированной и полной историей новой Сербии, излагающей ее внутреннюю и внешнюю историю с 1806 по 1856 г. К сожалению, Попов нередко использовал источники без достаточной исторической критики, в этом смысле его работа не вполне соответствовала высшим достижениям тогдашней историографии. Важное значение имели другие работы Попова, освещавшие историю Сербии после Парижского мира, а также подготовленные этим ученым публикации документов по истории русско-сербских культурных и научных связей первой половины XIX в.[187]

Перечисленные труды русских ученых являлись, несомненно, крупными достижениями и широко использовались не только в России, но и за ее пределами. Однако Гильфердинг, Майков и Попов принадлежали к славянофильскому направлению, что явно отразилось на оценке ими многих проблем сербской истории.

Иной характер носили труды В. В. Макушева, крупного знатока исторических материалов, хранившихся в архивах и библиотеках Германии, славянских стран, Италии. В итальянских архивах он обнаружил ценные документы, ставшие основной источниковой базой для написанного им очерка дипломатических отношений России с Дубровником и для обширного труда об исторических памятниках и бытописателях Дубровника, в котором наряду с критическим обзором источников дается решение множества конкретно-исторических вопросов. Отдельно Макушев осуществил тщательно подготовленное издание части найденных им итальянских источников по истории южных славян. Макушеву принадлежит немало других работ, посвященных истории Сербии, Хорватии, Черногории, Словении, а также отдельным деятелям народов этих земель [188].

Крупным исследователем истории средневековой Сербии был Т. Д. Флоринский. Он занимался ее внутренней историей, внешними связями, отношениями Сербии с Византией, освещал отдельные события, изучал источники по сербской истории, издавал исторические документы [189]. Первая монография Т. Д. Флоринского называлась «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века» [190]. Она основана на сравнительном анализе византийских и сербских источников XIV в. и явилась новым словом в науке о сущности и особенностях социально-экономических отношений у сербов в рассматриваемый период. Многие конкретные факты политической борьбы были Флоринским выявлены и освещены впервые. Работа и поныне сохраняет научное значение, что подтверждается, в частности, ее перепечаткой в Лондоне в 1973 г. Другой крупный труд ученого посвящен памятникам законодательной деятельности царя Душана. В нем освещается внутренняя политика Ст. Душана, характеризуются хрисовулы и новеллы сербских государей, делается попытка классификации рукописей «Законника», анализируются сербские компиляции византийских законов. В приложениях к монографии приводятся тексты «Законника» по разным спискам. Все это выявило закономерную связь «Законника» с византийскими правовыми памятниками, что явилось принципиально новым выводом и имело важное значение для направления дальнейшего изучения истории Сербии времен Душана. Флоринский написал значительное число и не столь крупных работ по сербской истории, в том числе о Косовской битве, истории Дубровника [191]. Большое значение для изучения южных славян в России имели критико-библиографические обзоры новейших трудов по славяноведению, которые с 1891 г. Флоринский публиковал в «Киевских университетских известиях» [192]. В них помещались отклики и критические статьи на всю литературу по истории славян (и не только южных). Из статей Флоринского о южных славянах можно выделить: «Константин Порфирородный как писатель об южных славянах перед судом новейшей критики» (ЖМНП. 1881. № 3. С. 139—170; № 6. С. 300—322); «Новейшие исторические исследования архимандрита Иллариона Руварца» (КУИ. 1889. № 12. С. 299—325); «Жизнь и труды д-ра Рачкого, первого председателя Югославянской академии» (Киев, 1895 — оттиск из КУИ). По политическим убеждениям Флоринский был консерватором, в своих научных трудах выступал как ярый сторонник самодержавия и православия, в публицистических работах — как великорусский шовинист. Тяготея по своим идейно-научным взглядам к позднему славянофильству, Флоринский не разделял той концепции славянской истории, которую сконструировали славянофилы и которая была анахронизмом уже тогда, когда он еще только начинал свою научную деятельность. Труды Флоринского по истории средневековой Сербии, несмотря на консервативность их автора, стали значительным вкладом русской науки в исследование истории южных славян.

Историей средневековой Сербии занимались также К. Грот и А. С. Будилович. В. В. Качановский (1853—1901) опубликовал критическое исследование источников по сербской истории XIV—XV вв.[193] Большое внимание в русской историографии уделялось сербской православной церкви и ее связям с Россией [194]. Как правило, эти сюжеты разрабатывали церковные историки, профессора духовных академий. В 1871 г. вышла монография Е. Е. Голубинского по истории православной церкви в Европе, в том числе и в Сербии. И. С. Пальмов исследовал вопрос об учреждении патриаршества в древней Сербии и о сербской архиепископии, изучал историю Охридской архиепископии. В. И. Ламанский опубликовал некоторые документы митрополита Ст. Стратимировича, Н. Ф. Каптерев изложил сведения о связях сербских иерархов с Москвой. Из истории Сербии XVIII в. изучалась деятельность Досифея Обрадовича, о котором были написаны работы И. Е. Гацкевича и К. Радченко, а также сербско-русские связи того времени, о которых писал А. А. Кочубинский.

Русские историки специально занимались историей Черногории. В. И. Ламанский напечатал обнаруженные им в архивах документы о русско-черногорских связях. П. Роганович написал исследование о развитии политического режима в Черногории с конца XV до середины XIX в. Крупнейшим всесторонним исследованием о Черногории был труд П. А. Ровинского «Черногория в ее прошлом и настоящем» (СПб., 1888—1915) [195].

Ровинский в 1852 г. закончил Казанский университет, где его учителем был В. И. Григорович, воспитавший в своем ученике способность к критическому осмыслению исторических источников и событий, а также интерес к славянской тематике. За свою долгую жизнь Ровинский неоднократно посещал славянские земли, а в Черногории прожил 27 лет. Революционер-шестидесятник, Ровинский был, по отзывам современников, «народником не только в политике, но и в науке» [196]. Главным он считал изучение жизни народных масс, социально-экономических факторов в исторических событиях, борьбу народа против национального и политического гнета. Находясь в Черногории, Ровинский в качестве санитара принимал непосредственное участие в вооруженной борьбе черногорцев с турками. Прожив в стране более четверти века, он подробнейшим образом разработал историю, географию, археологию и этнографию этой небольшой славянской страны. Его труд, в котором обобщены сведения из всех сфер жизни черногорцев, по праву считается уникальным явлением в литературе подобного типа и большим достижением русской исторической науки в области славяноведения. Он не утратил определенного значения и через много лет после выхода в свет. П. А. Ровинскому принадлежит также ряд статей по истории Сербии и Черногории.

В рассматриваемый период в России изучалась и история Хорватии. Казанский исследователь И. Н. Смирнов опубликовал «Очерк истории Хорватского государства до подчинения его

угорской короне» (Казань, 1879); ему же принадлежит статья «Землевладение в Хорватии и Далмации в X—XI вв.» (ЖМНП. 1884. № 10). О Хорватии были написаны и работы обобщающего характера, к которым следует отнести труд Л. В. Березина «Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница» (СПб., 1879. Т. 1—2). Хотя эта работа носила компилятивный характер, она способствовала ознакомлению русского общества с южнославянскими народами. Березин опубликовал большой очерк о сербах и хорватах и значительное количество статей по разным вопросам истории и тогдашнего положения Хорватии, Славонии, Далмации, Сербии во многих русских журналах [197].

Особенно много литературы в рассматриваемый период появилось об известном славянском мыслителе XVII в. Юрии Крижаниче. Интерес к этой личности, столь тесно связанной с Россией, проявлялся еще в первой половине XIX столетия. Во второй же половине века в русских архивах были обнаружены неизвестные или забытые сочинения Крижанича. На этой основе составляются очерки его жизни, рассматривается его отношение к православной церкви, восточному вопросу, России [198]. В 80-х годах публикуется ряд новооткрытых проповедей Крижанича, а затем выходит и собрание его сочинений, на основании которых позднее создается литература, освещающая различные стороны деятельности и идеологии этого мыслителя.

Русскими славистами второй половины XIX в. были созданы основополагающие сочинения по истории Болгарии. Начало им, как упоминалось выше, положила «История сербов и болгар» А. Ф. Гильфердинга. В начале 70-х годов публиковал свои работы по истории Болгарии В. В. Макушев. В них освещены события XII—XIII вв., период турецкого владычества XV—XVI вв.[199] Это были университетские лекции, которые, как упоминалось в тексте, создавались на основании вновь открытых источников, обнаруженных автором в архивах. Преимущественно болгарской историей занимался М. С. Дринов. Его труд о заселении Балканского полуострова славянами опроверг бытовавшее ранее мнение об автохтонности славян на Балканах и мирном внедрении их в пределы Восточноримской империи [200]. Другой крупной работой ученого было сочинение «Южные славяне и Византия в X веке» (М., 1876). В ней автор (также, видимо, на основании разысканных им источников) осветил историю славяно-византийских отношений. В методике исследования М. С. Дринова заметно влияние позитивизма. Для его работ характерен «болгарский патриотизм», который нередко становился помехой в объективной оценке значения той или иной исторической личности.

К числу крупных достижений русской исторической болгаристики относится монография Ф. И. Успенского «Образование Второго Болгарского царства» (СПб., 1879). Успенский был преимущественно византинистом, однако по распространенной в России тенденции — рассматривать славистику и византиноведение как неотделимые друг от друга дисциплины — придавал

огромное значение роли славян в истории Византии V—XIV вв. В упомянутой работе Успенским по-новому освещены политические события истории Болгарии и Византии, изучены на основе большого материала источников история болгарского народа в эпоху византийского господства и обстоятельства образования Второго Болгарского царства. Успенскому принадлежит и ряд других работ, затрагивающих вопросы об экономических и государственных институтах византийского и южнославянского общества.

Русская историография рассматриваемого периода создала прочную базу для исследования богомильства. По этой проблеме были написаны десятки работ, и русская дореволюционная литература о богомильстве в Болгарии принадлежит к числу крупнейших. В то время как в Болгарии, да и на всем Балканском полуострове источники о богомилах были почти полностью утрачены, в древнерусской рукописной книжности они дошли до нас либо целиком, либо в извлечениях и переделках. Наличие источниковой базы дало русским ученым повод к исследованию богомильства. В дальнейшем возникла необходимость эту базу расширить, что и явилось стимулом для поисков новых рукописей о богомильстве в других странах. Изучение источников о богомилах началось еще в 30-е годы XIX в., но только в 1864 г. был опубликован главный из них — «Беседа Козьмы Пресвитера на богомилов» (X—XI вв.) [201]. Первым русским автором, оценившим этот источник, был А. Ф. Гильфердинг. Характеристика догматики богомильства содержится в книге казанского профессора Н. А. Осокина об альбигойцах [202]. Одной из важнейших работ по истории богомильства в русской историографии является труд Г. Киприановича «Жизнь и учение богомилов по паноплии Евфимия Зигабена и другим источникам» [203]. В ней автор указал на поддержку богомильства массой простого народа, глубоко осветил сущность учения и социальной программы богомилов. На социальную сторону этого учения обратил внимание и М. С. Дринов в книге «Южные славяне и Византия в X веке». Богомильства касался также Ф. И. Успенский, о нем писали Т. Д. Флоринский и его ученик К. Ф. Радченко. В 1897 г. одесский ученый М. Г. Попруженко издал текст важнейшего болгарского памятника «Синодика царя Бориса», а затем и исследование об этом памятнике [204]. Состав синодика очень сложен, комплекс связанных с ним вопросов обширен. Это издание имело большое значение для дальнейшего изучения истории Болгарии. В исследовании о синодике Попруженко предлагает краткий очерк развития еретических движений в Византии и Болгарии вообще и богомильства в частности. Большое значение для изучения богомильства имели работы московского профессора М. И. Соколова [205]. В целом к концу XIX в. изучение богомильства в русской историографии достигло заметных успехов.

Об истории Болгарии накануне турецкого завоевания и книжной деятельности в XV—XVII вв. многочисленные труды написал П. А. Сырку (1855—1905). Ученик В. И. Ламанского в Петербург-

ском университете, он издал монографию об истории исправления книг в Болгарии XIV в., а также исследовал жизнь и деятельность болгарского патриарха Евфимия, стоявшего в XIV в. во главе литературного движения в Болгарии [206].

Некоторые работы русских историков касались византийско-болгарских религиозных распрей. Вопросы болгарской истории XVIII—XIX вв. освещались мало. В 1877 г. вышла в свет автобиография Софрония Врачанского [207].

В последние два десятилетия прошлого века важнейшее место в литературе о Болгарии заняли текущие материалы о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и первые попытки исторического осмысления ее событий [208]. В самом конце века начало выходить монументальное издание материалов об этой войне, которым и в наше время широко пользуются исследователи [209].

4. Исследования в области литературы и этнографии

Изучение славянских литератур в России сделало во второй половине XIX в. значительный шаг вперед. Славянские литературы были в то время предметом университетского образования, а литографированные лекции профессоров по этой дисциплине — основным пособием для их изучения. Издавались переводы произведений славянских поэтов и народного творчества. Еще в 1854 г. вышел сборник «Песни разных народов», а в 1871 г. — антология «Поэзия славян». Переводились также прозаические художественные произведения, например чешских писателей Божены Немцовой, Алоиза Ирасека [210]. Публиковались статьи и монографии об отдельных славянских писателях. С середины 60-х годов появляются первые сочинения, посвященные характеристике литератур славянских народов в целом. Выдающимся трудом был вышедший первым изданием в 1865 г. «Обзор истории славянских литератур», в котором В. Д. Спасович (1829—1906) написал раздел о польской литературе, а характеристика остальных славянских литератур принадлежит А. Н. Пыпину, выдающемуся представителю русской культуры XIX в. — литературоведу, этнографу, публицисту. Пыпин окончил Петербургский университет в 1853 г., в 1858—1859 гг. готовился к профессорскому званию за границей, где усердно занимался славянской письменностью и собирал материал по ее истории. В 1860 г. он стал читать лекции в Петербургском университете, но в 1861 г. покинул его в знак протеста против реакционной политики царского правительства в отношении высшей школы, став сотрудником и редактором ряда прогрессивных журналов [211].

В «Обзоре» Пыпин изложил историю болгарской, сербской, хорватской, словенской, чешской, словацкой, серболужицкой литератур с древних времен до эпохи национального возрождения включительно. Ученый стремился включить историю славянских литератур в рамки славянской и мировой истории, подчеркивал

органическую связь писателей и их творчества с религиозными течениями и средой, истории литературы с историей умственной жизни. Работы Пыпина по истории славянских литератур представляли собой не перечень имен и дат, как это бывало у других авторов; литература трактовалась как плод народной жизни, естественный результат развития идей и общественных отношений своего времени. Такой подход был в то время совершенно новым.

В 1879—1881 гг. вышло второе, переработанное и сильно расширенное издание «Обзора», состоявшее уже из двух томов, называвшееся «История славянских литератур» и доводившее изложение предмета до 70-х годов XIX в. Кроме характеристик литератур как таковых, в работе имеются общеисторические сведения о славянских народах, очерки этнографии, статистики и фольклора. Книга возбудила необычный интерес в славянских и неславянских странах. В 1880—1882 гг. вышел чешский перевод, в 1881 г. — французский, а в 1880—1884 гг. Лейпцигское издательство Брокгауза выпустило немецкий перевод в трех томах. Перевод был выполнен известным серболужицким литератором Яном Богувером Пехом, и именно это издание стало в первую очередь тем источником, из которого впоследствии западноевропейские литераторы черпали материал о славянских литературах. В. Д. Спасович был близок Пыпину и в понимании литературного процесса и по мировоззрению. Написанный им раздел не мог исчерпывающе осветить все богатство и разнообразие польской литературы, но отличался основательностью и детальностью. Концепция «Истории славянских литератур» оказала влияние и на более поздних исследователей.

В 80—90-х годах появляются и другие, более сжатые обзоры славянской литературы в целом и отдельно взятых стран. А. И. Степович издал в 1886 г. «Очерк истории чешской литературы», в 1893 г. — «Очерки из истории славянских литератур», в 1899 г. — «Очерки истории сербохорватской литературы». Особенность этих пособий — большое количество фактического материала и внимание к современным писателям. Славянские литературы рассматривались в специальных разделах обобщающих трудов по всеобщей литературе. По мнению советского литературоведа К. И. Ровды, соответствующие разделы в «Истории всемирной литературы» В. Р. Зотова были не очень удачны [212]. Зато полную преемственность по отношению к концепции Пыпина и прогрессивный взгляд на предмет обнаружил П. О. Морозов, автор славянских глав во «Всеобщей истории литературы» под редакцией В. Корша и А. Кирпичникова [213]. Во втором томе этого издания (1885) Морозов опубликовал «Очерки истории славянских литератур до конца XIV века», содержащие характеристику болгарской, сербской, русской, чешской и польской литературы, а в третьем томе (1888) — большой раздел «Новая литература славянских народов», где изложение доведено до XIX в. включительно. Кроме перечисленных обобщающих трудов и обзоров, славянским литературам посвящались многочисленные статьи и рецензии, а также

исследования о творчестве отдельных писателей или по частным вопросам развития литературы.

Как известно, многие произведения славянской письменности эпохи средневековья и более поздних периодов вплоть до национального возрождения представляют собой одновременно источники для разработки истории славянских языков, литератур, политической истории, жизни народа в целом. Поэтому древняя и средневековая (да и более поздняя) письменность славянских народов была объектом исследования как лингвистов и литературоведов, так и историков культуры и права. О многих исследованиях приходится говорить и как о трудах по истории, и как об изысканиях по литературе и другим областям знания.

Успехи русской науки второй половины XIX в. в изучении древней литературы югославянских народов связаны с имевшимися контактами между югославянской и русской культурной средой, наличием памятников этой литературы в русских хранилищах. Большой вклад в сравнительное изучение древних славянских литератур внес один из крупнейших русских филологов — А. Н. Веселовский (1838—1906) [214], которому принадлежат работы «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Моральфе и Мерлине» (1872), «К вопросу об источниках сербской Александрии» (1884—1886), «Из истории романа и повести» (1886—1888), где рассматриваются южнославянские переводы из византийской литературы. Так называемое второе южнославянское влияние на русскую письменность (XIV—XVI вв.) было открыто и изучено А. И. Соболевским (1856—1929), этому сюжету посвящена, в частности, его книга «Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV вв.» (СПб., 1894). Много лет научной деятельности посвятил славяно-русским литературным связям М. Н. Сперанский (1863—1938). В 1895 г. он издал одну из своих крупнейших работ — «Славянские апокрифические евангелия».

Русские ученые, исследовавшие древнеславянскую литературу, не ограничивались отечественной источниковой базой, а отыскивали и изучали материалы на Афоне, на территории Сербии, Боснии, Герцеговины и вообще на Балканах. Много сделал для исследования рукописных источников южнославянской письменности П. А. Сырку. Особую ценность в этом смысле представляет собой плод его многолетних трудов — «Очерки из истории литературных сношений сербов и болгар в XIV—XVII вв.» (1901 г.).

Исследуя проблемы взаимодействия южнославянских литератур, русская наука внесла много нового как в накопление фактического материала, так и в анализ литературного процесса. Появляются источниковедческие работы по текстологии. В. В. Качановский в 1876 г. издал «Сербские жития и летописи как источник для истории южных славян в XIV—XV вв.» Он же опубликовал ряд статей и исследований в рамках этой проблематики.

В последней четверти XIX в. в России издано и прокомментировано значительное число средневековых памятников славянской

письменности. Нередко русские ученые становятся первопроходцами в деле их классификации, методов обработки, описания и изучения. Крупным специалистом в этой области был П. А. Лавров, изучавший памятники на Афоне, в южных и западных славянских землях и издавший в конце XIX в. работы «Об апостолах ресавского извода в списках монастырей св. Павла и Хилендарского» (1895), «Зографский список Сказания о письменах черноризца Храбра» (1895), «Южнославянская переделка Зонары» (1897).

При изучении югославянских литератур XVI—XVII вв. внимание русских исследователей привлекает дубровницко-далматинская литература, развитие которой рассматривается в отдельных сочинениях и трудах, касавшихся судеб южных славян вообще. Среди работ по этой проблематике можно назвать, например, «Исследование об исторических памятниках и бытописателях Дубровника» (1869) В. В. Макушева, а также очерки творчества Гундулича, Гледьевича, Ветранича [215]. Зарождению литературы у словенцев посвятил одну из своих работ А. Соколов; в журнальных статьях освещался и вопрос о перспективах развития словенской литературы [216]. Большую роль в изучении средневековых югославянских литератур сыграл И. В. Ягич. Ему принадлежит первая попытка обобщающего труда по древней словесности южных славян «История сербохорватской литературы», которая была переведена на русский язык в 1871 г.

Литература югославянских народов эпохи национального Возрождения нашла в России XIX в. меньшее число исследователей. Однако в последней четверти XIX в. наблюдается стремление глубже познакомить русскую общественность с творчеством крупнейших югославянских писателей. Так, П. А. Кулаковский пишет в то время статью о Лукиане Мушицком, а затем монографию о Вуке Караджиче [217]. Концепция Кулаковского отражала устаревшие мнения о вреде языковой реформы Вука Караджича, якобы разрывавшей союз сербской литературы с русской. Такой подход вызвал в русской печати полемику, ставшую одним из проявлений идеологической борьбы между демократическим и консервативным течениями в русской славяноведческой историографии по вопросам развития культуры славян и исторического будущего русского народа. Книга Кулаковского о Караджиче подкрепляла доводы славянофильского православно-клерикального направления. Значительно более зрелой и методологически прогрессивной оказалась работа Кулаковского об иллиризме [218], в которой делается попытка рассмотреть литературное движение у хорватов на историческом фоне, в том числе общеславянском и общеевропейском. В книге, основанной на разнообразных первоисточниках, автор отходит от своих славянофильских позиций в оценке литературных и общественных реалий, и это является убедительным доказательством того, что в русском славяноведении конца XIX в. даже сторонники консервативных политических убеждений не могли не учитывать достижения науки своего

времени. Эта работа была первым крупным исследованием хорватского возрождения, ее фактический материал не утратил определенного познавательного значения и в настоящее время.

С изучения литературного творчества черногорского поэта Петра II Негоша начал свою научную деятельность П. А. Лавров; личность Негоша интересовала и П. А. Ровинского, также написавшего о нем большое исследование [219]. Широкий резонанс в России получило творчество сербского поэта второй половины XIX в. Иована Иовановича Змая. Подробно ознакомил русскую общественность с жизнью и творчеством этого писателя А. И. Степович в статьях «Змай Йованович и новейшие сербские поэты», «К 50-летию литературной деятельности сербского поэта»[220] и в «Очерках истории сербохорватской литературы» (1899). Жизнь и творчество зачинателя реализма в хорватской литературе Августа Шеноа осветил харьковский славист Н. К. Грунский, деятельность бытописателя Л. К. Лазаревича — А. И. Степович [221]. Таким образом, в области изучения югославянских литератур русское литературоведение достигло к концу XIX в. значительных успехов [222].

При изучении болгарской литературы главное внимание уделялось древнему периоду, который освещался в связи с изучением кирилло-мефодиевской проблематики (о чем уже говорилось выше). В конце XIX в. о болгарской литературе речь шла, например, в общих обзорах славянских литератур, в том числе в вышедшем по существу вторым изданием «Обзоре славянских литератур» В. И. Григоровича [223]. Систематическое изложение истории болгарской литературы А. Н. Пыпиным находим в труде «История славянских литератур». В своих «Материалах и заметках по старинной славянской литературе» М. И. Соколов печатает вместе с глубоким источниковедческим исследованием новый текст приписываемой болгарскому попу Иеремии компиляции апокрифов; в обзорной статье «Болгарская письменность» он дает сжатую характеристику всей древней болгарской литературы [224]. Как известно, в Болгарии времен царя Симеона возникла богатая письменность, из которой обильно черпали другие славянские народы. Выдающимися писателями IX в. были Климент, Иоанн Экзарх и болгарский епископ Константин. Литературной деятельности этих лиц, а также вопросу о состоянии ее изученности в России посвятил свою обстоятельную работу Е. В. Петухов; в другом своем исследовании он выясняет происхождение «чина православия» на русской почве, обращаясь к болгарской литературе, в частности к «Синодику царя Бориса» [225].

Большое внимание уделялось вопросу об изучении литературы, касающейся богомильства в Болгарии. Так, в 1864 г. напечатан важнейший источник сведений о богомилах — «Беседа Козьмы Пресвитера», а в 90-е годы — другой значительнейший памятник, «Синодик в неделю православия» [226]. Опубликован был перевод трактата Евфимия Зигабена о богомилах; М. И. Соколов исследовал источники богомильской книги св. Иоанна [227]. Особым

вниманием русских ученых пользовался «Синодик царя Бориса», возникший в Болгарии в XIII в., но найденный в XIX в., притом только в двух более поздних списках. Подготовленное М. Г. Попруженко его издание 1897 г. вызвало полемику, в ходе которой прояснилось много сопутствующих вопросов (литературных, лингвистических, исторических). Особенно характерна в этом отношении рецензия П. А. Лаврова, изданная отдельной книгой [228]. Несмотря на наличие противоположных мнений, изучение Синодика было большим достижением русской славистики конца XIX в.

Издавались и исследовались также болгарские апокрифы. Так, Е. В. Барсов издал богомильский апокриф «О Тивердиадском море» [229]. Изучению болгарской апокрифической литературы посвящена значительная часть работы А. Н. Веселовского «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе. . .», «Разыскания в области русского духовного стиха», «Калики перехожие и богомильские странники» [230].

Серьезных исследователей нашла в русских ученых болгарская литература XIX в. Литературной деятельностью последнего патриарха независимой Болгарии Евфимия Тырновского занимался В. В. Качановский, опубликовавший также рукописи сочинений этого церковного деятеля, приобретенные в библиотеке Рильского монастыря в Болгарии [231]. П. А. Сырку, критикуя работу В. В. Качановского, указал на то, что некоторые приписанные Евфимию сочинения ему не принадлежали. Так в процессе полемики выяснялась истина.

Литературная реформа Евфимия — исправление книг и рукописей с целью восстановления правил письма кирилло-мефодиевской эпохи — была изучена в работе П. А. Сырку «К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке» (СПб., 1890—1898. Т. 1—2). Имелись в русской науке и сочинения, посвященные творчеству Григория Цамблака [232]. К числу лучших достижений русской славистики по болгарской литературе XIV в. относится исследование К. Ф. Радченко «Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием» (1898), в котором специальная глава (IV) отведена характеристике литературы времен последних Шишмановичей и реформе правописания. Книга составлена на основании критического анализа источников на греческом, западноевропейских и славянских языках, с использованием всей специальной литературы, в том числе и русской, свидетельствующей о глубоком изучении русскими авторами проблем, затронутых в монографии Радченко.

Более поздняя болгарская литература изучалась в России конца XIX в. не столь интенсивно. О Паисии Хилендарском и Софронии Врачанском имеются сведения в синтетических трудах по истории славянских литератур и отдельных статьях [233]. Литература периода освободительного движения и создания независимого болгарского государства освещалась в многочисленных журнальных и газетных публикациях. Создание крупных трудов о творчестве болгарских писателей нового времени нача-

лось позднее. Изучались и произведения болгарского народного творчества [234].

Одной из наиболее богатых славянских литератур была польская. Интерес к ней — явление естественное. Однако политика русского царизма в отношении польской культуры в дореформенный период воспрепятствовала созданию традиций ее изучения. Лишь в пореформенный период положение меняется к лучшему. Польская литература становится предметом преподавания на кафедрах славянской филологии российских университетов; в журналах и сборниках публикуются произведения польских поэтов, критические статьи по польской литературе, ее обзоры. Так, весьма подробный курс истории польской литературы читал в Варшавском университете В. В. Макушев. Из опубликованных программ его лекций[235] видно, что этот курс начинался с характеристики первых памятников польского языка XIV в. и далее охватывал жизнь и творчество всех значительных польских поэтов и писателей вплоть до нового времени. Особое внимание уделялось творчеству А. Мицкевича, разбирались его важнейшие произведения. Основательно освещались лектором также жизненный путь и сочинения Ю. Словацкого, С. Красинского, Б. Залесского, С. Гощинского и др. Часть материалов о старопольской письменности была Макушевым опубликована. Макушеву принадлежат серьезные, созданные, как правило, на основании неизвестных ранее источников исследования по отдельным вопросам польской литературы. Так, он написал статьи о забытом польском поэте Т. Зане, современнике и сподвижнике Мицкевича, члене общества филоматов, о Станиславе Трембицком, поэте XVIII в. Трембицкий, по мнению Макушева, был «продуктом эпохи» и исторических условий, сторонником прорусской ориентации Польши, но обвинения его в «пресмыкательстве перед Россией» и предательстве польских интересов ученый считал не подтверждающимися источниками. Третья работа Макушева посвящена Анджею Товянскому [236].

Интересовался польской литературой и В. И. Ламанский, включавший ее в свой университетский курс истории славянских литератур. В 1874 г. Ламанский выступил в Петербургском славянском благотворительном обществе с докладом (впоследствии опубликованным) об А. Ф. Модржевском, которому позднее посвятил один из своих трудов также и Э. Дылевский; польского деятеля культуры XVI в. Яна Кохановского характеризовал в большой работе Н. Э. Глокке [237]. Первым обобщающим очерком истории польской литературы был, как уже упоминалось, составленный В. Д. Спасовичем большой раздел в «Обзоре истории славянских литератур» (1865).

С конца 70-х годов интерес в России к польской литературе оживляется особенно заметно. Журналы «Отечественные Записки», «Русская мысль», «Вестник Европы» и др. публикуют переводы произведений А. Мицкевича [238], Л. Кондратовича-Сырокомли и др. Поэма Мицкевича «Пан Тадеуш» подвергается критическому

разбору в печати [239]. О творчестве Мицкевича вообще публикуется много статей, а в 1897 г. в Варшаве выходит работа Л. Волкова «Адам Мицкевич и его произведения»; изучается и творчество Ю. Словацкого [240]. С 80-х годов в русских журналах печатаются прозаические произведения авторов реалистического направления: Г. Сенкевича, Э. Ожешко [241], Б. Пруса и других польских писателей. Вопрос об отражении развития польской литературы в русской печати двух последних десятилетий XIX в. достаточно хорошо изучен в советском литературоведении [242]. Можно констатировать, что исследование русскими учеными богатейшей польской литературы идет к концу века по восходящей линии.

Что касается чешской литературы, то ее изучение в России рассматриваемого периода особой интенсивностью не отличалось. Если интерес к южнославянским литературам в значительной мере подогревался политическими событиями, то о чешских писателях и их произведениях знали лишь немногие специалисты, владевшие чешским языком. Выше уже говорилось об изучении средневековой чешской письменности, а также творчества Я. А. Коменского и деятелей чешского национального возрождения. Кроме того, обзоры чешской литературы предлагались, например, при издании поэтических произведений. Так, в сборнике «Поэзия славян» соответствующий очерк составил А. Ф. Гильфердинг [243]. Оценку чешской литературы на всем пути ее развития дает В. И. Ламанский в работе «Новейшие памятники древнечешского языка» (1879—1880). Оба автора не отделяют научную литературу от художественной и отмечают относительную неразвитость новой чешской беллетристики. Были изданы некоторые курсы лекций по истории чешской литературы, читавшиеся в университетах. В 1879 г. вышла брошюра В. В. Макушева «Из чтений о старочешской письменности». Имеется также краткая, посвященная отдельным вопросам «История чешской литературы» московского профессора А. Л. Дювернуа. Наиболее ценным обобщающим трудом по чешской литературе был посвященный ей А. Н. Пыпиным раздел в «Истории славянских литератур». Чешская литература характеризуется здесь под тем же углом зрения, что и другие славянские. Под влиянием пыпинской концепции находятся почти все исследования о чешской литературе вплоть до конца XIX в. В их числе освещение истории развития чешской литературы во «Всеобщей истории литературы» (автор — П. О. Морозов), затем упоминавшиеся лекции Ламанского и «Очерк истории чешской литературы» А. И. Степовича (Киев, 1886). Последний является первой специальной русской книгой о чешской литературе в целом. Отметим, что ее автор выступал и как переводчик чешской художественной прозы: А. Ирасека, Я. Неруды, С. Чеха. Книга Степовича о чешской литературе насыщена фактическим материалом и множеством отрывков из художественных произведений, но в оценке новейших явлений автор следует за А. Н. Пыпиным. А. И. Степович публиковал также многочисленные статьи, обзоры, рецензии и т. п. в различных журналах и сборниках,

являясь самым ревностным пропагандистом чешской литературы в России до конца XIX в. О чешской литературе писал еще П. П. Дубровский, всю жизнь посвятивший пропаганде славянских литератур в России. Ему принадлежит большое число заметок, обзоров, сообщений на эту тему, но обобщающих трудов он не написал.

В общем изучение славянских литератур в России находилось во второй половине XIX в. в стадии интенсивного развития. Особое значение имела в этом смысле «История славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича — явление уникальное не только в русском, но и в европейском масштабе, определившее концептуально дальнейшее развитие буржуазного литературоведения в России и ставшее главным сводом фактического материала о славянских литературах в Европе как для славянских, так и для неславянских стран. Но все же многие вопросы развития славянских литератур не нашли в России второй половины XIX в. своих исследователей.

Характеризуя русское славяноведение XIX в., необходимо еще упомянуть об изучении славянской этнографии, хотя интерес к ней не был особенно стабильным и не принес больших научных результатов. Этнография как наука оформилась в России в середине XIX в., но до середины 80-х годов существовала лишь в рамках немногочисленных обществ, являясь в большинстве случаев объектом занятий любителей-энтузиастов, не имевших специальной подготовки. В университетское преподавание этнография включается уставом 1884 г., но и после этого ее развитие и организационные формы не отвечают выросшим потребностям[244]. Характерно, что пропагандистами развития этнографических изучений в России часто были слависты. Так, председателем этнографического отделения РГО был в течение многих лет В. И. Ламанский. В изданиях РГО он помещал статьи и заметки о различных сторонах жизни и быта зарубежного славянства — результаты собственных наблюдений во время путешествий разных лет. Ценные этнографические сведения содержались в уже упоминавшихся работах Гильфердинга: о южных славянах — в «Поездке по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии», о лужицких сербах — в работе «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии». Образ жизни, обычаи, обряды и пр. самого малого славянского народа описывали едва ли не все авторы статей и заметок, побывавшие в стране саксонских славян. Как известно, наиболее ценные этнографические сведения о лужицких сербах собрал еще в 1840 г. И. И. Срезневский, совершивший пешее путешествие по Лужицам специально с этнографически-лингвистическими целями. Его главные работы по серболужицкой этнографии были напечатаны еще до 50-х годов, но часть их (в том числе «Путевые письма») вышла в свет уже после смерти ученого[245]. Этнографические сведения о славянах составляли значительную часть содержания курсов лекций по «славянским древностям», читавшимся во всех университетах, где имелись кафедры славянской

филологии. Существовала и научная литература об обычаях, верованиях, нравах и т. п. древних славян. Достаточно вспомнить уже упомянутые выше труды А. А. Котляревского. Однако этнографические сведения о современном славянстве были лишь передачей впечатлений, полученных в результате общения с народом, реже специальных наблюдений (например, у Срезневского). Этнографические материалы служили дополнительными аргументами при освещении жизни народа в целом, но не использовались для выведения каких-либо специфических закономерностей этнографического плана. Таким образом, этнографическая наука как таковая еще не сложилась, потому этнографическая проблематика составляла часть общеисторической. Однако необходимость развития научной этнографии остро ощущалась в России. Одним из стимулов такого развития явилась этнографическая выставка 1867 г. в Москве. Ее славянский отдел экспонировал 62 художественно выполненных манекена, дававших представление о типах славянских этникумов за пределами России, а также множество костюмов, предметов быта, макетов жилищ и т. п.[246] Организатором работы этого отдела был Н. А. Попов, побывавший в славянских землях и лично познакомившийся с жизнью славянских народов. Он также знал этнографические сочинения славянских ученых и находился в тесных научных контактах с этнографами. Н. А. Попов стал инициатором создания этнографического музея в Москве, основанного на материалах выставки 1867 г. и этнографического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском университете. Попов был избран первым председателем отделения и выполнял эту функцию в течение 14 лет (до 1881 г.). Первым секретарем этнографического отделения стал А. Л. Дювернуа[247], занимавший эту должность с 1867 по 1869 г. Интересным документом, свидетельствующим о том, как предполагалось организовать работу этнографического отдела, является «Записка» А. Л. Дювернуа, прочитанная им на 2-м заседании отдела 20 апреля 1868 г.[248] В ней изложен проект программы, имевшей в виду облегчить работу по собиранию этнографических сведений об особенностях «славянского племени, населяющего Россию». Автор «Записки» рекомендует взять за образец работу этнографов, исследовавших «быт славян, населяющих владения Пруссии, Саксонии, Австрии и Турции». В то же время А. Л. Дювернуа критикует далее некоторые этнографические сочинения (например, «Календарь чехов» 1861 г., работы по этнографии кашубов) и предлагает свой собственный научный метод проведения этнографических исследований. Намеченная программа не касалась изучения славян вне России, которое продолжалось старыми способами: излагались результаты наблюдений, собранных на праздниках, ярмарках, похоронах и т. д., при этом фиксировались преимущественно те элементы народных обычаев, которые представлялись наиболее древними, а на динамику развития обычаев внимания не обращалось. «Труды» этнографического отделения редко содержали материалы

о славянах за рубежом. Отделение было малочисленным, председателю Н. Попову и секретарю А. Дювернуа приходилось самим выступать с сообщениями. Н. А. Попов за 14 лет сделал 20 сообщений по самым разнообразным вопросам этнографии[249]. Что касается западно- и южнославянского этнографического материала, то он содержится в статьях того же Н. А. Попова «Поляки в Пруссии», «Сербы в Австрии», «Венгерские степи», «Кровавая месть в Старой Сербии»[250].

Одной из ценнейших этнографических работ, возникших в России в конце XIX в., является упоминавшаяся выше монография П. А. Ровинского «Черногория в ее прошлом и настоящем», второй том которой (1897) посвящен этнографии. Ровинский занимался этнографией практически всю жизнь. Он путешествовал по Сибири и Монголии, собирая этнографический материал о живших там народах, который в 1870—1874 гг. публиковал в «Известиях Сибирского отдела РГО», «Вестнике Европы» и т. д. Кроме того, еще в 60-е годы П. А. Ровинский жил в Чехии и Сербии, откуда также посылал в русские журналы статьи, содержавшие наряду с прочими и этнографические сведения. За 27 лет жизни в Черногории Ровинский исходил страну вдоль и поперек, лично познакомился с ее народом. Сведения его об этнографии черногорцев разнообразны, наблюдения точны, заключения основаны на изучении фактов. Второй том монографии Ровинского «Черногория в ее прошлом и настоящем» можно считать вершиной русского славяноведения XIX — начала XX в. и в области этнографии. Он и до настоящего времени не потерял своего значения, являясь не только исследованием, но и основным источником сведений об ушедших в историю особенностях жизни целого славянского народа.

5. Результаты научных исследований и подготовка кадров в области славянского языкознания

С 60-х годов XIX в. началась деятельность второго поколения университетских славистов. Славянские кафедры в то время постепенно освобождались от диктата «старославянщины» и в центр своих занятий ставили язык, культуру или историю зарубежных славянских народов. При этом возникли некоторые трудности, связанные с многодисциплинарным характером славянских кафедр, развернувшимся процессом дифференциации гуманитарных наук. Работа в области славянского языкознания стала требовать серьезной подготовки и широкой ориентировки за пределами славянской языковой сферы. То же самое можно сказать и об исторической науке. Речь шла о необходимости более или менее серьезных занятий сравнительной грамматикой индоевропейских языков и близкой к ней проблематикой, что было нелегко соединить со столь же серьезным изучением истории

славянских народов. Выход из создавшегося положения каждый искал по-своему. Н. А. Попов, например, совсем ушел из сферы официальной университетской славистики, сосредоточившись исключительно на истории зарубежных славян, В. В. Макушев вел «двойную жизнь»: с кафедры он читал филологические и лингвистические лекции, тогда как вся его научная работа была связана с исторической наукой. А. А. Кочубинский попытался объединить специализации филолога, лингвиста и историка, но в области языкознания это не принесло больших результатов. Довольно часто университетские слависты этого поколения сосредоточивались на изучении русского языка, поскольку соответствующие кафедры обеспечивали более глубокую лингвистическую специализацию, именно так поступил Н. П. Некрасов.

Изучение русского языка, его истории, грамматических особенностей литературного языка в тот период влекло к себе одаренных молодых филологов и лингвистов. В рассматриваемый период именно в русское языкознание пришел один из самых ярких и многогранных ученых-филологов XIX в. — Ф. И. Буслаев. Это был период интенсивных поисков и интересных решений в различных областях русистики (исторической грамматики, структуры современного языка с уклоном в философскую грамматику). Славянское языкознание не поспевало за интенсивным развитием русистики во всех ее областях. Было очень заметно недостаточное знание современных зарубежных славянских литературных языков и диалектологии.

В сравнительном языкознании Европы в то время завершалась деятельность Ф. Боппа, начинался блестящий период, связанный с именем А. Шлейхера. Славянские языки стали играть существенную роль в индоевропейских реконструкциях. Перед специалистом по сравнительной грамматике славянских языков вставали трудные задачи, не существовавшие для славистов первого поколения. Новое поколение взялось за их решение, но в большинстве случаев не достигло успеха. Это хорошо видно на примере А. Ф. Гильфердинга, который принадлежал к наиболее талантливым ученикам О. М. Бодянского. Еще в студенческие годы Гильфердинг заинтересовался санскритом, его генетическими связями со славянскими и другими индоевропейскими языками. Результатом студенческих студий Гильфердинга явилась монография, большую часть которой занимают обширные списки санскритских и славянских слов, которые, по мнению автора, этимологически тождественны. Достаточным основанием для этимологического отождествления принимались современная звуковая близость и сходство их семантики, иногда хотя бы минимальное, призрачное. Например, существительное «амбар» было сопоставлено с санскритским глаголом, имевшим значение «собираю, коплю»; существительное «бугор», расчлененное на элементы *бу-* и *-гор*, с санскритскими словами, одно из которых значит «земля», а второе — «гора», чешское *vak* — «мешок» с санскритским *vak* — «быть согнутым» и т. п.

В результате сопоставления лексических элементов санскрита со «славянским» и литовским языками Гильфердинг пришел к следующим обобщающим выводам: «Язык славянский, взятый в совокупности, не отличается от санскритского никаким постоянным, органическим изменением звуков [. . .]. Славянский язык не имеет ни одной особенности, чуждой санскритскому. Это свойство разделяет с ним язык литовский, тогда как все прочие индоевропейские языки подчинились разным звуковым законам [. . .]. Языки славянский и литовский находятся в ближайшем родстве с санскритским и вместе с ним составляют в индоевропейском племени как бы отдельную семью, вне которой стоят языки персидский и западноевропейские» [251].

Применение сравнительного метода без учета исторической эволюции (материальной и семантической) сопоставляемых разноязычных слов порождало у Гильфердинга ложные построения и суждения. Для середины XIX в. его исследовательская практика выглядела пережитком донаучного филологического этимологизирования, напоминавшего современникам этимологические упражнения А. С. Шишкова. А. Шлейхер, оценивая книгу Гильфердинга, писал: «Метод Гильфердинга не является научным методом. Автор очень мало обращает внимания на историю звуков и сравнивает поэтому то, что едва ли может между собою быть сравниваемо» [252]. Однако Гильфердинг не прекратил своих занятий в области сравнительно-исторического языкознания. В 1853 г. он защитил магистерскую диссертацию «Об отношении языка славянского к языкам родственным». И здесь применялась та же методика, что и в книге о родстве славянского с санскритским. И здесь утверждалось исконное единство санскрита, славянского и литовского языков. В отличие от других индоевропейских языков, заявлял Гильфердинг, «они долее развивались вместе, оставаясь в первоначальном единстве, и потому могли дать простор общим стремлениям и образовать себе общий характер. Напротив, соплеменные языки западные, получившие прежде самостоятельную жизнь, вынесли из древнего единства стихии менее определенные и оттого поддались так легко, уже на своей почве, каждый совершенно особенным склонностям. Мы заметили, что все эти языки давно исчезли и оставили по себе вторичные наречия, тогда как на востоке еще живут и процветают два великих языка первичного образования, славянский и литовский». В указанных трудах Гильфердинга нашли отражение его идейно-политические взгляды. Его исследования, по крайней мере отчасти, стимулировались заманчивой возможностью подкрепить языковыми генеалогическими построениями свои убеждения о своеобычности славянства по сравнению с народами Западной Европы. Выходя за лингвистические рамки, он заявлял: «На той стороне, где находим раннее обособление языка и господство частных звуковых законов, мы видим и преобладание личности над общиной, и скорейшее развитие, которому помогло это преобладание личности; а на другой стороне позднее отделение языка славянского и его

верность звукам, вынесенным из доисторической родины, из Азии, не согласно ли с медленным ходом славянского племени, в котором менее выказывалась личность, но крепче хранилось общественное начало?» [253]. Концепция и аргументация Гильфердинга были подвергнуты основательной критике Н. Г. Чернышевским. Отзыв Чернышевского свидетельствует о том, что по работам Гильфердинга нельзя судить об общем уровне исследований в области сравнительно-исторического языкознания в России. В еще большей степени это подтверждают труды А. Л. Дювернуа, который в университете под руководством К. А. Коссовича и П. Я. Петрова изучал санскрит и персидский язык, самостоятельно занимался литовским и готским, а из гимназии вынес знание латинского и древнегреческого языков. Прослушав общий курс сравнительной грамматики индоевропейских языков в Московском университете у Буслаева, Дювернуа затем два года находился за границей, где под руководством Рота и Вебера основательно углубил свое знакомство с санскритом. По возвращении в 1867 г. защитил магистерскую диссертацию «Об историческом наслоении в славянском словообразовании», которая, несмотря на ряд существенных недостатков, дала известный толчок развитию в России славянской этимологии.

Решил испробовать свои силы в области сравнительного языкознания и А. А. Кочубинский. В качестве докторской диссертации он представил труд «К вопросу о взаимных отношениях славянских наречий» (1877). Работа представляет соединение предвзятых посылок и превратной методики лингвистического анализа. Автор исходит из убеждения, будто русский язык, сохраняя в себе подлинное «наследие старины», дает исходный материал для описания и оценки фонетических явлений других славянских языков. Исследование Кочубинского было встречено очень сурово. Даже весьма снисходительный Б. М. Ляпунов (1862—1943) в своем критическом разборе диссертации указывал на «ошибочность выводов в вопросе о плавных сочетаниях, обусловленную недостатком строгости метода и объективного спокойствия, необходимого для точных лингвистических исследований» [254]. Как отмечалось в предшествующих разделах настоящей главы, Кочубинский вошел в историю русского славяноведения не как лингвист, а как автор серьезных исследований по истории России, Балканского полуострова; кроме того (см. разд. 6), он был одним из основателей славяноведческой историографии.

На рассматриваемом этапе в области собственно исторического языкознания можно назвать лишь магистерскую диссертацию А. А. Майкова «История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей народа» (М., 1857). В этом фундаментальном исследовании целостное изложение исторических событий XIII—XV вв. органически связано с описанием языка. Майков четко разграничивал народный сербский язык от церковнославянского. Именно поэтому он избрал для изучения памятники деловой письменности, в которых доминирует собственно сербский язык. Исходя из этого, он поставил цель проследить изменяющееся по векам и областям состояние древнесербского языка. Четко сознавая, что язык деловых памятников нельзя идентифицировать с народно-разговорной речью, Майков верно определил главную тенденцию: постепенное упрочение позиций народного сербского языка в текстах деловой письменности, которое привело «к торжеству народной стихии». После XV в., по мнению Майкова, начинается господство церковнославянского языка, «безобразная и нелепая смесь форм и звуков». Только в конце XVIII в. с оживлением национального движения «поднимается и язык». «Введение в литературу живого народного языка сделалось в текущем веке одним из главных общественных вопросов, вопросов жизни и народности» [255].

Слабой стороной труда Майкова был анализ явлений исторической фонетики. Он не владел строгой методикой соотнесения буквенной записи со звуковой речью. Это вызвало критические суждения, которые помешали в свое время оценить по достоинству исследование московского слависта, в своей основе не имевшее аналогов в русской славистике того времени.

Среди исследований, посвященных фактам живой речи отдельных славянских народов, заслуживает внимания магистерская диссертация Е. П. Новикова «О важнейших особенностях лужицких наречий» (М., 1849). По рекомендации О. М. Бодянского она была написана на основе опубликованных народных песен лужицких сербов. Это не описательная грамматика верхне- и нижнелужицкого языка. Автор поставил целью определить место лужицких наречий в славянском языковом мире, выяснить их отношение к праславянскому языку. Диссертация Новикова явилась важным событием в истории изучения языка лужицких сербов. В середине XIX в. она была в России важнейшим источником сведений об их языке. Однако в ученом мире эту работу встретили довольно холодно. Такая реакция была вызвана критическим отношением к общей теории происхождения серболужицкого языка, выдвинутой Новиковым. В основе ее лежат следующие положения: 1. Лужицкий язык в обоих наречиях, его слагающих, составляет переход от западной отрасли славянских наречий, языков чешского и польского, к отрасли собственно восточной, языку русскому в его наречиях. 2. Два признака системы Добровского, принятые Шафариком в Народописи как отличительные признаки западной ветви, не выдерживаются строго в лужицких наречиях, а ставят их чем-то посредствующим между речью ляшско-чешскою, с одной стороны, речью русскою — с другой. 3. Взаимное отношение лужицких наречий, значительно отдаленных одно от другого, гораздо точнее определяется приблизительным сходством верхнелужицкого к великорусскому, нижнелужицкого к белорусскому, нежели близостью первого к чешскому (от которого оба значительно разнятся), а второго к польскому (к которому оба значительно близки). 4. Особенное и самое доказательное сходство наречия верхнелужицкого к великорусскому — в йотацизме (смягчении

согласных) и в вокализации (гласности). 5. В обоих лужицких наречиях доныне находятся в полном употреблении отдельные слова, которые либо вовсе чужды соплеменным наречиям, польскому и чешскому, либо вышли в оных из употребления, а, напротив, составляют особенность русского и церковнославянского.

Ни одного из этих положений Новиков в своей диссертации доказать убедительно не смог. Особенно слабой аргументация автора была в области фонетики, которой он придавал большое значение. Все его рассуждения о категории мягкости согласных, сходстве русских и серболужицких процессов в области вокализма были очень шаткими и неубедительными, а часто и очевидно ошибочными. Новиков не мог не обратить внимание на архаичность структуры обоих вариантов серболужицкого языка. Объяснял он это отсутствием древней письменной традиции, совершенным отсутствием литературного развития. И это толкование принять было нельзя. Оно очевидно противоречило многочисленным фактам из истории различных славянских языков. Но, несмотря на многие существенные недостатки общей теории Новикова, его диссертацию следует признать ценным вкладом в сорабистику. Он сообщал много сведений о речи лужичан, главным образом из фонетики. Содержащийся в книге сравнительно богатый и разнообразный фактический материал имел информационную ценность.

О работах Гильфердинга по сравнительной грамматике речь уже шла выше. Подлинное свое призвание он нашел в изучении языков и обычаев современных ему славянских народов. Его рано заинтересовали кашубы, словинцы и серболужичане. В 1854—1855 гг. он посетил места их поселений и сделал немало ценных наблюдений. В центре его занятий находились кашубы. Статья Гильфердинга «О наречии померанских словинцев и кашубов» свидетельствует, что он основательно разобрался в весьма сложной ситуации языковых взаимоотношений славян в южной Прибалтике. В статье он высказал положения, которые получили признание значительно позже. «Польский язык и язык прибалтийских славян составляли одну общую ветвь славянской речи, которую можно назвать ляшской. Ветвь эта разделилась на два наречия, польское и прибалтийское» [256]. В книге «Остатки славян на южном берегу Балтийского моря» (СПб., 1862) вслед за главой «Особенности языка словинцев и кашубов» Гильфердинг поместил «Образцы наречия померанских словинцев и кашубов» и «Собрание словинских и кашубских слов». О языке лужичан Гильфердинг не написал специального исследования. В статье «Народное Возрождение сербов-лужичан в Саксонии» он писал: «Хотелось мне прислушаться к речи сербов-лужичан, сохранивших в удивительной полноте самые древние грамматические формы языка славянского и не менее богатых также первоначальными коренными словами, особенно для выражения предметов и действий внешних» [257]. Чисто языковых данных в статье мало, и они далеко не всегда надежны. Надо думать, что для проведения чисто

языковых наблюдений Гильфердинг не располагал достаточным временем. Гильфердинг опубликовал также «Старинный сборник сербских пословиц» (СПб., 1868), материалы по славянской ономастике, собрал и привез в Россию ценную коллекцию южнославянских рукописей.

Среди учеников О. М. Бодянского особый интерес к болгарскому языку проявил П. А. Бессонов. В уже упоминавшемся труде «Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар» по многим вопросам автор занимает самостоятельную позицию. Первый том сравнительной грамматики славянских языков Миклошича и грамматика болгарского языка Цанковых дали Бессонову обильный материал для критических суждений. Лишь грамматику Неофита Рыльского он упоминает вскользь в начале своего труда, но в самом описании фонетических и грамматических черт новоболгарского языка ее не использует. Ко времени публикации грамматики Бессонова прошло двадцать лет со дня выхода в свет труда Неофита Рильского. Нет сомнений, что в 1855 г. отдельные экземпляры этой грамматики были в Москве. Не обратил внимания Бессонов и на грамматику Венелина, хотя познакомиться с рукописью не составляло никакого труда.

В своем описании Бессонов ориентируется на разговорный живой болгарский язык. Он различает два главных наречия: собственно болгарское и македонское. Первое распространено в «предбалканской, восточной, собственной Болгарии и отчасти во Фракии». Именно это наречие и является предметом описания автора. «Все наши исследования и замечания относятся только к первому, восточному или собственно болгарскому наречию; о македонском пока ни слова». Действительно, сведения о македонском наречии в грамматике Бессонова носят случайный характер, встречаются и очевидные ошибки. Описания фонетических особенностей восточного наречия свидетельствуют, что автор имел возможность проводить наблюдения над разговорной речью. Надо полагать, что он изучал произношение болгар, обучавшихся в Московском университете. Бессонов обращает внимание на слабую изученность живой болгарской речи, что чрезвычайно затрудняет ее литературную кодификацию. «И едва ли кто, даже из природных болгар, может похвалиться достаточным знанием своего природного языка по различным его наречиям и оттенкам». С полным основанием автор пишет, что «самая гибельная мысль в настоящее время полагать, что дело может быть кончено разом», слишком сложна и противоречива ситуация. «Возьмем даже одно наречие, господствующее в современной письменности, собственно болгарское. . . И здесь природные болгары напрасно полагают, что они хорошо знают свой язык: и в практическом уже употреблении разговора они частенько сбиваются то на древние свои церковнославянские отжившие формы, то на формы влияющих языков». Только при хорошем знании народного языка «возможно из ряду кирилловских писмен отобрать известные условные знаки, близко

выражающие современный болгарский звук. А пока нет этого знания, и в практическом употреблении, основанном на полузнании, будут беспрестанно врываться отжившие или чуждые формы и обороты, и нельзя будет отметить верно звуковые особенности современного простого неиспорченного говора, да и нельзя будет верно передать их знаками. Практическое знание и изучение народного языка с соблюдением особенности наречия должны таким образом идти об руку с постепенным созиданием грамматики и правописания». Следует иметь в виду, что все это написано в то время, когда в самой Болгарии господствовало направление, ориентирующееся на устаревшие церковнославянские особенности старого книжного языка, далекие от языка народного.

Большое место в труде отведено вопросам графики и орфографии. В своих критических суждениях о системе передачи болгарской речи у Миклошича и Цанковых Бессонов исходит из положений, что графика болгарского языка должна быть кириллической (точнее, русской гражданской) и «чтобы условно принятые знаки выражали верно звуки современного народного произношения», для чего необходимо хорошее знание живого болгарского языка, которого «недостает не только иностранным ученым, но и природным болгарам». Бессонов полагает, что фонетический принцип в орфографии нужно проводить очень осмотрительно. В этом вопросе он выступает против орфографии Цанковых и сербского опыта. «Едва ли кто согласится с таким способом письма»; конечно, в каких-то случаях, поясняет Бессонов, в письме нужно учитывать особенности произношения (напр., гозба вм. гостба, кръсник вм. кръстник), но при этом нужно знать меру и предел, где остановиться» [258].

Центральное место в фонетическом описании занимает категория твердости/мягкости согласных. Бессонов верно определял, что болгарский язык в этом пункте занимает среднее положение между сербским и русским. Большое внимание автор уделял безударным гласным и их правописанию. Он уверенно и точно характеризовал восточный тип произношения безударных *о, а, е*. Для звука *о*, который «всюду... без ударения переходит в *у*, не худо бы отмечать его переходы знаком *ó*». Подробно описаны преобразования, которые происходят с гласным ѣ. «Новоболгарский язык произносит то *е*, то *я*, и притом так, что в местностях собственной Болгарии и Фракии господствует звук *я*, в Македонии — *е*... Даже одно и то же слово меняет этот звук, смотря по различию форм, в которых употребляется». Предлагая возможные решения, Бессонов, однако, рекомендует сохранить букву ѣ вне зависимости от произношения. Очень подробно изучено автором употребление ѣ в различных типах глагола, а также все остальные гласные звуки [259].

Из морфологии дается подробная характеристика падежной системы. В этом пункте автор показал себя архаистом. Прежде всего описаны случаи сохранения старых флексий звательной формы, падежей дательного (Драгану), творительного (редом), местного (на долу), спорные случаи родительного, падежные формы местоимений и т. д. Все внимание грамматиста направлено на прошлое. Новые аналитические средства описаны скупо и далеко не полно. Утрату склонения Бессонов связывает с возникновением членных форм и усилением роли предлогов. Он понимает, что новый аналитический способ «легко может пересилить все другие».

Членные формы, их употребление и значение остались за границами описания, хотя автор нигде не высказывает к ним отрицательного отношения. Вопреки фактам Бессонов утверждает, что македонское наречие «не столь склонное к члену, разовьет склонение по тем сербским образцам, которые и ныне обнаруживают не малое на него влияние» [260]. В действительности же членные формы в македонском диалекте разнообразнее и богаче восточноболгарских, так как отмечают не только определенность, но и местонахождение предмета по отношению к говорящему (аналогично в родопских говорах). Современный македонский язык в отношении аналитизма принципиально не отличается от болгарского. Завершается грамматическое описание краткой главой «Об отличиях западного болгарского наречия».

Труд Бессонова отразил уровень грамматической науки своего времени. Сказалось и то, что Бессонов не имел возможности наблюдать живую болгарскую речь в самой Болгарии, а пособий в его распоряжении было мало. Тем не менее поставленную перед собой задачу он выполнил вполне удовлетворительно. В течение длительного срока этот труд оставался единственным пособием для изучения болгарского языка в России.

К концу своей жизни болгарским языком заинтересовался А. Л. Дювернуа. Он решил подготовить и издать капитальный словарь этого языка. Ученик Дювернуа П. А. Лавров пишет: «Неполнота одних и неудовлетворительность других словарных работ по языку болгарскому были причиной того, что Александр Львович, оставив составление древнерусского словаря, которым раньше занимался, взялся за болгарский словарь. Покойный начал этот труд в ту знаменательную годину, когда успехи русского оружия призвали к политическому бытию Болгарию с ее населением, прекрасные качества которого вызывали к нему полное уважение и сочувствие в ученых путешественниках» [261]. В 1880 г. Дювернуа приступил к составлению картотеки не только на основе эксцерпции примеров из болгарских книг. Лето 1880 г. он провел в Болгарии, откуда вывез богатый лексический материал. К 1886 г. работа над словарем в основном была готова. Однако к печати составитель успел подготовить лишь первый выпуск. За завершение всей работы взялись ученики Дювернуа: П. А. Лавров, В. Н. Щепкин, Ф. Е. Корш, молодой петербургский славист Б. М. Ляпунов, болгарский писатель Т. Влайков. К 1889 г. публикация словаря под названием «Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати» в девяти выпусках (общее число страниц 2622) была

завершена. Это был первый научный словарь болгарского языка, давший ощутимый импульс к изучению не только его словарного состава. Первый выпуск словаря открывался специальной статьей Дювернуа «Обзор гласных болгарского языка». Обстоятельную рецензию на словарь написал М. С. Дринов. Указав на ряд недостатков и ошибок, рецензент дал в общем положительную оценку всему труду. «Рассматриваемый словарь восполняет собою весьма существенный и давно дававший себя живо чувствовать пробел в пособиях по славянскому языкознанию. Он не свободен от недостатков, но эти недостатки бледнеют перед теми достоинствами, которыми отличается громадный труд покойного московского слависта» [262]. Словарь Дювернуа нашел отклик и в Болгарии. В статье «Значението и задачата на нашата етнография» Иван Шишманов писал: «К сожалению, Дювернуа обманул наши надежды. Его словарь переполнен ошибками и для нас, болгар, едва ли имеет какое-либо значение» [263]. Дринов резко осудил это заявление Шишманова: «Этот приговор [. . .] настолько несерьезен, что мы бы и не остановились на нем, если бы он не был перепечатан недавно без всяких оговорок в одном почтенном русском журнале» [264]. Откликнулся Дринов и на «высокомерный» отзыв Н. Герова о словаре Дювернуа. Рецензируя словарь Герова, Дринов на многих примерах убедительно показал, что болгарский лексикограф сам широко использовал этот труд.

К ученым школы О. М. Бодянского принадлежал Марин Дринов. Он был не только исследователем болгарского языка, но и активным строителем, кодификатором родного ему литературного языка. Перед освобождением Болгарии там существовало несколько орфографических школ, между которыми шла напряженная борьба. Большой орфографический разнобой наблюдался в газетах, пособиях по болгарскому языку и в произведениях художественной литературы. Дринов лучше своих современников понимал, что этот разнобой является большим тормозом для дальнейшего развития культуры, науки и просвещения родного народа. В 1870 г. он в болгарском журнале «Периодическо списание» опубликовал свой проект орфографии. После освобождения Болгарии орфография Дринова получила официальное утверждение и употреблялась с некоторыми изменениями длительное время. В лингвистических публикациях Дринова содержатся ценные наблюдения из области истории болгарского языка. Особое значение имеют многочисленные статьи, посвященные формированию новоболгарского литературного языка. Однако особенно велики заслуги Дринова в области болгарской диалектологии. Он первый приступил к организации систематического сбора диалектологических материалов, опубликовал диалектологическую программу, несколько весьма ценных статей [265]. Научная и педагогическая деятельность Дринова — яркая страница в истории русско-болгарских научных и культурных связей.

В Петербурге были значительно более благоприятные условия для развития славянского языкознания, нежели в Москве. Подготовка славистов шла не только в университете, но и в Главном педагогическом институте. Однако самое важное преимущество состояло в том, что здесь находилась Академия наук, располагавшая значительными возможностями (материальными и кадровыми). Несмотря на это, на изучение зарубежных славянских языков обращалось мало внимания. Глава петербургской славистики И. И. Срезневский после переезда в Петербург почти оставил научные занятия языками зарубежных славян и перешел на изучение древнерусского и старославянского. Официально он продолжал возглавлять кафедру истории и литературы славянских наречий, но фактически петербургская славистика на длительный срок осталась без руководителя [266]. Своих наиболее талантливых учеников Срезневский ориентировал на изучение истории русского языка. В этой связи стоит вспомнить П. А. Лавровского, который в студенческие годы написал работу о Реймском евангелии, а уже затем по совету учителя обе свои диссертации посвятил языку русских летописей.

Среди университетских учеников Срезневского наибольший интерес к зарубежным славянам проявили В. В. Макушев и В. И. Ламанский.

Научная деятельность последнего в области славянского языкознания началась с книги «О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене с филологическими и историческими примечаниями» (1864). При описании языка этих памятников автор обратил внимание на особенности правописания, склонения существительных, прилагательных и причастий, отметил некоторые звуковые изменения (например, ассимиляцию по звонкости и глухости, выпадение *л* после губных и др.), употребление аориста и супина и др., привел редкие слова и выражения, не вошедшие в словари Востокова и Миклошича, дал образцы текстов. Кроме того, автор провел сопоставление отдельных языковых черт с соответствующими явлениями в других памятниках старославянского и древнерусского языков. Описывая памятники, Ламанский продолжал изучение среднеболгарского языка, начатое П. И. Прейсом и П. С. Билярским.

Книга В. И. Ламанского прошла почти не замеченной в лингвистической критике. Но позднее она получила весьма высокую оценку А. А. Шахматова. «Описание это было так обстоятельно, сопровождалось таким обширным лингвистическим и филологическим комментарием, — отмечал он, — что сразу обогатило научное изучение церковнославянского языка множеством новых и важных по своему значению фактов. Оно свидетельствует вместе с тем о том, как разнообразны были интересы молодого слависта: грамматические и лексические наблюдения чередуются с историческими и историко-литературными экскурсами в прошлое сербов и болгар» [267].

В. И. Ламанский придавал большое значение изучению истории болгарского языка как для сравнительно-исторической грамматики славянских языков, так и для решения вопроса о происхождении

старославянского языка. Это изучение он продолжил в работе «Непорешенный вопрос» (1869), которая состоит из трех статей: «Об историческом образовании древнего славянского и русского языка», «Болгарское наречие и письменность в XVI—XVII веках» и «Болгарская словесность XVIII века». Названная работа построена на материале болгарской рукописи XVII в. и болгарского исторического сборника XVIII в. из коллекции Н. Герова. Особенно важное значение имела первая из них. Посетив в 1868 г. Любляну, Ламанский познакомился с местным собранием славянских рукописей, среди которых находилась и рукопись, получившая позднее название Люблянского дамаскина. Раньше ее видели В. И. Григорович и Ф. Миклошич, но не обратили на нее серьезного внимания. Ламанский первым понял значение Люблянского дамаскина для истории болгарского языка. Подвергнув рукописи литературному и историко-лингвистическому анализу, он открыл в них несколько оригинальных произведений болгарской словесности, отметил интересные вставки и поправки, сделанные болгарином в переводных статьях византийского происхождения. Были рассмотрены также звуковые и орфографические особенности Люблянского дамаскина.

Из грамматических особенностей Ламанский отметил употребление члена и предлогов вместо косвенных падежей имен существительных и смешение падежей, т. е. разрушение прежней системы склонения. Это явление он объясняет смешением звуков *Ь, Ъ, ѫ, ѧ, А*, а также ѣ, *А* и ꙗ, которое привело к смешению падежей и появлению члена. Интересны также наблюдения над особенностями склонения прилагательных, образованием степеней сравнения, личных форм глагола и категории времени, изменениями в видовых формах и др. В заключение отмечаются лексические особенности памятника.

Сделанные наблюдения позволили высказать ряд интересных соображений о литературном прошлом болгар и отношении новоболгарского и так называемого среднеболгарского языка к языку старославянскому. В частности, Ламанский полагал, что Люблянский дамаскин является не только важным памятником болгарской словесности XVI—XVII вв., но в то же время он дает возможность представить облик болгарского народного языка того периода. Сравнение с другими памятниками, прежде всего погодинской Толковой псалтырью, показало, что отличительные особенности болгарского языка XVI—XVII вв. восходят по крайней мере к XI в. Все это позволяет утверждать, что «со статьи „Непорешенный вопрос" начинается изучение языка новоболгарской письменности» [268].

Существенное место в наследии В. И. Ламанского занимают многочисленные литографированные курсы лекций, нередко в записи слушателей. Во «Введении в славяноведение» (1891) и «Лекциях по славяноведению» (1891) представлен краткий очерк истории славистики и дан обзор ряда славянских языков (географическое распространение, число носителей, памятники, фонетические и грамматические особенности). Другой цикл образуют «Славянские наречия» (1879), «Лекции по славянским наречиям» (1879/80, 1880/81), «Обозрение народностей и наречий славянских» (1881/82, 1882/83, 1883/84), «Обозрение славянских наречий» (1887), «Образцы по славянским наречиям» (1879). По типу «Славянского народописания» Шафарика здесь рассматриваются география, история, культура и этнография славянских народов в отдельности, история литературы и фольклор, классификация славянских языков, диалекты, дается обзор звуков и морфологических форм. Сюда же примыкает «История славянского языка», в которой показаны становление и развитие сравнительно-исторического индоевропейского и славянского языкознания, а затем дана характеристика церковнославянского языка и его памятников. Исторический же подход сказывается только в том, что Ламанский характеризовал сначала древнейшее, а затем современное состояние славянских языков. При этом старославянский язык он считал смешанным (македонско-моравским), а также отрицал самостоятельность словацкого языка, относя его к «чехословенскому наречию». К третьему циклу относятся «Очерк грамматики польского языка» (1884), «Очерк грамматики чешского языка» (1885), «Образцы польской письменности с древнейших до последних времен. XIV—XIX» (1884) и «Образцы чешской письменности с древнейших до последних времен» (1889).

При оценке лекций Ламанского важно учесть, что русская научная литература не была богата учебными пособиями по славяноведению. Опубликованные в 1884 г. в РФВ лекции В. И. Григоровича «Славянские наречия», где давалась краткая характеристика славянских языков, были малодоступны, устарели по содержанию, небогаты по фактическому материалу и не могли в полной мере удовлетворить потребности учащейся молодежи. Поэтому курсы Ламанского, обобщавшие достижения отечественной и зарубежной науки того времени, несомненно сыграли положительную роль в подготовке славистов.

В 1879—1880 гг. В. И. Ламанский печатает большую статью «Новейшие памятники древнечешского языка», оставшуюся незаконченной. Поводом для ее написания послужили работы чешских ученых Патеры и Баума, показавшие, что большинство чешских глосс в «Mater verborum» (рукопись XIV в.) было подделано в новейшее время. Но Ламанский не ограничивается этим памятником, а подвергает анализу также Краледворскую и Зеленогорскую рукописи.

В. И. Ламанский решительно указал на подложность многих глосс в «Mater verborum» и фальсификатором прямо назвал В. Ганку. Анализ подделок в языковом отношении, указание на грамматику Й. Добровского как их источник, сопоставление подложных слов со словами из других славянских языков, вводимыми В. Ганкой и другими писателями, убедительно подтверждали этот вывод. Одновременно Ламанский признал подложными Краледворскую и Зеленогорскую рукописи.

Параллельно в статье широко освещалась общественная и литературная жизнь Чехии и России, давалась характеристика многих ученых-славистов того времени. Особенно высоко Ламанский ценил Й. Добровского, которому посвятил эту работу. В статье говорится: «Сколько темных углов в славистике было освещено Добровским, какие разнообразные вопросы науки славянской им были разъяснены и затронуты, вопросы, на которых мысль Востокова никогда не останавливалась и не бросила никакого света. Говорю это не из желания умалять великие заслуги Востокова, но с намерением лучше осветить колоссальную фигуру Добровского, которым с 30—40-х годов стали не в меру пренебрегать и у нас и у чехов за непонимание юсов, с одной стороны, и за непризнавание разных патриотических подлогов — с другой [269]. В. И. Ламанский наиболее объективно оценил и научную деятельность Е. Копитара, к которому в России сложилось недоброжелательное отношение не без влияния пражских славистов. «Прежде всего, — писал он, — с именем Копитара навсегда связана эпоха в научной разработке вопроса о глаголической письменности. В этом же труде Копитара впервые был критически издан и отлично объяснен очень важный древний источник истории паннонских славян, то есть Зальцбургская записка IX в. об обращении хорутан (De conversione Carantanorum). Тут же впервые явились опыты грамматики и словаря древнеславянского языка, составленные почти исключительно на основании древних памятников и знаменитого рассуждения Востокова (1820 г.). Эти опыты Копитара были совершенно упразднены только позднейшими трудами Востокова и Миклошича» [270].

М. П. Петровский за длительный период своей деятельности в Казанском университете опубликовал довольно мало трудов по славянскому языкознанию. Укажем на «Материалы для славянской диалектологии» (УЗКУ. 1866. Кн. 4—5); «Образцы живой славянской речи» (Там же. 1864. Кн. 2).

На рубеже 70-х и 80-х годов XIX в. в методологии сравнительно-исторического языкознания произошли глубокие перемены. На смену теоретическим воззрениям А. Шлейхера пришли новые теории младограмматиков, которые позволили значительно глубже осветить закономерности языковой эволюции. В реконструкции древнейшего состояния возросла роль современных языков и диалектов. Опираясь на их данные, лингвисты теперь стали увереннее выявлять под текстом древнего памятника реальную звуковую речь. Были точнее сформулированы звуковые законы, показаны роль и границы аналогического выравнивания в языковой эволюции. На смену старому слависту-филологу теперь пришел в науку славист-лингвист, основательно подготовленный в области сравнительной грамматики индоевропейских языков, общей и специальной фонетики, теории грамматики, диалектологии. В России центром нового направления стал Московский университет, а возглавил его выдающийся русский лингвист Ф. Ф. Фортунатов (1848—1914).

Фортунатов не был простым распространителем теории младограмматиков в России. Разделяя многие теоретические положения Бругмана, Лескина и других ученых лейпцигской школы, он совершенно самостоятельно разрабатывал многие кардинальные вопросы сравнительно-исторической грамматики, методики реконструкции архетипов, теоретической грамматики. В своих университетских курсах Фортунатов дал изложение основных проблем общего и сравнительного языкознания. Им было дано новое учение о форме слова, словосочетании, залогах и видах глагола. Он усовершенствовал приемы сравнительного изучения родственных языков, поставил на серьезную научную основу изучение истории индоевропейского праязыка. Оригинальный и глубокий мыслитель, превосходный педагог, человек большого обаяния, Фортунатов умел привлекать к себе талантливую молодежь. Большим успехом пользовались его лекции, особенно лекции по праславянскому и старославянскому языкам. В 80—90-е годы Московский университет стал притягательной силой не только для русских лингвистов, проходивших специальную подготовку в других университетах (например, А. И. Томсон и Б. М. Ляпунов), но и для многих зарубежных славистов (О. Брок, Э. Бернекер, А. Белич, Н. Ван-Вейк и др.).

Влияние Фортунатова раньше всего сказалось на научном мировоззрении московских лингвистов (славистов и классиков). Уровень языкознания в университете стал определяться не специальными кафедрами, а кафедрой сравнительного языкознания и санскрита. Переход ученых на новые принципы лингвистических исследований не был простым и легким. Одни их усвоили быстро, другие продолжали работать в русле привычных шаблонов.

Среди славистов Московского университета третьего поколения были и преданные ученики Фортунатова, но были ученые, продолжавшие работать на основе принципов домладограмматического направления. К последним можно отнести П. А. Лаврова, ученика А. Л. Дювернуа. Он стоял в стороне от новых лингвистических теорий. В своей исследовательской и педагогической деятельности был верным последователем своего учителя. Его интересовали в равной степени славянские языки, фольклор и литературы, древняя славянская письменность, жизнь и деятельность Солунских братьев. Педагогическую деятельность Лавров начал с преподавания болгарского языка. Он ждал назначения на кафедру славянской филологии, которая после смерти Дювернуа была вакантной. Однако факультет по рекомендации Фортунатова отдал предпочтение воспитаннику Петербургского университета Р. Ф. Брандту. В 1893 г. Лавров опубликовал книгу «Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка», содержавшую фактически историю этого языка. За это сочинение автор не без труда получил степень доктора. В суровой, но справедливой рецензии на книгу молодой еще в те годы В. Н. Щепкин убедительно показал, что Лавров не сумел привлечь диалектный материал, не дал связной характеристики отдельных говоров.

Важнейшие стороны эволюции болгарского языка либо не были им освещены совсем, либо освещались превратно. Не ограничиваясь критикой, Щепкин во многих случаях дал собственное освещение фактам. В истории изучения болгарского языка рецензия Щепкина сыграла бóльшую роль, нежели «Обзор» Лаврова. Не менее критичным был отзыв болгарского ученого Л. Милетича, который также вскрыл все слабые стороны рецензируемой работы.

После «Обзора» Лавров уже не публиковал специальных исследований лингвистического характера, а работал в области славянской филологии, в которой оставил крупный след. С 1898 по 1900 г., работая в Новороссийском университете, подготовил и опубликовал несколько ценных сочинений по истории болгарской письменности. Особо следует отметить его труд «Дамаскин Студит и сборники его имени в югославянской письменности» (Одесса, 1899). С 1900 г., заняв кафедру в Петербургском университете, Лавров читал лекции по истории славянских литератур, фольклору, древней славянской письменности, славянской палеографии, славянским языкам. В те годы публиковал много серьезных исследований по кирилло-мефодиевскому вопросу.

В. Н. Щепкин (1863—1920), учившийся в Московском университете с 1881 по 1885 г., среди своих учителей даже не вспоминает имени Дювернуа. На первое место он ставит Фортунатова, затем идут Ф. Е. Корш и Н. С. Тихонравов. После завершения курса Щепкин был оставлен на факультете для приготовления к профессорскому званию. Для магистерской диссертации он избрал изучение языка «Саввиной книги». Заинтересовал его этот памятник не как специалиста по старославянскому языку, а как историка болгарского языка, так как текст «Саввиной книги» всего яснее выражает живой говор XI в. и по вопросу о полугласных Ъ и Ь является в этом отношении главным авторитетом.

Магистерская диссертация Щепкина «Рассуждение о языке Саввиной книги» (1898—1899) представляет собой капитальное исследование палеографии и фонетики одного старославянского текста и дает большой и ценный материал для изучения древнеболгарских говоров. В центре внимания автора стоит судьба редуцированных (сверхкратких) гласных. Приемы исследования редуцированных, которые применил Щепкин, до сих пор сохраняют большое методическое значение и тщательно изучаются современными славистами. Щепкин не ограничился наблюдениями лишь «слабой» и «сильной» позиций. Он с большим мастерством выделял все случаи, которые требуют морфологической интерпретации, обращая самое пристальное внимание на судьбу редуцированных в различных группах согласных, различных позициях слова. Он специально анализировал так называемое сильное фразовое ударение, под которым сохраняются редуцированные в конце односложных слов. В исследовании находим превосходный очерк истории носовых гласных. В полном согласии с требованиями фортунатовской школы Щепкин стремился исследовать отдельные факты в их внутренней взаимосвязи. Так, изучая явления вокализма, автор всегда обращал внимание на консонантизм, показывал в ряде случаев тесную связь между историей гласных и твердостью и мягкостью согласных. Впервые в изучении истории болгарского ѣ автор связал его с мягкостью предшествующего согласного. Не со всеми положениями и выводами Щепкина в настоящее время можно согласиться. Однако до сих пор этот труд, появившийся еще в конце прошлого столетия, является незаменимым пособием по изучению древнейшего славянского вокализма. После завершения исследования Щепкин по поручению Академии наук подготовил текст «Саввиной книги» к изданию.

Уже работа над «Саввиной книгой» показала, что сопоставление только древнеболгарских текстов с современными говорами не дает возможности проследить эволюцию болгарского языка, очень сильно изменившего свой грамматический строй. Щепкин перешел к изучению среднеболгарского языка. Свой выбор он остановил на «Болонской псалтыри», язык которой благодаря сделанной приписке можно смело сопоставлять с охридским наречием. Исследование было завершено в 1906 г., и в том же году автор получил за него степень доктора наук. По строгости лингвистического метода, богатству наблюдений и фактов, широте охвата «Болонская псалтырь» в славянском языкознании занимает выдающееся место. В полном согласии с принципами фортунатовской школы Щепкин поставил изучение языка этого среднеболгарского памятника в тесную связь с данными македонской диалектологии (в частности, с данными охридского говора). В «Болонской псалтыри» Щепкин поставил вопрос о новой периодизации среднеболгарских рукописей, полагая, что древнейшие из них нужно отнести не к XII в., а к XIII в. В своих выводах он опирался не только на данные языка, но и на детальное изучение орнамента рукописей, на переход классического византийского орнамента с его строгими геометрическими формами в болгарский тератологический орнамент, богато насыщенный мотивами из растительного и животного мира. В университете Щепкин преподавал многие зарубежные славянские языки. Для болгарского он написал учебник, которым пользуются студенты и в настоящее время.

К школе Фортунатова принадлежал выдающийся русский лингвист и историк А. А. Шахматов (1864—1920), учившийся почти одновременно со Щепкиным. После окончания университета они вместе перевели на русский язык учебник старославянского языка А. Лескина с добавлением данных из Остромирова евангелия. Деятельность Шахматова протекала в Академии наук и Петербургском университете. В центре его научных интересов находились русский язык (история, диалектология, современный литературный язык), русское летописание, праславянский язык. Его интересы к зарубежным славянским языкам обычно не выходили за рамки отзывов и рецензий. Здесь следует вспомнить обстоятельный разбор исторической грамматики чешского языка Яна Гебауэра, рецензию на монографию Л. В. Щербы «Восточнолужицкое наречие» (Пг., 1915).

Однако была одна область славянского языкознания, в которой Шахматов выступает не как русист, а как подлинный славист. Речь идет о славянской акцентологии. В реконструкции акцентологических процессов велика роль сербскохорватского языка, его диалектов. Вот почему еще в самом начале своей научной деятельности Шахматов посвятил много времени изучению сербскохорватской акцентуации. В 80—90-е годы он опубликовал несколько ценных статей под общим названием «К истории сербскохорватских ударений», статью «Юрий Крижанич о сербскохорватском ударении» и др. Огромной заслугой Шахматова является то, что он выявил важные для сербохорватской исторической акцентологии старые акцентные системы, определил степень их ценности и их историческую иерархию. Велика роль в славянской акцентологии наблюдений Шахматова над акцентной системой Крижанича. Анализ этой системы Шахматов провел по его восьми большим рукописям, что дало ему возможность установить акцентную систему самого Крижанича. Работе об акцентной системе Крижанича предшествовало исследование Шахматовым системы славонского диалекта первой половины XIX в., отраженной в грамматике Берлича. Эта система оказалась весьма важной для понимания исторических процессов в сербскохорватской акцентологии. Шахматов провел четкую реконструкцию праштокавской акцентной системы, которую он считал близкой к праславянской. Акцентологические исследования Шахматова определили пути развития науки на многие десятилетия вперед. Они составляют золотой фонд сербскохорватской исторической акцентологии. Методика Шахматова эксцерпции акцентологического материала из памятников письменности остается основой для современного исследователя.

Акцентологические воззрения Шахматова в полной мере отражают состояние славянской акцентологии конца XIX в. Молодые акцентологи, пришедшие в науку уже в XX столетии, убедительно показали, что Шахматов недооценивал данных западнославянских языков (прежде всего данных кашубского языка). Это хорошо показал Д. В. Бубрих в исследовании «Севернокашубская система ударения» (Л., 1924). Бубрих характеризовал общую направленность акцентологических работ Шахматова как проявление «акцентологического сербофильства». Примечательно, однако, что изучением кашубского ударения Бубрих занялся по совету самого Шахматова.

Петербургские слависты третьего поколения формировались под влиянием научных и политических доктрин В. И. Ламанского. Поэтому большинство из них избрали себе дорогу историков и принимали активное участие в общественно-политической борьбе в лагере правых славянофилов. Наиболее последовательно линию Ламанского продолжали А. С. Будилович, Т. Д. Флоринский и другие менее известные деятели русского славяноведения.

А. С. Будилович как лингвист и филолог формировался в домладограмматический период. Он принадлежал к наиболее старым

представителям третьего поколения русских славистов. После трехлетней заграничной командировки Будилович был избран профессором Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1875—1881), затем работал в Варшавском и Дерптском (Юрьевском) университетах.

В 1877 г. Будилович опубликовал книгу «Анализ составных частей славянского слова с морфологической точки зрения». В основу своих построений положил теорию агглютинации Боппа, морфологическую классификацию языков Шлейхера, а также некоторые работы Шафарика и Миклошича. Труд прошел почти незамеченным в славяноведении, так как его содержание отражало уже пройденный этап сравнительно-исторического языкознания. Будилович опирался на устаревшие теоретические положения и не проявил самостоятельности в постановке и решении трудных проблем. Нестрогое соблюдение звуковых законов и преувеличение роли эвфонии ставят под сомнение представленную историческую структуру многих слов.

Самое значительное место в научном наследии Будиловича занимает труд «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии» (1878—1879), оставшийся незавершенным. В нем сделана попытка при помощи языкового материала воссоздать картину жизни первобытных славян и определить древнейшую территорию их расселений. Ценность труда — в большом и разнообразном материале. Что касается уровня лингвистического анализа, то о нем трудно сказать что-либо положительное. Это хорошо было показано Бодуэном де Куртенэ. В 1883 г. Будилович опубликовал «Начертания церковнославянской грамматики применительно к общей теории русского и других родственных языков» и «Учебник церковнославянской грамматики для средних учебных заведений». Обе книги не имели успеха. К изучению языков западных и южных славян имеет некоторое отношение лишь работа Будиловича «Общеславянский язык в ряду других общих языков в древней и новой Европе» (1892).

В истории славяноведения вопрос об общем языке славян далеко не нов. Выше уже говорилось, что еще в XVII в. Ю. Крижанич выдвинул идею искусственного образования общеславянского языка. Но особенно активно эта проблема обсуждалась в XIX в. В 30—40-е годы считалось, что возникновение каждой новой славянской литературы свидетельствует об успехах национального возрождения. Растущее многоязычие мечтали преодолеть через взаимное изучение языков и литератур (Я. Коллар). Но когда прошел период романтического энтузиазма, возникло сомнение в способности малых славянских литератур и языков противостоять иноземным влияниям. Тогда и появилась мысль о введении одного из языков в качестве общего литературного языка. В России с такой идеей выступил Ламанский и его ученики, прежде всего Будилович.

В первом томе своего труда Будилович рассматривал образование общего греческого, латинского, итальянского, испанского,

французского, английского и немецкого языков. Выяснив факторы, влияющие на образование общих языков (географическое положение народов, социально-политические условия, религиозная жизнь, свойства самих языков, деятельность писателей), он пришел к заключению, что при благоприятных условиях это обычный процесс в жизни каждого крупного народа. В ходе этого процесса говоры преобразуются в диалекты, между которыми начинается борьба за преобладание. Обычно победа остается за более сильным диалектом, который становится общим языком. После образования общих языков им передаются некоторые функции диалектов.

Во втором томе эти выводы и наблюдения применены к славянским языкам. Для этого Будилович рассматривал диалектные отношения славянских языков, историю образования и судьбу церковнославянского языка как первого опыта общего языка славян, историю сербского, чешского и польского языков и их распространение в смежных областях, т. е. попытку стать общими языками, и, наконец, историю русского языка. Он полагал, что различия трех диалектных групп, на которые распадается язык славян, соответствуют диалектным различиям Греции, Испании, Англии и других стран. Поэтому у славян также возможно образование общего языка. Более того, ряд наречий в связи с их литературной обработкой возвысился до роли частных языков, из которых затем стали вырабатываться общие языки то для нескольких наречий, то для целых диалектных групп. Первым этот процесс пережил болгарско-пропонтидский диалект, который уже в X в. стал общим языком во всех трех группах, а с XII—XIII вв. — в южной и восточной, где он до сих пор используется в литургии. С XIV—XV вв. начинался подъем сербского и чешского диалектов, которые становятся общими (по крайней мере в дипломатии) языками соответственно для южной и западной групп. В XVI—XVII вв. большие успехи в этом направлении сделал польский язык. Однако ни одному из них не удалось на долгое время стать общим языком. Церковнославянский был вытеснен из государственного, общественного и литературного употребления и стал языком культа. Сербский распался на диалекты, из которых потом развился частный язык. Попытка деятелей иллиризма восстановить его общее значение успехом не увенчалась. Такую же неудачу потерпели чешский и польский языки.

К моменту написания труда на роль общеславянского мог претендовать, по мнению Будиловича, только русский язык — благодаря его географическому положению, богатству лексических и грамматических средств, зрелости литературы; к тому же со времени Петра I Россия становится одной из великих держав. Поэтому, рассуждал Будилович, русский язык стоит выше других славянских языков, тем более он уже стал общим языком для восточных славян. Приняв русский язык добровольно, западные и южные славяне должны сами определить те функции, которые они ему передадут. На пути к этому лежит лишь тот предрассудок, что общий язык будет подавлять частные. В действительности,

наоборот, общие языки не могут быть противником частных: последние нередко развиваются успешнее при наличии общих языков. Притом общий язык обеспечит и культурное сотрудничество всех славянских народов. Без него славянским языкам не устоять в борьбе с другими языками (немецким, венгерским, итальянским, турецким, румынским).

В подтверждение своей концепции Будилович собрал богатый фактический материал, привел интересные данные по истории славянских литературных языков (русского, чешского, польского, сербского и особенно церковнославянского). Но сама идея общеславянского языка в тот период выглядела крайне умозрительной. Вопрос о роли русского языка автор решил заранее, не замечая тех трудностей, которые могут возникнуть на этом пути. Прежде всего образование общего языка определяется экономическими, политическими и культурными потребностями. У славян соответствующих условий тогда не существовало. Притом у Будиловича не ясно, должны ли славяне образовать одно государство или оставаться в прежних политических рамках. Однако то и другое было нереально, учитывая географическую, политическую и религиозную раздробленность славян. Кроме того, доказательства автора неубедительны и в лингвистическом плане. Не разграничивая четко понятия языка и наречия, он проводил сравнение славянской группы языков с отдельными европейскими языками. Все делалось для того, чтобы подогнать факты под заранее придуманную схему.

Будиловичу принадлежит несколько статей о русских и зарубежных славистах (А. А. Потебне, В. В. Макушеве, Н. А. Лавровском, И. И. Первольфе, Ф. Палацком, Ф. Л. Ригере, В. Мацеевском), а также о славянских литературах. В частности, для книги «Поэзия славян» (1871) он написал очерки сербскохорватской, словенской, словацкой, польской и лужицкой литератур. Сюда же примыкают статьи «Ян Коллар и западное славянофильство», «Два слова об отношениях Пушкина к литературам южных и западных славян», «А. С. Пушкин в истории больших литературных языков».

Среди русских славистов третьего поколения заметное место занимает Т. Д. Флоринский. Самым крупным лингвистическим трудом Флоринского был двухтомный учебник «Лекции по славянскому языкознанию» (Киев, 1895. Т. I; Киев, 1897. Т. II). Первый том был отмечен Ломоносовской премией, второй — премией имени Котляревского. Флоринский поставил перед собой задачу создать учебное пособие для студентов филологов и вместе с тем подвести итоги современному изучению зарубежных славянских языков. В XIX в. многие слависты издавали свои университетские курсы по славянским языкам. Однако среди всех этих курсов «Лекции» Флоринского заслуживают наиболее высокой оценки. Прежде всего в них значительно расширен круг рассматриваемых языков: много внимания уделено словацкому и кашубскому языкам; впервые дано подробное и систематизированное описание

полабского и особенно серболужицких языков. Хотя «Лекции» не являются сравнительной грамматикой славянских языков, тем не менее сравнительно-исторический элемент в них гораздо сильнее, нежели в аналогичных трудах всех предшественников Флоринского. Он регулярно сопоставлял звуки и отчасти формы описываемых языков с праславянскими и старославянскими, в большинстве случаев выделял основные периоды в истории языков и отмечал их характерные фонетические и морфологические особенности. «Лекции» представляют собой тщательно выполненные и полезные для своего времени обобщающие очерки, по которым готовилось к экзаменам не одно поколение славистов.

После обнаружения в Македонии в 1898 г. надписи царя Самуила 993 г. появилось немало работ, посвященных ей. Флоринский в 1900 г. опубликовал статью «Несколько замечаний о надписи царя Самуила», в которой показал себя подготовленным филологом.

Тщательно следя за развитием науки, Флоринский ввел в 1883 г. в «Киевских университетских известиях» библиографические обзоры. Сперва они печатались под разными названиями, а с 1891 г. получили название «Критико-библиографический обзор трудов и изданий по славяноведению». К 1913 г. вышли 16 выпусков, составивших два тома. Только с 1894 по 1905 г. было отрецензировано свыше 150 работ. Кроме книг, Флоринский рассматривал и наиболее значительные статьи из периодических изданий. В его обзорах обычно дается краткая характеристика автора, излагается содержание и сущность труда, высказываются критические замечания, проводятся сопоставления с другими аналогичными по содержанию работами. На первом месте всегда стоит история славян, затем история славянских языков и, наконец, история литературы. Отзывы Флоринского отражают не только широту интересов ученого, но и представляют собой определенный вклад в славяноведение и его историографию.

Р. Ф. Брандт (1853—1920) получил образование в Петербургском университете (1871—1875), где под руководством В. И. Ламанского изучал славяноведение в различных его аспектах, но меньше всего в лингвистическом, хотя рядом зарубежных славянских языков практически овладел еще в университете. За студенческое сочинение «Историко-литературный разбор поэмы Ив. Гундулича „Осман“» был награжден золотой медалью. Брандта оставили при кафедре для подготовки к профессорскому званию, причем Ламанский взял с него обязательство специализироваться по славянскому языкознанию и не стал задерживать в Петербурге, где сравнительную грамматику индоевропейских языков И. П. Минаев читал еще по «Компендиуму» Шлейхера. Хорошо ориентированный в состоянии сравнительного языкознания, Ламанский организовал Брандту командировку в Лейпциг, где молодой ученый под руководством Г. Остгофа и А. Лескина серьезно занялся изучением основ сравнительно-исторического языкознания. Здесь он хорошо усвоил основные принципы теории

младограмматиков, которым следовал в течение всей своей жизни.

В 1877—1886 гг. Брандт занимал должность профессора Нежинского историко-филологического института. Здесь он читал лекции по славянскому и русскому языкознанию. Выезжал с научной целью в славянские земли. В 1880 г. опубликовал в Нежине свой первый и лучший лингвистический труд «Начертание славянской акцентологии», а в 1881 г. получил за него в Петербургском университете степень магистра славянской филологии. В истории славянской акцентологии этот труд Брандта сыграл заметную роль. Возникновение замысла книги Брандт описал так: «Летом 1876 г. в Лейпциге я случайно приобрел у антиквария хорватскую (сербскую) грамматику Антона Мажуранича, которой мне прежде не приходилось иметь в руках. При чтении ее меня поразило чрезвычайное сходство чакавско-хорватского акцентования слов с русским, и я возымел намерение написать о нем подробное исследование. Вскоре я однако узнал, что мое «открытие» предвосхищено другими: что на подмеченное мною явление указали уже Потебня и сам Мажуранич. Убедившись таким образом, что специальное исследование сербской акцентовки сравнительно с русскою не может иметь большого значения, я предпочел расширить свою задачу и составить сравнительную акцентологию всех славянских языков. Этот расширенный план я впоследствии опять сузил, решившись сосредоточиться на разборе имен существительных и только мимоходом касаться других частей речи» [271]. Конкретные решения и выводы Брандта, конечно, давно уже устарели. Однако его труд в какой-то степени интересен и современному исследователю, потому что в нем рассматриваются все акцентологические процессы в тесной и глубокой зависимости от грамматических условий. Акцентология у Брандта является частью морфологии и словообразования. С конца XIX в. индоевропейская и славяно-балтийская акцентология начинает развиваться в русле фонетических преобразований, как часть фонетики. Именно фонетический подход становится господствующим в трудах славистов конца XIX — первых десятилетий XX в. Лишь в 30-е годы XX в. акцентологи вновь обращаются к грамматике (Е. Курилович и др.). Именно в то время усилился интерес к «Начертаниям» Брандта.

В 1886 г., еще до переезда в Москву, Брандт издал сборник статей под названием «Грамматические заметки». За эту публикацию, посвященную различным фонетическим и грамматическим явлениям праславянского языка, он получил степень доктора. Однако работа была встречена весьма сурово. Вот отзыв С. К. Булича: «Мы видим как бы форму научного исследования, внешние его рамки, метод, известные научные приемы, а сути, содержания, положительных результатов читатель часто не выносит» [272]. Действительно, в истории изучения праславянского языка труд Брандта заметного следа не оставил.

За 34 года пребывания в должности профессора Московского университета Брандт опубликовал много работ, но среди них не было ни одного серьезного исследования в области славянского и русского языкознания, филологии и литературоведения. Были изданы лекционные курсы по фонетике и морфологии польского, сербского, болгарского и чешского языков, литографированные курсы этих языков, лекции по истории русского языка, сравнительной грамматике славянских языков, славяно-русской палеографии, старославянскому языку, введение в славянскую филологию и т. д. Ни один из этих курсов не вошел в историю науки. Не удались Брандту и издания древних памятников славянской письменности, например перемейника. По-видимому, в связи с неудовлетворенностью своими научными публикациями Брандт обратился к переводческой деятельности, в частности предпринял грандиозную работу по переводу «Освобожденного Ерусалима» Т. Тассо. Он также занимался языком эсперанто, писал статьи о языке Игоря Северянина, о всемирном формате печатных изданий, ратовал за кардинальную реформу русского правописания, выступал с нереальным проектом фонетической орфографии, за реформу грамматической терминологии.

Заметный след в изучении истории средневековой болгарской литературы оставил воспитанник Петербургского университета П. А. Сырку. Во время научной командировки в Болгарию в 1878—1879 гг. он проводил наблюдения над болгарскими говорами южной Фракии и восточной Македонии. Позже обработал свои записи и на их основе опубликовал статью «Рупаланы или рупцы. Заметки по болгарской диалектологии» (1883). В статье Сырку определяет границы говоров, отмечает их отдельные фонетические, морфологические и лексические особенности. В болгарской диалектологии статья не оставила заметного следа. Для языкознания имеют значительно большее значение исследования и публикации Сырку, посвященные изучению славяно-румынских языковых контактов. Особенно ценным является издание валашских грамот, хранящихся в архиве г. Сибина. Во время посещения Сибина Сырку списал 24 славянские грамоты. Уже после смерти Сырку грамоты с интересным введением были изданы А. И. Яцимирским.

Среди петербургских славистов последних десятилетий XIX в. видное место занимал И. В. Ягич (1838—1923), который с 1880 по 1886 г. занимал кафедру в университете и в качестве академика принимал активное участие в деятельности Второго отделения Академии наук. В университете его влияние выходило за рамки славянских сюжетов. Оно было значительным в области методологии языкознания. До приезда Ягича в Петербург в университете полностью господствовали общетеоретические взгляды Шлейхера, которые в то время уже устарели. Ягич привез новые идеи, которые он с успехом излагал с университетской кафедры. Б. М. Ляпунов так вспоминает лекции Ягича: «Он читал живо, стараясь обратить внимание на существенное и заинтересовать слушателей [. . .]. Здесь, а не на лекциях проф. И. П. Минаева

[. . .] я впервые черпал сведения по сравнительной грамматике индоевропейских языков [. . .]. Здесь для меня открывался целый новый мир и многие сближения, которые теперь кажутся элементарными фактами науки, а тогда представлялись смелыми и непонятными». По свидетельству Ляпунова, обращая особое внимание на уровень филологической подготовки студентов, Ягич одновременно «старался среди своих слушателей развить интерес к языкознанию» [273]. Значителен вклад Ягича в теорию и практику филологического анализа текстов. Издание древних памятников имело в России давнюю традицию еще со времен Румянцевского кружка (прежде всего А. Х. Востокова и К. Ф. Калайдовича). Однако в последующий период публикации постепенно начали утрачивать необходимую точность. Ягич же следовал критическому методу, при котором требовалось не простое воспроизведение одной рукописи, а публикация научно прочитанного и реконструированного текста на основе различных его вариантов. В этом отношении роль Ягича была велика и за пределами университета.

Лингвистические и филологические интересы Б. М. Ляпунова были разносторонними. Ему приходилось в Новороссийском университете читать лекции из сравнительной грамматики славянских языков, по истории южных и западных славянских языков, старославянскому языку. Его специальные публикации посвящены южнославянским языкам, особенно словенскому. В 1902 г. в «Летописи Историко-филологического общества при Новороссийском университете» (т. X) было опубликовано его обстоятельное исследование по словенской акцентологии, скромно озаглавленное «Несколько замечаний о словенско-немецком словаре Плетершника». Позже Ляпунов опубликовал статью «Родственные связи словенцев с сербами и хорватами» (Iужнославенски Филолог. 1924. Т. IV). Ляпунов не принимал учения Шахматова об особой близости восточных и южных славянских языков, которое в какой-то степени восходит к дуалистической теории Добровского. Он считал, что не существует никаких убедительных доказательств существования единого праязыка, из которого позже выделились южные и восточные славянские языки [274].

Особое место в истории славянского языкознания в дореволюционной России занимает И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845—1929). После окончания Варшавского университета в 1866 г. он прошел основательную школу по сравнительной грамматике индоевропейских языков в Праге, Йене и Берлине, а затем с 1868 г. в течение более 40 лет работал в российских университетах. По рекомендации И. И. Срезневского Бодуэн написал исследование о древнепольском языке до XIV в. (т. е. до появления первых памятников письменности на польском языке). В 1870 г. оно было опубликовано на русском языке в Лейпциге, а ее автор в том же году получил за свое сочинение степень магистра в Лейпцигском университете. Бодуэн был невысокого мнения о своей диссертации. Он считал, что ее научная ценность «не соответствует огромному количеству потраченного на нее времени, физической работы

и умственной энергии»[275]. Такой суровый отзыв о собственной работе объясняется тем, что, по Бодуэну, даже конкретные исследования должны решать серьезные теоретические проблемы, а не представлять собой шаблонные описания по готовым образцам и схемам. Иной характер носили его труды по словенской диалектологии, выполненные им во время заграничной командировки в Австрию и Италию. Именно здесь на материале диалектов словенского языка Бодуэн начал разрабатывать свою теорию синхронного описания языковой системы, теорию альтернаций, социальные и психологические основы языкового общения и т. д. В формировании лингвистических взглядов Бодуэна большую роль сыграли лекции известного итальянского лингвиста Асколи, в которых рассматривались вопросы двуязычия. В 1875 г. Бодуэн в Петербургском университете успешно защитил докторскую диссертацию «Опыт фонетики резьянских говоров». С того времени научная и преподавательская деятельность Бодуэна была посвящена не столько славистическим, сколько общетеоретическим проблемам языкознания.

После Петербургского Бодуэн в 1875—1883 гг. работал в Казанском университете, где создал известную в истории русского языкознания казанскую школу. Затем деятельность ученого проходила в 1883—1893 гг. в Дерптском (Тартуском), в 1893—1899 гг. в Краковском, в 1900—1918 гг. в Петербургском, а с 1918 по 1929 г. в Варшавском университетах. Не будучи по своим служебным обязанностям связанным со славянским языкознанием, Бодуэн, однако, не прерывал исследований в области южных и западных славянских языков. Он опубликовал «Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии» (Т. I — СПб., 1895; Т. II—СПб., 1904; Т. III—СПб., 1913), исследования по польскому и кашубскому языкам, не прошел мимо некоторых трудных вопросов праславянской фонетики и т. д. Однако в те годы влияние этих работ на русских славистов было незначительным. Многие важные идеи Бодуэна проникли в их труды позже. В этом отношении счастливее Бодуэна был Фортунатов, лекции которого уже в 80-х и 90-х годах оказали мощное воздействие на методику описания фактов, выбор проблематики, реконструкцию праязыка, учение о форме слова и т. д.

6. Возникновение истории славистики как самостоятельного направления исследования

В той или иной форме и степени интерес к историографии славянских изучений был присущ уже М. В. Ломоносову и В. Н. Татищеву, введшим изучение отечественной истории и филологии в общеславянский культурный контекст. Но и тогда и позднее, до исхода 1830-х годов подход русских ученых этого периода к оценке трудов своих предшественников и современников представлял собой еще не историю науки, а то, что принято именовать историографией проблемы. Наибольший интерес с этой точки зрения имели труды А. Х. Востокова, П. И. Кеппена, М. Т. Каченовского и некоторых других авторов, связывавших разработку славянской тематики с отечествоведением.

По мере дальнейшего развития славистического комплекса, в 40—50-х годах XIX в. возникает специальный интерес к истории славянских изучений. Почин принадлежал первым университетским славистам, которые обращались к этой проблематике, в частности, в связи с разработкой методики преподавания. Об этом свидетельствует анализ программ и лекций, принадлежавших П. И. Прейсу, И. И. Срезневскому, О. М. Бодянскому, В. И. Григоровичу и их ближайшим преемникам[276]. Так, в «Наброске программы университетских чтений по славистике» (1840) П. И. Прейс выделял историю вопроса. Он писал: «Историческое развитие филологии: греки, римляне, восток, германская и новолатинская филология. Начало и историческое развитие славянской филологии. Причины позднего явления; познания, необходимые филологу славянскому. Добровский и его школа»[277]. И. И. Срезневский также обращал внимание на этот вопрос. В «Программе по истории языка и литературы славянских наречий» на 1853—1854 учебный год он, не ограничиваясь перечнем основополагающей учебной литературы, произвел ее систематизацию: «Пособия для изучения истории языка и литературы славянских наречий: 1. по истории образованности вообще; 2. по истории языка; 3. по истории народной словесности; 4. по истории книжной словесности»[278]. Краткие сведения о развитии славянской филологии в Европе Срезневский включал, обычно, в состав своих курсов, в частности, в «Энциклопедическое введение в славянскую филологию»[279]. Приблизительно так поступали и другие коллеги Срезневского. Позднее это превратилось в прочную университетскую традицию.

Однако, подобное внимание к истории славистики имело все же служебный характер, подчиненный практическим целям обучения студентов. Но, как это ни парадоксально, именно этот служебный, на первый взгляд даже побочный, характер делал обращение к историографической проблематике не только неизбежным, но и совершенно необходимым. В известной мере можно утверждать, что в этом заключался один из важнейших факторов постепенного усиления интереса к историографии славяноведения. Но фактор этот не был единственным.

Во-первых, по мере развития самой науки о славянах возникала, также продиктованная практическими соображениями, потребность в определенной ее документации (составление записок о научной деятельности славистов в связи с присвоением им ученых степеней и избранием в состав Академии наук). Принципиальное значение, в частности, имели работы И. И. Срезневского о жизни и творчестве А. Х. Востокова (1864, 1873) и написанный им в 1877 г. очерк о П. И. Прейсе, В. Г. Григоровиче и О. М. Бодянском[280]. Здесь свои личные воспоминания Срезневский стремился сочетать с определением места этих ученых в общей

истории славистических изучений. Он подчеркивал, что создание на основе Университетского Устава 1835 г. кафедр истории и литературы славянских наречий было не началом, а естественным продолжением и углублением развивавшихся в России славянских изучений. Свое наблюдение Срезневский иллюстрировал на примере В. И. Григоровича, а особенно П. И. Прейса, подчеркивая, что до поездки в славянские земли тот прошел предварительно годичную практику в Петербурге под руководством А. Х. Востокова. Поэтому автор именовал Прейса одним «из первых, если не по времени, то по достоинству учеников Востокова» [281].

Во-вторых, историография славистики вырастала из журнальной критико-библиографической деятельности, первые опыты которой восходили еще ко второй половине XVIII в. В первые десятилетия XIX в. они становятся все более интенсивными, примером чего могут служить «Вестник Европы» М. Т. Каченовского и некоторые другие периодические издания того времени. Важное значение имела, например, упоминавшаяся выше рецензия В. Г. Белинского на работу Ю. И. Венелина «О характере народных песен у славян задунайских», фактически положившая начало революционно-демократическому направлению в историографии отечественного славяноведения. Инициатива Белинского была в 1850-х годах продолжена Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, а также А. Н. Пыпиным в журнале «Современник». Позднее по этим вопросам выступали и «Отечественные записки» [282]. Материалы подобной тематики появлялись и в журналах других направлений. Так, в литературно-политическом журнале «Маяк современного просвещения» была помещена статья профессора Московского университета Ф. Л. Морошкина (1804—1857), посвященная анализу работ Ю. И. Венелина. Несмотря на общий обскурантский дух журнала, данная статья давала в целом обстоятельное освещение темы и представляла собой первый опыт историографической оценки незадолго перед тем скончавшегося русского болгариста [283]. В конце 1850-х годов к этому вопросу вернулся публикатор фольклорного наследия Ю. И. Венелина П. А. Бессонов [284].

Наконец, расширение русско-славянских научно-культурных контактов стимулировало изучение в России истории славянских изучений за рубежом. Первые шаги в разработке историографии зарубежного славяноведения были связаны с И. И. Срезневским, который написал в 1842 г. статью о жизни и творчестве В. С. Караджича, увидевшую свет четыре года спустя [285]. Подробно освещая проблематику трудов выдающегося сербского ученого, И. И. Срезневский подчеркивал: «Услуги Вука в отношении к истории и этнографии сербской останутся также навсегда незабвенны. Все, что написал он по этой части, не есть ни сборы, ни выбор из других книг, а наблюдения современника» [286]. Важным аспектом оценки И. И. Срезневским деятельности В. С. Караджича был показ ее тесной связи с национально-освободительным движением сербского народа. Работа И. И. Срезневского явилась вообще первым

исследованием о выдающемся сербском ученом и стороннике сербско-русского сотрудничества. Позднее И. И. Срезневский, на примере анализа деятельности В. Ганки, обратился к истории чешского славяноведения [287]. Первым серьезным трудом по сходной проблематике явилась монография казанского филолога И. А. Снегирева (1843—1893), посвященная Й. Добровскому [288]. В итоге, в 50—70-е годы XIX в. собирание и публикация исследований и материалов по истории славяноведения становится устойчивой традицией. Об этом свидетельствуют усилия не только Срезневского и Бодянского [289], но и таких авторов, как Н. П. Барсуков, П. П. Пекарский, Н. А. Попов, М. И. Сухомлинов и др., в чьих работах собраны обширные материалы к истории славянских изучений в России и по русско-славянским научным и культурным контактам [290].

Постепенное накопление историографических фактов и наблюдений привело к тому, что под влиянием общественного подъема в России 1860-х годов начинают предприниматься попытки концепционного осмысления итогов славянских изучений одновременно и в научном и в общественно-культурном контексте. Они связаны в первую очередь с именами А. А. Котляревского, В. И. Ламанского и А. А. Майкова.

Приступая к чтению лекций в Петербургском университете, Ламанский говорил в 1865 г., что работает на кафедре, которую занимал П. И. Прейс, а ныне возглавляет И. Е. Срезневский. «Их имена, — продолжал он, — навсегда записаны в летописях славянской науки, наряду с славными именами Добровского и Суровецкого, Востокова и Миклошича, Бодянского, Григоровича, Горского. . .». Если исключить из этого перечня имена зарубежных славянских ученых, то, как видно, основоположниками в России В. И. Ламанский считал А. Х. Востокова и К. Ф. Калайдовича. В соответствии со своими славянофильскими научными и политическими симпатиями В. И. Ламанский счел нужным отметить вклад в развитие отечественной славистики М. П. Погодина и «той московской школы, которая у нас известна под именем славянофилов» [291]. Во многом сходный круг вопросов был изложен А. А. Майковым на приеме в московском Обществе любителей российской словесности представителей зарубежных славян, прибывших для участия в Этнографической выставке 1867 г. Возникновение отечественной славистики Майков связывал с разработкой «славянской идеи», а первыми ее «сеятелями» считал М. Т. Каченовского и А. С. Хомякова. Конечно, он упоминал имена Востокова, Калайдовича, Кеппена и некоторых других деятелей славистики начальных десятилетий XIX в. Однако, исходя из сформулированного им постулата, он считал, что окончательно «подготовка в деле славяноведения» совершилась в России только в 1830-е гг. «До открытия славянских кафедр, — писал он, — славяноведение проявлялось у нас только отрывками и не имело своей самостоятельной разработки» [292]. Независимо от некоторых фактических разногласий, в целом Майкова и Ламанского объеди-

няло славянофильское представление о миссии России нести человечеству новую мировую — славянскую — идею. Такая, в основе своей националистическая, трактовка истории и задач отечественной славистики уже прежде встречала резкие возражения со стороны представителей прогрессивных кругов русского общества. Не говоря о революционно-демократической критике (особенно о выступлениях Н. Г. Чернышевского 1850-х годов в «Современнике»), против односторонней трактовки славянских изучений высказывался неоднократно А. Н. Пыпин.

Со сходных во многом позиций подходил к этому вопросу А. А. Котляревский в серии статей, опубликованных в «Филологических записках» в 1863—1864 гг. Рассматривая генезис сравнительно-исторического языкознания в России от М. В. Ломоносова до Ф. И. Буслаева, он давал высокую оценку трудам Востокова и ставил их в один ряд с работами Добровского. «Мы потому распространились о заслугах Востокова, — писал Котляревский, — что его грамматические сочинения, можно сказать, создали славянскую филологию». Касаясь дальнейшего развития сравнительных исследований русского и славянских языков, он весьма критически отзывался о выступлениях в этой области А. С. Шишкова и представителей славянофильского направления. «Пример патриота Шишкова, — отмечал А. А. Котляревский, — нашел себе подражателей и в наше время: мы говорим о школе панславистов, которым принадлежит честь возведения в систему детских гаданий наших историков и языковедов прошлого столетия, гаданий, происхождение которых скрывается в идее невзнузданного патриотизма» [293].

Таким образом, уже первые опыты концепционного осмысления истории отечественного славяноведения продемонстрировали не только их тесную связь с общественно-политическим развитием русского общества, но и острую идейную борьбу за то или иное истолкование славистики и славянского вопроса в целом. И эта неразрывная связь между оценкой истории науки о славянах и ее социальной квалификацией становится существенной чертой последующей историографии отечественного славяноведения, новую страницу в развитии которой открывали труды А. А. Кочубинского и А. Н. Пыпина, посвященные уже не отдельным вопросам, а систематическому осмыслению истории славянских изучений в России.

А. А. Кочубинский был первым, кто целенаправленно и широко приступил к исследованию целого периода складывания отечественного славяноведения.

Работу над монографией, которую он сознательно рассматривал как «опыт по истории отечественного славяноведения», А. А. Кочубинский начал в 1886 г. Он ставил перед собой задачи: «уяснить историю возникновения славянских студий в России, обрисовать главных и вторых действующих лиц в этом деле, с их славянскими стремлениями, заботами и работами». Подобный замысел был новым и, принимая во внимание состояние изученности вопроса,

сложным. Сознавая это, автор сам указывал на недостатки своего труда — «его белые страницы, неровность, местами отрывочность изложения и пр.» [294]. Начальный период славяноведения в России А. А. Кочубинский трактовал как некую дихотомию «А. С. Шишков — Н. П. Румянцев».

Время от конца XVIII в. до учреждения при университетах славянских кафедр А. А. Кочубинский делил на четыре этапа, которым соответствуют названия глав: «этимологическая эпоха», «кружок Румянцева», «национализация жизни» и «призвание славян». Автор связывал начало славянских изучений в России с деятельностью основанной в 1783 г. Российской Академии, специально касаясь подготовленного ею сравнительного словаря. Он отмечал вклад в разработку истории и языков славянских народов Х. А. Чеботарева, еп. Дамаскина, академиков П. И. Лепехина и С. Я. Румовского. Будучи сторонником культурного единения славян, Кочубинский стремился раскрыть место в этом процессе России. Он подробно останавливался на контактах между русскими и славянскими учеными, начиная от Й. Добровского и Й. Юнгмана. Впервые он изложил историю неудавшегося приглашения в Петербург П. Й. Шафарика, Ф. Л. Челаковского и В. Ганки в 1820-х годах для организации славянской библиотеки. На фоне научного и культурного движения первых десятилетий XIX в. Кочубинский подробно касался деятельности А. С. Шишкова, отношение к которому у него в целом отрицательное. Высоко оценивая значение так называемого «Румянцевского кружка» в истории формирования отечественного славяноведения, автор вместе с тем обращал внимание на рост общественного интереса к славянскому вопросу, в частности, в кругах декабристов.

Написанная с прогрессивных позиций монография А. А. Кочубинского сыграла позитивную роль в разработке истории отечественной славистики. Автор был далек от формального, проникнутого славянофильскими симпатиями подхода Майкова, игнорировавшего, по существу, опыт развития славянских изучений до основания университетских кафедр. Наоборот, позиция Кочубинского заключалась в том, что само возникновение этих кафедр он, вслед за Срезневским, оценивал как следствие научного и общественного интереса к славянской теме. Не менее важна заслуга А. А. Кочубинского и в многоплановом анализе общественно-культурной жизни России конца XVIII — первой трети XIX в., явившейся питательной почвой для превращения славистики в науку, в показе значения русско-славянских научных связей. Иными словами, в монографии А. А. Кочубинского впервые была обоснована проблематика истории славяноведения на этапе его формирования.

При несомненных достоинствах, тем более поразительных, что в разработке данной темы А. А. Кочубинский являлся новатором, общая концепция труда страдала рядом существенных недостатков. Автор не сумел, в частности, исторически верно раскрыть сложной диалектики складывания славяноведения. Отсюда его

19 Заказ 1786

надуманное противопоставление Петербурга — Москве, а Шишкова — Румянцеву.

Такой вывод не отражал, конечно, многообразия процесса становления славяноведения как науки. При всей ретроградности взглядов Шишкова, например, он внес определенный вклад в дело славянских изучений.

Не случайно, что И. В. Ягич тогда же, отмечая заслуги А. А. Кочубинского в разработке темы, специально обратил внимание на неверность положенной в ее основу дихотомии. Ягич подчеркивал, что Румянцев и участники его кружка с неменьшим почтением, чем Шишков и Российская Академия, относились к Добровскому, а Востоков был одновременно и членом Российской Академии и состоял на службе у Румянцева [295]. К этому можно было бы добавить, что формирование отечественного славяноведения происходило в обстановке острой идейной борьбы.

Этот аспект истории утверждения славянских изучений в России нашел несравненно более глубокое освещение в серии статей А. Н. Пыпина 1889 г. Речь идет о двух обзорах, помещенных в журнале «Вестник Европы» — «Обзор русских изучений славянства» и «Русское славяноведение в XIX столетии». Обе эти работы и хронологически и тематически были между собой тесно связаны.

В «Обзоре» А. Н. Пыпин стремился ответить на вопрос: «насколько мы знаем славянский мир?». Он соотносил «Обзор» со своей серией статей «Панславизм в прошлом и настоящем», опубликованных в «Вестнике Европы» 1878—1879 гг.[296] Переиздавая эти статьи А. Н. Пыпина в 1913 г., видный деятель народного образования В. В. Водовозов отмечал их направленность против славянофилов. «Не менее горячо, чем они, Пыпин любил славян и дорожил их культурным развитием, но ему был совершенно чужд тот шовинизм, который неизменно окрашивал все славянофильские стремления» [297]. Разумеется, в исторических очерках проявились не только сильные, но и слабые стороны, непоследовательность мировоззрения А. Н. Пыпина, его колебания между буржуазно-демократическим просветительством и либерализмом. Но в целом позиция А. Н. Пыпина имела для своего времени прогрессивный характер [298].

«Обзор русских изучений славянства» как по авторскому замыслу, так и по существу был своего рода историческим обоснованием его антиславянофильской публицистики. Но и сам «Обзор», отразивший взгляды А. Н. Пыпина как крупнейшего в России представителя культурно-исторической или, точнее, общественно-исторической, школы [299], имел отчетливо выраженный публицистический характер. «В настоящем случае, — пояснял автор, — мы хотели бы сделать краткое обозрение того, что знал русский народ о славянстве в прошедшие века и как шло в нашем обществе изучение славянства в два последние столетия» [300].

В соответствии с авторским замыслом «Обзор» состоял из трех разделов: «Время до-петровское», «До конца XVIII в.» и «Конец XVIII в.». Охарактеризовав знания древнерусского общества

о зарубежном славянстве, А. Н. Пыпин обращался к возникновению практического и научного интереса к нему, начиная с эпохи Петра I. Он особенно отмечал вклад в изучение славянских народов В. Н. Татищева (его «Российскую историю» он считал «едва ли не самым замечательным произведением русской историографии прошлого века»), М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, М. М. Щербатова и И. Н. Болтина. Вместе с тем, А. Н. Пыпин указывал на отсутствие строгого научного подхода к проблеме, приводил примеры наивного этимологизирования (М. М. Сумароков и др.). «Древнее славянство, — писал он, — все еще оставалось слишком смутным и об нем считалось возможным делать самые нелепые предположения» [301].

С конца XVIII в., отмечал А. Н. Пыпин, положение в этом вопросе стало постепенно меняться. Он связывал изменения и с общей международной обстановкой (особенно с турецкими войнами Екатерины II и Иосифа II) и с воздействием на русскую науку А. Л. Шлецера. «В первой четверти XIX в., — писал он, — полагаются первые прочные основы истинно научного исследования славянской древности и языка; во второй четверти возникает настоящее славяноведение; то и другое совершается русскими силами, занимающими высокое место в истории целой русской науки» [302].

Конкретизируя свой вывод в следующей работе, посвященной русскому славяноведению XIX в., Пыпин связывал «поворот к истинно научному исследованию» с историческими работами Н. М. Карамзина, анализом памятников древнеславянской письменности участниками кружка Румянцева, установлением устойчивых контактов с зарубежными славянскими учеными и накоплением фактических знаний о западных и южных славянах, начиная с эпохи Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов [303]. Высоко оценивая вклад в развитие славистики А. Х. Востокова, Пыпин вместе с тем отмечал роль славянских кафедр. Он обращал внимание и на подъем общественного интереса к славянам, в частности, среди декабристов. Значительная часть статьи посвящена характеристике современного А. Н. Пыпину русского славяноведения. Эта часть примечательна и тем, что автор фактически формулирует в ней свое понимание предмета славистики — изучение «славянской древности, истории, языка и этнографии» [304].

Позиция А. Н. Пыпина, как можно заключить, отличалась широтой постановки проблемы и ее прогрессивной в целом трактовкой. Пыпин увидел тесную связь возникновения и развития славянских изучений в России с общественным движением. При этом он не оставался только в сфере собственно славянской филологии, а стремился охватить всю сумму наук о славянах, во всяком случае в том объеме, который, по его мнению, к ней относился. Фактически Пыпин явился создателем первой по времени и по глубине постановки общей концепции истории отечественной славистики. Однако, концепция эта во многом была уязвимой. И это проистекало не только из методологии культурно-исторической школы, к которой принадлежал автор, но и из недостаточно точной интерпре-

тации им ряда уже известных к тому времени фактических данных.

Как и А. А. Кочубинский, А. Н. Пыпин не смог разобраться в характере эволюции славистических изучений в России. Верно ставя вопрос о необходимости отделения «донаучного» этапа от «научного», или, как он выражался, «настоящего славяноведения», А. Н. Пыпин думал, что предыстория славянских изучений не подготавливала его, а противостояла ему. «На том пути, — писал он, оценивая искания авторов XVIII в., — каким шли до сих пор даже умнейшие русские писатели, нельзя было сделать ничего» [305]. Противоречиво решал А. Н. Пыпин и вопрос о времени «установления» в России «настоящего» славяноведения.

Однако, при всех своих недостатках труды Кочубинского и Пыпина имели большое значение уже потому, что подводили научный итог целой полосе предшествующего накопления отдельных элементов историографического осмысления опыта отечественного славяноведения, открывая тем новый этап в исследовании его истории. И важно, что такое значение получили работы, авторы которых не только не разделяли панславистские и славянофильские доктрины, но, наоборот, выступали против них. Истоки разработки истории славистики в России восходили, таким образом, к прогрессивным и гуманистическим идеям, получившим распространение среди передовых кругов русской интеллигенции пореформенного периода.

Становление истории славистики как самостоятельного научного направления в системе отечественного славяноведения было одним из показателей зрелости процесса его развития.

Оно способствовало не только целостному осмыслению путей развития славистики, но и ее своеобразной логической интеграции как суммы дисциплин, связанных общим предметом исследования. Примечательно, что именно в 70—80-е годы XIX в. получили уточнение термины «славяноведение», «славистика» и «славянские изучения», которые с тех пор стали пониматься как синонимы [306]. Все это способствовало окончательному утверждению взглядов на сам предмет славяноведения.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 422.
[2] *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 257. По этому вопросу см. также: *Китаев В. А.* Славянофилы в первые пореформенные годы // ВИ. 1977. № 6. С. 19—36.
[3] *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960. С. 80—81, 92.
[4] Там же. С. 88. О Киевском славянском обществе см.: *Лященко Л. Г.* З історії діяльності Київського слов'янського товариства в 60-х і 70-х роках XIX ст. // Укр. іст. журн. 1973. № 8. С. 46—50.
[5] *Никитин С. А.* Указ. соч. С. 156—259, 349—350.
[6] См. разд. 1, гл. II.
[7] *Погодин М. П.* Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса. М., 1978. С. 24, 119.
[8] *Аксаков И. С.* Сочинения. М., 1886. Т. 1: Славянский вопрос, 1860—1886. С. 6, 44, 49, 311, 329.
[9] *Ламанский В. И.* Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871. С. 27, 270.

[10] *Ламанский В. И.* Изучение славянства и русское народное самосознание // ЖМНП. 1867. № 1. С. 147.
[11] *Киреев А. А.* Краткое изложение славянофильского учения. СПб., 1896. С. 32, 70.
[12] См.: *Осповат А. Л.* Достоевский и раннее славянофильство (1840-е годы) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1976. С. 175—181.
[13] *Тиличеев А. Д.* Гуманизм и национализм Достоевского: Заметки о Достоевском и славянофильстве. СПб., 1881. С. 10, 30, 46.
[14] Очерки истории исторической науки. М., 1960. Т. 2. С. 95—98.
[15] *Ламанский В. И.* Об историческом изучении. . . С. 11; *Миллер О.* Славянство и Европа: Статьи и речи 1865—1877 гг. СПб., 1877. С. 97—100.
[16] *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. СПб., Кн. 1. 1887. С. 51, 107, 130—131, 142, 147, 160; Кн. 2. 1890. С. VII, 567.
[17] *Трубецкой С. Н.* Разочарованный славянофил // Вестник Европы. 1892. № 10. С. 809.
[18] *Леонтьев К. Н.* Соч. М., 1912. Т. 7. С. 498—499.
[19] Цит. по: *Рабкина Н. А.* Исторические взгляды К. Н. Леонтьева // ВИ. 1982. № 6. С. 57—58.
[20] *Соловьев В. С.* Национальный вопрос в России. 3-е изд. СПб., 1891. Вып. 1. С. 32, 86, 99.
[21] Там же. С. 118, 151, 159—161, 171; Вып. 2. С. 30, 47—48, 116, 122.
[22] Там же. С. III. 322—324.
[23] *Милюков П. Н.* Разложение славянофильства: Данилевский. Леонтьев, Вл. Соловьев. М., 1893. С. 5, 8, 12, 14, 19—20.
[24] Там же. С. 21, 23—24, 26—27, 30—31, 33, 36.
[25] Там же. С. 44—45, 48—49, 51—53.
[26] *Градовский А. Д.* Национальный вопрос в истории и литературе. СПб., 1873. С. III—V.
[27] *Градовский А. Д.* Собр. соч. СПб., 1901. Т. 6. С. 170—171, 272, 307.
[28] *Пыпин А. Н.* Исторические очерки: Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1873. С. 241, 258, 267, 281.
[29] *Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 5, 27, 52—55, 71—72, 174, 180.
[30] Там же. С. 62, 147—149.
[31] *Пыпин А. Н.* Обзор русских изучений славянства // Вестник Европы. 1889. № 5/9.
[32] См.: «Колокол» Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева: Факс. изд. М., 1962. Вып. 5. Л. 1021—1028.
[33] *Бакунин М. А.* Речи и воззвания. Б. м., 1906. С. 183—208; *Он же.* Избр. соч.: В 5 т. Пг.; М., 1920. Т. 3. С. 70—74.
[34] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954—1965. Т. 12. С. 132, 205.
[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 260.
[36] Огарев — М. А. Бакунину / Публ. С. А. Никитина // М., 1956. С. 156—157. (Лит. наследство; Т. 63).
[37] *Писарев Д. И.* Соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 337.
[38] *Эльсберг Я.* Салтыков-Щедрин: Жизнь и творчество. М., 1953. С. 154—156; *Кирпотин В.* Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин: Жизнь и творчество. М., 1955. С. 449.
[39] *Ткачев П. Н.* Революция и принцип национальности // Соч.: В 2 т. М., 1976. Т. 2. С. 302—323.
[40] О взглядах М. П. Драгоманова по национальному вопросу подробнее см.: *Дьяков В. А.* В. И. Ленин об освободительном движении в Польше и его оценке М. П. Драгомановым // Ленин и Польша: Проблемы, контакты, отклики. М.: Наука, 1970. С. 67—114.
[41] *Ткачев П. Н.* Соч. Т. 2. С. 319—323.
[42] Революционное народничество 70-х годов XIX века, 1870—1875 гг. М.; Л., 1964, Т. 1. С. 26—27, 36—37.
[43] *Лавров П. Л.* Философия истории славян // 03. 1870. № 7. С. 78—79. Подробнее см.: *Дьяков В. А., Жигунов Е. К.* Народническое направление в русской славистической историографии и П. Л. Лавров // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 201—204.

[44] «Роль славян в истории мысли» П. Л. Лаврова / Публ. В. А. Дьякова, Е. К. Жигунова // Там же. С. 307—311, 318, 334—336, 355—356, 367.
[45] Подробнее: *Конюшая Р. П.* К. Маркс и Ф. Энгельс об историческом развитии России // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, Т. 2. С. 219—258; *Она же.* Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975.
[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 313. Подробнее см., в частности: *Полевой Ю. З.* Об исторических взглядах Г. В. Плеханова // ВИ. 1954. № 8. С. 48—64.
[47] ОРИЛ АН УССР. Ф. 99. Д. 20. Л. 85.
[48] Об А. Л. Дювернуа подробнее см.: *Laptevová L. P.* Moskevský profesor A. L. Djuvernua a jeho styky s Čechami // Českosl.-sov. vztahy. 1976. N 5. S. 57—82; *Лаптева Л. П.* А. Л. Дювернуа и его работы по истории славян // ССл. 1978. № 3. С. 59—73.
[49] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 38. Д. 218.
[50] *Кочубинский А. А.* Из моих воспоминаний: На память о Ниле Александровиче Попове (1863—1891) // Новороссийский телеграф. 1892. 3 янв.
[51] *Лаптева Л. П.* Сведения по истории славистики и русско-чешских научных связей в переписке Н. А. Попова с А. Патерой // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 290—298.
[52] *Попов Н. А.* Россия и Сербия: Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 по 1856 г. М., 1869. Т. 1—2. (Пер. на серб. яз. Београд, 1870).
[53] Например: Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861) / С предисл. и примеч. Нила Попова. М., 1879—1880. Вып. 1—3.
[54] ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 72. Д. 665; *Лаптева Л. П.* Изучение истории славян в Московском университете в конце XIX—начале XX в. (до 1917 г.) // Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. С. 286—293.
[55] ООГА. Ф. 153 (И. А. Линниченко). Оп. 1. Д. 932. Л. 1—4, 103—104; *Линниченко И. А.* История западных славян: Курс лекций. М., 1895.
[56] *Лавров П. А.* История Чехии. М., 1897. Литогр. изд.
[57] Подробнее об этом см.: *Лаптева Л. П.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. — 1917). М., 1979. С. 155—158.
[58] *Лавров П. А.* История Чехии. С. 281.
[59] См.: Протоколы заседаний ОИДР за 1848, 1857—1859 гг. // ЧОИДР. 1847/48. № 7. Отд. IV. С. III; 1858. Кн. 1. Отд. V. С. 144; Кн. 4. Отд. V. С. 112; 1859. Кн. 3. Отд. I. С. 126; 1860. Кн. 1. Отд. V. С. 222. Кн. 2. Отд. V. С. 242; 1861. Кн. 4. Отд. V. С. 203; ОР ГБЛ. Ф. 203. Кн. 14. Л. 573, 583—584.
[60] См.: *Белокуров С. А.* Указатель ко всем периодическим изданиям имп. Общества истории и древностей российских при имп. Московском университете по 1915 г. // ЧОИДР. 1916. Кн. 2. Отд. IV.
[61] Они выходили под названием «Древности: Труды Московского археологического общества» с 1865 по 1915 г.; каждый том состоял из нескольких выпусков.
[62] См. сообщение в: ИСБО. 1883. № 3 (декабрь). С. 31—32.
[63] *Пыпин А. Н.* Новые славянские исследования: (О кн.: В. И. Ламанский: О славянах в Малой Азии, Африке и в Испании) // Современник. 1860. № 4. С. 309.
[64] См.: *Laptěvová L. P.* Korespondence I. I. Sreznĕvského a A. Patery... // Českosl.-sov. vztahy. 1982. N 11. S. 97—112.
[65] Протоколы заседаний совета Санкт-Петербургского университета. СПб., 1870. С. 119; Протоколы заседаний Совета имп. С.-Петербургского университета. СПб., 1869—1880. С. 39; Энциклопедическое введение в славянскую филологию: Лекции проф. Срезневского, читанные в С.-Петербургском университете в 1876/77 г. СПб., 1877; ААНЛ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 750.
[66] См.: *Досталь М. Ю.* Библиографические заметки И. И. Срезневского о книгах чешских и словацких ученых в «Известиях» Отделения русского языка и словесности Академии наук // ССл. 1975. № 2, с. 82—88.
[67] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 141. Д. 3. Л. 1—2.
[68] Там же. Оп. 150. Д. 628. Л. 20, 21, 35 и др.
[69] Там же. Д. 1545. Л. 8.
[70] Ф. И. Успенский оставил о В. И. Ламанском интересные воспоминания. См. ЦГИА СССР. Ф. 757. Оп. 1. Д. 45.
[71] См.: Отчет о деятельности Санкт-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета с 11 мая 1869 по 11 мая 1870 г. СПб., 1870. С. 4—6; *Гильфердинг А. Ф.* Гус: Его отношение к православной церкви. СПб., 1871; *Бильбасов В. А.* Чех Ян Гус из Гусинца. СПб., 1869.

[72] Краткий очерк о деятельности ПО СБК (по 11 мая 1869 г.) // ЖМНП. 1869. № 7/8. С. 253.
[73] Краткий отчет о деятельности Санкт-Петербургского отдела... с 11 мая 1870 по 1 января 1872 г. // Там же. 1872. № 1. С. 126 («Очерк» опубликован в кн.: *Гербель Н. В.* Поэзия славян. СПб., 1871); ЛГИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 179. Л. 82.
[74] Секретные сведения о А. А. Котляревском из III отделения см. в архивном фонде министерства народного просвещения // ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 120. Д. 414. Л. 9.
[75] Отчет о присуждении наград графа Уварова (25 сент. 1869 г.). СПб., 1870. С. 240.
[76] Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Университета св. Владимира (1834—1884). Киев, 1884. С. 303—308.
[77] Биографические сведения см., в частности: КГГА. Ф. 16. Оп. 465. Д. 4822. Л. 22 и др.
[78] ОР ГПБ. Ф. 818 (Т. Д. Флоринский). Д. 53. Л. 1—2.
[79] Там же. Л. 3, 19.
[80] КГГА. Ф. 16. Оп. 339. Д. 136. Л. 1—3.
[81] Об А. И. Степовиче см.: ОР ЦНБ АН УССР. Ф. 179. № 1. Л. 1—10 («Жизнеописание» Степовича, составленное им самим и устраняющее допущенные в литературе о нем фактические неточности, в том числе год рождения).
[82] См. об этом: КГГА. Ф. 16. Оп. 474. Д. 83; Оп. 465. Д. 3871; ОР ЦНБ АН УССР. Ф. 179. № 260.
[83] Подробнее о Макушеве см.: *Laptěvová L. P.* O životě a díle ruského slavisty V. V. Makuševa // Slov. pr. 1983. Č. 4. S. 297—306; *Lapteva L.* Vikentij Makušev und Karl Hopf // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. B., 1982. Bd. 25/2. S. 107—121;
Она же. Развитие русской исторической мысли в XIX веке в области славяноведения // ВМУ. История. 1983. № 1. с. 40—42.
[84] Об Иосифе Первольфе (1841—1891) см.: *Лаптева Л. П.* Русская историография гуситского движения... С. 168—178.
[85] Сведения о Франтишке Иезбере взяты из ежегодно публиковавшихся «Обозрений преподавания предметов в имп. Варшавском университете», см.: ВУИ. 1872. № 4. С. 3; 1873. № 4. С. 3; 1874. № 4. С. 5—6; 1875. № 4. С. 5—9; 1877. № 4. С. 6; 1878. № 5. С. 6; 1879. № 4. С. 6; 1880. № 5. С. 6; 1881. № 6. С. 4; 1882. № 6. С. 4.
[86] См. приложения к официальному отделу следующих номеров ВУИ: 1872. № 2. С. 25—32; 1876. № 2. С. 35—37; 1877. № 1. С. 1—9; 1878. № 2. С. 1—12; 1879. № 2. С. 1—7, № 3. С. 1—7; 1882. № 4. С. 1—11.
[87] Автобиография, экземпляр для профессора Гатталы, Прага, 11 сентября 1881 г. // LAPNP. F. Makušev V. V., varia. Л. 16—18.
[88] Русский вестник. 1876. № 5. С. 5—36.
[89] *Грот К.* Славянские древности: (Лекции, читанные студентам ист.-филол. фак. Варшавского университета). Варшава, 1897; *Он же.* История чешской литературы: (Лекции). [Варшава, 1898—1899].
[90] См.: Программа лекций по истории польской литературы в 1882/83 г.: Курс специальный//ВУИ. 1883. № 1; Программа лекций по истории польской литературы в 1883/84 г. // ВУИ. 1882. № 6. С. 4; 1883. № 5.
[91] См.: например: ВУИ 1874. № 2. С. 41—42; 1875. № 4. С. 64, 75.
[92] Об этом см.: *Харлампиев К.* М. П. Петровский: [Некролог] // УЗКУ. 1912. Кн. 8. С. 13.
[93] Славистика в Дерптском университете // ИСБО. 1883. № 3. (дек.). С. 30—31.
[94] *Степович А.* А. Н. Ясинский (Некролог): Доклад в Обществе Нестора Летописца // ОР ЦНБ АН УССР. Ф. 179. № 47. Л. 3.
[95] Эти лекции впоследствии были изданы: Славянские древности: Лекции проф. В. И. Григоровича, читанные в 1867/68 г. в Новороссийском университете / Составлены слушателем его А. Смирновым // РФВ. 1879. № 2. С. 267—298; № 3. С. 95—108; 1880, № 1. С. 115—128; № 4. С. 222—240; Славянские наречия: Лекции проф. В. И. Григоровича, читанные в Новороссийском университете //

Там же. 1883. № 1. С. 83—98; № 2. С. 231—273; № 3. С. 1—24; № 4. С. 216—248.

[96] Двадцатипятилетие имп. Новороссийского университета: Историческая записка э. о. профессора А. И. Маркевича. Одесса, 1890. С. 237—238.

[97] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 147. Д. 332.

[98] См.: *Юрченкова Л. В.* А. А. Кочубинский как историк зарубежного славянства: Дис. . . . канд. ист. наук. М., 1983; *Кочубинский А. А.* Автобиографическая записка // Двадцатипятилетие имп. Новороссийского университета. С. 258.

[99] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 150. Д. 708. Л. 11—12.

[100] *Кочубинский А. А.* Ранняя история славян: Лекции, читанные в 1880 году. Одесса, 1880; *Он же.* Ян Амос Коменский в исторических судьбах своего народа // ЗНУ. 1893. Т. 59. С. 1—23; *Он же.* П. Й. Шафарик: Очерк из жизни русской науки полвека тому назад // Вестник Европы. 1906. № 5. С. 105—153; № 6. С. 437—475.

[101] Двадцатипятилетие имп. Новороссийского университета. С. 489—492.

[102] Сборник в память А. А. Кочубинского, изданный историко-филологическим факультетом при имп. Новороссийском университете. Одесса, 1909. С. 1—5.

[103] Сведения о преподавательской деятельности М. С. Дринова в Харьковском университете см., в частности: *Горина Л. В.* Лекции по истории зарубежных славянских народов М. Дринова в Харьковском университете (1873—1906) // ССл. 1983. № 6. С. 58—66.

[104] ЦГИА УССР. Ф. 2017. Оп. 1. Д. 1—2. Л. 2, 3 об.

[105] Там же. Л. 3 об.

[106] Там же. Д. 3. Л. 1—2.

[107] Там же. Ф. 733. Оп. 48. Д. 95. Л. 19—21, 30, 49; *Петровский М. П.* Отчет о путешествии по славянским землям // УЗКУ. Отд-ние ист. филол. и полит.-юрид. наук. 1863. Вып. 2.

[108] Указание в СДР на то, что М. П. Петровский в 1860 г. был магистром славянской филологии (с. 268) не соответствует действительности.

[109] О педагогической деятельности М. П. Петровского см.: *Харлампиев К.* М. П. Петровский. УЗКУ. 1912. Кн. 8. С. 1—23.

[110] О переводческой деятельности М. П. Петровского см.: *Левин Ю. Д.* Н. В. Гербель и его антология «Поэзия славян» // Славянские литературные связи. Л., 1968. С. 116—117; *Ровда К. И.* Русские славянофилы и чешская литература (50—60-е годы XIX в.) // Там же. С. 46—53; *Он же.* Чешская литература в русских переводах (50—60-е годы XIX ст.) // Славянские страны и русская литература. Л., 1973. С. 141—155.

[111] *Соболевский А.* Славяноведение в русской высшей школе // Славянские известия. 1909. № 5. С. 677.

[112] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 147. Д. 544.

[113] Там же. Оп. 150. Д. 1545. Л. 6.

[114] Там же. Оп. 151. Д. 267. Л. 302, 305.

[115] ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 72. Д. 665.

[116] Подробнее см.: *Лаптева Л. П.* Развитие русской исторической мысли в XIX в. в области славяноведения // ВМУ. Сер. История. 1983. № 1. С. 32—42.

[117] *Макушев В.* Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861; *Хвольсон Д.* Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских Абу Али Ахмеда бен Омар ибн Даста. СПб., 1869; Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.) / Собрал, перевел и объяснил А. Я. Гаркави. СПб., 1870; *Куник А., Розен В.* Известия аль Бакри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878; *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893 — 1894 гг. // Зап. АН. № 4. (1897). СПб., 1898; Византийские историки / Пер. с греч. С. Дестуниса. СПб., 1860; Сочинения Константина Багрянородного «О фемах», «О народах» / С предисл. Гавриила Ласкина. М., 1899.

[118] *Гильфердинг А. Ф.* Древнейшая история славян: Славяне на ряду других племен арийских // Вестник Европы. 1868, № 7. С. 223—291; № 9. С. 153—230; *Фаминцын А.* Божества древних славян. СПб., 1884. Т. 1—2; *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865—1869. Т. 1—3.

[119] *Гильфердинг А.* История балтийских славян. М., 1855. Ч. 1. С. 87.

[120] *Павинский А.* Полабские славяне в борьбе с немцами в VIII—XIII вв. СПб., 1871. О Павинском см.: СДР. С. 254—255.

[121] *Лебедев И. А.* Последняя борьба балтийских славян против онемечения. М., 1876; *Он же.* Обзор источников по истории балтийских славян с 1131 по 1170 г. М., 1876.

[122] *Лебедев И. А.* Крестовый поход немцев на славян 1147 г. // Русский вестник. 1873. Т. 108, № 11. С. 376—406.

[123] См.: *Первольф И. И.* Германизация балтийских славян. СПб., 1876; *Он же.* Варяги-Русь и балтийские славяне // ЖМНП. 1877. № 7. С. 37—98.

[124] *Котляревский А. А.* О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868; *Он же.* Древности юридического быта балтийских славян: Опыт сравн. изуч. слав. права. Прага, 1874. Включено в сочинения Котляревского (Т. 3, 4).

[125] *Фортинский Ф. Я.* Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872; *Он же.* Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г. СПб., 1877.

[126] Например: *Кочубинский А.* Полабане // ЗНУ. 1879. Т. 27; *Петров А.* Гербордова биография Оттона, епископа Бамбергского. СПб., 1883; *Ляскоронский В. Г.* Этнография по Адаму Бременскому. Киев, 1883; *Лавровский П. А.* Этнографический очерк кашубов // Филологические записки. Воронеж, 1873. Вып. 5. С. 1—10; *Голубовский П. В.* Хроника Дитмара как источник для русской истории // КУИ. 1878. № 9. Прибавления. С. 27—40.

[127] См.: *Лаптева Л. П.* Проблема германизации полабских и балтийских славян в русской дореволюционной историографии // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966. С. 171—191; *Lapteva L. P.* Das Sorbenbild in der russischen vorrevolutionären Geschichtsschreibung // Lětopis. B. 1965. N 12/1-2. S. 239—255.

[128] *Грот К.* Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в. СПб., 1881.

[129] *Бильбасов В. А.* Кирилл и Мефодий по документальным источникам (Monumenta diplomatica). СПб., 1868; *Он же.* Кирилл и Мефодий по западным легендам (Codex legendarum). СПб., 1871; *Воронов А. Д.* Главнейшие источники для истории св. Кирилла и Мефодия. Киев, 1877.

[130] Например: *Лавров П. А.* Житие Мефодия. М., 1895; *Ламанский В. И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-этическое произведение и как исторический источник. СПб., 1904.

[131] *Платонов И.* Жизнь и подвиги первоучителей славянских Кирилла и Мефодия. Харьков, 1862; *Князев А. С.* Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, просветители славян. СПб., 1866; *Беляев Н.* Свв. Константин (нареченный Кирилл) и Мефодий. М., 1876; *Архангельский А. С.* Свв. Кирилл и Мефодий и совершенный ими перевод Св. писания. Казань, 1885; *Голубинский Е.* Свв. Кирилл и Мефодий, первоучители славянские. М., 1885; *Малышевский И. И.* Святые Кирилл и Мефодий, первоучители славянские. Киев, 1886.

[132] *Лавровский П. А.* Кирилл и Мефодий как православные проповедники у западных славян. Харьков, 1863.

[133] Кирилло-мефодиевский сборник в память о свершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, изданный по определению Московского Общества любителей российской словесности М. Погодиным. М., 1865; Мефодиевский юбилейный сборник / Под ред. А. С. Будиловаича. Варшава, 1885.

[134] О них говорится, например, в работе: *Васильевский В. Г.* Законодательство иконоборцев // ЖМНП. 1878. № 10. С. 258—309; 1878. № 11. С. 95—129.

[135] *Соболевский А.* Церковнославянские тексты моравского происхождения // РФВ 1900. Т. 43, вып. 1/2. С. 150—217. (С. 180—217, прил.).

[136] *Лисовский Н.* Библиографический указатель книг и статей о славянских первоучителях свв. Кирилле и Мефодии. СПб., 1885; *Токмаков И.* Библиографический указатель литературы о свв. Кирилле и Мефодии, просветителях славянских. С приложением перечня исторических материалов, хранящихся в правительственных и общественных библиотеках. М., 1885.

[137] См.: *Laptěvová L. P.* V. E. Regel — ruský badatel Kosmy Pražského // Slov. př. 1977. Č. 2. S. 170—176.

[138] *Регель В.* Учредительные грамоты Пражской епархии // СбССЛам. С. 265—330; *Он же.* О хронике Козьмы Пражского: Критическое исследование. СПб., 1890. Издано также на немецком языке: Regel W. Ueber die Chronik des Cosmas von Prag. Dorpat, 1892.

139 См.: *Laptěvová L. P.* Karel IV. v ruské literatuře o husitském hnutí v 19. a začátkem 20. století // Slov. př. 1980. C. 1. S. 34—41; *Игнатович В. В.* Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни. СПб., 1864: *Дювернуа А. Л.* Станислав Зноемский и Ян Гус: Две главы из истории Пражского университета // МУИ. 1870. № 9; 1871, № 1, 3, 5 (также отдельно: М., 1871); *Суворов Н. С.* Средневековые университеты. М., 1898.

140 *Клеванов А. С.* Очерк истории чешского вероисповедного движения. М., 1876. Написано в конце 40-х годов, но печаталось в ЧОИДР в течение 1869—1875 гг.

141 *Надлер В.* Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе в конце XIV—нач. XV в. Харьков, 1864.

142 *Иванцов-Платонов А. М.* Очерк истории христианства у славянских народов // Православное обозрение. 1869. № 5. С. 661—695; *Лебедев А. С.* Несколько слов о религиозном положении Чехии // Там же. № 2. С. 250—263; *Смирнов Вс.* Чешские и моравские братья до сближения их с протестантами в половине XVI века // Там же. № 6. С. 823—852; № 7. С. 47—82; *Вертеловский А.* История гуситов; (До утверждения Базельских компактатов) // ТКДА. 1872. Т. 3, № 9. С. 74—110; 1873. Т. 1, № 2. С. 214—226; Т. 2, № 8. С. 114—239; *Ламанский В. И.* Видные деятели славянской образованности в XV, XVI, XVII вв. // Славянский сборник. 1875. Т. 1. С. 413—584; *Будилович А. С.* Не был ли православным человеком Иероним Пражский? // Христианское чтение. 1870. № 4. С. 684—708.

143 *Ровинский П. А.* Главные моменты в истории чешского народа // Современное обозрение. 1868. Т. 1, № 2. С. 270—284; № 3. С. 448—506.

144 *Венгеров С. А.* Причины гуситско-таборитского движения // Русская мысль. 1881. Кн. 12, Отд. 1. С. 75—119; *Он же.* Провозвестники гуситства // Там же. 1882. Кн. 1. Отд. 1. С. 180—207; *Он же.* Табориты и их общественно-политические идеалы // Вестник Европы. 1882, № 8. С. 597—607; № 9. С. 80—112.

145 *Анненков Ю. С.* Чешские сочинения Гуса и время их написания // ЖМНП. 1877. № 8. Отд. 2. С. 253—266; *Он же.* Гуситы в России в XV—XVI столетиях // Странник. 1878. Март. С. 1—46; *Ящуржинский Х. П.* Социально-политическое учение Гуса: (По его чешским сочинениям) // ВУИ. 1878. № 4. С. 1—41; *Герье В. И.* Гус: Гуситы // Энцикл. сл. / Брокгауз и Ефрон, 1893. Т. IXa. С. 929—934; *Кареев Н. И.* История Западной Европы в новое время. СПб., 1898. Т. 1. С. 372—402.

146 См. о нем: *Laptěvová L. P.* Ruský slavista I. S. Pal'mov a jeho styky s Čechami // Českosl.-sov. vztahy. 1980. N 9. S. 129—159.

147 *Пальмов И. С.* Вопрос о чаше в гуситском движении. СПб., 1881; *Он же.* Нравственный образ Иоанна Гуса // Славянские известия. 1916. Кн. 1. С. 9—20; *Он же.* Чешский гуситизм и его историческое значение // Там же. 1909. № 2. С. 163—176. № 3. С. 293—310; *Он же.* Исторический образ Иеронима Пражского // Там же. 1916. № 2. С. 28—44; *Он же.* Иаков из Стржибра // Православная богословская энциклопедия. Т. IV. С. 141—143.

148 *Annenkov J.* Příspěvek k životopisu Petra Chelčického // ČČM. 1880. Roč. 54. S. 537—541; O nově nalezeném rukopisu Petra Chelčického. Podávaji zprávu Juří Annenkov a Adolf Patera // Ibid. Roč. 56. S. 270—288. Последняя из названных статей вышла в русском варианте под названием: Мистр Противa — новый чешский писатель XV века // СбССЛам. С. 119—126.

149 Vypisky z Pařížského rukopisu spisů Štítného a Chelčického. Podává J. Annenkov // ČČM. 1885. Roč. 59. S. 394—402; Сочинения Петра Хельчицкого. I: Сеть веры. II: Реплика против Бискупца: Труд Ю. С. Анненкова // Сб. ОРЯС. СПб., 1893. Т. 55.

150 Их работы оценены в соч.: *Лаптева Л. П.* Эпоха Иржи из Подебрад в русской дореволюционной историографии // Culturs Pacis. Pr., 1966. S. 179—185; *Laptěvová L. P.* Moskevský profesor A. L. Djuvernua. . . S. 57—82; *Лаптева Л. П.* А. Л. Дювернуа и его работы по истории славян // ССл. 1978. № 3. С. 59—73.

151 *Гейдук Я.* Начало сознательной народной жизни чешского народа и магистр Иоанн Рокицанский. Одесса, 1886.

152 *Лавровский П. А.* Падение Чехии в XVII в. // ЧОИДР. 1868. Кн. 1. С. 1—77.

153 *Кочубинский А. А.* Братья подобои и чешские католики в начале XVII в. Одесса, 1873.

154 Например: Избранные падагогические сочинения Я. А. Коменского в переводе Андрея, Адольфа и Сергея Любомудровых. М., 1893—1894. Ч. 1—2; *Вейсман Н.* Амос Коменский и его дидактика // ЖМНП. 1892. № 8. С. 33—67; *Григорович В. И.* Амос Коменский — славянский педагог-реалист XVII столетия. Одесса, 1871; *Вознесенский П. И.* Очерк философских воззрений Коменского // Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1894—1895 гг. СПб. 1895; *Кочубинский А.* Ян Амос Коменский в исторических судьбах своего народа. Одесса, 1893.

155 Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861) / С предисл. и примеч. Нила Попова. М., 1880. Вып. II—III (Вып. II письма П. Й. Шафарика. Вып. III — Яна Коллара и В. Ганки); *Лавров П. А., Сперанский М. Н.* Письма П. Й. Шафарика к О. М. Бодянскому (1838—1857): С приложением писем П. Й. Шафарика к В. И. Григоровичу (1852—1856) // ЧОИДР. 1896. Кн. 1—2; Живая старина. 1891. Вып. IV. С. 167—174.

156 *Снегирев И.* Иосиф Добровский: Его жизнь, ученые литературные труды и заслуги для славяноведения. Казань, 1884. Оценка русской литературы о Добровском имеется в соч.: *Попова И. В.* И. Добровский в освещении русской историографии // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1982. С. 197—211.

157 Письма В. В. Ганки к А. С. Норову и барону А. С. Корфу. М., 1871 (отт. из ЧОИДР): Письма Вячеслава Ганки к О. М. Бодянскому. М., 1887; русская литература о В. Ганке проанализирована в соч.: *Кондаурова Л. П.* Оценка деятельности В. Ганки в чешской и русской историографии // Проблемы всеобщей истории. М., 1972. С. 143—151.

158 См., например: *Зигель Ф. Ф.* Палацкий как историк славянского права // ЖМНП. 1898. № 7. С. 146—163; *Пальмов И. С.* Франтишек Палацкий: (К столетию со дня рождения 14 июля 1798 г.). СПб., 1898; *Францев В. А.* Франтишек Палацкий: К столетию рождения великого чешского историка // Варшавский дневник. 1898. 7 июня. № 154.

159 Подробнее см.: *Лаптева Л. П.* П. Й. Шафарик в русской дореволюционной литературе // Sb. Nár. muz. Praze. C. 1967. Sv. 12, Č. 5. S. 253—337.

160 *Ламанский В. И.* Новейшие памятники древне-чешского языка // ЖМНП. 1879. № 1, 2, 3, 6, 7; 1880. № 6; *Макушев В. В.* Из чтений о старочешской письменности. Воронеж, 1879; *Кочубинский А. А.* Историки литературы славян // ЖМНП. 1880. № 5. Подробнее см.: *Лаптева Л. П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи в освещении русской литературы XIX и начала XX в. // Sb. Nár. muz. Praze C. 1973. Sv. 18, Č. 1/2. S. 1—40; *Она же.* Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России XIX—начала XX в. // Stud. slav. hung. 1975. N 21. S. 67—94.

161 *Экк А.* Ян Коллар: Очерк его жизни и деятельности и его поэма «Дочь Славы» (1793—1852). Варшава, 1900; подробнее см.: *Лаптева Л. П.* Ян Коллар в русской дореволюционной литературе // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970. С. 291—309; *Она же.* Людовит Штур в русской литературе XIX и начала XX в. // L'udovit Štúr und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava, 1969. S. 394—401.

162 *Иловайский Д. И.* Гродненский сейм 1793 г., последний сейм Речи Посполитой // Русский вестник. 1870. № 1, 3, 4, 6; *Костомаров Н.* Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1870. Т. 1—2; *Он же.* Костюшко и революция 1794 г. // Вестник Европы. 1870. № 1—3.

163 Сб. Русского исторического общества. СПб., 1873—1893. Т. 12, 20, 22, 27, 29, 37, 67, 87; *Ламанский В. И.* Допросы Костюшке, Немцевичу и другим и их показания // ЧОИДР. 1866. Кн. 3. Отд. V. С. 38—54; Кн. 4. Отд. V. С. 185—230; 1867. Кн. 1. Отд. V, С. 60—130; *Он же.* По случаю слуха о прибытии Костюшки в русские владения в 1798 г. // ЧОИДР. 1867. Кн. 2. Отд. V. С. 40—48; Бумаги К. С. Домбровского // Там же. С. 49—88; Из архива гр. В. Н. Панина: Бумаги о первом разделе Польши // Русский архив. 1871. № 11.

164 *Есипов Г. Ф.* Фридрих II и граф Панин: Прусская политика в первом разделе Польши // Беседа. 1871. Кн. 1.

165 *Де-Пуле М.* Станислав Август Понятовский в Гродне и Литве в 1794—1797 гг. 2-е изд. СПб., 1871; *Е. Л.* Польша и поляки при Станиславе Понятовском, 1774—1792 // Вестник Европы. 1874. № 7. С. 5—72; № 8. С. 429—470.

166 Крестьяне в Польше накануне последнего ее раздела [Перевод] // Славянский сборник. СПб., 1876. С. 69—139.

[167] *Чистович И. А.* Диссидентский вопрос в Польше в первой половине XVIII в. СПб., 1880; *Петров А. Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769—1774 гг. СПб., 1866—1874. Т. 1—5.

[168] *Кареев Н. И.* Польские реформы XVIII в. // Вестник Европы. 1889. № 5—6 (отд. отт.: СПб., 1890); *Он же.* Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888.

[169] *Брянцев П.* Очерк состояния Польши под владычеством русских императоров после падения ее до 1830 г. или до Первого восстания поляков. Вильна, 1895.

[170] Переписка Николая I с Дибичем // Русская старина. 1880. Т. 27—29; 1881. Т. 30, 32; 1882. Т. 34, 36; 1883. Т. 37; Переписка епископа-князя Гедройца с гр. Д. Блудовым и др. лицами во время польского мятежа 1831 г. // Русский архив. 1869. № 64. С. 1485—1542.

[171] *Смит Ф.* История польского восстания и войны 1830 и 1831 гг. СПб., 1863—1864. Т. 1—3; *Пузыревский А. К.* Польско-русская война 1831 г. СПб., 1886; 2-е изд. СПб., 1890; *Уманец Ф. М.* Александр I и русская партия в Польше // Исторический вестник. 1883. № 10; *Карнович Е.* Цесаревич Константин Павлович // Русская старина. 1877. Кн. 6—9; 1878. Кн. 1—3.

[172] *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность. СПб., 1896. Т. V; Приложения к Т. V. СПб., 1896.

[173] Например: *Карнович Е. П.* К истории польского восстания 1863 г.: Депеши итальянского посла при русском дворе маркиза Пеполи // Исторический вестник. 1884. № 9; *А. Б.* Из переписки кн. В. А. Черкасского с Н. А. Милютиным по польским делам // Славянское обозрение. 1892. № 1. С. 51—64, № 3. С. 359—378. № 7—8. С. 295—335, № 11. С. 306—329; *Брянцев П.* Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1891; *Гескет С.* Военные действия в Царстве Польском в 1863 году. СПб., 1894; *Гогель Н. В.* Иосафат Огрызко и Петербургский революционный ржонд в деле последнего мятежа. Вильна, 1867; *Ратч В. Ф.* Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России. Вильна, 1867—1868. Т. 1—2.

[174] *Дьяков В. А.* Польская тематика в русской историографии конца XIX — начала XX в.: (Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, А. Л. Погодин, В. А. Францев) // История и историки: Историографический ежегодник, 1978. М., 1981. С. 147—161.

[175] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868 (отт. из ЖМНП); *Барабашев А. И.* Витовт: Последние 20 лет княжения 1410—1430. СПб., 1891; *Он же.* Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы. СПб., 1885; *Коялович М.* Грюнвальдская битва 1410 г. СПб., 1885; *Барабашев А.* Танненбергская битва // ЖМНП. 1887. № 2.

[176] *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). СПб., 1893—1894. Т. 1—2 (Т. 1: Борьба из-за Ливонии; Т. 2: Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом); Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г., составленная по дипломатическим бумагам Н. Н. Бантыш-Каменским. М., 1860—1862. Ч. 1—3 (Ч. 1: 1487—1584; Ч. 2: 1584—1612; Ч. 3: 1612—1645); *Линниченко И. А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV стол. Киев, 1884. Ч. 1: Русь и Польша до конца XII в.; *Вержбовский Ф.* Материалы к истории Московского государства XVI—XVII стол. Варшава, 1896—1898. Т. 1—2 (Т. 1: Посольство Иоанна Кобельцеля в Москву в 1575—76 гг.; Т. 2: Война с Польшею в 1609—1615 гг.).

[177] *Любович Н. Н.* История реформации в Польше. Кальвинизм и антитринитарии. Варшава, 1883; *Он же.* Альбрехт герцог Прусский и реформация в Польше // ЖМНП. 1885. № 8; *Он же.* Папский нунций Комендоне в Польше: (Из эпохи начала католической реакции) // ЖМНП. 1887. № 1—2; *Он же.* Начало католической реакции и упадок реформации в Польше. Варшава, 1890; *Кареев Н. И.* Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М., 1886.

[178] *Янжул И. И.* Очерк исторического развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. Варшава, 1886.

[179] *Симоненко Г. Ф.* Очерки экономического положения крестьян в губерниях Царства польского: Статистический сборник с 25 картами, составленный по официальным данным. СПб., 1878; *Он же.* Сравнительная статистика Царства Польского и других европейских стран. Варшава, 1879; Статистика населенных мест в связи с условиями благосостояния сельского населения Сувалкской губернии / Под ред. и с предисл. Г. Ф. Симоненко. Варшава, 1891.

[180] См.: *Lapteva L. P.* Das Sorbenbild in der russischen vorrevolutionären Geschichtsschreibung. S. 239—255; *Лаптева Л. П.* История и этнография лужицких сербов в русской дореволюционной литературе // Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX—начале XX в. М., 1974. С. 364—386.

[181] *Гильфердинг А. Ф.* Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии. М., 1856.

[182] *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. 1063—1092. Имеются также издания на серболужицком и немецком языках.

[183] *Янчук Н. А.* Ян Эрнест Смолер: (По поводу годовщины его смерти) // ЖМНП. 1885. № 8. С. 25—42; *Грот К. Я.* Михаил Горник // Славянское обозрение. 1894. № 2. С. 170—194.

[184] *Францев В. А.* Матица Сербская в Будишине // ЖМНП. 1897. № 6. С. 302—331.

[185] *Прейс П. И.* Письма М. С. Куторге И. И. Срезневскому [И другим] (1836—1846) / (С предисл. В. И. Ламанского // Живая старина. 1891. Кн. 2. С. 108—136; Кн. 3. С. 3—47; Кн. 4. С. 3—42; *Срезневский И. И.* Путевые письма и заметки о сербо-лужичанах / С предисл. В. И. Ламанского // Там же. 1890. Кн. 1. С. 82—102.

[186] Печатались: ЧОИДР. 1860. Кн. 1; 1868. Кн. 1. Русское слово. 1861. № 10.

[187] *Попов Н.* Сербия после Парижского мира. М., 1871 (имеется также изданный в Белграде сербский перевод): *Он же.* О положении райи в современной Боснии // Славянский сборник. СПб., 1875. Т. 1. С. 315—412; *Он же.* Сербия и Порта в 1861—1867 гг. // Вестник Европы. 1879. № 2. С. 505—552; № 3. С. 210—277; *Он же.* Вторичное правление Милоша Обреновича в 1859—1860 гг. // Русская мысль. 1880. № 4, С. 1—38; № 9. С. 1—41; 1881. № 8. С. 1—39; *Он же.* Переписка барона Г. А. Строганова с Милошем Обреновичем в 1817—1826 гг. М., 1866; *Он же.* Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н. И. Надеждину // Русский архив. 1873. № 7. С. 1131—1221.

[188] *Макушев В.* Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской (Дубровницкою) республикою. М., 1865; *Он же.* Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника. СПб., 1867; *Он же.* Исторические памятники южных славян и соседних им народов, извлеченные из итальянских архивов. Варшава, 1874. Ч. 1, кн. 1; *Он же.* Задунайские и адриатические славяне: Статистические, этнографические и исторические очерки. СПб., 1867; см. также статьи и путевые заметки В. В. Макушева: ЖМНП. 1868. № 9—12; 1874, № 9; Русский вестник. 1866, № 3; 1869. № 7—9; 1873, № 7; Литературная библиотека. СПб., 1866.

[189] *Флоринский Т. Д.* Афонские акты и фотографические снимки с них в собраниях П. И. Севастьянова // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. 1880. Ч. 5.

[190] Первая часть монографии вышла под названием «Очерк истории Византии во второй четверти XIV в.» (ЖМНП. 1879. № 7—9), затем последовало отдельное издание: *Флоринский Т.* Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. СПб., 1881. Вып. 2.

[191] *Флоринский Т. Д.* Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков: Хрисовулы. Сербский законник: Сборники византийских законов. Киев, 1888; *Он же.* В память 500-летия Косовской битвы // КУИ. 1889. № 11. С. 73—100; *Он же.* Новые материалы для истории Дубровника // ЖМНП. 1880. № 9.

[192] Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению. Киев, 1891—1913. Вып. 1—16. Объем каждого выпуска составлял от 2 до 4 печ. л. До 1891 г. Флоринский публиковал аналогичные сведения в форме статей в КУИ.

[193] *Грот К.* Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах: Историко-этнографическое исследование. СПб., 1880; *Будилович А. С.* Очерки из сербской истории // Славянский сборник. СПб., 1877. Т. 2. С. 291—345; *Качановский В. В.* История Сербии с половины XIV до конца XV в. Киев, 1899. Т. 1: Критическое исследование источников.

[194] *Голубинский Е. Е.* Краткий очерк истории православных церквей болгар, сербов,

румын. М., 1871; *Пальмов И. С.* Исторический взгляд на начало автокефалии сербской церкви и учреждения патриаршества в древней Сербии // Христианское чтение. 1891. Кн. 3—4; *Он же.* Новые данные по вопросу об учреждении Сербской архиепископии св. Саввою в XIII в. // Там же. 1892. Кн. 5—6; *Ламанский В. И.* Записка Ст. Стратимировича, православного сербского и валахского народа митрополита... императору Александру Павловичу в 1804 г. об освобождении сербского народа вообще // ЧОИДР. 1868. Кн. 1. Отд. V. С. 238—256; *Каптерев Н. Ф.* Приезд в Москву за милостынею сербских иерархов. М., 1891; *Гацкевич И. Е.* Жизнь Досифея Обрадовича по его автобиографии и разбор его произведений со стороны языка и содержания // ВУИ. 1879. № 5. С. 1—32; № 6. С. 33—81; *Радченко К.* Досифей Обрадович и его литературная деятельность // КУИ. 1897. № 2; *Кочубинский А.* Сношения румынов и югославян при Петре I // ЖМНП. 1872. Т. 92. С. 52—140.

195 *Ламанский В. И.* Две черногорские грамоты к императрице Елизавете Петровне // ЧОИДР. 1868. Кн. 1. Отд. V. С. 233—237; *Роганович П.* Черногорский теократизм 1496—1851. Казань, 1899. *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1888—1915. Т. 1—3. Подробнее об этой кн. см.: *Лавров П. А.* П. А. Ровинский и его труды о Черногории // Изв. РГО. 1916. Т. 52. Вып. 7. С. 543—561 (отд. отт. — Пг., 1916); *Хитрова Н. И.* П. А. Ровинский (1831—1916) и югославянские народы // Годишњак Балканолошког института Балканика. II. Београд, 1971. С. 141—174.

196 ЖМНП. 1916. № 7. Отд. 4. С. 18.

197 Сербы и хорваты: (500-летний юбилей Косовской битвы) // Славянские известия. 1889. № 3, 4, 15—24, 26 (без указания автора). Список трудов см.: СДР. С. 69.

198 Например: *Маркевич А.* Юрий Крижанич и его литературная деятельность. Варшава, 1876 (отт. из ВУИ. 1876. № 1. С. 1—122; № 2. С. 1—103); *С. В.* Взгляд первого славянофила Юрия Крижанича на церковный раздор // ИСБО. 1884. № 7; *Брикнер А.* Юрий Крижанич о восточном вопросе // Древняя и Новая Россия. 1876. Т. 3, № 12. С. 385—395; *Белокуров С. А.* Юрий Крижанич в России. М., 1900.

199 *Макушев В.* Болгария в конце XII и первой половине XIII в. // ВУИ. 1872. № 3; *Он же.* Болгария под турецким владычеством, преимущественно в XV и XVI вв. // ЖМНП. 1872. № 10.

200 *Дринов М. С.* Заселение Балканского полуострова славянами. М., 1873.

201 Православный собеседник. 1864. Ч. 1—2.

202 *Осокин Н. А.* История альбигойцев и их времени. Казань, 1869. Т. 1.

203 Православное обозрение. 1875. № 7. С. 378—407; № 8. С. 533—572.

204 *Успенский Ф. И.* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891; *Флоринский Т. Д.* К вопросу о богомилах // СбССЛам; *Радченко К. Ф.* Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898; *Попруженко М. Г.* Синодик царя Бориса. Одесса, 1897—1899. Т. 1—2. (Т. 1: Текст. Т. 2: Исследование).

205 *Соколов М. И.* Компиляция апокрифов болгарского попа Иеремии // Материалы и заметки по старинной славянской литературе. М., 1888. Вып. 1—5; *Он же.* Один из источников богомильской «Книги св. Иоанна» // Тр. СК ИМАО. 1898. Т. 2.

206 *Сырку П. А.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1890. Перепечатано в Лондоне в 1972 г.; *Он же.* Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1898.

207 Софроний епископ Врачанский и его время (1739—1810) // Славянский сборник. СПб., 1877. Т. 2. Разд. IV. С. 1—26.

208 Оценка этой литературы предложена в кн.: *Улунян А. А.* Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1971. Здесь же приведена подробная библиография.

209 Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1898—1910. Вып. 1—96.

210 *Немцова Б.* Бабушка // Русский вестник. 1866. Т. 62. № 3—6. Пер. Э. Г. Петровской, в ее же переводе русские читатели познакомились с другими произведениями Б. Немцовой; *Ирасек А.* Горные рассказы // Славянский ежегодник. Киев, 1882. Вып. 5.

211 Об А. Н. Пыпине имеется большая литература, см., в частности: СДР. С. 288—289; *Мельц М. Я.* А. Н. Пыпин — исследователь фольклора зарубежных славян // РФ. VIII. Народная поэзия славян. Л., 1963. С. 357—373.

212 *Зотов В.* История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах. СПб., 1877—1881. Т. 1—3. Отзыв см.: *Ровда К. И.* Россия и Чехия: Взаимосвязи литератур, 1870—1890. Л., 1978. С. 161—162.

213 Всеобщая история литературы / Под ред. В. Корша, А. Кирпичникова. СПб., 1880—1892. Т. 1—4.

214 Подробнее см.: *Горский И. К.* Александр Веселовский и современность. М., 1975.

215 Напр.: *Брандт Р. Ф.* Историко-литературный разбор поэмы Ивана Гундулича «Осман». Киев, 1879; *Качановский В. В.* Неизданный дубровницкий поэт Антон Мареш Глегевич: Историко-литературное исследование. СПб., 1882; *Князев Г.* Мавр Ветранич, дубровницкий поэт XVI столетия: (Историко-литературные заметки). СПб., 1883.

216 *Соколов А.* Зарождение литературы у словенцев: Примус Трубер. Киев, 1878; [*Без автора*]. Очерк развития литературы у словенцев // Славянские известия. 1890. № 17.

217 *Кулаковский П. А.* Лукиан Мушицкий: Очерк из истории новой сербской литературы // ЖМНП. 1881. № 8; *Он же.* Вук Караджич: Его деятельность и значение в сербской литературе. М., 1882.

218 *Кулаковский П. А.* Иллиризм: Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения. Варшава, 1894.

219 *Лавров П. А.* Петр II Петрович Негош Владыка Черногорский и его литературная деятельность. М., 1887; *Ровинский П. А.* Петр II (Раде) Петрович Негош Владыка Черногорский, 1830—1851. СПб., 1889.

220 См.: Ежегодник Коллегии Павла Галагана. Киев, 1901; Отчет Киевского Славянского благотворительного общества за 1899 г. Киев, 1909.

221 *Грунский Н.* Очерки из истории новейшей хорватской литературы: Август Шеноа // Филологические записки. Воронеж, 1895. № 6.

222 Об изучении югославянских литератур в России в XIX в. имеется обстоятельная монография: *Беляева Ю. Д.* Литература народов Югославии в России. М., 1979.

223 *Григорович В. И.* Обзор славянских литератур: [Запись лекций]. Воронеж, 1880.

224 *Соколов М. И.* Материалы и заметки по старинной славянской литературе. М., 1888. Вып. 1—5; *Он же.* Болгарская письменность // Книга для чтения по истории средних веков / Под ред. проф. П. Г. Виноградова. 2-е изд. М., 1899. Вып. 2. С. 941—959.

225 *Петухов Е. В.* Болгарские литературные деятели древней эпохи на русской почве // ЖМНП. 1893. № 4. С. 298—322; *Он же.* Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895.

226 Беседа Козьмы Пресвитера на богомилов (X—XI в.) // Православный собеседник. Казань, 1864. Ч. 1. С. 483—500; Ч. 2. С. 82—108, 198—220, 310—330, 411—426; *Успенский Ф. И.* Синодик в неделю православия: Сводный текст с приложениями. Одесса, 1893.

227 Богумильство: Опровержение богумильской ереси: Евфимия Зигабена / Пер. с. греч.; Из бумаг С. Н. Палаузова // Православное обозрение. 1873. № 7. С. 158—182; № 8. С. 297—312; *Соколов М. И.* Один из источников богомильской книги св. Иоанна // Тр. СК ИМАО. 1898. Т. 2. С. 18.

228 *Попруженко М. Г.* Синодик царя Бориса. Одесса, 1897—1899. I—II (I: Текст; II: Исследование); *Лавров П. А.* К вопросу о Синодике царя Бориса. Одесса, 1899.

229 О Тивериадском море: По списку XVI в. // ЧОИДР. 1886. Кн. 2.

230 Сб. ОРЯС. 1883. Т. XXXII, № 4; Вестник Европы. 1872. № 4. С. 682—722.

231 *Качановский В. В.* К вопросу о литературной деятельности болгарского патриарха Евфимия (1375—1393) // Христианское чтение. 1882. Ч. II. С. 216—265; *Сырку П. А.* Несколько заметок о двух произведениях тырновского патриарха Евфимия // СбССЛам. С. 348—401.

232 Киевский митрополит Григорий Цамблак // Богословский вестник. 1895. № 7. С. 52—72; № 8. С. 157—199 (подпись S).

233 Например: *Ламанский В. И.* Болгарская словесность XVIII века // ЖМНП. 1869. Ч. 145.

234 Памятники болгарского народного творчества / Изд. В. В. Качановский. СПб., 1882.

235 Программа лекций, читанных орд. проф. В. В. Макушевым в 1878/79 уч. году // ВУИ. 1879. № 2. С. 1—7.

236 РФВ. 1879. № 1. С. 30—74; № 2. С. 210—252; *Макушев В.* Забытый польский поэт // Славянский ежегодник. Киев, 1878. Вып. 3. С. 53—62; *Он же.* Станислав Трембицкий, замечательнейший сторонник России в польской поэзии конца XVIII в. // Древняя и новая Россия. 1878. № 8. С. 261—283; *Он же.* Андрей Товианский: Его жизнь, учение и последователи: (По новым источникам) // Русский вестник. 1879. № 2. С. 477—513; № 5, С. 215—259, № 10. С. 453—493; *Он же.* Учение А. Товянского, преимущественно социально-политическое // Славянский ежегодник. Киев, 1882. Вып. 5. С. 95—131.

237 *Ламанский В. И.* Польский вельможа XV в. Ян Остророг. Андрей Фрич Модржевский // Голос. 1874. № 44, 60, 81, 91; *Дылевский Э.* Андрей Фрич Модржевский — польский политический писатель эпохи Реформации // ВУИ. 1883. № 6. С. 1—72; *Глокке Н. Э.* Ян Кохановский и его значение в истории польской образованности XVI века // КУИ. 1897. № 11. С. 1—112; № 12. С. 113—184; 1898. № 3. С. 185—307.

238 *Мицкевич А.* Пан Тадеуш / Пер. Л. И. Пальминова // Русская мысль. 1881. Кн. 3, 9; Избранные стихотворения Людвига Кондратовича (Владислава Сырокомли). М., 1879. Т. 1.

239 *Каль Е.* Очерки из новой польской литературы: Разбор поэмы Мицкевича «Пан Тадеуш» с исторической точки зрения // Славянский ежегодник. Киев, 1878. Вып. 3. С. 63—69.

240 Подробные данные можно найти в кн.: Адам Мицкевич в русской печати, 1825—1855: Библиографические материалы. М.; Л., 1957; *Стефанович В.* Юлиуш Словацкий: Биобиблиографический указатель: К 150-летию со дня рождения. М., 1959.

241 См. об этом: *Грибовская А.* Элиза Ожешко в оценке русской критики // Литературоведение: Тр. каф. рус. лит. Львов. ун-та. 1958. Вып. 2. С. 219—240.

242 Укажем, например: *Пиотровская А.* Мария Конопницкая и русская литература // Из истории связей славянских литератур. М., 1959. С. 78—116; *Ровнякова Л. И.* Вукол Лавров и распространение польской литературы в России // Славянские литературные связи. Л., 1968. С. 191—212; *Она же.* Анна Сахарова — критик и переводчик польской литературы // Славянские страны и русская литература. Л., 1973. С. 88—102.

243 *Гильфердинг А.* Чешская литература // Поэзия славян. СПб., 1871.

244 Сведения об этом см. в ст.: *Алексеева Л. Д.* Московский университет и становление преподавания этнографии в дореволюционной России // ВМУ. История. 1983. № 6. С. 54—62.

245 Впервые (с купюрами) в редактировавшемся В. И. Ламанским журнале «Живая старина» (1890. Вып. 1. С. 84—102), затем полностью в кн.: Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель, 1839—1842. СПб., 1895. В полном издании имеются сведения и о других славянских народах. В журнале «Живая старина» (1890. Вып. II. С. 56) напечатан (из бумаг И. И. Срезневского) «Сербо-лужицкий народный календарь». Характеристика И. И. Срезневского как этнографа см.: *Недо П.* И. И. Срезневский и серболужицкая фольклористика // РФ. VIII. М.; Л., 1963.

246 Подробнее см.: *Попов Н. А.* Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года. М., 1867.

247 См.: Протокол первого заседания этнографического отделения при ОЛЕАЭ от 22 дек. 1867 г. // МУИ. 1868. № 4. С. 361.

248 Протокол второго заседания этнографического отделения при ОЛЕАЭ от 20 апр. 1868 г. // Там же. № 8. С. 727—736.

249 Этнографическое обозрение. 1892. № 1. С. 6.

250 Русский вестник. 1864. № 10. С. 728—766; 1865. № 1. С. 212—240; № 5. С. 258—314; 1868. № 7. С. 81—98; Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины. Б. м., 1876. С. 289—305.

251 *Гильфердинг А. Ф.* О сродстве языка славянского с санскритским. СПб., 1853. С. 288.

252 Beitr. vergl. Sprachforsch. 1857. N 11. S. 256—257.

253 *Гильфердинг А. Ф.* Об отношении языка славянского к языкам родственным. СПб., 1853. С. 57—59.

254 *Ляпунов Б. М.* А. А. Кочубинский и его труды по славянской филологии: Сб. в память А. А. Кочубинского. Одесса, 1909. С. 49.

255 *Майков А. А.* История сербского языка по памятникам, писанным кириллицей, в связи с историей народа. М., 1857. С. 823.

256 Изв. ОРЯС. 1859. Т. 8, вып. 1, С. 47.

257 *Гильфердинг А.* Собр. соч. СПб., 1868. Т. 11. С. 20.

258 *Бессонов П. А.* Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар. С. 2, 3, 6, 7.

259 Там же. С. 28, 35 и др.

260 Там же. С. 110.

261 Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати. М., 1887. Вып. 3. С. 111.

262 *Дринов М.* Съчинения. С., 1915. С. 383.

263 Сборник за народни умотворения. С., 1880. Кн. 1. С. 26.

264 *Дринов М.* Съчинения. С. 349.

265 Подробнее см.: *Бернштейн С. Б.* М. С. Дринов — языковед // КСИС. 1957. Вып. 21. С. 37—50.

266 См.: *Бернштейн С. Б.* О некоторых вопросах изучения истории русского славяноведения // ВМУ. Филология. 1979. № 1; *Он же.* Еще раз о Срезневском // ССл. 1984. № 1.

267 *Шахматов А. А.* Записка об ученых трудах заслуженного профессора имп. С.-Петербургского университета В. И. Ламанского // Сб. ОРЯС. 1901. Т. 69. С. XI.

268 *Бернштейн С. Б.* Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР // Вопр. слав. языкознания. 1957. Вып. 2. С. 133.

269 *Ламанский В. И.* Новейшие памятники древнечешского языка // ЖМНП. 1879. № 2. С. 365.

270 ЖМНП. 1880. № 6. С. 334—335.

271 *Брандт Р. Ф.* Начертания славянской акцентологии. Нежин, 1880. С. 16.

272 *Булич С. К.* Грамматические заметки Романа Брандта // ЖМНП. 1886. № 11. С. 167.

273 *Ляпунов Б. М.* Краткий очерк ученой деятельности акад. И. В. Ягича. Одесса, 1901. С. 16.

274 *Ляпунов Б. М.* Памяти академика А. А. Шахматова // Изв. ОРЯС. 1925. Т. 29. С. 72.

275 *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избр. тр. по общ. языкознанию. М., 1963. Т. 11. С. 311.

276 Подробнее см.: *Мыльников А. С.* Становление истории славяноведения в России // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 113—136.

277 ЛО ААН. Ф. 106. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

278 Там же. Ф. 216. Оп. 1. Д. 798. Л. 2.

279 Там же. Ф. 216. Оп. 1. Д. 753. Л. 15—16.

280 *Срезневский И. И.* Обозрение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных // Торжественное собрание имп. Академии наук 29 декабря 1854 г. Спб., 1865. С. 113—144; Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского. Спб., 1873; *Срезневский И. И.* На память об О. М. Бодяиском, В. И. Григоровиче и П. И. Прейсе // Зап. АН. 1878. Т. 31. Кн. 1. С. 82—127.

281 *Срезневский И. И.* На память об О. М. Бодянском. . . С. 88.

282 См.: *Гусев В. Е.* Проблемы этнографии и народной поэзии в русских журналах 50—60-х годов XIX в. (по материалам «Современника» и «Отечественных записок») // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1956. Вып. 1. С. 235—261.

283 *Морошкин Ф.* О трудах Ю. И. Венелина по словенской истории // Маяк современного просвещения. 1842. № 12. С. 1—35.

[284] *Бессонов П. А.* Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию. М., 1857.
[285] *Срезневский И. И.* Вук Стефанович Караджич, очерк биографический и библиографический // Московский литературный и ученый сборник. М., 1846. С. 341—369.
[286] Он же. Указ. соч. С. 361.
[287] Он же. Воспоминания о В. В. Ганке. Спб., 1851.
[288] *Снегирев И. М.* Иосиф Добровский. Его жизнь, учено-литературные труды и заслуги для славяноведения. Казань, 1884.
[289] *Алексашкина Л. Н.* О. М. Бодянский и его роль в развитии русско-чешских связей (40—70-е годы XIX в.). М., 1973; *Досталь М. Ю.* И. И. Срезневский и его роль в развитии русско-чешских научных и культурных связей в 40—70-е годы XIX в. М., 1977.
[290] Достаточно сослаться в качестве примера на документальную биографию Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» (Кн. 1—22. Спб., 1888—1910. Неопубл. части хранятся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), на исследование П. П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом» (Т. 1—2. Спб., 1862), на публикацию Н. А. Поповым переписки между русскими и славянскими учеными, на фундаментальную «Историю Российской Академии» М. И. Сухомлинова (Т. 1—8. Спб., 1874—1888) и др.
[291] *Ламанский В. И.* Вступительное чтение // День. 1865. № 50. С. 1—2.
[292] *Майков А. А.* О славяноведении в России // БОЛРС. Вып. 2. М., 1868. Прилож. С. 13, 15.
[293] *Котляревский А. А.* Опоздалые листки из истории языка и литературы. Из «Филологических записок» 1863—1864 гг. Воронеж, 1870. С. 57, 67.
[294] *Кочубинский А. А.* Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев: Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887—1888. С. 1.
[295] *Ягич И. В.* О сочинении проф. А. А. Кочубинского. «Начальные годы русского славяноведения». Спб., 1890. С. 6—7.
[296] Вестник Европы. 1889. № 4. С. 589.
[297] *Пыпин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем / Предисл. и примеч. В. В. Водовозова. Спб., 1913. С. 3.
[298] Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 507; *Ровда К. И.* Россия и Чехия: Взаимосвязи литератур. 1870—1890. Л., 1978. С. 146.
[299] Академические школы в русском литературоведении. М., 1975. С. 128.
[300] Вестник Европы. 1889. № 4. С. 585—586.
[301] Там же. № 5. С. 204.
[302] Там же. № 6. С. 664.
[303] Там же. № 7. С. 272.
[304] Там же. № 9. С. 264.
[305] Там же. № 7. С. 272.
[306] Кроме упомянутых работ Кочубинского и Пыпина см.: *Будилович А. С.* Несколько замечаний об изучении славянского мира. Спб., 1878. С. 1; *Флоринский Т. Д.* Вступительная лекция. Киев, 1882 (отд. отт.) и др.

Глава IV

РУССКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В ПРЕДОКТЯБРЬСКОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ

1. Историческая обстановка и идейно-политические условия развития славистики

Вступление России в империалистическую стадию развития отразилось не только на экономике, но и на общественно-политической сфере. Возросли противоречия между буржуазией и пролетариатом, между помещиками и крестьянством. Подъем рабочего движения, начавшийся еще в конце XIX в., поражение царизма в русско-японской войне, а в особенности революция 1905—1907 гг. привели к значительной либерализации русского общества, росту политической активности различных слоев населения и смягчению цензурного гнета. Пролетариат России и рабочее движение заняли видное место в общественной жизни страны. В условиях нарастания революционного и национально-освободительного движения, усиления империалистической борьбы за доступ к сырью и рынки сбыта эксплуататорские классы — буржуазия и помещики — становились все более реакционными, а внешняя политика царизма — все более экспансионистской.

Известно, что В. И. Ленин неоднократно указывал на коренное отличие общеисторической обстановки «второй трети или третьей четверти XIX века» от той, которая к началу текущего столетия сложилась в восточной части Европы. В новых условиях «Польша не могла не потерять своего *исключительного* революционного значения» [1]. С перемещением центра общеевропейского революционного движения в Россию существенно изменилась роль западноевропейских «демократий» в борьбе с направленными против социального и национального гнета выступлениями народных масс. Подчеркивая это, В. И. Ленин писал: «. . . когда в начале XX века японская война и революция 1905 года нанесли сильнейшие удары царизму, международная буржуазия бросилась на помощь ему [. . .] Услуга за услугу. Царизм помогал не раз контрреволюционным буржуазным правительствам Европы во времена их борьбы с демократией. Теперь буржуазная Европа, ставшая контрреволюционной по отношению к пролетариату, помогла царизму в его борьбе с революцией» [2].

Сдвиги социально-экономического и политического характера привели к кардинальным переменам в расстановке политических сил на международной арене: произошел окончательный распад реакционного альянса трех монархий — Австрии (Австро-Венг-

рии), Пруссии (Германии) и России, — сложившегося во времена Священного союза. Переориентация внешней политики России началась еще в 90-х годах XIX в., а закончилась в 1904—1907 гг. оформлением империалистического блока Антанты. Русско-французское сближение и улучшение русско-английских отношений были в значительной мере вызваны экономической и политической экспансией Германии на Балканы, активно поддерживаемой Габсбургской монархией. В Германии к началу XX в. сложилась и получила правительственную поддержку внешнеполитическая доктрина, ориентировавшая страну на достижение статуса «мировой державы». Настойчивой пропагандой этой доктрины, полностью соответствующей агрессивной империалистической идеологии германского монополистического капитала, занимался Пангерманский союз и другие националистические организации. Они призывали к возрождению и развитию «Дранг нах Остен», чтобы на востоке и юго-востоке Европы «обеспечить германской расе те жизненные условия, в которых она нуждается для полного развертывания своих сил, даже если для этого должны будут поплатиться своим бесполезным для цивилизации бытием такие неполноценные народики, как чехи, словенцы и словаки» [3].

Шовинистическая пангерманистская пропаганда, буквально захлестнувшая Германию, получила определенную поддержку в Австро-Венгрии. Спекуляция по поводу «славянской опасности» и «русской угрозы» служили правительствам этих государств для обоснования быстро растущих расходов на вооруженные силы и для оправдания своих агрессивных акций военно-дипломатического характера. По этому поводу В. И. Ленин в 1913 г. писал: «Чтобы оправдать новые вооружения стараются, как водится, намалевать картину опасностей, угрожающих „отечеству". Германский канцлер пугает, между прочим, немецкого филистера *славянской опасностью*. Изволите видеть, балканские победы усилили „славянство", которое враждебно всему „немецкому миру"!!! Панславизм, идея объединения всех славян против немцев, — вот опасность, уверяет канцлер юнкеров» [4]. Все это, естественно, не могло не вызвать ответную волну антинемецких настроений в славянских странах, в том числе и в России.

В славянских странах еще в конце XIX в. было немало публицистов, общественных деятелей и ученых, которые все более отчетливо осознавали германскую угрозу и доказывали, что противодействие ей невозможно без скорейшего объединения усилий всех славянских народов. Призыв к славянскому единству находил отклик прежде всего среди тех слоев буржуазии и буржуазной интеллигенции, которых само развитие событий так или иначе втягивало в конкурентную борьбу с немецкой промышленностью, торговлей и культурой. Такими были объективные условия, которые вызвали к жизни «новую славянскую политику» или неославизм.

История неославизма в определенной мере связана с выходившим в Вене журналом «Славянский век», на страницах которого

его редактор Д. Н. Вергун опубликовал в 1904 г. серию статей о немецких притязаниях по отношению к славянским землям и Ближнему Востоку. В этих статьях и вышедшей в 1906 г. книге «Германский „Дранг нах Остен" в цифрах и фактах» он показал, что целью германской экспансии является создание «мировой империи немецкой нации», ориентированной прежде всего на порабощение и ограбление славянских народов. В связи с этим Вергун призывал своих единомышленников к объединению для организации «славянской самообороны». Неославистские сочинения Вергуна, который с 1907 г. заведовал славянским отделом петербургской газеты «Новое время», могут дать представление о той националистической и панславистской по своей основной направленности ответной реакции, которую вызвали у буржуазии и буржуазной интеллигенции славянских стран экономическая и политическая экспансия германского империализма, а также всячески поддерживаемая им пропаганда пангерманизма [5].

Со «Славянским веком» был связан И. В. Каменский, собравший свои очерки, напечатанные в этом издании, и опубликовавший их отдельной брошюрой в Одессе в 1902 г. Разрабатывая свои «принципы исторической жизни», Каменский ссылался на очень модные в те годы философско-социологические построения неопозитивизма. «Пылкие космополиты, — заявил он, — предвидят единение всего человечества на почве культурной солидарности. Если это и возможно, то не в близком будущем». Пока же европейцы — это «118 млн славян, столько же германцев, а также 110 млн романцев и латинян», и «племенная идея выражается у европейцев в виде панславизма, пангерманизма и панроманизма». На евразийском пограничье существует еще панэллинизм, а за пределами Европы — «панмонголизм, панамериканизм (северный)». Все эти «измы» Каменский объявлял теоретически правомерными, а первые три (т. е. панславизм, пангерманизм, панроманизм) даже осуществимыми в недалеком будущем [6].

Изложив «теоретические» основы своей концепции, Каменский сосредоточился на том, что он называл панславизмом. «Панславизм, как и всякая другая идея, — утверждал он, — есть кристаллизованная в сознании потребность. [. . .] Панславизм есть абстрактно сознанная идея конкретного сближения славян. В основе панславизма, стало быть, коренится потребность сближения». А поскольку потребность эта явление объективно существующее, постольку, рассуждал он, идея панславизма «выдерживает самую строгую социологическую критику». Бесспорно, говорилось далее, существуют «фанатики панславизма, которых идея эта [. . .] довела до убийства „врагов славянства". Но никто не назовет фанатиком панславизма царя-освободителя Александра II [. . .] Воинственные панслависты не редкость, но несравненно больше в Европе панславистов миролюбивых».

Каменский причислял себя и своих единомышленников к «неославянофилам, всеславянам молодого поколения» и сторонникам «племенного федерализма» в рамках славянского, германского,

романского или какого-либо другого «племени». По его убеждению, для создания предлагаемых им этногосударственных федераций в рамках названных «племен» необходимы самостоятельность или свобода культурной деятельности; равенство или равное участие всех народов в общекультурном труде; братство родственных народов для прекращения войн и создания естественного (а не искусственного) политического равновесия. Пытаясь уточнить эти довольно туманные требования, Каменский делал весьма существенное и характерное для его взглядов разъяснение: «Племенному федерализму [. . .] дорого свободное существование и самостоятельное развитие каждого народа в сфере братского союза, где все члены-братья равны. Истинный панславист с уважением и сочувствием относится к пангерманисту, панроманисту, сионисту, панисламисту, панамериканисту, панмонголисту, если только эти люди заботятся о соединении своих, а не о поглощении чужих, если они довольствуются своей территорией, а не мечтают о чужой» [7].

Автор концепции «племенного федерализма» вовсе не ограничивался этими обобщенно-националистическими положениями, он их конкретизировал, исходя из того, что в основу внутренней структуры федераций должен быть положен «этнографический» принцип. По части создания романской федерации Каменский не видел никаких затруднений. Труднее с германской федерацией, ибо, «прежде чем соединить все народы германского племени в одну федерацию, а славянского в другую, история должна разъединить австрийских немцев и славян». Для решения этой задачи Каменский без каких-либо колебаний предлагал присоединить Австрию к Германии, точнее, включить их обе в единую «федерацию германских племен», отделив от Германии Познанщину. Из остальных составных частей Австро-Венгрии, дополнив их Румынией и Трансильванией, а возможно, еще Албанией, Грецией и Болгарией, Каменский собирался образовать государство, которое могло бы принять название «Средне-европейские имперские соединенные штаты».

Продолжая перекраивать карту Европы во имя создания славянской федерации, Каменский предлагал осуществить обмен западной части Царства Польского, находившейся «за Вислой», на Галицкую Русь. Противоестественность таких манипуляций не очень смущала его, поскольку за первой стадией государственного сближения славянского племени должна сразу же следовать вторая стадия, а именно соединение двух «одинаково сильных славянских великанов». «Один из этих великанов, — читаем у Каменского, — Россия, содержащая в своих недрах и финнов, и грузин, и армян, и татар; другой великан — Средне-европейский имперский союз, содержащий в своем составе, кроме славян, и Грецию, и Румынию, и Венгрию, и Албанию. Константинопольский округ сделается нейтральным или же составит общее владение Всеславянского Двойственного союза». Кстати сказать, Каменский был убежден, что для международного общения внутри «Двойственного союза» должен будет служить русский язык [8].

Рассуждения и проекты Каменского могут показаться наивным прожектерством. Но оставить их без внимания нельзя, ибо сочинения подобного рода отражали настроения значительной части русской общественности, которые в той или иной мере воздействовали на мировоззрение не только политических, но и научных деятелей. Об этом свидетельствуют материалы Предварительного съезда русских филологов-славистов, который был созван в 1903 г. для определения задач и подготовки программы задуманного еще в 1899 г., но так и не состоявшегося международного конгресса специалистов по славяноведению. В дискуссиях, развернувшихся перед Предварительным съездом, на нем самом и впоследствии, не раз затрагивались и оживленно обсуждались многие из тех вопросов, которые привлекали особое внимание или отмечались как самые сложные в полупублицистических, полунаучных выступлениях Вергуна и Каменского. Много споров вызвал, например, вопрос об основном (для пленарных заседаний) и дополнительных (для заседаний секций) рабочих языках будущего конгресса. При этом А. С. Будилович весьма категорично возражал против включения в их число языка галицких русинов, который ему представлялся «искусственным русско-украинским жаргоном, созданным к тому же под сильным влиянием польского языка» [9].

К моменту возникновения неославизма на зарубежных славянских землях там уже существовали буржуазно-националистические партии типа младочехов под руководством К. Крамаржа, коалиции сербских и хорватских политических деятелей, образовавшейся в 1905 г. во главе с Ф. Супило и А. Трумбичем, а также польской партии национальной демократии во главе с Р. Дмовским. Внутреннее сплочение тех неоднородных сил, которые вошли в состав этих организаций, растущее стремление к контактам и сотрудничеству между ними в немалой мере стимулировались необходимостью создания единого фронта для противодействия германской политике «Дранг нах Остен», для борьбы с австро-немецким и венгерским господством на землях западных и большей части южных славян [10].

В России аналогичные партии сложились под влиянием событий 1905—1907 гг. Характеризуя их идейно-политический облик, В. И. Ленин писал: «Национализм великорусский, как и всякий национализм, переживает различные фазы, смотря по главенству тех или иных классов в буржуазной стране. До 1905 года мы знали почти только национал-реакционеров. После революции у нас народились *национал-либералы*». В 1914 г., по словам В. И. Ленина, на национал-либеральных позициях стояли «фактически и октябристы и кадеты [Кокошкин], т. е. вся современная буржуазия» [11].

С генезисом идей неославизма в России безусловно связана попытка основать в Петербурге Славянский союз (конец 1905—начало 1906 г). Ее предпринял В. П. Сватковский, видя цель этой организации в практическом осуществлении «всеславянского единения как мирного противовеса наступательным планам воинст-

вующего германизма». Провозглашая новые принципы «славянской идеи», Сватковский высказывался за равенство больших и малых славянских народов, а также тех народов, которые захотели бы присоединиться к «славянскому миру». Кроме этого, он выступал за равноправие всех имеющихся у славян вероисповеданий, особо подчеркивал необходимость «упорядочения вопроса польского и малорусского». Именно эта программа несколько позже получила в русских газетах, прежде всего кадетских, название «неославизма» [12].

Организационное оформление российского неославизма началось летом 1907 г. и было связано с планами проведения всеславянского съезда. В России данный замысел поддержали буржуазные партии, он был одобрен и правительственными кругами при условии, чтобы программа съезда не выходила за рамки культурно-просветительских задач и благотворительности. План созыва конгресса вызвал интерес и сочувствие у зарубежных славян, прежде всего в австрийской части Габсбургской монархии, где после майских выборов 1907 г. славяне получили большинство в рейхсрате. Из славянских депутатов рейхсрата был образован специальный Подготовительный комитет, который в апреле 1908 г. встретился в Праге с представителями петербургского Клуба общественных деятелей, созданного в 1905 г. и объединявшего буржуазно-либеральную часть членов Государственной думы и Государственного совета с близкими им кругами российской интеллигенции. Обе стороны осторожничали, боясь запрещенного им свыше вторжения в политику. «Новая славянская программа», обсуждавшаяся на совещании, фактически свела цели сплочения славян к заботе об экономическом и культурном процветании. Вместо германской опасности на совещании говорилось лишь о «противнике вообще».

Важной помехой организационному оформлению неославизма являлись противоречия по польскому вопросу. Буржуазно-либеральные круги в России готовы были согласиться на автономию Царства Польского, аргументируя это, с одной стороны, необходимостью укрепления западных границ России, а с другой — желанием нейтрализовать опасения зарубежных славян в отношении «панславистских планов» царизма. П. Б. Струве, в частности, указывал на «экономическую прикрепленность Польши к России» и убеждал правительство сделать так, чтобы польское население «было довольно своей судьбой»; потери, заявлял он, окупятся, ибо «либеральная польская политика в огромной степени» поднимет престиж России в славянском мире» [13]. Однако большинство Государственной думы, как и правительственные инстанции, были весьма далеки от «умеренности» в польском вопросе, что снижало активность русских либералов в осуществлении «новой славянской программы». Без уступок в этой области не хотели идти на сотрудничество в рамках неославизма соответствующие польские группировки, в том числе национальные демократы. Их главой и в то же время депутатом от Привисленской губернии и руководителем

Польского кола в Государственной думе был Р. Дмовский; с лидером младочешской партии К. Крамаржем у него была тайная договоренность о взаимной поддержке [14].

Польская программа неославизма изложена в книге Р. Дмовского «Германия, Россия и польский вопрос», вышедшей на польском языке в 1908 г. во Львове, а на следующий год появившейся в русском переводе, который был напечатан одной из петербургских типографий [15]. Указывая на то, что обострение русско-австрийских и особенно русско-германских противоречий создает благоприятные условия для борьбы за польские национальные интересы, Дмовский в то же время не верил в возможность положительного решения вопроса о национальной независимости Польши в тогдашних условиях. Поэтому он фактически ограничивал свои задачи борьбой за культурно-национальную автономию и заявлял: «Польская политика в каждой части Польши признала принадлежность поляков к данному государству как факт и как основу своей программы. Ее стремлением в каждом государстве является достигнуть возможно благоприятных условий национального развития, наиболее широкого признания национальных прав и вместе с тем особых политических учреждений, соответствующих национальной самобытности [. . .]. Это было достигнуто только в австрийском государстве, которое примирилось с существованием поляков как народа и с существованием польского патриотизма». Дмовский резко критиковал «узкий великорусский национализм». В качестве альтернативы он предлагал России выйти на «новый путь развития общественных сил как русского народа, так и иных входящих в состав государства и вместе с тем на путь широкой [. . .] славянской политики». Германию Дмовский считал в то время главным врагом Польши, и именно это являлось, по его мнению, основой для укрепления российско-польского сотрудничества, главным образом в экономической и культурной сферах.

Концепция Дмовского, таким образом, совпадала с российским неославизмом по меньшей мере в двух важных пунктах: в выдвижении на первый план германской опасности и в призыве к осуществлению «широкой славянской политики». Базой для российско-польского компромисса Дмовский предлагал считать установление автономии Царства Польского и обещание некоторых других уступок со стороны царизма в культурно-национальной сфере. Не случайно один из русских неославистов, снабдивший предисловием русский перевод книги Дмовского, всячески восхвалял ее автора и писал: «. . .глава нового движения в Польше [. . .] чутко понимает наши общие — русские и польские — интересы, которые он мастерски рисует [. . .] и которые так много обещают в случае постановки русско-польских отношений на почву славянского вопроса». Весьма симптоматично, что в предисловии есть места, касающиеся освещения польской темы в русской художественной и научной литературе, с удовлетворением отмечаются перемены к лучшему и называются, в частности, недавно вышедшая книга А. Л. Погодина о политических течениях в Польше

и «История новейшей польской литературы» А. И. Яцимирского [16].

В июле 1908 г. в Праге состоялся первый съезд неославистов, на котором присутствовали делегация от России (23 человека, в том числе 9 членов Государственного совета и Думы), а также представители зарубежных славянских народов, за исключением словаков и лужицких сербов (среди поляков было представлено только Царство Польское). Приехали в основном участники различных буржуазных партий и организаций, отчасти деятели культуры и ученые. Директива, полученная русской делегацией, обязывала ее не допускать, чтобы русско-польские отношения стали предметом обсуждения на съезде. Польская же делегация приехала с твердым намерением добиться от русской стороны заверения, что в России полякам будут предоставлены дополнительные возможности для развития национальной культуры. Назревавший конфликт был устранен посредничеством К. Крамаржа, который уговорил русскую делегацию сделать заявление о необходимости ликвидации препятствий на пути культурного и экономического развития поляков в России. Решения съезда по другим вопросам также были зафиксированы в уклончивых и половинчатых формулировках. Наиболее деловым был чешский проект создания Славянского банка, но и он остался на бумаге [17]. По поводу результатов съезда одни выражали сожаление, другие — радость, но даже самые ярые адепты неославизма понимали, что на пражской встрече больших успехов достигнуть не удалось.

Серьезный удар только что оформившемуся неославистскому движению был нанесен боснийско-герцеговинским кризисом 1908—1909 гг. Его исход воочию показал, что поддержанной Германией аннексии со стороны Габсбургской монархии не смогли оказать реального противодействия ни правящие круги Российской империи, ни участвовавшая в Пражском съезде буржуазно-либеральная общественность славянских стран. Кадеты и их соратники по неославистской пропаганде не имели достаточного влияния, да и не очень хотели добиваться сколько-нибудь существенных уступок со стороны царского правительства, хотя на словах продолжали ратовать за «новую славянскую программу», интерпретация которой в их воззрениях довольно быстро эволюционировала вправо. Именно в то время В. И. Ленин писал: «Та „оппозиция“, которую хотели чинить самодержавию кадеты по случаю дипломатических поражений России на Балканах, оказалась — как и следовало ожидать — мизерной, беспринципной, лакейской оппозицией, *льстившей* черносотенцам, *разжигавшей* аппетиты черносотенцев, *журившей* черносотенного царя за то, что он, черносотенный царь, недостаточно силен». Далее, адресуясь непосредственно к кадетам, В. И. Ленин заявлял: «В вашем национализме, неославизме и т. п. была корыстная, узкоклассовая буржуазная сущность и звонкая либеральная фраза» [18].

Национализм реакционный и национализм черносотенный все более тесно переплетались с идеологическими установками и деятельностью неославистов. Это отчетливо проявилось на съезде

представителей славянских обществ России, состоявшемся в апреле 1909 г. в Петербурге. Национал-либеральная точка зрения на сложившуюся обстановку была изложена в докладе «Германия и славянство», подготовленном главным образом Н. П. Аксаковым, но в связи с его смертью прочитанном С. Ф. Шараповым. Признание Россией австрийской аннексии Боснии и Герцеговины рассматривалось в докладе как «поистине печальный шаг», нейтрализовать который можно лишь объединением славян для защиты от германской опасности. В связи с необходимостью «противопоставить Германии не разрозненное и враждебное друг другу, а цельное и единое славянство» доклад особое внимание уделял русско-польским взаимоотношениям. «Славянское решение польского вопроса, — говорилось в нем, — есть восстановление законнейших прав польского народа внутри его этнографической черты, выражающееся в полной земской автономии Царства Польского, с возвращением польского языка местной администрации, суду и школе, и полным равноправием поляков в остальной России».

Полонофобская политика царского правительства резко осуждается Аксаковым и Шараповым еще и за то, что она вредит нормальным взаимоотношениям Российской империи с западными и южными славянами. «Благодаря этой политике, — говорится в докладе, — нам совершенно справедливо не доверяет никто: не только католики — чехи, хорваты и словенцы Австрии, но и спасенные нами от турецкого рабства православные сербы и болгары, опасающиеся, сплотившись вокруг России, очутиться в одно прекрасное утро в „Задунайской“ губернии или „Присавском крае“». В докладе подробно развивался план «завоевания» австрийского рейхсрата славянами и превращения Австрии в юго-западный славянский бастион, прикрывающий западные границы Российской империи. Авторы текста заявляли: «Если для России современная Австро-Венгрия является непримиримым врагом, то та же Австрия, ставшая искренно славянской, явится дорогой и желанной союзницей» [19].

Осуществление изложенных планов, утверждается в докладе, положило бы начало переходу от русской государственности к государственности общеславянской. «Если мы уже доросли до славянской государственности, — читаем в нем, — то при чем здесь господствующая народность? Хозяин славянского государства есть одинаково каждое из славянских племен на своей законной территории [. . .]. Переход России от русского к славянскому национализму явится тем более естественным, что русский империализм уже потерпел полное банкротство, и сил одного русского народа, вдобавок ослабленного и истощенного своей бестолковой государственностью, решительно не хватит на поддержание былого государственного единства и возрождение былой мощи. Приходится выбирать между опасностью разложения России внутреннего, германского нашествия внешнего и переходом к славянской политике, коей единственная основа — признание полного

равноправия всех славянских племен и коей первый шаг — восстановление национальных и земских прав польского народа». Как видим, внешнеполитические решения, предлагаемые московскими неославистами в 1909 г., имеют немало общего с теми умозрительными построениями, которые за 7 8 лет до этого развивал И. В. Каменский.

Почетным председателем на съезде был избран В. И. Ламанский, но ему было доверено только наблюдение за регламентом, фактически председательствовал А. А. Башмаков.

Содержание и результаты острой дискуссии, которую вызвал доклад Н. П. Аксакова и С. Ф. Шарапова особенно важны потому, что на съезде присутствовали видные общественно-политические деятели, крупные ученые-слависты (в том числе Д. Н. Вергун, В. И. Гурко, П. А. Кулаковский, Н. Н. Львов, П. Н. Милюков, А. Л. Погодин). По свидетельству С. Ф. Шарапова, прочитанный им доклад застал врасплох менее либерально настроенных делегатов, прежде всего из состава организовавшего съезд Петербургского общества славянской взаимности, и сразу же вызвал раскол среди присутствующих. «На одну сторону, — пишет Шарапов, — вместе со мною встали представители так называемого неославянофильства с г. г. Милюковым, Львовым и Погодиным во главе, на другую — „казенные" славянофилы и „истинно русские" националисты с вожаками в лице проф. Кулаковского, Башмакова и Вергуна. Несколько особняком стоял В. И. Гурко со своим поклонением Германии. . .» Шарапов особо подчеркивает, что «славянскую программу», содержащуюся в прочитанном им докладе, активно поддерживал от имени Московского общества славянской культуры П. Н. Милюков, но с огорчением отмечает, что внутри представляемого им самим Аксаковского общества не было единства и некоторые его члены даже печатно отмежевывались от той позиции по польскому вопросу, которая излагалась в докладе. Солидарность с основными положениями доклада выразили 20 участников съезда, подавляющее же большинство голосовало против [20].

Аналогичные противоречия раскалывали все неославистское движение, организационно оформленное Пражским съездом 1908 г. На заседании избранного в Праге Исполнительного комитета, состоявшемся в Петербурге (май 1909 г.), сербские представители упрекали за бездействие в связи с боснийско-герцеговинским кризисом славянских депутатов австрийского рейхсрата, а те переадресовывали этот упрек России [21]. «Русская политика, — заявлял К. Крамарж, — привела к тому, что Австрия соединилась с Германией такой крепкой связью, какой еще не было» [22]. По разным причинам, но одинаково быстро ослабевали русско-польские и чешско-польские связи неославистского характера. Из-за столкновения интересов российской и чешской буржуазии расстраивались надежды на экономическое сотрудничество, воплощавшиеся в проекте Славянского банка. Указанные тенденции еще отчетливее проявились в феврале 1910 г. на следующем заседании Исполнительного комитета, обсуждавшем программу второго международного съезда сторонников неославизма.

Состоявшийся 24—28 июня 1910 г. славянский съезд в Софии продемонстрировал окончательное перерождение неославизма и победу в нем тех тенденций, которые в России активно поддерживали черносотенцы и реакционеры всех мастей. Под давлением царского правительства и правого крыла неославистов из повестки дня съезда был полностью исключен польский вопрос. В связи с этим, а также из-за нежелания открыто сотрудничать с крайне правыми кругами от участия в съезде отказались те славянские общества в России, в которых более или менее значительный вес имели буржуазные либералы, в частности московское Общество славянской культуры. Первоначально Общество решило делегировать на съезд П. Н. Милюкова, М. М. Ковалевского, А. Л. Погодина, Н. Н. Баженова, М. А. Словинского, И. А. Бороздина. Когда же стало известно, что поехать разрешено всего одному представителю от Общества, а программа съезда будет строго ограничена рассмотрением ситуации на южнославянских землях, решение было изменено. Аргументируя отказ от участия в съезде, председатель Общества Ф. Е. Корш писал, что оно, во-первых, не считало себя уполномоченным на обсуждение «политических вопросов, квалифицированных как таковые, помимо их связи с вопросами культурными», во-вторых, программа относилась «преимущественно, если не исключительно к южным славянам», а рассмотреть было бы необходимо важные проблемы «современного положения всех славянских народов без различия, как было установлено Пражским съездом» [23].

По рекомендации председателя Петербургского клуба общественных деятелей М. В. Красовского в Софию были приглашены особо заслуженные русские славяноведы, писатели и профессора. Приглашения на съезд были трех категорий: 1) для участников Пражского съезда; 2) для «искренних сторонников славянского единения»; 3) для наблюдателей от учреждений, которых могла бы заинтересовать намеченная программа. Все это привело к тому, что подлинных последователей идей неославизма, тем более в их первоначальном виде, оказалось в русской делегации очень немного. Не случайно либеральные «Русские ведомости», оценивая результаты софийского съезда, констатировали, что «все решения — в духе пражских резолюций, но на всем положен какой-то специфический налет желанья выслужиться перед кем-то [. . .]. Кажется, что все злые силы соединились для того, чтобы погубить, окончательно дискредитировать в глазах нашего, русского, общественного мнения дело, начатое в Праге в 1908 г.» [24].

Таким образом, организационно оформленное неославистское движение просуществовало всего несколько лет. Неославизм же как идеологическое течение возник значительно раньше и продолжал существовать после 1910 г. Практически на протяжении всего предреволюционного двадцатилетия он оказывал немалое влияние на политическую и научную жизнь страны. Неославист-

ская идеология в значительной мере определяла тематику, содержание, основную идейную направленность и важнейшие конкретные оценки буржуазно-либеральной историографии, в особенности той ее части, которая связана с изучением прошлого России и зарубежных славянских народов. Именно под влиянием неославистской идеологии резко изменилось отношение к изучению прошлого и настоящего, культуры и языка польского народа.

В сфере общественных отношений и культуры тогдашнее русско-польское сближение осуществлялось в двух направлениях. Первое из них (его можно назвать общественно-политическим) с российской стороны было представлено, как уже отмечалось выше, кадетскими или кадетствующими деятелями типа П. Н. Милюкова и П. Б. Струве, а с польской стороны — Р. Дмовским и некоторыми другими эндеками. Другое направление, которое можно назвать культурным или литературно-художественным, не имело столь четко выраженной политической программы. Нередко с призывами к польско-русскому сближению в области культуры выступали общественные деятели, придерживающиеся более левых взглядов. Призывы к широко понимаемому культурному сотрудничеству увлекали писателей, художников, театральных деятелей, что содействовало общему «потеплению атмосферы». Л. Н. Толстой именно в тот период написал повесть «Хаджи-Мурат» и рассказ «За что?», в которых нашли свое выражение его полонофильские настроения. С польской стороны аналогичные позиции занимали известные литераторы, связанные с «варшавским» позитивизмом, например А. Свентоховский, который многое сделал для популяризации в Польше русской классической литературы [25].

Неославистская идеология оставила заметный след в творчестве таких видных русских историков, как Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, А. Л. Погодин, В. А. Францев, — их научная специализация в значительной мере связана с историей Польши. В частности, Н. И. Кареев в 1879—1885 гг. преподавал в Варшавском университете и написал историографическое исследование по проблеме утраты Польшей государственной независимости. В нем он призывал к объективному освещению любых «национальных вопросов» [26]. Впоследствии Кареев неоднократно выступал с публицистическими статьями такой же направленности в периодике, а в 1905 г. переиздал эти статьи в сборнике «Polonica», признавшись, что последние из вошедших туда работ написаны совсем недавно «под влиянием вступления русско-польского вопроса в новую фазу». Кареев специально указывал, что изданием сборника он хотел бы внести свою лепту в русско-польское сближение и потому рассчитывает, кроме русских, и на читателей из числа «поляков, понимающих по-русски» [27].

Особенно интересны у Кареева четыре статьи, впервые опубликованные в газетах за несколько месяцев перед появлением сборника «Polonica». В первой из них он призывал русских и поляков «стараться узнать и понять» друг друга и выражал сожаление,

что в глазах «иноплеменников» официальная Россия «совершенно закрывает Россию неофициальную, русское общество и русский народ». Во второй статье любопытно стремление подчеркнуть опасность германской экспансии на восток и использовать ее в качестве аргумента для русско-польского сближения. Подводя итог своим рассуждениям по этому поводу, Кареев писал: «И политическая, и экономическая опасность для польской национальности со стороны наступающего германизма хорошо осознается и поляками, и русскими, а это представляет собой реальный базис для согласования интересов обоих народов, что в обоих из них способны, впрочем, понять только люди, стоящие на гуманной и демократической точке зрения, не на точке зрения националистического самомнения и эгоизма». Третья статья этого цикла называется «Новая польская партия». В ней идет речь о появившемся в январе 1905 г. политическом меморандуме Вацлава Серошевского, который осудил, с одной стороны, «угодовцев» (т. е. тех, кто ориентировался на сотрудничество с царизмом), с другой — пепеэсовцев и эндеков как две крайности и провозгласил создание «прогрессивно-демократической партии», отражающей якобы интересы «огромной середины», «интеллигенции и различных слоев общества». Кареев в принципах этой партии услышал отголоски «того, что четверть века тому назад составляло главную силу проповеди А. Свентоховского»; он расхваливал «новую партию» за умеренность ее политических требований, за то, что в отношении Украины, Литвы, Белоруссии она стоит «не на точке зрения так называемого исторического права». Собственная программа Н. И. Кареева, судя по тексту статьи, не шла дальше предоставления польским землям автономии в рамках Российского государства.

Стоящее особняком «Письмо к знакомым полякам» подводит итоги тем практическим шагам для русско-польского сближения, в которых Кареев принимал личное участие. Речь идет о нескольких встречах конца 1904—начала 1905 г., оцениваемых им следующим образом: «Конечно, это не были совещания политических единомышленников или людей, вступающих в определенный союз». О принятой на этих встречах программе говорится: «Польский вопрос на почве международной политики, по-видимому, решен надолго [. . .] Иное дело — внутренняя политика». И далее излагаются наметки реформ, связанных главным образом с отменой русификаторской политики в университетских делах. Заканчивалось все это призывом Кареева: «Пусть на всем пространстве империи будет делом вкуса или совести каждого считать себя великороссом, малороссом, поляком и т. п. и пусть на всем же этом пространстве свободно удовлетворяются культурные потребности великоросса, малоросса, поляка» [28].

С аналогичных позиций выступали А. А. Корнилов, А. Л. Погодин, В. А. Францев и некоторые другие специалисты по Польше, находившиеся под влиянием неославистской идеологии [29]. В целом предреволюционное двадцатилетие ознаменовалось не просто зна-

чительным расширением польской проблематики, но и особым интересом к новейшему периоду, т. е. вторжением в ранее запретные области, прямо связанные с развитием польского общественного движения и русско-польских взаимоотношений, с вовлечением в оборот новых источников. Если говорить об общественно-политической значимости соответствующих трудов, то она, несомненно, связана и с тем, что их авторы в ряде случаев прямо ставили перед собой задачу борьбы с национальными предубеждениями и прямого содействия русско-польскому сближению.

Идейно-политические позиции неославистского по своей окраске либерально-буржуазного течения в русской историографии, несомненно, сыграли заметную роль и в развитии отечественного славяноведения. Сравнивая научные труды этого течения с печатной продукцией предшествующих десятилетий и работами специалистов, руководствовавшихся самодержавно-охранительными концепциями с характерным для них неистребимым полонофобством, мы, конечно, должны отчетливо видеть происшедшие сдвиги и отметить положительный вклад называвшихся выше ученых. В то же время никак не следует забывать о том, что воззрения этих историков были методологически несовершенными и классово ограниченными.

Если неославизм был несомненным преемником идеологии левого крыла пореформенного славянофильства, то противоположное ему крыло нашло свое продолжение в реакционном и даже черносотенном национализме, в значительной мере базировавшемся на наследии Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева. На протяжении рассматриваемого периода основной чертой этого последнего течения стала дальнейшая эволюция вправо, выражавшаяся прежде всего в увеличении удельного веса чисто религиозного компонента в его идеологии. Стоявшую несколько особняком доктрину слияния христианских вероисповеданий в лоне «всемирной церкви» продолжал пропагандировать Н. А. Бердяев, но в его концепции план создания и задачи «всемирной церкви» утратили почти все те отчасти связанные с западничеством либеральные элементы, которые имелись в построениях В. С. Соловьева.

Свое понимание славянской идеи Н. А. Бердяев наиболее подробно изложил в изданной в 1912 г. биографии А. С. Хомякова. По убеждению Бердяева, русское национальное самосознание рождалось из распрей славянофильства и западничества, которыми наполнена общественная жизнь России в XIX в. Его оценке славянофильства свойственны субъективные преувеличения и домыслы, направленные на сближение славянофильских воззрений с собственными взглядами. «Славянофилы, — заявлял Бердяев, — творчески преломили в нашем национальном духе то, что свершалось на вершинах европейской и мировой культуры»; они «определили русскую мысль как религиозную по преимуществу. В этом их неумирающая заслуга [. . .]. Русские гении и таланты [. . .] все [. . .] были религиозны и этим оправдывали славянофильское самосознание». Бердяев с симпатией и пониманием отзывался о таких корифеях дореформенного славянофильства, как К. С. Аксаков, И. В. и П. В. Киреевские, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин; однако особенно высоко он ценил А. С. Хомякова. «Хомяков, — говорится в книге Бердяева, — камень славянофильства, гранитная скала» [30].

При всем том Бердяев воспринимал основное существо идейно-теоретической доктрины дореформенного славянофильства весьма критически, не находя в нем достаточной дозы религиозности и христианского мессианизма. Доктрина эта, писал он, «основывалась не столько на мистических упованиях, сколько на славянофильской науке [. . .]. И нужно сказать, что эта наука была ложна, эта история, лингвистика, этнография слишком часто была фантастична. Религиозный мессианизм не может зависеть от исторической науки, и историческая наука не должна искажаться в угоду религиозному мессианизму. Славянофилы смешали науку и религию, так как в Град Божий они вложили свои бытовые симпатии, свои связи с исторической эмпирикой». По убеждению Бердяева, славянофилы 30—40-х годов являлись идеалистами и романтиками. В их воззрениях было много прекраснодушия и идилличности. Наше поколение, заявлял он, безмерно отличается от них: «Мы волею судеб стали трагическими реалистами. Нами проблема Востока и Запада воспринимается апокалиптически, для нас она связана с эсхатологическими предчувствиями и надеждами». Бердяев неоднократно и с большой запальчивостью упрекал Хомякова и других «старых» славянофилов в недостатке религиозной экзальтации, отсутствии «апокалиптического мистицизма», т. е. повседневного ощущения близящегося «конца света». Среди славянофилов, писал Бердяев, не было другого человека, столь же церковно твердого, столь же верного христианству, как Хомяков; однако «это был религиозно сытый человек, спокойный, удовлетворенный» [. . .]. Славянофилы были русскими барами со многими недостатками этого типа. Но с этим барством связаны и рыцарские чувства, верность заветам предков, верность святыне церкви». Однако «славянофилы не были мистиками, у них не чувствуется мистического трепета» [31].

Заслуживает внимания и еще одна сторона критического пафоса Бердяева. Бурное недовольство выражал он по поводу некоторых элементов материализма и рационализма в мировоззрении «старых» славянофилов, которые он в запальчивости связывал даже с ненавистным ему марксизмом. Особенно возмущало Бердяева стремление теоретиков славянофильства обосновать благотворно преобразующее значение сельской общины у славян. «Славянофилы, — заявлял Бердяев, — впали почти что в экономический материализм. Они так дорожат русской общиной, так связывают с ней все будущее России, весь духовный облик русского народа, точно без общины не может существовать дух России и не может осуществиться призвание России». Активно не одобряя материалистический подход к общественным явлениям, осуждая все разновидности рационализма, Бердяев именно на этом направ-

21 Заказ 1786

лении искал принципиальные ошибки классического славянофильства [32].

Прослеживая эволюцию славянофильства, Бердяев отмечал, что в пореформенный период учение славянофилов об обществе и государстве «подвергалось разложению и гниению», что эпигоны славянофильства, националисты и реакционеры сохранили лишь консервативную часть славянофильских воззрений. Учение славянофилов в целом он считал устаревшим, противоречащим изменившимся условиям, не соответствующим новым требованиям жизни. Однако в их воззрениях Бердяев находил ряд вполне одобряемых им положений и мыслей, заслуживающих дальнейшего развития.

Подход дореформенных славянофилов к нации и национальному развитию казался Бердяеву приемлемым только после основательного «очищения» от элементов «демократизма». Вот те места книги, из которых становится ясным ход рассуждения ее автора. «Нация [...] есть реальность порядка мистического. К нации не применимы никакие социально-классовые категории [...]. В лагере нашей атеистической и материалистической интеллигенции идея народа как нации, как живого организма разложилась, распылилась, разбилась на социальные классы и группы [...]. У Хомякова мы находим народничество на религиозной почве, как у Герцена народничество на почве позитивизма [...]. Хомякова пленяла не социальная демократия, экономическая и политическая, а демократия национальная и религиозная [...]. Если освободить славянофильское учение Хомякова от элементов народничества и от якобы научно-исторического обоснования национального развития, то получится учение о нации как организме мистическом». Достаточно очищенным от нежелательных примесей такого рода Бердяев провозглашал резко осужденное прогрессивной общественностью «Послание к сербам» 1860 г., являвшееся, по его мнению, подтверждением главенствующей роли Хомякова среди тогдашних славянофилов.

В книге Бердяева о Хомякове И. С. Аксаков называется последним представителем классического, или старого, славянофильства, не подвергшегося разложению. Что касается Н. Я. Данилевского, то в его концепции Бердяев видит натуралистическое перерождение славянофильства, совершенно лишенное чего-либо религиозного и христианского, но полное реакционного стремления к исключительному национальному самоутверждению. По мнению Бердяева, Данилевский отказался от идеалов старых славянофилов: «...он дарвинист навыворот [...], он националист в западническом смысле слова». Коснувшись далее М. Н. Каткова и К. Н. Леонтьева, Бердяев делает следующее обобщение: «Официально-казенный консерватизм, одичавший национализм — незаконное порождение славянофильства, как незаконным порождением его можно признать и русское народничество, видевшее в крестьянской общине чуть ли не спасение мира, но обосновывавшее свои идеалы не религиозно, а материалистически» [33].

Творческое развитие славянофильского учения Бердяев связывал с мировоззрением Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева, во-первых внесших в русское сознание «дух пророческий», во-вторых принадлежавших уже «к новой религиозной эпохе [...], которую можно было бы назвать апокалипсической». Соловьев к тому же многое сделал для идеологического сближения славянофильства и западничества, что является немалой заслугой в глазах Бердяева. Переходя от истории к современности, он подчеркивает: «Перед русским самосознанием стоит задача преодоления славянофильства и западничества. Эпоха распри славянофильства и западничества заканчивается и наступает новая эпоха зрелого национального самосознания». Будучи мыслителем теологического направления, Бердяев тем не менее заканчивал книгу о Хомякове общими выводами не столько религиозного, сколько политического характера. «Подводя итоги, мы должны сказать, что славянофильство и вырождается и развивается [...]. Элементы языческо-националистические, косно-бытовые, сословно-корыстные, позитивистски-государственные вырождаются и гниют. Но творчески развивается правда славянофильства, т. е. элементы подлинно церковные, христианско-мистические, национально-мессианские. Есть неумирающая правда в церковном и национальном сознании славянофилов, этой правды не заглушит ни реакционно-языческий национализм, ни атеистический интернационализм» [34].

Изложением взглядов Бердяева мы заканчиваем рассмотрение тех политических интерпретаций идеи славянской взаимности, которые в конечном счете были связаны с интересами и мировосприятием эксплуататорских классов предреволюционной России. Соответствующие идейные течения эволюционировали к отрицанию любых проявлений социального прогресса, к неумеренному возвеличению воздействия на исторический процесс национальных и религиозных факторов. Такое направление эволюции было обусловлено теми внутренними и внешнеполитическими факторами, воздействие которых приобрело решающее значение в эпоху империализма. Анализируя их, В. И. Ленин прежде всего указывал на усиление сознательной контрреволюционности российской буржуазии, а также на шовинизм, который «усиливался в ней параллельно росту и обострению конкуренции международного капитала» [35].

Как было показано выше, при всей своей классовой ограниченности и теоретико-методологическом несовершенстве, неославистские концепции оказали некоторое положительное воздействие на дворянско-буржуазную историографию России, особенно в той ее части, которая связана со славяноведением. Правее неославизма располагались течения и доктрины, отличавшиеся воинствующим национализмом, откровенной реакционностью в политике и теоретическим обскурантизмом в философии. Слева к неославизму примыкали теоретические построения тех затрагивавших славянскую идею публицистов, общественных деятелей и ученых,

которые симпатизировали эсерам, ставшим в определенной мере идеологическими преемниками народничества [36]. Подлинно научную основу для дальнейшего развития всех общественных наук, в том числе и истории, давала лишь марксистско-ленинская теория.

В России материалистическое понимание общественного развития начало внедряться в практику конкретно-исторических исследований в 80—90-е годы XIX в. Видную роль сыграли в этом работы В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. Накануне революции 1905 г. марксизм получил широкое распространение среди значительной части русской интеллигенции, трансформировавшись, однако, в форму «экономического», или «легального». Именно эту форму сначала использовал в своих исследованиях, а затем запальчиво критиковал, отождествляя с подлинным марксизмом, историк-славист В. В. Новодворский. Постепенно развивалась большевистская историческая литература, которая в нелегальных, а иногда и в подцензурных изданиях освещала с марксистских позиций историю революционного движения, некоторые крупные социально-экономические проблемы, ряд важных вопросов конкретно-исторического характера. Именно в то время попытку применить марксизм к освещению взятого в целом исторического процесса России предпринял М. Н. Покровский. В числе тех, кто пытался подойти с марксистских позиций к освещению исторического прошлого, изучению литератур славянских народов, можно назвать В. В. Воровского и Г. А. Куклина.

Истинные марксисты оценивали политические интерпретации идеи славянской солидарности с позиций пролетарского интернационализма, исходя из интересов борьбы трудящихся масс против социального, национального и религиозного гнета. Это подтверждается, в частности, статьей «Славяне и революция», опубликованной ленинской «Искрой» в 1902 г. и написанной К. Каутским еще тогда, когда он не отошел от марксизма и революционного рабочего движения. Но особенно интересны мысли В. И. Ленина, высказанные им накануне и в годы первой мировой войны, т. е. в период особого обострения борьбы вокруг национальной программы российской социал-демократии, существенной частью которой являлись те или иные аспекты славянского вопроса.

В легальной и нелегальной большевистской печати резкой критике подвергались все формы и проявления реакционных спекуляций вокруг славянского вопроса. Царизм, по словам В. И. Ленина, пустил в ход «громадный, чудовищный аппарат лжи и хитросплетений», чтобы доказать, что он бескорыстно защищает «братьев-славян»; при посредстве панславизма «царская дипломатия не раз уже совершала свои грандиозные надувательства» [37]. Существенны также ленинские соображения, объясняющие истоки и природу австрославизма. В Австрийской империи, писал В. И. Ленин, после 1848 г. сложилось «чрезвычайно своеобразное положение», заставлявшее венгров и славян стремиться «не к отделению от Австрии, а к сохранению целостности Австрии именно

в интересах национальной независимости, которая могла бы быть совсем раздавлена более хищническими и сильными соседями!» [38].

По отношению к южным славянам особый интерес представляют высказывания В. И. Ленина о тесно связанном с идеей славянской взаимности проекте балканской федерации и национальной революции у балканских народов. «Сознательные рабочие балканских стран,— писал он в 1912 г., — первые выдвинули лозунг последовательного демократического решения национального вопроса на Балканах. Этот лозунг: федеративная балканская республика. Слабость демократических классов в теперешних балканских государствах [. . .] привела к тому, что экономически и политически необходимый союз стал союзом балканских монархий» [39]. Когда началась первая мировая война, В. И. Ленин, разоблачая пропагандистские заявления центральных держав о причинах, обусловивших начало военных действий, заявлял: «На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства. . .» [40].

Находясь в то время то в Кракове, то в Поронине (австрийская часть Польши), В. И. Ленин по всем доступным ему периодическим изданиям внимательно следил за ходом первой и второй балканских войн, освещая связанные с ними события на страницах большевистской «Правды». По поводу публиковавшейся буржуазной информации он с возмущением писал: «Воюющие стороны изо всех сил скрывают от „посторонних", т. е. от всего света, то, что происходит на Балканах. Корреспондентов обманывают, задерживают [. . .]. Только исключительные обстоятельства позволяют поэтому изредка узнавать правду про войну». Несмотря на нехватку фактического материала, В. И. Ленин четко выявлял классовый смысл происходящего. «Никогда и нигде „свобода" не достигалась угнетенными народами посредством *войны* одного народа против другого [. . .]. Действительная *свобода* славянского крестьянина на Балканах, как и крестьянина турецкого, может быть обеспечена *только* полной свободой внутри *каждой* страны и федерацией вполне и до конца демократических государств» [41]. Осуществление идеи балканской федерации встречало серьезные помехи: слабость рабочего движения в балканских странах, яростное противодействие как балканской, так и европейской буржуазии. Однако В. И. Ленин продолжал пропагандировать эту идею, противопоставляя разного рода скептикам непоколебимую уверенность в том, что при полном и последовательном демократизме в федерации ее развитию не помешало бы ни разжигание национальной и религиозной розни, ни иные интриги эксплуататоров [42].

В работах В. И. Ленина высказано немало положений, имеющих большое значение для изучения языков и культуры славянских народов. Так, в 1913 г., специально останавливаясь на взаимоотношениях между славянскими языками в государстве, которое включило бы в свой состав различные славянские народы,

В. И. Ленин подчеркивал необходимость полного равноправия языков и писал: «Если отпадут всякие привилегии, если прекратится навязывание одного из языков, то все славяне легко и быстро научатся понимать друг друга и не будут пугаться „ужасной" мысли, что в общем парламенте раздадутся речи на разных языках. А потребности экономического оборота сами собой *определят* тот язык данной страны, знать который большинству *выгодно* в интересах торговых сношений» [43]. Теоретическое значение процитированного и других положений В. И. Ленина, относящихся к языкознанию, специалисты оценивают очень высоко: «Ленинское учение о нациях и национальных языках явилось принципиально новым этапом в разработке проблемы „язык и общество". Оно внесло полную ясность и в вопрос о так называемом общеславянском языке, в вопрос, который продолжительное время (почти столетие) дискутировался на страницах зарубежной славянской и русской печати, но так и не получил удовлетворительного теоретического освещения в лингвистике. Благодаря учению В. И. Ленина о нациях и национальных языках этот вопрос как совершенно неправомерный с научной точки зрения утратил свою значимость в славистике и фактически был снят с повестки дня» [44]. Приведенные факты, несмотря на свою неизбежную в данном случае фрагментарность, убедительно подтверждают, что высказывания В. И. Ленина, как и работы его идейно-политических единомышленников, затрагивали широкий круг вопросов, связанных с изучением южных и западных славян, а также славянства в целом.

2. Славяноведение в университетах

На рубеже XIX и XX вв. существенных организационных изменений в преподавании славяноведения в университетах России не произошло. Хотя по университетскому уставу 1884 г. история славян была введена в число обязательных предметов исторических отделений историко-филологических факультетов, специализация по ней не осуществлялась. Кафедры славянской филологии продолжали существовать в основном в своем архаическом виде, что никак не отвечало уровню развития российского славяноведения. Число славистов, хотя оно значительно выросло по сравнению с дореформенным периодом, не было достаточным для подготовки новых квалифицированных специалистов. К началу XX в. в России насчитывалось около 30 специалистов, преподававших славяноведение в университетах, духовных академиях, историко-филологических институтах [45]. Штат каждой из кафедр славянской филологии в русских университетах продолжал включать лишь одну профессорскую должность, тогда как в Венском университете, например, было 4 профессора-слависта, а в Пражском — 3 (помимо доцентов и преподавателей чешского языка).

В университетах России преподавались те же основные славистические дисциплины, что и ранее: языки, литература, история.

Однако в зависимости от наличия специалистов вводились в преподавание и новые дисциплины, такие, как историческая этнография славян, славянская палеография, ряд специальных курсов.

Большую роль в развитии российского славяноведения продолжал играть Московский университет. С 1886 г. кафедру славянской филологии в нем занимал воспитанник Петербургского университета Р. Ф. Брандт, внесший серьезный вклад в развитие славянского языкознания. Брандт читал лекции и по славянскому языкознанию, литературоведению, славянской палеографии. Большой известностью пользовался его литографированный курс истории славянских литератур [46]. В нем польская литература не представлена, но вообще ученый именно ей придавал особенно большое значение в своих лекциях. Лекции эти содержали обширный фактический материал и библиографические справки. Брандту принадлежат исследования о славянских писателях и поэтах: А. Мицкевиче, Я. Колларе, Я. Барте-Тешинском.

Историю славянских литератур преподавал в Московском университете также В. Н. Щепкин. Чаще всего он читал историю польской литературы (литографированное издание этого курса вышло в 1916 г.). Литературы славян освещались в лекциях Щепкина на широком историческом фоне, большое место отводилось истории культуры и политической истории. В. Н. Щепкин был видным лингвистом своего времени, большим знатоком византийского и древнерусского искусства. В Московском университете Щепкин преподавал с 1900 г., ординарным профессором стал в 1912 г. В разные годы он читал также курс «Введение в славяноведение», уделяя в нем большое внимание культуре древних славян. Щепкин впервые включил в учебную программу Московского университета курс славянской палеографии, который читал в течение многих лет.

Историю западных славян в Московском университете (впервые в 1899/900 г., а с 1906 по 1917 г. регулярно) читал М. К. Любавский (1860—1936). Он окончил Московский университет (учился у Н. А. Попова и В. О. Ключевского) и после защиты магистерской диссертации был принят в это учебное заведение в качестве приват-доцента по кафедре русской истории; за капитальное исследование «Литовский сейм» (1901) Любавский получил степень доктора русской истории, а затем и кафедру в Московском университете. Он избирался деканом историко-филологического факультета и дважды на трехлетний срок ректором (1911—1914 и 1914—1917 гг.) [47]. После Октября Любавский работал в архивном ведомстве, а затем в научно-исследовательском институте истории [48]. Любавский — видный представитель русской исторической науки. Его «История западных славян» хорошо известна [49]. Значительная часть работ Любавского посвящена истории Польши феодального периода. О лекциях Любавского сохранился отзыв В. И. Пичеты: «Любавский был прекрасный преподаватель, и занятия под его руководством дали мне много в отношении метода работы над источником и его использования. Но лектор Любавский

был плохой и сухой. Это особенно чувствовалось в его лекциях по истории западных славян [. . .]. Собственно, Любавский знакомил с внешнеполитической историей с точки зрения историко-юридической школы. . . И все-таки из всех курсов по истории славян это был наиболее удовлетворяющий требованиям тогдашней истории. . . Все курсы Любавского были очень богато насыщены конкретным материалом, а дальше описания Любавский не шел; какой бы то ни было синтез был недоступен Любавскому. Вопросы экономические, как это полагается всем представителям историко-юридической школы, блестяще им игнорировались» [50].

В 1911/12 учебном году Любавский вел отдельный курс истории Чехии. Он начинал его с раздела «Первоначальная чешская монархия», затем рассказывал об усобицах XI—XII вв., об усилении германизации Чехии в XIII и первой половине XIV в., эпоху правления Карла IV Любавский характеризовал как «золотой век» чешской истории, о котором народ «до сих пор» вспоминает с чувством «великого удовлетворения» и «национальной гордости», значительное место отводилось гуситскому движению, а заканчивалось изложение характеристикой государственного и общественного строя Чехии в начале XVI в.[51] Самостоятельных исследований по истории Чехии Любавский не проводил, но его изложение отвечало уровню знаний современной ему науки. В оценке догуситского периода чешской истории он придерживался взглядов западных, в основном чешских, историков, а в гуситском движении видел несколько аспектов, относя его в целом к явлениям протестантского толка, что также было распространенной в науке того времени точкой зрения.

Общий курс истории южных славян читал на историческом отделении М. И. Соколов (1854—1906). Воспитанник Петербургского университета, он еще в студенческие годы написал сочинение под названием «Из древней истории болгар» (1879), а в 1889 г. стал экстраординарным профессором кафедры русской словесности Московского университета. Кроме общего курса, М. И. Соколов читал и специальные, например посвященные ересям и религиозным движениям. В 1900/901 г. он ввел занятия по истории богомильства, которые состояли из вступительных лекций профессора, обсуждения подготовленных студентами рефератов (в основном по сочинениям писателей, полемизировавших с богомилами: Козьмы Пресвитера, Евфимия Зигабена, Иллариона Мегленского и др.), объяснительного чтения текстов на латинском языке, книги св. Иоанна и т. п. Курс истории южных славян читал в Московском университете также Ю. В. Готье (1873—1943), специализировавшийся главным образом по русской истории. Лекции его были напечатаны литографированным способом в 1916 г.

В целом на протяжении 1900—1917 гг. преподавание славистических дисциплин в Московском университете расширилось, однако без увеличения штата кафедры славянской филологии, а за счет привлечения представителей других кафедр и приват-доцентов.

Деятельность славистов Московского университета проходила также в рамках научных обществ. В основном они были теми, что и в предшествующие годы, но к ним прибавилась в конце XIX в. специальная Славянская комиссия имп. Московского археологического общества (СК ИМАО), которая была создана в 1892 г. по инициативе ряда профессоров Московского университета, в первую очередь М. И. Соколова [52]. Своей задачей организаторы Комиссии считали «как более внимательное наблюдение над успехами наук истории и археологии у разных славянских народов, так и самостоятельное изучение разных сторон прошлого славянских народов» [53]. Комиссия объединила все славистические силы Москвы, в ее работе принимали участие академики, профессора, сотрудники архивов, библиотек, научных обществ, студенты Московского университета и т. д. Члены СК отличались высокой научной квалификацией, большинство из них были учениками знаменитых русских филологов и языковедов — Ф. И. Буслаева, Ф. Ф. Фортунатова, Н. С. Тихонравова — и являлись приверженцами новых методов исследований. На заседаниях СК присутствовали и иностранные славянские ученые. Наиболее интенсивный период деятельности СК ИМАО — 1892—1906 гг., когда бессменно председательствовавший М. И. Соколов сумел объединить в Комиссии крупные славистические кадры. После его смерти в 1906 г. новый председатель был избран лишь в 1908 г., им стал Ф. Е. Корш. С того времени СК обращается главным образом к изучению памятников древнерусской письменности, а также и более поздних образцов русской литературы. Заседания СК стали более редкими и менее представительными. В 1915 г. со смертью Ф. Е. Корша комиссия, видимо, прекратила свои заседания (во всяком случае, сведений о них нет).

Изучавшиеся Комиссией области славистики могут быть разделены на несколько рубрик. На первом плане стоит изучение письменного наследия славян. Именно по истории возникновения, содержанию, языку памятников древнеславянской и средневековой письменности сделано больше всего докладов. Научному анализу подвергались в основном вновь открытые памятники славянской культуры, иногда уже известные, но еще не изученные или, наконец, уже анализировавшиеся в научных трудах, но нуждавшиеся в дополнительном исследовании. Весьма заметна в этом смысле деятельность в Комиссии П. А. Лаврова. За 6 лет активной работы в СК ИМАО (1892—1898) он сделал на ее заседаниях 16 докладов. Интенсивно работали в области филологии и другие члены Комиссии. Они анализировали древнюю письменность, устанавливали взаимосвязь и взаимовлияния славянских и греческих памятников, выявляли славянские переводы иноязычных произведений и происхождение этих переводов. Вся эта работа создавала материальную базу для теоретических обобщений, к которым и пришли некоторые русские ученые, в том числе и члены Комиссии, в своих более поздних трудах. Значительное место уделяла СК ИМАО и истории славяноведения. На заседаниях

обсуждались, например, весьма ранние обобщающие сочинения о славянах. Так, И. А. Линниченко сделал сообщение об описании славян немецким ученым К. Г. Антоном. А. А. Покровский исследовал, какие сведения о славянах помещались в первых русских газетах и каковы источники этих сведений.

Членов СК привлекали некоторые связанные с историей славистики юбилейные даты. Так, были прочитаны доклады, посвященные памяти А. С. Хомякова и Ф. И. Тютчева; в связи с 50-летием со дня смерти Я. Коллара сообщение о нем сделал Р. Ф. Брандт; столетие со дня рождения польского писателя Ю. Словацкого было отмечено докладом Ф. Е. Корша. Особенно широкий отклик вызвало столетие со дня рождения знаменитого чешского ученого П. Й. Шафарика. На специальном заседании СК было заслушано два доклада: П. А. Лаврова — о жизни и деятельности Шафарика; Р. Ф. Брандта — о трудах Шафарика по славянским языкам и литературам. Оба доклада внесли заметный вклад в русское славяноведение. На заседании СК обсуждалась также найденная П. А. Лавровым программа преподавания славистических дисциплин в Московском университете, составленная в 1834 г. Ю. И. Венелиным, но не утвержденная и науке ранее неизвестная. П. А. Лавров затем опубликовал ее текст и оценил ее значение для истории русского славяноведения (ДТСК. 1898. Т. 2. С. 1—109, 110—124).

Меньшее внимание, чем славянской словесности и истории славяноведения, уделяла СК истории славян. Наибольший вклад СК внесла в изучение истории Болгарии, опубликовав исследование Г. А. Ильинского «Грамоты болгарских царей» (ДТСК. 1902. Т. 3. С. 1—160). Далее в СК велась дискуссия по поводу толкования Ф. И. Успенским надписи Омартага (автор предложил свою версию в статье «О древностях города Тырнова»). Д. И. Иловайский оспаривал точку зрения Успенского. Значительное внимание уделялось обсуждению источников о богомильстве. О них делали сообщения М. И. Соколов, С. О. Долгов и др. Сербская тематика в деятельности СК ИМАО представлена лишь разбором литературных произведений, а из хорватских сюжетов обсуждались произведения Ю. Крижанича, в частности те, которые ранее не были известны, но обнаружены членами СК в московском Румянцевском музее. Проблематика польской и чешской истории представлена весьма скромно: обсуждались лишь новые книги и события научной жизни.

Конечно, основной формой работы СК были заседания. Однако члены Комиссии занимались и чисто практическими делами, например обследовали библиотеки в целях разыскания славянских рукописей и печатных изданий. Так, Н. Н. Дурново в 1906 г. докладывал о рукописных фондах ИМАО. Он перечислил 40 русских рукописей, одну польскую, несколько латинских, немецких, сербских и армянских. Рукописи не были зарегистрированы, в отношении некоторых не было даже сведений о времени их поступления в Общество. Комиссия приняла решение сделать

своими силами описания найденных рукописей и передать их на хранение в Исторический музей (ДТСК. 1907. Т. 4. С. 54—55).

Таким образом, СК ИМАО, объединив в своем составе московских славяноведов и всех интересовавшихся славянскими исследованиями, внесла значительный вклад в развитие русской дореволюционной славистики. Сочинения членов СК, помещавшиеся в ее «Трудах» и других изданиях, серьезно обогатили русскую науку. СК ИМАО «привела в известность некоторые доныне неизвестные славянские книгопечатные собрания», «ею вновь открыты и некоторые славянские памятники первостепенной литературной важности[...] впервые уяснены знаменательные особенности славянских памятников уже известных», говорилось в приветствии, адресованном Комиссии в связи с десятилетием ее существования (Там же. Протоколы. С. 6). СК явилась примером для создания подобных обществ и в других культурных центрах России. Например, профессор Новороссийского университета В. М. Истрин, некогда деятельный сотрудник СК ИМАО, устроил по ее образцу «византийско-славянский отдел» при Историко-филологическом обществе Новороссийского университета.

В Петербургском университете с 1900 г. кафедру славянской филологии занимал П. А. Лавров. Он исследовал памятники славянской письменности, сделал в этой области ряд открытий, опубликовал фундаментальные исследования по болгарскому языку, принадлежал к числу виднейших специалистов по древнеславянской и особенно южнославянской палеографии. До конца исследуемого периода он преподавал в Петербургском университете филологические дисциплины в рамках славистики, иногда привлекая к учебному процессу приват-доцентов и лекторов.

Историю южных и западных славян читал Н. В. Ястребов (1869—1923). Выпускник Петербургского университета, он изучал славяноведение у В. И. Ламанского и был оставлен для подготовки к профессорскому званию специально по славянской истории. В 1900—1902 гг. Ястребов был в командировке за границей, а с 1902 г. в течение 13 лет преподавал в Петербургском университете в качестве приват-доцента, так как штатных профессорских должностей на кафедре славянской филологии (сверх той, что занимал П. А. Лавров) не было. Ястребов не только читал лекции, но и вел практические занятия по истории славян, что было в то время определенным новшеством. Большое внимание он уделял в своем курсе польской истории, постоянно призывая к ее глубокому изучению и принимая меры к тому, чтобы заинтересовать учащихся. В 1907 г. Ястребов, в частности, издал перевод книги польского историка Ст. Кутшебы «Очерк истории общественно-государственного строя Польши», а в 1908 г. под его редакцией вышел перевод книги другого польского историка, О. Бальцера, под названием «К истории общественно-государственного строя Польши». Кроме того, Ястребов опубликовал свой «Краткий очерк истории польского народа» (Пг., 1914).

Весьма основательно излагал он в своих лекциях и историю Чехии. Сохранившийся литографированный курс этих лекций [54] свидетельствует, что по многим вопросам феодальной истории Чехии Ястребов стоял на иной точке зрения, нежели А. Н. Ясинский. Особенно интересовался ученый идеологическими течениями средневековой Чехии, и крупнейшей его работой на эту тему стали «Этюды о Петре Хельчицком» (1908. Вып. 1), написанные на основании всех доступных источников, многие из которых обнаружены впервые самим автором. Ястребов написал также значительное число не столь крупных работ, важных, однако, для уяснения представлений об идеологической борьбе в Чехии в гуситскую эпоху. Южным славянам Ястребов посвятил книгу «История болгарского народа» (Пг., 1916), статью «История Болгарии» и несколько статей по истории Сербии для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Учебные цели преследовали изданные им «Сборник источников для истории жизни и деятельности Кирилла и Мефодия» (СПб., 1911) и «Законник Стефана Душана, царя сербов» (СПб., 1913).

По своим политическим взглядам Ястребов был либералом и выступал в печати как защитник буржуазных конституционных свобод и прав, противник революционных действий. Исторические труды этого талантливого и эрудированного специалиста высоко ценились не только в России: их знали за границей, в частности в Чехии. Не только фактический материал, но и многие суждения Ястребова об идеологических аспектах чешского средневековья не утратили своего значения поныне.

В 1911 г. в качестве доцента работал в Петербургском университете историк-славист А. Л. Петров (1859—1932), также ученик В. И. Ламанского. Главные труды Петрова относятся к истории Закарпатской Украины. В 1905—1911 гг. он издал 6 выпусков «Материалов по истории Угорской Руси». С 1887 г. Петров был профессором славистики на Высших женских курсах (Бестужевских) в Петербурге, где читал изданные еще в конце XIX в. лекции по истории славян и славяноведению в целом [55].

В Петербургском университете проблемам славяноведения отводилось значительное место также в учебной и научной работе других языковых и филологических кафедр, где преподавали крупнейшие ученые с европейскими именами. В общем в первые полтора десятка лет XX в. Петербургский университет был крупнейшим центром развития славистики не только в России, но по некоторым областям и в Европе.

В Варшавском университете с начала XX в. в преподавании славистики произошли изменения, связанные с политическим положением в Царстве Польском. Уже с конца XIX в. Варшавский университет охватили студенческие волнения, нарушившие учебный процесс. Буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг., охватившая Российскую империю, нашла, как известно, самый широкий отклик и в Польше. В Варшавском университете революционное движение вылилось в требование ликвидации русского

университета и создания польского. В результате волнений учебное заведение долгое время вообще не функционировало. В октябре 1906 г. ставился вопрос о закрытии университета «впредь до совершенного успокоения края». Официального указа об этом не последовало, однако фактически учебный процесс не возобновлялся в прежней полноте вплоть до конца исследуемого периода. В 1915 г. варшавский профессор В. А. Францев писал А. А. Шахматову: «В наш университет поступило всего чуть ли не 40 человек новых студентов [. . .]. Филологов у нас будет на первом курсе немного, а студентов-славистов третьего и четвертого курсов остается тоже незначительное число, ибо студенты бегут от нас» [56].

Среди профессоров Варшавского университета тон задавали те, которые придерживались сугубо охранительных позиций и выражали готовность любой ценой проводить в жизнь официальную линию царского правительства. В организации учебного процесса и преподавании удерживались консервативные методы. В отличие от других университетов Российской империи в Варшавском не существовало института приват-доцентов: он был официально отменен в 1895 г., потому что с его помощью к учебному процессу могли бы получить доступ поляки, а аудитории русских профессоров могли бы опустеть. В результате некоторые профессора читали годами или даже десятилетиями один и тот же курс, не внося в него никаких изменений. У них не было особых стимулов для творческой работы, поскольку никто не мог составить им конкуренции. Как отмечает автор брошюры «Официальная наука в Царстве Польском», учившийся в 1903 г., понятие «варшавский профессор» являлось синонимом понятий «реакционер» и «невежда» [57]. Впрочем, эти критические суждения не во всем справедливы. Признавая тот факт, что в Варшавском университете уровень преподавания некоторых дисциплин не мог удовлетворять передовых студентов, необходимо все же отметить публицистическую односторонность, допущенную Н. А. Дубровским. Ведь в различные периоды существования Варшавского университета в нем преподавали и очень крупные ученые, в том числе люди прогрессивных взглядов и дружелюбно относившиеся к полякам. Однако тамошняя атмосфера мешала творческой работе этих ученых, они вынуждены были уезжать из Варшавы. В польском обществе немногие различали среди русских профессоров прогрессивных и реакционных, для большинства все они были одинаковыми руссификаторами и верными слугами царизма.

Из крупных русских славистов в Варшаве преподавали А. Л. Погодин и В. А. Францев. Первый из них занимал кафедру славянской филологии с 1902 по 1908 г., второй — с 1908 по 1915 г. В. А. Францев (1867—1942) [58] родился под Варшавой (мать его была полькой), учился в Варшаве в гимназии и университете, а с 1900 г. в качестве доцента стал там же преподавать. Францев вел занятия по различным славянским языкам, читал курсы лекций: новой чешской литературы, истории югославянских литератур (сербской, хорватской, далматинской, дубровницкой), славянских

древностей, введения в славяноведение, исторической этнографии славян, грамматики древнего церковнославянского языка, исторической грамматики чешского языка и т. д. Некоторые из этих курсов литографированы в рукописи или машинописи и дошли до нас [59]. Все они демонстрируют широкую образованность профессора. Обращает на себя внимание большая тщательность обработки отдельных деталей излагаемого материала, особенно с библиографической точки зрения. Идеалом славистического образования Францев считал всесторонние знания по всем областям и аспектам жизни славянских народов. Предоставляя своим слушателям обширный и точный фактический материал, он избегал, однако, его оценок, не делал обобщений, не указывал на закономерности развития того или иного явления.

В. А. Францев принадлежал к направлению, получившему название «филологического позитивизма». Из-под его пера вышло более 400 работ по различным вопросам славяноведения [60]. На первом месте — как по объему, так и по научному значению — следует поставить работу Францева по изданию источников. Так, в 1905 г. он издал переписку В. Ганки со славянскими учеными. Огромный том объемом почти в 1300 страниц был результатом семилетнего труда. Эта публикация, не лишенная существенных недостатков, сделала, однако, доступным для исследования громадный материал, разбросанный до того времени по различным архивам. Вскоре Францевым было подготовлено и в 1906 г. осуществлено издание 2-го тома корреспонденций Й. Добровского. Затем ученый начал работать над сбором и подготовкой к изданию корреспонденции Шафарика, которая и была опубликована в 1927—1928 гг. Францев издавал и другие источники по истории славяноведения, например документальный материал о русско-чешских связях и польском славяноведении в виде приложений к магистерской и докторской диссертациям. Подготовленные Францевым издания источников отличаются, как правило, высоким научным уровнем, большой точностью, тщательностью, подробностью комментариев, они до настоящего времени весьма интенсивно используются специалистами.

Вторую группу трудов В. А. Францева составляют его монографические исследования, в первую очередь магистерская и докторская диссертации. В первой из них — «Очерки по истории чешского возрождения» (1902), написанной на основании новых, еще не бывших в научном обороте источников, автор не только описывал чешское возрождение и факты жизни и творчества его наиболее выдающихся представителей, но и впервые указал на сильное влияние русской и польской культур. Докторская диссертация Францева «Польское славяноведение XVIII и первой четверти XIX в.» (1906), в которой использован неизвестный ранее материал, имела важное значение и была очень высоко оценена современниками. Кроме того, Францеву принадлежит большое число работ о связях русских писателей и поэтов с южными и западными славянами, о болгарско-чешских литературных контактах, деятелях чешского и словацкого национального возрождения, изысканий по истории и филологии Карпатской Руси. Можно заключить, что Францев принадлежал к виднейшим славистам своего времени. В 1915 г. он был избран членом-корреспондентом, а в 1921 г. — действительным членом Российской академии наук. Однако после ликвидации Варшавского университета и перемещения его в 1915 г. в Ростов-на-Дону Францев не нашел новые условия жизни подходящими для дальнейшего творчества и уехал в Прагу, где принял чехословацкое подданство и получил должность профессора в Карловом университете. По своим политическим убеждениям Францев тяготел к правому крылу либерального направления. К Великой Октябрьской социалистической революции он отнесся отрицательно, но, находясь в эмиграции, активно против Советской России не выступал.

Вторым русским славистом, проработавшим в Варшаве до конца существования университета, был Ф. Ф. Зигель. Он издал в Лондоне в 1902 г. лекции по истории славянского права, прочитанные им в Оксфордском университете, написал много работ по истории права, а также по организации университетского образования. В 1915 г. Зигель вместе с Варшавским университетом был эвакуирован в Ростов-на-Дону, где и работал до конца жизни.

В Киевском университете продолжал преподавать славистику Т. Д. Флоринский. Он читал лекции по славянским языкам, славянской этнографии, по истории славян ряд специальных курсов. Историю славянских литератур читал, как уже упоминалось, приват-доцент А. И. Степович. Флоринский в 1907 г. издал обобщающий труд «Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства», являющийся сводом имевшихся в то время сведений о численности, границах расселения, политическом положении славянских народов. К работе приложены две этнографические карты. Затронутые Флоринским вопросы были еще недостаточно ясны, книга вызвала разноречивые оценки: одни рецензенты обвиняли автора в политических пристрастиях, другие, напротив, отмечали научную добросовестность, объективность и максимальную точность сообщаемых данных [61].

В Казанском университете преподавание славистических дисциплин осуществлял Н. М. Петровский (1875—1921). Окончив Казанский университет, он был направлен за границу для приготовления к профессорскому званию по кафедре славянской филологии. С 1901 г. до конца рассматриваемого периода Н. М. Петровский работал в Казанском университете — сначала в качестве приват-доцента, а с 1907 г. как ординарный профессор по кафедре славянской филологии. Он читал лекции по истории славянских литератур (также и на Высших женских курсах), преподавал и другие дисциплины славистического цикла. Труды Н. М. Петровского (а работал он чрезвычайно продуктивно) отличают трезвый подход к проблемам, точное и объективное следование источникам, их критическая оценка. Петровский исследовал материал с удиви-

тельной тщательностью, свидетельствующей не только о его добросовестности, но и об огромной эрудиции. Вклад в науку вносили даже его рецензии, всегда содержавшие какой-либо новый материал, новое освещение предмета, глубокий анализ рецензируемой работы. Главные труды Н. М. Петровского посвящены истории славянских литератур. В 1902 г. он издал работу «О сочинениях Петра Гекторовича», где не только проанализировал творчество одного из известных представителей хорватской литературы, но и опубликовал много новых материалов по изучаемому сюжету. Докторская диссертация Н. М. Петровского «Первые годы деятельности Е. Копитара» (1906) стала новым словом в изучении истории славяноведения. Несколько работ ученый посвятил также истории русского славяноведения, издав «Донесения В. И. Григоровича о его путешествии по славянским землям» (1915), библиографический список трудов этого казанского слависта. Весьма полезным для русского славяноведения были предпринятые Н. М. Петровским переводы на русский язык таких сочинений, как «Грамматика древнеболгарского (церковнославянского) языка» А. Лескина (1915), «Древнецерковный славянский синтаксис» В. Вондрака (1915). В 1917 г. Н. М. Петровский опубликовал русский перевод двухтомного труда Л. Нидерле «Славянские древности». Обширная научная работа, исключительно ценные по своему содержанию труды Н. М. Петровского завоевали ему большой авторитет среди отечественных и зарубежных славистов.

В Харьковском университете, как и в других, к началу XX в. не произошло никаких изменений в организации преподавания славистических дисциплин. После смерти М. С. Дринова кафедру в 1908 г. занял С. М. Кульбакин (1873—1941) [62]. К тому времени он уже был известным славистом, исследователем старославянского, древних и современных славянских языков и преподавал весь цикл лингвистических и некоторых других славистических дисциплин. О содержании преподавания свидетельствует программа 1911 г. В ней указано, в частности, что по курсу «Введение в славяноведение» должны преподноситься общие сведения о «славянском племени», прародине славян, о процессе формирования славянских народностей, географические, этнографические и статистические данные об отдельных славянских народах, общий очерк их развития и взаимоотношений с точки зрения языка и культуры. Далее программа требовала от учащихся усвоения одного южнославянского и одного западнославянского языка в объеме, позволяющем «читать и разбирать текст на этих языках». Перечислялись и подлежащие усвоению явления сербского, болгарского, чешского и польского языков. В программу был включен также раздел о церковнославянском языке и славянских литературах [63].

Историю и литературу славянских народов в Харькове с 1910 г. преподавал А. Л. Погодин (1872—1947), второй штатный профессор по кафедре славянской филологии [64]. Специальное разрешение

на учреждение этой должности университет получил от министерства народного просвещения 20 октября 1909 г. А. Л. Погодин окончил Петербургский университет в 1894 г. и был оставлен при нем для приготовления к профессорскому званию. Побывав в командировке за границей, он затем читал лекции в Петербургском университете в качестве приват-доцента и вел практические занятия по церковнославянскому языку. В 1902 г. Погодин стал экстраординарным, а в 1906 г. ординарным профессором Варшавского университета, где преподавал сравнительное языкознание. В 1908 г. он уволился из Варшавского университета и занял профессорскую должность на Высших женских курсах в Петербурге. С 1910 г. работал в Харьковском университете, который приобрел в нем опытного преподавателя, а также образованного и разностороннего ученого с широкими интересами. Кроме ряда работ по славянским языкам, А. Л. Погодин в 1913 г. издал обширный труд «Язык как творчество. . . Происхождение языка». Магистерская диссертация Погодина «Из истории славянских передвижений» (СПб., 1901) является интересным трудом по «славянским древностям». Свои лекции по этому же предмету Погодин издал в 1910 г. в Харькове. Писал он также о славянской мифологии. Многие научные работы являлись результатом его преподавательской деятельности. В соответствии с программой на лекциях он давал характеристику литературам всех славянских народов. По сербохорватской литературе им было издано для студентов отдельное пособие, о современной болгарской поэзии он написал обзорную статью. Наиболее подробно разрабатывалась Погодиным польская литература. В 1911 г. он издал монографию об А. Мицкевиче. Серьезный анализ средневековой польской литературы в неразрывной связи с историей и культурой страны дан Погодиным в «Лекциях по истории польской литературы»; в дальнейшем он издал и продолжение этих лекций, включив в него материал более позднего периода [65]. Работы А. Л. Погодина заполнили значительный пробел, существовавший в изучении польской литературы в России.

Большую научную ценность представляют труды Погодина по славянской истории. Некоторые из них имели целью информировать читающую публику о славянах вообще. Так, в 1915 г. вышла работа Погодина «Славянский мир» с разносторонними сведениями о современном славянстве, почерпнутыми из большого количества источников; подобного обзора в русской литературе еще не было [66]. Одновременно ученый выпустил две небольших книжки: «Краткий очерк истории славян» (М., 1915) и «Зарубежная Русь» (Пг., 1915). В последней приведены исторические, этнографические и статистические сведения о Галиции, характеризуется и ее экономическая жизнь. Ценным вкладом в русскую научную литературу о славянских народах был и опубликованный Погодиным обобщающий труд по истории Сербии.

Особенно часто обращался Погодин к сюжетам польской истории. Ему принадлежит исследование о положении польских

22 Заказ 1786

земель перед восстанием 1830 г., в котором он в отличие от многих своих предшественников не только не оправдывает русскую политику в канун и в период восстания, но и показывает, что выступление поляков было закономерным явлением. Примечателен интерес Погодина и к современному положению Польши, отразившийся в его статьях об автономии Царства Польского и настроениях польского общества [67]. В 1909 г. Погодин издал «Очерк истории польского народа (для юношества)». Главными же его трудами о польской истории были специально посвященные ей монографии. «История польского народа в XIX веке», вышедшая в 1915 г., характеризует политику России, Австрии и Пруссии в период разделов Польши, ее судьбу во время наполеоновских войн и Венского конгресса, состояние Царства Польского до восстания 1863 г. Изложение же польской истории после этого восстания занимает у автора меньше места, но все же доводится до кануна первой мировой войны. Развитию польской политической мысли после восстания 1863 г. Погодин посвятил специальную монографию [68]. В ней он выделил три главных направления польской политической мысли, а именно: «социализм», «национализм» и линию «лоялизма и примирения», или «угодовства». Довольно обстоятельно изложена история развития социалистической мысли в польском обществе; в особой главе изложены события 1904—1905 гг.

Труды Погодина по истории Польши были значительным шагом вперед в подходе к «польскому вопросу» [69]. Автор подводил читателя к выводу о необходимости предоставления Польше политической автономии, которая, как он доказывал, нужна не только Польше, но и России. Автор выражал этим точку зрения прогрессивной русской буржуазии, требовавшей конституционных преобразований и для самой России. Либерально-демократические идеи проводил Погодин и в публицистических статьях по славянскому вопросу, которые писал в большом количестве, активно участвуя в политической жизни [70].

В Новороссийском университете с начала XX в. славяноведение преподавали в должности профессора А. А. Кочубинский, в качестве приват-доцентов С. М. Кульбакин и М. Г. Попруженко. После смерти Кочубинского в 1907 г. кафедру занял М. Г. Попруженко (1866—1943). Подобно своим коллегам из других университетов, Попруженко читал введение в славяноведение, историю славянских народов и литератур, церковнославянский язык, вел практические занятия по новым славянским языкам и т. д. Как свидетельствует одна из программ, Попруженко уделял большое внимание славянским литературам [71]. Студенты должны были особенно хорошо знать литературу одного западнославянского и одного южнославянского народа (языки которых ими избраны) и показать общее знакомство с историей литературы других славян. Болгарская литература читалась от Кирилла и Мефодия до Христо Ботева и Ивана Вазова; сербская — от летописей и житий до «иллирийского возрождения». Что же касается литератур

польской и чешской, то они охарактеризованы в программе лишь в самых общих чертах, хотя и отмечены все основные вехи их развития вплоть до новейшего времени.

Попруженко занимался также изучением памятников южнославянской письменности, в том числе «Бесед Козьмы Пресвитера» [72]. При исследовании этого источника автор высказал соображения, представлявшие собой новую, более высокую ступень изучения «Беседы» сравнительно с толкованиями авторов XIX в. В 1911 г. в работе о Козьме Пресвитере он рассмотрел вопрос о том, как текст «Беседы» на Руси вносился (в извлечениях) в различные литературные сборники, как текстом Козьмы вплоть до XVIII в. пользовались в целях поддержки и оправдания определенных идей [73]. Попруженко исследует источники сочинения Козьмы и приходит к выводу, что он выдающийся писатель древнеболгарского периода. Вообще в изучении этого важного источника по истории богомилов русская историография сделала большие успехи, причем прежде всего трудами Попруженко.

Заключая обзор университетского славяноведения начала XX в., следует отметить, что некоторые предметы славистического цикла преподавались не только в рассмотренных, но и в других учебных заведениях, например в Нежинском историко-филологическом институте (славянские языки и литературы), в духовных академиях (церковнославянский язык, новые славянские языки, история славянской церкви), на Высших женских курсах, где программа в основном совпадала с университетской. Преподавание, как правило, осуществлялось теми же профессорами, что и в университетах, или же славистами, читавшими лекции в университетах в качестве приват-доцентов. Детально вопрос о развитии славяноведения в этих высших учебных заведениях еще не изучен.

3. Организация славистических исследований в рамках Отделения русского языка и словесности Академии наук

Значение ОРЯС АН в организации научных исследований, в том числе и славистических, особенно заметно возрастает к концу XIX в. Постепенно Отделение становится их крупнейшим центром. Во главе ОРЯС стоял сначала А. Н. Веселовский, затем А. А. Шахматов. В число действительных членов Отделения входили В. И. Ламанский и А. Н. Пыпин, а большинство профессоров, преподававших славяноведение в русских университетах, были его членами-корреспондентами. Отделение имело ряд собственных постоянных изданий, в том числе «Известия ОРЯС» (4 книги в год) и «Сборник ОРЯС» (в среднем по 2 тома в год). На страницах этих органов публиковались разнообразные материалы по славянской филологии и истории. Много ценных исследований вышло под эгидой ОРЯС и отдельными изданиями.

Отделение оказывало материальную и методическую помощь лицам, занимавшимся в разных концах России изучением диалектов, местных обычаев и т. д., разыскивавшим в архивах интересные и важные документы, выделяло средства на заграничные командировки для изучения рукописей, работы в архивах и библиотеках. Оно поддерживало тесные контакты с университетскими славистами, привлекая их в свои ряды и оказывая материальную и научную помощь при издании трудов, учредило несколько премий для поощрения работы в области славяноведения, имело широкие научные контакты со славянскими зарубежными учеными, а также со славистами неславянских стран. Все крупные зарубежные специалисты в области славяноведения являлись членами-корреспондентами, а некоторые и действительными членами ОРЯС.

Руководящая роль Отделения в организации славистической работы в конце XIX—начале XX в. ярко отразилась в проведении так называемого предварительного съезда русских филологов в Петербурге 10—15 апреля 1903 г.[74] Его задачей являлось обсуждение назревших вопросов развития славяноведения и подготовки проведения международного съезда славистов. Предварительный съезд как бы подвел итоги предшествующего периода (второй половины XIX в.) и показал, что этой интенсивно развивающейся области знания не хватает координации научных усилий, научного общения, регулярного обмена мнениями. В славистике назрело много нерешенных проблем. Т. Д. Флоринский в своем докладе на съезде говорил: «Результаты деятельности местных ученых мало известны в других славянских странах [. . .]. Ученые силы славян разъединены [. . .], литература по славяноведению очень бедна цельными и систематическими трудами, охватывающими целые отделы науки о славянстве. Так, у нас нет сравнительной грамматики славянских языков, нет ни полной славянской диалектологии, ни сравнительно-этнографического описания славянских народов, ни полной этнографической карты славянских племен, ни общего обзора политической и культурной жизни разновидностей славянского племени. Отсутствуют славянские ученые журналы по истории, этнографии, языкознанию»[75]. Эта характеристика относилась к славяноведению во всех странах, в том числе и в России.

На съезде 1903 г. присутствовали практически все русские слависты — не только филологи, но и историки, этнографы, правоведы, представлявшие все российские университеты, Академию наук, министерство народного просвещения, ряд ученых обществ и учреждений — всего около 100 человек. Председательствовал И. В. Ягич, обязанности секретаря выполнял Н. В. Ястребов. На обсуждение съезда было поставлено шесть крупных проблем: об организации международного съезда славистов, о славянской энциклопедии, об издании словаря церковнославянского языка, о межславянском книжном обмене, о славянской библиографии, об издании церковнославянских памятников.

Обсуждение вопроса о времени созыва международного съезда и рабочих языках на нем показало, что среди русских славистов существовали две политические линии: либеральная, представители которой признавали языки славянских народов и сами эти народы равноправными, и шовинистическая, панрусистская, выступавшая против разрешения пользоваться на съезде любым, помимо русского, славянским языком или наречием. Большинство съезда пошло за либеральным направлением.

Важнейшим пунктом программы Предварительного съезда было обсуждение плана издания «Энциклопедии славяноведения», т. е. ряда монографий по литературе, истории, языкам, этнографии, археологии, искусству славян. Кроме того, намечалось включить в «Энциклопедию» некоторые исследования по смежным областям, например: общий очерк физиологии звуков, работу о славянских элементах в языках соседних со славянами народов, обзор произведений византийской и средневековой западноевропейской литературы, отразившихся в большей или меньшей степени в литературах славян или же ставших с течением времени достоянием последних, и т. п. Так, например, по языкознанию предполагалось написать введение в фонетику славянских языков, очерк грамматики общеславянского праязыка, грамматику древнеболгарского языка, общую историю славянских языков в 9 очерках, диалектологию современных славянских языков в 15 очерках, ряд работ о взаимовлиянии славянских наречий, очерк сравнительного синтаксиса славянских языков, работы о словообразовании в славянских языках и т. д. Программа по славянской этнографии намечала широкое изучение датированных памятников славянской археологии, создание очерков по «народоописанию» отдельных славянских земель и пр. В области изучения славянских литератур предполагалось осветить деятельность Кирилла и Мефодия, дать обзор произведений византийской литературы, повлиявших на русскую и южнославянскую письменность, обзор произведений средневековых европейских литератур, отразившихся на славянских литературах. Предполагалось разработать очерки древнего и нового периода славянских литератур, очерки о взаимовлиянии этих литератур и пр.[76]

Программа по истории славянских народов была намечена в проекте, предложенном профессором Юрьевского университета А. Н. Ясинским. Политическая история делилась на три раздела: древнейшая история славян до X в. включительно; история отдельных народов до XVIII в.; внутренние и внешние политические отношения славян в новое время. В особый раздел выделялись история христианства в славянских странах и история славянского права (Бюл. 13).

Однако специалистам по этим двум последним дисциплинам такое выделение показалось недостаточным. Профессор истории славянских церквей И. С. Пальмов (Санкт-Петербургская духовная академия) и профессор славянского права Ф. Ф. Зигель (Варшавский университет) выразили мнение, что их дисциплины

являются вполне самостоятельными науками и должны рассматриваться в особом проекте независимо от общей истории славян. В проекте по истории славянских народов большое внимание уделялось и вспомогательным историческим дисциплинам. Однако в результате полемики работа по систематизации исторического отдела была признана предварительной.

Что касается нового словаря церковнославянского языка, то съезд предполагал включить в него словарный материал памятников IX—X вв. и некоторых источников XI—XII вв. (Бюл. 1, 8). Специальная секция обсуждала вопрос об издании памятников славяно-русской письменности. Представитель Варшавского университета А. В. Михайлов охарактеризовал состояние издания памятников как не удовлетворяющее требованиям современной науки и выдвинул предложение о корпоративном принципе издания памятников при Академии наук как единственно способном решить материальные и научные проблемы издания, а также значительно ускорить его темпы (Бюл. 9). Состояние славянской библиографии также было признано неудовлетворительным. В славяноведении не существовало органа, который был бы способен учитывать всю выходящую в свет литературу по славистике. Информация, разбросанная по отдельным журналам, не могла гарантировать ни полноты, ни систематичности охвата литературы. В 1901 г. благодаря усилиям ОРЯС вышли сразу два общих библиографических справочника по славяноведению: «Славяноведение в повременных изданиях за 1900 год» (в Петербурге) и «Пражский славянский филологический вестник» (в Чехии), причем ОРЯС оказало пражскому изданию материальную поддержку. Однако общего принципа у этих изданий не было. Делегаты съезда приняли решение вести библиографию по славистике на основе международных правил, принятых в изданиях ОРЯС, при этом располагая материал по народностям, не ограничиваясь указанием заглавий и выходных данных, но и приводя краткие сведения о содержании сочинений (Бюл. 12). При рассмотрении вопроса о «межславянских книжных сношениях» было признано, что осуществлявшийся ранее книгообмен не выполнял общих задач славяноведения. Среди предложений было, в частности, такое: просить ОРЯС ходатайствовать об ограждении профессоров и вообще ученых «от стеснительных цензурных условий получения из-за границы книг» (Бюл. 14). Было также решено открыть в Вене постоянное книжное агентство для русских книг и расширить деятельность славянского отдела Библиотеки Академии наук в Петербурге.

На общем собрании съезда обсуждался вопрос о состоянии славяноведения в университетах России. Отмечалось, что подготовка кадров славистов и постановка преподавания славяноведения в русских университетах «архаичны». Академик В. И. Ламанский предложил ходатайствовать от имени съезда русских славистов об увеличении числа славистических кафедр, отпуске средств на устройство семинаров при кафедрах, на стипендии для

научных командировок студентов-славистов, приобретение фотографических аппаратов и фонографов для научных экспедиций (Бюл. 5). Профессор Петербургского университета П. А. Лавров высказался за учреждение в университетах трех славистических кафедр: славянского языкознания, славянских литератур и истории славянских народов. Кроме того, по мнению Лаврова, следовало создать во всех университетах по образцу Варшавского кафедру истории славянских законодательств. Для разработки проекта ходатайства была избрана специальная комиссия. В составленном ею документе говорилось: «Съезд русских филологов считает своим долгом ходатайствовать перед министром народного просвещения о более прочной и всесторонней постановке славяноведения во всех русских университетах, а именно полагает необходимым: а) учредить особую ординатуру по истории и древностям славянских народов; б) дать университетам возможность располагать двумя кафедрами по славянской филологии, имея в виду разделение на две группы: языка и литературы; в) восстановить на юридических факультетах ординатуру по истории славянских законодательств; г) дать возможность историко-филологическим факультетам иметь от 2 до 4 лекторов по живым славянским наречиям» (Бюл. 5). Это ходатайство и было направлено в министерство, но осталось без ответа, как и предшествующие просьбы об изменении порядка преподавания славяноведения в университетах [77].

В целом работа съезда русских славистов 1903 г. была успешной. Сразу же после его окончания ОРЯС развернуло подготовку к созыву международного славистического съезда. 10 сентября 1904 г. был даже выработан проект программы этого съезда и получены ассигнования, были также разосланы приглашения во все славянские и некоторые неславянские страны. Из общего числа 219 приглашенных отрицательный ответ прислали только 10, так что съезд должен был стать весьма представительным международным форумом. Но в связи с началом русско-японской войны срок созыва съезда был перенесен на 1906 г., а последовавшие затем политические события окончательно перечеркнули планы его проведения. Надо отметить, что некоторая часть задуманных в рамках издания «Энциклопедии славяноведения», монографий была написана и опубликована. В их числе «Обозрение современного славянства» Л. Нидерле (СПб., 1909), «История славянской филологии» И. В. Ягича (СПб., 1910) [78].

Идея международного славистического совещания окончательно не заглохла. В 1910 г. в ОРЯС возник проект Союза славянских академий [79]. Необходимость этой организации мотивировалась тем, что «для разрешения некоторых научных задач [. . .] необходимо сосредоточить [. . .] совокупные силы ученых специалистов всех славянских народностей», а в качестве примера приводилась «разработка доисторического прошлого, которым объединяется славянство». В общем же предметом занятий Союза должно было стать все то, что входило тогда в понятие славяно-

ведения. В качестве первоначальной программы Союза предлагалось: «издание трудов переводной деятельности братьев-первоучителей; составление полного словаря церковнославянского языка по памятникам, имеющимся в русской, болгарской, сербохорватской и чешско-моравской редакциях; составление всех географических названий в землях, обитаемых славянами [80].

Однако создание Союза славянских академий оказалось делом нелегким. Этот на первый взгляд чисто научный вопрос приобрел сильный политический оттенок и именно с его учетом рассматривался славянскими учеными. Южнославянские ученые откликнулись на идею создания Союза положительно. Но Краковская академия решительно отказалась принимать участие в его работе, Чешская академия присоединилась лишь после долгих колебаний и выставив определенные условия [81]. Все же в конечном счете был выработан проект устава Союза славянских академий (ДИСР. С. 316—317) и в Петербурге созвано совещание 7—9 (20—22) мая 1912 г., на котором, кроме России, были представлены Югославянская академия в Загребе, Чешская академия в Праге, Сербская в Белграде и Болгарская в Софии (ДИСР. С. 353—357). Участники совещания приняли не только окончательную редакцию устава союза (ДИСР. С. 357—359), но и наметили конкретные темы научных исследований и изданий, которые предполагалось осуществить совместными силами всех славянских академий. В числе проектов фигурировало, например, издание памятников древнейшей церковнославянской литературы, глаголических текстов, а также фотоснимков, планов и данных обмеров памятников христианской старины на Балканском полуострове и исследований о них.

Академик А. А. Шахматов предложил организовать антропологическое обследование славянских народностей, собрать географические названия, а также материалы о торговых путях, проходивших по славянским землям до 1453 г. Далее было предложено издать заново сведения мусульманских писателей о славянах и решить вопрос об организации текущей библиографической информации по славяноведению. Академик Сербской академии А. Белич предложил составить полный словарь языка церковнославянской письменности в русском, болгарском, сербохорватском языках, а также полное описание славянских рукописей и хранилищ. С. К. Булич выразил пожелание, чтобы Союз организовал сбор образцов исчезающей славянской народной музыки, а И. А. Бодуэн де Куртенэ сформулировал задачи и методы диалектологических исследований в странах, населенных славянами (ДИСР. С. 360—361). Таким образом, научные задачи, поставленные Союзом славянских академий, отличались широтой, а их выполнение значительно способствовало бы преодолению отставания, которое еще явно ощущалось в изучении всех сторон культуры и жизни славянских народов. Однако и этому проекту международного сотрудничества не суждено было осуществиться в связи с политическими событиями и начавшейся первой мировой войной.

Инициатива межславянского сотрудничества, с которой выступило ОРЯС АН, и поддержка ее большинством славянских ученых свидетельствовали о ведущем положении Отделения в организации научной работы по славяноведению во всей Европе. Это положение обеспечивалось прежде всего достижениями русских славистов во всех областях их науки. Об объеме этих достижений свидетельствует, в частности, составленный в предреволюционные годы подробнейший указатель славистической литературы, отличающийся широтой тематики и полнотой учета материала [82].

4. Славистические исследования в Русском археологическом институте в Константинополе

Весьма существенный вклад в изучение истории и современной жизни славянского населения Балкан внес Русский археологический институт в Константинополе (РАИК). В его создании приняли участие Российская академия наук, Русское археологическое общество, университеты и другие организации. Так, группа профессоров Новороссийского университета, где существовало византийское отделение в составе Историко-филологического ученого общества, выработала проект устава РАИК. Институт был открыт 26 февраля 1895 г.[83] Его задачами, как они формулировались в уставе, было изучение древностей всех народностей, входивших некогда в состав Византийской империи. Научные институты подобного типа для изучения древностей европейской и ближневосточной цивилизации представителями передовых в научном отношении государств существовали еще в первой половине XIX в. Так, Германия создала научный институт еще в 1829 г. в Риме, Франция — в 1843 г. в Афинах. В 80-е годы организовали свои научные базы в Средиземноморье и на Востоке также Англия и США.

Организационно РАИК подчинялся министерству народного просвещения, от которого получал ежегодно субсидию в 7500 руб. Штаты РАИК предусматривали всего три должности: директора, ученого секретаря и сотрудника. Директором в течение всех 20 лет существования РАИК был профессор Новороссийского университета, византинист и славист Ф. И. Успенский, учеными секретарями короткое время являлись П. Д. Погодин, Б. В. Фармаковский, Ф. И. Шмидт и др., а затем в течение 15 лет Б. А. Панченко. РАИК издавал «Известия», всего их вышло 16 томов. Сотрудники института совершали археологические и археографические экспедиции в Малую Азию, Сирию, Палестину, вели раскопки на территории Константинополя и в других местах. Но главная задача заключалась в изучении балканских славянских народов, которое велось в основном по трем направлениям: древнейшая история Балканского полуострова (так называемая доисторическая эпоха), греко-римский и византийско-славянский

периоды. Главное внимание институт уделял последнему и именно в этой области сделал научные открытия мирового значения. Сотрудники института и другие русские ученые, опираясь на РАИК как на свою научную базу, исследовали памятники изобразительного искусства, архитектуры, письменности, хозяйственные постройки и т. д. как чисто славянские, так и греческие, но относящиеся к славянской истории.

Сотрудники РАИК во время экспедиций производили замеры и топографическую съемку памятников, делали зарисовки и фотоснимки, обследовали монастырские и церковные библиотеки Болгарии и Сербии, вступали в контакт с коллекционерами и любителями древностей, осматривали памятники, находившиеся в частных руках, снимали копии с рукописей или покупали их. В 1896 г. директором РАИК Успенским и секретарем Погодиным была предпринята экспедиция в Болгарию. Осмотрев библиотеки Западной Болгарии, Успенский пришел к выводу, что мнение о большом количестве памятников славянского языка, якобы сохраняющихся в этом регионе, сильно преувеличено. Рукописи либо успели уже уйти за границу, либо их никогда не было так много, как ранее представлялось. Наибольшее собрание в 300 манускриптов Успенский нашел в Национальной библиотеке в Софии. Самой ценной оказалась рукопись XIV в. — Синодик царя Бориса, его факсимильная копия была передана для исследований М. Г. Попруженко. В библиотеке Рильского монастыря Успенский обратил внимание на труды Евфимия Тырновского и Григория Цамблака. В других библиотеках он нашел славянские евангелия, прологи, богослужебные книги и сборники, в большинстве своем неизученные. Во время той же экспедиции директор РАИК изучил состояние архитектурных памятников Болгарии, описал сохранившиеся остатки монастыря Бояны, церковь Николая Чудотворца и мученика Пантелеймона с ее интереснейшими фресками, обследовал археологические находки, хранившиеся в музеях Болгарии, памятники Тырнова, курганы.

В Северной Болгарии секретарем института Погодиным также были обнаружены остатки древних строений — церквей и одного древнеболгарского укрепления. Как оказалось, памятники этого региона были более позднего происхождения, но почти исключительно славянские. В их числе богослужебные книги XVII в., богослужебные рукописи XVII—XVIII вв., церковная утварь.

Из византийско-славянских памятников в Македонии самые интересные были обнаружены РАИК в тех местах, где в прошлом проходила борьба между сербами и болгарами: в районах Солуни, Охридского озера, Преспы. Здесь была сделана весьма важная находка — византийские мозаики в церкви Дмитрия Солунского, найдена греческая надпись о границах Болгарии и Византии при царе Симеоне и замечательная в палеографическом и филологическом отношении надпись царя Самуила, относящаяся к 992 г. и представляющая собой превосходный источник по изучению древнего славянского языка и письма. Все это открытия крупного

масштаба, повлиявшие на выводы о развитии тех или иных сторон славянской истории, заставившие пересмотреть некоторые сложившиеся концепции. До экспедиций РАИК памятники славянской старины в Македонии были описаны далеко не полностью. Обследование монастырских и церковных библиотек показало, что больше всего рукописей хранилось в Охридской библиотеке при церкви св. Климента: здесь нашлось 89 греческих и 17 славянских манускриптов. Первостепенное значение для науки имел пергаментный кодекс «Истории» Иоанна Скилицы Куропалата (XII в.), еще никем не изученный. На многих греческих рукописях обнаруживались славянские надписи. Славянские рукописи, о которых сообщалось ранее в научных изданиях, также не были изучены, а между тем содержали весьма важные сведения о короле Стефане Уроше и хилендарском игумене Иоанне. В библиотеке монастыря Сленче были обнаружены 50 славянских рукописей, бóльшая часть которых относилась ко времени позднее XV в.

Неоднократно Успенский, Панченко и ученые, работавшие под руководством РАИК, посещали Афон и продолжительное время изучали рукописи в библиотеках его монастырей. Многие документы были скопированы, исследованы и использованы в качестве источников для разработки соответствующих научных проблем. Некоторые письменные источники вместе с вещественными памятниками служили материалом для широких обобщений. Так, Успенский 2 марта 1897 г. на заседании института сделал сообщение о значении славянского элемента в Византийской империи [84]. Основные положения, высказанные ученым, сохраняют силу и до нашего времени. Много места в исследованиях сотрудников РАИК отводилось связям между Болгарией и Византией. Крупнейшим научным успехом увенчались раскопки институтом двух древних болгарских столиц. В 1899 и 1900 гг. Успенский организовал археологическое обследование древнего поселения у турецкой деревни Абоба. Раскопки обнаружили остатки дворца, вблизи которого находились церковь и несколько построек для княжеской дружины и челяди. Дворец был обнесен каменными стенами с башнями и воротами. За пределами каменного укрепления располагалась большая церковь. Полученный обильный археологический материал имел большое значение для изучения не только болгарской старины, но и истории всего Балканского полуострова.

Раскопанное поселение было первой столицей болгар еще в дохристианский период, т. е. резиденцией болгарского хана. Определение местонахождения первой столицы Болгарии, а также раскрытие важнейших особенностей жизненного уклада тогдашнего болгарского населения были крупнейшим научным достижением РАИК [85]. Естественным и необходимым продолжением раскопок первой столицы у дер. Абоба были раскопки в Преславе, второй столице Болгарии, находящейся южнее Абобы на расстоянии несколько более 40 км [86]. Задачей этих работ было выяснить отношение между Преславой и ранее открытой столицей у дер. Абоба, а именно: существовала ли Преслава одновременно с дру-

гой столицей и какова была цель основания новой резиденции. Раскопки обнаружили совершенно тождественную с абобской систему укреплений: стены обеих резиденций построены по одинаковому плану и приблизительно в одно время. Преслава выросла у входа в ущелья Балканского хребта постепенно, причем строительство крепости имело целью установить господство над так называемым Балканским проходом, через который шла большая дорога от Дуная к Константинополю. В отличие от раскопок у Абобы исследования в Преславе позволили выявить лишь самое незначительное число сколько-нибудь интересных предметов: турки уничтожили Преславу весьма основательно. Зато в 7 км от Преславы экспедиция обнаружила каменную глыбу с надписью хана Омортага. Надпись исследовали Успенский и другие ученые [87]. Из ее содержания ясно, что старая столица у Абобы называлась Плиска, а перенесение резиденции в Преславу произошло в 822 г.

Значение произведенных РАИК раскопок для исследований по древней истории Болгарии огромно. Они подтвердили предположение ученых о месте древней болгарской столицы, так что научная гипотеза стала доказанным фактом. Что же касается общественного строя, быта и занятий древнеболгарского населения, то сведения, которыми обладает наша современная наука, — при отсутствии письменных источников о Плиске и Старой Преславе — в значительной мере ведут свое происхождение от раскопок РАИК в 1899—1900 и 1905 гг.

Таким образом, изучение истории славян на Балканском полуострове РАИК осуществлял на большой территории, частично в самом Константинополе. В Старой Сербии побывала лишь одна экспедиция (1908 г.) с целью обследования Ипека — патриархии средневекового Сербского государства периода независимости, а также Дечанской лавры. Успенским здесь были изучены памятники XIV в.: сфотографированы фрески, произведены обмеры и описания зданий и т. д.

Не подлежит сомнению, что сотрудники РАИК имели очень ясное представление и о современной жизни славян Балканского полуострова. Постоянные путешествия, необходимый для их осуществления контакт с местными властями и населением, тесное сотрудничество с русскими консульствами в различных районах Турции, да и само существование РАИК под эгидой русского посольства в Константинополе обусловливали очень широкую осведомленность членов института во всех сферах жизни балканских народов. Но сотрудники РАИК не публиковали никаких сведений о современном положении покоренных Турцией народов, да и тех славянских государств, которые уже освободились от турецкого владычества.

РАИК привлекал к исследованию славянских древностей также болгарских и сербских ученых. При институте предполагалось даже создать «отделение доисторических древностей» и «комитет» по совместному с балкано-славянскими учеными археологическому

исследованию Балкан. Созванное в Константинополе в 1911 г. совещание представителей науки Сербии, Болгарии и России выработало план работы особого археологического отделения при РАИК [88]. Но его не удалось осуществить: вскоре началась война на Балканах, а затем и первая мировая. В октябре 1914 г. со вступлением Турции в мировую войну турецкое правительство в ультимативной форме предложило русскому посольству и сотрудникам РАИК немедленно покинуть Константинополь. Все имущество института — научные материалы, коллекции, библиотека — было конфисковано. Однако документация РАИК была спасена и перевезена в Одессу. Значительная ее часть хранится ныне в ленинградских архивах.

В целом РАИК внес большой вклад в развитие славяноведения. 16 томов «Известий», выходивших с 1896 по 1912 г. в Одессе и Софии, являются ценным памятником исторической мысли начала XX в. Их значение особенно велико в связи с тем, что оригиналы многих источников, обнаруженных, описанных и изданных сотрудниками РАИК, теперь утрачены. Некоторые научные мероприятия могли быть осуществлены вообще лишь в рамках РАИК с его специфической организацией, так как ранее славянские земли Балканского полуострова были почти недоступны для изучения. Сотрудники РАИК не только собрали огромный материал, послуживший источниковой базой для исследований многих русских и иностранных ученых, но и сами разработали ряд важных, ранее не поднимавшихся в науке проблем древней и средневековой истории южных славян. Трудами РАИК были подтверждены или отвергнуты некоторые гипотезы, а многие вопросы уточнены или впервые поставлены. Деятельность института отражала высокий уровень развития русского славяноведения и византиноведения конца XIX — начала XX в.

5. Исследования по истории и этнографии славянских народов

Первые полтора десятилетия XIX в. характеризуются значительным повышением интереса русского общества к истории и литературе славян. Особенно много работ по сравнению с предшествующим периодом появляется по истории. Объяснение этому явлению следует искать, видимо, в бурных политических событиях эпохи, таких, как буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. в России, Балканские войны, первая мировая война и связанные со всеми этими явлениями изменения внутренних и внешнеполитических условий жизни как в России, так и у славянских народов. Если в предшествующий период основное внимание было направлено на изучение древней и средневековой истории славян, а работы о славянской современности были исключением, то в XX в. резко возрос интерес к новой истории, текущим событиям, проблематике русско-славянских отношений в прошлом и настоящем. Значительно больше внимания стало уделяться и экономическим проблемам.

Удельный вес польской тематики в исторических исследованиях существенно возрос. Средневековьем занимался, в частности, В. В. Новодворский (1861—1923). Его главным трудом была монография «Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570—1582)» (СПб., 1904), кроме того, ему принадлежит ряд не столь крупных, но основательных исследований: «Польша, Швеция и Дания в царствование польского короля Стефана Батория», «Из биографии канцлера Яна Замойского», а также статьи о польской истории для журналов и энциклопедических изданий [89]. Появились две фундаментальные монографии о Великом княжестве Литовском: труд М. Довнар-Запольского, посвященный исследованию государственного хозяйства этого княжества, и книга И. И. Лаппо, основанная на большом материале источников и характеризовавшая правовое положение княжества от Люблинской унии до смерти Стефана Батория [90]. История Великого княжества Литовского продолжала интересовать и М. К. Любавского, написавшего также статьи о немецкой колонизации, о короле Казимире Великом, о Нешавских статутах [91]. В связи с юбилейной датой появилось несколько брошюр о Грюнвальдской битве 1410 г., общая характеристика Польши периода XVI — первой половины XVII в. дана в одной из статей И. Рябинина [92].

Разделы Польши, о которых уже были написаны серьезные работы, в меньшей степени занимали русских историков начала XX в. Значительное место в их работе отводилось публикации источников. К неутратившим свою ценность поныне принадлежит, в частности, публикация С. Г. Рункевича «Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов (1470—1843)» (СПб., 1897—1907. Т. 1—2), где имеется много материалов о диссидентах и русской политике по отношению к ним. Были опубликованы дневник секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого, историческая справка о А. В. Суворове в Варшаве, переписка между Александром I и А. Чарторыйским [93]. Вопрос о причинах падения Польши, о последнем сейме Речи Посполитой в 1794 г. освещался в статье А. В. Михайлова и в некоторых работах, переведенных с польского языка. Общая характеристика Польши в XVIII в. дана еще в одной статье И. Рябинина [94].

Довольно широко освещалась в специальной литературе история Царства Польского после Венского конгресса и до восстания 1830—1831 гг. Прежде всего были изучены некоторые источники, в том числе мемуары князя А. Чарторыйского и графини Потоцкой, воспоминания К. Колачковского [95]. Была опубликована конституция 1815 г., которая вообще стала излюбленным сюжетом в исторической литературе; о ней писали, например, М. К. Любавский, Ю. Подвинский, Д. Цветаев, П. Майков, Н. К. Шильдер и А. А. Кизеветтер [96]. Надо полагать, что интерес к конституции Царства Польского подогревался обсуждением русской общественностью возможности предоставления Польше автономии.

Продолжались изучение освободительной борьбы польского

народа, публикация источников о польском восстании 1830—1831 гг. и посвященных ему статей исследовательского или учебного характера[97]. Изучалось также польское восстание 1863 г. Были опубликованы некоторые воспоминания и донесения о начале восстания; отдельные работы были посвящены политическому положению Польши перед восстанием и общей его характеристике[98]. События 1863—1864 гг. освещаются также в работах, посвященных истории Польши XIX в. в целом. Первое место среди таких трудов как по объему, так и по прогрессивной концепции принадлежит упоминавшейся уже книге А. Л. Погодина «История польского народа в XIX веке». Наряду с ней следует указать на работы Ю. Подвинского «Сто лет борьбы польского народа за свободу» (М., 1907) и В. Студницкого «Польша в политическом отношении от разделов до наших дней» (СПб., 1908). «Русская политика в Польше со времен ее разделов до начала XX века» стала предметом внимания А. А. Корнилова, издавшего в 1915 г. брошюру под таким названием, а в статье, опубликованной тем же автором в журнале «Русская мысль» (1915. № 3), рассмотрена «Русская политика в Царстве Польском после 1863 года».

Среди проблем польской истории начала XX в. русских историков особенно интересовали течения политической и общественной мысли. Кроме А. Л. Погодина, книга которого по этой проблеме была упомянута выше, названную тему освещали А. П. Липранди, И. П. Филевич, Л. Васильевский[99]. Определенное внимание уделялось истории развития народного образования. Так, в 1907 г. в Варшаве был издан интересный статистический сборник «Народное образование Царства Польского за 90 лет. 1816—1906». О борьбе за польскую школу говорится в работе «Школьная революция в Царстве Польском (1905—1907)» (Варшава, 1908).

К экономическим вопросам развития Польши русские историки обращались нечасто, однако некоторые важные моменты все же получили освещение. Наиболее основательной можно признать работу А. А. Корнилова «Судьба крестьянской реформы в Царстве Польском». Написанная в 1894 г., она вошла в книгу того же автора «Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России» (СПб., 1905), работа ценна фактическим материалом, а реформу освещает с либерально-буржуазных позиций. Следует упомянуть и некоторые другие книги. Так, «Статистика выхода рабочих за границу» была издана под редакцией Г. Ф. Симоненко (Варшава, 1902—1903). Освещалось также положение крестьян, о котором писали К. И. Храневич и братья Н. и П. Лопатины; К. Г. Воблый осветил развитие польской промышленности до 1830 г.[100] Некоторые статьи и брошюры касались положения поляков в Австрии и Пруссии. Однако наиболее основательно эти вопросы освещала работа Л. Бернгарда, переведенная с немецкого[101]. Обзорные труды, касающиеся всей Польши, были изданы как упоминалось выше, Н. В. Ястребовым и А. Л. Погодиным. Появилась переведенная с польского работа В. Грабеньского[102].

Можно констатировать, что обильная литература по истории Польши, перечень которой не исчерпывается приведенными здесь названиями, сложна и разнообразна по концепциям и методологии. Значительная ее часть носила публицистический характер и была призвана решать скорее политические, чем научные задачи. Характерной чертой рассматриваемой литературы является и сравнительно скромный объем большинства работ.

По чешской истории русская историческая литература начала XX в. довольно значительна. Феодальный период продолжал освещаться А. Н. Ясинским в небольших, но важных работах о немецкой колонизации на немецком и чешском праве в селах Чехии [103]. Меньше, чем в XIX в., занимало русских историков гуситское движение. Лишь И. С. Пальмов продолжал систематические исследования, публикуя небольшие работы об историческом значении гусизма, нравственных устоях Гуса и пр. В этих работах Пальмова заметен, однако, отход ученого от прежнего критического взгляда, характерного для его ранее написанных крупных трудов, проявляется склонность возвратиться к старым славянофильским концепциям [104].

В 1915—1916 гг. появляются статьи и брошюры в связи с 500-летием со дня смерти Гуса. Эта юбилейная литература опиралась на сочинения прошлых лет — не в последнюю очередь на работы славянофильского толка — и являла собой любопытный образчик рецидива отживших взглядов на гуситское движение [105]. Ян Гус и Иероним Пражский, как некогда в 50-х годах XIX в., выставлялись борцами за православную веру. Писавшие, как правило, были дилетантами в исторической науке, черпавшими сведения для своих сочинений из трудов Е. Новикова и А. Гильфердинга. Они не имели ясного представления о современной научной разработке вопроса. Более того, война с Германией накладывала на их сочинения печать публицистической актуализации: некоторые события освещались ими вразрез даже с давно установленными историческими фактами. Заметное исключение из этих юбилейно-конъюнктурных публикаций составляла монография Н. И. Серебрянского «Ян Гус. Его жизнь и учение» (Псков, 1915). Ее автор, большой знаток сочинений Гуса и вообще источников о гуситском движении, с позиций позитивистской методологии отметал все попытки подтянуть вероучение Гуса к православию, открыто и прямо выступал против славянофильской тенденциозности в оценке Гуса и его последователей. Выгодно выделялись также работы Л. К. Давыдовой, А. В. Мезиер и В. Н. Перцева [106] — первые в русской славистике попытки подойти к оценке гуситского движения с марксистских позиций. Они тоже носили не исследовательский, а научно-популярный, компилятивный характер, но имели то неоспоримое достоинство, что выражали концепцию, качественно отличную от принятых в буржуазной историографии и публицистике. Никто из трех названных авторов не обладал талантом выдающегося мыслителя и той эрудицией, которая позволила бы им безошибочно выделить из трудов буржу-

азных историков наилучшие, критически отнестись к их построениям и таким путем углубить научную постановку тех или иных вопросов. Несмотря на их зависимость от работ К. Каутского, народнической и частично буржуазной историографии, очерки Давыдовой, Мезиер и Перцева указывали на возможность подхода к изучению гусизма с иных идейно-теоретических позиций, близких русским пролетариям по духу революционной борьбы с социальным угнетением. Существенно то, что упомянутые авторы пытались разобраться в классовом содержании гуситского движения, приложить к его оценке критерии исторического материализма.

Из исследований по другим периодам чешской истории заслуживает упоминания работа доцента всеобщей истории Петербургского университета П. П. Митрофанова «Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780—1790)» (СПб., 1907), переведенная и на немецкий язык. Автор впервые в русской науке рассматривал Чехию конца XVIII в. в контексте всей австрийской истории. На основании обширных архивных и прочих источников автор изложил преобразовательную деятельность Иосифа II довольно объективно, хотя и с либеральных позиций, оценив ее положительные и отрицательные стороны для развития славянских народов.

В изучении чешского национального возрождения главное место принадлежит, несомненно, В. А. Францеву. История Чехии освещалась и в обобщающих трудах, таких, как «Славянский мир» А. Л. Погодина и пр. Современное положение Чехии характеризовалось главным образом в брошюрах, журнальных и газетных статьях. Разбирались так называемый чешский вопрос и отношение к нему России, давалась информация о политических партиях у чехов, о немецко-чешских конфликтах, национальном порабощении чехов в Австро-Венгрии [107]. В целом эта литература значительно беднее той, которая посвящена Польше. Фундаментальных трудов, анализирующих чешскую историю на протяжении XIX—начала XX в., в русской историографии создано не было.

Продолжалась традиция изучения полабско-балтийского славянства: исследовались источники, разыскивались и новые документы. Если раньше на первом плане стоял вопрос о борьбе поморских славян с немецкими завоевателями, то в начале XX в. появились сочинения об экономической и социальной истории этой ветви славянства. Таковы работы приват-доцента Юрьевского, а с 1913 г. профессора Казанского университета М. В. Бречкевича (1870—1963), написавшего по данной тематике ряд исследований [108]. Концепция Бречкевича вызвала основательную критику современников, но в освещение частных вопросов он внес немало нового [109]. Крупнейшим исследователем истории балтийских славян был Д. Н. Егоров (1878—1931), автор двухтомной работы о колонизации Мекленбурга и других исследований [110]. Он ввел в научный оборот новые источники, по-новому проанализировал хронику Гельмольда, применив к ней методы филологической критики. Концепция самого процесса колонизации Мекленбурга

выражена в стремлении доказать участие в колонизационных актах крестьян славянской национальности, т. е. показать его «внутренний» характер. Этот подход подвергся обоснованной критике современников. Но в книге решено и много важных вопросов, не поднимавшихся в предшествующей историографии [111]. Интересной представляется и статья П. А. Яковенко «Сельское население в Руянском (Rügen) княжестве», вышедшая в ЖМНП (1910. № 10).

В исторической литературе о Болгарии важнейшее место в начале XX в. заняли работы по новой истории. Продолжалась публикация монументального издания — «Сборника материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Балканском полуострове» (СПб., 1898—1910), вышли в свет «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии 1877—1879 гг.» (СПб., 1903—1907) и книга «Русское управление в Болгарии в 1877—1879 гг.» (СПб., 1906—1907. Т. 1—3). Появилось несколько брошюр о современном положении Болгарии [112].

Кроме М. Г. Попруженко и А. Л. Погодина, разработкой проблем болгарской истории занимался также Г. А. Ильинский (1876—1937). Ильинский изучал источники по древней истории болгар, создавая базу для дальнейшего ее исследования. Ему принадлежит подготовка образцового издания грамот болгарских царей (ДТСК. 1911. Т. 5. С. 1—160). На их основе он осветил большой круг проблем, относящихся к внутреннему устройству феодального государства, воссоздал картину быта, духовной и материальной культуры средневековых болгар, их имущественных, правовых и социальных отношений. Эта работа Ильинского не утратила своего научного значения до настоящего времени (в 1970 г. ее фототипически переиздали в Лондоне).

Политическая и культурная жизнь болгар в XIV—XVII вв. исследовалась П. А. Сырку [113]. Современники находили его труды поверхностными, критикуя их за отсутствие выводов или недостаточную их обоснованность. При всем том работам Сырку нельзя отказать в богатстве фактического материала, который он разыскал и впервые использовал для освещения болгаро-славянских культурных связей. Эта проблема изучалась также А. И. Яцимирским (1873—1925) и, в частности, стала темой его труда «Григорий Цамблак» (СПб., 1904), удостоенного в 1905 г. Ломоносовской премии.

Беднее представлена русская славистика предоктябрьского двадцатилетия трудами по сербской и хорватской истории. Фундаментальных исследований по новейшей истории Сербии и Хорватии вообще не было. По истории Дубровника вышло лишь несколько статей, посвященных частным вопросам [114]. Шире других освещалась история Сербии, которой посвятил свой труд А. Л. Погодин. Продолжались изучение и публикация текста «Законника Стефана Душана». Не ослабевал интерес к личности и творчеству Ю. Крижанича: в 1901 г. была издана «Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву 1641 г.»; освещены его экономические взгляды,

его политические убеждения и государственные идеи; появилась информация относительно новых документов о Крижаниче, обнаруженных в Ватиканском архиве [115]. П. А. Кулаковский написал исследование о начале русской школы у сербов в XVIII в. Наконец, вышло несколько общих очерков сербской истории [116]. Их характерные черты — реалистический взгляд на современное положение Сербии и политическая заостренность оценок. Немало статей и брошюр было посвящено Боснии и Герцеговине. Несмотря на публицистический характер всех этих работ, рассчитанных на рядового читателя, они не лишены и некоторого историографического значения: главные моменты развития югославянских народов получили в них свое освещение. Независимо от мотивов обращения к истории южных славян русские ученые в большинстве случаев создавали такие труды, каких у самих южных славян еще не было. Поэтому работы русских славистов сыграли значительную роль в обогащении историографии южных славян и, стимулируя ее развитие у них, способствовали тем самым прогрессу исторической науки вообще.

Что касается славянской этнографии, то в ее приемах изучения предмета особых изменений не произошло. Этнографические сведения накапливались в комплексных трудах по славянским языкам, фольклору, истории, культуре и т. д. К числу крупнейших работ такого рода относятся упоминавшиеся уже неоднократно исследования П. А. Ровинского (о Черногории), Т. Д. Флоринского («Славянское племя»), А. Л. Погодина («Славянский мир»). Публиковалось также много газетных и журнальных заметок об отдельных сторонах быта и нравах славян. Крупных трудов специального или обобщающего характера не появилось.

Продолжалась разработка вопросов истории самого славяноведения, русского и европейского. Этим предметом, кроме Н. М. Петровского, написавшего важные труды о Копитаре и Григоровиче, занимался В. Истрин, собравший и исследовавший свидетельства источников о первых русских путешественниках по славянским странам — А. С. Калайдовиче и А. И. Тургеневе [117]. Большой вклад в изучение русского славяноведения внес своей магистерской диссертацией «Очерки по истории чешского возрождения» В. А. Францев. Его докторская диссертация «Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX в.» (Прага, 1906) освещает неизвестные ранее факты. Наконец, следует назвать труд И. В. Ягича «История славянской филологии» (СПб., 1910), до сих пор служащий ценным, хотя и далеко не безошибочным источником информации для многих славистов всего мира.

6. Изучение литератур и фольклора

Предреволюционное двадцатилетие ознаменовалось значительными успехами в изучении славянских литератур. Во второй половине XIX в., в результате развития романтизма и реализма, во всех славянских странах появились выдающиеся мастера

художественного слова, которые переключали внимание ученых и критиков на современное литературное развитие. Если прежде знакомство образованной России со славянскими литературами, особенно югославянскими и словацкой, нередко ограничивалось переводом двух-трех произведений национальных корифеев, то на рубеже веков совершился переход к обстоятельному изучению творчества многих поэтов, прозаиков, драматургов и к попыткам цельной характеристики литературного процесса в отдельных сранах. Для некоторых писателей признание их оригинальности в России, выдвинувшейся в начале XX в. на ведущие позиции в литературном мире, было первым шагом на пути к общеевропейскому и мировому признанию, а попытки синтеза литературного развития в целом — свидетельством втягивания славянских литератур в процесс формирования одной всемирной литературы.

Особенно многочисленными переводами в дооктябрьской России была представлена польская литература. Своего рода итогом многолетнего накопления переводов из А. Мицкевича, величайшего польского поэта, явилось четырехтомное издание его произведений (Собр. соч. в переводе русских писателей. 2-е изд. СПб.; М., 1902. Т. 1—4). В поэтическом переводе вышли все важнейшие произведения З. Красиньского, и по существу впервые в то время русский читатель познакомился с большей частью поэзии Ю. Словацкого, еще одного великого польского романтика. В 1915 г. в 52 книгах издали Ю. И. Крашевского. Появились собрания сочинений Б. Пруса, В. Реймонта, С. Пшибышевского и др. При жизни Э. Ожешко вышли четыре собрания ее сочинений. Однако по числу изданий и переизданий впереди всех шел Г. Сенкевич, из 12 собраний сочинений которого лучшим признано Полное собрание сочинений в переводе В. М. Лаврова (М., 1902—1917. Т. 1—6).

Многочисленность переводов произведений современной польской литературы побуждала к ее научно-критическому осмыслению. В 1904 г. вышли «Очерки новейшей польской литературы» К. И. Храневича, рассмотревшего в них рассказы К. Юно́ши, комедии М. Балуцкого, стихотворения М. Конопницкой и К. Тетмайера, романы Сенкевича, драмы Пшибышевского и др. Но самым значительным достижением — и не в одной только полонистике, а и вообще среди работ о славянских литературах той поры — явился двухтомный труд А. И. Яцимирского «Новейшая польская литература. От восстания 1863 года до наших дней» (СПб., 1908).

Александр Иванович Яцимирский, выпускник Московского университета, специалист по древнеславянским рукописям, апокрифической литературе, фольклору, этнографии и истории, более всего интересовался археографией. Для сбора архивных материалов он неоднократно по командировкам Академии наук посещал славянские страны (в 1889, 1905, 1907—1913 гг.). Сделанные им описания рукописных хранилищ, в том числе собрания рукописей в славянских отделах Берлинской, Дрезденской, Лейп-

цигской и Мюнхенской библиотек, представляют непреходящую научную ценность. Его текстологические и библиографические труды по славянским апокрифам, снабженные обстоятельным комментарием, являются надежным источником для медиевистов. Он много сделал для освещения межславянских и румыно-славянских литературных связей. Только «Известия ОРЯС» за период с 1897 по 1917 г. поместили несколько десятков статей Яцимирского по южнославянским литературам XV—XVII вв. Всего же ему принадлежит около тысячи работ [118], и самым большим научным достижением Яцимирского-литературоведа стал его труд «Новейшая польская литература», отмеченный в 1910 г. премией имени Ахматова Академии наук.

В методологическом отношении «Новейшая польская литература» Яцимирского восходит к культурно-исторической школе. Яцимирский смотрел на литературное развитие как на отражение общественного движения в Польше, борьбы различных идейных и политических течений. Там дает он объяснения творческой эволюции отдельных писателей, не упуская из виду даже самых заурядных, третьестепенных беллетристов. В смысле исчерпывающей полноты всего доступного в то время фактического материала его труд является классическим. Для метода Яцимирского показательно также стремление к объективности оценок, достигаемой посредством указаний на мнения критиков различных идейно-эстетических направлений. От выражения своих симпатий и антипатий автор воздерживается, хотя на всем его изложении заметна печать недавних революционных событий, раскрепостивших умы русской интеллигенции и сделавших ее более дотошной в поисках истины. Преподаватель Харьковского университета Л. Ю. Шепелевич, тоже специалист по польской литературе, писал в 1908 г. Яцимирскому, что его книга будет «чрезвычайно полезным пособием для русской публики и рассеет много предубеждений» [119].

Большое значение имела монография А. Л. Погодина «Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество» (М., 1912. Т. 1—2). Ценность ее заключалась не только в обобщении новейших исследований о Мицкевиче, но и в том, что в этой книге, проникнутой сочувствием к угнетенной Польше, полнее и объективнее, чем во многих польских трудах, освещались время ссылки поэта в Россию и значение дружбы Мицкевича с русскими для расцвета его дарования. В русской прессе тех лет было опубликовано чрезвычайно много работ об А. Мицкевиче [120]. Особенно ценна публикация 86 официальных документов, относящихся к пребыванию Мицкевича на родине и в России [121]. Из видных славистов о Мицкевиче и польской литературе писали А. Л. Погодин, В. А. Францев, Р. Ф. Брандт и др. Но литературной жизнью Польши интересовались одни слависты. Ею живо интересовались А. Ф. Амфитеатров, А. И. Богданович, В. В. Воровский, В. А. Гольцев, М. Горький, Г. В. Плеханов, М. А. Протопопов, Л. Украинка, М. К. Цебрикова и многие другие писатели и критики, стоявшие на различных идейно-научных позициях и нередко при обсужде-

нии польских сюжетов вступавшие в ожесточенный спор. Вообще польская литература составляла существенный элемент в духовной жизни культурной России, и о ней писали много. Об одном только Сенкевиче до 1917 г. появилось свыше 500 публикаций, в их числе книга А. М. Фемелиди [122]. Статьи, очерки и различного рода заметки о Конопницкой, Ожешко, Прусе, Реймонте, Тетмайере, С. Жеромском, А. Свентоховском не сходили со страниц русской прессы. Русский образованный читатель, — комментировал этот факт Е. В. Аничков, — охотнее и внимательнее читает произведения современных польских писателей, чем произведения далекого Запада. Сенкевич, Ожешко, Прус — это имена не только хорошо у нас известные, но близкие нам, почти что свои [123]. Отличительную особенность большинства этих публикаций составляли выявление сходных идейно-творческих тенденций, роднивших польских писателей с русскими, и, в частности, пристальное внимание к народному началу. В «народниках» у передовой русской критики тех лет числились и Конопницкая, и Ожешко, и Прус, и даже Сенкевич (раннего периода).

Не ослабевал в ту пору интерес и к предшествующим эпохам развития польской литературы. Так, появились новые работы о К. Бродзиньском, П. Скарге, А. Фриче-Моджевском, Я. Кохановском, М. Рее и др.[124]

Обилие переводов из польской литературы не в последнюю очередь объяснялось тем, что Царство Польское входило в состав Российской империи. Представители других славянских литератур (за исключением, пожалуй, словенца Ф. Прешерна) переводились намного меньше. Соответственно возрастали значение выпуска антологий и роль славистики в деле ознакомления русской общественности с достижениями зарубежных славян. «Славянская муза» (СПб., 1892); 3-е испр. изд. СПб., 1904) В. В. Уманова-Каплуновского, «Словацкие поэты» (СПб., 1901) и «Словинские поэты» (СПб., 1904) Н. Новича-Бахтина, «Славянские поэты» (СПб., 1908) С. Штейна, «Болгарский сборник» (М., 1913) К. С. Кузминского, «Сербский сборник» (М., 1913) С. Ф. Русовой, «Отголоски славянской поэзии» (Казань, 1913) Н. Петровского и другие антологии, сборники и альманахи являлись немаловажными событиями в истории русско-славянского общения.

Что касается чешской литературы, то культурная Россия продолжала в то время знакомиться с именами и произведениями тех, кому историей суждено было заложить предпосылки для расцвета блестящей плеяды писателей (творчества К. Чапека, Я. Гашека и др.), завоевавших в 30-х годах XX в. всемирную известность и оказавших заметное влияние на многих, в том числе советских, литераторов. Из чешских поэтов той поры первенствовал Я. Врхлицкий — его много переводили и писали о нем больше, чем о других. В связи со смертью Св. Чеха появилось несколько статей, показавших оригинальность этого писателя, прозаика и поэта, и подчеркивавших значение его гражданской лирики [125]. Меньшей известностью пользовался Я. Неруда. О нем можно было

почерпнуть лишь скупые сведения из некоторых статей да лекций вроде «Обзора славянских литератур» Р. Ф. Брандта, где новейшей чешской литературе отведено менее трех страниц, на которых после «зачинателя чешского байронизма» К. Г. Махи и «лучшего» из чешских поэтов Я. Врхлицкого упомянут также известный «беллетрист (жанрист)» Ян Неруда [126]. По-прежнему лучшей оставалась статья А. И. Степовича «Памяти Яна Неруды, чешского писателя» [127]. Из славистов о чешской литературе XIX в. писали В. В. Качановский, В. Н. Кораблев, К. Я. Грот и др. Особого упоминания заслуживают работы А. М. Селищева (1886—1942) о К. Гавличке-Боровском [128]. Селищев, ставший впоследствии видным лингвистом, в сущности был первым серьезным русским исследователем, который осветил отношение Гавличка к русской литературе и к России вообще. В какой-то мере он восполнил один из существенных пробелов «Очерка истории чешской литературы» (Киев, 1886) А. И. Степовича, много сделавшего для популяризации достижений современных чешских писателей, в сущности впервые открывшего для русских читателей К. Г. Маху как представителя «нового романтизма», заострившего внимание на преемственности традиций Махи в поэзии К. Сабины, В. Галека и Я. Неруды, но при этом не замечавшего другой линии поэтического развития Чехии, которую представлял своим творчеством Гавличек-Боровский. Известным достижением русской богемистики стала также монография Е. А. Рыхлика «Поэтическая деятельность Франца Ладислава Челаковского» [129]. На конкурсе этот труд Рыхлика, впервые в России обстоятельно осветившего поэтические и ученые сочинения Челаковского, удостоился золотой медали Киевского университета. Вышедшая ранее «История чешской литературы» (Киев, 1913) А. М. Лукьяненко (1880—?) не заняла прочной позиции в науке.

В 1901 г. под редакцией Н. Новича (Н. Н. Бахтина) (1866—1940) вышла антология «Словацкие поэты». Благодаря ей русский читатель мог продолжить свое знакомство с известными ему уже писателями (с творчеством Я. Коллара, Л. Штура, Я. Голлы, Я. Ботто и др.) и прочитать в русском переводе стихи Я. Калинчака, П. Орсага-Гвездослава и др. Из специалистов по словацкой литературе наиболее плодотворно трудился А. Н. Сиротинин. Он не только переводил А. Сладковича, С. Гурбана-Ваянского, Гвездослава, но и писал о них. К одной из лучших его литературоведческих работ относится очерк о Гнездославе [130]. Историей словацкой литературы наряду с чешской занимался также Ф. Ф. Аристов и др.

Хотя литературная жизнь южных славян, так же как и западных, находила отклик во многих периодических изданиях, однако главными очагами ее популяризации были «Славянские известия», «Славянский мир» и «Славянский век» (издавался в Вене). Именно здесь преимущественно публиковались стихи югославянских поэтов в русском переводе и литературно-критические статьи о них. Так, в 1900 г. «Славянский век» поместил юбилейную

статью Д. Н. Вергуна [131] о словенском поэте-романтике Ф. Прешерне.

Прешерн был в то время самым популярным из югославянских поэтов, известных в России. В 1901 г. вышло почти полное издание его стихотворений в переводе Ф. Я. Корша, с его же вступительной статьей [132]. Год спустя А. И. Степович выпустил отдельной брошюрой очерк «К столетию рождения словинского поэта Франца Ксаверия Прешерна» (Киев, 1902). Позднее о творчестве Прешерна писали В. В. Уманов-Каплуновский, А. И. Яцимирский, Л. Лесковец и др. Довольно широкую известность приобрел в тогдашней России и соотечественник Прешерна поэт А. Ашкерц (1856—1912), с которым русский читатель впервые познакомился лишь в 1901 г. Но вскоре Ашкерц был представлен уже более чем полусотней переводов, и о нем заговорили как о крупном явлении новой словенской литературы. В оценке его творчества столкнулись две точки зрения. Одну, тяготевшую к славянофильской концепции развивал в большой специальной статье А. Н. Сиротинин [133], славист-филолог, составивший себе имя многочисленными переводами из славянских литератур и книгой «Россия и славяне» (СПб., 1913), куда вошли его очерки и переводы из южно- и западнославянских поэтов. Противоположную, просветительско-демократическую точку зрения на Ашкерца отстаивали Н. Н. Бахтин и литературный критик Лев Савин [134]. Творчество Ашкерца привлекало к себе внимание и других русских литературоведов и критиков, в том числе Н. М. Петровского и С. Штейна [135]. Наконец, на страницах тогдашней русской прессы появилось имя И. Цанкара, предтечи «Словенской модерны» — поэта, новеллиста, драматурга. Его тоже начали переводить и пытались разобраться в своеобразии его противоречивых произведений, не чуждых реализма.

Из представителей новой сербской литературы в центре внимания русской общественности по-прежнему продолжал находиться Й. Йованович-Змай, один из зачинателей реалистического направления, поэт-сатирик, с ярко выраженными чертами гражданского пафоса. К началу XX в. о нем накопилось столько публикаций в различных русских изданиях, что Н. Н. Бахтин в 1905 г. опубликовал даже специальную, библиографическую статью «Змай Йованович в русской литературе» [136]. Слабее звучала в русских переводах и критических отзывах романтическая поэзия Дж. Якшича, сподвижника Змая. Зато устойчивой традицией стало изучение наследия Д. Обрадовича и В. Караджича, а также первого сербского лирика Б. Радичевича и черногорского поэта-романтика П. Негоша. Среди переводов из современной сербской прозы (М. Глишича, Р. Домановича, И. Чипико, Б. Станковича) на первом месте стояли рассказы Л. К. Лазаревича и С. Матавуля, и о них писали, естественно, больше, чем о других. Популяризации сербских писателей-реалистов в России содействовали своими трудами А. И. Степович, А. И. Яцимирский, В. Н. Кораблев и др. В начале XX в. широкую известность среди русских славистов

приобрел Й. Скерлич, выдающийся сербский литературовед — его переводят, на его труды ссылаются, на них опирается в своих лекциях по сербской литературе А. Л. Погодин и др.[137]

Благодаря переводам, литературно-критическим статьям и историко-литературным исследованиям русская общественность знакомилась, отчасти впервые, и с виднейшими хорватскими писателями — с литературной деятельностью Л. Гая, П. Прерадовича, С. С. Краньчевича, А. Шеноа, К. Ш. Джальского и др. Крупнейшей фигурой современной хорватской литературы признавался романист А. Шеноа, основоположник реалистического направления в Хорватии. Творчеству Краньчевича посвятил одну из своих лучших статей Л. Савин, который стремился раскрыть своеобразие этого, по его словам, «наиболее глубокого современного хорватского поэта» на фоне общих тенденций развития новейшей хорватской литературы [138].

После долгих лет сосредоточения на памятниках древней письменности произошел поворот и в изучении болгарской литературы. Прежде всего резко расширился круг знакомства русского читателя с произведениями современной болгарской литературы. Правда, популярность повестей Л. Каравелова по сравнению с предыдущим периодом заметно поубавилась, хотя именно в то время о нем был написан в России лучший очерк [139]. Все еще слабыми отголосками в заметках справочного типа и единичных переводах звучала поэзия П. Р. Славейкова и Х. Ботева [140]. Зато и среди читателей, и в научно-критической литературе знаменитостью стал И. Вазов. Переводы его многочисленных рассказов, очерков, стихотворений, романа «Под игом» (четыре издания: 1896, 1899, 1904, 1906), рецензирование его непереведенных драм и других сочинений — все это создавало вокруг имени Вазова ореол крупнейшего из основоположников новой болгарской литературы. 25-летие литературной деятельности писателя было отмечено особой статьей в «Известиях ОРЯС Академии наук» [141]. Но самый значительный вклад на первом этапе изучения творчества Вазова в России внесли работы А. Н. Сиротинина, А. И. Степовича и В. В. Уманова-Каплуновского [142]. Заметной фигурой в предоктябрьской России стал болгарский юморист А. Константинов. Из представителей второго поколения новоболгарской литературы, затронутой уже веяниями декаданса, стали известными Пенчо Славейков, П. Яворов, К. Христов и П. Тодоров, новеллист, драматург и литературный критик. В то же время состоялось первое знакомство русского читателя с рассказами А. Страшимирова и Елина Пелина. Не считая упоминавшихся «Болгарского сборника» (1913) и книги А. Н. Сиротинина «Россия и славяне» (1913), сыгравших важную роль в ознакомлении русского общества с новейшими достижениями болгарских писателей, главными источниками познаний по болгарской литературе служили университетские издания «История сербской и болгарской литератур» (Киев, 1914) А. Л. Погодина, «Пособие к лекциям по истории болгарской литературы» (Киев, 1915)

А. М. Лукьяненко, «Обзор славянских литератур» Р. Ф. Брандта и др.

На данном этапе литературная славистика, все отчетливее подразделявшаяся на полонистику, болгаристику и т. д., развивалась усилиями не только широких специалистов по славяноведению, но и литературными критиками, литературоведами-русистами (А. С. Архангельский, М. Н. Сперанский, В. М. Истрин, В. Н. Перетц и др.). И это было закономерно. По мере дифференциации научных знаний, входивших в славяноведческий комплекс, их равномерная разработка для отдельного ученого становилась все более непосильной. Сама собой возникала дилемма: либо ограничиваться компиляцией, либо разработкой одной из дисциплин. Вторым путем шел, в частности, А. И. Степович, для которого главным объектом его славистических интересов стали славянские литературы.

Андроник Иоаникиевич Дудка-Степович (1857—1935), выпускник, а затем и приват-доцент Киевского университета, читавший с 1895 г. лекции на кафедре славянской филологии, был учеником А. А. Котляревского. В отличие от своего учителя он исходил в своих построениях из славянофильской концепции славянской взаимности. Но при этом, следуя культурно-историческому методу, Степович придавал первостепенное значение изложению фактов и популяризации культуры славян. Почитая лучшим средством духовного единения братских народов их взаимное ознакомление с литературными достижениями друг друга, он много труда вложил в переводы на русский язык И. Вазова, чешского романиста А. Ирасека, черногорца П. Негоша, сербских поэтов Й. Змая, Б. Радичевича и Я. Веселиновича, новеллиста Л. Лазаревича и др. Кроме вступительных статей к переведенным писателям, он еще отдельно опубликовал ряд работ о Я. Колларе, Я. Неруде, Я. Врхлицком, Ф. Прешерне, И. Вазове и др. Для своего времени немаловажное научное значение имели также его труды по истории славянских литератур. Кроме упомянутого «Очерка истории чешской литературы», им были созданы также «Очерки по истории славянских литератур» (Киев, 1893) и «Очерки истории сербохорватской литературы» (Киев, 1899), посвященные в основном писателям XIX в. Главную цель своих очерков Степович видел в том, чтобы восполнить пробелы в «Истории славянских литератур» Пыпина и Спасовича и с решением этой задачи справился успешно.

Наряду с углублением анализа творчества отдельных писателей начало XX в. отмечено первыми попытками перейти к характеристике литературного процесса в целом. Самой удачной из них была всеобъемлющая «Новейшая польская литература» А. И. Яцимирского. Что касается югославянских литератур, то одна из попыток их обобщающей характеристики исходила от Л. Савина [143]. Разобраться в сложном процессе литературного развития Сербии и Болгарии пытался также А. Л. Погодин в «Лекциях по истории сербской и болгарской литератур» [144].

К дооктябрьскому периоду относятся и первые марксистские оценки некоторых явлений литературной жизни славян. Они высказывались такими деятелями, как В. В. Воровский и М. Горький. «Если мы тем не менее можем с гордостью сказать, что уже в дореволюционное время нами созданы крупнейшие ценности в области литературной критики по сравнению с европейской ветвью пролетарского движения, — писал А. В. Луначарский, — то в этом мы в значительной мере обязаны Плеханову и Воровскому».

Г. В. Плеханов о славянских литературах не писал. У него можно встретить только упоминание дорогих славянству имен, например имя Мицкевича, обличительную критику декадентства на примере поэтических сочинений Я. Каспровича со ссылками на «Новейшую польскую литературу» Яцимирского, попытки придать значение нарицательного персонажа Фальку из романа С. Пшибышевского «Homo sapiens» и т. д. Значение Плеханова для литературной славистики, как и для всего последующего развития науки о литературе в России, Болгарии и других славянских странах, определялось разработкой марксистской теории искусствоведения вообще и литературоведения в частности, разработкой, при которой Плеханов использовал труды культурно-исторического направления, и в особенности исследования А. Н. Пыпина.

Иной была роль В. В. Воровского. По словам Луначарского, называвшего его «классиком марксистской эстетики», Воровский «редко выдвигал основные теоретические мысли марксистского искусствоведения, а больше прилагал их на практике к определенным литературным произведениям или к определенным кускам литературного процесса» [145]. К редким статьям Воровского, где он поднимал теоретические вопросы, относится «Ева и Джиоконда», впервые опубликованная в 1929 г., но написанная не позднее 1904 г. В ней критик-марксист противопоставляет восторженным отзывам о пьесе Пшибышевского «Снег» свою оценку этой пьесы как модернистской, художественно ущербной и мещански-пошлой. В обоснование своего суждения Воровский развивает теоретические посылки, которые частично связывает с новейшими положениями литературной науки (в данном случае с психологической теорией «экономии сил» Д. Н. Овсянико-Куликовского, последователя А. А. Потебни). Использование новейших достижений научной мысли для разработки марксистской эстетической теории — одна из величайших заслуг зачинателей русской марксистской критики, и в их числе Воровского.

Вацлав Вацлавович Воровский (1871—1923) — выдающийся революционный деятель и талантливый публицист. Ленин называл П. Орловского (псевдоним Воровского) в числе «главных писателей большевиков» [146]. Свою литературно-критическую деятельность Воровский считал частью партийной работы профессионального революционера, стремившегося применить «марксистскую теорию к литературе». Главным объектом его критики была

русская литература, а среди зарубежных литератур значительное место в его статьях занимала польская. Поляк по происхождению, он пристально следил за литературной жизнью Польши и мог судить о ней с таким же знанием дела, как и о русской. Наиболее интенсивный период литературно-критической деятельности Воровского приходится на одесский период его жизни (1907—1912 гг.). Не все написанное удавалось ему напечатать (не были опубликованы при его жизни статьи о З. Красиньском). Но некоторые работы под разными псевдонимами он поместил в «Одесском обозрении» («Александр Свентоховский», 1908; «Новый роман Пшибышевского», 1909), в газете «Одесские новости» («Иосиф Игнатий Крашевский», 1912; «Болеслав Прус», 1912). В марте 1912 г. Воровский выступал с публичной лекцией «Сигизмунд Красинский и романтическая поэзия Польши. (К 100-летию со дня рождения поэта)». К этой лекции Воровского примыкают его очерки «Польский Данте» (1912) и «Сигизмунд Красинский» (1912), до сих пор служащие классическим образцом марксистского анализа. В них Воровский глубоко раскрывает противоречия в мировоззрении и творчестве З. Красиньского, по-новому оценивает историческое значение произведений поэта, аристократа, сумевшего в мышлении возвыситься над узостью взглядов своего класса; попутно критик высказывает меткие суждения об А. Мицкевиче и Ю. Словацком («бурнопламенном демократе»), характеризует польский романтизм в целом, указывает на его связь со шляхетским освободительным движением, на его обусловленность историческими особенностями развития Польши [147]. В коротких газетных статьях об А. Свентоховском, Ю. И. Крашевском, Б. Прусе отмечаются общественные и литературные заслуги каждого из писателей, раскрывается классовая сущность их мировоззрения и особенности их таланта. Правда, оценки Воровского не всегда бесспорны: он явно недооценивал романы Пруса, считая главным призванием писателя «незатейливые рассказы». Воровский был одним из первых русских критиков, обративших внимание на противоречивый характер литературного движения «Молодая Польша» и положительно оценивших драмы С. Выспяньского. В то же время он указывал на декадентские тенденции, особенно резко проявившиеся в творчестве Пшибышевского.

Большую ценность для полонистики представляют также письма Воровского, где содержится немало интересных его высказываний о польской литературе, о М. Конопницкой, С. Выспяньском, С. Жеромском и др.[148] Для Воровского характерны были — и это в полной мере относится также к интересующей нас части его наследия — творческое развитие традиций русской революционно-демократической эстетики, решительное осуждение вульгарно-социологического подхода к литературе, последовательное отстаивание реализма в искусстве, выступления против декадентства, за связь литературы с борьбой передовых сил общества, и прежде всего с борьбой революционного пролетариата.

Много внимания уделял польской литературе и Максим Горький (1868—1936). Он знал сочинения Мицкевича, Красиньского, Сенкевича, Ожешко, Т. Ежа, читал Тетмайера, Пшибышевского, Г. Даниловского, поддерживал контакты с Жеромским, с которым встречался на о-ве Капри, с С. Бжозовским и др.[149] «Преклоняюсь перед народом польским, неутомимым в его великой борьбе за свободу, горячо люблю польскую литературу и был бы безмерно рад познакомить русский народ с духовной жизнью его братьев по крови», — писал он в 1907 г. польскому литературному деятелю В. Фельдману [150].

Знание польского материала позволяло Горькому использовать его в своих литературно-критических статьях для обоснования некоторых теоретических положений. Так, в очерке «Разрушение личности» (1909) он впервые высказал мысль, согласно которой народ есть созидатель не только всех материальных, а и духовных ценностей, «первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт». Для доказательства этого положения Горький использовал, в частности, славянский фольклор и факты польской литературы. По его словам, такие пользующиеся «всемирной славой» поэты, как «Мильтон и Данте, Мицкевич, Гёте и Шиллер» всего выше возносились тогда, когда черпали вдохновение из источника народной поэзии. Согласно Горькому, все герои от литературы (великие писатели) «являются перед нами как носители коллективной энергии, как выразители массовых желаний. Мицкевич и Красинский явились во дни, когда их родной народ был цинично разорван натрое физически, но еще с большей энергией, чем когда-либо раньше, чувствовал себя цельным духовно» [151]. Из русских ученых Горький цитирует здесь только одного Ф. И. Буслаева, но его мысль о народных истоках личного творчества великих поэтов фактически восходит к одной из основополагающих идей передовой русской академической науки, к положению, которое А. Н. Веселовский выразил в крылатом афоризме: петраркизм древнее Петрарки. Разница была в том, что Ф. И. Буслаев, Н. С. Тихонравов, А. Н. Веселовский отстаивали эту идею в борьбе с кантианством и преувеличением роли личности в истории у народников, тогда как Горький нацеливал ее против буржуазного индивидуализма и декадентства. В этой связи, иллюстрируя разлагающее действие буржуазного индивидуализма на личность, Горький сопоставляет ряд героев из произведений европейских писателей, в том числе из романов «Без догмата» Сенкевича и «Homo sapiens» Пшибышевского. Говоря о корифеях славянской поэзии, Горький с гордостью писал: «. . .Шевченко, Пушкин, Мицкевич — люди, воплотившие дух народа с наибольшей красой, силой и полностью» [152].

В поле зрения Горького находилась также болгарская литература. С живым интересом делился он своими впечатлениями о романе Вазова «Под игом» и рассказах Елина Пелина, как о «высокоодаренных людях» отзывался о Пенчо Славейкове и П. Тодорове и только к А. Константинову относился с преду-

беждением [153]. И так же, как фактами из польской литературы, пользовался он знанием болгарского материала для борьбы с силами и настроениями, враждебными русскому пролетариату.

В 1911—1912 гг. Горький выступил с циклом статей «Издалека». Он ратовал за единение честных людей всех племен, входивших в состав Российской империи, за «единение, почвой которого должны быть интересы всероссийской демократии» [154], а целью — борьба против сил социального угнетения, национальной розни, духовного разобщения людей. Идейных противников достижения этой цели Горький видел, в частности, в декадентах, отрывавших литературу от жизни, уводивших ее от жгучих социальных проблем, делавших ее «слишком литературной». И когда ему в этой связи представилась возможность опереться на литературный опыт болгар, Горький не упустил случая. Повод дала ему публикация очерка «Новая болгарская литература» К. Кристева [155], видного болгарского глашатая «чистого искусства», с которым пролетарский писатель вступил в полемику. Опыт литературного развития Болгарии, за короткий срок прошедшей «путь от плодотворного социального идеализма до бесплодного пессимизма и отчаяния», казался Горькому чрезвычайно поучительным, особенно для русских, и он, чтобы извлечь исторический урок из обрисованной Кристевым литературной эволюции Болгарии, чтобы раскрыть его глубокий, общечеловеческий смысл, проводил ряд сопоставлений из современной болгарской и русской литературной жизни. П. Р. Славейкову, Ботеву, Вазову и другим поэтам-борцам за свободу и возрождение измученной Болгарии неведома была «невыразимая тревога души, оторванной от верований народа». Они воплощали в себе эти «верования народа», служили ему словом и делом, и именно им, сторонникам «гражданского направления», по признанию самого К. Кристева, болгары обязаны и своим быстрым духовным развитием, и своим существованием как свободной нации. Болгарские модернисты, напротив, сторонясь мучительной действительности, стали отдавать себя идеям и настроениям европейской литературы и мечтать о «преодолении страдания радостями искусства». О том же много говорили и русские модернисты, но «страдания» действительной жизни «не только не преодолели, а увеличили их, устроив во храме русской литературы хоровод пошлости и мерзости». Из сопоставительного анализа новейшей истории двух братских литератур следовал вывод: «Картина эволюции, переживаемой болгарами, еще раз с очевидностью подтверждает ту истину, что законы роста Духа человеческого в общем для всех одинаковы и что народы, запоздавшие в своем развитии, идут к общечеловеческим целям теми дорогами, которые проложены для них великим трудом передовых наций» [156].

Кроме приобщения грамотной части сознательных русских рабочих к обсуждению проблем духовной жизни славянства, литературно-критические статьи и отдельные высказывания Воровского, Горького и других русских марксистов о славянских

писателях имели еще и большое научное значение первых кирпичиков в том методологическом фундаменте, на котором позднее, в рамках развития советской славистики, сложилось и окрепло новое, марксистско-ленинское направление литературных исследований.

В общем на рубеже веков удельный вес общеславянской художественной культуры заметно увеличился как в духовной жизни образованной России, так и в багаже тех знаний, какими располагали русская наука о литературе и литературная критика. Передовая русская критика тех лет, борясь с модернизмом, в то же время с растущим пониманием относилась к романтизму Мицкевича, Негоша, Прешерна, Махи и др. Но к произведениям новейших славянских писателей она зачастую подходила с мерой высших достижений русской литературы: она превыше всего ценила развитый реализм, настойчиво искала его в их творчестве и по причине применения несоответствующего, завышенного критерия не всегда глубоко раскрывала их историческое своеобразие и национальное величие.

На рубеже XIX и XX вв. от литературоведения окончательно отошло изучение устного народного творчества. Такая специализация, при которой изучение литературного процесса замыкалось в национальных границах чисто литературного материала, безусловно, способствовала развитию исторического метода литературных исследований, но вместе с тем она повлекла за собой и некоторые отрицательные последствия. Главным из них было неосознаваемое перерождение сравнительно-исторического литературоведения в компаративистику. Если сравнительно-историческое литературоведение пыталось соединить параллельное рассмотрение истории ряда литератур (всеобщей истории литературы) с принципом постепенного восхождения от древнейших, зародышевых форм устной поэзии ко все более сложным формам личного литературного творчества, то для компаративистики, опиравшейся на разрозненные истории национальных литератур, основным способом постижения их связи между собой стало применение теории заимствования. Это сказалось и на методологии литературной славистики. В изучении межлитературных, в том числе межславянских, взаимоотношений П. А. Сырку, А. И. Яцимирский, В. А. Францев, Е. В. Аничков, Н. И. Петров и др. по методу были уже компаративистами. Существенно изменилось и отношение литературоведов к фольклору: он утратил для них былое значение переходного звена в единой цепи развития поэтического искусства. Произведения устного творчества славянских народов стали теперь привлекаться не для решения фундаментальных задач познания общих закономерностей литературного развития, а главным образом в качестве источников личного творчества Челаковского, Негоша, Мицкевича и т. д. и т. д.

Для фольклористики обособление от литературоведения имело особенное значение. Она обрела черты вполне самостоятельной дисциплины с четко обозначенным особым предметом изучения

и специальными приемами его исследования. Появились школы по изучению фольклора. В России самой влиятельной стала «историческая школа» В. Ф. Миллера, опиравшаяся в основном на теорию самозарождения сюжетов. Ее представители, сосредоточившись на изучении русского былевого эпоса, прибегали к широким сопоставлениям русского фольклора с азиатским и западноевропейским. Как и в лингвистике, внедрение сопоставительных исследований все дальше уводило специалистов за пределы славянского ареала. Эта тенденция характерна также для монографии Е. В. Аничкова «Весенняя обрядовая поэзия на Западе и у славян» (СПб., 1903—1905. Ч. 1—2) — лучшей и единственной крупной работы по славянскому фольклору рассматриваемого периода. Е. В. Аничков (1866—1937), ученик А. Н. Веселовского и француза Г. Париса, двух выдающихся представителей сравнительно-исторического метода, отходит от него, в фольклорных исследованиях становится на позиции школы Д. Н. Овсянико-Куликовского (иначе, «народно-психологической школы»), далавшей упор на изучении законов коллективного творчества. Новый фактический материал по фольклору, собранный Аничковым, записи романо-германских и славянских обрядов и теоретическая постановка вопросов о методе синкретического изучения фольклора, происхождении обрядовой поэзии, ее обусловленности семейно-бытовым укладом народной жизни — вот главные достоинства его фольклорных работ. Кроме Аничкова, изучением славянского фольклора на данном этапе занимались М. Г. Халанский, Н. Ф. Сумцов, А. М. Лобода, П. К. Симони и др. В частности, Халанский продолжал начатое им ранее изучение южнославянских сказаний о Марке Кралевиче в их сопоставлении с русскими былинами. Обширную статью о гайдуцких песнях сербов и болгар опубликовал И. Смельницкий [157].

7. Славянское языкознание

На протяжении предреволюционных десятилетий продолжал играть более или менее видную роль в изучении южных и западных славянских языков И. А. Бодуэн де Куртенэ, Р. Ф. Брандт, П. А. Лавров, В. И. Ламанский, Б. М. Ляпунов, Т. Д. Флоринский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, В. Н. Щепкин и некоторые другие ученые, начавшие свою научную и педагогическую деятельность во второй половине XIX в. Характеристика соответствующей части их творчества во имя цельности восприятия помещена в разделе 5 предшествующей главы. В настоящем же параграфе речь пойдет о деятельности тех специалистов по данной отрасли славяноведения, которые пришли в науку в начале XX в. и которых, продолжая принятое ранее условное деление, можно причислить к славистам четвертого поколения.

Г. А. Ильинский прошел специальную подготовку в Петербургском университете, написав под руководством Ламанского сочинение «Орбельская Триодь». Наибольшее влияние на формиро-

вание интересов молодого ученого оказал С. К. Булич. Начало научной деятельности Ильинского было тесно связано с лингвистическим отделением Неофилологического общества, созданного по инициативе А. А. Шахматова. В течение десяти лет (1899—1908) Ильинский был секретарем отделения. За тот период он прочитал много докладов, которые затем печатались в «Известиях ОРЯС», РФВ, «Живой старине» и других изданиях. Они были посвящены истории старославянского аориста, образованию славянских наречий, происхождению частицы *-зи* в болгарском и сербском языках, истории местоимений и многим другим вопросам. В 1901—1903 гг. Ильинский находился в заграничной командировке. Его научные интересы охватывают издание старых памятников славянской письменности, их изучение и всестороннее описание, кирилло-мефодиевскую проблематику, сравнительно-историческое изучение славянских языков, праславянскую грамматику, историческую лексикологию и этимологию. Мы рассматриваем ниже лишь те из его трудов, которые касаются западных и южных славянских языков.

Ильинский много занимался изучением, описанием и изданием старославянских, среднеболгарских и сербских памятников. Это «Грамоты царя Иоана Асеня II» (1901), «Дибрский отрывок сербской летописи» (1901), «Об одном афонском Служебнике в Погодинском древнехранилище имп. Публичной библиотеки» (1904), «Рукописи Копитаря в Люблянской лицейской библиотеке» (1904), «Отрывок среднеболгарской Служебной минеи XII—XIII вв.» (1905), «Софийский октоих XIII в.» (1905), «Грамота бана Кулина» (1906), «Македонский листок. Отрывок неизвестного памятника кириллической письменности XI—XII вв.» (1906), «Среднеболгарские листки Ундольского XII—XIII вв.» (1905), «Копитарова Триодь XIII в.» (1906), «Сверлижские отрывки» (1906), «Мануйловский Апостол XIII в.» (1908), «Пергаменные рукописи П. А. Сырку» (1908), «Рукописи Зографского монастыря на Афоне» (1908) «Македонский глаголический листок. Отрывок глаголического текста Ефрема Сирина» (1909), «Грамоты болгарских царей» (1911), «Слепченский апостол XII в.» (1912), «Охридские глаголические листки. Отрывок древнецерковнославянского евангелия XI в.» (1915). При этом текст «Слепченского апостола» был воссоздан путем сведения воедино шести частей, хранившихся у разных лиц и в разных книгохранилищах, на что потребовалось 12 лет упорного труда.

Все эти исследования построены по единой схеме. Сначала подробно излагается история открытия и изучения памятника, дается критика предшествующих изданий. Затем отмечаются палеографические (внешний вид, приписки, украшения, употребление и начертание букв, надстрочные знаки, титла и сокращения), фонетические и морфологические особенности. По единодушному признанию специалистов, тексты, подготовленные Ильинским, отличаются большой точностью и его издания можно поставить в ряд лучших. Он не только восстанавливал отдельные слова

и буквы при помощи других текстов, но и тщательно исправлял ошибки и неточности своих предшественников, прежде всего И. И. Срезневского. Все издания сопровождаются указателем, в котором приводятся все слова (а иногда и их формы) с переводом на греческий и латинский языки. Сравнение издаваемого текста с другими письменными памятниками помогало Ильинскому уточнить время и место создания рукописи, а также ее диалектную основу. Например, если В. Н. Щепкин относил «Слепченский Апостол» к первой половине XIII в., С. М. Кульбакин — ко второй половине XII в., то Ильинский отнес его к первой половине XII в. Притом он показал, что первая часть рукописи восточноболгарского происхождения, а вторая часть — македонского. В «Грамотах болгарских царей» — лучшем труде ученого — приводятся «историко-географические комментарии» к названиям рек, озер, колодцев, населенных пунктов, показывается их место на карте средневековой и современной Болгарии, а в некоторых случаях даются история и этимология названия. Анализируя лексику грамот, Ильинский показывает быт, духовную и материальную культуру, имущественные и социальные отношения средневековых болгар.

В научном наследии Ильинского большое место занимают праславянские сюжеты. Его капитальный труд «Праславянская грамматика» (Нежин, 1916) полезно учитывать и в настоящее время. К праславянской проблематике близко примыкают исследования Ильинского, посвященные старославянскому, болгарскому, сербохорватскому и другим славянским языкам. Это «Из истории славянского аориста» (1900); «Об одном старославянском обороте с точки зрения славянских наречий» (1900); «Родительный ли падеж — местоимение ЧЬСО» (1901); «Как возникло сербское КО» (1902); «Один случай грамматической аналогии в сербском языке» (1905); «Еще раз об образовании родительного падежа мн. ч. имен существительных в сербохорватском языке» (1914), монография «Звук Х в славянских языках» (1915) и др.

С. М. Кульбакин учился в Новороссийском университете у А. А. Кочубинского, однако основы лингвистического образования он получил у А. И. Томсона, возглавлявшего в университете кафедру сравнительного языкознания и санскрита. Именно с его помощью Кульбакин усвоил основные принципы младограмматического направления в варианте Ф. Ф. Фортунатова, лекции которого Кульбакин слушал в Москве после окончания учебы в Одессе. В 1901—1903 гг. Кульбакин находился в заграничной командировке, во время которой основательно изучил ряд славянских языков, обращая в то время основное внимание на западную группу. Затем он, как уже говорилось, возглавил кафедру славянской филологии в Харьковском университете.

Еще в молодые годы Кульбакин заинтересовался вопросами славянской акцентологии. Отражению древних акцентных отношений в польских говорах посвящена его магистерская диссертация «К истории и диалектологии польского языка: I. Фонетика сва-

жендзского говора. II. Возникновение общепольских долгот» (1903). В 1907 г. Кульбакин опубликовал монографию «Заметки о славянском количестве и ударении», в которой рассматриваются многие факты рецессии славянского ударения. В 1921 г. в издании «Јужнославенски Филолог» была опубликована работа Кульбакина «Акценатске питанја». Автор хорошо разбирался в трудных вопросах славянской акцентологии, обработал большой материал различных славянских языков, но собственной акцентологической концепции у него не было.

Значительно большую роль сыграли труды Кульбакина по истории болгарского и сербского языков. Много нового в изучение среднего периода истории болгарского языка внесли его публикации: «Материалы для характеристики среднеболгарского языка» — Вып. I. Боянское евангелие XII—XIII вв. (СПб., 1899); Вып. II, Отрывок четвероевангелия Григоровича XIII—XIV вв. (СПб., 1900); Вып. III. Охридский Апостол XII в. (СПб., 1901). Это особенно относится к охридской рукописи апостола, которая была Кульбакиным всесторонне изучена и подготовлена к печати. За труд «Охридская рукопись апостола конца XII века», опубликованный в серии «Български старини» (С., 1907. Кн. III), Кульбакин получил ученую степень доктора. Ценные наблюдения находим в его большой статье «Материалы и заметки по славяноведению» (ЖМНП, 1905—1906), в которой автор умело разграничивает болгарский и сербский слои в языке «Берлинского сборника XIII в.». Среди трудов Кульбакина по истории сербского языка укажем «Заметки о языке и правописании Вуканова евангелия» (ИОРЯС. 1898. Кн. 3—4), «Сербский язык. Фонетика и морфология сербского языка» (Харьков, 1915; 2-е изд. Полтава, 1916). Большое место в творческом наследии Кульбакина занимает проблематика старославянского языка.

К дореволюционному периоду относятся труды по болгарской диалектологии, подготовленные Н. С. Державиным (1877—1953). Детские годы его прошли в приазовском болгарском селе Преславе. С юных лет он хорошо владел местным болгарским говором. После окончания симферопольской гимназии Державин учился в Историко-филологическом институте Безбородко в Нежине. В 1903 г. находился в командировке от Академии наук в Турции и Болгарии; вторично выезжал в Болгарию в 1909—1910 гг. Первые публикации Державина о языке и быте южнорусских болгар появились в 1898 г. Весь цикл исследований был обобщен в двух капитальных трудах: «Болгарские колонии в России. Материалы по славянской этнографии» (София, 1914); «Болгарские колонии в России». Т. 2. Язык. Обзор говоров. Общие итоги, выводы и наблюдения. Тексты (Пг., 1915). За второй том Державин в Петроградском университете в 1916 г. получил степень магистра славянской филологии. В дальнейшем к проблемам болгарской диалектологии Державин уже не возвращался.

Ярким событием в русском славянском языкознании в предоктябрьский период явилась докторская диссертация «Восточно-

лужицкое наречие» (Пг., 1915), подготовленная Л. В. Щербой (1880—1944). Интерес к данной теме определялся общетеоретическими замыслами и идеями автора, который под влиянием своего учителя Бодуэна де Куртенэ уделял большое внимание проблемам языковых взаимодействий. Щерба не был славистом, работал преимущественно в области экспериментальной фонетики. В своей монографии он дал подробное и точное фонетическое и фонологическое описание мужаковского говора, что в условиях славяно-немецкого двуязычия представляло большие трудности. В истории славянской диалектологии труд Щербы оставил заметный след [158].

Среди учеников П. А. Лаврова и А. А. Шахматова следует назвать ленинградского слависта М. Г. Долобко (1884—1935). 1911 г. он провел в заграничной командировке в Австрии, Сербии, Болгарии и Турции, в 1914 г. вторично выезжал в Сербию. Все публикации ученого, вышедшие до 1917 г., относятся к области сербского языкознания. Первая из них носит название «Требник Белградской народной библиотеки, № 305 (488). Заметки о палеографии и языке». Работа была опубликована в Белграде на сербском языке. Самым значительным трудом Долобко является монография «Язык боснийских грамот XIV века» (Пг., 1915). Следует упомянуть обстоятельную рецензию Долобко на учебник С. М. Кульбакина «Сербский язык», а также критический разбор той части монографии Н. С. Державина «Болгарские колонии в России», которая посвящена языку.

К 1912 г. относится начало научной и педагогической деятельности казанского слависта А. М. Селищева (1886—1942). Наибольший интерес он проявлял к Македонии и македонским говорам. В 1914 г. Селищев посетил Болгарию и Македонию. Итоги командировки были изложены в книге «Отчет о занятиях в летнее вакационное время 1914 года» (Казань, 1915). По возвращении из командировки он приступил к работе над сводным трудом по македонской диалектологии, который был опубликован в 1918 г. и за который Казанский университет присудил автору ученую степень магистра славянской филологии. Последующая богатая фундаментальными трудами деятельность А. М. Селищева приходится на советский период.

* * *

Из обзора конкретного материала о развитии русского славяноведения за двадцать лет, предшествовавших Октябрьской революции, следует, что в те годы продолжалось интенсивное накопление знаний во всех отраслях данной науки, использовались преимущественно прогрессивные методы изучения духовных и материальных ценностей славянства. В ряде областей накопление знаний позволило создать обобщающие труды, до сих пор сохраняющие свою научную ценность. По разработке большого числа конкретных проблем русское славяноведение шло в авангарде мировой

славистики. В методологическом отношении оно было неоднородным, но большей частью исследований тяготело к передовым позициям тогдашней буржуазной науки. В его комплексной структуре наметились определенные сдвиги, вызванные продолжавшейся дифференциацией научных отраслей. Наконец, накануне Октября появились первые опыты марксистского освещения истории и литературы, зачатки марксистской славистики и была заложена прочная база для нового подхода к изучению предмета — та методологическая основа, на которой впоследствии в ходе критической переработки всего накопленного материала развилась сложная интегрированная система знаний о славянах.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 297—298.
[2] Там же. Т. 19. С. 52—53.
[3] Цит. по кн.: «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, 1871—1918 гг. М., 1977. С. 104.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 182.
[5] «Дранг нах Остен» и народы . . . С. 155.
[6] *Каменский И. В.* Панславизм, пангерманизм, панроманизм в XX в. Одесса, 1902. С. 7—9, 11—12.
[7] Там же. С. 27, 34—36, 43.
[8] Там же. С. 47—52.
[9] Цит. по ст.: *Лаптева Л. П.* З'їзд російских філологів-славістів у 1903 році // Проблеми слов'янознавства. Львів, 1980. Вип. 21. С. 134.
[10] «Дранг нах Остен» и народы. . . С. 126, 156, 161—165 и др.; *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской взаимности в XIX и XX веках. Praha, 1964. С. 73—108.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 318.
[12] *Колейка Й.* Указ. соч. С. 86; «Дранг нах Остен» и народы. . . С. 157.
[13] *Струве П. Б.* Великая Россия: Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. 1908. № 1. С. 150—151.
[14] «Дранг нах Остен» и народы. . . С. 161.
[15] *Dmowski R.* Niemcy, Rosja a kwiestja polska. Lwów, 1908; *Дмовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 1909.
[16] *Дмовский Р.* Указ. соч. С. 266—267, 227, 274, VI—VII.
[17] *Кораблев В. Н.* Славянский съезд в Праге. СПб., 1908.
[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 221.
[19] *Аксаков Н. П., Шарапов С. Ф.* Германия и славянство: Докл. Аксаковского литературного и политического общества в Москве Санкт-Петербургскому славянскому съезду. М., 1909. С. 3, 5, 7, 8, 16, 27.
[20] Там же. С. 22, 28—30.
[21] Общая позиция и конкретная деятельность тогдашних славянских депутатов в австрийском парламенте подробно освещалась в нашей специальной литературе: *Ненашева З. С.* «Славянский союз» в австрийском рейхсрате, 1909—1911 // ССл. 1975. № 5. С. 13—24; *Она же.* Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. С. 134—178.
[22] Цит. по кн.: «Дранг нах Остен» и народы. . . С. 169.
[23] Цит. по ст.: *Ненашева З. С.* Софийский съезд неославистов 1910 года: (Подготовка, ход, результаты) // ССл. 1978. № 5. С. 34.
[24] Русские ведомости. 1910. 6 июня. № 154. Цит. по ст.: *Ненашева З. С.* Софийский съезд. . . С. 39.
[25] *Białokozowiez B.* Lwa Tołstoja związki z Polska. W-wa, 1966. S. 216 i in.
[26] *Кареев Н. И.* Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888. С. V—VI.
[27] *Кареев Н. И.* Polonica: Сборник статей по польским делам (1881—1905). СПб., 1905. С. V, VIII.
[28] Там же. С. 225, 232, 239—249, 253, 259, 263.
[29] Подробнее см.: *Дьяков В. А.* Польская тематика в русской историографии

конца XIX—начала XX века: (Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, А. Л. Погодин, В. А. Францев) // История и историки: Историографический ежегодник, 1978. М., 1981. С. 149—158.

[30] *Бердяев Н. А.* Алексей Степанович Хомяков. М., 1915. С. V, 3—4, 15, 25.

[31] Там же. С. 28—29, 57, 61, 64, 77.

[32] Там же. С. 178, 120, 123, 124.

[33] Там же. С. 212—214, 232—234, 238—239, 242.

[34] Там же. С. 234, 238—239, 246—247. Более полный анализ философских основ и эволюции мировоззрения Бердяева, характеристику его политического облика интересующиеся могут найти в монографии: *Кувакин В. А.* Критика экзистенциализма Бердяева. М.: Изд-во МГУ, 1976.

[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 220.

[36] Некоторое представление об этом направлении дают работы В. М. Чернова. См., в частности: *Чернов В. М.* Марксизм и славянство. Б. м., 1917.

[37] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 329—330.

[38] Там же. Т. 25. С. 270.

[39] Там же. Т. 22. С. 155—156.

[40] Там же. Т. 26. С. 16.

[41] Там же. Т. 22. С. 159, 151—152.

[42] Более подробно см.: *Славин Г. М., Сумарокова М. М.* В. И. Ленин и сербская социал-демократия в период балканских войн и первой мировой войны // ССл. 1970. № 2. С. 68—81. В том же номере журнала опубликован ряд статей, анализирующих высказывания В. И. Ленина по другим проблемам истории и тогдашнего положения всех зарубежных славянских народов, а также их культуры и искусства.

[43] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 424.

[44] *Булахов М. Г.* Этапы развития славянского языкознания в России (до 1917 г.) // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 85.

[45] *Соболевский А.* Славяноведение в русской высшей школе // Славянские известия. 1909. № 5. С. 677.

[46] *Брандт Р. Ф.* Обзор истории славянских литератур: Краткая история литератур болгарской, сербской, словенской и чешской. М., 1913 (2-е изд., 1915).

[47] ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 51. Д. 145. Л. 35, 58, 65, 125, 131а, 134; ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 151. Д. 372. Л. 52, 63; Ф. 740. Оп. 7. Д. 500; Ф. 744. Оп. 1. Д. 269. Л. 128.

[48] ОР ГБЛ. Ф. 364. Карт. 11. Д. 15. Л. 10.

[49] *Любавский М. К.* История западных славян. М., 1917 (2-е изд., 1918); отзывы специалистов об «Истории» см., в частности: *Санчук Г. Э.* Гуситское движение в советской историографии // Вопросы историографии и источниковедения славяногерманских отношений. М., 1973. С. 44—58; ЦГАЛИ СССР. Ф. 449 (Соболевские). Оп. 1. Д. 34. Л. 32 об.

[50] *Пичета В. И.* Воспоминания о Московском университете (1897—1901) // Славяне в эпоху феодализма: К 100-летию академика В. И. Пичеты. М., 1978. С. 55.

[51] *Любавский М. К.* Лекции по истории Чехии. М., 1912. С. 57, 68—116 и др.

[52] Подробно деятельность СК ИМАО освещена в работе: *Лаптева Л. П.* Славянская комиссия Московского университета (1892—1915) // ВМУ. История. 1979. № 6. С. 57—69.

[53] Древности: Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества при Московском университете. М., 1895. Т. 1. С. 1.

[54] *Ястребов Н. В.* Лекции по истории западных славян, 1910/11 учеб. г. 2-е литогр. изд. [СПб., 1911].

[55] *Петров А. Л.* История славянских народов: Лекции . . . 1891/92 г. СПб., 1892; *Он же.* Лекции по славяноведению, читанные на Высших женских курсах. . . в 1896/97 г. СПб., 1897.

[56] ЛО ААН. Ф. 134 (А. А. Шахматов). Оп. 3. Д. 1609. Л. 46.

[57] Сборник постановлений министерства народного просвещения. Вып. II. 1895. № 120; *Дубровский Н. А.* Официальная наука в Царстве Польском. СПб., 1908. С. 13, 24.

[58] Характеристику жизненного пути и творчества В. А. Францева см.: *Лаптева Л. П.* В. А. Францев как историк славянства // Славянская историография. М., 1966. С. 204—206; *Она же.* В. А. Францев: Биографический очерк и классифи-

кация трудов // Slavia. 1966. Seš. 1. S. 79—95; *Она же.* В. А. Францев: По материалам его литературного наследия // Sb. Nár. muz. Praze. 1965. Sv. 10, č. 1. S. 1—30; *Она же.* V. A. Francev a jeho koncepce rusko-české vzájemnosti // AUCPH. 1964. N 3. S. 71—78.

59 *Францев В. А.* Введение в славяноведение. Варшава, 1914 (То же с некоторыми изменениями и дополнениями. Ростов н/Д, 1916); *Он же.* Славянские древности: Лекции, читанные в 1911—1912 акад. году студентам 3—4 курсов историко-филологического факультета имп. Варшавского университета. Варшава, 1912; *Он же.* Лекции по истории и этнографии славян, читанные студентам Варшавского университета в 1911/12 учебном году. Варшава, 1912.

60 Библиографию работ В. А. Францева см. в кн.: *Syllaba Th.* V. A. Francev: Bibliografický soupis vědeckých prací s přehledem jeho cinnosti. Pr., 1977. S. 57—110.

61 *Соболевский А.* Отзыв о трудах Т. Д. Флоринского // Живая старина. 1908. Вып. II. С. 249.

62 СДР. С. 204—206.

63 ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 226. Д. 156. Л. 15, 18. Программа по славянским литературам составлена С. М. Кульбакиным совместно с М. Г. Попруженко.

64 ЦГИА СССР. Ф. 740. Оп. 7. Д. 130. Л. 1—2, 17—25.

65 *Погодин А. Л.* Пособие к лекциям по истории сербохорватской литературы. Киев, 1914; *Он же.* Современная болгарская поэзия // Русская мысль. 1913. № 9; *Он же.* Лекции по истории польской литературы. Харьков, 1913. Ч. 1: Средние века и польско-латинский гуманизм первой половины XVI века; *Он же.* Лекции по истории польской литературы с извлечениями из писателей и пособий. Харьков, 1915.

66 *Погодин А. Л.* Славянский мир: Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915; *Он же.* История Сербии. СПб., 1909.

67 *Погодин А. Л.* Польша перед восстанием 1830 г. // Русское богатство. 1912. № 8. С. 30—52; С. 43—65; *Он же.* К вопросу об автономности Царства Польского // Русская мысль. 1906. № 9; *Он же.* Польские настроения и дела // Там же. 1910. № 6.

68 *Он же.* Главные течения польской политической мысли (1863—1907). СПб., 1907.

69 Подробнее об отношении Погодина к Польше см.: *Bortnowski W.* Aleksandr Pogodin — przyjaciel Polaków i popularyzator historii Polski // Polsko-rosyjskie związki kulturalne na przelomie XIX wieku. W-wa, 1980. S. 174—193.

70 См., в частности: *Погодин А. Л.* Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 249—265; *Он же.* Очерки из истории славянской взаимности // Московский еженедельник. 1910. № 11, 15, 20.

71 ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 226. Д. 156. Л. 19.

72 Св. Козмы Пресвитера Слово на еретики и поучение от божественных книг / Сообщ. М. Г. Попруженко // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1907. Т. 167.

73 *Попруженко М. Г.* Козьма Пресвитер // Изв. РАИК. София, 1911, Т. XV.

74 Подробнее см.: *Лаптева Л. П.* Съезд русских славистов 1903 г. // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 261—269.

75 Предварительный съезд русских филологов (10—15 апреля 1903 г.): Бюллетени. СПб., 1903; речь Т. Д. Флоринского — в Бюллетене I от 10 апреля 1903 г.

76 *Там же. Бюл. 3, 7, 10, 11. Далее сноски на это издание даются непосредственно в тексте.*

77 В министерстве ходатайство было получено, но вскоре попало в архив. Текст его см.: ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 151. Д. 609.

78 Выпуски энциклопедии, изданные до 1917 г., перечислены в ст.: *Пьяных М. Ф.* Из истории создания «Энциклопедии славянской филологии»: Неизвестное письмо В. Ягича к А. Н. Пыпину // Русский фольклор. XIII. Народная поэзия славян. Л., 1963. С. 375.

79 См. письмо А. Соболевского II Отделению РАН от 5(18) февр. 1911 г. // Документы к истории славяноведения в России. М., 1948. С. 312. (Далее: ДИСР).

80 См.: О Союзе славянских академий и ученых обществ // Отчет ОРЯС за 1912 г. СПб., 1912. С. 19—21.

[81] ДИСР. С. 338—339, 331—332, 350—353. Далее ссылка на это издание непосредственно в тексте.

[82] Обозрение трудов по славяноведению за 1908—1913 гг. / Под ред. В. Н. Бенешевича. СПб., 1909—1918.

[83] Деятельность РАИК (главным образом славистическая) освещена в работах: *Laptěvová L. P.* Slovanské téma v publikacích Ruského archeologického institutu v Konstantinopolu // Slov. př. 1978. Č. 4. S. 341—352; *Лаптева Л. П.* Російський археологічний інститут в Константинополі та його зв'язки с південнослов'янськими вченими // Проблеми слов'янознавства. Львів, 1979. Вип. 20. С. 118—125. Архив РАИК хранится в ЛО ААН (Ф. 127) и ЦГИА СССР (Ф. 757).

[84] См. об этом: Отчет о деятельности РАИК в 1897 г. // Изв. РАИК. София, 1898. Т. 3. С. 197—198.

[85] Материалы раскопок были изучены русскими учеными, результаты исследования опубликованы под общим названием «Материалы для болгарских древностей. Абоба—Плиска» // Там же. 1905.

[86] Там же. 1908. Т. 13. С. 322, 335—340.

[87] *Успенский Ф. И.* Староболгарская надпись Омортага // Там же. 1900. Т. 6. Вып. 1. С. 216—235.

[88] Там же. 1912. Т. 16. С. 370—371.

[89] ЖМНП. 1910. № 11. С. 1—60; 1909. № 4. Подробнее о Новодворском см.: СДР. С. 250—251.

[90] *Довнар-Запольский М.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1; *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). СПб., 1901.

[91] *Любавский М. К.* Немецкая колонизация и новое немецкое сельское и городское устройство в Польше // Книга для чтения по истории средних веков. М., 1902. Вып. III. С. 444—464; *Он же.* Польский король Казимир Великий // Там же. С. 465—487; *Он же.* Нешавские статуты Казимира Ягеллончика и их место и значение в истории государственного развития Польши // Там же. С. 488—514.

[92] *Любович Н. Н.* Грюнвальдская битва. Варшава, 1911; *А. З.* Битва при Грюнвальде в 1410 г. М., 1914; *Рябинин И.* Польша XVI и первой половины XVII веков // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1910. Т. 1. С. 251—387.

[93] Дневник А. В. Храповицкого с 17 янв. 1782 по 17 сент. 1793 г. М., 1901; Суворов в Варшаве: Историческая справка / Сообщил В. Лучановский // Русская старина. 1902. № 7; Беседы и частная переписка между Александром I и князем Адамом Чарторыйским. М., 1912.

[94] *Михайлов А. Б.* Истинные виновники раздела Польши // Исторический вестник. 1914. № 9; Внутренние причины падения Польши: Пер. с пол. яз. // Русская старина. 1900. № 8. С. 299—326; *Реймонт В.* Последний сейм Речи Посполитой 1794 года // Голос минувшего. 1914. № 4, 5; *Рябинин И.* Польша в XVII в. // Книга для чтения... М., 1911. Т. II. С. 468—510.

[95] Мемуары кн. Адама Чарторыйского и его переписка с Александром I. М., 1912—1913. Т. 1—2; Мемуары гр. Потоцкой (1794—1820). Пг., 1915; Польша в 1814—1831 гг.: (Из воспоминаний генерала Клементия Колачковского) // Русская старина. 1902. № 3, 5, 6.

[96] Конституция 1815 г. Королевства Польского // Конституционная хартия и другие акты бывшего Царства Польского (1814—1831). СПб., 1907; *Любавский М. К.* Царство Польское и его конституция 1815 г. // Книга для чтения... М., 1913. Т. III; *Он же.* Александр I и Польша // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 7; *Подвинский Ю.* Конституция Царства Польского и ее судьба, 1815—1830. М., 1906; *Цветаев Д.* Новосильцев о конституции Царства Польского // Русский вестник. 1904. № 12; *Майков П.* Царство Польское после Венского конгресса // Русская старина. 1902. № 10; 1903. № 3, 7; *Шильдер Н. К.* Император Николай I и Польша в 1825—31 гг. // Там же. 1900. № 2—8; *Кизеветтер А. А.* Император Николай I как конституционный монарх: Исторические очерки. М., 1912.

[97] Из архива Н. Н. Новосильцева // Русский архив. 1908. № 1; 1909. № 6; Посылка Тадеуша Вылежинского в Петербург в 1830—1831 гг. // Русская

старина. 1903. № 5; *Доманицкий В.* Материалы к истории польского восстания 1831 г. // Киевская старина. Киев, 1901. Т. 73—74; *Погодин А. Л.* Польша перед восстанием 1830 г. // Русское богатство, 1912. № 8—9; *Рябинин И.* Польское восстание 1830 г. // Книга для чтения ... М., 1914. Т. IV, ч. 2. С. 51—81.

[98] *Кржыжановский А. Н.* Варшава в ночь с 3-го на 4-е окт. 1861 г.: (Донесение генерального штаба капитана, ныне генерал-лейтенанта) // Русская старина. 1902. № 10; Состояние Царства Польского, 1861—1862 // Там же. 1900. № 6; *К. А. Н.* Маркиз Велепольский. Заметка о начале развития польского мятежа 1861—1862 гг. // Там же. 1900. № 12; *Сидоров А. А.* Польское восстание 1863 года: Исторический очерк. СПб., 1903. Более полно см.: Восстание 1863 года и русско-польские революционные связи: Библиографический указатель литературы на русском языке. М., 1962.

[99] *Липранди А. П. [Волынцев А.]* Польша и польский вопрос. СПб., 1901; *Филевич И. П.* Из современных направлений польской общественной мысли. Варшава, 1905; *Васильевский Л. [Плохоцкий].* Современная Польша и ее политические стремления. М., 1906.

[100] *Храневич К. И.* Очерки экономического быта крестьянства в Царстве Польском. СПб., 1906; *Лопатин Н., Лопатин П.* Очерки истории крестьянского землевладения в Царстве Польском. Варшава. 1906; *Воблый К. Г.* Очерки истории польской фабричной промышленности. (1764—1830). Киев, 1909. Ч. 1.

[101] *Бернгард Л.* Борьба поляков за существование в Пруссии. М., 1911.

[102] *Грабеньский В.* История польского народа / Пер. под ред. Н. Ястребова. СПб., 1910.

[103] См., в частности: *Ясинский А. Н.* Введение немецкого права в селах Чехии в XIV в. Киев, 1903; *Он же.* Присяга крестьян по чешскому средневековому праву // Сборник статей по славяноведению. I. Пг., 1904; *Он же.* Характеристика средневековой немецкой колонизации на юге Чехии // Новый сборник статей по славяноведению... СПб., 1905.

[104] См.: *Лаптева Л. П.* Русская историография гуситского движения. С. 188—206.

[105] Например: *Норцов А. Н.* Славянин Гус, немец Лютер и последствия реформации. Тамбов, 1917; *Волнин Н. К.* Ян Гус. Ростов Ярославский, 1915.

[106] *Давыдова Л. К.* Табориты: (По К. Каутскому) // Мир божий. 1907. № 10. С. 201—211; *Мезиер А. В.* Из оков к свободе: Рассказы из истории чешского народа. СПб., 1905; *Перцев В. Н.* Гус: Гуситы // Энциклопедический словарь бр. Гранат. 7-е изд. Т. 17. С. 414—434. Анализ этих работ см.: *Лаптева Л. П.* Прогрессивное направление русской дореволюционной историографии гуситского движения // История и историки: Историографический ежегодник, 1972. М., 1973. С. 182—203.

[107] *Аристов Ф.* Россия и чешский вопрос. М., 1914; Докладная записка о чешско-славянском вопросе. СПб., 1911; *И. Гавелька.* Политические партии у чехов // Славянские известия. 1914. № 3, 5; *Коссовский В.* Немецко-чешский конфликт в австрийском рабочем движении // Наша заря. 1912. № 7, 8; *Покос Л. В.* Славянские народы Австро-Венгрии. Киев, 1915; *Рабинович И.* Как боролись чехи с немцами за права своей народности. Пг., 1916.

[108] Например: *Бречкевич М.* Святополк, князь Поморский // Сборник Ученолитературного общества при Юрьевском ун-те. 1902. Т. 5; *Он же.* Первые поморские монастыри: Очерк из истории Балтийского Поморья в XII в. Юрьев, 1905; *Он же.* Очерки из социальной и государственной истории княжества Славии и Западного Поморья. Юрьев, 1911.

[109] См.: *Москаленко А. Е.* М. В. Бречкевич (1870—1963) и его работы по истории поморских славян // Славянский сборник. Саратов, 1972. С. 92—108; СДР. С. 84—85.

[110] *Егоров Д. Н.* Славяно-германские отношения в средние века: Колонизация Мекленбурга. М., 1915, Т. 1—2; *Он же*; Новый источник по истории прибалтийского славянства // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому... М., 1909; *Он же.* Воззвание против славян 1108 года // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917.

[111] Подробнее см.: *Лаптева Л. П.* Русское славяноведение в конце XIX—начале XX в.: (Проблемы истории) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1978. С. 499.

[112] Например: *Овсяный Н. Р.* Болгария и болгары. СПб., 1900; *Юркевич М. В.* Двадцатипятилетние итоги княжества Болгарии (1879—1904). София, 1905; *Милюков П. Н.* Болгария // Политический строй современных государств. СПб., 1905. Т. 1.

[113] См., в частности: *Сырку П. А.* Очерки из истории литературных отношений болгар и сербов в XIV—XVII вв.: Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI века // Сб. ОРЯС. СПб., 1902. Т. 71.

[114] Например: *Флоринский Т. Д.* Рабство и торговля рабами в Дубровнике по данным статута 1272 г. и его продолжений // Сборник в честь проф. П. А. Кулаковского. Киев, 1911.

[115] *Пичета В. И.* Юрий Крижанич: Экономические и политические его взгляды. СПб., 1911; *Вальденберг В.* Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912. Вновь открытые в Ватиканском архиве документы о Крижаниче описаны в кн.: Россия и Италия: Сб. материалов и исслед. . . . СПб., 1911. Т. 3, вып. 1. Прил. 1. С. 53—113.

[116] *Кулаковский П. А.* Начало русской школы у сербов в XVIII в. // Изв. ОРЯС. СПб., 1903. Т. 8, кн. 2/3; *Евреинов Б. Н.* Статистические очерки Сербского королевства. СПб., 1903; *Валькович Д.* История сербского народа. Одесса, 1903.

[117] См.: *Истрин В.* Русские путешественники по славянским землям в начале XIX в.: (По данным архива бр. Тургеневых) // ЖМНП. 1912. № 9. С. 78—109.

[118] См.: *Кидель А. С.* Александр Иванович Яцимирский. Кишинев, 1967; *Силин А. Д.* Проф. Александр Иванович Яцимирский // ЗСКО. 1925.

[119] Цит. по: *Витт В. В.* О связях А. И. Яцимирского с культурными деятелями славянских стран: (По архивным материалам) // Из истории связей славянских литератур. М., 1959. С. 151.

[120] См.: Адам Мицкевич в русской печати, 1825—1955. М.; Л., 1957.

[121] *Вержбовский Ф.* К биографии Адама Мицкевича в 1821—1929 годах. СПб., 1898.

[122] *Курант И. Л.* Польская художественная литература в русской и советской печати: Библиографический указатель. Т. 1. Wrocław etc.: Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1982; *Фемелиди А. М.* Художники и мыслители разных времен и народов, XIX век: Польша: Генрих Сенкевич. Одесса, 1904; 2-е изд.: Генрих Сенкевич: Его литературная эпоха, труды и мысли. СПб.; М., 1912.

[123] Мир божий. 1903. № 9. Библиогр. отд. С. 82.

[124] Например: *Францев В.* Казимир Бродзинский и чехи // Изборник Киевский. . . Т. Д. Флоринскому. Киев, 1904. С. 215—224; *Стельмашко М.* П. Скарга. Киев, 1912; *Глокке Н. Э.* Ян Кохановский и его значение в истории образованности XVI века. Киев, 1898; *Пташицкий С. Л.* К истории литературных заимствований в польской литературе XVI ст.: Marcellus Palinginius Stellatus и Николай Рей // Сборник статей в честь И. В. Помяловского. СПб., 1897.

[125] Славянский век. 1903. № 61; Славянские известия. 1914. № 3; Исторический вестник. 1908, № 4, С. 249—253; Московские ведомости. 1906. 22 февр. № 44.

[126] *Брандт Р. Ф.* Обзор славянских литератур. М., 1913. С. 153—155.

[127] Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца (26 января 1892). Киев, 1893. Кн. 7.

[128] *Селищев А.* Карел Гавличек о русской литературе и «славяно-православной партии» // Сборник статей, посвященных Д. А. Корсакову. Казань, 1912; *Он же.* Взгляды Карла Гавличка на Россию: К истории славянских взаимоотношений в половине XIX в. Казань, 1913.

[129] КУИ. 1914. № 5, 9; 1915, № 2—4.

[130] *Сиротинин А.* Гвездослав: Литературная характеристика // Славянские известия. 1909. № 2.

[131] *Вергун Д.* Франц Прешерн, словенский поэт-возродитель // Славянский век. 1900. № 1.

[132] Стихотворения Франца Прешерна со словенского и немецкого подлинников / Пер. Ф. Корша. М., 1901.

[133] *Сиротинин А. Н.* Антон Ашкерц // Славянские известия. 1904. № 2.

[134] *Нович Н.* Антон Ашкерц // Словинские поэты. СПб., 1904; *Савин Л.* [Рецензия] // Славянский мир. 1910. № 1. С. 35 и след. Рец. на кн.: Aškerc A. Akropolis in piramide. Lubljana, 1909.

[135] См.: *Беляева Ю. Д.* Литература народов Югославии в России: Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX—начало XX в. М., 1979. С. 233—241.
[136] Славянские известия. 1905. № 9. С. 97—99.
[137] См.: *Беляева Ю. Д.* Йован Скерлич и русская литература // Зборник Матице српске за књижевност и језик, 1970. књ XVIII/I.
[138] *Л. С.* Сильвие Страхимир Краньчевич // Славянский мир. 1909. № 2. С. 32.
[139] См.: *Умикян А., Шор В.* Болгарская литература: Библиографический указатель. Л., 1948; *Иванович И. Д.* Борцы и мученики за свободу Болгарии. М., 1904. С. 140—152.
[140] См.: *Позднеев А.* Христо Ботаев в дореволюционной России // Известия на Института Ботев-Левски. София. 1959. Кн. 3. С. 187—212.
[141] Двадцатипятилетний юбилей литературной деятельности Ив. Мих. Вазова // Изв. ОРЯС. 1897. Т. II. С. 600—601.
[142] Из многих статей для примера укажем лишь: *Уманов-Каплуновский В. В.* Иван Вазов — народный болгарский поэт-гражданин // Исторический вестник. 1908. Кн. 5. С. 614—632.
[143] *Л. С. [Л. Савин]* Культурное движение южных славян в XIX в. // Славянский мир. 1910. № 1.
[144] Подробнее см.: *Беляева Ю. Д.* Литература народов Югославии в России.
[145] *Луначарский А. В.* Собр. соч. М., 1967. Т. 8. С. 380, 383.
[146] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 280.
[147] См.: *Стахеев Б. Ф.* Воровский и проблемы польского романтизма // Актуальные вопросы истории марксистской литературной критики. Кишинев, 1975.
[148] См.: *Хорев В. А.* Из истории польской марксистской критики // Революционная литература Польши 20—30-х годов. М., 1969.
[149] См.: *Цыбенко Е. З.* Из истории польско-русских литературных связей XIX—XX вв. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 43—44.
[150] Цит. по: Slav. Orient. 1960. N 4. S. 527.
[151] *Горький М.* О литературе. М., 1953. С. 48, 55.
[152] *Горький М.* Материалы и исследования. Л., 1937. Т. I. С. 70.
[153] См.: *Григорьев А. Л.* Горький и болгарская литература // Докл. и сообщ. филол. ин-та ЛГУ. Л., 1951. Вып. 3. С. 36—45.
[154] *Горький М.* Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941. С. 409.
[155] *Кристев К.* Новая болгарская литература // Современник. 1912. Кн. XI—XII.
[156] *Горький М.* Несобранные литературно-критические статьи. С. 451, 455—456.
[157] *Смельницкий И.* К вопросу об эпосе сербском и болгарском // Филологические записки. 1899. Вып. 1—6.
[158] Подробнее см.: *Бернштейн С. Б.* Русское славяноведение о серболужицких языках // Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 15—21.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Воссоздавая историю изучения южных и западных славян в дореволюционной России, мы старались шире использовать имеющуюся специальную литературу и опубликованные источники, а в необходимых случаях привлекали также архивные материалы. Однако мы не претендовали при этом на исчерпывающую полноту ни в охвате источников, ни в освещении каждого затронутого в книге вопроса. Наша задача состояла в том, чтобы дать как можно более точное и разностороннее представление о становлении и основных этапах развития указанной отрасли знания, взятой в целом, о важнейших ее идейно-научных направлениях, организационной структуре и кадрах. Биографические и библиографические сведения мы ограничивали необходимым минимумом, поскольку читатель без труда может найти их в других изданиях, прежде всего в биобиблиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России». К отдельным конкретным исследованиям и документальным публикациям дореволюционного периода мы обращались лишь в тех случаях, когда это было необходимо для освещения процесса развития какой-либо из дисциплин славистического комплекса, для характеристики воззрений и научного вклада того или иного ученого. Проблемный анализ специальной литературы не был и не мог быть нашей целью.

Частичные выводы по изученному материалу уже делались в I—IV главах. Общее заключение посвящено нескольким вопросам, которые представляются нам наиболее важными и связанными с содержанием книги в целом.

Взаимосвязи между научным прогрессом и общественным развитием, наличие которых мы охотно признали теоретически, на практике не так легко обнаруживаются, ибо в каждой отрасли знания они реализуются по-своему. Среди внутринаучных факторов, обусловивших возникновение славяноведения в России, видное место занимали потребности исторических и филологических дисциплин, которые для изучения отечественной, т. е. восточнославянской, проблематики остро нуждались в сравнительном материале о западных и южных славянах. Эти потребности могли быть удовлетворены в дисциплинарных рамках только отчасти. Именно поэтому славяноведение возникло и некоторое время развивалось как комплексная наука. Впоследствии тесные междисциплинарные связи внутри славистического комплекса сохранялись многие десятилетия, они существуют и сейчас, принося ощутимую пользу науке. Объясняется это воздействием вненаучных факторов: наличием на Евразийском материке многочисленной группы славянских народов, соединяемых друг с другом не только территориальной, этнической, языковой и культурной близостью, но и общно-

стью исторических судеб. Этим обусловлено то, что славяноведение как наука возникло в славянских странах практически одновременно и развивалось аналогичными путями, и то, что на него оказывали и оказывают ощутимое влияние различные политические интерпретации идеи славянской взаимности.

Хотя славяноведение как наука начала формироваться в России в XVIII в., до этого на протяжении многих веков в русской культуре происходило медленное, но неуклонное накопление сведений о славянских народах, делались попытки осмыслить их место в мировой истории. Период, который можно назвать предысторией славяноведения, оказал весьма значительное воздействие на процесс его последующего развития. Накопленный до середины XVIII в. опыт изучения славянских народов сыграл заметную роль в превращении знания о славянах в научную славистику, а собранные сведения об их истории и культуре стали непременным и существенным компонентом тогдашних славяноведческих исследований. Специфичен по содержанию и весьма важен начальный этап истории научной славистики в России, датируемый примерно первым тридцатилетием XIX в., когда славяноведческие исследования сделали большой шаг вперед, несмотря на то что специальные кафедры в университетах еще не были созданы.

Изучение истории отечественной славистики с середины XVIII в. до 60-х годов XIX в. не оставляет сомнений, что процесс ее развития начался с выделения славяноведческой тематики из родственных дисциплин, прежде всего из истории и филологии, т. е. шел по линии интеграции ряда научных дисциплин с практически единым предметом исследования. К середине XIX в. славяноведение оформилось в научный комплекс или комплексную науку, изучающую общеславянскую проблематику, языки и литературы отдельных славянских народов, древнюю письменность, историю, этнографию, историческую географию, правовые нормы, искусство, археологию южных и западных славян, а также вспомогательные дисциплины: славянскую археографию, палеографию, источниковедение, библиографию. Параллельно со становлением славяноведения как науки шел рост его общественной значимости. Существовавший и ранее общественный интерес к славяноведению в предреформенные годы заметно возрос и привел к тому, что различные славистические темы заняли постоянное место на страницах периодической печати.

В 1860—1870 гг. наблюдался процесс вторичной дифференциации вошедших в славяноведение наук, но уже в пределах сложившегося комплекса. Соответственно менялись и господствующие представления о предмете славяноведческих исследований. Под воздействием общественного подъема 1860-х годов и согласно новому университетскому уставу 1863 г. при историко-филологических факультетах Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского университетов было предусмотрено значительное расширение круга дисциплин, официально вклю-

чаемых в понятие «славяноведение». Однако в последующие десятилетия положение стало меняться. Происходившее в процессе дифференциации славистического комплекса обособление отдельных дисциплин начало вызывать беспокойство многих ученых. Оно усиливалось неблагоприятными последствиями, вытекавшими из реакционного университетского устава 1884 г., которым был нанесен значительный ущерб гуманитарному образованию, в том числе и университетскому славяноведению. Если не формальная, то фактическая ликвидация кафедр истории славянских законодательств на юридических факультетах и стремление ориентировать кафедры славянской филологии преимущественно на лингвистику вызывали протесты видных славистов.

История дореволюционного славяноведения в определенной мере является историей идейной борьбы выразителей интересов различных социальных слоев как вокруг собственно научной, так и общественно-политической ориентации науки о славянах. На первом этапе эта борьба выражалась главным образом в острых дискуссиях между славянофилами и западниками, между либералами и революционными демократами. На втором этапе обстановка существенно усложнилась. Буржуазный позитивизм, который в конце XIX — начале XX в. так или иначе противостоял откровенно тенденциозным построениям поздних славянофилов и панславистов, а затем великодержавности и шовинизму неославистских теорий, все меньше и меньше удовлетворял немалую часть ученых, хотя и воспитанных в духе буржуазно-идеалистического понимания общественного процесса, но серьезно относившихся к своей научной работе. Из этого вытекали характерные для предреволюционной эпохи искания в области методологии научного познания.

Русское славяноведение в конце XIX — начале XX в. обогатилось рядом ценных исследований и публикаций в области конкретного изучения отдельных проблем истории, филологии и истории культуры южных и западных славян, контактов между ними и другими народами Европы, а также в сфере вспомогательных дисциплин, особенно источниковедения, палеографии и библиографии.

Расширялись международные связи отечественной славистики, что нашло свое выражение в издании «Энциклопедии славянской филологии», начавшемся по решению Предварительного съезда русских славистов (1903 г.), в принятии проекта устава Союза славянских академий и научных обществ (1912 г.) и т. д.

Начиная с последней четверти XIX в. на славяноведческие исследования стали оказывать влияние основополагающие идеи диалектического и исторического материализма. Подтверждением этому служат, в частности, усилившийся интерес историков к экономической проблематике и изучению различных форм социально-политических столкновений, заметный рост внимания литературоведов к тому, что так или иначе связано с объективной обусловленностью литературного процесса, с воздействием истори-

ческой обстановки на художественное творчество, постепенно увеличивающийся удельный вес социолингвистического аспекта в исследованиях языковедов. Указанные сдвиги зачастую осуществлялись в сложном взаимодействии между марксизмом и господствовавшими среди большинства профессиональных славистов позитивистскими доктринами, причем знакомство с марксизмом было, как правило, неполным и опосредствованным — через фрагментарные переводы, популяризаторские изложения и сочинения «легальных марксистов». Материалистическое понимание истории и марксистская диалектика влияли не только на тех, кто относился к ним более или менее положительно, но и на ученых, выступавших против марксизма, заставляя их расширять тематику своих исследований и обращаться для защиты собственных позиций к таким явлениям и фактам, которым они до этого не придавали значения.

С подлинно марксистских позиций выступал по славяноведческой проблематике весьма ограниченный круг авторов. Среди них почти не было профессиональных ученых; очень немногие имели возможность систематически и с исчерпывающей полнотой знакомиться с историческими источниками, в особенности архивными. По понятным причинам они не допускались к профессорским кафедрам, не имели возможности воздействовать на школьное или университетское преподавание. Тем не менее представляется возможным утверждать, что соответствующие печатные работы, появившиеся в предреволюционное двадцатилетие, сложились в достаточно развитую, внутренне цельную систему научных положений, которые в совокупности начали образовывать ядро марксистского направления в данной отрасли обществознания. Выдающееся значение имели при этом довольно многочисленные славяноведческие высказывания В. И. Ленина как обобщающего, так и конкретного характера. Теоретико-методологическое значение их чрезвычайно велико, ибо они еще и еще раз указывают тот единственно правильный путь, по которому должна была пойти и действительно пошла дальнейшая разработка проблематики, связанной с историческим развитием и культурой славянских народов.

В целом итоги дореволюционного этапа истории российского славяноведения весьма впечатляющи. Пройдя за сравнительно короткий срок трудный путь становления и развития, оно в начале XX в. заслуженно занимало лидирующее положение в мировой славистике. В результате многолетних усилий по выявлению, изданию и научной интерпретации исторических и филологических текстов слависты дореволюционной России создали прочную источниковую базу не только для себя, но и для будущих исследований по восточным, западным, южным славянам и общеславянской проблематике. Появились многие десятки фундаментальных монографий и многие сотни других работ, которые ввели в научный оборот целые пласты фактического материала, немало вполне обоснованных обобщений, которые до сих пор

не утратили своего значения. Однако в рассматриваемый период дореволюционной русской славистике, как и всему буржуазно-дворянскому обществоведению царской России, были свойственны кризисные явления, особенно заметные в сфере научной методологии.

Для полной и правильной оценки научного наследия дореволюционной эпохи не следует забывать также и того, что именно в то время начало складываться марксистское направление нашей славяноведческой историографии, без которого немыслимым было бы ни сравнительно быстрое становление советской славистики в 20—30-е, ни ее впечатляющие успехи в 40—50-е годы нашего столетия.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ *

Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1: Академические школы в русском литературоведении. М., 1975.

Аксенова Е. П. Вопросы истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы на страницах «Современника» (1854—1862) // ССл. 1980. № 4. С. 43—56.

Аксенова Е. П. История народов Центральной и Юго-Восточной Европы в журнале «Современник» (1863—1866 гг.) // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 237—260.

Аксенова Е. П. История народов Австрийской империи после революции 1848 г. в освещении русской революционно-демократической подцензурной периодики 50—60-х годов XIX в. // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 134—157.

Аксенова Е. П. Журнал «Русское слово» (1859—1866 гг.) об истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы // История и историки: Историографический ежегодник 181. М., 1985. С. 127—151.

Александров А. В. И. Григорович, профессор славянских наречий. Казань, 1901.

Алексашкина Л. Н. О. М. Бодянский: Из истории возникновения славяноведения в России // Проблемы всеобщей истории. М., 1973. С. 195—212.

Алексашкина Л. Н. О. М. Бодянский — первый славист Московского университета // ВМУ. 1973. № 5. С. 40—51.

Арбузова И. В. И. В. Ягич // Русское языкознание в Петербургском—Ленинградском университете. Л., 1971. С. 32—43.

Аристова Т. Ф., Ваврик В. Р. Ф. Ф. Аристов, 1888—1932 гг. // КСИС. 1959. Вып. 27. С. 87—93.

Аристова Т. Ф. В. К. Арсеньев о значении современных ему исследований по славяноведению // ССл. 1972. № 6. С. 122—128.

Базилевич Л. И., Верещагин Е. М. Славистические проблемы в научном наследии Л. Б. Щербы // ССл. 1970. № 1. С. 85—93.

Беляева Ю. Д. Литература народов Югославии в России: Восприятие, изучение, оценка, последняя четверть XIX—начало XX в. М., 1979.

Березин Ф. М. Русское языкознание конца XIX—начала XX в. М., 1976.

Берков П. Н. Славистические интересы Ломоносова // НБЛГУ. 1946. № 11/12. С. 40—44.

Бернштейн И. А. Чешская литература в русской критике второй половины XIX в. // Из истории связей славянских литератур. М., 1959. С. 22—60.

Бернштейн С. Б. Академик П. С. Билярский и его вклад в изучение языка среднеболгарской письменности // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 131—144.

Бернштейн С. Б. Вклад ученых Московского университета в изучение болгарского языка // Изв. на Института за български език. 1957. Кн. 5. С. 383—392.

Бернштейн С. Б. М. С. Дринов — языковед // КСИС. 1957. Вып. 21. С. 37—50.

Бернштейн С. Б. Еще раз о Срезневском // ССл. 1984. № 2. С. 87—93.

Бернштейн С. Б. Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР // ВСЯ. 1957. Вып. 2. С. 123—152.

Бернштейн С. Б. Из истории русского славяноведения: Виктор Иванович Григорович // ИАН. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35, вып. 6. С. 533—538.

---

* В перечень вошли справочно-библиографические издания и работы отечественных авторов, посвященные общему состоянию славяноведения в дореволюционной России, важнейшим вопросам организации славистических исследований и подготовки научных кадров. Более широко учитывалась специальная литература советского периода.

Бернштейн С. Б. О некоторых вопросах изучения истории русского славяноведения // ВМУ. Филология. 1979. № 4. С. 3—18.
Бернштейн С. Б. Русское славяноведение о серболужицких языках // Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 5—22.
Бернштейн С. Б. Cyrillo-methodiana в России // Из истории славяноведения в России: Тр. по русской и славянской филологии. Тарту, 1983. Вып. 2. С. 22—29.
Бессонов П. Некоторые черты путешествия Ю. И. Венелина в Болгарию. М., 1857.
Бестужев-Рюмин К. Н. Александр Федорович Гильфердинг // СлО. 1892. Т. 3, кн. 9. С. 1—14.
Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики. СПб., 1882.
Бестужев-Рюмин К. Славянофильское учение и его судьбы в русской литературе // ОЗ. 1862. № 2. С. 679—719; № 3. С. 26—58; № 5. С. 1—23.
Билунов Б. Н. и др. Историческая болгаристика в Московском университете в XIX—XX вв. // Университетски изследвания на българската история у нас и в чужбина. С., 1982. С. 72—91.
Билунов Б. Н. К истории славяноведения в Московском университете (1811—1835 гг.) // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 3—33.
Боброва С. П. Вопросы социально-экономической истории средневековой Сербии в русской буржуазной историографии // Проблемы историографии: (Тез. и автореф. докл. и сообщ. на межвуз. конф.). Воронеж, 1960. С. 121—125.
Богородицкий В. А. Казанская лингвистическая школа (1875—1939 гг.) // Труды Моск. Ин-та истории, философии и литературы. 1939. Т. 5. С. 265—294. И. А. Бодуэн де Куртенэ: (К 30-летию со дня смерти). М., 1960.
Будилович А. С. Несколько замечаний о научной постановке славянской истории, ее объеме, содержании и периодах. Юрьев, 1898.
Будилович А. С. Несколько замечаний об изучении славянского мира // СлСб. 1877. Т. 2. С. 1—54 (отд. отт.: СПб., 1878).
Бузескул В., Успенский Ф., Платонов С. Записка об ученых трудах Н. Н. Любовича // ИАН. Сер. лит. и яз. 1924. Т. 18. № 12/18. С. 539—542.
Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды: Биобиблиогр. слов. Минск, 1976—1978. Т. 1—3.
Булахов М. Г. Евфимий Федорович Карский: Жизнь, научная и общественная деятельность. Минск, 1981.
Булахов М. Г. Основные этапы развития славянского языкознания в России (до 1917 г.) // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 56—87.
Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1.
Вайнштейн О. Развитие историографии средних веков в царской России // Историк-марксист. 1940. № 9. С. 99—114.
Венедиктов Г. К. К начальной истории славистической кафедры в Московском университете // ССл. 1983. № 1. С. 91—99.
Венедиктов Г. К. Новые материалы к биографии Ю. И. Венелина // Из истории славяноведения в России: Тр. по русской и славянской филологии. Тарту, 1983. Вып. 2. С. 30—54.
Венедиктов Г. К. Първа страница в историята на изучаването на Българския език от руски учени // Българското възраждане и Русия. С., 1981. С. 212—235.
Венедиктов Г. К. И. И. Срезневский и начало болгарской лексикографии // УЗТГУ. 1981. Вып. 573. С. 46—74.
Вилинбахов В. Б. Балтийские славяне в русской историографии // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 191—206.
Виноградов С. А. Из истории славяноведения в России в XIX—начале XX в.: (Обзор документальных материалов) // Славянский архив: Сб. ст. и материалов. М., 1961. С. 30—40.
Вознесенский С. Русская литература о славянстве: (Опыт библиогр. указ.). Пг., 1915.
Вознесенский С. Славянство в русской журналистике, 1896—1914 гг. (Указ. ст.). Пг., 1915.
Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.

Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987.
Габелко Е. И., Зосимов Г. И. Воронежский журнал «Филологические записки» и освещение истории славян на его страницах // ВИС. 1966. Вып. 2. С. 257—266.
Горина Л. В. Лекции по истории зарубежных славянских народов М. Дринова в Харьковском университете (1873—1906) // ССл. 1983. № 6. С. 58—66.
Горский И. К. Александр Веселовский и современность. М., 1975.
Горяинов А. Н. Из истории русской славяноведческой библиографии второй половины XIX—начала XX в. // ТГБЛ. 1968. Т. 7. С. 143—175.
Готье Ю. В. Славяноведение в России и СССР / Публ. подгот. А. Е. Москаленко // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 146—161.
Григорович В. И. Из летописи науки славянской. Одесса, 1871.
Грот К. Я. Австро-Венгрия или карпато-дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях. Пг., 1914.
Грот К. Я. Вл. И. Ламанский. Пг., 1915.
Грот К. Я. Об изучении славянства: Судьба славяноведения и желательная постановка его преподавания в университете и средней школе. СПб., 1901.
Гудков В. П. Интересовање московских слависта XIX. века за народни језик Срба // Јужнословенски филолог. 1973. Књ. 30, св. 1. С. 85—92.
Гудков В. П., Новикова А. С., Широкова А. Г. Славянское языкознание в Московском университете // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1984. С. 3—36.
Державин Н. С. Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии // Уч. зап. МГУ. 1946. Вып. 107. С. 3—24.
Николай Севастьянович Державин. М.; Л., 1949.
Николай Севастьянович Державин // КСИС. 1953. Вып. 11. С. 84—86.
Дитякин В. Г. П. И. Прейс: (К 100-летию со дня смерти) // УЗИС. 1948. Т. 1. С. 52—75.
Досталь М. Ю. И. И. Срезневский как славист (1812—1880) // ССл. 1980. № 3. С. 90—105.
Досталь М. Ю. Первая лекция О. М. Бодянского в Московском университете (24 сентября 1842 г.) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 275—303.
Досталь М. Ю. Проблемы чешской и словацкой филологии и истории в лекционных курсах И. И. Срезневского: (По материалам Архива АН СССР и Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX—начале XX в. М., 1974. С. 387—395.
Достян И. С. Русская общественная мысль и балканские народы: От Радищева до декабристов. М., 1980.
Дудзинская Е. А. Русские славянофилы и зарубежное славянство // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 261—281.
Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.
Дьяков В. А. Идея славянской взаимности и ее воздействие на развитие славяноведения (конец XVIII—первая половина XIX в.) // Stúdie z dejín svetovej slavistiky do polovice 19. storočia. Br., 1978. S. 9—28.
Дьяков В. А. Идея славянского единства в общественной мысли дореформенной России // ВИ. 1984. № 12. С. 16—31.
Дьяков В. А. Н. Г. Чернышевский о национально-освободительных движениях народов Центральной и Юго-Восточной Европы // Новая и новейшая история. 1978. № 4. С. 53—64.
Дьяков В. А. Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.) // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 232—260.
Дьяков В. А. Польская тематика в русской историографии конца XIX—начала XX вв.: (Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, А. Л. Погодин, В. А. Францев) // История и историки: Историографический ежегодник, 1978. М., 1981. С. 147—161.
Дьяков В. А. Славянская идея в России периода империализма // ВИ. 1987. № 3. С. 28—41.
Дьяков В. А. Славянский вопрос в пореформенной России (1861—1895 гг.) // ВИ. 1986. № 1. С. 41—56.

Дьяков В. А. «Славянский вопрос» и политическая программа Н. Г. Чернышевского // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 127—135.
Дьяков В. А., Жигунов Е. К. Народническое направление в русской славяноведческой историографии и П. Л. Лавров // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 157—216.
Дьяков В. А., Марков Д. Ф., Мыльников А. С. Некоторые узловые методологические вопросы истории мировой славистики // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII Междунар. съезд славистов, Загреб-Любляна, сент. 1978 г. М., 1978. С. 465—490.
Есипов В. Старейший русский ученый профессор Ф. Ф. Зигель: Очерк его трудов и научной деятельности // Изв. Сев.-Кавк. ун-та. 1926. Т. 8. С. 3—6.
Журавлев В. К. Григорий Андреевич Ильинский (1876—1937). М., 1962.
Иванов В. В. О становлении структурного метода в гуманитарных науках славянских стран и его развития до 1939 г. // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 239—261.
Иванов Ю. Ф. Гуситское движение в русской историографии // ВИ. 1973. № 9. С. 52—63.
Иванов Ю. Ф. А. Н. Ясинский как историк Чехии // ВИС. 1966. Вып. 2. С. 248—256.
Из истории университетского славяноведения в СССР: Сб. ст. и материалов к 80-летию С. А. Никитина. М., 1983.
Исследования по истории славянского языкознания. Тарту, 1985.
История Академии наук СССР: В 3 т. М.; Л., 1964. Т. 2: 1803—1917.
История исторической науки в СССР: Дооктябрьский период: Библиография. М., 1965.
Истрин В. М. Русские путешественники по славянским землям в начале XIX столетия // ЖМНП. 1912. № 9. С. 78—109.
Ишутин В. В. Общеславянская проблематика, история и культура южных славян в изданиях ОИДР за 1815—1848 г. // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 6—22.
Ишутин В. В. Славянская проблематика в научных заседаниях Общества истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XIX в. (1804—1848 гг.) // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 97—115.
Казакова М. А. Исторические взгляды А. Н. Ясинского // Науч. докл. высш. шк.: Ист. науки. 1961. № 3. С. 140—153.
Калоева И. А. Изучение южных славян в конце XVIII—начале XIX в.: (Библиогр. обзор) // Тр. Б-ки АН и ФБОН. 1963. Т. 7. С. 170—210.
Калоева И. А. Изучение южных славян в России второй четверти XIX века // Изв. на Народна б-ка «Кирил и Методий». 1969. Т. 9. С. 3—38.
Карасев В. Г., Королюк В. Д., Санчук Г. Э. Академик В. И. Пичета, 1878—1947: (К 100-летию со дня рождения) // ССл. 1978. № 5. С. 77—82.
Карасев В. Г., Уткина Л. И. В. И. Пичета в Московском университете // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 96—112.
Кареев Н. И. Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888.
Каупуж А. В. З. Доленга Ходаковский и И. Н. Лобойко // ССл. 1968. № 5. С. 55—57.
Каупуж А. В. Очерки по истории славянской филологии в Вильнюсском университете в начале XIX века (1803—1832). Л., 1971.
Каченовский В. М. Михаил Трофимович Каченовский: (По биографическим трудам Соловьева, Погодина, Давыдова, Кавелина и личным воспоминаниям) // Библиографические записки. 1892. № 4. С. 259—269; № 5. С. 329—337.
Кодухов В. И. Казанская лингвистическая школа // Уч. зап. Казан. пед. ин-та. 1971. Вып. 96. Сб. 7. С. 3—14.
Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981.
Колесов В. В. Значение лингвистических трудов А. А. Шахматова для современного славянского языкознания // Вопр. языкознания. 1971. № 2. С. 53—61.
Кондрашов Н. А. Осип Максимович Бодянский. М., 1956.
Кондрашов Н. А. Р. Ф. Брандт. М., 1963.
Кондрашов Н. А. Изучение западнославянских языков в России и в СССР // ВСЯ. 1957. Вып. 2. С. 153—174.

Кондрашов Н. А. А. А. Шахматов и проблемы славяноведения: (К 100-летию со дня рождения) // УЗМОПИ. 1964. Т. 148, вып. 10. С. 32—48.
Кораблев В. Н. Академик А. Н. Пыпин и славянский вопрос // Вестн. АН СССР, 1933. № 8/9. С. 67—78.
Королюк В. Д. Владимир Иванович Пичета: (Опыт творческого портрета) // ВИ. 1970. № 8. С. 72—85.
Котляревский А. А. Обзор успехов славяноведения за последние годы, 1873—1876 // Соч. СПб., 1889. Т. 2. С. 359—382.
Котляревский А. А. Сравнительное языкознание // СбОРЯС. 1890. Т. 48. С. 138—212.
Котляревский А. А. Успехи славяноведения за последнее время, 1876 г. // Там же. С. 382—392.
Котляревский А. А. Uspěchy slavistiky na Rusi v posledni době (1860—1872). Pr., 1874.
Кочубинский А. А. О. М. Бодянский // СлО. 1892. Т. 3, кн. 11/12. С. 291—305.
Кочубинский А. А. В. И. Григорович (1815—1876) в истории славяноведения. Одесса, [1894].
Кочубинский А. А. Историки литературы славян // ЖМНП. 1880. № 5. С. 149—178.
Кочубинский А. А. Итоги славянской и русской филологии. Одесса, 1882.
Кочубинский А. А. Начальные годы русского славяноведения: Адмирал Шишков и канцлер гр. Н. П. Румянцев. Одесса, 1887—1888.
Кочубинский А. А. П. Й. Шафарик: Очерк из жизни русской науки полвека тому назад // Вестник Европы. 1906. № 5. С. 105—153; № 6. С. 437—475.
Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов: 1840—1950-е годы. М., 1984.
Кравцов Н. И. Итоги и задачи сравнительного изучения славянских литератур в русском литературоведении 60—70-х годов // Сравнительное изучение славянских литератур. М., 1973. С. 40—56.
Кравчук Р. В. З історії слов'яньского мовознавства: (Видатні славісти-мовознавці). Київ, 1961.
Крюков А. В. Історія Польщі в спадщині І. І. Срезневського // Проблеми слов'янознавства. Львів, 1979. Вип. 20. С. 125—132.
Крюков А. В. І. І. Срезневский і сербо-лужичани // Народна творчість та етнографія. 1975. № 5. С. 66—70.
Лавров П. А., Сперанский М. Н. Письма П. Й. Шафарика к О. М. Бодянскому (1838—1857): С приложением писем П. Й. Шафарика к В. И. Григоровичу (1852—1856). СПб., 1895.
Лавров П. А. П. А. Ровинский и его труды о Черногории // Изв. РГО. 1916. Т. 52, вып. 7. С. 543—561 (отд. отт.: Пг., 1916).
Лавров П. А. Труды В. Г. Васильевского по истории славян // Научно-литературный сборник галицко-русской матицы. Львов, 1901. Т. 1, кн. 1. С. 64—79.
Лавровский П. О úspěchu slavistiky v Rusku // ČMKČ. 1860. Sv. 2. S. 219—237.
Ламанский В. И. Изучение славянства и русское самосознание // ЖМНП. 1867. № 1. С. 116—153.
Ламанский В. И. Новейшие памятники древнечешского языка. Критические заметки о древнем и новом по истории славистики // ЖМНП. 1879. № 1—3, 6—7; 1880. № 6.
Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871.
Ламанский В. И. Измаил Иванович Срезневский (1812—1880). М., 1890.
Лаптева Л. П. А. Л. Дювернуа и его работы по истории славян // ССл. 1978. № 3. С. 59—73.
Лаптева Л. П. История и этнография лужицких сербов в русской дореволюционной литературе // Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX—начале XX вв. М., 1974. С. 364—386.
Лаптева Л. П. Ян Коллар в русской дореволюционной литературе // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970. С. 291—309.
Лаптева Л. П. Краледворская и Зеленогорская рукописи в освещении русской литературы XIX и начала XX в. // Sb. Národniho musea v Praze. Sv. 18, n 1/2. S. 1—39.

Лаптева Л. П. Основные линии развития научного славяноведения в России в XIX—начале XX в. // ВМУ. История. 1977. № 2. С. 52—66.
Лаптева Л. П. Преподавание славистических дисциплин в Московском университете в XIX—начале XX века // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 34—56.
Лаптева Л. П. Проблема германизации полабских и балтийских славян в русской дореволюционной историографии // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966. С. 171—192.
Лаптева Л. П. Развитие русской исторической мысли в XIX в. в области славяноведения // ВМУ. История. 1983. № 1. С. 32—42.
Лаптева Л. П. Развитие славяноведения в России с 90-х годов XIX в. по 1917 г. // История на славистиката от края на XIX и началото на XX век. С., 1981. С. 34—58.
Лаптева Л. П. Русская историография гуситского движения. М., 1978.
Лаптева Л. П. Славяноведение в Московском университете с 1835 по 1917 г.: (К постановке вопроса) // ВМУ. История. 1979. № 2. С. 38—50.
Лаптева Л. П. Славянская комиссия Московского университета (1892—1915) // Там же. № 6. С. 57—69.
Лаптева Л. П. В. А. Францев как историк славянства // Славянская историография. М., 1966. С. 204—246.
Лаптева Л. П. П. Й. Шафарик в русской дореволюционной литературе // Sb. Národního musea v Praze. Řada C. 1967. Sv. 12, N 5. S. 253—337.
Лаптева Л. П. Людовит Штур в русской литературе XIX и начала XX в. // Lúdovit Štúr und die slavische Wechselseitigkeit. Bratislava, 1969. S. 394—401.
Lapteva L. Vikentij Makušev und Karl Hopf // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. B., 1982. Bd. 25/2. S. 107—121.
Lapteva L. Der russische Slavist J. S. Pal'mov (1856—1920) und die Sorben // Lětopis Reihe. B., 1976. N 23/2. S. 151—160.
Lapteva L. P. Das Sorbenbild in der russischen vorrevolutionaren Geschichtsschreibung // Ibid. 1965. N 12/1-2. S. 239—255.
Laptěvová L. P. Moskevský professor A. L. Djuvernua a jeho styky s Čechami // Českosl.-sov. vztahy. 1976. N 5. S. 57—82.
Laptěvová L. P. O životě a díle ruského slavisty V. V. Makuševú // Slov. př. 1983. Č. 4. S. 297—306.
Laptěvová L. P. V. E. Regel — ruský badatel Kosmy Pražského // Ibid. 1977. Č. 2. S. 170—176.
Laptěvová L. P. Ruský slavista I. S. Pal'mov a jeho styky s Čechami // Českosl.-sov. vztahy. 1980. N 9. S. 129—159.
Линниченко И. А. Александр Александрович Кочубинский. Одесса, 1916.
Липатникова Г. И. К вопросу о взглядах И. И. Срезневского на историю и культуру славянских народов (30—40-е годы XIX в.) // Изв. Воронеж. пед. ин-та. 1967. Т. 76. С. 21—35.
Липатникова Г. И. К изучению гуситского движения в русской дореволюционной историографии // ВИС. 1963. Вып. 1. С. 69—92.
Лосиевский И. Александр Потебня и Марин Дринов: (Эпизоды из истории отечественного славяноведения) // ССл, 1982. № 6. С. 98—103.
Ляпунов Б. М. А. А. Кочубинский и его труды по славянской филологии. Одесса, 1909.
Ляпунов Б. М. Краткий обзор жизни и научной деятельности П. А. Лаврова // ИАН. 7-я сер. Отд-ние гуманит. наук. 1930. № 8. С. 547—557.
Ляпунов Б. М. Краткий очерк научной деятельности М. Дринова. Харьков, 1905.
Ляпунов Б. М. Краткий очерк ученой деятельности акад. И. В. Ягича. Одесса, 1901.
Ляпунов Б. М. Памяти академика А. А. Шахматова // Изв. ОРЯС. 1925. Т. 29. С. 56—104.
Майков А. А. О славяноведении в России // БОЛРС. 1868. Вып. 2. С. 11—19.
Макарова Г. В. М. Т. Каченовский и становление славяноведения в России // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 63—96.
Мананчикова Н. П. Об изучении истории Дубровника // ВИС. 1963. Вып. 1. С. 43—59.
Марков Д., Дьяков В., Мыльников А. Методологические вопросы истории славистики // Обществ. науки. 1978. № 4. С. 101—118.

Марков Д. Ф. Славистика как комплекс научных дисциплин // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 7—17.
Мартыненко А. К. Из истории развития исторической болгаристики в Киевском университете // Университетски изследвания и преподавания на българската история у нас и в чужбина. С., 1982. С. 92—109.
Материалы для жизнеописания академика Я. К. Грота (1812—1893): Хронологический обзор его жизни и деятельности. СПб., 1912.
Матковская А. А. Молдаво-славянские культурные и литературные связи в наследии А. И. Яцимирского // Молдавско-русско-украинские литературные связи начала XX в. (1901—1917). Кишинев, 1982. С. 171—187.
Матковски А. Из жизни и научной деятельности Полихрония Агапьевича Сырку (1855—1905) // ССл. 1981. № 6. С. 67—77.
Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966.
Мельц М. Я. А. Н. Пыпин — исследователь фольклора зарубежных славян // РФ. 1963. Вып. 8. С. 357—372.
Мещерский Н. А., Дмитриев П. А. Русское и славянское языкознание в Петербургском—Ленинградском университете за 150 лет (1819—1969 г.) // ВЛУ. 1969. № 2. С. 80—91.
Можаева И. Е. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике: 1945—1974 гг. М., 1980.
Можаева И. Е. Русское и советское славяноведение о сербохорватском языке // Исследования по сербохорватскому языку. М., 1972. С. 339—352.
Можаева И. Е. Южнославянские языки: Аннотированный библиогр. указ. лит., опубликованной в России и в СССР с 1835 по 1965 г. М., 1969.
Моисеева Г. Н. Славистика в России XVIII в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII Междунар. съезд славистов, Загреб—Любляна, сент. 1978 г. М., 1978. С. 511—516.
Москаленко А. Е. М. В. Бречкевич (1870—1963) и его работы по истории поморских славян // Славянский сборник. Саратов, 1972. С. 92—108.
Москаленко А. Е. Из истории славяноведения в 40-е годы. XIX века: (О работах А. Рейца и Н. И. Гулака) // Проблемы историографии; (Тез. и автореф. докл. и сообщ. на межвуз. конф.). Воронеж, 1960. С. 126—130.
Москаленко А. Е. П. А. Яковенко (1879—1920) и его работа по истории полабских славян // Советское славяноведение: Материалы IV межвуз. научн. конф. историков-славистов. Минск, 1969. С. 549—555.
Москаленко Е. А. Национальная борьба чехов в 60-е годы XIX в. в русской дореволюционной литературе // ВМУ. История. 1979. № 2. С. 51—62.
Мыльников А. С. К вопросу о путях и особенностях формирования славяноведения в России // Štúdie z dejín... S. 289—316.
Мыльников А. С. Об истоках становления славяноведения в России: (К вопросу об изучении «предыстории» славистики) // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 5—42.
Мыльников А. С. Проблемы периодизации истории мировой славистики: Цели и принципы // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 40—55.
Мыльников А. С. Становление истории славяноведения в России // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 113—136.
Неедлы З. К истории славяноведения до XVIII в. // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 81—94.
Ненашева З. С. Софийский съезд неославистов 1910 года: (Подготовка, ход, результаты) // ССл. 1978. № 5. С. 29—40.
Никитин С. А. Деятельность В. И. Пичета в области славяноведения // УЗИС. 1949. Т. 1. С. 21—24.
Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970. С. 183—259.
Никитин С. А. Славяноведение // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 495—501; Т. 2. 1960. С. 484—507; Т. 3. 1963. С. 498—513.
Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960.
Никулина М. В. Й. Добровский и русские ученые: (Из истории русского славяноведения первой трети XIX в.) // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 43—63.

Никулина М. В. Ю. И. Венелин в русском славяноведении первой трети XIX в. // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 23—40.
Никулина М. В. О состоянии и особенностях развития русского славяноведения в первой трети XIX в. // ССл. 1983. № 5. С. 86—96.
Никулина М. В. Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения (первая треть XIX в.) // Из истории славяноведения в России: Тр. по рус. и слав. филологии. Тарту, 1981. С. 75—94.
Обозрение трудов по славяноведению / Под ред. Е. Н. Бенешевича. Пг., 1909—1919. Т. 1—7.
Орел В. Э. Из истории отечественной компаративистики: Сравнительно-историческая грамматика и этимология в исследованиях А. Ф. Гильфердинга // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 80—91.
Палаузов С. Н. Жизнеописание Ю. И. Венелина. Одесса, 1851.
Пашаева Н. М. Австрия и австро-славянские отношения в русской и советской исторической литературе. (X в.—1918 г.) // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966. С. 240—276.
Пашаева Н. М. Славистика в фондах Государственной публичной исторической библиотеки // ССл. 1967. № 2. С. 116—118.
Петровский М. П. Григорович в Казани. СПб., 1893.
Петухов В. К. П. А. Ровинский как исследователь южнославянских литератур средневековья // ТОДРЛ. 1979. Т. 33. С. 456—459.
Пичета В. И. Академия наук и славяноведение // Вестн. АН. 1945. № 5/6. С. 157—175.
Пичета В. И. История южных и западных славян в трудах русских историков // Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры: Программы и тез. докл. М., 1944. С. 69—71.
Пичета В. И. К истории славяноведения в СССР // Историк-марксист. 1941. № 3. С. 36—62.
Попов Н. А. Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н. И. Надеждину // Русский архив. 1873. № 7. С. 1131—1221.
Попова В. А. Жизненный путь и научная деятельность академика Петра Спиридоновича Билярского // Наукова конференція, присвячена 100-річчю Одеського університету ім. І. І. Мечникова: Тез. доп. 29—30 листоп. 1965 р. Одеса, 1965. С. 44—46.
Попова И. В. И. Добровский в освещении русской историографии // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1982. С. 197—211.
Потепалов С. Г. О роли П. И. Кеппена в истории русско-славянских культурных связей в 20—30-х годах XIX в. // ВСЯ. 1962. Вып. 6. С. 177—214.
Путилов Б. Н. П. А. Ровинский — собиратель, издатель и исследователь эпоса южных славян // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Л., 1977. Вып. 7. С. 145—157.
Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1881. Т. 2.
Пыпин А. Н. Обзор русских изучений славянства // Вестник Европы. 1889. № 4, С. 584—625; № 5. С. 169—213; № 6. С. 625—664.
Пыпин А. Н. Русское славяноведение в XIX столетии // Там же. № 7. С. 238—274; № 8. С. 683—728; № 9. С. 257—305.
Р—ц. Славяноведение и его пропаганда в русском обществе // ЖМНП. 1901. № 3. С. 156—180.
Робинсон М. А. Изучение новой истории южных славян в русской историографии начала XX в. // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 279—300.
Робинсон М. А. Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX—начала XX в.: (В. И. Ламанский, П. А. Кулаковский, К. Я. Грот) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986. С. 91—112.
Робинсон М. А. Теоретические основы трудов русских историков-славяноведов начала XX в. // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 216—239.
Ровда К. И. Россия и Чехия: Взаимосвязи литератур, 1870—1890. Л., 1978.

Ровда К. И. Русские славянофилы и чешская литература (50—60-е годы XIX в.) // Славянские литературные связи. Л., 1968. С. 46—53.
Ровнякова Л. И. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50—70-е годы XIX в.) Л., 1986.
Рубинштейн Н. Историческая теория славянофилов и ее классовые корни // Русская историческая литература в классовом освещении. М., 1927. Т. 1. С. 53—118.
Русское и славянское языкознание в России середины XVIII—XIX вв.: (В биографических очерках и воспоминаниях современников). Л., 1980.
Свирская В. Р. Из истории славянских научных связей // УЗИС. 1948. Т. 1. С. 358—368.
Свирская В. Р. Первый съезд русских славистов. 1903 // НБЛГУ. 1946. № 11/12. С. 85—88.
[*Семевский М. И.*]. Осип Максимович Бодянский // Русская старина. 1879. № 5. С. 205—218.
Семенов П. Н. Н. Я. Данилевский. СПб., 1885.
Сергеев А. В. Исторические взгляды В. И. Григоровича. Казань, 1978.
Сергеев А. В. К вопросу о возникновении славяноведения в Казанском университете: (Постановка проблемы) // УЗКУ. 1957. Т. 117, кн. 2, вып. 1. С. 69—73.
Сергеев А. В. Некоторые вопросы истории южных славян в трудах В. И. Григоровича // УЗКУ. 1962. Т. 122, кн. 5. С. 81—113.
Сергеев А. В. О научной командировке В. И. Григоровича в славянские земли // Там же. 1957. Т. 117, кн. 9, вып. 1. С. 59—64.
Сергеев П. А. Славянское языкознание в трудах Н. Г. Чернышевского // Вопр. соврем. рус. литерат. яз. 1973. Вып. 7. С. 3—17.
Славистика в русских высших учебных заведениях // ИСБО. 1883. № 1. С. 22—24; № 2. С. 16—17; № 3. С. 30—31; 1884. № 1. С. 25.
Славяно-балканские исследования: Историография и источниковедение. М., 1972.
Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиогр. слов. М., 1979.
Славяноведение в повременных изданиях: Сист. указ. ст., рец. и заметок за 1900 г. СПб., 1901.
Славяноведение в 1901 г.: Сист. указ. тр. по языкознанию, литературе, этнографии и истории. СПб., 1903.
Славянская историография и археография. М., 1969.
Славянское языкознание: Библиограф. указ. лит., изданной в СССР. Ч. 1—4. М., 1963—1973.
Смирнов С. В. О. М. Бодянский (1808—1877) // Русская речь. 1977. № 4. С. 116—127.
Смирнов С. В. Федор Иванович Буслаев. [М.], 1978. (Замечательные ученые Московского университета; Вып. 47).
Смирнов С. В. Деятельность И. Бодуэна де Куртенэ в Тарту // Keel ja Kirjandus. 1958. № 12. С. 747—753.
Смирнов С. В. К биографии П. И. Прейса // УЗТГУ. 1983. Т. 649. С. 55—66.
Смирнов С. В. Первые русские слависты и Чехия // Там же. 1973. Т. 310, вып. 22. С. 47—176.
Смирнов С. В. Румянцевский кружок // Русская речь. 1979. № 2. С. 97—103.
Смирнов С. В. Измаил Иванович Срезневский (1812—1880) // Русская речь. 1972. № 6. С. 101—108.
Смирнов С. В., Гурьева Е. И. Вопросы русского и славянского языкознания в трудах П. А. Лавровского // Из истории славяноведения в России: Тр. по рус. и слав. филологии. Тарту, 1983. Вып. 2. С. 77—89.
Соболевский А. И. Памяти А. Х. Востокова // Изв. ОРЯС. 1914. Т. 19. Кн. 1. С. 119—130.
Соболевский А. И. Славяноведение в русской высшей школе // Славянские известия. 1909. № 5. С. 636—642.
Советское славяноведение: Литература о зарубежных славянских странах на русском языке / Сост. И. А. Калоева. 1918—1960. М., 1963; 1963—1968. М., 1973; 1969—1973. М., 1976.
Советское славяноведение: Указ. лит. о зарубежных славянских странах. 1974—1977. М., 1978. Вып. 1—7; 1978—1982. М., 1983. Вып. 1—7.
Сперанский М. Памяти В. В. Качановского. Нежин, 1901.

Срезневский В. И. Краткий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского // Памяти И. И. Срезневского. Пг., 1916. Кн. 1. С. 1—68.
Срезневский В. И. Первые сорок лет жизни и трудов Востокова // Изв. ОРЯС. 1914. Т. 19. Кн. 3. С. 59—79.
Срезневский И. И. Как дошли до мысли, что должно изучать славянство // ЖМНП. 1893. № 5. С. 117—133.
Срезневский И. И. На память об О. М. Бодянском, В. И. Григоровиче и П. И. Прейсе, первых преподавателях славянской филологии // Сб. ОРЯС. 1878. Т. 18. Прил. 6. С. 1—47.
Срезневский И. И. Обозрение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных. СПб., 1865.
Супрун А. Е. Из истории русской сорабистики // Исследования по серболужицким языкам. М., 1970. С. 199—205.
Токарев С. А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966.
Токарев С. А. Начальный период славянской этнографии // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Междунар. съезд славистов, Варшава, авг. 1973 г. М., 1973. С. 237—249.
Толстой Н. И. Из истории собирания и исследования славянской (преимущественно русской) географической терминологии // История топонимики в СССР: Тез. докл. М., 1967. С. 14—17.
Толстой Н. И. О работах И. А. Бодуэна де Куртенэ по словенскому языку // И. А. Бодуэн де Куртенэ: (К 30-летию со дня смерти). М., 1960. С. 67—81.
Толстой Н. И. И. И. Срезневский — диалектолог // УЗТГУ. 1981. Т. 573. С. 27—45.
Филин Ф. П. Проблемы славянского этногенеза в трудах А. А. Шахматова // ИАН. Сер. лит. и яз. 1964. Т. 23, вып. 3. С. 194—203.
Флоринский Т. Д. Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению. Киев, 1891—1913. Вып. 1—16.
Флоринский Т. Д. Новые книги по южнославянской истории // КУИ. 1883. № 4. С. 131—152.
Францев В. А. Очерки по истории чешского Возрождения: Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902.
Францев В. А. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага, 1906.
Фруменков Г. Г. А. И. Герцен и польский вопрос в 30—50-е годы XIX века // Сб. трудов Арханг. пед. ин-та. 1956. Вып. 1. С. 3—32.
Харлампиев К. М. П. Петровский // УЗКУ. 1912. Кн. 8. С. 1—23.
Хитрова Н. И. П. А. Ровинский (1831—1916) и югославянские народы // Годишњак Балканолошког института Балканика. II. Београд, 1971. С. 141—174.
Цейтлин Р. М. Академик Востоков как славист // Вестн. АН 1982. № 2. С. 105—110.
Цейтлин Р. М. Значение А. Х. Востокова в славянской филологии // Stúdie z dejín... S. 317—352.
Цейтлин Р. М. М. В. Ломоносов — инициатор и организатор языковедческих исследований в Петербургской академии наук // ВСЯ. 1963. Вып. 7. С. 103—118.
Чернобаев В. Г. П. А. Лавров как историк литературы // ИАН. 7-я сер. Отд-ние гуманит. наук. 1930. № 8. С. 573—583.
Чуркина И. В. Е. Копитар и первые русские слависты // Stúdie z dejín... S. 371—392.
Шангин М. История славян в трудах русских византинистов / Ист. журн. 1941. № 12. С. 134—136.
Шарадзенидзе Т. С. Лингвистическая теория И. А. Бодуэна де Куртенэ и ее место в языкознании XIX—XX веков. М., 1980.
Шахматов А. А. Записка об ученых трудах заслуженного профессора имп. С.-Петербургского университета В. И. Ламанского // Сб. ОРЯС. 1901. Т. 69. С. XXXIX—XLVII.
Шимко И., Голомбиовский А. Памяти Н. А. Попова // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. Разд. 3. С. 1—72.
Шофман А. С. Изучение истории и культуры южных славян в Казанском университете // УЗКУ. 1962. Т. 122, кн. 5. С. 3—14.
Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910.
Якобсон Р. О., Богатырев П. Г. Славянская филология в России за годы войны и революции. Б. м., 1923.

СПИСОК АРХИВОВ

КГГА — Государственный архив г. Киева
ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив
ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР
МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции
ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
ОР ГПБ — Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ОР ИЛ АН УССР — Отдел рукописей Института литературы Академии наук УССР
ОР ЦНБ АН УССР — Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук УССР
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР
ЦГИА УССР — Центральный государственный исторический архив УССР
ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив г. Москвы
LAPNP — Literární archiv Památniku Národního Pisemnictví (ЧССР)

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ ЖУРНАЛОВ И ДРУГИХ ИЗДАНИЙ

БОЛРС — Беседы в Обществе любителей российской словесности
Вестн. АН — Вестник Академии наук
ВИ — Вопросы истории
ВИС — Вопросы истории славян
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета
ВМУ — Вестник Московского университета
Временник ОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских
Вестн. РГО — Вестник Русского географического общества
ВСЯ — Вопросы славянского языкознания
ВУИ — Варшавские университетские известия
ДИСР — Документы по истории славяноведения в России. М., 1948
ДТСК — Древности: Труды Славянской комиссии Московского археологического общества
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
Зап. АН — Записки имп. Академии наук
ЗНУ — Записки Новороссийского университета
ИАН — Известия имп. Академии наук (до 1917); Известия Российской академии наук (1917—1924); Известия Академии наук СССР (с 1925)
Изв. ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
Изв. РАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
Изв. РГО — Известия Русского географического общества
ИСБО — Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения Академии наук СССР
КУИ — Университетские известия (Киев)
МУИ — Московские университетские известия
НБЛГУ — Научный бюллетень Ленинградского государственного университета
ОЗ — Отечественные записки
РФ — Русский фольклор
РФВ — Русский филологический вестник
Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
СбССЛам — Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883
СДР — Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979
СлО — Славянское обозрение
ССл — Советское славяноведение
ТГБЛ — Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
ТГПБ — Труды Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР

ТОЛРС — Труды Общества любителей российской словесности

Тр. СК ИМАО — Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества

УЗИС — Ученые записки Института славяноведения Академии наук СССР

УЗКУ — Ученые записки Казанского университета

УЗМУ — Ученые записки Московского имп. университета

УЗМОПИ — Ученые записки Московского областного педагогического института

УЗТГУ — Ученые записки Тартуского государственного университета

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ČČM — Časopis Českého Musea

ČMKČ — Časopis Musea Království Českého

Slov. Př — Slovanský přehled

AUCPH — Acta universitatis Carolina, Philosophie et histoire

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Адам Бременский 297
Адодуров В. Е. 19, 20
Азадовский М. К. 121, 171, 385
Аксаков И. С. 7, 177—179, 292, 322
Аксаков К. С. 75, 76, 113, 183, 321
Аксаков Н. П. 315, 316, 373
Аксенова Е. П. 8, 80, 168, 170, 385
Александр Македонский 17, 23
Александр I 29, 44, 142, 300, 302, 350, 376
Александр II 309
Александров А. 385
Алексашкина Л. Н. 306, 385
Алексеев М. П. 62
Алексеев П. А. 25, 55, 99
Алексеева Л. Д. 304
Алексей Михайлович 13
Алпатов М. А. 61, 62
Аль Бакри 296
Альбертранди Я. 26
Альбрехт (Прусский) 300
Амфитеатров А. Ф. 357
Анастасевич В. Г. 38, 43, 50
Аничков Е. В. 358, 367, 368
Аниенков Ю. С. 237, 238, 298
Антон К. Г. 330
Анушкин А. 61
Априлов В. Е. 115, 128, 141, 173
Арбузова И. В. 385
Аристов Ф. Ф. 359, 377, 385
Аристова Т. Ф. 385
Арсеньев В. К. 385
Архангельский А. С. 233, 297, 362
Ассемани 106
Атанацкович П. 301, 392
Аттила 136, 140, 173
Афанасьев А. Н. 113, 121, 171, 296
Афанасьев-Чужбинский А. С. 80
Ашкерц А. 360, 378

Баженов Н. Н. 317
Базилевич Л. И. 385
Байер Г. З. 19, 20, 24, 137, 146
Бакмейстер Г. Л. Х. 32, 63
Бакунин М. А. 7, 68, 77, 78, 168, 188, 293
Балугьянский М. А. 150—152, 174
Балуцкий М. 356
Бальцер О. 331
Бандтке Г. 99
Бандтке Е. С. 161
Бантыш-Каменский Д. Н. 36—38, 64, 100, 170
Бантыш-Каменский Н. Н. 33, 34, 42, 45, 99, 300
Барабашев А. И. 242, 300
Барков И. С. 27, 63
Бароний Ц. 22
Барсов А. А. 30, 45
Барсов Е. В. 254
Барсуков Н. П. 168, 287, 306
Бартенев П. И. 7
Бартольд В. В. 229, 296
Барт-Тешинский Я. 327
Барышевич А. 35
Баторий Стефан 42, 350, 376
Баум 271
Бахтин Н. Н. 358—360, 378
Башмаков А. А. 316
Безобразов П. В. 199
Бейсов П. С. 167
Бекетов П. П. 45, 46
Беккер И. 91, 167
Белинский В. Г. 7, 68, 77, 100, 112, 113, 117, 118, 136, 138, 170, 171, 173, 286
Белич А. 273, 344
Белозерский В. М. 72
Белокуров С. А. 294, 302
Бель М. 23
Бельский М. 11, 21, 22
Беляев Н. 233, 297
Беляева Ю. Д. 303, 379, 385
Бенешевич В. Н. 376, 392
Берг Н. В. 126, 130, 172, 242
Бердяев Н. А. 320—323, 374
Бередников Я. И. 102

Березин И. Н. 81
Березин Л. В. 247
Березин Ф. М. 385
Берков П. Н. 63, 385
Берлич 276
Бернгард Л. 351, 377
Бернекер Э. 273
Бернштейн И. А. 385
Бернштейн С. Б. 6, 8, 65, 170, 174, 175, 305, 379, 385, 386
Берон П. 128
Берында П. 10, 14
Бессонов П. А. 113, 115, 171, 265—267, 286, 305, 386
Бестужев-Рюмин К. Н. 386
Бестужев-Рюмин М. П. 70
Бжозовский С. 365
Бибиков Д. Г. 84, 95
Билунов Б. Н. 65, 386
Бильбасов В. А. 203, 233, 236, 295, 297
Билярский П. С. 158, 166, 167, 175, 269, 385, 392
Бискупец 298
Бичурин И. 137, 138
Благосветлов Г. Е. 142, 180
Блудов Д. 241, 300
Боброва С. П. 386
Бобровский М. К. 50, 51, 106
Богатырев П. Г. 394
Богданович А. И. 357
Богданович П. И. 29
Богишич Б. В. 219
Богородицкий В. А. 386
Бодуэн де Куртенэ И. А. 8, 160, 203, 217, 277, 283, 284, 305, 344, 368, 372, 386, 393, 394
Бодянский О. М. 8, 21, 58, 82, 85—89, 92, 93, 95—99, 103, 104, 106, 112, 113, 118, 122, 123, 126, 139, 144, 145, 155—157, 169, 170, 174, 175, 195, 197, 206, 218, 220, 239, 260, 263, 265, 268, 285, 287, 299, 305, 306, 385, 387—389, 393, 394
Болтин И. Н. 25, 33, 99, 291
Болховитинов Е. А. 42, 51
Бопп Ф. 88, 218, 260, 277
Борис 248, 253, 254, 302, 303, 346
Борисов П. И. 70
Борический-Трнава И. П. 114
Бороздин И. А. 317
Бороздин К. М. 99
Бортников А. И. 168
Ботвинник М. В. 61
Ботев Х. 338, 361, 366, 379
Ботто Я. 359
Брандт Р. Ф. 8, 205, 273, 280—282, 303, 305, 327, 330, 357, 359, 362, 368, 374, 378, 388
Бречкевич М. В. 217, 353, 377, 391
Брикнер А. Г. 217, 302
Бродзиньский К. 358, 378
Брок О. 273
Брокгауз Ф. А. 217, 250, 298, 332
Броневский В. Б. 37, 38, 44, 64, 99
Бругман К. 273
Брянцев П. Д. 241, 300
Бубрих Д. В. 276
Будилович А. С. 8, 232, 236, 246, 276—279, 297, 298, 301, 306, 311, 386
Бузескул В. 386
Булахов М. Г. 6, 374, 386
Булгаков Я. И. 34
Буле И. Ф. 45
Булич С. К. 62, 281, 305, 344, 369, 386
Буслаев Ф. И. 56, 65, 97, 98, 113, 115, 206, 220, 260, 262, 288, 329, 365, 393
Буташевич-Петрашевский М. В. 71, 73
Быкова Т. А. 62
Бычков А. Ф. 103, 104, 170, 171
Бюшинг А. Ф. 26
Ваврик В. Р. 385
Вазов И. 338, 361, 362, 365, 366, 379
Вайнштейн О. 386
Валуев Д. А. 75, 113, 141
Бальденберг В. 378
Валькович Д. 378
Ван-Вейк Н. 273
Василий (Петрович) 25
Васильевский В. Г. 297, 389
Васильевский Л. 351, 377
Вахтомин Н. К. 8
Вебер Б. Г. 262
Вейсман Н. 299
Велепольский А. 377
Вельтман А. Ф. 140, 149, 173, 174
Венгеров С. А. 237, 298
Венедиктов Г. К. 56, 61, 65, 169, 175, 386

Венелин Ю. И. 44, 58—61, 65, 83, 100, 101, 115, 117, 118, 122, 126—129, 135—141, 146, 147, 149, 169, 171—174, 265, 286, 305, 330, 386, 392
Вергуи Д. Н. 309, 311, 316, 360, 378
Верещагин Е. М. 385
Вержбовский Ф. Ф. 214, 215, 242, 300, 378
Веркович 222
Вертеловский А. 236, 298
Веселинович Я. 362
Веселовский А. Н. 251, 254, 303, 339, 365, 368, 387
Веселовский А. П. 15
Ветранич М. 252, 303
Виклеф Д. 146
Викторов А. Е. 110, 170
Вилинбахов В. Б. 386
Виноградов П. Г. 303
Виноградов С. А. 386
Висковатов П. А. 217
Витовт 242, 300
Витт В. В. 378
Владимирский-Буданов М. Ф. 242, 300
Влайков Т. 267
Воблый К. Г. 351, 377
Водовозов В. В. 290, 306
Вознесенский П. И. 299
Вознесенский С. 386
Волгин В. П. 168
Волков В. К. 8
Волков Л. 256
Волконский С. Г. 69, 168
Волнин Н. К. 377
Волынцев А. — см. Липранди А. П.
Вольтер Ф. М. А. 26
Вольф Х. 21
Вондрак В. 336
Воровский В. В. 324, 357, 363, 364, 366, 379
Воронов А. Д. 233, 297
Воронцов М. И. 25
Воронцов М. С. 142
Востоков А. Х. 24, 39, 40—42, 47, 50—52, 54, 57, 60, 61, 64, 86, 89, 91, 99, 100, 102—106, 109, 110, 115, 156—159, 162, 166, 167, 171, 218, 269, 272, 283, 285—288, 290, 291, 305, 393, 394
Враз С. 120, 123, 171
Врхлицкий Я. 358, 359, 362
Вылежинский Т. 376
Выспяньский С. 364

Габелко Е. И. 387
Гавелька И. 377
Гавличек-Боровский К. 93, 155, 169, 239, 359, 378
Гаврилов М. Г. 45, 46, 52, 53, 65
Гаек В. (Гагеций) 22, 23
Гай Л. 88, 361
Галек В. 359
Галич А. И. 151
Гангеблов А. С. 70
Ганка В. 43, 44, 83—85, 89, 97, 112, 116, 119, 122, 130, 146, 155, 239, 271, 287, 289, 299, 306, 334
Гануш И. 207
Гаральд Храбрый 30
Гаркави А. Я. 229, 296
Гаттала 295
Гацкевич И. Е. 246, 302
Гашек Я. 358
Гваньини А. 11, 22
Гвездослав — см. Орсаг-Гвездослав П.
Гебауэр Я. 275
Гегель Г. 67, 86, 133, 181
Гедройц 241, 300
Гейдук Я. 238, 298
Гекторович П. 336
Гельмольд 353
Георгиевский А. П. 167
Георгий Амартол 110, 157, 170
Гербель Н. В. 223, 295, 296
Герборд 232, 297
Гердер И. Г. 67, 118, 167
Геров Н. Д. 107, 108, 160, 268, 270
Геродот 151
Герцен А. И. 7, 68, 71, 77—80, 113, 138, 168, 181, 188, 293, 322, 394
Герье В. И. 237, 241, 298
Гескет С. 300
Гете И. В. 365
Гильфердинг А. Ф. 8, 90, 96, 101, 107, 108, 113, 118, 121, 124, 131, 144, 146—148, 155, 171—173, 177, 191, 206, 229—231, 236, 238, 243, 244, 247, 248, 256, 257, 260—262, 264, 265, 295, 296, 301, 304, 305, 352, 386, 392

Глегевич А. М. 303
Гледьевич 252
Глинка Г. А. 47, 48, 65
Глинка Ф. Н. 36—38, 45, 64
Глишич М. 360
Глокке Н. Э. 255, 304, 378
Гнедич Н. И. 40
Гогель Н. В. 300
Гоголь Н. В. 46, 113
Голенищев-Кутузов П. И. 45, 46, 52
Голла Я. 359
Головкин Ю. А. 87
Голомбиовский А. А. 394
Голубинский Е. Е. 233, 246, 297, 302
Голубовский П. В. 297
Гольцев В. А. 357
Горбачевский И. И. 69, 70, 168
Горемыкин И. А. 241
Горина Л. В. 296, 387
Горник М. 243, 301
Горский А. В. 103, 287
Горский И. К. 303, 387
Горький М. 357, 363, 365, 366, 379
Горяинов А. Н. 6, 387
Готье Ю. В. 328, 387
Гощинский С. 255
Грабеньский В. 351, 377
Градовский А. Д. 185, 186, 293
Гранат бр. 377
Грановский Т. Н. 68, 139, 145, 147, 173
Греков Б. Д. 6
Грибовская А. 304
Грибоедов А. С. 43, 68
Григорий Цамблак 254, 303, 346, 354
Григорович В. И. 86—89, 91, 93, 94, 101, 106, 107, 109, 111, 118, 123, 124, 128, 129, 132—134, 139, 143, 144, 156, 157, 164—166, 169—175, 195, 218, 222, 223, 239, 246, 253, 270, 271, 285—287, 295, 299, 303, 305, 336, 355, 371, 385, 387, 389, 392—394
Григорьев А. А. 100
Григорьев А. Л. 379
Григорьев В. В. 169
Грот К. Я. 6, 205, 215, 233, 243, 246, 295—297, 301, 359, 387, 392
Грот Я. К. 153, 391
Грунский Н. К. 253, 303
Гудков В. П. 8, 387
Гулак Н. И. 72, 391
Гулак-Артемовский П. П. 55, 87, 89, 94
Гумбольдт В. 167
Гундулич И. 20, 252, 280, 303
Гуниади — см. Хуньяди Я.
Гурбан-Ваянский С. 359
Гуревич М. М. 62
Гурко В. И. 316
Гуровский А. 73
Гурьева Е. И. 393
Гус Ян 29, 133, 144—146, 153, 173, 192, 197, 201, 206, 235—237, 295, 298, 352, 377
Гусев В. Е. 305
Давид И. 14
Давыдов 388
Давыдова Л. К. 352, 353, 377
Дамаскин Студит 274
Данилевский Н. Я. 180—185, 189, 193, 293, 320, 322, 393
Данилович И. Н. 150
Даниловский Г. 365
Данковский 42
Данте 365
Дашкова Е. Р. 33
Дейч Х. Ф. 42
Дельвиг А. А. 137
Дембовский А. С. 26
Денкоглу И. Н. 141
Де-Пуле М. 299
Державин Н. С. 6, 168, 371, 372, 387
Десницкий С. Е. 45
Дестунис С. 229, 296
Джальский К. Ш. 361
Дибич И. И. 241, 300
Дидиакин М. 62
Дитмар 297
Дитякин В. Г. 387
Длугош Я. 21, 23
Дмитриев Л. А. 64
Дмитриев П. А. 391
Дмитриев-Петкович К. 130, 160
Дмовский Р. 311, 313, 318, 373
Добнер Г. 22, 31, 100, 141
Добровский Й. 24, 30, 31, 34, 35, 40, 43, 44, 48, 50, 55—57, 64, 68, 86, 89, 91, 94, 97, 99, 100, 129, 141, 145, 146, 159, 162, 218, 239, 263, 271, 272, 283, 285, 287—290, 299, 306, 334, 391, 392

Добролюбов Н. А. 80, 101, 113, 118, 138, 142, 173, 203, 286
Довнар-Запольский М. 350, 376
Долгов С. О. 330
Доленга-Ходаковский З. — см. Чарноцкий А.
Долобко М. Г. 372
Доманицкий В. 377
Доманович Р. 360
Домбровский К. С. 299
Дондуков-Корсаков М. А. 97
Досталь М. Ю. 169, 175, 294, 306, 387
Достоевский Ф. М. 180, 184, 189, 293, 323
Достян И. С. 37, 64, 168, 387
Драганов П. 221
Драгоманов М. П. 190, 293
Дринов М. С. 96, 155, 200, 220, 221, 247, 248, 268, 296, 302, 305, 336, 385, 387, 390
Дубровский Н. А. 333, 374
Дубровский П. П. 131, 172, 257
Дудзинская Е. А. 387
Дудка-Степович — см. Степович А. И.
Дупничанин Х. П. 60
Дурих В. Ф. 35
Дурново Н. Н. 330
Дуров С. Ф. 73
Душан Стефан 208, 210, 216, 245, 301, 332, 354
Дылевский Э. 255, 304
Дьяков В. А. 8, 167, 168, 293, 294, 300, 373, 387, 388, 390
Дювернуа А. Л. 96, 97, 155, 197, 202, 238, 256, 258, 259, 262, 267, 268, 273, 274, 294, 298, 389, 390

Евреинов Б. Н. 378
Евфимий Зигабен 248, 253, 303, 328
Евфимий Тырновский 249, 254, 302, 303, 346
Егоров Д. Н. 353, 377
Еж Т. 365
Езбера Ф. (Иезбера) 213, 216, 295
Екатерина II 29, 30, 32, 45, 63, 291, 350
Елагин В. А. 144, 145, 173, 236
Елагин И. П. 33
Елизавета Петровна 18, 302
Елин Пелин 361, 365
Елисеев Г. З. 80
Еремин И. П. 62
Ермолаев А. И. 34, 39, 40, 51, 54, 64, 109
Ермолов А. П. 71
Есипов В. 388
Есипов Г. Ф. 241, 299
Ефрем Сирин 17, 19, 369
Ефрон И. А. 17, 298, 332
Ешевский С. В. 198

Жеромский С. 358, 364, 365
Жигунов Е. К. 168, 293, 294, 388
Жижка Ян 153, 237
Жолкевский С. 148
Жуковский В. А. 42
Журавлев В. К. 388

Забани М. 14
Зайончковский П. А. 168
Залесский Б. 255
Замойский Я. 350
Зан Т. 255
Зедделер Л. И. 153, 174
Зелинский Ф. Ф. 225
Зигель Ф. Ф. 215, 216, 299, 335, 341, 388
Зизаний Лаврентий 9, 10, 61
Златарский В. 221
Злобицкий Й. В. 35
Змай — см. Йованович-Змай Й.
Зноемский Станислав 197, 298
Зосимов Г. И. 387
Зотов В. Р. 250, 303
Зубрицкий Д. 155
Зыбелин С. Г. 21, 45

Иаков (из Стржибра) — см. Якоубек (из Стржибра)
Ибн Даст (Омар) 296
Ибн Якуб (Ибрагим) 229
Иванишев Н. Д. 84, 89—91, 106, 152, 174
Иванов В. В. 388
Иванов Ю. Ф. 388
Иванович И. Д. 379
Иванцов-Платонов А. М. 236, 298
Игнатович В. В. 298
Игорь 29
Иеремия 253, 302
Иероним Пражский 145, 236, 237, 298, 352

Илларион (Мегленский) 328
Илларион (Руварц) 245
Иловайский Д. И. 241, 299, 330
Ильинский Г. А. 330, 354, 368—370, 388
Иоанн Асень II 369
Иоанн Дамаскин 156
Иоанн Кобенцель (Кобельцель) 300
Иоанн Скилица Куропалат 347
Иоанн (Хилендарский) 347
Иоанн Экзарх Болгарский 43, 50, 156, 200, 253
Иордан И. Х. 23
Иордан П. 130, 131
Иосиф II 291, 353
Ирасек А. 249, 256, 302, 362
Иржи Подебрад 238, 298
Истрин В. М. 54, 64, 175, 331, 355, 362, 378, 388
Ишутин В. В. 388

Йованович-Змай Й. 253, 360, 362

Кавелин К. Д. 113, 388
Казакова М. А. 388
Казимир Великий 350, 376
Казимир IV Ягеллончик 376
Кайсаров А. С. 31, 35, 47—49, 51, 54, 64, 65, 355
Калайдович К. Ф. 42, 45, 50, 51, 54, 61, 100, 102, 104, 105, 156, 283, 287
Калайдович П. Ф. 46, 47
Калинчак Я. 359
Калмыков П. Д. 86
Калоева И. А. 388, 393
Каль Е. 304
Каменевич Т. 12
Каменский Г. 73
Каменский И. В. 309—311, 316, 373
Кантакузен Дмитрий 222
Кантемир А. Д. 18, 19
Каптерев Н. Ф. 246, 302
Каравелов Л. 361
Карагеоргий 36
Караджич В. С. 44, 55, 58, 88, 94, 112, 113, 115—117, 152, 158, 252, 286, 301, 303, 305, 360, 392
Карамзин Н. М. 33, 41, 42, 45, 46, 51, 100, 138, 291
Карасев В. Г. 388
Каратаев И. П. 104
Кареев Н. И. 237, 241, 242, 298, 300, 318, 319, 373, 374, 387, 388
Карл Великий 135, 153
Карл IV 235, 298, 328
Карнович Е. П. 81, 300
Карский Е. Ф. 386
Каспрович Я. 363
Кастерин А. И. 104
Касторский М. И. 83, 90, 106, 110, 119, 129, 157, 171, 172
Катков М. Н. 322
Катранов Н. Д. 171, 265, 305
Каупуж А. В. 388
Каутский К. 324, 353, 377
Качановский В. В. 214, 246, 251, 254, 301, 303, 304, 359, 393
Каченовский В. М. 388
Каченовский М. Т. 8, 38, 42, 45—47, 52, 55—58, 61, 83, 85, 100, 105, 112, 114, 285—287, 388, 390
Кедров Б. М. 3, 8
Кеппен П. И. 36, 40, 50, 53—55, 87, 100, 105, 132, 285, 287, 392
Кидель А. С. 378
Кизеветтер А. А. 350, 376
Кине Э. 117
Киприанович Г. 248
Киреев А. А. 180, 182, 293
Киреевский И. В. 75, 113, 182, 189, 321
Киреевский П. В. 90, 113, 321
Кирилл (Константин) 16, 19, 24, 110, 141, 144, 156, 163, 170, 199—201, 210, 230, 233, 273, 297, 332, 338, 341
Кирилл Туровский 104
Кирпичников А. 250, 303
Кирпотин В. 293
Китаев В. А. 292
Кифалов 60
Клапрот Х. Ю. 42
Клеванов А. С. 200, 236, 298
Климент Охридский 102, 253
Ключевский В. О. 327, 377
Княжевич Д. М. 44
Княжецкая Е. А. 62
Князев А. С. 233, 297
Князев Г. 303
Ковалев П. 26
Ковалевский Е. П. 80, 124, 171

Ковалевский М. М. 317
Ковтуи Л. С. 9, 61
Кодухов В. И. 388
Козицкий Г. В. 26
Козлов В. П. 388
Козьма Пражский 234, 297, 390
Козьма Пресвитер 248, 253, 303, 328, 339, 375
Козьменко И. В. 172
Кокошкин Ф. 311
Колачковский К. 350, 376
Колейка И. 373
Колесов В. В. 388
Коллар Я. 93, 112, 119, 120, 129, 134, 146, 149, 170, 239, 240, 277, 279, 299, 301, 327, 330, 359, 362, 389, 392
Коломинов В. В. 65
Колосов М. А. 216, 220
Колумб Х. 149
Коль И. П. 17—19
Комендоне 300
Коменский Я. А. 219, 239, 256, 296, 298, 299
Конарский С. 133, 134
Кондаков Н. П. 201
Кондаурова Л. П. 299
Кондратович Л. 255, 304
Кондрашов Н. А. 159, 174, 175, 388, 389
Конопницкая М. 304, 356, 358, 364
Константин 253
Констаитин Багрянородный (Порфирородный) 208, 229, 245, 296, 301
Константин Павлович 71, 300
Константинов А. 361, 365
Конт О. 181
Конюшая Р. П. 294
Копитар Е. 43, 44, 50, 58, 64, 86, 88, 89, 91, 100, 112, 218, 272, 336, 355, 369, 394
Кораблев В. Н. 359, 360, 373, 389
Корецкий-Сатановский А. 10, 14
Корженецкий О. В. 83
Корнилов А. А. 300, 318, 319, 351, 374, 387
Королюк В. Д. 6, 388, 389
Корсаков Д. А. 378
Корф А. С. 299
Корш В. 250, 303
Корш Ф. Е. 267, 274, 317, 329, 330, 360, 378
Косачевская Е. М. 174
Косминский Е. А. 167
Коссович К. А. 262
Коссовский В. 377
Костомаров Н. И. 80, 85, 113, 119, 171, 241, 299
Костырь Н. Т. 98
Костюшко Т. 299
Котляревский А. А. 96, 155, 206—208, 211, 217, 231, 232, 258, 287, 288, 295, 297, 306, 362, 389
Кохановский Я. 255, 304, 358, 378
Кочубинский А. А. 6, 8, 40, 56, 58, 63—65, 89, 96, 155, 198, 218—220, 238, 240, 246, 260, 262, 288—290, 292, 294, 296—299, 302, 305, 306, 338, 370, 389, 390
Кошелев А. И. 76, 113, 131, 144, 177, 321
Кошелев В. А. 389
Коялович М. 300
Кравцов Н. И. 389
Кравчук Р. В. 389
Край К. 100
Крамарж К. 311, 313, 314, 316
Крамериус В. 133, 134
Краньчевич С. С. 361, 379
Красинский С. (Красиньский З.) 255, 356, 364, 365
Красовский М. В. 317
Крашевский Ю. И. (И. И.) 356, 364
Крашенинников С. П. 20
Кржижановский А. Н. 377
Крижанич Ю. 10, 12, 13, 61, 247, 276, 277, 302, 330, 354, 355, 378
Кристев К. 366, 379
Критские бр. 71
Кромер М. 21, 23
Крылов И. А. 40, 42, 43
Крюков 87
Крюков А. В. 389
Кубарев 73
Кувакин В. А. 374
Куделка М. 169
Кузминский К. С. 358
Куклин Г. А. 324
Кулаковский П. А. 252, 303, 316, 355, 378, 392

Кулин 369
Кулиш П. А. 113
Кульбакин С. М. 336, 338, 370—372, 375
Кулябко Е. С. 62
Куник А. А. 110, 146, 148, 170, 174, 229, 296
Куницын А. П. 151
Курант И. Л. 378
Курилович К. 281
Куршат 174
Куторга М. С. 86, 174, 301
Кутузов Н. И. 69
Кутшеба С. 331
Кухарская Е. 159
Кухарский А. 84, 85
Кюхельбекер В. К. 43, 68, 167

Лавров В. М. 304, 356
Лавров П. А. 199, 200, 225, 233, 239, 252—254, 267, 273, 274, 294, 297, 299, 302, 303, 329—331, 343, 368, 372, 389, 390, 394
Лавров П. Л. 191—193, 293, 294, 388
Лавровский Н. А. 279
Лавровский П. А. 88, 203, 220, 238, 269, 297, 298, 389, 393
Лазаревич Л. К. 253, 360, 362
Ламанский В. И. 8, 81, 150, 153, 154, 159, 172, 174, 177, 179, 181, 202—206, 208, 215, 217, 225, 234, 236, 238—240, 243, 246, 248, 255—257, 269—272, 276, 277, 280, 287, 292—294, 297—299, 301, 302, 304—306, 316, 331, 332, 339, 342, 368, 387, 389, 392, 394
Лаппо И. И. 350, 376
Лаптева Л. П. 7, 172, 173, 294—299, 301, 373—377, 389, 390
Ласкин Г. 296
Латышев М. М. 145
Лебедев А. С. 236, 298
Лебедев В. И. 26
Лебедев И. А. 200, 231, 297
Лев Дьякон 40
Леванда И. И. 42
Левин Ш. М. 168
Левин Ю. Д. 296
Лейбниц Г. В. 13, 14, 21, 62
Лейкина-Свирская В. Р. 6
Лелевель И. 73, 112, 149
Ленин В. И. 78, 168, 176, 188, 194, 292—294, 307, 308, 311, 314, 323—326, 363, 373, 374, 379, 383
Леонтьев К. Н. 182, 184, 185, 193, 293, 320, 322
Лепехин И. И. 33, 289
Лескин А. 273, 275, 280, 336
Лесковец Л. 360
Лещинский Станислав 26
Ливен К. А. 49, 82
Линда Й. 116, 130
Линде С. Б. 34, 38, 44, 50, 100
Линниченко И. А. 199, 242, 294, 300, 330, 390
Липатникова Г. И. 390
Липранди А. П. 351, 377
Лисовский Н. 297
Литтре Э. 181
Лобода А. М. 368
Лободовский В. П. 73
Лобойко И. Н. 50, 51, 388
Ломоносов М. В. 10, 13, 15, 16, 19, 20, 23—25, 27, 28, 32, 33, 41, 50, 51, 62, 63, 100, 133, 134, 149, 203, 284, 288, 291, 385, 394
Лопатин Н. 351, 377
Лопатин П. 351, 377
Лопатинский Феофилакт 16
Лосиевский И. 390
Лотман Ю. М. 64, 65
Лубенский А. 130
Лудольф Г. В. 14
Лукашевич П. А. 119
Лукьяненко А. М. 359, 362
Луначарский А. В. 363, 379
Лунина М. В. 65
Лучановский В. 376
Лызлов 137
Львов Н. А. 30
Львов Н. Н. 316
Львов Ю. П. 109
Любавский М. К. 201, 327, 328, 350, 374, 376, 377
Любович Н. Н. 242, 300, 376, 386
Любомудровы: Адольф, Андрей, Сергей 299
Лютер М. 145, 173, 201, 236, 377

Ляпунов Б. М. 262, 267, 273, 282, 283, 305, 368, 390
Ляскоронский В. Г. 297
Лященко Л. Г. 292

Магарашевич 93
Маевский В. 149
Мажуранич А. 281
Майков А. А. 8, 96, 101, 102, 155, 170, 244, 262, 263, 287, 289, 305, 306, 390
Майков П. 350, 376
Макаров 87
Макарова Г. В. 390
Максим Грек 13
Максимович М. А. 50, 63, 98, 113
Макушев В. В. 203, 212—216, 222, 229, 240, 244, 247, 252, 255, 256, 260, 269, 279, 295, 296, 299, 301, 302, 304, 390
Малиновский А. Ф. 34, 42, 45
Малиновский Л. 161
Малышевский И. И. 233, 297
Мананчикова Н. П. 390
Манассия 106, 157, 166, 167
Манкиев А. И. 13, 14, 16
Маркевич А. И. 218, 296, 302
Маркевич А. М. 201
Марков Д. Ф. 8, 388, 390, 391
Маркс К. 79, 138, 173, 176, 194, 294
Мартыненко А. К. 391
Масанов И. Ф. 170, 173
Матавуль С. 360
Матковская А. А. 391
Матковски А. 391
Матов Д. 221
Маха К. Г. 359, 367
Мацеевский В. 91, 145, 151, 279
Меглицкий Г. Т. 82
Медведев С. А. 13
Мезиер А. В. 352, 353, 377
Мельц М. Я. 303, 391
Меншиков 71
Меровинги 136
Мерославский Л. 73
Метлинский А. Л. 113
Мефодий 16, 19, 24, 110, 141, 144, 145, 156, 163, 170, 199, 200, 201, 210, 230, 233, 234, 236, 273, 297, 332, 338, 341
Меховский М. 23
Мещерский В. П. 26
Мещерский Н. А. 391
Миклошич Ф. 167, 218, 222, 265, 266, 269, 270, 272, 277, 287, 301, 392
Микульский И. И. 83
Милетич Л. 274
Милич Ян 145
Миллер В. Ф. 368
Миллер Г. Ф. 18, 20, 21, 23, 24, 27, 33
Миллер О. Ф. 181, 293
Милосављевић П. 65
Милутинович С. 93, 134
Мильтон Дж. 365
Милюков П. Н. 183—185, 293, 316—318, 378
Милютин Н. А. 300
Минаев И. П. 280, 282
Минкова Л. 174
Митрофанов П. П. 353
Михайлов А. В. 167, 342, 350, 376
Михайловский Н. К. 193
Мицкевич А. 72, 73, 93, 131, 134, 172, 255, 256, 304, 327, 337, 356, 357, 363—365, 367, 378
Моджевский (Фрич-Моджевский) А. 255, 304, 358
Модзалевский Л. Б. 65
Можаева И. Е. 391
Моисеева Г. Н. 23, 62—64, 391
Момбелли Н. А. 73
Момирович Д. 44, 142, 173
Морозов П. О. 250, 256
Морошкин Ф. Л. 286, 305
Москаленко А. Е. 7, 377, 387, 391
Москаленко Е. А. 391
Мрозинский И. 91
Мронговиус Х. 157, 158
Муравьев-Апостол М. И. 70
Мурзакевич Н. Н. 128, 129, 172
Мусин-Пушкин А. И. 34, 39, 42, 45
Муханов П. А. 110, 148
Мушицкий Л. 252, 303
Мыльников А. С. 8, 61—65, 169, 170, 305, 388, 390, 391
Мякотин В. А. 241

Надеждин Н. И. 44, 90, 100, 111, 113, 116, 118, 122, 132, 170, 171, 301, 392
Надлер В. К. 236, 298
Нарушевич А. 149

Невоструев К. И. 103
Негош — см. Петр II Петрович Негош
Недо П. 304
Неедлы З. 391
Неедлы Я. 44
Некрасов Н. А. 101
Некрасов Н. П. 260
Немцевич Ю. У. 299
Немцова Б. 249, 302
Ненашева З. С. 8, 373, 391
Неофит Рильский 107, 108, 115, 127, 128, 265
Неруда Я. 256, 358, 359, 362
Нестор Летописец 46
Нидерле Л. 336, 343
Никитин С. А. 6, 177, 178, 292, 293, 388, 391
Николай I 44, 49, 69, 82, 95, 142, 188, 241, 300, 376
Никулина М. В. 64, 65, 391, 392
Новиков Е. П. 96, 145, 146, 155, 173, 201, 236, 263, 264, 352
Новиков Н. И. 45, 48, 50
Новикова А. С. 387
Новицкий О. М. 98
Нович Н. — см. Бахтин Н. Н.
Новодворский В. В. 324, 350, 376
Новосильцев Н. Н. 151, 376
Норов А. С. 239, 299
Норцов А. Н. 377

Облак В. 222
Обрадович Досифей 133, 134, 246, 302, 360
Обренович Милош 301
Овсянико-Куликовский Д. Н. 190, 363, 368
Овсяный Н. Р. 378
Огарев Н. П. 68, 188, 293
Огрызко И. 300
Одинцов П. 26
Ожешко Э. 256, 304, 356, 358, 365
Олег 29
Оленин А. Н. 39, 40, 51
Олеш Р. 161
Омортаг 348
Орбини Мавро 16
Орел В. Э. 392
Орловский П. — см. Воровский В. В.
Орсаг-Гвездослав П. 359, 378
Осокин Н. А. 248, 302
Осповат А. Л. 293
Оссиан 30
Остгоф Г. 280
Островский Г. 15
Остророг Я. 304
Оттон Бамбергский 232, 297

Павел I 29
Павинский А. И. 230, 231, 296
Павский Г. П. 91
Паисий Хилендарский 254
Палаузов Н. С. 142
Палаузов Н. Х. 128
Палаузов С. Н. 142, 144, 152, 173, 303, 392
Палацкий Ф. 88, 93, 129, 144—146, 155, 173, 231, 239, 279, 299
Паллас П. С. 32
Пальминов Л. И. 304
Пальмов И. С. 237, 246, 298, 299, 302, 341, 352, 390
Панаев В. И. 170
Панаев И. И. 101
Панин В. Н. 299
Панин [Н. И.] 241, 299
Панов В. А. 141, 152, 174
Панченко Б. А. 345, 347
Парис Г. 368
Паррот Г. Ф. 53, 85
Паскевич И. Ф. 85, 241, 300
Пассек В. В. 71
Патера А. 238, 271, 294, 298
Паузе И. В. 27
Пашаева Н. М. 169, 392
Пекарский П. П. 62, 287, 306
Пельцль Ф. М. 31
Пенинский 50
Пеполи 300
Первольф И. И. 213, 216, 231, 279, 295, 297
Перевощиков В. М. 42
Перетц В. Н. 362
Пернштейн И. 200
Перцев В. Н. 352, 353, 377
Петр I 12, 15—18, 62, 73, 75, 142, 170, 278, 291, 302, 306
Петр II Петрович Негош 253, 303, 360, 362, 367

Петр III 23
Петрарка Ф. 365
Петрашевский — см. Буташевич-Петрашевский М. В.
Петров А. Л. 232, 297, 332, 374
Петров А. Н. 300
Петров Н. И. 367
Петров П. Я. 262
Петровская Э. Г. 302
Петровский М. П. 222, 223, 272, 295, 296, 392, 394
Петровский Н. М. 171, 335, 336, 355, 358, 360
Петухов В. К. 303, 392
Петухов Е. В. 217, 253
Пех Я. Б. 250
Пиотровская А. 304
Писарев Д. И. 189, 293
Пичета В. И. 155, 174, 327, 374, 378, 388, 389, 391, 392
Платонов И. 233, 297
Платонов С. 386
Плетершник 283
Плеханов Г. В. 194, 294, 324, 357, 363
Плохоцкий — см. Васильевский Л.
Плюшар А. 99, 100
Победоносцев К. П. 177
Погодин А. Л. 300, 313, 316—319, 333, 336—338, 351, 353—355, 357, 361, 362, 374, 375, 377, 387
Погодин М. П. 60, 73, 74, 76, 82, 85, 87, 94, 97, 100, 104, 136—138, 140, 147, 151, 166, 168, 173, 178, 179, 188, 239, 287, 292, 294, 297, 299, 306, 388
Погодин П. Д. 345, 346
Подвинский Ю. 350, 351, 376
Позднеев А. 379
Покос Л. В. 377
Покровский А. А. 330
Покровский М. Н. 324
Полевой Н. А. 38, 136—138, 173
Полевой Ю. З. 294
Поленов А. Я. 31
Поликарпов-Орлов Ф. П. 10, 12, 13, 62
Помяловский И. В. 378
Понятовский Станислав Август 241, 299
Попов А. Н. 90, 101, 142, 173
Попов Д. П. 40
Попов М. И. 29, 30, 47
Попов Н. А. 65, 197—199, 202, 218, 239, 244, 258—260, 287, 294, 299, 301, 304, 306, 327, 392, 394
Попова В. А. 392
Попова И. В. 299, 392
Попруженко М. Г. 248, 254, 302, 303, 338, 339, 346, 354, 375
Порошин В. С. 86
Потебня А. А. 220, 222, 279, 281, 363, 390
Потепалов С. Г. 392
Потоцкая 350, 376
Потт А. Ф. 218
Прейс П. И. 8, 85—89, 91, 93, 106, 118, 122, 124—126, 134, 139, 153, 157—159, 166, 172, 174, 175, 202, 243, 269, 285—287, 301, 305, 387, 393, 394
Прерадович П. 361
Преторий М. 23
Прешерн Ф. 93, 134, 358, 360, 362, 367, 378
Прийма Ф. Я. 64
Прокоп (Великий, Голый) 153, 237
Прокопович Феофан 16, 18, 19, 62
Прокопович-Антонский А. А. 45, 46
Протива М. 298
Протопопов М. А. 357
Прус Б. 256, 356, 358, 364
Пташицкий С. Л. 378
Пузыревский А. К. 241, 300
Пуркине Я. Е. 239
Путилов Б. Н. 392
Пушкарев Л. Н. 61, 62
Пушкин А. С. 42, 43, 46, 64, 65, 72, 93, 113, 127, 134, 279, 365
Пшибышевский С. 356, 363—365
Пшивара К. М. 161
Пыпин А. Н. 6, 56, 65, 80, 81, 93, 101, 113, 118, 124, 144, 148, 154, 155, 169—171, 186, 187, 202, 203, 243, 249, 250, 253, 256, 257, 286, 288, 290—294, 300, 303, 306, 339, 362, 363, 375, 389, 391, 392
Пьяных М. Ф. 375

Рабинович И. 377
Рабкина Н. А. 293
Рагузинский-Владиславич С. Л. 16
Радзивилл Михаил 71
Радичевич Б. 360, 362

Радищев А. Н. 29, 30, 64, 68, 168, 387
Радченко К. Ф. 246, 248, 254, 302
Раевский М. Ф. 82, 143, 152, 169, 173, 174
Разумовская Л. В. 6
Разумовский А. К. 46, 52, 53
Раич 137
Раковецкий Л. 44
Рамовш Ф. 160
Ратч В. Ф. 300
Рачки Ф. 245
Регель В. Э. 234, 297, 390
Реизов Б. Г. 167
Рей М. (Рей Н.) 358, 378
Реймонт В. 356, 358, 376
Рейц А. М. Ф. 36, 91, 150, 174, 391
Ригельман Н. А. 90
Ригер Ф. Л. 206, 231, 279
Риль Г. 181
Робинсон М. А. 392
Ровда К. И. 250, 296, 303, 306, 392, 393
Ровинский П. А. 236, 237, 246, 253, 259, 298, 302, 303, 355, 389, 392, 394
Ровнякова Л. И. 304, 393
Роганович П. 246, 302
Рогенбуке Ф. 26
Рождественский С. В. 168
Розен В. Р. 229, 296
Розенталь В. Н. 76, 168
Розов Н. Н. 170
Романовы 182
Росковшенко И. В. 87
Роспонд С. 159, 161
Рот Р. 262
Рубан В. Г. 26
Рубинштейн Н. 393
Румовский С. Я. 289
Румянцев Н. П. 31, 35, 42, 44, 51, 55, 63, 100, 101, 156, 166, 289—291, 306, 389
Рунич Д. П. 151
Рункевич С. Г. 350
Русова С. Ф. 358
Руссов С. В. 136, 172
Рыхлик Е. А. 359
Рюккер Г. 181
Рюрик 24, 29, 40, 146, 173
Рябинин И. 350, 376, 377
Сабина К. 359
Савва 302
Савельев-Ростиславич Н. В. 99, 139, 141, 146, 147, 153, 173
Савин Л. 360—362, 378, 379
Савиинч 151
Салтыков-Щедрин М. Е. 180, 189, 293
Самарин Ю. Ф. 7, 75, 76, 113, 144, 177, 321
Самуил 280, 346
Санчук Г. Э. 374, 388
Саск 206
Сатановский А. — см. Корецкий-Сатановский А.
Сахаров В. И. 167
Сахаров И. П. 104, 120
Сахарова А. 304
Сватковский В. П. 311, 312
Свентоховский А. 318, 319, 358, 364
Светов В. П. 26, 28, 31
Свирская В. Р. 393
Свистунов П. П. 70
Святополк (Поморский) 377
Святослав Игоревич 173
Святослав Ярославич 40, 222
Севастьянов П. И. 107—109, 170, 209, 301
Северянин И. 282
Селищев А. М. 359, 372, 378
Семевский М. И. 393
Семенников В. П. 63
Семенов П. Н. 393
Семенов-Руднев Д. Е. (Дамаскин) 31, 289
Сенкевич Г. 256, 356, 358, 365, 378
Сенявин Д. Н. 37
Сераковский З. 80
Сергеев А. В. 393
Сергеев П. А. 393
Сергіенко Г. Я. 168
Серебрянский Н. И. 352
Серошевский В. 319
Сигизмунд III 148
Сидоров А. А. 377
Силин А. Д. 378
Симеон 142, 253, 346
Симеон Полоцкий 10, 13
Симоненко Г. Ф. 300, 301, 351
Симони П. К. 368
Сиротинин А. Н. 359—361, 378
Ситников С. И. 71

Скальковский А. А. 141, 173
Скарга П. 358, 378
Скендерова С. 124
Скерлич Й. 361, 379
Скорина Ф. 35
Славейков Пенчо 361, 365
Славейков Петко Р. 361, 366
Славин Г. М. 374
Славинецкий Епифаний 10, 14
Сладкевич Н. Г. 76, 168
Сладкович А. 359
Слепушкин Ф. Н. 170
Словацкий Ю. 255, 256, 304, 330, 356, 364
Словинский М. А. 317
Смельницкий И. 368, 379
Смирдин А. Ф. 135
Смирнов А. 295
Смирнов В. А. 236, 298
Смирнов И. Н. 246
Смирнов С. В. 7, 8, 169, 393
Смит Ф. 148, 241, 300
Смолер Я. А. 112, 130, 162, 243, 301
Смотрицкий М. 10, 14, 50
Снегирев И. А. 216, 223, 239, 287, 299, 306
Снегирев И. М. 43, 113, 117, 120
Собестианский И. М. 222
Соболевский А. И. 225, 251, 296, 297, 374, 375, 393
Соколов А. И. 129, 130, 172, 252, 303
Соколов Д. М. 41
Соколов М. И. 205, 248, 253, 302, 303, 328—330
Соколов П. И. 41
Солиньяк П. Ж. 26
Соловьев В. С. 182, 183, 185, 193, 293, 320, 323
Соловьев С. М. 78, 81, 115, 121, 148, 171, 178, 198, 241, 388
Солтык Р. 73
Сопиков В. С. 40, 64, 104
Софроний Врачанский 249, 254, 302
Сохацкий П. А. 45
Спарвенфельд И. Г. 13, 14
Спасович В. Д. 249, 250, 255, 257, 301, 362
Сперанский М. М. 108, 150
Сперанский М. Н. 239, 251, 299, 362, 389, 393
Спешнев Н. А. 73
Спиридов А. М. 68
Спиридов М. М. 68
Срезневский В. И. 163, 175, 394
Срезневский И. И. 8, 64, 82, 86—89, 91—95, 97, 99, 101, 103, 104, 106, 109, 110, 112, 113, 116—123, 126—132, 139, 150, 154, 158—163, 169—172, 174, 175, 195, 202, 203, 205, 208, 212, 220, 239, 243, 257, 258, 269, 283, 285—287, 289, 294, 301, 304—306, 370, 385—387, 389, 390, 393, 394
Стадион Ф. 31, 35
Станкович Б. 360
Старчевский А. 100
Стахеев Б. Ф. 379
Стеклов Ю. М. 168
Стельмашко М. 378
Степович А. И. 211, 250, 253, 256, 295, 335, 359—362
Стефанович В. 304
Стойкова С. 171
Стралемберг 22
Стратимирович С. 246, 302
Страхов Н. Н. 181, 293
Страхов П. И. 46
Страшимиров А. 361
Стрекалова З. 62
Стржедовский Я. 24
Стриттер (Штриттер) И. М. 28, 63
Строганов Г. А. 301
Строганов С. Г. 101
Строев П. М. 40, 51, 54, 100, 102, 104—106, 114, 119, 170
Строев С. М. 90, 100, 105, 106, 170
Струве П. Б. 176, 312, 318, 373
Стрыйковский М. 11, 22, 23
Студницкий В. 351
Ступин Н. Д. 107
Суворов А. В. 73, 350, 376
Суворов Н. С. 298
Сумароков М. М. 291
Сумарокова М. М. 374
Сумцов Н. Ф. 368
Супило Ф. 311
Супрун А. Е. 394
Суровецкий В. 50, 149, 287
Суровецкий Л. 149
Сухомлинов М. И. 64, 90, 203, 287, 306

Сырку П. А. 248, 251, 254, 282, 302, 303, 354, 367, 369, 378, 391
Сырокомля В. — см. Кондратович Л.

Тассо Т. 282
Татищев В. Н. 15, 16, 18—25, 27, 28, 62, 63, 137, 284, 291
Тауберт И. К. 63
Текей Имре 36
Тетмайер К. 356, 358, 365
Тиличеев А. Д. 180, 293
Тимковский Р. Ф. 45, 46
Титмар Мерзебургский 232, 297
Тихонравов Н. С. 274, 329, 365
Ткачев П. Н. 190, 293
Товянский (Товианский) А. 215, 255, 304
Тодоров П. 361, 365
Токарев С. А. 394
Токмаков И. 297
Толстов А. Д. 73
Толстой Д. А. 177
Толстой Л. Н. 318, 373
Толстой Н. И. 7, 161, 174, 175, 394
Толстой Ф. А. 102
Томсон А. И. 273, 370
Тредиаковский В. К. 13, 19, 20, 26, 62, 137, 291
Трембицкий С. 215, 255, 304
Трубер П. 303
Трубецкой С. Н. 182, 293
Трумбич А. 311
Тунман 137
Тургенев А. И. 31, 35, 54, 64, 105, 110, 151, 170, 355
Тургеневы бр. 64, 378
Тыл Й. К. 132
Тютчев Ф. И. 330

Уваров А. С. 201
Уваров С. С. 74, 82, 84, 85, 95, 97, 122, 142, 151
Украинка Леся 357
Улунян А. А. 302
Уманец Ф. М. 300
Уманов-Каплуновский В. В. 358, 360, 361, 379
Умикян А. 379
Ундольский В. М. 54, 61, 110, 166, 170, 369
Урош Стефан 347
Успенский Б. А. 62
Успенский К. А. 107
Успенский Ф. И. 201, 205, 234, 242, 247, 248, 294, 302, 303, 330, 345—347, 376, 386
Устрялов Н. Г. 40
Уткина Л. И. 388
Ушинский К. Д. 80

Файнштейн М. Ш. 64
Фаминцин А. 296
Фармаковский Б. В. 345
Федор Алексеевич 12
Федоров Б. М. 170
Федоров И. 9
Фельдман В. 365
Фемелиди А. М. 358, 378
Феодосий 27
Феодосий Печерский 156
Феодосий Тырновский 200
Фидлер М. Р. 161
Филевич И. П. 351, 377
Филин Ф. П. 394
Филиппов Т. И. 100, 144
Фиоль Швайпольт 40
Флоринский Т. Д. 201, 205, 208—212, 245, 248, 276, 279, 280, 295, 301, 302, 306, 335, 340, 355, 368, 375, 378, 394
Флоровский А. В. 63
Форстен Г. В. 242, 300
Фортинский Ф. Я. 232, 297
Фортунатов Ф. Ф. 272—275, 284, 329, 368, 370
Францев В. А. 65, 169, 173, 174, 243, 299, 300, 301, 318, 319, 333—335, 353, 355, 357, 367, 374, 375, 378, 387, 390, 394
Фридрих II 299
Фруменков Г. Г. 394

Халанский М. Г. 368
Ханыков А. В. 73
Харлампиев К. 295, 296, 394
Хвольсон Д. 229, 296
Хельчицкий Петр 238, 298, 332
Хилков А. Я. 14
Хитрова Н. И. 302, 394
Хмельницкий Б. 36, 71
Хоецкий Э. 73

Хомяков А. С. 7, 75, 76, 113, 144, 149, 168, 174, 183, 287, 320—323, 330, 374
Хорев В. А. 379
Храбр (Черноризец) 110, 252
Храневич К. И. 351, 356, 377
Храповицкий А. В. 350, 376
Христов К. 361
Хуньяди Я. 142

Цанкар И. 360
Цанковы 265, 266
Царский И. Н. 102, 104
Цветаев Д. 350, 376
Цебрикова М. К. 357
Цейнова 162
Цейтлин Р. М. 394
Цешковский А. 73
Цимбаев Н. И. 292
Цыбенко Е..З. 379

Чампи С. 35
Чапек К. 358
Чарноцкий А. 50, 51, 388
Чарторыйский А. 50, 350, 376
Чеботарев Х. А. 30, 31, 45, 46, 51, 63, 100, 289
Челаковский Ф. Л. 43, 85, 88, 152, 239, 289, 359, 367
Черепанов Н. Е. 45
Черкасский В. А. 76, 178, 300
Чернобаев В. Г. 394
Чернов В. М. 374
Чернышевский Н. Г. 7, 68, 73, 79, 80, 93, 101, 113, 126, 138, 158, 168, 172, 174, 186, 203, 262, 286, 288, 387, 388, 393
Чертков А. Д. 35, 106, 149, 174
Чех С. 256, 358
Чижов Ф. В. 7, 90, 132, 172, 178
Чипико И. 360
Чистович И. А. 300
Чичерин Б. Н. 78
Чуйкович П. 37
Чулков М. Д. 29, 47
Чуркина И. В. 394

Шангин М. 394
Шарадзенидзе Т. С. 394
Шарапов С. Ф. 315, 316, 373
Шафарик П. Й. 24, 43, 44, 49, 56, 83, 85—94, 97—100, 106, 111, 112, 119, 120, 129, 130, 146, 149, 152, 155, 158, 160—162, 164, 169, 170, 174, 219, 239, 263, 271, 277, 289, 296, 299, 330, 334, 389, 390
Шахматов А. А. 269, 275, 276, 283, 305, 333, 339, 344, 368, 369, 372, 374, 388—390, 394
Шевченко Т. Г. 73, 365
Шевырев С. П. 76, 97, 100, 106, 170
Шеллинг Ф. 67, 75
Шеноа А. 253, 303, 361
Шепелевич Л. Ю. 357
Шиллер Ф. 365
Шильдер Н. К. 350, 376
Шимко И. И. 394
Ширинский-Шихматов П. А. 89
Широкова А. Г. 387
Шишков А. С. 34, 41—44, 49, 57, 63, 64, 82, 100, 116, 129, 261, 288—290, 306, 389
Шишманов И. 268
Шишмановичи 254
Шлейхер А. 218, 260, 261, 272, 277, 280, 282
Шлецер А. Л. 26, 31, 45, 48, 63, 100, 137, 146, 291
Шлецер Х. А. 46
Шмид Ф. А. 26
Шмидт Ф. И. 345
Шор В. 379
Шофман А. С. 394
Штейн С. 358, 360
Штепанек Я. 132
Штитный Фома 238, 298
Штур Л. 146, 155, 161, 240, 299, 359, 390

Щепкин В. Н. 267, 273—275, 327, 368, 370
Щерба Л. В. 275, 372, 385
Щербатов А. П. 241, 291, 300
Щербатов М. М. 25

Эверс И. Ф. Г. 47, 49, 50, 52
Эдельсон Е. Н. 100
Экк А. 299
Эльсберг Я. 293

Эмин Ф. А. 26, 29
Энгельс Ф. 79, 173, 194, 294
Эрбен Х. К. 62
Эрбен Я. 239

Южаков С. Н. 176
Юнгман Й. 44, 55, 82, 88, 99, 129, 146, 152, 169, 239, 289
Юнóша К. 356
Юркевич М. В. 378
Юрченкова Л. В. 296

Яворов П. 361
Ягеллоны 376
Ягич И. В. 6, 32, 61—64, 86, 89, 156, 169, 174, 223, 238, 252, 282, 283, 290, 305, 306, 340, 343, 355, 375, 385, 390, 394
Якобсон Р. О. 394
Яковенко И. П. 135, 138, 172
Яковенко П. А. 354, 391
Якоубек (из Стржибра) 237, 298
Якшич Д. 360
Ян (из Рокицан, Иоанн Рокицанский) 238, 298
Янжул И. И. 242, 300
Янкович де Мириево Ф. И. 33
Янчук Н. А. 243, 301
Яроцкий В. Я. 85
Ясинский А. Н. 217, 234, 295, 332, 341, 352, 377, 388
Ястребов Н. В. 205, 331, 332, 340, 351, 374, 377
Яцимирский А. И. 282, 314, 354, 356, 357, 360, 362, 363, 367, 378, 391
Ящуржинский Х. П. 214, 237, 298

Bazylow L. 168
Białokozowiez B. 373
Bittner K. 62
Bortnowski W. 375
Bräker H. G. 63

Hopf K. 295, 390

Kohl I. 62

Lauch A. 63

Stellatus Marcellus Palinginius 378
Syllaba Th. 375

Vávra I. 62

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (В. А. Дьяков, А. С. Мыльников) 3

Глава I. СТАНОВЛЕНИЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

1. Истоки научного подхода к славянской теме (*А. С. Мыльников*) 9
2. Зарождение академической славистики (*А. С. Мыльников*) 17
3. Рост общественного и научного интереса к зарубежным славянам в конце XVIII — начале XIX в. (*А. С. Мыльников*) 28
4. Центры славянских изучений в первой трети XIX в. и их деятельность (*А. С. Мыльников*) 39
5. Начало изучения языков западных и южных славян (*С. Б. Бернштейн, В. П. Гудков, С. В. Смирнов*) 54

Глава II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ 30—50-х годов XIX в.

1. Общественно-идейная обстановка предреформенного периода и ее воздействие на славяноведение (*В. А. Дьяков*) 66
2. Оформление славяноведения как научной и учебной дисциплины (*А. С. Мыльников*) 81
3. Развитие источниковедения и других специальных дисциплин (*А. С. Мыльников*) 101
4. Разработка вопросов этнографии, фольклора, литературы и искусства (*А. С. Мыльников*) 111
5. Изучение социально-политической истории и археологии южных и западных славян (*А. С. Мыльников*) 135
6. Изучение и преподавание южнославянских и западнославянских языков (*С. Б. Бернштейн, В. П. Гудков, С. В. Смирнов*) 155

Глава III. РАЗВИТИЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ С НАЧАЛА 60-х годов ДО КОНЦА XIX в.

1. Общественно-политические факторы, влиявшие на славистические исследования (*В. А. Дьяков*) 176
2. Преподавание славистических дисциплин в университетах. Подготовка кадров (*Л. П. Лаптева*) 195
3. Изучение истории славян (*Л. П. Лаптева*) 225
4. Исследования в области литературы и этнографии (*Л. П. Лаптева*) 249
5. Результаты научных исследований и подготовка кадров в области славянского языкознания (*С. Б. Бернштейн, В. П. Гудков, С. В. Смирнов*) 259
6. Возникновение истории славистики как самостоятельного направления исследования (*А. С. Мыльников*) 284

Глава IV. РУССКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В ПРЕДОКТЯБРЬСКОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ

1. Историческая обстановка и идейно-политические условия развития славистики (*В. А. Дьяков*) 307
2. Славяноведение в университетах (*Л. П. Лаптева*) . . . 326
3. Организация славистических исследований в рамках Отделения русского языка и словесности Академии наук (*Л. П. Лаптева*) 329
4. Славистические исследования в Русском археологическом институте в Константинополе (*Л. П. Лаптева*) 345
5. Исследования по истории и этнографии славянских народов (*Л. П. Лаптева*) 349
6. Изучение литератур и фольклора (*И. К. Горский*) . . . 355
7. Славянское языкознание (*С. Б. Бернштейн, В. П. Гудков, С. В. Смирнов*) 368

ЗАКЛЮЧЕНИЕ (*В. А. Дьяков, А. С. Мыльников*) . . . 380

Перечень литературы по истории славяноведения в дореволюционной России (*Е. П. Аксенова*) 385

Список архивов 395

Сокращенные названия журналов и других изданий 396

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ (*Е. П. Аксенова*) . . . 398

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

ИЗУЧЕНИЕ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР

Редактор издательства Е. И. Михайлова
Художник А. Д. Ильиш
Художественный редактор В. С. Филатович
Технический редактор А. М. Сатарова
Корректоры Г. Ю. Копьева, Е. В. Шевченко

ИБ № 35797

Сдано в набор 04.08.87.
Подписано к печати 14.12.87.
А-04834. Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная № 1
Гарнитура литературная
Печать офсетная
Фотонабор
Усл. печ. л. 26. Усл. кр. отт. 26. Уч.-изд. л. 32,6.
Тираж 1650 экз. Тип. зак. 1786.
Цена 4 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

4 р. 20 к.

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В РОССИИ